Россия в мемуарах

Л.В. Шапорина

ДНЕВНИК

Новое
Литературное
Обозрение

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14
Ш 24

Вступительная статья
В.Н. Сажина,
подготовка текста и комментарии
В.Ф. Петровой и *В.Н. Сажина*

Серия выходит под редакцией
А.И. Рейтблата

Шапорина Л.В.
Ш 84 **Дневник** / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. В.Н. Сажина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2. — 640 с.: ил.

Любовь Васильевна Шапорина (1879—1967) — создательница первого в советской России театра марионеток, художница, переводчица. Впервые публикуемый ее дневник — явление уникальное среди отечественных дневников XX века. Он велся с 1920-х по 1960-е годы и не имеет себе равных как по продолжительности и тематическому охвату (политика, экономика, религия, быт города и деревни, блокада Ленинграда, политические репрессии, деятельность НКВД, литературная жизнь, музыка, живопись, театр и т.д.), так и по остроте критического отношения к советской власти. В книге нашло отражение близкое знакомство Шапориной с А.А. Ахматовой, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Н.С. Тихоновым, А.Н. Толстым, Д.Д. Шостаковичем, М.В. Юдиной и многими другими известными современниками.

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14

ISBN 978-5-86793-893-2 (Т. 2)
ISBN 978-5-86793-894-9

Россия в мемуарах

ДНЕВНИК
1946—1967

1946

1 января. Встречали Новый год — Евгения Павловна, девочки и я. «Это самая счастливая встреча Нового года в моей жизни», — сказала Евгения Павловна. Девочки сияли, была счастлива и я, глядя на их счастье. А счастье, конечно, огромное. Уцелеть всем в этой восьмилетней катастрофе, найти девочек здоровыми, чистыми, как горный хрусталь, хорошенькими, хорошими. И самой не опуститься, сохранить бодрость духа. Как тут не быть счастливой.

Мы соорудили встречу: я получила как-то прескверную водку «Красный дубняк», мы налили пол-литра сиропа, черничного сиропа, и получилось что-то вроде наливки. Из тех крох, что у меня были, Е.П. соорудила очень вкусный ужин, были сыты и счастливы. Кроме тостов с пожеланием друг другу счастья, возможности Е.П. жить в Ленинграде мы выпили за Россию, чтоб ей стало полегче, несчастной.

Е.П. съездила в Лугу, ни жить, ни работать негде, направили ее в Толмачево в лесосовхоз. Вернулась сюда, отправилась с детьми в главное управление милиции — отказ прописать здесь. В областном управлении милиции сказали, что она может искать работы и ближе, чем Луга, и затем хлопотать о разрешении там проживать. Я не могу об этом ни думать, ни писать.

5 января. Евгения Павловна на днях уехала и сегодня утром вернулась. В лесопромхозе работа, говорят, кошмарная, норму не выработать. Туда направляют и освобожденных, как Е.П., и демобилизованных, наших защитников. Что делать, где хлопотать, к кому обращаться? У меня никаких высоких связей нет.

Судили немцев, по-видимому, первых попавшихся, «стрелочников». Ольга Андреевна была на одном заседании суда, рассказывает, что одиннадцать мальчишек, простых солдат, с дегенеративными лицами. И ходят слухи, что их уже повесили где-то на Выборгской стороне, на площади, всенародно, и они будто висят три дня[1]. Это говорили шедшие за Галей девочки из ремесленного училища, говорили и хохотали.

Это великая победившая страна!

Я à bout de forces[2]. Сил больше нет работать. Нет энергии, подъема.

17 января. Евгения Павловна, уехавшая в Лугу 10-го, вчера вернулась. В Луге ее не прописывают, работы не дают, направили в Толмачево. Есть место кастелянши в детском доме. Посмотрели паспорт, — нельзя. Единственное, куда могли взять, на речной транспорт, лесопильню, таскать бревна. При болезни почек. Волчий паспорт. Она измучена, лица на ней нет. Ни денег, ни карточки. Ютилась эти дни кое-где, не спала, почти ничего не ела.

У меня за эти три недели было на руках 3069 рублей. Отдала 1500 долга. Остальное прожили, осталось 70 рублей. Как будем дальше, не знаю.

В начале января я позвонила Наталье Васильевне, поздравила. Мы с ней совсем перестали видеться. Из того, что она мне рассказала, мне вполне стало понятно, почему она так замкнулась в себе.

Ее жизнь невыносима. Митя груб, как последний пьяный мужик. (Я хотела сказать — хам, и усовестилась, вспомнив деликатность Хама.) Он бил ее, по лицу, по рукам, он бьет Надю, избил старуху Ольгу Романовну. Наталья Васильевна ходила вся в синяках и наконец рассказала об этом Никите. Тот пришел в ярость и избил Митю «по морде» так, что тот испугался. Теперь больше не дает воли рукам, но изливает свою грубость словесно. А Наталья Васильевна нянчит внучку, т.к. девочка совсем беспризорна. Надя прошла на конкурсе исполнителей все туры, получила в Москве 8000 премии, занята в консерватории и Мариинском театре, ей не до ребенка. Я думаю, что она скоро Митю бросит.

Наталья Васильевна говорит, что Митя производит на нее впечатление ненормального человека. Как-то при мне прошлой зимой он вышел и говорит Н.В.: «Я у тебя взял лампочку». — «А с чем же я останусь, мне же необходима лампочка у постели, я вечером пишу». — «Меня это не касается, мне надо». Мы вошли в его комнату. У него уже горели три лампочки.

17 января. Получила письмо от Лели с описанием смерти и болезни Алексея Валерьяновича. Это совершенно ужасно. Хочется кричать. Человек проработал все годы революции, работал добросовестно, я видела это в Глухове. И чтобы его, одинокого, разбитого параличом человека, приняли в больницу, надо было его *подбросить*, оставить одного. И каков же был уход, что весь он был в пролежнях.

Вот она, Сталинская конституция: право на труд, на отдых — ложь. Господи, когда же начнется возмездие? У нас есть только право на рабство.

Я не могу, я готова скрежетать зубами от бессильной злобы, бессильного возмущения.

18 января.

Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надобно просить.

Да, бедный Алексей Валерьянович, мне кажется, очень легко воспринимал жизнь. И такая мучительная смерть.

31 января. Я часто хожу из училища пешком. С Михайловской площади иду по Садовой, мимо Инженерного замка, и по Пантелеймоновской для того, чтобы полюбоваться на замок, площадь, Летний сад. Деревья в инее на фоне замка так легки. Это, пожалуй, сейчас единственное, что доставляет мне радость. И утренняя молитва. А все остальное время я чувствую себя усталой, старой клячей, запряженной в непосильную ношу.

Я очень хорошо понимаю, что скверно так думать, надо Бога благодарить, что есть работа и что я могу справляться с такими большими расходами. И немножко в душе обидно, что я трачу такие большие деньги и не могу помочь Васе, которому сейчас так трудно, когда на его руках и бабушка.

Наталья Васильевна талантливая женщина, с могущими быть благими порывами, но она не Человек с большой буквы. Старчаковы с Толстыми были гораздо ближе, чем со мной. Стряслось горе. И А.Н. и Н.В. отвернулись от них совсем и сразу. Вернулась Евгения Павловна, я сказала об этом по телефону Наталье Васильевне, и ничего. Ни сама не пришла, не позвала, не проявила никакого интереса. С приезда девочек она ни разу у меня не была.

У Евгении Павловны до ареста было очень много книг А.Н. с автографами, они были положены отдельно. После ареста А.О. все эти книги *пропали*. Как это произошло, она не заметила, шкафа она не закрывала. Когда она хватилась, ни одной книги с надписью Алексея Николаевича Старчакову не оказалось. У них была молоденькая домработница Валя. На вопрос Евгении Павловны она ответила, что не видела их. Е.П. целые дни была на работе — очевидно, Толстые (тогда была уже Людмила) заплатили этой Вале за уничтожение или похищение книг.

Где же гражданское мужество нашей интеллигенции?

8 февраля. Лекторий горкома ВКП(б) организует цикл лекций «Воспитание детей».

1. Воспитание в школе и семье — важнейшая государственная задача.

2. Авторитет родителей у ребенка.

3. Семейные отношения и их влияние на воспитание детей.

4. Воспитание характера ребенка в семье.

5. Вежливость и хорошие манеры как необходимые качества советского школьника.

6. Физическое воспитание детей в семье.

7. Поощрения и наказания детей в семейном воспитании.

Лекции читают: доктор педагогических наук Ананьин, кандидат педагогических наук Раскин, Додон, Люблинская, Невский!!! Стоимость абонемента 20 рублей.

Когда же мы увидим всех, кто этого заслуживает, на скамье подсудимых?

Читая Нюрнбергский процесс[3], я так живо себе представляю тот будущий процесс, причем предъявленные обвинения будут приблизительно те же. Но истязуемые — свой народ, родной.

Сейчас невероятная шумиха с выборами. Причем глупо и позорно до последней степени. При чем тут *выборы*, когда выбирать-то не приходится? В нашем районе даны нам Тихонов Н.С. и в Совет национальностей Калинин. Черняк, приятельница Рашевской, рассказала, что на прошлых выборах Корчагина получила 40% голосов, на листках писались всевозможные ругательства. Будь хоть 2% — это не играет роли. Выдвинутые личности все равно пройдут в Верховный Совет.

Везде и повсюду тот же camouflage[4].

А сейчас больше, чем когда-либо, т.к. настроение народа известно. Ко мне недавно зашли два юноши, военные курсанты школы НКВД, агитаторы. Но вид моих книг, вероятно, произвел впечатление, и они мне на слово поверили, что я все, что касается выборов, очень хорошо знаю.

Есенин мог сказать:

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне»[5].

А я тихо прошла мимо жизни, я только смотрела на нее, как сквозь решетку парка. Помню решетку Люксембургского сада[6] вечером, когда вдали за деревьями горят огоньки окон. Всегда закрытые сады производили на меня мистическое впечатление. Где-то там далеко за решеткой какая-то таинственная, неведомая жизнь, к которой я побоялась прикоснуться. Не смогла. Не тот темперамент. И кончаю ее в тюрьме. Как я молюсь каждое утро! Не могу больше видеть этой безобразной жизни замученного народа.

9 февраля. За последние дни из почтового ящика мы вынули уже три записки следующего содержания: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь. Молитесь и верьте. Напишите 9 записок, пусть весь мир читает и молится. Бог пошлет вам счастье, кто не верит, того постигнет горе»[7].

Очевидно, не я одна молюсь о спасении страны нашей.

Ольга Андреевна сегодня даже ночевать дома не будет, должна оставаться в своем учреждении, т.к. назначена работать в избирательном пункте. Кабинки для избирателей завешиваются материей. Художественный цех расписал эти тряпки узорами. Пришел председатель райсовета и забраковал: «Что это за деревня!» Хотели немедленно взять 4000, купить новый однотонный материал. О.А., как главный бухгалтер, воспротивилась и рекомендовала обменять с кем-нибудь. Так и сделали. Начальник совсем потерял голову от волнения. Все верхи ходят по квартирам (это Лиговка!) агитировать и безумно боятся бойкота выборов. Начальник О.А. сказал: «Вы понимаете, что это пахнет бедой, голову снимут и мне, и многим другим». Трясутся за свой партбилет.

А у меня живет Евгения Павловна, нигде не прописанная «преступница». Если это узнают, мне, может быть, придется пропутешествовать туда, откуда она приехала! К Макару et ses veaux.

Была как-то на днях у Анны Петровны, смотрела ее альбомы, с самых ее первых шагов по гравюре. Как это хорошо, многое просто виртуозно. А акварели! И вот скучнейший Пахомов получает Сталинскую премию 50 000, а об Анне Петровне забыли и думать.

Получил премию и Юрий. Приехавший из Москвы Никита Толстой передал мне, что мои просят меня написать Юрию Александровичу, загодя напомнить, чтобы он помог Васе в отношении жилья. Я напишу, но как противно писать человеку, который не понимает своих обязанностей.

23 февраля. Был вечером салют[8]. Тяжело до сих пор слушать раскаты выстрелов. Верно уж, на всю жизнь (на остаток жизни) останется это тошнотное чувство.

16-го были именины Анны Петровны. Весь день была метель, вьюга, снег, трамваи стали. Я с утра еще купила две цикламены в Таврическом садоводстве и решила, невзирая ни на что, пойти — мне близко. Я была уверена, что буду одна. И что же: Тамара Александровна пришла пешком с Карповки[9], Белкины со Ждановки, племянницы от Московского вокзала! Вот что значит обаяние.

На днях утром ко мне пришла Татьяна Андреевна Шлабович, знаю ее по Детскому Селу, она жила в одном доме со Старчаковыми. Она оставалась в Детском при немцах, ее с дочкой выселили в Гатчино, они ушли в Дедовичи, и затем немцы выслали в Эстонию, Германию, она попала в Лотарингию[10], тут их взяли американцы, и она оказалась машинисткой в Ангулеме[11]!

Там был советский пункт регистрации. Франция была наводнена русскими партизанами из власовцев![12] Советские подданные, воевавшие в немецких рядах, при приближении союзников бежали от немцев, присоединялись к французским партизанам и проявляли сказочную отчаянную храбрость. Они одни со своими офицерами завоевывали города. Например, Лимож[13] был взят исключительно русскими, по этому поводу была даже выбита медаль. Но и хулиганили они вовсю. Разбивали бочки с вином, перепивались, били витрины, но французы смотрели на это сквозь пальцы. По ее словам, без русских и американцев Франция никогда бы не справилась с немцами. Ее непосредственным начальником был полковник Неймарк, инженер, очень культурный человек, тоже будто бы из власовцев. И в один прекрасный день его и еще нескольких посадили на самолет и повезли в СССР. О дальнейшей его судьбе она ничего не знает.

Т.А. Колпакова видела в Москве своего двоюродного брата, сына Ани Радецкой. Еще в 41-м году матери сообщили, что он убит. Она превратилась в старуху, я видела ее прошлым летом. И вот в октябре 45-го года он вернулся. Был четыре раза ранен, взят в плен и попал в австрийский госпиталь, где врач был женат на русской. Отношение к нему было прекрасное. Но зато здесь ко всем возвращающимся относятся, как к изменникам, даже раненым. Т.А. звала его в Ленинград, чтобы полечиться. На это он ей сказал: «Тамарёна, держись подальше от репатриируемых!»

Дорогое отечество.

Какая неуверенность в собственном моральном престиже или, вернее, какая уверенность в общем недовольстве, в том, что наша «счастливейшая» страна не выдерживает сравнения с другими по уровню жизни.

Какая близорукость — накапливать такие потенциальные ненависти.

Евгения Павловна уехала за Тихвин, в Пикалево[14], на место машинистки-секретаря; в городском бюро распределения кадров ей сказали: «Паспорт у вас совершенно чистый, тут даже не указан 101-й километр». А вместе с тем, ни в Луге, ни в Толмачеве ее не принимали ни на какую работу, кроме лесозаготовок.

24 февраля. Сегодня пришла Мария Федоровна ночевать. Я ей рассказывала о том, как я поражена тем, что Наталья Васильевна, Богдановы-Березовские никак не откликнулись на приезд Евгении Павловны, с которой так дружили. «Il ne faut pas s'étonner, tout le monde est comme cela; c'est vous qui êtes brave, vous qui êtes extraordinaire»[15], — ответила она!

28 февраля. Была вчера у Анны Петровны, засиделась, много болтали, она много рассказывала, и я, как всегда, ушла от нее в таком легком настроении, каком-то праздничном. В мае ей минет 75 лет. Она предупредила Корнилова, что согласна на празднование юбилея только в том случае, если он будет сделан по всем правилам, с представителями от правительства, Управления по делам искусств и т.д. Но она уверена, что этого не сделают, т.к. ей не доверяют, ее считают недостаточно советской. За ней следят. В тот день, когда из Москвы приехал к ней Синицын, пришла одна знакомая, которая не бывала уже целый год. Она сидела долго, пила портвейн и молчала. Вечером после ее ухода Синицын спросил А.П., хорошо ли она знает эту даму, — «это осведомительница». А.П. была представлена к Сталинской премии; именно тогда-то и пришла к ней Волкова [А.Ф.] и произошел тот неудачный разговор о евреях, о котором я уже писала. О премии нечего было и думать. Когда год или два тому назад был вечер памяти Репина[16], А.П. там читала свои воспоминания. К ней присоседилась Анна Ивановна и от нее не отходила. Кто-то сказал Анне Петровне: «Почему вы все время ходите с осведомительницей?!» Сколько их, куда их гонит!..

Когда в 40-м году была выставка Анны Петровны, то все было сделано, чтобы у ней не было резонанса. Объявления появились через две недели после открытия выставки, хотели очень быстро ее закрыть, отстоял директор Русского музея Цыганов[17].

Они чувствуют совсем иную, более высокую культуру, человека не их поля ягоду.

«Les on dit, — тоже Мария Федоровна, шепотом, — on dit que les américains ont acheté Leningrad». — «Mais oui, ils ont acheté Leningrad, tout le commerce sera dans leurs mains»[18].

15 марта. Стою на трамвайной остановке. Подходит трамвай. Берут на абордаж со всех сторон. С передней площадки с трудом выскакивают, вернее «выдираются», люди. Сталкивают мальчика лет 9. Он плачет, его толкнули в лицо локтем. Мать: «Ну, не плачь, ведь это же трамвай!» В трамваях и на стенах развешаны плакаты для предупреждения гриппа: «*При чихании и кашле закрывайте рот платком*»!

29 марта. Я так устаю, что уже ничего не записываю. Сил не хватает. После 6 часов уроков у необузданных ремесленников прихожу, сажусь за перевод. Два дня готовлюсь к уроку по русскому искусству, которого сама не знаю. Еженедельно репетиции. Наконец свалилась, простудилась и очень рада. Зато вчера, чувствуя себя прескверно, весь день просидела за переводом. Хочу сегодня и завтра кончить его. А потом придется приниматься за перевод писем Петрова-Водкина и готовить новую постановку. Разве это под силу человеку?

Каждое утро, как бы я ни торопилась, я уделяю 15—20 минут молитве, и это меня поддерживает. Читаю Евангелие и молюсь. Прочла также пророка Исаию[19] — поразительно по красоте и силе образов. Я нашла путь к Богу, вернее, нахожу, и теперь мне непонятно даже, как могла создаться богословская религия на фальсификации Евангелия. Нигде ни единым словом Христос не приравнивает себя к Богу. Он — сын человеческий, верующий в Бога Духа. А что с ним сделал низменный человек! Я молюсь о том, чтобы Бог вывел Россию из рабства. Об этом молюсь постоянно. И о том, чтобы у меня хватило сил вытянуть эту трудную ношу, что я взвалила себе на плечи, чтобы у меня была возможность помогать многим и чтобы мне увидать братьев и увидать хоть начало рассвета России. Хоть бы забрезжил этот рассвет. Сессия Верховного Совета — ни одного живого слова. Это чудовищно.

2 апреля. Читала сейчас русскую историю Платонова[20]. Ирония судьбы. Коммунистическое правительство, отрицавшее некогда все традиции, вплоть до самого «государства», завершило все (или почти все) исторические мечтания русского народа, присоединив княжество Даниила Галицкого[21] и все остальное, обезопасило западные и восточные границы. Немудрено, что англичане из себя выходят. За это история им многое простит. [Не англичанам, а Советам.]

Дней десять тому назад приезжал Юрий, как член Сталинской комиссии, смотреть спектакли, представленные на Сталинскую премию. Носился как угорелый по спектаклям и совещаниям. Говорит, что нету времени работать, хочет уехать из Москвы. Хорошо бы жить в Ленинграде, но он очень опровинциалился. «Даже на такой светлой голове, как Щербачев, и то это отразилось».

Обещал всячески помочь Васе. Увидим.

14 апреля. Приехала Наташа с Соней, Петей и бабушкой. 17-го приехала Евгения Павловна, правда, она уезжает 28-го. Всех надо поить и кормить. Трудно, но радует, что можешь дать приют бездомным и бесприютным.

26 апреля. Увидели. Юрий дал Васе 3000 и устроил им, т.е. Наташе, детям и бабушке, билеты на «Стрелу» в международном вагоне, за которые они сами же должны были заплатить из этих же денег. Я писала и просила, чтобы он дал письмо к секретарю горкома Вербицкому, который, по его словам, обещал ему всякое содействие. Конечно, не написал, ссылаясь на то, что не помнит имени и отчества. Я позвонила ему по телефону, и разговор этот мне дали только в пасхальную ночь. Я ходила с Марой к заутрене, а разговор этот только испортил мне настроение. Я сказала ему имя и отчество этого человека и просила ему написать, чтобы он оказал содействие для вызова Кати из деревни. А затем спросила, сделал ли он что-нибудь, чтобы достать Васе комнату. На это он раскудахтался, что, дескать, «он не может прыгнуть выше своих ушей, не желает, чтобы Наташа командовала, не может же он ходить и просить» и т.д. Я уж не сказала: дай сыну 20 000 на комнату.

Какое унижение! Чтоб взять няню, чтоб выписать ее из деревни, надо обращаться чуть что не к градоначальнику, а если мы опоздаем с вызовом, ее, беднягу, пошлют на сплав дров. Самая свободная страна!

Вчера была в университете на чествовании 35-летней деятельности А.А. Смирнова, Шурочки, как мы его прежде звали. Юбилей прошел очень сердечно и тепло. Вел заседание декан филологического факультета Алексеев, с умным и остроумным лицом. Говорили Жирмунский, И.И. Толстой и многие другие, были приветствия от министра и разных делегаций, письмо от больного В.Ф. Шишмарева, было много студентов, которые яростно аплодировали. Елена Ивановна рассказывала, что, когда в прошлом году в университете температура была ниже нуля, студенты ей говорили: «На лекциях Александра Александровича мы забываем о холоде». Студенты поднесли цветы и огромную корзину с яблоками и бутылкой шампанского.

Я сегодня утром вспоминала Смирнова 35 лет тому назад. Я с ним познакомилась в Париже, в 1908 или <190>7-м — 38 <лет> тому назад. Я стала думать о том, каковы эти годы были для меня, что я сделала, и не могу я сказать, чтоб я была рабом ленивым и лукавым, а вот ничего не сделала. Сил не хватало бороться. А тогда, 35 лет тому назад, мы ждали, что Александр Александрович будет вторым Веселовским. Ему, конечно, очень помешала революция.

27 апреля. В пасхальное воскресенье ко мне зашла Ирина Владимировна Головкина, внучка Н.А. Римского-Корсакова, с которой мы познакомились, когда я работала в глазной лечебнице. Тогда, в начале 42-го года, высла-

ли ее сестру Людмилу Троицкую, которая умерла по дороге, не доехав до Иркутска. Ирина Владимировна рассказала мне теперь причину ареста сестры: у Людмилы Владимировны была подруга, полька. Она была замужем, очень любила мужа; у нее был поклонник. Этот молодой человек был на учете в психиатрической больнице, у него была мания величия. «Ницше, Гитлер и я», — говорил он, и очевидно, многое другое. Его арестовали, нашли письма подруги, арестовали ее, мужа и Людмилу. На допросе Л.В. ставили в вину: какое право имела она не сообщить в НКВД о таких злоумышленниках? Она отвечала, что подруга ее была вполне лояльная советская гражданка, а на слова явно ненормального человека она не обращала внимания. Ее выслали, подругу и ее мужа расстреляли, а молодого человека посадили в психиатрическую больницу. Теперь его отпустили. Он свободен.

Вот как ловили пятую колонну[22].

Я ежедневно просыпаюсь в 6 утра и мучительно думаю, как я выкарабкаюсь. Долг надо мной все растет и растет, я все жду, когда он меня раздавит, и в то же время надеюсь с Божьей помощью осилить все трудности.

1 мая. «Кому вольготно, весело живется на Руси?»[23]. Эти слова пришли мне в голову, когда сегодня утром я подошла к окну. Перед домом нашим vis-à-vis — четыре машины. Из ворот выпорхнула очень элегантно одетая дама в сером модном пальто и погрузилась в машину, куда вслед за ней сел человек в штатском. Из ворот смотрел милиционер.

Этот дом чинили осенью немцы, работая день и ночь. Затем появились тюлевые занавеси на окнах, в окнах зажглись люстры, розовые абажуры. Но я еще ни разу в этих комнатах не видела живой души. В воротах никакого va et vien[24], только иногда выглядывает милиционер. Подъезжают машины. Говорят, что это дом энкавэдэшников.

Вчера, после спектакля на 5-й роте[25], я зашла на рекламируемую ярмарку. Масса фанерных, хорошо размалеванных ларьков, ярких, красочных и пока еще свежих. И среди них бродит нищая толпа, грязная, серая, оборванная, в стоптанной обуви. Цены: ситцевое платье 500—600 рублей. Детское, года на 3, ситцевое — 200 рублей. Самая дешевая фаянсовая кружка, небольшая — 35 рублей. Крупы от 55 до 75 рублей за 1 кг. Сахар 170 рублей, песок 120 кг! Мной овладела невероятная злоба и презрение. Quelquefois mépriser est un supplice pour moi (Stendhal)[26]. Как я его понимаю. Человек не свинья, все съест, все проглотит, стерпит худшие оскорбления. И в который раз подпишется на заем, лишающий его, при его нищете, месячного заработка.

Я скоро ушла, не посмотрев аттракционы, очень уж остро я испытывала этот supplice стендалевский.

20 мая. 18-го был 75-летний юбилей Анны Петровны[27]. Народу была толпа, толпа, настроенная ласково и тепло. Много приветствий, адресов. Хорошо говорил Лозинский. Я не помню точно его слов, но приблизительно было сказано следующее: «Вы поставили на большую высоту три рода искусств, и мы равно восхищаемся всеми тремя. Искусство живописи и гравюры, искусство слова, искусство жизни». Очень смешно, но трогательно прочел свои стихи один из представителей резиновой промышленности, читал с пафосом, почти танцуя.

Когда я подошла к А.П., она шёпотом меня спросила: «Вы довольны? Я довольна».

На другой день по телефону она мне сказала: «Я думала, что умру после юбилея. Перед отъездом в музей я помолилась, прося Бога вразумить меня, и была совершенно спокойна, когда приехала, и теперь чувствую себя прекрасно». Ее встретил Лебедев и говорит: «Приехало много генералов, не знаю, что с ними делать». Это был генералитет Медицинской академии: Орбели, Герголав, Хлопин и другие.

Корнилов организовал торжество блестяще. А.П. ответила на приветствие очень скромно, просто, честно, как все, что она делает.

Я вышла из музея с Натальей Васильевной и Лозинскими, тут же оказался Брянцев. Белая ночь, зеленоватое небо сквозь зеленеющий пух деревьев. Пошли вместе. По какому-то поводу Брянцев стал жаловаться: «Зачем нас отослали в 41-м году из Ленинграда? Оставили же Музкомедию. Их бы выслали, а нас оставили». На это я ему вразумительно ответила: «В городе фронта нужен был бардак, а чем вы могли этому соответствовать?»

Брянцеву это очень понравилось, пришлось со мной согласиться. Он взял меня под руку, и мы пошли пешком мимо замка, Летнего сада. Рассказав свои похождения в Алжире, когда он был юнкером флота, он перешел к описанию отъезда, вернее отлета в декабре 41-го года[28], мытарств по дороге, организацию театра в Березняках, за что он к своему 60-летнему юбилею получил от Загурского выговор в приказе. Поехал в Москву. Вызвали Загурского и велели приказ отменить. На вопрос Загурского, почему он не посоветовался с ним, Брянцев ответил: «Я мог только посоветоваться с четырьмя лицами: народным деятелем искусств А.А. Брянцевым, членом Ленсовета А.А. Брянцевым, членом президиума Рабиса А.А. Брянцевым и художественным руководителем театра А.А. Брянцевым». Лиса.

5 июня. Нормы выдачи иждивенцам через год после окончания войны на месяц: крупы — 1 кг, мяса или рыбы 500 гр., жиров 200 гр., сахара или конфет 400 гр.

On ne mérite l'indépendance que lorsqu'on sait la conquérir. Bentham[29].

Пишу устарелые прописные истины. Но люди, сидящие уже 29 лет в тюрьме, и до этого не доросли.

Вениамин, архиепископ Шеин, проф. Новицкий, проф. Ковшаров, Уокер, Бобрищев-Пушкин и евреи-адвокаты, священники Боярский и В<в>еденский. Суд русский. Якунина, способ Бондарчука?[30]

Rien n'est plus malheureux pour une religion ou pour un système que d'être protégée par le gendarme!!![31]

23 июня. Очень много надо записать, но нет сил. Наташа меня поставила в такие условия, что и сравнить не с чем. Привезла свою бабушку, якобы устроить в инвалидный дом. Но не устраивала, несмотря на мои просьбы, бабушка была ей нужна, чтобы смотреть по ночам, в ее отсутствие, за детьми. Под конец устроила всю бумажную часть и все-таки не перевезла, а когда я после ее отъезда отправилась туда, — нет мест. Есть места в приемном покое. Я пожалела несчастную М.Е., и на свою голову. Теперь вот уже неделю живу рядом с умирающей. Это не под силу мне. Болит весь затылок, горит, как обожженный. При этом малыши, сдача перевода, последние экзамены, годовой отчет в училище и постановка в театре. «Как мне хочется, чтобы меня приласкали», — сказала как-то Мария Евгеньевна. Я ее поцеловала, погладила, стараюсь быть как можно ласковей. Но все-таки почему я? У нее есть внучка, племянницы, а я-то чужой ведь человек. И так всю жизнь.

Я сегодня совсем расстроилась. Взяла утром Евангелие, оно само раскрылось на 15-й главе <Послания> Павла к римлянам: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать», — меня поразил этот ответ на мои мысли. Конечно, я сильная. Приходится делать много, что кажется непосильным и для многих непонятным. Бондарчук меня называет самоубийцей.

Но тяжело.

В больницу старых *не принимают*. Нужен блат. Попросила Юрия выхлопотать разрешение у Машанского, начальника здравотдела. С няней Наташа тоже не закончила канитель. Ее прописали, дали паспорт. Чтобы получить карточки, надо заключить договор. В групкоме договор нельзя заключить *без наряда* из отдела по учету рабочей силы, а наряда не выдают

без договора. А Шура, как 18-летняя, должна идти на насильственные работы по торфу, лесу, сланцу. Она же крепостная.

Or — les tyrans ont toujours raison и т.д. Нет <козы> с орехами...[32]

Рассказы Алеши Б. Варшава.

11 июля. 25 июня я перевезла Марию Евгеньевну в Мариинскую больницу. 26-го пришла к ней с Соней. Не хотели давать пропуска, состояние удовлетворительное, сказали, пропускаем только к тяжелым больным. Я все же добралась до заведующего отделением доктора. Произнесла магическое имя Машанского, который, благодаря просьбе Юрия, велел устроить М.Е. в больницу, и нас пропустили. М.Е. лежала уже с помертвевшим лицом. Она нас узнала, я прочла ей письмо Платонова, она не говорила, не захотела конфет, мы немного посидели, ушли. В ночь на 27-е она умерла. Я нашла карточку, когда ей было 17—18 лет. В бальном платье конца 70-х годов с медальоном на цепочке на шее, обворожительная девушка.

Бедная, бедная — один сын убит в ту войну, другой расстрелян, от нее это скрыли. Маргарита Валерьевна умерла в блокаду, зарыта где-нибудь в общей могиле, теперь Алексей Валерьянович. И одна с холодной эгоисткой Наташей.

Я делала все возможное, чтоб ей было легче, люблю я бездомным людям создавать иллюзию семьи. Создавала это своим детям, затем девочкам Старчаковым.

24 июля. Еще один утопающий. И я его спасла. Спасла, не надеясь на капиталы Карнеджи, которыми он награждал les enfants valeureux[33]. А за это спасение, пожалуй, стоило бы наградить, тем более что утопающий-то не более не менее как Юрий.

Пришел он ко мне и с большим волнением рассказал, что он в ужасном состоянии, что он может быть опозоренным, — одним словом, что его могут судить за двоеженство, так как он, не получив еще моего ответа на его просьбу о разводе, зарегистрировался с Александрой Федоровной, надеясь, что я всю процедуру развода сделаю тут. А я, помню, обиделась (хочешь разводиться — разводись сам) и послала ему официальное разрешение[34]. Когда он его получил, было уже поздно; как разводиться, когда его брак зарегистрирован! Почему же он так торопился, ведь я сразу же проделала все формальности? Оказывается, ему казалось, что он скоро умрет (это было в 1943 году). Я предполагаю, что А.Ф. на него очень наседала, и он зарегистрировался с ней, не подумав о последствиях.

И, как на грех, еще рассказал об этом Васе. А Вася спрашивает: можно ли это рассказать Ашкенази?

«Нет, ты представь себе: рассказать Ашкенази. Ведь это значит рассказать всему свету. Я, как нарочно, только что получил оба знака за лауреатство[35], затем “За оборону Кавказа”, “За доблестный труд”... вся грудь увешана... Добился известного положения, и если узнают об этом факте, меня же предадут суду; хотел пойти посоветоваться к какому-нибудь депутату Верховного Совета, но ведь черт их знает, кто из них работает в НКВД? Прежде я мог бы по-человечески поговорить, а теперь они пешки, трусливые пешки. Хочу к С.Б. Крылову пойти — этот не выдаст. Что сделать, какой выход найти, кошмар». Видно было, что он серьезно расстроен. И правда, по собственной неосторожности попал в нелепое положение.

И вот я придумала выход: мы развелись давно, разводилась я, уехав осенью 1924 года в Дорогобуж, и затем, взяв детей, уехала в Париж. Дорогобуж разрушен, сожжен, так же как и Смоленск, никаких архивов, конечно, не сохранилось. Скрывали это от детей. Свидетель я, враждебная сторона, и умершая теща.

Юрий был потрясен таким изобретением и *даже* на другой день, по телефону, поблагодарил меня.

Я не могу себе объяснить, зачем я это сделала человеку, который причинил мне столько горя. Я должна была бы злорадствовать, и только. Вероятно, потому, что я органически не могу не помочь человеку, когда он в беде.

А потом сама удивляюсь; каюсь редко.

Юрий сейчас очень мил к внучатам, одел их, очень ласков.

30 июля. Норма питания на месяц по детским карточкам:

Крупы	1 кг 200 гр.
Мяса	500 гр.
Масло	400 гр.
Сахар	500 гр.

17 августа. Утром, я была еще не одета, прибегает Анна Ивановна, глаза на лбу. «Я должна вам рассказать, это так страшно, так страшно!»

Вчера вечером состоялось торжественное собрание писателей в Смольном под председательством Жданова. За ним на эстраду вышли Прокофьев, Саянов, Попков, все бледные, расстроенные: в Москве состоялось совещание при участии Сталина, рассматривали деятельность ленинградских писателей, журналов «Звезда» и «Ленинград», «на страницах которых печатались

пошлые рассказы и романы Зощенко и салонно-аристократические стихи А. Ахматовой».

Полились ведра помоев на того и на другого. Писатели выступали один подлее другого, каялись, били себя в грудь, обвиняли во всем Тихонова, оставил-де их без руководства. Постановили исключить из Союза писателей Анну Ахматову и Зощенко. Их, к счастью, в зале не было.

На московском заседании Прокофьев сказал Сталину: «Но ведь не мы одни, в московских журналах также печатают Ахматову». На что Сталин ответил: «Мы и до них доберемся»[36].

Много рассказывала Анна Ивановна, она все записывала. Рядом с ней сидел, по-видимому, чекист. Он все заглядывал на ее писание, и она перешла на армянский. Тогда он ее спросил, на каком это она языке пишет!!

По-видимому, наступил период «торможения» по Павлову, и торможения крепкого. Генералиссимус желает быть верховным главнокомандующим во всех областях.

Говорят, и как будто знающие люди, что Жуков арестован. Сосо[37] перещеголял всех царей. Суворов иногда впадал в немилость, какие пустяки. Жуков, герой войны, взявший Берлин, в тюрьме. Антонов, Новиков, вероятно, за ними последует и Рокоссовский.

А литература давно в тюрьме. Теперь на нее окончательно надели намордник.

Велено больше не писать исторических романов, лирики, необходимо освещать строительство и восстановление.

Стыд, конечно, не дым...

Но какой удар по самим себе! Победители — в тюрьме. Литература — на прокрустовом ложе. Доколе же, о Господи? После такой войны, я думаю, что писатели запьют и литература замрет совсем. Будет пастись в лопухах.

Да, после того как Зощенко ругали за какое-то произведение[38], на трибуну вышла Дилакторская и сказала, что она подала ему эту идею. Была она очень бледна, в белом костюме, с палкой. Позади Анны Ивановны какие-то типы кричали: «Тоже заступница!»

Надо не думать, не думать. Писатели — им туда и дорога, какие у нас писатели! Жалкие, трусливые творцы макулатуры. Их не жалко. А вот Жуков. Какой должен быть шум по этому поводу на Западе.

Неужели я не дождусь рассвета?

На днях, в дни юбилея Блока, приезжал Юрий: выступал и, как говорят, очень хорошо[39].

На другой день слова Жданова: «Зощенко собирался каннибальствовать на прекрасном теле Ленинграда. А вы знаете, кого мы во время блокады называли людоедами?»

Слова Сталина: «За миллионы получаем гроши»[40].

Ça ce n'est pas du Napoléon[41].

23 августа. Хочется плакать, плакать над собой, над неудачной жизнью, над своей усталостью, которая дошла до предела. А до начала работы одна неделя. Хочется лечь в больницу, закрыть глаза и умереть, не дождавшись рассвета.

10 сентября. «Благодать и мир вам да умножится в познании Бога... дабы вы чрез них соделались причастниками Божеского естества...» — 2-е Послание ап. Петра[42].

Это самое главное: чувствовать себя причастником Божеского естества, и я это чувствую, не всегда, но в те минуты, когда могу сосредоточиться и молиться.

Нельзя так падать духом. За последние две недели я отдохнула; я ничего не читала, отложила перевод, шила детишкам, днем отдыхала, наслаждалась красотой Токсова, глотала витамины Б и пришла в себя. А вокруг волны паники захлестывают все и вся. Период «торможения» расцветает махровым цветом, но на всех производит впечатление предсмертной судороги. После шумной и неприличной расправы с Зощенко и Ахматовой пошли статьи о театре, о критиках[43], все ослы лягаются как могут. В театрах полнейшая паника. Никто не знает, что уцелеет из постановок. Снят Пристли[44], снята «Дорога в Нью-Йорк»[45]. У Дмитриева 3 августа я встретила Юдкевича из Театра Ленинского комсомола, мы смотрели эскизы В.В. к «Униженным и оскорбленным» (очень хорошие эскизы), но театр не знает, пойдет ли спектакль или нет[46], не снимут ли совсем готовый спектакль «Тристан и Изольда» Бруштейн[47] в декорациях Альтмана с музыкой Кочурова. Кочуров мне звонил вчера: «Мои “Отцы и дети” в Большом драматическом пляшут»[48]. Ему был заказан Мариинским театром балет «Дон Жуан». Уже написана первая часть, которую он играл в театре, очень понравилась; если не снят, то отодвинут[49]. В Эстраде сняты рассказы Чехова.

Я представляю себе положение художественных руководителей театров. Вот уж «табак», в волжском смысле слова, так табак[50]. Под горло подперло. А все, что пишется, — стыдно читать, например: литература должна служить только Партии и государству, не имеет права быть аполитичной[51]; в этом всем что-то до того затхлое, отсталое, тупое. И неприличное.

Снят Капица отовсюду. Будто бы отказался работать над атомной бомбой[52]. Зощенко рассказал Софье Васильевне Шостакович, что на днях к нему пришел заведующий того магазина, в котором он прикреплен, и принес ему большой ящик с консервами[53]. Он просил его принять это и сказал, что когда бы М.М. ни понадобилось что-либо, он всегда будет счастлив ему помочь, так как большой его поклонник.

Это трогательно. Но я боюсь, как бы Софья Васильевна не разгласила это слишком широко, бедный директор магазина отправится тогда куда и Макар телят не гонял.

Симонов рассказал Юрию Александровичу, что дня через два-три после победы под Сталинградом он отправился на те поля, где полегла итальянская дивизия[54]. Легкий снег запорошил трупы убитых. Когда его поражало какое-нибудь лицо — он доставал его документы, знакомился с содержимым. Он увидал лицо поразительной красоты, юноша лет 20—22. Вынул бумаги, оказалось — герцог. На его лице сидел маленький мышонок и грыз его ноздрю. Симонов сказал, что это самое страшное, что он видел за войну.

Передал мне это Вася. Он приехал 5-го под вечер. Я отворила дверь, увидала очень худого незнакомого человека и спросила: «Вы к кому?» Каково, родного сына не узнала. В тот же вечер он уехал к Никите, ночевал у него.

Мне больно, но я молчу. Они оба с Наташей какие-то центробежные силы, неуютные. А детишки чудные. Как-то сами по себе.

Дмитриев закабалил Васю, бедняга на него проработал весь отпуск, приехал сюда, и теперь его вызывают в Москву, он должен выехать 12-го, т.к. в студии раздают задания[55].

Звонил сегодня с утра Юрий и днем еще второй раз. У Васи всегда была способность надевать на себя шоры. Он увлечен Дмитриевым и не замечает, как тот его эксплуатирует. Вася написал все эскизы «Бориса Годунова» для Киева. Дмитриев давал ему крохотный карандашный набросок, и это скрывается — вся слава и деньги Дмитриеву, а Вася считает себя облагодетельствованным.

Сердце у меня сжимается, глядя на его худобу, зная его болезненность. Хотела заказать ему очки, свести к окулисту, он портит себе зрение без очков. Он это знает и из года в год ничего не предпринимает.

Дмитриев ругал мне Наташу нещадно: у нее нет души, она птица или рыба, но не человек. Способная, но ничего не умеет и не хочет делать и т.д. и т.д.

Больно все это. Еще хорошо, что Юрий теперь очень Васю опекает, заботится о нем.

12 сентября. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх...». 1-е Послание Иоанна <4, 18>.

11-го была назначена репетиция нашего кукольного театра в Доме пионера и школьника. «Василиса Прекрасная», которую мы репетировали, снята. В школах, где пытались продавать спектакли, спрашивают: у вас советские пьесы? А те, которые рискуют взять сказки, спрашивают, есть ли новое разрешение, надо будет еще раз пригласить репертком. Это для детей первых трех классов! Говорят, что скоро будут «прорабатывать музыку», а именно «Дуэнью» Прокофьева[56] и 9-ю симфонию Шостаковича[57]. Вот тебе и на! Только что Д.Д. дали вторую квартиру, вторую машину и 60 000 на обзаведение.

Встречаю Леонида Ильича Борисова. У него сняли переиздание «Волшебника» с иллюстрациями Альтмана. «Гроза надо мной прошла, но не убила, только град по черепу побил. Приходится продавать вещи, чтобы продержаться месяца четыре, пока не напишу новое». Его «Волшебник из Гель-Гью» имел очень большой успех[58].

В кукольном театре, значит, спектаклей не будет месяца два, и я вообще хочу оттуда уйти. И вот я на бобах. Пишу перевод писем Петрова-Водкина[59]. Я отдыхаю умственно, и очень тянет меня к моему театру, к милым марионеткам. Момент, прямо скажем, неподходящий.

Чтобы паника стала общей и чудовищной, распространился слух, что с 15 сентября твердые цены на продукты увеличиваются втрое! Вот уж «наплевизм» так «наплевизм». (Новое словообразование, выпущенное в постановлении ЦК для всемирного восхищения[60].)

И еще слухи: на Володарском мосту зенитки установили.

Одним словом, все, чтобы злополучный и нищий обыватель потерял последнюю частицу здравого смысла.

Кривое зеркало работает вовсю.

Встречаю Леночку Хмызникову, героическую девушку, внучку Клавдии Лукашевич. Она работает в Нейрохирургическом, учится в Медицинском институте и воспитывает брата. Розовенькая блондинка лет 24. Софья Васильевна Шостакович говорила мне, что она пишет, у нее прелестные стихи. Спрашиваю ее, как стихи? «Что вы, разве теперь можно писать, после случая с Ахматовой и Зощенко, всякая охота пропала».

Почему я нисколько не охвачена паникой и с каким-то даже удовольствием смотрю на эти неверные шахматные ходы.

28 сентября. Запугивание обывателя продолжается, и совершенно ясно ощущается желание именно запугать и потрясти несчастного советского человека. Он превратился в Акакия Акакиевича[61], но положение его трагичнее. 15 сентября подняли цены невероятно: черный хлеб 3.40 вместо 1.10. Булка вместо 2.95 — 5 и 8 рублей. Мясо 30 (после 10) и т.д. В это же время Жданов с высоты престола обозвал Ахматову блудницей, и газеты полны призывами к подъему идейности, партийности и т.п. Сегодня *вдруг* перестали давать по рабочей карточке белый хлеб; отменили его и по литерным и дополнительным карточкам. Можно брать взамен булки муку [1 нрзб.], но масла не дают уже вторую декаду и закрыли дрожжевой завод. Дрожжей нигде нет.

Была вчера у Анны Петровны. Она глубоко возмущена ждановской речью. Как можно оскорблять всенародно женщину! Критикуй поэта, но оскорблять женщину недопустимо. И вот мы не можем написать.

Я ночью составила мысленно очень красноречивое письмо Жданову, в котором я говорю, что такое выступление позор для них и т.д. А потом подумала: если меня вышлют, это не беда, меня это не страшит. Но Васю исключат из студии. Перед ним закроются все дороги, а проку никакого.

Дилакторская рассказала мне следующее: Ахматовой позвонили, что к ней через полчаса придет секретарь Гарримана, профессор такой-то. Обстановка у А.А. убогая, никакого уюта, никаких вещей, на окнах разные занавески. Кое-как привели в порядок, она пригласила двух приятельниц и приняла профессора[62]. Он говорил по-русски. Через некоторое время он опять приходит в 8 часов, сидит до 9, 10, 12. Ахматова не знает, что делать, ведь надо угостить человека. Хозяйство у нее общее с Пуниными — они легли спать, и дверь к ним закрыта. На пять человек собрали три чашки, подали кислой капусты. Он просидел до 2 часов ночи.

Может быть, он ждал ухода приятельниц и хотел поговорить с ней наедине? Говорят, Ахматову очень любят в Англии.

30 сентября. Разговор по телефону. Анна Петровна: «Не вздыхайте, все утрясется». Я: «Qui vivra verra, rira bien qui rira le dernier. Après nous le déluge»[63].

1 октября. Бедного обывателя, или, вернее, советского раба, продолжают бить обухом по голове: 28-го было сказано, что по дополнительным и литерным карточкам булка заменяется мукой, а 29-го это уже отменили, отменили вообще выдачу муки и крупы по карточкам. Вчера в булочных висе-

ли объявления, что 1 октября хлеба не будет, его заменят картошкой. Поэтому сегодня с утра у коммерческих булочных огромные очереди, а в простой булочной никого, и Шура благополучно получила хлеб. Детям сбавили 100 грамм. Теперь им всего 300 грамм. А иждивенческие почти уничтожили. Слухи: трамвай будет стоить 40 к., баня 3 р., квартира 1 метр 4 р. (теперь 1. 32 к.), а за комнатные излишки 9 р.

Много арестов. «Работайте побольше, ешьте поменьше».

Хоть бы дожить до будущего судебного процесса, на котором будут разбираться «преступления против человечности».

Получила сегодня письмо от Елены Михайловны Тагер и заплакала: она просит, чтобы я нашла Машу: «...сообщите мне, ничего не смягчая, ничего не скрывая, как бы ни были печальны Ваши впечатления. И наконец — самое горькое: как вам покажется, могу я еще рассчитывать на какое-то место в их памяти, в их дальнейшей жизни, или лучше мне потихоньку смыться с их горизонта и не ложиться всей тяжестью на их анкету, а может быть, и на их судьбу? Горько ставить такой вопрос, но он неизбежно будет поставлен самой жизнью»[64]. Какая кара, какое наказание должно постигнуть злодеев, испоганивших русскую жизнь?

4 октября. Производит впечатление, что кто-то хочет вызвать панику; кто-то — это не буржуазный спекулянт, а правительство, которое спекулирует на голоде и гонит в коммерческие магазины с непосильными ценами. В первый момент некоторого снижения цен в коммерческих магазинах рынок подешевел. Но когда рынок убедился, что в коммерческих ничего нет и обеспечить обывателя они не могут, рынок сразу же повысил цены. Du jour au lendemain[65] картошка с 5 прыгнула на 8 и 9 (вчера), а сегодня уже 9 и 10. Масло с 150 р. до 170, 180. Хлеб 20 р. кило. Школьникам 9-х и 10-х классов давали 550 гр., теперь их уравняли с малолетними и дают 300 гр.

По слухам, были случаи самоубийства. Женщины вешались и оставляли письма: «Кормить нечем, кормите детей сами». Или: «Муж убит на фронте...»; говорят: рабочие завода Марти послали Сталину письмо с жалобой о непомерно высокой цене на хлеб. Женщины бегают из очереди в очередь, видят пустые прилавки в коммерческих булочных и лабазах и приходят в отчаяние. И есть от чего.

Надоело, и не стоит об этом говорить; не первое потрясение мы переживаем, но страшно за детей, ведь я же без работы.

5 октября. «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света». Ап. Павел. К римлянам, Гл. 13, <12>.

Хоть бы...

14 октября. На Кузнечном рынке: толстая немолодая женщина в драповом пальто и черном платке, с красным лицом, продирается в толпе: «Бегемот, я тебе покажу, бородатая голова, бегемота, мне не замуж за тебя выходить, свой муж есть».

15 октября. Стояла на днях в очереди в нашем литерном магазине. У людей появляется опять тот «ужас в глазах», который мама когда-то, в начале 20-х годов, наблюдала у приезжающих в Дорогобуж петроградцев и москвичей. Этого «ужаса» не было во время блокады, а появился сейчас от угрозы надвигающегося голода, от бесконечных, все новых экспериментов наших правителей. Уныние, беспредельное уныние на лицах. Жизнь непосильна. Надо найти какой-то трюк, чтобы зарабатывать много денег. Наташа уехала 20 сентября с обещанием вернуться через две недели с деньгами от проданных вещей Алексея Валерьяновича. И стала там устраиваться на работу и искать комнату. С ее отъезда я получила от них 300 рублей 8 октября. Дети сидят без молока и на одной картошке, которую я занимаю у девочек. Поехала сегодня в ЛОССХ, мне должны 3700 рублей за перевод писем Петрова-Водкина (неинтересных) — платежи отложили на 30-е. Направилась к Марии Федоровне попросить взаймы — денег нет. У Бондарчуков тоже пусто, сами занимают. Какое мученье нищенствовать. Наташа на днях позвонила, на мои слова, что я сижу без денег, дети плохо питаются, эта нежная мамаша ответила: «А откуда же нам брать деньги, мы сами сидим без гроша». Как это назвать, и как назвать мою непроходимую и неисправимую глупость?

Да, надо записать: была я на общем собрании секции переводчиков Союза писателей для обсуждения постановления ЦК партии. К счастью, никто ляганьем не занимался, говорили о своих профессиональных делах. А.А. Смирнов приводил примеры неправильно переведенных Пастернаком текстов Шекспира. В переводе надо не только точно переводить смысл и идею автора, но надо, чтобы перевод был идеологически правилен с современной нам точки зрения. Например, у Шекспира в комедии «Два веронца» есть фраза, в которой встречается слово «jew», т.е. «жид». Но мы не можем оставить этого выражения. Кто-то предложил заменить «жида» ростовщиком. А.А. предпочел «нехристь».

Почему, если Шекспир хочет сказать «жид», мы должны смягчать это?

Вот потому-то я ничему и не верю, что сейчас пишется.

17 октября. «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?

Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы». 1 Коринф. Гл. 3, 16 и 17.

Вчера у Сони было опять 39, она страшно плакала, Бондарчук тотчас же разузнал адрес и телефон доктора Карпова, звонил ему, и доктор был у нас в 11 часов вечера. Антон Васильевич — редкой отзывчивости человек.

31 октября. Сейчас вернулась с гражданской панихиды по Борисе Пронине в Александринском театре. Борис Пронин — это целая эпоха, блестящая предреволюционная эпоха. Кого только он не знал, с кем не дружил. Я отдельно запишу все, что вспоминается о нем, все наши встречи, отношения, все его рассказы[66].

Говорили у гроба Вивьен, Мгебров, Скоробогатов, Тиме. Мгебров знал его еще в студии Станиславского, указал на ту роль, которую Борис сыграл в организации 1-й и других студий[67], — «в нем было нечто от средневекового рыцарства, он был подлинный трувер искусства, театра. Как у трубадура, в нем не угасал энтузиаст, любовь к театру». Мгебров называл это куртезианством[68]. Хорошо говорил.

5 ноября. Мои испытания не кончились: у Сони порок сердечного клапана, шум. Что же это такое, за что? Если этот ребенок погибнет, я жить не стану. Довольно. Я совершенно подавлена.

Но и у всех настроение подавленное, угнетенное до последней степени.

С неделю тому назад пришла ко мне Маргарита Константиновна Гринвальд. Весь прошлый год, вернувшись из Иванова, она преподавала английский в университете, составила блестящую историко-политическую хрестоматию для студентов, подготавливала диссертацию, была прописана. И вдруг в августе приказ уехать из Ленинграда, жить не ближе сто первого километра. Кто-то (по-видимому, Тарле) был у Шикторова, долго его упрашивал, причем Шикторов ему говорил: «Вы не все знаете». Наконец Шикторов обещал разрешить ей остаться. Но через несколько дней Тарле позвонил секретарь Шикторова Соловьев, что разрешения не последовало. М.К. уехала в Вишеру[69] и там кончала диссертацию. Она приехала сюда за вещами, чтобы ехать в Иванов. Я стала ее уговаривать пойти самой к Шикторову или, по крайней мере, его секретарю, но она и слышать об этом не хотела. Слишком натянуты, «избиты» были нервы, чтобы вновь приниматься за бесплодные хлопоты. М.К. у меня ночевала, отдохнула на хорошей кровати и в конце концов поддалась моим уговорам. Решили, что она пойдет в НКВД и постарается добиться по телефону секретаря. (Надо сказать, что недели две тому назад М.К. послала письмо этому самому Соловьеву и ответа не получила.)

Через полчаса она вернулась ко мне — капитан Соловьев назначил ей прийти на следующий день. Она захватила с собой свою хрестоматию,

диссертацию, Соловьев взял ее «дело», стал его перелистывать. «Бывает, бывает, — говорил он, — и из-за таких пустяков вас мучили... Когда это было, ведь быльем поросло».

Взял у М.К. заявление, снес Шикторову на подпись, разрешили прописку на шесть месяцев и посоветовали вновь хлопотать о снятии судимости!! А судили ее в 30-м году, сослали на Беломорканал на 3 года[70]. Вернувшись, она была прописана здесь. В 35-м высылка в Уфу на 3 года, затем переехала в Иванов... Следовательно, судимости ее уже 16 лет, и она все еще не снята!!

Маргарита Константиновна пришла прямо ко мне: «Вы моя благодетельница, если бы не вы, я ни за что не решилась бы на этот шаг».

А эти-то мерзавцы, отказывая Тарле, о чем думали? Он ведь только тут, при ней, впервые ознакомился с делом.

И эти люди проповедуют на конференции демократизм и мечут громы на южных африканцев за уничтожение индусов[71].

Моя жизнь бесконечно трудна. Наташа оставила детей, деньги они шлют неаккуратно и слишком мало, я сидела без денег, Соня больна, повышается температура, и у меня ни копейки, чтобы доктора позвать. Та же Маргарита Константиновна заставила меня взять 100 рублей, и я позвала Фарфеля. Я все время вспоминаю болезнь Аленушки, мои муки, без денег, без докторов... Шапорины, одним словом.

Доктор высказал предположение, не было ли у Сони скрытой скарлатины, вызвавшей это осложнение с сердцем. Наташа мне звонила из Москвы числа 29-го, я ей об этом рассказала. Бондарчуку, к которому они с Васей в Москве зашли, она передала, что Соня больна скарлатиной, и с тех пор она не только не приехала, что сделала бы всякая мать, но даже больше не звонила по телефону.

Когда я говорила 2-го с Васей, он меня даже не спросил о детях.

Что за сердца у этих людей! Юрий летом обещал мне золотые горы, когда был обеспокоен своим двоеженством. Его успокоил какой-то адвокат, и теперь все обещания забыты. Я довела свой гардероб до того, что мне не в чем на улицу выходить. У меня нет совсем сапог, кроме рваных старых прюнелевых туфель[72] Л. Насакиной. Мой единственный костюм (ему 10 лет) безнадежно продран на локтях и повсюду. Чулок нет, а шуба (моему бедному кроту тоже 10 лет), шуба такова, что я до сих пор хожу в летнем пальто. Вася обещал мне устроить и сапоги, и платье в Музфонде, но, конечно, это все забыто. Как я переживу эту зиму, один Бог знает.

Я уже не зову Soeur Anne, — это безнадежно, я не вижу не только братьев, но и herbe que verdoie et le soleil qui poudroie.

Несчастный народ. В колхозах государство забрало все, вплоть до семенной картошки и хлеба. И это повсеместно, и под Ленинградом (Шурин зять), и на Урале, куда ездил муж Аннушкиной племянницы. Колхозники за трудодни ничего не получили, а мы помогаем другим странам, которые, конечно, не так голодают, как мы.

Наташа Лозинская рассказала, что в книжных лавках и библиотеках изъята вся иностранная литература, изданная после 1917 года[73]. Выписывать научные книги больше не разрешают. Какова неуверенность в самих себе, какой страх перед Западом.

Ольга Абрамовна Смирнова шла по каналу Грибоедова в Госэстраду. У ворот дома стояла карета с решетками в окнах, из двора конвой вел пожилую женщину, элегантно одетую, интеллигентного вида. Вывернув ей руки, толкнули в карету. За ней бежали две молодые женщины; одна из них подбежала к карете: «Мамочка, возьми хоть хлеба», — подала. Конвойный оттолкнул: «Хочешь, и тебя туда же». В карете опустилась решетка, захлопнулась дверь, карета уехала. «Мамочка, мамуленька!» — кричала дочь...

16 ноября. Из речи Фадеева в Праге: «Я не понимаю, зачем местной газете “Свободне Новины” понадобилось на своих страницах печатать произведения Зощенко и Ахматовой? Зачем нужно собирать объедки с чужого стола, *выброшенные в мусорный ящик*..., такой путь собирания объедков с чужого стола может привести только в болото»[74]. Кто дал ему право так говорить? Какая отвратительная подлость! Писатель, русский интеллигент, поносит своих товарищей за границей, в Праге. Какая чудовищная низость! Таким выступлением можно подорвать всякое уважение к русскому народу. Какое растление нравов! Не могу, физически тошнит. Двадцать девять лет такого страдания, презрение душит.

А мое положение ужасно. Сегодня 16-е. Десять дней тому назад Вася позвонил, сказал, что через два дня высылает мне деньги. И ничего. Мне предложила Анна Петровна по своему почину деньги, у вас, говорит, вероятно, их нет. И я взяла еще 300 рублей. В начале месяца Юрий дал Васе 1000 рублей для детей. Наташа внесла их целиком за свои полкомнаты. Никита одолжил ту тысячу, которую мне передала Мапа Радлова.

Сами родители не прислали ни копейки. Хорошо, что я из ЛОССХа получила 960 рублей. Живем мы на одной картошке, брюкве, и на это нужно 3000 в месяц, даю детям молоко. Как будет дальше, не знаю. Но я давно не

испытывала такого истязания, как теперь, когда у меня иссякли свои ресурсы, а на руках двое маленьких детей и их няня.

26 ноября. Вернулась с перевыборов горкома писателей. За столом президиума сидели Григорьев Н.Ф., известный тем, что составлял резолюцию после доклада Жданова, а незадолго перед тем говоривший, что за четверостишие Ахматовой о победе он готов отдать все стихи остальных современных поэтов; Трифонова Т.К., лягавшая ослиным копытом Ахматову и Зощенко, и Браусевич, подлость которого мне близко известна по его интригам против меня в кукольном театре. А другие?!

Все они, конечно, чекисты; недаром А.О. говорил, что Союз писателей — филиал Большого дома. Вообще, о всех союзах можно сказать то же самое. Наметили кандидатов, четырнадцать, раздали печатные списки, соседи указали, кого вычеркнуть, — всего членов правления должно было быть одиннадцать. Наутро, проснувшись, я подумала: почему я вычеркнула только троих, а не всех? Парадоксальная фаза, что ли?

Атмосфера хозяйственного (о политическом мы судить не можем) банкротства во всем. Детей лишили с 1 декабря школьного питания, дали иждивенческие карточки — это 200 гр. жиров и один кг крупы в месяц. Их школьный паек нельзя было и сравнивать с иждивенческим. Вхожу в их комнату, Галя разрыдалась: надо бросать учение теперь, когда осталось всего две с половиной четверти до окончания школы. Только выкупить хлеб — это уже 100 рублей. Подсчитали: чтобы продержаться впроголодь, надо им 600 рублей в месяц; откуда же их взять? Евгения Павловна получает 300 рублей, я не работаю, и все, что я еще получаю за перевод писем Петрова-Водкина, идет на детей, я себе отказываю во всем, в чем могу. Детям до 4 лет давали в детской консультации дополнительное питание, с декабря дают лишь до 3 лет. По всему городу, а в особенности на окраинах, грабежи и убийства. Учреждение Ольги Андреевны находится напротив Волкова кладбища. Служащие вечером выходят гурьбой, т.к. там раздевают, две инкассаторши были зарезаны и ограблены. Начальник Ольги Андреевны говорил ей со слов начальника милиции, что милиция бессильна бороться с этой волной грабежей, т.к. это не известные рецидивисты, воры — на разбой пошло *население*. Девушки пойдут на проституцию.

Выяснилось, что высшее образование женщине не нужно, ни к чему, говорит мне Мара. Все дороги, кроме медицинской и педагогической, будут закрыты женщине. А медицина? Надо проучиться с крошечной стипендией 5 лет, после чего попадешь в деревню с окладом 500 рублей, и шлепай во

всякую погоду пешком, не имея даже возможности сапог купить. Лучше всего, говорят школьницы, это ВУЗ — выйти удачно замуж. В поисках жениха их подруга Наташа (ей 21 год) ходит на всякие танцульки в домах культуры, где бывают подонки. Везде сокращения, ужасная безработица, причем у нас безработные получают тотчас же вместо помощи иждивенческую карточку, т.е. 250 гр. хлеба. (Моя Шура «по возрасту» карточки лишена.) Если бы я в свое время не пришла в горком писателей, то тоже сидела бы на таком же смертном пайке. И то лишь с 10-го, вероятно, получу рабочую карточку, т.к. Союзу писателей дан известный лимит. Есть писатели, которые демобилизовались; чтобы дополнить этот лимит, нужны длительные хлопоты. А если человек меняет место работы, переходит из одного учреждения в другое, он сидит два месяца без карточки. Ощущение растерянности, débâcle[75].

Не так давно, вскоре после выступления Фадеева в Праге, которое меня возмутило и оскорбило до глубины души, я зашла к Анне Андреевне. У нее хороший вид, молодой голос. Я принесла последнюю книжку ее стихов «Из шести книг». Она мне подписала ее[76].

Говорили о городе: «Я часто уже не вижу его, настолько он весь во мне, настолько он связан с разными моментами моей жизни, связан с различными людьми». Вспоминала Бориса Пронина. Неповторимый, единственный в своем роде человек, импровизатор. Об его похоронах ей рассказывал Мгебров. Вообще, по-видимому, ее многие навещают. При мне пришла Раневская. Высокая, некрасивая женщина в длинной клетчатой жакетке. Poor old klown[77], назвала она себя. В разговоре она становится настолько интересна, что от нее глаз оторвать нельзя. Приезжала сниматься в кино[78]. Интересно ли это, спрашиваю. «Наша профессия, — говорит Раневская, — это Майданек[79] без отопления. Если советский русский актер еще чего-то добивается, значит, он гений. С нами никто не считается, или, вернее, нас считают низшей расой. Меня снимают... я вхожу в круг, в образ, по Станиславскому. “О, сын мой...” (у меня сцена с сыном) — “Петька-а, освети скулу Раневской, Ванька-а...” и т.д. Крики рядом».

Рассказывает она блестяще, бесподобная мимика, очень жалею, что не видала ее в «Лисичках», когда их театр приезжал сюда[80].

Заходила на днях Е.П. Якунина. Она наконец получила работу, но комнаты нет как нет. Она рассказывала, что Шувалова (заменившая Карскую, жена Кара-Дэмура) пригласила к себе Акимова (или встретилась с ним) и спросила его, не хочет ли он ответить на критическую о себе статью Кара-

Дэмура. «Нет, — отвечал Акимов, — я отвечать не стану, так как мнение его для меня неавторитетно. Разве может быть авторитетом человек, который еще не так давно писал целый подвал в восхваление Анны Ахматовой, а теперь пишет противоположное?»

Акимов докладывал Шуваловой о своем репертуаре: столько-то советских пьес, столько-то западных авторов. «Сознайтесь, — спросила Шувалова, — что ставить западные пьесы вам доставляет гораздо больше удовольствия». — «Об удовольствии говорить можно лишь в плане половых отношений», — ответил Акимов.

Елена Петровна, вероятно, знает об этом со слов Шостака, который работает теперь у Акимова.

7 декабря. Так нелепо, нежданно и негаданно умерла Ольга Абрамовна Смирнова 28 ноября. 25-го я была у нее в больнице, она была весела и бодра, рассказала, что уговорила докторов сделать операцию во вторник 26-го. 28-го уже была без сознания с утра и вечером умерла. Лицо ее в гробу было спокойное, слегка улыбающееся. Ее отец (Городисский) был богатым адвокатом в Ростове-на-Дону. Свой дом, дачи, поездки всей семьей с детьми и боннами за границу — все это оставило свой отпечаток и на ней. Культурная, очень воспитанная, я ее часто ругала за то, что она была слишком «барыня», зная по себе, как это «барство» мне мешало и мешает в современной жизни, мешает с волками по-волчьи выть. Мы с ней познакомились в 42-м году, когда я собирала материалы по работе артистов на фронте, она тогда часто ездила на передний край. Я ее полюбила, в ней было много обаяния, и она ко мне очень тепло относилась, мы часто выручали друг друга. Эстрада уже два месяца, в октябре и ноябре, не выплачивала денег. О.А. сидела без дров и денег, не могла двигаться, у нее было сильное кровотечение и боли в ноге, Шура носила ей дрова. Деньги ей уплатили после ее смерти.

Старшая медсестра сказала, что все внутренние органы были разъедены туберкулезом и что без операции она бы погибла.

А я что-то сдаю. Уж очень тяжело быть только нянькой, целый день топтаться на месте и ждать денег. Нет, лучше не говорить об этом.

Спириты говорят (со слов духов), что события принимают все более бурный характер, в 47-м году будет переворот, будет ужасно, но это ужасное будет очень коротко.

10 декабря. Была в Учетном бюро. Вспоминала блокадные нравы. Сейчас все чинно, благовоспитанно. Сидела и ждала Наталью Ивановну Буто-

ву. За перегородкой кабинет директорши. Она все время громко говорит по телефону, что-то разъясняет, кому-то надо провести трехтысячный лимит!![81] Проходит к ней молодой человек в защитной куртке. Через некоторое время грозно и громко раздается: «Что же, мне не жрамши сидеть!» — «Если бы вы были инвалид Отечественной войны...» — «Да я и есть инвалид Отечественной войны, вот видите...» — «Да, но я не знаю, к какой группе вы отнесены». — «Да я ранен в голову, в ногу, у меня припадки бывают, а теперь не жрамши...»

Трехтысячный лимитчик, вероятно, на фронте не был.

А я 10 дней живу с иждивенческой карточкой. Писателям утвержден лимит на карточки, кажется, 300 человек. Нас, не попавших в этот лимит, несколько человек; и вот уже 10 дней длится волокита с утверждением этого дополнительного списка. Я ушла из кукольного театра и перешла в горком писателей, на учете которого состою уже 2 года.

Имею 250 гр. хлеба. Девочкам, к счастью, дают по 400 гр.

Вчера я была на просмотре «Правда хорошо, а счастье лучше» в Драматическом театре с декорациями Якуниной[82]. Узнала, что Наталья Ивановна Животова рожденная Лосева и что отец ее, крупный инженер, был расстрелян. Рассказала мне это Т.М. Правосудович, у которой в те же времена был арестован отец, друг фон Мекка, и умер в ссылке. Как с этим жить? Я и представить не могу. Сердце должно сгореть дотла. Какое великое счастье, что мои братья за границей.

18 декабря. На днях в школе девочкам было объявлено, что кто не внесет 100 рублей за учение (1-е полугодие), не будет допущен в класс[83]. В прошлом году они были освобождены от платы. Я пошла к директорше. Узнала следующее: в этом году страшные строгости. От финотдела ей дали требование уплатить 14 000, а так как она внесла только 8000, ей наложили арест на счет, и она сидит без денег и без дров. За каждого освобожденного от платы надо представить справку. Освобождаются лишь дети убитых офицеров. Только офицеров. Дети убитых солдат и сержантов не освобождаются от платы. Я ахнула. Мне потом объяснили, что это делается для того, чтобы пролетарские дети дальше 7-го класса не шли и не заполняли вузы.

Ездила 14-го в Детское, на кладбище. Старый клен над могилами, раненный осколком, свалился в бурю, но, к счастью, не коснулся Аленушкиного креста.

По дороге все те же мучительные колхозные разговоры. За 10, больше, за 12 лет никто ничему не выучился. Жительница Ярославской области расска-

зывала, как их замучили льном, как и озимые и яровые хлеба осыпаются, пока они сдают лен, все то же, что было и в 1934 году, когда мы с Васей жили в Суноге. Женщина ехала в Новолисино[84].

Другая заметила: «Ну, в Новолисино только по несчастному случаю ездят». Оказывается, и там концлагерь. Женщина ехала туда именно «по несчастному случаю», разыскивать своего брата.

Это постоянная, незаживающая, мучительная рана.

Мы живем, простите, не в тюрьме, как я иногда говорила, мы живем на бойне. В стране морлоков. Сколько исчезнувших людей! Тонут, и вода вновь затягивается зеленой ряской.

27 декабря. Была в Малом зале консерватории на концерте молодых композиторов. Чудесное впечатление осталось. Квартет Свиридова[85], превосходные баллады и романсы Кочурова[86] (прекрасно пел Шапошников), глубокие и тонкие 5 прелюдий совсем молодого Маклакова, которые чудесно играла Юдина. Я недавно была на концерте Оборина[87], как-то раньше слушала Софроницкого: я всем предпочитаю М.В. У нее каждая нота думает.

1947

2 января. Господи, дай мне увидеть рассвет, дай мне увидеть братьев, дай силы и здоровье дотянуть до зари. Помоги мне, Господи, верую, верую, что поможешь. Спаси Васю, детей, Сонечку. Боже мой, помоги.

4 января. Чего-то мне стало себя очень жалко. Я собственноручно навивала свой воз до таких огромных размеров, что теперь, как старая кляча, ноги протягиваю — не свезти.

Что же все-таки мне надо успеть сделать до того момента, как будет сказано: пора?

Хотелось бы написать воспоминания. Детство, Ларино. Юность — институт. И дальше. Привести в порядок письма, архив. Ведь если я этого не сделаю, все будет сожжено Наташей. Ведь такого культа к чужим вещам, как у меня, к запискам, письмам, нет ни у кого. Не знаю, какова будет Сонечка, но я не успею ее воспитать.

А долги? Те 3000 франков Mme Marius Michel, которые выросли теперь до бесконечности?

7 января. Рождество. К церкви не подступиться, толпа.

Советский быт: девочки, встав в шесть утра, отправились с подругой в очередь за крупой, на угол Садовой и Гороховой. По слухам, в этом коммерческом магазине всегда бывает крупа и дают ее по полкило. Очередь стояла до церкви на Сенной[88], а перед магазином колыхалась огромная и тесная толпа из здоровенных мужиков и баб. Заняв очередь, они втерлись в толпу и с ней вместе попали в магазин. Но тут уже стоял смертный бой. Несколько милиционеров охраняло кассы. Они хватали граждан за шиворот или поперек живота и отбрасывали грубейшим образом в сторону. Добиться кассы было невозможно. Несолоно хлебавши они вернулись домой, завалились спать и проспали до трех. Когда они вышли, то убедились, что их очередь не сдвинулась с места. Осенью они два раза попытались становиться на ярмарке в очередь за отрубями в *два часа* ночи, — но безрезультатно.

Они получают обед в школе за 100 рублей и 400 гр. хлеба. Голодны ужасно. Как тут быть? Денег очень мало. Картошка стоит 10 рублей кило.

А девочкам не хватает инициативы найти возможность подработать. Я, конечно, их избаловала, они и привыкли жить на всем готовом, не считаясь, чего это мне стоило. Мать очень о них заботится, но, конечно, умнее меня. Она и платье себе сшила за эту зиму, и шубу. А я теперь стараюсь днем не выходить в своем ободранном кроте и стоптанных валенках. Вася меня всегда упрекал в том, что я мало о нем заботилась, о своих же детях и Вася и Наташа не проявляют ни малейшей заботы. За декабрь (25 декабря) я получила 700 рублей всего, — это только на молоко. (А перед этим 23 ноября 700 рублей.) А я истратила около 4000. Я сегодня послала Васе телеграмму: «Возьмите детей нечем кормить». Авось это их припугнет, — я ни в каком случае не хочу им отдавать детей на погибель. Эти дети — луч «на мой закат печальный»[89].

Как мучительно всегда быть голодной. Который уже год! С конца 40-го года. Надоело.

9 января. Была Елена Ивановна после перерыва в три месяца, с моих именин. Объясняет это перегруженностью занятиями; это правда. Много часов в университете и еще несколько групп в разных исследовательских институтах, кроме того, сдача кандидатского минимума. Но мне иногда кажется, что, быть может, ей все-таки поручено за мной приглядывать, ей этого не хочется делать, и она не ходит вовсе. Рассказала она мне очень характерные для нашего времени факты.

Университет в Монпелье, старейший в Европе[90], избрал Шишмарева почетным членом, произошло это в мае 46-го года. Ему об этом сообщили лишь в ноябре, после того, как он был избран в академики. В газетах было сообщено, что эту грамоту передал Шишмареву представитель ВОКСа. На самом же деле это произошло в Москве, на концерте, посвященном памяти Сен-Санса, на котором присутствовал французский посол со свитой и представители нашего Министерства иностранных дел. В одном из фойе Катру передал Шишмареву [грамоту] при всем дипломатическом корпусе и сказал, что в Монпелье надеялись видеть его в своих стенах. Не обращая внимания на переводчика, предлагавшего свои услуги, Шишмарев произнес ответную речь по-французски.

Наши правители боятся малейшей популярности в любой сфере, и этот случай хорошо иллюстрирует их подлость. Во время болезни Шишмарева румынский посол привез ему в больницу какие-то литературные материалы и очень звал приехать отдохнуть в Румынию. Конечно, не разрешили, так же как и Юрию ехать в Норвегию, куда его приглашали с женой.

Как все это позорно и ужасно постыдно.

Я помню Шишмарева совсем молодым. Он преподавал у нас в Екатерининском институте на педагогических курсах. До этого был Ф.А. Браун, который и рекомендовал Владимира Федоровича.

«La science lui tinte aux oreilles»[91], — сказала нам Maman, Mme Бюнтинг. Он был еще совсем юный, это было в 1898 и <18>99 году. У него были каштановые волосы и синие, фиалковые глаза.

Под впечатлением этого разговора я написала Шишмареву поздравление с избранием его в академики и с «мировым успехом». Пишу: «Вы меня не можете помнить, но я и мои товарки, слушательницы педагогических курсов Екатерининского института, мы сохранили на всю жизнь светлое воспоминание о Ваших лекциях». Письмо передала Елена Ивановна; к моему удивлению, Шишмарев сказал, что прекрасно меня помнит как Любочку Яковлеву, что наш курс был очень сильный, много способнее последующих, помнит, как был у меня на приеме вместе с Ф.И. Масловым. (Его жена, Усова, была, мне кажется, в родстве с Масловыми, и мы в детстве даже играли с ней у них.) Мне было очень приятно это узнать, тронула его память обо мне.

20 января. В сумерки на углу Шпалерной и Литейного встретила А. Ахматову, окликнула ее, пошли вместе. Я ей сказала, что была у нее под впечатлением выступления Фадеева в Праге. Все, что было до этого, не могло меня удивить, т.к. ничего, кроме гнусностей, я и не ждала, но писатель, русский интеллигент, — это возмутило меня до глубины души. «А мне его только очень жаль, — ответила А.А. — Ведь он был послан нарочно для этого, ему было приказано так выступить, разъяснить. Я знаю, что он любит мои стихи, и вот исполняет приказание. Я ни на кого ничуть не обижаюсь, я это искренно говорю; ничего от этого всего не случится, стихи мои не станут хуже. Ведь вскоре после появления моей книги “Из шести книг” она была запрещена, был устроен скандал редактору, издательству*. Приезжал Фадеев, было бурное заседание в Союзе писателей, и Фадеев страшно ругал мою книгу. Я не присутствовала на этом заседании. Но была вскоре на каком-то вечере там же. Фадеев, увидев меня, соскочил с эстрады, целовал руки, объяснялся в любви[92]. А скольких травили; когда в 29-м году началась травля Евгения Ивановича Замятина[93], я вышла демонстративно из Союза, вернулась туда только в 40-м году»[94].

* Тогда не затрагивали А.А. как человека и даже как поэта, и такое отношение она приписывает влиянию А.Н. Толстого, который любил ее стихи.

А.А. взяла меня под руку, другой рукой опиралась на палку. «Травили Шостаковича, но, конечно, никого так сильно, как меня. Уж такая я скандальная женщина».

Мужчины, по ее словам, хуже, сильнее реагируют на подобную травлю. Замятин переживал очень тяжело тот период. Вспомнили Добычина, который кончил самоубийством. Он был молод и не уверен в себе. Эйхенбаум, единственный из писателей, отказался выступить против нее, сказав, что он старый человек и никто ему не поверит, если он начнет бранить Ахматову, которую всегда любил. Его отовсюду сняли. Жена его очень волновалась за него, боялась и умерла[95].

Книги А.А. были изъяты из продажи, было запрещено их и продавать, и покупать[96]. Но на днях разрешили продажу, это сказал А.А. Рахлин. Я спросила о Зощенке[97] — он пишет повесть[98].

15 января я была на студенческом закрытом концерте в Малом зале консерватории, посвященном творчеству Баха. Я давно не испытывала такого наслаждения. Пели соло с аккомпанементом рояля или рояля и фагота, соло с двумя флейтами под аккомпанемент органа или органа и квартета. Молодые и прекрасные голоса. Запомнились: «Долина слез»[99], «Старая трубка»[100], которую замечательно музыкально спел Гришанов; «Mensch, erette deine Seele»[101] пела Н.Н. Никифорова-Скрябина, сестра нашего Николая Николаевича Никифорова, такого талантливого художника, погибшего на фронте. Очень я люблю Баха, во всей его музыке звучат эти слова: «Mensch, erette deine Seele»[102].

Концерт был организован Т.С. Салтыковой, и все профессорши наперебой благодарили ее.

В прошлое воскресенье зашла к Смирновым. Ольга Георгиевна давно меня звала посмотреть ее летние этюды. Заговорили о Пунине, которого удалили и из университета, где его лекции пользовались огромным успехом. Я рассказала, что, перебирая бумаги, нашла газету 1919 года (19 января) «Искусство коммуны», в которой была статья Пунина «Разорванное сознание», а подзаголовок газеты гласил: «Нет красоты без борьбы, нет шедевров без насилия». — «Да? — заметил Александр Александрович, — значит, tu l'as voulu, Georges Dandin»[103].

Статья кончается словами: «...мерилом подлинно революционного искусства остается до сих пор “разорванное сознание”» (курсивом).

А раньше... революция, новое — бессознательно... революция, новое — гибнут от сознания.

Никогда не любила снобов.

21 января. Пунина из университета не сняли.

2 февраля. Мара рассказывает, что почти вся молодежь в школе, в институтах настроена крайне антисоветски, возмущаются, не стесняясь, и собираются на выборах зачеркивать всех кандидатов. Родственник Иры, студент, ездил на днях в Днепродзержинск (что это за город?[104]), там люди ходят с кистенями, подбрасывают детей, не имея возможности их кормить, подожгли райсовет и какое-то еще партийное учреждение.

На Кубани народ пухнет от голода[105]. Оттуда вернулась мать подруги девочек.

Я нашла свои дневники времен Японской войны[106]. Там я тоже ропщу на рабство! Да, мы, конечно, лягушки, просящие царя. В полном смысле этой басни. Наглядный урок несколько затянулся, тем прочней будет его действие.

Прочла с большим интересом небольшую брошюру, изданную Вольной философской ассоциацией в 1922 году, речи Андрея Белого, Иванова-Разумника и А.З. Штейнберга, посвященные памяти только что умершего Блока[107]. По мнению Р.В., Блок умер от «тоски беззвездной»[108]. Идея духовного максимализма, катастрофизма, динамизма была для Блока тождественна со стихийностью мирового процесса; «Вот почему так болезненно сжался Блок, когда знаменитый “Брест” стал ответом на его “Скифов”, когда в середине 1918 года уже ясно определились дальнейшие пути русской революции. Блок сжался и потемнел; горение кончилось, пепел оставался; медленно приступала к сердцу “беззвездная тоска”»[109].

А где-то сам Разумник Васильевич, один из миллионов мучеников? Жив ли?[110]

Недавно в газетах было извещение о расстрелах Шкуро, ген. Краснова и других. Я не стала читать, швырнула газету. Убивать людей через 30 лет после совершения преступления, si crime il y a[111], и с какой легкостью! Сердце захолонуло. Как они сюда попали? Неужели подлые французы их выдали? Какой позор!

13 февраля. Ляля Мелик ездила к мужу в Полтаву. И там по вечерам нельзя выходить. Грабежи, бандитизм.

Приехал Юрий 11-го на исполнение своей оратории[112]. Перед концертом я зашла к нему в «Европейскую» с девочками за билетами. Пришел и Кочуров. Юрий любит аудиторию и хорошо рассказывает. Он беседовал с Храпченко:

— Скажите, Михаил Борисович, могу я с вами говорить парадоксами?

— Пожалуйста.

— Могли бы вы объясниться в любви под гармонь?

— Думаю, что нет.

— Советская поэзия требует гармонь. А я не умею писать для гармони. Поэтому уж разрешите мне не тревожить советскую лирику.

В прошлом году (кажется) на Кавказе должны были состояться музыкальные декады азербайджанцев, грузин и армян. Юрий был в Тифлисе. Ссорились, кричали друг на друга, чтобы установить очередь. Один грузин ходил по комнате и кричал (с сильным акцентом): «Дружба народов! Фикция. Дружба народов! Фикция!»

12-го Юрий был у меня, привез детям сахару и печенья, опять много рассказывал, между прочим, очень остроумную отповедь, которой он ответил на речь Кабалевского о том, что Шостакович слишком под влиянием Запада, а Шапорин недостаточный новатор[113].

Юрий равнодушно не может говорить о Наташе и глубоко возмущен тем, что она не пускает Васю жить у него.

Он приезжал на исполнение оратории и для занятий с Вс. Рождественским. Он вновь принялся за «Декабристов», и Рождественский закончил ему либретто. Еще летом он говорил, что ему необходимо закончить оперу, это единственное наследство, которое он может оставить детям.

8 марта. Последние обывательские анекдоты: недавно, перед выборами, умер один из наших министров и, к своему удивлению, попал в рай. Ему там показалось скучно и захотелось посмотреть, каково-то в аду. Кто-то подвернулся и в окно показал ад: роскошно накрытый стол, цветы, вино и вокруг прекрасные и шикарные женщины. Очень ему понравилось там, и запросился он в ад.

— Смотрите, оттуда уже нет возврата, — ничего не слушает, просится в ад. Пошел в небесный местком, получил путевку в ад. Только это он переступил порог, набросились на него черти и начали рвать.

— Чего вы на меня навалились, я вовсе не к вам, я вон к тому столу...

— К столу? Ха-ха, да это же агитпункт!

И другой:

— Как вы поживаете? — Отлично.

— Получили комнату? — Нет.

— Есть у вас работа? — Тоже нет.

— Ну а карточка? — Какая же карточка, если я безработный?

— Радио слушаете? — Конечно; откуда же бы я знал, что мне живется отлично!

11 марта. У меня рабочая карточка (по Союзу писателей), по ней я получаю 600 гр. хлеба, половину отдаю Шуре и голодаю опять самым настоящим образом. Сегодня 11-е. 28 февраля я послала телеграмму Юрию, прося передать Васе, чтобы немедленно выслал деньги. Кроме длинной телеграммы, я ни от родителей, ни от деда моих бедных внучат ничего не получила.

Почти каждый день Мара ходит продавать мои книги, мне самой неловко, в Лавке писателей меня слишком хорошо все знают.

Это мучительно. А со стороны Васи и Наташи просто бесчеловечно по отношению к детям. Я измучена и истощена. Как быть дальше? Работы мне не найти, переводов нет.

На этих днях М.М. <Сорокина> зазвала меня к себе заняться спиритизмом. Она только этим и живет, т.к. духи ее успокаивают насчет сына, держат ее в курсе его передвижений, и если все осуществится, то это будет целое откровение.

Блюдечко бегало, я еле до него прикасалась. Путного ничего не выходило, на ее вопросы ответа не было. Я спросила, жив ли мой брат. Последовал ответ: «Вася Яковлев (брат) à Paris». — «Кто с нами говорит?» — и вот тут получилось самое странное: блюдечко поехало, и вышло: «Доша Квашнин!» Я об нем давным-давно не вспоминала, Мария Михайловна о существовании Евдокима Николаевича Квашнина-Самарина не знала совсем. «Когда я увижу брата?» — «Май 1947». Последнее, конечно, явно несбыточно. Как это объяснить? Что же мне делать дальше?

Была на днях в филармонии. Исполняли 3-ю симфонию Гавриила Попова. Вещь большая, крепкая. Четвертая часть очень хороша, но, по-моему, холодно это, меня не захватило. А м.б., я просто утомлена и настолько голодна, что уже не соображаю, и одни струнные немного однообразны. Кочуров восхищался новаторством Попова. В артистической, куда мы пошли с Натальей Васильевной, был Юрьев. Ему 76-й год, был удар в прошлом году, а вид великолепный. Рассказал мне, что пишет 3-й том воспоминаний[114], Институт театра и музыки заказал ему книгу «Школа русского актерства»[115], а на днях его просили прочесть в ВТО доклад на тему: «Истоки советского театра».

Люблю видеть людей, торжествующих над временем. К ним относится и Анна Петровна. — Clémence[116].

Юрьев сохраняет свое brio[117]. Прекрасно одет, чудесный бриллиантовый перстень на пальце.

1 марта в Союзе писателей был вечер одного стихотворения. А перед этим кое-кто говорил в ответ на доклад Друзина о советской поэзии. Между прочим, Раиса Мессер (партийная) сказала такую фразу: «Наши поэты что-то слишком успокоились за последние месяцы и ничего не пишут».

Я думаю после августовского постановления ЦК вряд ли захочется писать стихи.

Кстати, Юрий рассказывал, что это постановление вызвало страшный скандал за границей. Будто бы Пристли написал, что театры в СССР хорошие, но смех он слышал только на «Мертвых душах» в МХАТе и на пьесах Зощенко в Ленинграде[118].

Эти пьесы хорошо рисуют советский быт. Они идут в Лондоне и пользуются успехом. Наши пытались хлопотать, чтобы их сняли, но это им не удалось.

13 марта. Сегодня на четверге у Анны Петровны Александра Васильевна Щекатихина рассказала, что ее родственница Митусова, которая в свойстве с Рерихом, получила от него (или его секретарши) письмо, в котором он извещает, что приедет с семьей в Россию в 1947 году.

Cela donne à penser[119].

20 марта. У меня ощущение, что я тону. И нет даже соломинки, чтобы ухватиться. Денег из Москвы не шлют, я продала за март книг на 900 рублей. Иностранную литературу не принимают, археологию тоже, с нумизматическими книгами я как-то обошла все магазины Невского и Литейной, побывала в университете на историческом факультете, не нужно никому. Как многое вообще стало никому не нужно, начиная с туалетной бумаги.

Я растерялась. Где искать работы? Я не умею искать работы, прежде работа всегда сама меня искала, но сейчас, при усилении партийного нажима, куда пойдешь? То ли стара я стала, то ли устала физически за жизнь, за блокаду, но я нахожусь в каком-то оцепенении. И надо правду сказать, из всех моих знакомых у меня была самая трудная, физически тяжелая жизнь. У меня как будто сухожилия подрезаны. А тут голод, и дети на руках. И я чувствую, что от Васи и Наташи помощи не будет и в дальнейшем.

Ведь я могла бы хлопотать о пенсии — не хочу, не могу, это свыше сил моих. У меня такое безмерное презрение к нашим gouvernants[120], что даже и шерсти клок вырывать не хочется. Ноет сердце по кукольному театру, по марионеткам, нашему коллективу, но разве сейчас, при настоящих зверских условиях, можно об этом мечтать?

!! Сейчас позвонила мне Люся Говорова, предлагает работу, роспись пластмассовых вещей, я, конечно, согласилась, только выйдет ли из этого что-нибудь?

Алеша Бонч-Бруевич приехал из Москвы, звонил мне. Он трогательно относится к Васе и всегда обстоятельно мне о нем рассказывает. Вася плохо себя чувствует, очень похудел, страшно потеет по ночам. На днях премьера «Кошкиного дома»[121], и он очень бы хотел, чтобы я приехала. Этот спектакль ему зачтется как дипломная работа.

Денег нет. В студии вывесили объявление или приказ о недопущении студента Шапорина к занятиям за неуплату за обучение. Вася обратился к отцу — тот ответил, что денег у него нет, но он поговорит!

Денег, денег, денег, денег! Скольким людям я бы помогла, если бы у меня были деньги. Конечно, Васе и его детям, девочкам, Наде Дейша. Я бы устроила хорошее общежитие для осиротевших девочек, первыми поместила бы туда моих учениц из второй группы ремесленного училища. Чудесные девочки Попова, Гусева и др.

Как я молю Бога о помощи.

23 марта. Никита звонил Наташе Лозинской, что, кажется, устроил в издательстве для меня перевод — биография Mme Curie[122]. Если все это сбудется, значит, Бог меня услыхал. Как я молилась! И как я благодарна. Я была у Говоровой, видела их роспись пластмассы, сделано с большим вкусом. Мы с Люсей пошли искать тоненькие акварельные кисти. Обошли магазины на Невском, были в коммерческих магазинах ДЛТ и Пассаже, и только в Пассаже я нашла скверную и недостаточно тонкую кисточку за 6 рублей!

Какой нездоровый вид у народа!

24 марта. Мне кажется, что за мое молчание о его многоженстве Юрий должен был бы платить большие деньги. Какая обида, что я не шантажистка.

Сегодня в смысле питания у нас на весь день было полкило картошки и один стакан крупы пшеничной. Дети, получив более чем тощий ужин, завопили, что хотят есть. Бедные крошки. Придется прибегнуть к шантажу. Полтора месяца уже, как я не получила из Москвы ни копейки. И это родители! И дед.

30 марта. Новое «торможение». Вся суть в том, чтобы обыватель не успокаивался. По городу идет инвентаризация жилплощади из расчета 6 кв. метров на человека. 6 метров — это 3×2, стойло свиньи.

Иван Михеевич вызвал меня в контору, чтобы сообщить об этом, и мы с ним и Натальей Александровной ломали голову, как тут быть. В квартире

83 метра, нас семь человек с Ольгой Андрияной. Шестью семь — 42. Следовательно, нас могут всех всадить в 2 комнаты, тем более что нет мужчин.

У меня комната в 26 метров! Какая наглость!

Одним словом, две комнаты можно взять и вселить туда воров и пьяниц, как у несчастной Щекатихиной.

Решили, что надо взывать о помощи к Юрию Александровичу и просить написать Вербицкому. Что я и сделала.

Насколько легче довести жилищную норму до трех метров, чем строить дома. Удобства обывателя — nonsens. Чем меньше, тем он забитее. Начиная с декабристов, все революционеры с жиру бесились, народовольцы и остальные на чужие деньги жили. Они, т.е. гувернанты, очень хорошо все понимают. За один сезон: постановление ЦК партии, увеличение цен, изъятие жилплощади, усиленное внедрение партийного обучения[123]. От таких «сшибок» (по Павлову) какой мозг устоит.

А в это время кругом... Наталья Васильевна познакомилась в ТЮЗе с партийной деятельницей, уже немолодой, которая ведает детьми нашего района. Дети мрут от голода, все детские больницы переполнены. На Митрофаниевском кладбище[124] нашли трехлетнюю девочку, привязанную к кресту. Передали милиции. Девочка была в полузамерзшем состоянии. Ее отогрели, откормили, она заговорила. Ее спросили, кто ее привязал: «Мама́нька и папа́нька», — был ответ.

Громко об этом говорить нельзя; велели обратиться к «частной благотворительности»!!

31 марта. Сегодня часов в 11 утра совсем неожиданно приехала ко мне Анна Петровна, детей посмотреть. Расспрашивала, нет ли просветления в моей судьбе. «А я вам привезла небольшое просветление. Je vous ai apporté mille roubles»[125] (тут были дети). Я так и ахнула, запротестовала: «Нет, нет, я буду счастлива, что вы хоть неделю проживете без забот». Целый день я ходила потрясенная. Удивительный она человек. Сколько ума, мудрости, простоты, доброты.

Как художника, я нахожу, что ее недостаточно знают и ценят. Я недавно просматривала ее папку с итальянскими рисунками и акварелями. До этого видела ее альбомы путевых набросков по Норвегии. Я ни у кого из наших художников не знаю таких рисунков, такой силы, живописности, такого уменья передать очень скупыми средствами величие горных панорам. Рука у нее неженская.

Может быть, рисунки Серова стоят на одном уровне, да и то не знаю.

8 апреля. Я мучительно голодаю. Мое питанье за день: утром чай и 250 гр. хлеба черного, в 6 часов обед: суп — вода с крупой и картошкой (без масла — масло только детям) и на второе или тушеные овощи (au naturel[126] опять-таки), или немного поджаренной картошки на маргарине. Сто граммов хлеба я съедаю за день, к обеду остается 50 гр. И больше ничего. Опять, как в блокаду, делается положительно плохо, когда видишь на улице едящих бутерброды или даже хлеб. Мучительно и унизительно.

12 апреля. Пришла Катя Пашникова; в Ленинград приехала девушка из ее деревни и ищет место домработницы. В деревне голод. У них еще ничего, они получили по 800 гр. на трудодень, но в соседнем сельсовете, за пять километров от них, крестьяне ничего не получили. «Умер один мужчина от истощения, никто не берется его хоронить, истощены гораздо. Проходит неделя, девять дней, никто не хоронит. Тогда закололи колхозного барана и дали тем людям, они могилу выкопали, похоронили, съели барана. Потом умирает еще один мужчина, за ним другой, все от истощения. Опять никто не хоронит. Теперь должен умереть третий, так ждут его смерти, чтобы для всех троих опять заколоть барана и похоронить их в одной могиле». Как было бы просто — заколоть всех баранов и кормить голодающих людей.

Катя — это живой эпос.

Юрий послал телеграмму Вербицкому (копию мне). Тотчас же мне позвонили, чтобы на следующий день (10-го) я пришла. В Смольном «спускают» пропуск в бюро пропусков. Затем этот пропуск и паспорт просматривают дважды: при входе на священную территорию и при входе на тот коридор, куда вы идете.

Жду Вербицкого. Над секретаршей висят графики поступающих в город дров. Смольный — это партия; Мариинский дворец — правительство[127]. Нами управляет чиновничество в квадрате. Горком партии, райкомы, обкомы, Ленсовет, горсоветы, райсоветы — имя им легион, именно тот легион, который переселился в свиней (ап. Марк, 5 гл.). Дождаться бы только того момента, когда они ринутся в море.

Вербицкий — разжиревший, как они все, человек. Начал довольно нелюбезно, что квартирные вопросы не входят в его компетенцию. Но все же вызвал к телефону юриста по жилищным делам и выяснил, что для длительно живущих в квартире норма остается в 9 метров, а для вновь вселяемых 6 метров. Посоветовал сделать внутреннюю перепланировку, т.е. считать

бóльшую площадь за бóльшим количеством людей, «а если вас будут теснить, позвоните мне».

Который уж раз за эти 30 лет приходится отстаивать свой угол!

9 мая. День Победы. На Доме Красной армии (теперь он называется Дом офицеров!) вдоль Литейной повешены с 1 мая портреты всех генералов с генералиссимусом посередине, все, кроме главного героя, взявшего Берлин, все, кроме Жукова. Он в опале. Я не могу смотреть на эту подлость. И я не знаю человека, которого бы более единодушно ненавидели все, чем Сталина.

Обывательские анекдоты. Два еврея сидят на концерте Ойстраха. Мойша плачет и говорит соседу: «Смотри, Абраша, один еврейский мальчик играет, а пятьсот человек плачут». — «И чего тут плакать, Мойша. Я знаю одного грузинского мальчика, который-таки не играет, а сто восемьдесят миллионов плачут».

Сошлось несколько человек, разговорились. «Ну, как живете? Я живу, как моль. Два пальто проел, за женино платье принялся». — «А я, как сыр: весь в дырочках и слезах». — «А я, как шина, все время верчусь, и каждый день надувают». — «Моя жизнь это маршрут трамвая № 4. С острова Голодая[128], мимо магазина Елисеева[129], на Волково кладбище». — «А я живу, как Ленин: в землю не закапывают и жрать не дают».

Вот уж можно сказать с Гоголем: над кем смеетесь?..

А жизнь чудовищна. Наталья Васильевна рассказывала... Муж убит на фронте. Женщина заводит любовника, который согласен жениться, если она изведет дочку. Мать избивает ребенка (шестилетнюю), бьет кирпичом по голове. Соседи доносят, и ребенка увозят в больницу. Девочку расспрашивают, почему она вся в синяках. Она отрицает вину матери. Следователь приходит в больницу и ласковыми разговорами доводит девочку до признания. Она плачет и говорит: «Бедная мамочка, как могла она это делать».

Такие случаи были и прежде, Достоевский писал о каком-то процессе в этом роде[130]. Теперь об этом не пишут — у нас нет преступников, у нас все благополучно. А такие факты стали обыденными. Нищета доводит до разбоя, до людоедства, до преступления.

Я стояла в очереди в магазине. Передо мной две женщины, работницы, еще молодые, лет по 30. Одна была с семилетним сыном. Мальчик худенький, иссиня-бледный. Они рассказали, что сейчас по всем заводам снижены расценки, где на 50%, где на 60, на 70, смотря по «операциям», выразилась одна из них. А цены повышаются.

И Сталин имеет наглость говорить Стассену: «Неправда ли, в Европе сейчас очень плохо?»[131]

Ирина Вольберг присутствовала на суде при разборе дела мужа и жены, которые с 1943 по 1946 год убили и съели 18 человек.

Я за это время измучилась. Ни Вася, ни Наташа денег не посылают. И вот, чуть забрезжит утро, я просыпаюсь и мучительно придумываю, что бы сегодня продать. Какие книги. В магазинах, покупающих книги, очередь продающих бывает даже на улице. Я стояла в подобной очереди. Продала тогда «Les trois mousquetaires», «Nana»[132], что-то Мопассана, еще что-то, Rosette[133] с рисунками Ватто, получила 140 р., пошла на рынок, купила 6 кг картошки (96 р.), два стакана крупы (20 р.).

Продала 1-е издание Пушкина 1838 и <18>41 <годов>, 11 томов, которое я берегла как зеницу ока, за 560 р.

На мое пропитание выходит в день 8 р., а на обоих детей 80.

Мучительно голодаю. Это самое унизительное ощущение, которое может испытывать человек.

Надо бы отправить детей в Москву, как я телеграфировала Васе, но жалко их. У них не мать, а кукушка, да и Вася хорош. Если положение не изменится, я не вытяну.

Не так давно я получила посылку из Америки; когда ехала на почтамт, ломала себе голову, от кого. Оказалось, от Оли Капустянской. У меня даже спина похолодела, когда я прочла ее имя на посылке.

Посылка стоила в New-Yorke три доллара. С меня взяли таможенный сбор и за переупаковку 95 р., т.е. 19 долларов. Украли кусок шоколаду, просто отломили, украли крупу, оставив в пакете в фунт граммов 50 и вместо американского куска мыла положили четверть куска нашего коричневого стирального. Позорно и характерно.

11 мая. Утром позвонил Юрий Александрович. Просит повременить с отправкой детей. Испугались. У Васи, дескать, положение отчаянное, экзамены, сдача диплома, постановка в Театре киноактера[134]; Наташа неизвестно где, а у него самого тоже положение отчаянное; дети гулять не ходят, т.к. не во что их одеть. Продает дачу, чтобы расплатиться с долгами. Завтра назначено свидание с Храпченко, будет говорить о своем бедственном положении.

И это говорит лауреат, дважды лауреат, у которого всякие лимиты и пайки.

Очевидно, лучше всех мне. Стыдно за него, да, забыла записать еще один анекдот, который повторяют все.

Молотов спрашивает Маршалла, какой средний заработок у американского рабочего в месяц.

Маршалл: Три тысячи долларов.

<Молотов:> А сколько он проживает?

<Маршалл:> Тысячу долларов.

Молотов: А что же он делает с остающимися двумя тысячами?

Маршалл: Это нас не интересует. А каков у вас средний заработок рабочего?

Молотов: Тысяча рублей.

<Маршалл:> А сколько он проживает?

Молотов: 3000 рублей.

Маршалл: А где же он берет недостающие две тысячи?

Молотов: Это нас не интересует.

Была сегодня в церкви. От ворот до паперти тесные шпалеры нищих. Несколько мужчин поразили меня. Худые, желтые, страшные. Напомнили нищих из «Гадибука»[135].

Вообще народ исхудал сильно, говорят, больницы полны дистрофиками.

13 мая. Еще анекдот. Корова и лошадь уходят из СССР и на границе встречают идущих сюда клопа и петуха. Петух спрашивает лошадь:

— Зачем ты уходишь из СССР, у вас ведь так хорошо?

— Делать нечего, нас женщины заменили, работают, как лошади.

— Ну а ты, корова?

— Доят меня 7 раз в день, а кормят один раз.

— Ну а ты, петух, чего сюда идешь?

— Еще бы, у вас раз споешь и лауреатом будешь.

— А ты, клоп?

— Плохо в Европе, ходишь, ходишь по квартире, еле человека найдешь, а у вас по 15 человек в одной комнате живет, раздолье!

<...>[136]

18 мая. Была у Анны Петровны. 76-й год рождения. Утром ходила с детишками в поисках цветов по цветочным магазинам, еле нашла полураспустившуюся гортензию. А днем А.П. мне звонит: «Почему вы меня не поздравляете, я беспокоюсь, не забыли ли вы, приходите непременно». Оказывается, 16-го она плохо себя чувствовала и было решено отменить гостей. Какая душевная молодость у этого человека.

У нее был Курбатов. Я впервые с ним познакомилась. Знал всех и знает всё.

За чаем Костенко, Успенские и я, мы сидели около него. Бесконечно интересный собеседник. Когда прощались, А.П. ему говорит: «А помните вы, что было 11 мая, как вы держали надо мной венец?»

Утром мне позвонил Юрий. Я вчера послала ему (как он просил!) телеграмму: вышлите немедленно денег, погибаем. А погибаю я действительно. За весь май ни копейки ни от кого. Просыпаюсь ежедневно в 6 утра и мучительно думаю: что же продавать сегодня? Юрий — одни жалкие слова: они в полной нищете, едят один раз в день одно блюдо. Он принужден брать халтуры, не может кончить баллады, не работает над оперой. Вася не сдает диплом, на него жалуются. У него ужасный вид, надо его развести с Наташей, которую возненавидели даже в МХАТе. И зачем я посылаю такие телеграммы, что подумает домработница?

Немного позже получаю телеграмму от Наташи из Гродно: «Простите задержку денег вине театра». По-видимому, я смоленская помещица и Ларино может прокормить детей. Бог им судья!

Жалко Васю.

28 мая. Отменили смертную казнь[137]. Тридцать лет казнили без передышки, без отдыха и срока. Только бы дожить до будущего суда, ежедневно молюсь об этом. Когда всему миру станут известны их чудовищные преступления? Миллионы расстрелянных, заморенных, загубленных, пытки самые изощренные.

29 мая. Увезли шкаф красного дерева эпохи Александра I, принадлежавший Васе (брату). Приходила смотреть его женщина средних лет, уровня прислуги. Вчера пришла уже с дочерью и внучатами. Дочь посмотрела шкаф: «Да, конечно, видно, что Петровский..., мы хотим, чтоб у каждого были всякие и шкапы и столы». У них квартира в три комнаты на Кутузовской набережной. Накупили уже очень много всего. Сегодня за шкафом приехал муж, вошел ко мне в комнату в фуражке — энкавэдэшник[138].

Вот у кого деньги.

Продала недавно воспоминания Болотова[139]. И всегда больно, больно расставаться с вещами, которые любишь. Не жаль, для детей не жаль, а больно, расстаешься, как с другом и навсегда.

А Наташа и в ус себе не дует, пишет Васе, что загорает на солнце. А Вася рвется на части, чтобы и Студию кончить, и деньги на стороне заработать.

Он не сдал вовремя диплома, его исключили из Студии, затем вновь приняли, но он считает свою репутацию в МХАТе подмоченной.

Приезжал Дмитриев, говорит, что декорации в Театр киноактера Вася сделал хорошо, все довольны, и он думает, что и в Студии все обойдется благополучно, только панику наводят.

Вася звонил, он взбешен на Наташу и решил развестись. Не так-то это просто, ей важно быть Шапориной.

Жалею, что не удалось повидаться с Дмитриевым; 25-го, уходя от Щекатихиной, я оступилась на лестнице и подвернула себе ногу. Было мучительно больно. Теперь лежу уже четвертый день.

31 мая. Получила открытку от Васи (брата). Все здоровы, Вася junior[140] в командировке в Америке уже год; к нему уехала жена с детьми. Саша тоже в Америке, у него хорошее место. Приезжала Марина с мужем, симпатичным английским моряком. Только милая Вера Ивановна умерла, но ей было уж, верно, лет 85. Веет от письма нормальной человеческой европейской жизнью. Какое счастье, что они эмигрировали. Я чувствую над ними папины заботы, у них есть ангел-хранитель. И какой страшной мне показалась моя собственная жизнь, жизнь моего бедного Васи, какой чудовищный и неудачный эксперимент. Эксперимент полуинтеллигентов.

М.М. делится со мной своими новостями: они спросили — где Жуков? — Он у вас — у него большая роль впереди. В конце года будут ужасные события в главном городе, страшнее ничего не было. Вас и страны это не коснется. После этого вернется сын М.М. и жизнь будет другой[141].

Наш будущий потомок, житель сильной и крепкой страны старого континента с буржуазно-демократическим строем, единственно противостоящей Америке, этот потомок не поверит тому, что будут рассказывать мемуары нашего времени.

Как рано проявляется индивидуальность. Соня и Петя. Ей в августе минет 8, ему в июне 4. Совершенно разные дети. Соня медлительная, нервная, застенчивая, очень нежная, умненькая. Петя — ртуть. Живой, шалун, веселый, остроумный, ни перед чем не останавливающийся, по-видимому, будущий художник. Может рисовать часами. Берет бумагу, стремительно валится на пол, карандаш в левой руке, язык вытянут на вершок. Линии твердые, очень занятные рисунки. Месяца два, как он начал рисовать людей. Откуда все понял: движение, правильное положение ног при ходьбе? У Сони есть способности к лепке. Беспокоюсь я за нее ужасно. У нее порок сердца. Шапорин всех снабдил этим пороком, будучи сам здоров как бык.

6 июня. Слушаю бой часов и вспоминаю: toutes blessent, la dernière tué. Хочу дожить, надо дожить, *должна* дожить.

7 июня. Сейчас звонил Вася из Москвы. Наташа вернулась, денег не привезла, все проела. Сейчас к нам не приедет, т.к. занята.

И это мать! Что у нее вместо сердца?

С 20 сентября она не видела детей. Ну как не отложить какие-то деньги, чтобы хоть на день заехать в Ленинград, поцеловать, прижать к себе этих крошек? Как не поголодать, как я, чтобы прислать им денег? Нет имени такому отношению. А по отношению ко мне? Услыхала ли я хоть слово благодарности; конечно, нет. Бедные, бедные дети. Я умру — что с ними будет? Такое хрупкое существо, как Сонечка. Что она для этого бессердечного битюга? А Вася вполне под ее башмаком. Она его обманывает как хочет.

Дрянь в полном смысле этого слова.

Бедные, бедные дети. И такие чудесные.

11 июня. Приходит Петя, головка набок, рожица ласковая и лукавая: «Я хочу сладкого, только не на букву Э (на букву Э — конфэта), а на букву саха-рэ!»

Я прочла «Enfance et jeunesse» de Renan[142]. Прочла с интересом. Меня изумляет одно (то же удивило меня и в «Исповеди» Л. Толстого): как долго и много он изучает, чтобы прийти к отрицанию созданного руками человеческими христианства. Для такого вывода, по моему мнению, достаточно глубоко вчитаться в Евангелие. Нигде Христос не отождествляет себя с Богом. Зачем называешь ты меня благим? Никто не благ, токмо один Бог. Данная им замечательная молитва — Отче наш — исчерпывает все стремления человеческие и устанавливает единого Бога Творца. А молитва в Гефсиманском саду — не как я хочу, а как Ты хочешь. Уже много, много лет я каждый день читаю Евангелие. С начала и до конца. И опять начинаю снова. Больше всех люблю Матфея. Я, конечно, христианка, выше Христа и его учения ничего нет на земле. Но как могли создать Троицу, так материалистически понять Дух Господень. Грех против духа святого не простится, — сказал Христос. А отцы церкви написали Дух с большой буквы и изобразили голубя.

Я всегда любила «Отче наш», в особенности первые три прошения. Долго слова «да будет воля Твоя» вызывали невольный протест всего моего существа. Неужели я совсем бессильна? Но война и блокада научили многому. Да, да будет воля Твоя, но да будет она милосердна. Когда я говорю: «да святится имя Твое по всей земле», я вижу раскрепощенную несчастную Рос-

сию, восстановленные церкви и народ, возвращающийся к человеческой жизни и человеческому облику.

Недавно заходила ко мне Наталья Васильевна. Ее вызывали в НКВД «побеседовать». Расспрашивали, с кем видится, кого знает, и выяснилось, что их интересует. Аствацатуровы и Кочуров, Папазян и Е.И. Плен, встречалась ли Н.В. во время блокады с Аствацатуровыми и какой они были ориентации, германской или великобританской? На что Н.В. ответила, что великобританской ориентации не могло существовать во время войны, англичане были нашими союзниками. Следователь просил разрешения к ней заехать, еще побеседовать.

Вот. Уважаемая женщина, вдова А.Н. Толстого, депутата Верховного Совета, не защищена от допросов следователей, которым нужно сейчас создать своими руками «великобританский центр». Нанести такое оскорбление человеку, не подававшему к тому никакого повода. То же, что и со мной было. А может быть, еще и будет. Никто и никогда не застрахован.

16 июня. Бедные мои детки, сколько они внесли ласки и тепла в мою душу.

22 июня. В апреле пришла ко мне моя приятельница. Все последнее время она была в крайне угнетенном состоянии духа. Говорила, что окаменела. В этот раз она не выдержала и рассказала. Дочь двадцати четырех <лет> сделала аборт; т.к. живет она отдельно, то созналась в своем положении матери лишь тогда, когда имела уже в руках направление в больницу. «Чего ты расстраиваешься, — говорила она матери, — ведь это же со всеми бывает, все это очень просто».

В начале зимы то же произошло и с Т. Милая девочка 23 лет пошла к старым друзьям матери. Жены не было дома, муж этим воспользовался.

С большим трудом удалось найти докторшу[143]. Мать в отчаянии.

Я бы убила этого человека.

В ремесленном училище, в моей любимой второй группе, была прелестная девочка Таня В. 17 лет, из интеллигентной семьи. За блокаду у нее умерли все, родители, бабушка. Осталась неприятная тетка, работающая в Публичной библиотеке. Таня у нее жила. Какой-то родственник, чуть ли не дядя, в нее влюбился. Она его не любит.

Всю эту зиму она не училась, болела. Теперь у нее сын. Тетка ее выгнала. Ей пришлось остаться еще на год на третьем курсе, ребенка отдала в Дом малютки. «А потом, когда кончу, я его возьму и буду воспитывать». До боли

ее жаль. Такое у нее тонкое, красивое личико. И сколько сейчас детей без отцов, матерей без мужей.

Все позволено, нет греха, нет традиции, семью подтачивали и растлевали молодежь с 1917 года. А страдать будут дети.

Мне бы богатство!

20-го приехала Наташа на неделю. Я смотрю на нее и думаю: что у нее внутри? Души у нее и правда нет, в этом В.В. Дмитриев совершенно прав. Детей она не видала ровно девять месяцев. Хоть бы слово благодарности она мне сказала. Даже как будто недовольна, что они мало выросли.

Она очень талантлива. Костюмы для оперетт, которые она привезла показать, очень хороши. Пусть этим и занимается, а детей ей отдавать нельзя на порчу. За два дня она уже сбила весь строгий, вернее, определенный режим, который я наладила. Все «repas»[144] не вовремя, ложатся в 10 часов. Любовь к детям дальше эпидермы у нее не идет, да и не только к детям. А забота не только о детях, а даже о цветах должна в нас жить где-то очень глубоко.

Привезла Наташа с собой 400 рублей.

А больше нету?! Это первые деньги за июнь.

18 июня Анна Петровна уезжала на дачу. Моя машинистка перепечатывала для нее две главы третьего тома воспоминаний, и я должна была ей послать их. Часа в три А.П. мне звонит: «У меня только что были из Музея, приобрели две картины. Я хочу вам послать тысячу рублей, может ли это вам помочь устроить малышей на дачу? Я бы прислала больше, но пока получила только задаток».

На мои возражения: «А в чем же состоит дружба?» — и прислала 1000 рублей. Я не могу об этом думать без слез. От Наташи я это скрыла.

Позвонила вчера Юрию, просила устроить Васе санаторию. Обещал, говорит, что уже сам хлопочет, хочет устроить в композиторском доме отдыха в Иванове. «Только чтобы он был без Наташи».

Наташа ездила по Белоруссии с опереттой, была в Минске, Гродно, Вильне. Советских граждан ненавидят. Там орудуют банды бендеровцев[145], совершают налеты на местечки, убивают всех коммунистов. Подъезжая к Гродно, они видели картину, напомнившую ей ленинградские улицы после бомбежки: группы людей, сидящих на своем скарбе, дымящиеся развалины. В Гродно они узнали, что там был налет бендеровцев.

То же самое рассказывал Наталье Васильевне Филиппов, посланный в Белоруссию для расследования «восстаний». Там стали насаждать колхозы, и крестьяне ответили на это убийством посланных советских чиновников.

Филиппов объяснял Н. В. это тем, что неправильно взялись за это дело, надо было действовать не насилием, а пропагандой, агитацией и т.д.

23 июня. Умер Коля Крылов, пожалуй, самый симпатичный из Васиных друзей. Их вся компания была совершенно исключительная: Никита, Алеша Бонч, Геня Зевелевич и Кокоша. Но в Коле чувствовалась особенная мягкость, крупный ум; он был самым молодым доктором в стране. Он чуть ли не весь этот год умирал от сепсиса каким-то новым (зеленящим) стрептококком. И последние дни он был в полном сознании и знал, что умирает. *За два дня до смерти* он поручил жене передать Васиным детям материю на платье и купить им обувь! Он, оказывается, многим помогал.

Наташа была на похоронах. Говорит, что Коля стал неузнаваем. Это был скелет, обтянутый желтой кожей. Обычно полное лицо поэтому стало чужим. Как больно, когда погибает молодой, талантливый человек. Он был верующий, как и вся семья Догеля, на чьей дочери он был женат. Они венчались в церкви.

26 июня. Вчера Лозинские увезли с собой Сонечку в Вырицу[146] к Никитиным детям на 10 дней. Мне без нее тоскливо. Что со мною будет, если Наташа заберет детей в Москву? Я погибну, и дети погибнут тоже. Наташа по свойству своей натуры не может ни во что вдумываться, ни о чем заботиться. Например, дети возвращаются с прогулки на солнце горячие и потные. Придя домой, она их раздевает догола и так пускает бегать. А у нас окна на север, свежо и страшные сквозняки. В результате Петя кашлял всю ночь.

Прочла Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Да! Хочется сказать:

«Зачем было огороду городить,
И зачем было капустку садить!»

И какая теперь происходит наглая фальсификация фактов истории.

27 июня. Вчера был Юрий проездом в Ревель на какое-то музыкальное торжество. Приехал ко мне. Жаловался на безденежье. Заговорили о Попове. «Он хороший человек, очень умный. Но у него нет вкуса. У меня же за отсутствием дарования есть вкус». Шостакович становится все неприятнее, мелочнее, завистливее, и здесь проявляется влияние Нины Васильевны, которая просто стерва. Когда Танеев руководил консерваторией, он бережно относился к индивидуальности ученика, это мы видим на примере Скрябина и Рахманинова. Ученики Шостаковича — все маленькие Шостаковичи... Пятая симфония — крупная вещь[147]. Я заметила, что, пожалуй, «Леди Мак-

бет» самая замечательная из его вещей. Юрий возмутился: «Русская опера всегда была глубоко этична, несла в себе большие идеи. “Жизнь за царя”[148] — защита родины, “Князь Игорь” — становление государства, “Китеж”[149] — не можем победить, так лучше провалимся в озеро, “Борис Годунов”[150]. В “Леди Макбет” — ни одного положительного типа, никакой мысли».

Да, это трагический гротеск, каким явилась вся наша революция, и Шостакович отразил это.

Затем перешли к домашним делам. Дети могут ехать на его дачу, т.к. семья уезжает в Ригу. «Надо менять эту квартиру на Москву, я не могу хлопотать у Молотова», Наташа, которая давно этого требует, окрылилась и стала придумывать варианты. «Надо нашу квартиру менять на две по две комнаты». Одна из них останется мне и Ольге Андреевне. «А девочки?» — «Для девочек вы сделали достаточно, они перейдут жить в общежитие. Кто вам ближе — сын или совершенно чужие девочки?»

Наташе не приходит в голову мысль о том, что я, 67-летняя старуха, останусь одна совсем. Ольга Андреевна уходит в 8 ½ и возвращается редко в 7, чаще в 9, 10. Умри я, об этом догадаются, когда я начну разлагаться. Не говоря уже о том, что девочки прожили у меня 10 лет.

Я обожаю Соню. Мысль о разлуке с ней приводит меня в отчаяние. Весь этот поход расстроил меня. Сидела я в сумерках и горько плакала.

1 июля. Уже июль. Так и лето пройдет, а я все буду сидеть с больной ногой под окошком.

Наша чудовищная жизнь приносит свои плоды: Митя Толстой окончил консерваторию, окончил блестяще. Вечером 29-го он пошел с Б.А. Араповым, грузинским композитором и его женой в гостиницу «Европейскую». Вышли оттуда в 2 часа ночи, белой ночи, надо добавить. К ним пристал какой-то тип, предлагая развезти всех в машине. Они отказались. Он продолжал приставать. Арапов с грузином шли впереди, Митя с женой грузина сзади. Хулиган стал ощупывать Митины карманы. Затем Арапов слышит крики и, обернувшись, видит падающего Митю, у которого из уха хлещет кровь. Он пришел в сознание лишь в 11 часов утра. Сильное сотрясение мозга. На их крики не пришел никто, ни шоферы, стоявшие перед гостиницей, ни милиционер.

А накануне оркестрант из джаза Сапожнина, выйдя из «Европейской», взял таксиста, который его куда-то завез, ограбил и выбросил на мостовую, где его нашли тоже с сотрясением мозга. Он лежит у Бондарчука. Митя тоже в Нейрохирургическом. До сих пор ему еще не делали рентгеновского сним-

ка. К счастью, положение неугрожающее. Также на этих днях произошел случай, о котором мне рассказала Александра Алексеевна Бонч-Бруевич. Жилец их дома (на Лесном проспекте), пожилой господин, возвращался с работы часов в 6 вечера. Он стоял на подножке трамвая. Прицепившийся сзади бандит стал резать его костюм, чтобы вытащить бумажник. На площадке стояла женщина, увидала это и сказала: «Смотрите, у вас бумажник вытащат». — «Ах так!» — закричал бандит, полоснул женщину по лицу бритвой и соскочил. Он прорезал ей глаз! Коммунистическая мораль плюс коммунистическая нищета дают себя знать.

Брянцев говорил Наталье Васильевне, что как только была отменена смертная казнь, так сразу же в городе было несколько «мокрых» дел. Это понятно. Их арестуют, дадут 25 лет, через год выпустят под амнистию, они же «свои».

Ксения Эдуардовна Дешевова несколько лет тому назад поехала с Владимиром Михайловичем по Беломорканалу. Партийная ораторша сделала доклад пассажирам о стройке канала, о том, как быстро перековывались уголовники, «это были *наши*», — говорила она, и затем были враги, политические преступники. До чего это дойдет?

Государство sans foi ni loi[151]. Может быть, страна, народ? Нет, именно государство, директивы и пример идут сверху.

7 июля. По дороге из Таллина Юрий ко мне не заехал и даже не позвонил, хотя и уверял Васю по приезде в Москву, что звонил мне весь день. А чего звонить, я никуда не выхожу. Он боится моей агрессии по поводу Васи. Я и вправду хотела просить его устроить Васе санаторию, квартиру и помочь ему в устройстве постоянной работы, т.е. места театрального художника. О санатории я уже говорила с ним неоднократно.

Ничего не сделал. Что у этих отцов вместо сердца? Губка. Вчера Никита и Алеша увезли Соню в Москву. Соня побыла у Толстых в Вырице 10 дней, и я получила от Татьяны Борисовны Лозинской замечательное письмо о Соне. Растрогало меня до слез.

Сегодня я весь день лежу. Очень болит нога, и после отъезда Сони очень тоскливо. У меня осталось 6 рублей, килограммов 12 картошки и стакан крупы. Но я одна, и потому вполне спокойна. Деньги Анны Петровны, которые я мечтала сохранить себе на лето, все ушли на детей, Наташу и девочек, которые сидели тоже без денег.

Ночью звонил Вася. Мне кажется, за этот год он понял, что я ему не враг. Я очень боюсь за его здоровье. Шура (няня) не поехала в Москву. Она с се-

строй (Аня на сносях) съездили в деревню, купили матери за 2000 рублей водогрейку с потолком, но без крыши, без окон и печки; вернулись сюда, и Шура поедет обратно, чтобы перевезти и поставить эту хибару, заготовить лес. Она на это дело отдала 1200 рублей — весь свой заработок за 8 месяцев, а сестра и зять в надежде продать его велосипед заняли 1500. Вот это le vrai grand monde, как сказал Л. Толстой[152].

В деревне питаются травой и главным образом лопухами, которые долго кипятят, воду сливают и вновь кипятят. Вместо хлеба им выдали тимофеевку[153], которую тоже едят. В их колхозе три лошади, работает из них одна, две больные.

Нету хлеба вот по какой причине. Ввиду неурожая в прошлом году, комиссия разрешила сдавать только 50% нормы. Председатели колхоза и сельсовета сдали все 100%, были премированы, а население пухнет и дохнет от голода.

И как это подымается рука брать хлеб и прочие заготовки в местности, дотла разрушенной войной?

Сегодня весь день гроза. Как похожи раскаты грома на грохот обстрелов. Может быть, оттого-то я так скверно себя чувствую. Слабость невероятная, глаза не хочется открывать.

9 июля. Советская действительность готовит нам чуть ли не ежедневно такие неожиданности, что хоть в Неву бросайся. На днях получаю из районного жилищного отдела приказание «прибыть» к заведующему отделом т. Войлокову. Пошла сегодня. «Мы у вас изымаем комнату. Подайте заявление, что вы сдаете ее добровольно, и мы поселим к вам какую-нибудь одинокую учительницу. В противном случае отберем комнату через суд, получите какого-нибудь инвалида неработающего или какую-нибудь некультурную семью. Заявление подавайте завтра».

Когда я ему сказала, что Вербицкий при мне спрашивал юриста по жилищным делам о правилах инвентаризации и тот сообщил, что для тех, кто занимал площадь до войны и во время войны, норма остается девять метров, Войлоков закричал: «Много он понимает, ваш юрист! Я лучше его знаю постановления Совета министров, норма для всех шесть метров». Войлоков по виду рабочий лет 32 и хам с головы до пят. Говорит грубо, диктаторски, рожа просит кирпича.

Шла я домой и думала: пора помирать. Нет сил все это терпеть и чувствовать, как все меры переполняет та haine impuissante[154], о которой писал Стендаль.

Мы голодаем, но хоть в своем углу-то оставьте нас в покое. Нет, ни за что. Помни, что ты не человек.

Да, Войлоков еще утешил: няне или домработнице площади не полагается, она в расчет не идет!

А на съезде Союза писателей Фадеев, сделав несколько выпадов против А.Н. Веселовского, назвал Шишмарева и декана филологического факультета Алексеева «*попугайчиками* Веселовского»[155]. Разве допустимо, чтобы подобные люди руководили молодежью? 70-летнего академика назвать попугайчиком — это же равносильно публичной пощечине, и притом *безнаказанной*. В этом вся прелесть для них. Нечего добавить. Мучительно страдаю.

Была сегодня же у Новотельнова, сделали и сразу же проявили рентгеновский снимок: оказалось, перелом и трещина. Тоже весело.

24 июля. 9 утра. Только что звонил Вася. С отъезда детей никто мне не писал и не звонил. Ходила как пришибленная. Казалось непростительным, чудовищным такое отношение.

«У вас понятия XVIII столетия», — сказал мне Бондарчук.

К счастью, дети здоровы. Вася не отдыхает, ездит в Москву, устраивается на работу в Театр киноактера. Сидят без денег. Отец ничего ему не дал, уезжая в Ригу, и так санатории и не устроил. Я готова зубами скрежетать.

Но его лауреатство все-таки меня спасло. После моего визита к Войлокову я пришла в отчаяние. Позвонила Елена Ивановна: «Да обратитесь к Шостаковичу, ведь он же депутат Верховного совета нашего района». Тут я вспомнила, что за отсутствующего Шостаковича секретарствует Ашкенази. Позвонила ему. Этот милейший одессит меня успокоил, взял у меня все сведения, сказал, что хорошо знает Войлокова, который хам и холуй. Он написал ему заявление от имени депутата на официальном бланке, что, дескать, жена дважды лауреата занимает 61 метр, проживает на этих метрах с двумя внуками, двумя племянницами (это девочки) и их няней, всего 6 человек. 6×9 = 54 плюс 5 на семью = 59 и т.д. и т.д. ...

17 августа. Вернулась из больницы 14-го. Последний вечер я провела чудесно. Нас в палате шестеро. Две колхозницы — два почти противоположных типа «советской» деревни. Аня Федорова из Псковской области, 27 лет. Широкий лоб, широко расставленные глаза, скулы, острый длинный нос, лицо все заострено книзу, что-то есть от лисы. Она партийная, очень самодовольна, вела свое хозяйство, служила в МТС бухгалтером. Сломаны обе ноги, она лежит уже 2 года, ноги на шинах и с блоками, которые растягивают кости. Нина Пашечко, 18 лет, из Брянской области, трогательная девоч-

ка с очень правильными чертами лица. Жила в деревне. Ее завербовали в железнодорожное училище. Повезли в Москву в распределитель. Ей вышло назначение в Среднюю Азию. Но т.к. бумаги ее случайно отправили в Ленинград, велели ехать в Ленинград. Здесь о школе и думать забыли, а послали на работу, на пути, разгружать вагоны, укладывать шпалы. Зарплаты полагалось 400 рублей, с разверсткой по часам, но постройка общежитий, столовых не оплачивалась: «Работаете для себя». Повезли в Териоки, сидели там двое суток без хлеба и пищи. Был один хороший мастер, платил по 3, по 4 рубля за час, остальные по 1 рублю 50 к. и по 1 рублю 75 к. Попала под вагон, отрезало ступню. Отец ее организовал партизанский отряд. Свои же выдали. Немцы его расстреляли. У него было пять братьев — все погибли на войне. Она с отцом тоже партизанила, в разведку ходила. Как-то раз она с двумя девчонками, 11 и 13 лет, ей самой шел пятнадцатый, перерезали телефонный кабель. Немцы скоро заметили и арестовали много народа и их в том числе. Всех их, человек 30, посадили на «черного ворона» и повезли куда-то. Машина, хоть и крытая, сзади была открыта. Ехали вечером, дело было зимой, вьюга. Они, девчонки-то, и спрыгнули прямо в сугроб, никто не заметил.

Рассказывала, как со свадьбой ездила. Немцы свадебные поезда разрешали. Тут и жених с невестой, и поезжане[156], и поп, на сто километров в немецкое расположение проехали, останавливались в селах, крестьяне давали хлеб, все, что могли.

Рядом со мной Люся, хорошенькая двадцатилетняя девушка, своим высоким лбом вызывавшая в моем воображении воспоминания о портретах Возрождения.

Еще две пожилые женщины из мещан. Это единственный класс, который даже в блокаду не голодал. В последний вечер я спрашиваю Нину, есть ли у них в деревне колдуны. «Колдунов у нас нету, а ведьм много». И пошли рассказы. Все приняли участие и наперебой рассказывали случаи, очевидцами которых были или сами, или их близкие родные. Дедушка Нины, когда был еще молодым, только что женился, и поссорились они с женой, подрались. Он ушел из дому, пошел в соседнюю деревню на гульбу (посиделки). «Вот идет он ночью домой и видит: на него катится каток, так сам и катится. Он понял, что это ведьма. С ним была палка и веревка. Он избил этот каток, продел веревку в дырку для оси и принес домой. Принес и привязал к ножке стола. А столы у нас крепкие, один угол прибит. Вот привязал и спать пошел, а жена уж спала. Наутро встают они, приходят и видят: у стола ле-

жит женщина, к столу привязана. Один конец веревки изо рта торчит, а другой из задницы».

«А вот еще, это уж на моих глазах было, — говорит Нина. — Рядом с нами жила Настя, ведьма была. И как 12 часов, так ей надо что-нибудь сделать. И сделала она в ржаном поле залом круглый[157]. Наутро пришли колхозницы жать. А поле здесь было маленькое, они и говорят ведьминой дочке: ты жни здесь, а мы на большое поле пойдем. Она ничего про залом-то не знала, сжала участок и вместе с заломом. И заболели у нее сразу руки, сгнило мясо до кости. Мать ничем помочь не может, она в Бога не верует, а в черта, ну а черт здесь помочь не может. Еле нашли такую бабушку, заговорила ей руки, и все прошло». У Ани бабка отца вылечила. «Ехали отец с матерью из Острова, переезжали мост; отец спрыгнул с телеги, упал и встать не может. Переломил ногу. Еле втащила жена его на телегу, привезла домой, и стали его по докторам возить, ничего не помогает. Посоветовали ей за тетей Сашкой съездить. "Да у тебя доспех"[158], — сказала та. И вот ночью повезла она его на тот самый мост, раздела догола и положила на то самое место, где он упал. Обвела вокруг него круг и что-то приговаривала. После этого он встал, сам сел на телегу, все как рукой сняло». Много еще рассказывали и про домовых, которые заплетают лошадям гривы. Я тоже рассказала о ярославских ведьмах, тут все наперебой стали подтверждать, как всем известное, что для того, чтобы ведьма могла умереть, надо в потолке дыру прорубить. «У нас, — сказала партийная Аня, — не прорубают, а три половицы в потолке снимают». Я наслаждалась. Есть еще порох в пороховницах, есть еще свежесть в народе; 30 лет насильственного атеизма, внедрения всеми способами газетного штампа не тронули народную душу, не вытравили ни верований, ни суеверий. Какое счастье. Я была как на празднике.

А жизнь моя далеко не праздник. Перепишу мои заметки в больнице: 27 июля. Светлый вечер. Сижу на террасе третьего этажа, где моя палата. Кругом парк. За деревьями поблескивает вода Кронверка[159], выше на голубом небе шпиль Петропавловской колокольни, крест и летящий ангел[160]. Облачка, освещенные закатным солнцем, напоминают мурильевских мадонн. Реют ласточки. Стараюсь ни о чем не думать, потому что мысли могут быть только печальные.

Я совершенно одинока, помощи мне ждать неоткуда. Выйду из больницы (сейчас у меня 60 рублей, остаток от 300, взятых в кассе взаимопомощи Союза писателей), будет ли работа, не знаю, верней, что нет. Достанет ли

Никита мне перевод в Москве — скорей всего, что нет. И вот, проработав 30 лет, у меня единственная перспектива, когда распродам последнюю мебель, проситься в Дом инвалидов.

Смотрю на крест, на летающих со свистом ласточек (свист снарядов вспоминается) и не думаю, запрещаю себе думать. Вдоль решетки террасы стоят ящики с бархатцами и разноцветными петуньями. Вспоминаю Пинчио, виллу Боргезе, где были фонтаны, окаймленные пестрыми петуньями.

Прочла первый том «Mémorial de Saint-Hélène»[161]. Какое величие!

30 августа. Передовица «Ленинградской правды»: «...нельзя, например, согласиться, что по сей день не получили на подмостках нашего театра своего воплощения образы людей социалистической деревни. Крайне слабо и редко разрабатываются драматургами и театрами темы производственные. Никак не отражена на сцене борьба за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки, социалистическое соревнование, неукротимый дух советских людей, борющихся за выполнение сталинского плана восстановления хозяйства...»[162] und so weiter[163].

10 сентября. Вчера заходила ко мне Т.Р. Златогорова. Рассказывала о Коктебеле[164], заговорила о Тамаре Салтыковой. Там всем было известно, что она осведомительница. Она была приставлена к Златогорову, С.В. Лебедеву, Максу Волошину. Все это знали и очень ее остерегались. Она очень дружила с Наташей Данько (говорили хуже) и, по словам Татьяны Руфовны, тень от Тамары, к сожалению, падала и на Наташу, ей многие не доверяли.

Как это больно. Что заставило Тамару? Такая умница. Трусость?

А нога моя все болит и болит, и ходить могу минимально.

7-го увезли псише[165], продала за 2500 и на другой же день спешно стала платить долги. Сегодня, расплатившись со всеми срочными долгами, у меня осталось 500 рублей. Все эти долги сделаны при детях и для них.

О Тамаре Салтыковой у меня есть курьезное письмо от А.В. Оссовского от 44-го года[166]. Он прислал мне через Тамару письмо, которое я должна была кому-то передать в Москве (я ехала тогда к своим). Письмо лично мне так же, как и первое, было запечатано сургучом с его печатью, и он в нем извинялся, что первое письмо он прислал запечатанным. Но это было вызвано тем, что Т. Салтыкова имеет обыкновение вскрывать и читать чужие письма!

И Оссовский, и Тамара с Зоей Лодий жили тогда в консерватории.

18 сентября. Вчера вечером я позвонила в Москву к Ю.А. Вася не звонил уже около месяца, и я беспокоилась, зная из третьих рук, что детей собираются привезти сюда.

Разговор с Юрием привел меня в дикое бешенство, я потом долго не могла уснуть. Юрий говорил в очень агрессивном тоне: «У Васи плохо обстоит дело с квартирой. Я не могу просить у правительства для него квартиры, когда у меня здесь, а у тебя в Ленинграде есть квартиры. У тебя занимают комнату чужие люди (подразумеваются девочки), ведь в прошлом году было условлено, что после того, как Старчаковы кончат школу, они уедут, а они все еще здесь, это возмутительно! Надо все твои комнаты менять на Москву».

Какая низость. Какое отношение он имеет к моей жизни, квартире, к моим поступкам? Я не могла ему как следует отвечать, так как девочки могли бы понять, что разговор идет о них и об их комнате, — это было бы слишком больно, и мало ли что могло за собой повлечь?

21 сентября. Вес Сони 27 кг 18 гр., Петя 18 кг.

25 сентября. 19-го приехали Вася, Наташа и дети. Я очень рада была повидать наконец Васю, очень у меня о нем сердце болит. Он худ, утомлен, но, пожалуй, у него вид лучше, чем прошлой осенью. Дети побледнели, Соня совсем прозрачная. Ох, Боже мой.

На другой день за утренним чаем начался разговор об обмене комнат. Бывшую столовую, красивую комнату с фонарем, я уже давно им предложила менять, но этого им мало. Опять девочки: «Вася ваш единственный сын». «Угробила Алену, хочешь и меня угробить» и т.д.

Выслушав все это, я сказала, что в Москву я ни в коем случае не поеду, а комнату девочек им отдаю, девочки будут жить со мной вместе. Могут менять две комнаты. На этом я прекратила всякие препирательства, ушла и села за работу.

Повлияло ли это решение на них, но Вася наотрез отказался выселять девочек и сделался очень мил, так же как и Наташа, и мы мирно прожили все пять дней, что он здесь пробыл. Два дня он просто лежал целый день. Хорошо то, что он уверен в своих способностях.

26 сентября. Сегодня видела во сне красные яблоки, много яблок. Для меня это предвестие болезни. Чьей — неизвестно. Моей или кого-нибудь из близких. Очень страшно. Уж лучше всего, чтобы я заболела. Лишь бы не Вася и не Соня.

23 октября. Целый месяц не писала. Устаю беспредельно, впрочем, предела человеческой и моей, в частности, выносливости нету.

На 30 сентября, день моих именин, был назначен суд, районное жилищное управление предъявило ко мне иск, требуя изъятия комнаты. Все тот же Войлоков. В иске было указано, что моя квартира состоит из четырех ком-

нат, площадью 81 метр, считая, что Ольга Андреевна ордера на комнату не имеет. Мы с ней обратились к юристу Райгородскому Николаю Абросимовичу, которого мне рекомендовал Дешевов.

Наш управдом, милейший Иван Михеич, играл какую-то странную роль. Он утверждал, что ордера не было, но на ее карточке в домовой конторе стояла надпись с 1942 года «по постоянному адресу».

Короче говоря, мы дело выиграли. Было доказано, что Колосова владеет комнатой на законном основании, а коли так, то у меня изымать нечего, тем более что, как научил нас Райгородский, я сказала, что невестка уже живет здесь, а сын кончит вуз и тоже приедет.

Но какая чушь; если бы, скажем, папа восстал из гроба и услыхал чтение этого иска, наши доказательства, отстаивание своего угла, трех небольших комнат, он бы ничего не понял.

Когда судьиха сказала: «В иске отказать», я даже своим ушам не поверила. Выходя из суда, мы все были пунцовые, как из бани.

После долгих лет я провела свои именины со всей своей семьей. Вася был весел, остроумен, и после счастливого исхода настроение было праздничное.

Наташа в этот приезд была мягче и с детьми ровнее. Но какое легкомыслие! Они оба приехали без пальто, а Наташа уже около года живет без паспорта. Это в СССР-то! Паспорт она потеряла, милиция ей приготовила новый, за который надо было заплатить 100 рублей. За лето Юрий дал им 4000, а 100 рублей так и не удосужилась внести. Хотят менять комнату на комнату в Москве, пришлось теперь ехать туда, получать паспорт, прописываться, выписываться и т.д. Такое же легкомыслие и по отношению к детям и их здоровью.

Вчера в «Правде» призыв к старым морякам, ко всем, переживавшим первые дни революции, присылать материалы и воспоминания о роли моряков[167]. И я вспомнила: мы жили на Канонерской, в двух шагах от гвардейского экипажа. Матросы чувствовали себя венцом человечества, героями дня. Весна, лужи. Высокий матрос с бескозыркой на ухе, пушистым мелко завитым коком, шагает через лужи, придерживая чисто дамским жестом свои брюки. А брюки широчайшие клёши, оторочены снизу бархатной полосой вершка в полтора шириной.

Другой: грудь открыта чуть что не до пояса, на ней татуировка, летящий ангел с женской фигурой, и на золотой цепочке бриллиантовый кулон.

В нашей квартире на Канонерской, 5, в доме Фонтона, кухня была выше этажом, к ней вела лестница из передней. Там же помещалась комната для

прислуги. У нас их было две: bonne à tout faire[168] — Марианна и Лиза — Васина няня. Обе литвинки. Вскоре после революции по вечерам грохот стоял наверху. Сколько туда приходило матросов, уж не знаю, но шум поднимали ужасный, потолок ходуном ходил от пляса.

3 ноября. Когда дети ложатся спать, я падаю на кровать в каком-то полуобморочном состоянии. Устаю, ах, как устаю. Целый день топчусь, первый завтрак, второй завтрак, обед и ужин. Готовлю, готовлю, чищу овощи, руки стали черные, в голове пусто.

А мой сон с яблоками сбылся. У меня был грипп, но легкий, заболела Соня; она пошла в школу 14 октября, слег Петя, проболел две недели ангиной; а с 28 октября опять больна Соня, ангина, t° доходила до 38,3, что я пережила в тот день — не передать. При ее пороке сердца всякая ангина невероятно опасна. Она лежит уже неделю. До чего я за нее беспокоюсь. Я послала письмо Васе с Дмитриевым, написала о ее болезни. Они даже не позвонили.

Настроение у обывателей подавленное. Все боятся войны, этот страх внушается газетами. Из речи Вышинского мы узнали, что в лагерях и тюрьмах находится 20 миллионов человек, и, конечно, эта цифра не преувеличена[169].

Приезжал сын С.П. Зенгер, племянник А.П. Остроумовой-Лебедевой, работающий в Заполярье, в Норильске. Там какие-то копи. Работают исключительно заключенные[170]. Доктора, профессора, инженеры. Очень жизнерадостный человек, он стал теперь глубоким пессимистом. On le deviendrait à moins[171].

Боюсь отвечать моей любимой Оле Плазовской. Писать в Нью-Йорк — это же контрреволюция!

Воображаю, сколько приятных истин наслушался там Вышинский, и так смехотворно, когда он говорит о демократии.

На днях, глядя на лежащего на полке Буратино, я с болью вспоминала кукольный театр. А потом подумала: если бы подлец Шапиро не съел моего театра, мне пришлось бы с ним эвакуироваться, мыкаться по Сибири и *не переживать блокаду*, а блокада — это, пожалуй, самое ценное из всей моей жизни. Видеть то, что людям не дано видеть.

Вчера, 2 ноября, минуло *десять лет*, как я взяла к себе девочек Старчаковых. Мы решили этот день отметить. Напекли пироги картофельные с капустной начинкой. Купили по карточкам конфет, выпили с конфетами

кипяточку, т.к. чай выдали лишь сегодня после двухмесячного перерыва, чокнулись этим кипятком...

Жалею ли я, что их взяла тогда сгоряча, каюсь ли в этом? По совести говоря, нет.

Сознание того, что я их спасла от гибели, искупает все те лишения, на которые я себя обрекла. А лишений было, конечно, много. Уж одно то, что за эти 10 лет я ничего не могла себе сшить, даже самого необходимого. Девочки вышли хорошие. Это честные, прямые, порядочные, неиспорченные девушки, что по нашим временам редкость. Иногда я внутренне обижаюсь на них за отсутствие внимания, но за все эти годы не было случая, чтобы они не исполнили какой-нибудь моей просьбы, поручения.

Из-за них, после последнего разговора по телефону, я поссорилась с Юрием. Я написала ему очень резкое письмо, быть может, зря, но уж очень я разъярилась. Написала, что он не имеет никакого права требовать, после десятилетней совместной жизни, изгнания девочек, что они не котята и не щенята, что прав на мою квартиру он никаких не имеет, никогда мне не помогал, всю жизнь я работала сама и т.д., и закончила словами: «Это мое последнее письмо, и на этом заканчивается наше слишком печальное знакомство». И я рада.

5 ноября. <...>[172]

8 ноября. На днях заходили ко мне вечером Александра Васильевна со Славиком. Он только что вернулся из научной экспедиции на Южный Сахалин. Рассказывал много интересного. Работают там японцы и русские, завербованные в центральных губерниях, причем японцы работают во много раз лучше, чем русские. Японцев должны отправлять на японские острова, но они оттуда бегут, т.к. в американской зоне жить плохо и голодно. На Сахалине они зарабатывают 2000 рублей в месяц, жизнь там дешевле. Рыбы, крабов масса. Есть консервные заводы. Рабочие, поставляющие на эти заводы рыбу, выполняют свою назначенную норму, а заводы с таким количеством не справляются, часто не хватает соли. И рыбу выбрасывают в море или просто свиньям отдают. Свиньи кормятся главным образом этой рыбой, благодаря чему свиное сало пахнет рыбьим жиром.

На Сахалине много староверов, живущих там издавна. Крепкий, рослый, красивый и хозяйственный народ. Живут на отдельных хуторах, и пока их не разоряют.

Вчера в «Правде» была статья Н.С. Тихонова «Заря человечества». Такой лжи я давно не читала, и слышать ее от Тихонова возмущает до глубины души. Ведь он-то не сидит в цитадели.

«Мир еще не видел такого широкого, веселого, оптимистического, неутомимого, прекрасного народа, как советский. Наша земля изменила лицо. *Наши люди живут без страха нищеты, без страха за завтрашний день*!»[173].

Каково!! Но Тихонов живет в Доме правительства[174], деньги, пайки, машины, почести... А ведь мог же он героически переживать блокаду! Грустно.

Многие опустились после блокады. И не все, писавшие в мой блокадный альбом, остались верны себе. Страничку Богданова-Березовского я вырезала совсем.

Бедного Антона Васильевича затягивает мещанское болото его окружения. Тихонов душу продал. Насчет остальных надо будет навести справки.

Анна Петровна, Щекатихина — эти верны себе.

Как интересна должна быть для писателя эта эволюция человеческой психологии. Война, блокада, напряжение всех душевных, духовных сил. Пафос героизма. И потом серые мещанские будни, будни советские, т.е. беспросветные, страшные. Народ безмолвствует. Это выдержать и не свихнуться трудно. Труднее, чем выдержать блокаду.

Из всех моих знакомых, кажется, я одна верю в лучшее будущее, в воскресение России. Все в убийственном настроении.

Только бы дожить.

22 ноября. Судя по его высказываниям, Вышинский хочет играть роль фигового листа над позорным советским режимом. Но из этих же его высказываний видно, что никого обмануть не удастся, всем все известно.

23 ноября. Страшная безработица. Наташа по приезде в поисках работы пошла в Михайловский театр к Горяинову. Он ей сказал, что ему пришлось уволить сорок человек, очень ему нужных в театре; город полон безработных актеров, художников, учителей, переводчиков и т.д. Все платежи задерживаются.

Были на днях с Наташей у Анны Петровны, была там и Щекатихина. Когда ехали домой, Наташа говорила: «Вот это настоящая, подлинно культурная среда. В Москве у нас нет ни одного такого дома». Анна Петровна рассказывала, как в 1926 году, когда она ехала за границу, ей пришлось обратиться к Наумову, тогда председателю Рабиса, с просьбой восстановить ее членство. За проволочку платежа членского взноса она была исключена из Союза художников. Как он измывался над ней, как ей пришлось пять раз ездить в Союз показывать свои работы какому-то мальчишке, а он всегда отсутствовал.

Сегодня с ней говорила по телефону. Сейчас в Академии художеств первая сессия. А.П. получила приглашение, но не поехала. «Меня зовут как го-

стью, зачем же мне ехать; я могу быть там только как член Академии. Но подумать только: во главе Академии Герасимов и Манизер! Гравер И. Павлов, считающий себя "королем граверов", академик, а Остроумова-Лебедева нет».

Мы смотрели у А.П. его роскошный альбом к 800-летию Москвы «Старая Москва»[175]. Плохо. Ремесленно и никак не артистично. Когда после юбилея А.П. Корнилов написал большую статью в московские газеты, ее долго держали и вернули с указанием вставить, что основоположником цветной гравюры в России является Павлов. Корнилов отказался. Статья не была помещена.

С обменом комнаты, на что мы надеялись, ничего не вышло. Даме, имеющей комнату в 26 метров в Шереметевском переулке, предлагают здесь отдельную квартиру в две комнаты. Откровенно говоря, если бы я верила, что моим лучше переселиться в Москву, я бы решилась на последнюю жертву, вселила бы девочек к себе (Галю я бы с удовольствием выселила в общежитие) и отдала бы на обмен обе комнаты. Но я твердо знаю, что для детей это будет ужасно. Даже гибельно. У Сони увеличено сердце. Родители знали, что у нее порок, и дали ей летом бегать и прыгать с утра до ночи.

Soeur Anne...

Le soleil ne poudroie pas.

27 ноября. Elites françaises. Juin 1947. Au sortir d'une guerre — particulièrement cruelle, au seuil d'une époque que tout autorise à prévoir assez trouble le simple jeu des réactions justifie chez l'homme un désir presque maladif de sécurité et un besoin sinon de tendresse, du moins de sérénité. Из модного журнала статья Denys Chevalier «Habiller des murs»[176].

Sécurité et sérénité[177] — два ощущения, совершенно незнакомые советскому гражданину.

28 ноября. Вчера у Сони начала опять подыматься температура к вечеру. Я открыла Евангелие и прочла: и молитва веры исцелит болящего и воздвигнет его Господь. (Послание ап. Иакова). И уж как я молилась.

Ночью я не могла спать, все прислушивалась к ее дыханию. Ведь смерть Алены стоит передо мной, как будто это вчера случилось, и так страшно, ужасно страшно. У Сони обнаружили гемолитический стрептококк, расширение сердца. Лечу ее теперь у Сорокиной, следит за ней и Фарфель. И молюсь, молюсь.

В начале ночи у Сони было очень частое дыхание, и постепенно все успокаивалось, и к утру была нормальная температура.

В среду в Союзе писателей было общее собрание, и должен был выступать Фадеев. Наталья Васильевна позвонила мне накануне и звала туда. Но я же не член Союза, да и уж очень я презираю Фадеева.

Вечером я ей позвонила. Она мне рассказала, что Фадеев сообщил им, что сейчас, с августа 46-го года, происходит «могучий расцвет литературы». «Я все ждала, что Фадеев уточнит это утверждение, но он этого не сделал...»

Затем шло опорочивание А.Н. Веселовского[178]. После него выступил Мануйлов в защиту Веселовского, говоря, что в свое время Веселовский был революционным ученым, гораздо более передовым, чем его западные коллеги. Прокофьев перебил Мануйлова, заявив, что споры о Веселовском можно будет вести в гостиных, на общем же собрании им не место. Хотел выступить Жирмунский, но Фадеев быстро уехал.

Мужественное выступление Мануйлова меня очень порадовало, он не посрамил своего участия в моем альбоме. А мужество для такого выступления нужно большое, т.к. оно может повлечь за собой всякие беды вплоть до полного остракизма, снятия со всякой работы.

Заходил Кочуров. Он еще давно обещал мне зайти, как только кончит «Макбета», и вот, как только дописал последние такты, так и пришел[179]. Он весь еще под влиянием Шекспира, подробно рассказал мне все построение своей музыки. Я очень его люблю, это подлинный романтик.

5 декабря. Очередное торможение: весь город взбудоражен слухами. Уже с месяц тому назад Ольга Андреевна рассказала мне о том, что собираются произвести девальвацию денег и в связи с этим произведут снижение цен. Затем пошли слухи о деноминации денег, обмене наших денег на новые. Возникла паника, и еще какая. Держатели крупных сумм бросились скупать все, что только ни продавалось. Комиссионные магазины опустели; ДЛТ, Пассаж, всякие универмаги пусты. Ольга Андреевна, зайдя в комиссионный магазин, б. Alexandre[180], видела, как мужчина простого вида спросил цену картины. «1200 рублей» — «Отложите. А эта?» — «800». — «Отложите». Скупили рояли вплоть до бракованных. Клевер подслушал разговор двух гражданок: «Знаете, мне достались портьеры!»

И тут же создаются легенды: «У молочницы нашли матрац, набитый деньгами. У военного денег полная оттоманка. Во всех этих магазинах тайные агенты НКВД; они фотографируют тех, кто много покупает, за ними следят и арестовывают. Разрешают иметь только тройной оклад, не больше; много арестованных».

Делается это будто бы для того, чтобы выловить людей, которые нажились за это время. И еще будто бы Гитлер выпустил в свое время пять миллиардов фальшивых советских денег, правительство убедилось, что в стране циркулирует больше денег, чем было выпущено, и надо их изъять.

Но муж Лели Мелик, полковник Можаев, проживший полтора года под Берлином после войны, утверждает, что это ложь.

Я встретила Ольгу Георгиевну Смирнову, она в подавленном состоянии, говорит, что А.А. нервничает и не знает, что и делать, чтобы не потерять последнего рубля.

У них был какой-то родственник, работающий в НКВД. На ее просьбу объяснить, какая предполагается денежная реформа, он ответил, что ничего не знает, а те, кто знают, чуть ли не под страхом смерти не имеют права рассказывать о том, что знают!

Заходила к Наташе Ирина Щеголева. В полной тревоге. Что будет, как быть? Альтман ложится в больницу, ему нужен сахар, масло, — а магазины пусты. Даже Толстые, собиравшиеся праздновать 7 декабря именины Катюши, отменили праздник — до того ли?

Что-что, а бить обухом по голове обывателя у нас умеют. Это система. Запугать до полусмерти, до полного одурения.

Нам, нищим, хорошо. Беспокоиться нечего.

Анна Петровна сказала мне по поводу общего перепуга: «Неужели нас с вами что-нибудь может испугать?»

На тридцать первом году своей власти большевики решили опять подстричь всех под гребенку.

И еще: будто бы много денег в деревне и их надо изъять.

11 декабря. Вот Вам и sécurité и sérénité советской жизни. До какого бесконечного утомления, беспредельной усталости доведен народ этими все новыми и новыми экспериментами. Как я устала. А я теперь bonne à tout faire. Наташа весь день набивает трафаретом нелепые галстуки для теакомбината, а я готовлю целый день, занимаюсь с Соней уроками, арифметикой и французским, гуляю с ними. Стояла сегодня два часа за мясом (800 гр.!), а вчера за другими продуктами. На рабочую карточку выдавалось: 200 гр. макарон, 200 гр. маргарина, 1 кг 200 картофеля и 400 гр. трескового филе! Иждивенцы получили 800 гр. картошки и 100 гр. филе.

У Сони нормальная температура, а при анализе мазка, взятого 5 декабря, опять обнаружен стрептококк.

Устала, устала, устала. И все же жду спасения, и кажется, что оно придет скоро. Почему это мне кажется — непонятно. Никаких предпосылок к тому нету.

15 декабря. Денежная реформа объявлена, это оказалось хуже, чем мы предполагали. Казалось, будет только перемена денежных знаков, но тут же и девальвация[181]. А как это отразилось на бедном люде, можно судить по нашей семье. Васю угораздило выслать нам деньги накануне реформы; в субботу он наконец после месячного перерыва позвонил по телефону: «Завтра получите деньги, растратьте немедленно».

Вчера вечером получили перевод с надписью: если через два дня не получите, отправим обратно. А куда и на что можно тратить?

Сегодня инкассаторский пункт закрыт (хотела заплатить за два месяца за квартиру и телефон), все магазины или закрыты, или пусты. В аптеках, винных лавках все распродано дочиста. Вчера стояли очереди за аспирином, пудрой, водкой. Очереди в парикмахерские, бани, только бы истратить последние деньги, чтобы они не пропали.

Я решила Васиных денег не получать, пускай отсылают обратно. Иметь 55 рублей вместо 550 обидно. Пусть они, père et fils[182] Шапорины, сами расхлебывают свое недомыслие.

Девочки, получив стипендии, ничего не покупали и отложили 200 рублей, чтобы выкупить пальто в ломбарде; ничего за неделю не добились, были огромные очереди, а сегодня ломбард оказался закрытым. 200 рублей превратились в 20.

У Кати пропадает 190 рублей!

Толстые получили от Мапы и ее мужа длиннейшую телеграмму, с предлогами, запятыми и т.д. — поздравление с будущим Новым годом, из которой было ясно, что они стараются истратить последние деньги.

Sécurité.

У меня с утра ощущение, что я получила пощечину, а сдачи дать не могу. Скверное ощущение.

16 декабря. Денег ни копейки, решила получить Васины деньги. С почты с новенькими 55 рублями пошла по магазинам. Везде были огромные очереди, люди спускали старые деньги. «Оставалось шестьсот рублей от зарплаты, думала — дотяну до следующей получки, не нести же их в сберкассу. И вот пожалуйста, с шестьюдесятью рублями», — рассказала дама, стоявшая передо мной в очереди. Все разглядывала мои новые трешки, находя, что они

очень похожи на николаевские деньги. Один юноша попросил у меня такую трешку, дав за нее 30 рублей, чтобы показать дома. Магазин был наполнен исключительно служащей интеллигенцией.

Встретила Шурочку Фонтон. У нее пропадала целая тысяча, ей накануне вернули долг в 600 рублей.

В городе было большое оживление. По Невскому люди ходили, грызя белые батоны. Пострадали почти все, но молчат.

Сонечка спросила: «Мы сможем покупать все, все, что захотим? Значит, мы будем жить, как принцы!»

Так, мне кажется, восприняло отмену карточек простонародье.

20 декабря. Была вчера в Союзе писателей и встретила Ольгу Георгиевну Смирнову. Она с горечью рассказала, что А.А. потеряла гораздо больше моего. А теперь ее сын за большую работу должен был получить 12 000. У него обострение туберкулеза, и он надеялся полечиться на эти деньги, поехать в Халилу[183]. Ему заплатили накануне реформы. Конашевич точно так же получил 30 000, а какому-то художнику, чуть ли не Пахомову, за большую работу целого года заплатили 100 000. Конашевич ей рассказывал, что этот человек плакал. По-видимому, это не Пахомов, а Яр-Кравченко. Наташа его встретила — ему накануне реформы заплатили 130 000, он копил деньги, чтобы купить в Москве квартиру.

Мне нравится жестокая бесцеремонность этих вивисекций.

Спекулянты пострадали, конечно, меньше всего, они скупили все, что могли.

Ольга Андреевна откомандирована на всю эту неделю на обмен денег и поражается, сколько денег у населения. Приходят целыми семьями, каждый сдает по десять тысяч. Старуха принесла 75 000 и швырнула их скомканными на стол: «Нате!» Были деньги, пропахшие нафталином, все в пуху, прямо из перины.

Умирать нам надо под забором. Скопить на старость не разрешается. [Я передала С.В. анекдот, который когда-то рассказал Д.Д. Васе и Наташе. На дороге сидела птичка. Под деревом прошла корова и нагадила. Птичка упала с дерева и попала в эту кучу. Она попыталась вылезти и высунула голову. Ее увидел коршун и съел. Мораль этой басни сия: когда сидишь в говне, не подымай голову.]

А магазины уже пустеют. Дешевых круп, гречневой, уже нет. Керосину (2 рубля литр!) отпускают лишь по два литра. В общем, всё, конечно, очень дорого.

21 декабря. Сегодня были «выборы»[184]. Должны мы были голосовать за начальника областной милиции, начальницу трудовых колоний для малолетних преступников и заводского инженера. Все меры были приняты, чтобы лишить людей возможности зачеркнуть имена этих назначенных депутатов. Вдоль коридора сидели военные НКВД; получив бюллетени, я решила зачеркнуть по дороге в другую залу с урной. Не тут-то было. Перед самой дверью прохаживался некто в штатском и сверлил вас глазами.

Прескверное чувство — être roulée[185].

28 декабря. Пятнадцатая годовщина смерти Аленушки. 15 лет. А помню как сейчас и не могу вспоминать. И не могла даже панихиду отслужить, не было ни копейки денег. Пошла с детишками гулять и зашла ненадолго в церковь.

У меня страшная слабость. Минуло на днях 68 лет! Никогда не думала, что так заживусь на белом свете. А все еще нужна. То родным детям, затем чужим, теперь внукам, т.е. опять родному сыну, от которого, по правде сказать, радости видела мало.

Наташа очень изменилась к лучшему. По-видимому, хлебнув в Москве лиха, она почувствовала, что здесь у нее и у детей дом, семья.

Была на днях у Анны Петровны. Она отменила свои «четверги», на которых собиралась масса народу, и добраться до нее было невозможно. А в ней столько тепла, ясности, юмора. Была у А.П. только Т.Р. Златогорова и на обратном пути рассказала мне, что А.П. потеряла 4 тысячи. Она считала, что в ее годы на случай удара, паралича, другой болезни надо иметь на руках какие-то деньги. Как купцы-банкроты, государство платит десять копеек за рубль.

Рассказывали, что не так давно приезжал сюда Ливийский патриарх <Христофор II>. Ему открылось во сне, что он должен поехать в Ленинград и возложить ризу на икону Казанской Божией Матери, которая прежде находилась в Казанском соборе. Он так и сделал и отслужил торжественную литургию в соборе князя Владимира, где теперь находится эта икона. Там будто бы он рассказал об этом сне и добавил, что ему было такое открыто, что Россия спасется (?). Патриарх останавливался в «Астории», где его видела Анна Петровна.

1948

1 января. Опять Новый год. Кажется, первый раз в жизни я его встречаю одна. Я не стала будить Сонечку, она поздно заснула, Наташа уехала к Толстым, девочки устроили складчину у одной из подруг, приоделись, подвились, очень хорошенькие.

И у меня нетяжело на сердце. Боюсь надеяться, а хочется надеяться, что кончится этот бред. О Господи, сжалься над нами.

Приготовила для Сони коробочку для перчаток, которую когда-то подарила Аленушке. Крышка из тисненой кожи с овальным фигурным медальоном под стеклом, где по синей канве вышиты белые перчатки в гирлянде из виноградных листьев.

В коробочке хранились Аленушкины вещи: веер из слоновой кости, резинка, на которой она вырезала свои инициалы и штемпелевала этим свои книги; духи-бусы, новый платочек, свечи с панихиды.

Ужасно думать, что все эти такие дорогие мне вещи будут выброшены, уничтожены.

Помню, у Лермонтовых на Екатерингофском в квартире тети Маши (Марии Владимировны) в мезонине мебель стояла так, как стояла уже сто лет, а конторка ее деда, бравшего когда-то Париж, хранилась неприкосновенной. Это было в первые годы революции. Теперь, вероятно, от этого Китай-города (так называли их дом родственники в дни молодости моего отца) ничего не осталось. Так сохранялась и накоплялась культура.

Мы надеялись, что Вася позвонит сегодня. А звонка нет как нет. Что с ним делается? Вероятно, ему не очень везет, вот он и не звонит, а подлинного интереса к детям, к здоровью Сонечки нету.

Soeur Anne, soeur Anne...

1-го вечером. Звонила Тамара Александровна; по ее словам, у Анны Петровны пропало гораздо больше, чем 4 тысячи. Она предполагает, что дома у А.П. было тысяч 7 да на книжке тысяч 50. Советские деньги, займы — это чёртовы уголья, как у Гримма[186].

А я должна А.П. 2400! Ломаю себе голову, что бы мне продать и возвратить этот долг.

Наталья Ивановна Животова, поздравившая меня, имела вчера возможность купить для Нового года лишь два мандарина.

2 января. Я родилась 9 декабря — праздник «Нечаянной радости»[187]. Всю жизнь я ее прождала, до глубокой старости. А может быть, я ее не заметила? Может быть, этой «нечаянной радостью» была та глубокая, подлинная любовь к искусству, красоте природы, ко всякому проявлению Божественного в человеке, которая дает мне силу жить? Рим, Бретань, въезд в Погорелое, набережные Сены и Невы — какая настоящая, глубокая радость.

12 января. Была на концерте Юдиной. Вот подлинный великий романтик. Ее игра дает мне ни с чем не сравнимое наслаждение. Играла она несколько вещей Бетховена, среди них 15 вариаций на русскую тему из балета «Лесная красавица»[188]. Замечательно сыграла. «Лакримоза» Моцарта[189], кажется, в транскрипции Кирилла Салтыкова, ее жениха. Быть может, оттого она и сыграла это так вдохновенно. Мусоргского «Слеза»[190].

У нее духовная игра, действующая не на чувственность, а на духовную сущность человека.

Вчера мне звонила Тамара Александровна и сначала, видимо, еле могла сказать мне от душивших ее слез, что умирает Ксения Морозова. Коренная петербурженка, Ксения после войны, во время которой она жила в «Борке»[191], не захотела вернуться в Ленинград, куда стремился Николай Александрович, а осталась в Москве. Они жили то в Узком[192], то в кремлевском санатории в Барвихе, Ксения объясняла это так, что Н.А. и ей необходима медицинская помощь. Анна Петровна объясняла это стремлением Ксении к великим мира сего, а Тамара Александровна видела в этом отдалении от петербургских друзей интриги Екатерины Константиновны, так называемой Катишь. Она опутала Морозовых и вертела ими, как хотела, втерлась к ним до того, что когда Николай Александрович и Ксения получили приглашение на банкет в Кремль, она сделала им страшный скандал: как это они не устроили и ей приглашения.

Она играла на худших струнах Ксениного характера, на ее скупости.

13 января. Мы с Соней относили ее «мазок» в лабораторию — не избавилась ли она наконец от гемолитического стрептококка? Большая очередь к окошечку. Сидим на скамейке. Две женщины рядом ведут разговор о яслях. У одной из них грудной ребенок на руках: «Нигде не работаю, не с кем ребенка оставить, а в ясли не берут. Пойдешь, говорят, на метро работать[193], тогда возьмем».

Анекдот: «Скажите, почему никто не знал, в чем будет заключаться денежная реформа?» — «А очень просто: Зверев (министр финансов) запер свою жену на две недели в кладовую».

Рассказала С.В. Шостакович на концерте Юдиной. С юмором рассказывала, как Нина Васильевна не подпускает ее к внукам.

Солнце не светит — арестовано. Почему? За что? — А как же, ведь оно каждый вечер склоняется на запад.

15 января. Юдина по-прежнему ходит в летнем пальто, и на ногах ничего теплого. Во время войны она продала свое зимнее котиковое пальто, чтобы послать вырученные деньги Канаевым, которые очень нуждались в эвакуации.

Я была у нее сегодня в «Европейской» вместе с Соней и просидела часа три. М.В. в очень нервном настроении. Ей не дают играть потому же, почему не печатают Пастернака[194], почему не любят гордо держащих себя людей, в которых если и не видят, то ощущают оппозицию.

Она много работает, готовит всё новые программы, а исполнять их не приходится.

Ей кажется, что ее могут выслать. Я старалась ее успокоить: уж раз не выслали, когда она так много хлопотала за ссыльных и арестованных[195], то за что же теперь? «Высылают за слова, а слов-то за мной много найдется».

Рассказывала, что Юрий сделался сейчас официальной фигурой и отзывчивости от него ждать не приходится.

Была у Натальи Васильевны. Пошла с твердым намерением убедить ее не меняться с Митей квартирами, напомнить ей о ее опрометчивом отъезде из Детского, который разрушил их семью, но лишь только я заикнулась, она меня прервала: «Когда Ирина Щеголева меня отговаривает, я с ней не спорю, это женщина другого порядка, эксплуататорша, вы же меня поймете. Помощь Мите является для меня важной даже в религиозном отношении. Если бы мне пришлось жить сначала, я поступила бы так же. Я иначе не могу. Я не могу жить здесь, зная, что Митя несчастен, что он не может работать, что дети заброшены».

Я спорить не стала; как сказать матери, что Митя, который ее бил, не стоит таких жертв, что он взбалмошный, бессердечный человек и что она, как король Лир, останется на улице.

Мы долго беседовали, а затем она мне читала свои стихи. Чудесные стихи. Я считала когда-то Наталью Васильевну очень поверхностной, эгоисткой. Ошибалась ли я тогда, или горе ее переродило, но сейчас она совершенно

другая, стихи поражают меня своей глубиной, оригинальностью мысли и образов. Заговорили о Тихонове. «Ну, он стал совершенной проституткой»[196], — сказала Н.В.

24 января. 21-го приехал Вася, а 22-го уехал в Мурманск, ставить с Ольшвангером «Дни и ночи» Симонова[197]. Последние две недели он жил у отца, ввиду отсутствия belle-mère[198], уехавшей с детьми в Иваново.

Он много рассказывал о заседаниях в ЦК, куда были вызваны композиторы для экзекуции[199]. Эти экзекуции, которые проводит Жданов с представителями то одного, то другого вида искусства, напоминают мне рассказы папы о далеких годах Училища правоведения, когда по субботам секли воспитанников. Это называлось секуциями.

По словам Юрия, Жданов говорит очень умно, без единого музыкального ляпсуса: «ЦК партии будет жестоко бороться со всякими геростратскими попытками уничтожения русских музыкальных традиций»; «Мы не дадим подложить атомную бомбу под русские музыкальные традиции»; «Смоленский помещик Глинка, чиновник Серов и дворянин Стасов были бóльшими демократами, чем советские композиторы»; «Мы тоже были новаторами, отменили в школе баллы, один учитель преподавал все предметы и исполнял волю учеников. Вышло безграмотное поколение. Мы поняли это и вернулись к старым традициям»; «Ленина не было бы, если бы не было Чернышевского и Добролюбова. Традиции существуют не только в искусстве, но и в философии».

Шебалин, директор Московской консерватории, в простоте душевной решил воспользоваться случаем и напомнить о нуждах консерватории, у которой дырявая крыша, протекает... Жданов с места: «Лучше иметь дырявую крышу, чем дырявую идеологию!»

Юрию было вменено в обязанность выступить первым после Жданова. Он единственный из композиторов защищал Мурадели[200]. Он напомнил, что Чайковский лишь на пятой опере, «Евгении Онегине», стал подлинно оперным композитором, а Римский после третьей, «Царской невесты». Нельзя требовать от первой оперы молодого композитора совершенства.

17 февраля. Вышло постановление ЦК. Постановляет... осуждает... предлагает: «Управлению пропаганды и агитации и Комитету по делам искусств добиться исправления положения в советской музыке, ликвидации указанных в настоящем постановлении ЦК недостатков и *обеспечения развития советской музыки в реалистическом направлении*»[201].

Бесподобно.

Самодержавие, дошедшее до delirium tremens[202].

А Пристли пишет: «Я лично не хочу такого общества, в котором искусство регулируется наподобие холодной и горячей воды».

Вчера была Сретенская Анна[203]. Днем я зашла к Анне Андреевне Ахматовой. Снесла цветов, вновь появившихся желтых нарциссов. Она лежит, аритмия сердца, предполагают грудную жабу; в общем, замучили. Сократили сына, ее работу о Пушкине не приняли[204]. Никаких средств к существованию. Все это я знаю со стороны. Сама А.А., конечно, ни на что не жалуется. Кажется, она была рада моему приходу. Я было начала что-то рассказывать — она приложила палец к губам и показала глазами наверх. В стене над ее тахтой какой-то закрытый не то отдушник, не то вентилятор. Неужели? «Да, и проверено!»

Звукоулавливатель. О Господи!

Рассказала мне А.А. о книге Труайя (Париж) о Пушкине и опубликованных там письмах Дантеса к Геккерену в январе и феврале 38-го года в Голландию, из которых явствует, по ее мнению, виновность Натальи Николаевны.

Я смотрела на нее и любовалась строгой красотой и благородством ее лица с зачесанными назад седыми густыми волосами.

А вечером была у Анны Петровны. Афоризм или парадокс Ю.А. Кремлева: «При коммунизме: с каждого по способностям, каждому по потребностям. У нас же с каждого по предприимчивости, каждому по положению».

Кремлев считает, что по существу постановление ЦК о композиторах до известной степени правильно в том отношении, что эта группа (кроме Г. Попова, который попал как кур во щи вместо Кабалевского) составляла олигархию, к которой примыкал Мравинский, Вайнкоп, критика, не дававшая никому ходу. Кремлев как-то отдыхал в Иванове и жил с Кабалевским и Мурадели. Характеристики композиторов.

Но, может быть, у Кремлева как композитора другого направления есть и зависть, и, как следствие, подсознательное злорадство.

Как-то, когда он играл свои вещи у Анны Петровны, я спросила, показывал ли он их Юдиной, с которой, мне казалось, он был дружен. «Мария Вениаминовна играет вещи совсем другого направления, она мои вещи играть не станет», — ответил он.

22 февраля. Уже покаялись, поблагодарили за порку, обещали, что больше не будут[205].

Какой глубокий стыд. Как стыдно и за них, и за тех, кто этого требует. Главным образом за последних. И какой рядом пример гордого благородства — Ахматова. А я-то еще когда-то на нее обиделась. Вспомнила сейчас, как в тюрьме Conciergerie[206] переделали дверь для того, чтобы заставить Марию Антуанетту наклонить голову. Может быть, это легенда?

Мара рассказывала, что им зачитали постановление и затем была «дискуссия». Выступил какой-то жидок и стал поносить Шостаковича. Его освистали и ошикали.

27 февраля. У меня болят глаза, вернее болели, и я решила делать «визиты». Смешно звучит это слово в советской стране.

Давно собиралась и наконец собралась к С.В. Шостакович. Она в очень возбужденном состоянии. «Моего сына убили, убили. Даже двенадцатилетней давности труп леди Макбет извлекли для поношения[207]. И кто же? Свои товарищи артисты, Журавленко и другие. С тех пор он ни одной оперы не написал, теперь он перестанет писать вовсе. Будет сочинять вальсы и польки для кино».

С.В. рассказала, что Д.Д. работает для себя над оперой «Игроки» по Гоголю[208], его очень пленял сюжет рассказа Куприна «Гамбринус».

На другой день И.И. Канаев, приехавший из Москвы, передал мне письмо от Марии Вениаминовны. Она подавлена всем случившимся, прислала мне 75 рублей на покупку цветов Софье Васильевне и письмо ей. Сегодня я поручение исполнила, и Мара отнесла цветы.

Заходила как-то Елена Ивановна и передавала университетские настроения по поводу постановления ЦК. Большинство приветствуют постановление и радуются, что теперь в филармонии будут чаще давать классиков. Широкая публика не любит современных композиторов.

Вот до чего люди привыкли ходить на помочах, даже не возмущаются. Это страшно.

28 февраля. Сегодня в Союзе писателей вечер памяти А.Н. Толстого. Я совсем было собралась уходить, как пришла А.А. Ахматова. Я страшно обрадовалась ей. Ей стало лучше, она встала, зашла к Рыбаковым, узнала у них мой адрес.

Московский литфонд предложил ей санаторию и 3000 рублей. Я очень советовала ей воспользоваться этим предложением и поехать.

А.А. рассказала, как она узнала, что к ней в комнату поставили микрофон. Она должна была выступать, кажется, в Доме ученых, и, очевидно, предполагали, что сын уедет с ней вместе. Но сын почему-то остался и услы-

хал стук над потолком, звук бурава. С потолка в двух местах обсыпалось немного известки, посередине комнаты и на ее подушку. «Я всегда боюсь, что кто-нибудь что-нибудь ляпнет, и поэтому у меня всегда очень напряженное состояние, когда кто-либо приходит».

Мы заговорили о композиторах: с ними обошлись, по ее мнению, мягко и корректно по сравнению с тем постановлением, которое ее касалось.

Никого не обругали. «Обозвать блудницей меня, с сорокалетним писательским стажем...»

На мои слова, что она единственная не каялась и не просила прощения, А.А. ответила: «Мне не предъявили никакого обвинения, и мне не в чем каяться. Я понимаю, что Зощенко написал письмо Сталину. Его обвинили в клевете — он доказывал, что он не клеветник»[209].

По поводу отсутствия ее бюста работы Н. Данько (его взяла Дилакторская, чтобы отлить из гипса) А.А. предостерегала меня быть с ней очень осторожной. Что у Дилакторской не то эротическое, не то патологическое увлечение известным учреждением. Она воспела чекистов в поэме, в комнате стоит статуэтка Дзержинского...

Когда стало известно, что у А.А. был английский профессор, Дилакторская подробно расспрашивала ту даму, которая была тогда же у А.А. и вышла вместе с англичанином, куда он пошел, направо или налево, и уверена ли она, что он не вернулся назад.

И наконец, приглашала ее приехать на казнь немцев, говоря: «Вас очень просят...»

Кругом сексоты. Кого, кого не называют: Ляля Мелик, Анна Ивановна Иоаннисян. Но как проверишь?

Приезжал Вася, пробыл пять дней, сегодня уехал. Он сделал очень хорошие эскизы к «Дни и ночи» Симонова.

Мне стало очень неприятно и неуютно дома. Наташа, продержавшись прилично два с половиной месяца, сейчас как с цепи сорвалась. Груба, бестактна, зла. О детях ни малейшей заботы. Они не мыты уже больше двух месяцев. Она носится по городу закусив удила, не ночует дома. Жалко Васю, но еще больше детей. Как прав был Дмитриев в определении ее сущности. Это не человек.

Какой-то старец на Смоленском кладбище[210] сказал, что в мае будут великие события!

6 марта. Была у Анны Петровны. Она очень расстроена, вернее сказать, возмущена. Она с давних пор знала Н.Г. Хлопина, очень дружила с ним. Ему

вскружила голову племянница А.П., дочь Софии Петровны. Свидания происходили тут же, у А.П.

Он расходится с женой, бросает сына; Екатерина Николаевна — двух взрослых детей; две семьи разрушены. И этот очень умный и культурный человек (ему 51 год) ведет себя как старый дурак. А Кате нужны только его деньги и положение.

Я объяснила Анне Петровне, что Хлопин находится в том опасном возрасте, когда надо бояться «беса полуденного» (Le démon de Midi), по роману Бурже.

А.П. потребовала, чтобы С.П. уехала к дочери.

9 марта. 7-го я была у Минны Александровны Янсон, бываю у нее раз в год, когда она справляет чисто по-немецки свой день рождения с вкусным кофе и сладкими пирогами.

А от нее зашла к Дилакторской. Нет, я не верю, чтобы она могла быть сотрудником НКВД. Не верю. Она просто очень наивна. Еще до войны ей и Герману поручили написать о Дзержинском; для этой цели им пришлось познакомиться со старыми чекистами, которым она верит на слово.

Сейчас для поэмы ей понадобились опять сведения от энкавэдэшников, и она несколько раз встречалась с каким-то типом, который, как мне кажется, несколько затронул ее сердце. Она мне прочла целый ряд стихов, посвященных этому герою, которые можно понять либо как шутку, либо как объяснение в любви.

Причем стихи очень неплохие.

Н.Л. их ему послала и удивляется, что он ничего ей не ответил.

Ей за 40 лет. Все это звучит бесконечно наивно.

С Наташей у меня вышел наконец почти скандал. У нее за последнее время вошло в привычку дома не ночевать, причем мне известно, что и у подруг ее в это время нет.

В день приезда Васи она тоже не ночевала дома, — чем уж она объяснила свое отсутствие — не знаю, но все обошлось мирно. Стоило ему уехать — в эту же ночь она вернулась в 4 часа, а на следующий день в 7 часов утра и привела с собой Г. Мосеева. Он быстро ушел. Когда Соня ушла в школу, я Наташе заявила, что ее поведение недопустимо, распутство это или беспутство — мне все равно, но если это будет продолжаться, я напишу Юрию Александровичу и буду просить, чтобы он лишил ее права носить нашу фамилию. Я, дескать, не хочу, чтобы мою фамилию и фамилию моих внуков трепали в грязи. А уж Юрий Александрович сделает это с удовольствием.

Это произвело впечатление, я именно придумала такой ход, т.к. никакие моральные соображения воздействовать на Наташу не могут.

11 марта. Новое дело! В городе со вчерашнего дня паника. У булочных тысячные очереди. Наташа пошла за хлебом в 10½ утра, получила 1 кг 600 гр. черного и 400 гр. белого к трем часам. Мы с Соней около часу пошли к булочной. Весь Радищевский переулок до Спасской площади был полон огромной толпой. В магазинах круп нет, дешевых конфет уже давно нет, также как и сахара. Самые дешевые — 47 рублей кг.

В чем тут дело? И почему так внезапно стряслась такая беда? А это именно для служащих, рабочих, студентов беда, и пребольшая.

Девочки второй день без хлеба. Мара к девяти едет в университет. Где тут зарыта собака?

Говорят, что Ленинград слишком быстро исчерпал все свои лимиты[211] и теперь надо подтянуться. А может быть, это очередное «торможение»? Одно можно сказать, что хозяйство мы вести не умеем и за 30 лет ничему не научились. Как не научились сохранять фрукты и овощи. Мандарины появляются в декабре и длятся всего два месяца, апельсины всего месяц и т.д.

Посмотрим, что дальше будет.

13 марта. 11-го вечером объявили, что 12-го с утра будет выдаваться мука по 3 кг на душу. Наташа пошла в восемь часов, а я присоединилась к ней, проводив Соню в школу, т.е. около девяти. На Чайковской по обе стороны улицы стояли тысячные очереди, концы которых терялись в дворах. Стоял сильный мороз, градусов 15. Вернулась я домой в 11½. Толпа состояла главным образом из женщин всех возрастов. Никакого ропота, как будто так и быть должно. Никакого озлобления.

«Парадоксальная фаза»?

14 марта. Я вчера утром отправилась на Обводный канал, где, сказали мне, «все есть».

Вся Лиговка представляла собой нескончаемый ряд очередей, от булочной до булочной. В магазине на Обводном, конечно, никакого постного масла не оказалось, постояла за каким-то комбижиром. Мы ведь не «покупаем», а «стоим» за чем-нибудь. Пожилая женщина передо мной, одетая, как, бывало, одевались прислуги из хороших домов, в черную шубу с барашковым воротником, с черным платком на голове, рассказала, что сын ее, офицер, живет с семьей в Румынии. Было там очень хорошо, всего вдоволь и все очень дешево. А теперь все пропало, исчезло, и сын просит прислать посылку с продуктами из Ленинграда, где, по слухам, все есть.

Недаром же король Михай уехал[212]. Уж куда ступит наша нога, там словно азотной кислотой вытравляется нормальная жизнь, наступает нищета.

Ехала я обратно и опять, в который уже раз, вспоминала стихи Анны Радловой: «Безумным табуном неслись года, Они зачтутся Богом за столетья...»

Если не за столетья, то уж каждый год за 10 лет зачтется. А пожалуй, тем, кто на советской каторге побывал, и за столетье.

Сегодня паника уже спадает, и я купила булки, простояв не больше пятнадцати минут.

Что мне делать с Наташей, не знаю. Я растерялась перед такой наглостью. Все эти дни она возвращается к 7 утра. Это длится уже около месяца. Quel toupet![213]

Наталья Васильевна говорит мне: «Не принимайте близко к сердцу. Современная молодежь относится ко всему крайне просто, поверхностно, для нас, по старинке, это кажется непонятным и неприемлемым».

18 марта. Вчера вечером была у Натальи Васильевны, которая читала нам свои воспоминания о Толстом[214]. Нет, воспоминаниями это назвать нельзя — это роман, une vie romancée[215]. Это подлинно литературное произведение, написанное лаконично, скупо, с большим тактом; благодаря этому очень ярко и увлекательно. В нем, в этом романе, на мой взгляд, есть большая музыкальность[216].

Были у Н.В. Белкины, Т.Б. Лозинская и еще молодая женщина, которая, прослушав чтение, ушла; пить чай не захотела. Это жена проф. Клибанова. Он был сослан, отбыл каторгу, вернулся, был восстановлен и работал над русским сектантством. Попутно он обнаружил в Румянцевском музее очень ценные материалы по развитию русской общественной мысли в XV и XVI веках. И вот он опять арестован. Что его ждет, неизвестно. Жена в полном отчаянии. Из предосторожности они не зарегистрировались, и теперь из-за этого от нее не принимают передач.

Вообще, по слухам, много арестов, арестованы студенты филологического факультета!?

По словам Н.В., эта работа Клибанова открывает совершенно новые стороны умственных течений в России.

19 марта. Вернулась сейчас из церкви. Пятница, пели «Да Исправится»[217], так я это люблю.

Стояла я и мечтала, что в Москве на месте взорванного храма Христа Спасителя будет стоять не дворец советов, а новый храм Единому Богу, а

может быть, и Спасителю, построенный с невиданной роскошью всем народом, не изменившим своей вере. Будут там мозаики Мыльникова, хотелось бы, чтоб и Вася там поработал.

А может быть, все мои надежды и мечты лишь марево, бессмысленные сны?

Заходила Нина Меерсон, принесла билет на «Не было ни гроша»[218] в воскресенье. Ставил Александр Александрович с ней вместе. У них огромные сокращения. В Мариинском театре сокращают 600 человек из 2000 труппы. По РСФСР сокращению подлежат не то 18 000, не то 25. Куда идти? На Метрострой, заводы — неизвестно.

ТЮЗ получал 2 миллиона дотации. Теперь на ТЮЗ и два кукольных театра отпустили 1 миллион. На ТЮЗ 700 тысяч, кукольным 300.

Стало это известно сейчас, когда Театр юных зрителей израсходовал уже 400 000. До конца года остается 300 000.

Все это называется плановым хозяйством.

Приехала из Москвы приятельница Нины. В ее квартире жила молодая девушка, окончившая театральное училище. Способная, была принята в какой-то театр. Ее сократили. Пришла домой и, никому не говоря ни слова, повесилась.

25 марта. Видела сегодня ужасный сон, предвещающий болезни. Я иду с Соней по улице, народ снует. У стены стоит пианино, и Соня садится играть. Спина у нее почему-то вся голая. К ней подходит человек небольшого роста, с зажмуренными глазами, противным лицом. Он кладет руку на ее голенькое плечо. Я бросаюсь на него, замахиваюсь, чтобы ударить, люди его оттаскивают.

Затем мы где-то у Мар. Митр. в имении, хотим уходить, она дает нам яблоки на дорогу, и Соня приносит большую лопату с яблоками, чудными, светло-розовыми, желтыми. Их много. Стоит мне увидеть яблоки во сне, как кто-нибудь заболевает. Сердце сжимается от страха, мне кажется, что Сонина жизнь всегда на волоске.

Пошла в церковь. Дома мне теперь очень трудно молиться. Соня уходит в школу, все встают, и я как на юру. Вечером — у меня спит Катя, опять я не одна, это мучительно.

26 марта. Стою в очереди за мясом. За мной три женщины средних лет ведут разговор о том, какие они сами аккуратные и чистоплотные и какие бывают жильцы. «Вхожу в кухню, смотрю: стоит на моей территории, у моего стола, натоптано, натоптано... ну что я с такой лошадью говорить буду!»

27 марта. Забежала ко мне Нина Меерсон. Я ей рассказала этот эпизод. Она накануне стояла в очереди за рыбой. Перед ней очень красивая молодая дама с точеным лицом, в котиковом манто, модной шляпке. Поворачивается к Нине: «Скажите, эти селедки ерголанские или нет? Я это к тому спрашиваю, хочу знать, импортные они или испóртные, я *очече*ственного ничего не покупаю!»

28 марта. 25-го вечером Наташа удалилась в неизвестном направлении, сказав утром, что ее внезапно пригласили сделать маленькую постановку не то в Ораниенбауме, не то в Гатчине. А между тем уже за несколько дней перед этим она выстирала свой халат, нарядное белье etc. Дети в ее жизни не играют никакой роли. Времяпрепровождение последнего дня крайне типично: она не ночевала дома, сказав, что идет к Ляле Мелик. Вернулась часов в десять, вскоре звонок по телефону, и она вновь уходит и вновь быстро возвращается, чтобы сообщить детям о своем отъезде дня на четыре, на пять. После обеда уходит уже окончательно.

Я уверена, что никакой работы, конечно, нет, она просто живет у Мосеева. А может быть, с ним куда-нибудь уехала. Говорят, в Сестрорецке есть теперь гостиница, куда ездят любовные пары.

Это какое-то холодное, злое и мелочное существо. Она как-то на днях сказала мне: «Я ненавижу эту мебель, потому что она принадлежит вам».

У нее единственное страстное стремление веселиться, быть вне дома, где-то бегать, бегать без конца. В первые месяцы своего пребывания она часто вечером сидела у девочек. Как теперь выяснили, она их просвещала, говоря, например, что физическая близость еще не измена.

Я понимаю, что молодой красивой женщине хочется веселья. Но ведь кроме этого должны же быть какие-то еще интересы искусства, жажда знаний, а дети? Об них-то ни малейшей заботы.

Я осталась с детьми одна за няню и bonne à tout faire[219]. 26-го простояла в очередях за мясом, конфетами, булками около трех часов, после чего мой радикулит и, по-видимому, ишиас разболелись <так>, что я просто вскрикивала от боли при некоторых движениях. Вечером я ложусь на раскаленный песок, боли утихают, и если бы я могла полежать несколько дней, вероятно, мне стало бы лучше. Но какое уж тут лежание.

Думала как-то о разнице темперамента нашей и французской революции. Французы были, конечно, мальчишки и щенки по части террора и шпионажа.

Каждый из нас — Робинзон, окруженный океаном шпионов и предателей. Там был аффект, у нас холодная жестокость, и кроме Ежова — ни одного русского во главе НКВД за 30 лет.

Катя рассказывала девочкам, что «кабы не Любовь Васильевна, достававшая всем нам пропуска в столовые, мы бы, верно, подохли с голода (в зиму 41—42-го годов). В столовых хоть тарелка горячего супа да была обеспечена».

Я об этом совсем забыла.

29 марта. Совсем как во французских романах d'avant-guerre[220]: приходит ко мне докторша из женской консультации, спрашивает Наталью Алексеевну: «Она у нас была, и ввиду ее беременности я буду к ней заходить в течение девяти месяцев».

En voilà une tuile!![221] Я совершенно убеждена, что Вася тут ни при чем ни сном, ни духом. Ну, посмотрим, что дальше будет.

30 марта. Наташа вернулась, как ни в чем не бывало, со мной не поздоровалась, как всегда, сунула детям шоколадки. Я ее отозвала к себе и передала слова приходившей докторши. Оказалось, что она уезжала делать себе операцию!

То, что мне все стало известно, конечно, ей должно быть неприятно.

4 апреля. «Самый дух спопешествует духу нашему како есмы чада Божия». К Римл. Гл. 8, 16.

6 апреля. Моя жизнь совсем стала мне непосильна. Наташа потеряла всякий стыд и заходит домой на час или на несколько часов, когда ей надо что-то нарисовать, как, например, сегодня. Но часов в 5 ей звонит Мосеев, и она уходит уже на всю ночь.

А мой день, например, сегодня: встала в 7½, бужу Соню, делаю ей завтрак, глажу ленточки в косы и передник, после ее ухода привожу в порядок Петю и ухожу в магазин, вернее, в магазины, *ищу* продукты, булки. Возвращаюсь, приготовляю детям завтрак. Соня возвращается, завтракает, иду с ними гулять. Они отдыхают, я готовлю обед. После обеда готовлю с Соней уроки, занимаемся французским, ужин. Ложатся спать в 9 часов. А Мара уже ждет меня, чтобы читать «Сказание Авраама Палицына», о котором ей надо делать доклад и язык которого она не понимает. Сейчас она ушла, 11 часов. В голове пусто. А я все хочу приняться за воспоминания, и нет никаких сил.

Еще не сказала, что в случайные свободные минуты обшиваю детей. Наташа не может даже пуговицу пришить, чулка заштопать.

Вопреки своему обещанию, я на днях написала Юрию о поведении Наташи, о том, что уже около двух месяцев она не ночует дома, об аборте, об ее грубости по отношению ко мне, и просила его решить: рассказать обо всем этом Васе или нет. Положение, мне кажется, так продолжаться не может. Причем я еле хожу от боли в спине, радикулита.

Если бы я могла спокойно жить, читать, столько у меня интересных непрочитанных книг. Хоть взять Авраама Палицына, с удовольствием его читаю, надо добраться до Котошихина. Я отдыхаю душой, только когда попадаю к Анне Петровне. Теперь у нее нет журфиксов, мы сидим вдвоем, как в блокаду, она мне читает вновь написанные главы воспоминаний, тепло становится на душе.

10 апреля. Юрьев оставил завещание, в котором все свое имущество, движимое и недвижимое, он оставил своему другу и, кажется, родственнику Армфельду. После похорон Юрьева Армфельда арестовали, а имущество конфисковано.

Армфельд был когда-то арестован и выслан, отбыл наказание, вернулся, и Юрьев хлопотал, чтобы ему разрешили остаться в Ленинграде. Говорят, обращался к правительству...

Наследство, по слухам, равно шести миллионам, и, по тем же слухам, может быть, в этом аресте повинны родственники Ю.М., которым не хотелось терять такие деньги. [Какое неуважение к памяти умершего, к человеку.]

Впрочем, даже стыдно повторять такие прописные истины.

12 апреля. Я целый день одна с детьми, к вечеру устаю до полуобморочного состояния. Наташа окончательно сорвалась с цепи, по полутора суток не возвращается домой, ни разу не звонит за эти долгие отсутствия, чтобы справиться о здоровье детей, даже когда исчезала на пять дней. Все грозится, что скоро совсем уедет и заберет детей. А на что ей дети? Как телеге пятое колесо. Только мешают.

Вчера вечером ко мне зашла А.А. Ахматова. Я очень обрадовалась. Ее несокрушимое терпение и благородство меня восхищают.

Мне хотелось снять с Дилакторской подозрение в сотрудничестве с НКВД, и я передала А.А. мое впечатление об ее беспредельной наивности и влюбчивости. С этими свойствами ее А.А. согласилась, но считает, что они не снимают подозрения. И в подтверждение рассказала следующее: когда у нее был во второй раз оксфордский профессор, она пригласила своих двух приятельниц. Англичанин просидел до утра и вышел вместе с дамами. А.А. не скрывала этот визит с намерением, чтобы никто не заподозрил чего-нибудь таинственного, и рассказала об этом случае Дилакторской. Дилакторская после этого нашла одну из этих дам и долго расспрашивала: куда он пошел, направо или налево: «Вы уверены в этом? А не вернулся ли он обратно?» и т.д. Типичные вопросы для потерявших следы чекистов. «Дилакторская

влюблена в само учреждение, в Дзержинского, у вас на столе Пушкин, а у нее Дзержинский, и поэму она написала о чекистах». (А мать ее умерла в концлагере.)

Я спросила А.А., устроился ли ее сын, — нет, нигде не мог устроиться, служит в библиотеке какой-то больницы. На лето же едет с археологической экспедицией.

Зощенко написал новую комедию по современному рецепту, высмеивает американцев, она уже принята в Москве, куда его на днях вызывали[222].

Анне Андреевне передавали, что в Союзе писателей состоялось чествование новых лауреатов, Кетлинской и Пановой. Почти не было народу.

До знаменитого августовского постановления ЦК А.А. получала из Америки через Еврейское общество по две посылки в год, неизвестно от кого, вполне анонимно. После постановления посылки прекратились. Очевидно, запретили. Какова злоба и мелочность.

Говорили мы о том разнузданном бичевании, которому сейчас подвергается наука, университет, профессора, старик Шишмарев[223]. «Я удивляюсь, — заметила А.А., — почему такая нервозность! Казалось бы, что при таких военных и политических успехах (Китай) могла бы наступить благостность; братья и сестры, говорил Сталин во время войны...»

В санаторию она не поедет, — «для чего, чтобы на меня все пальцами показывали...»

18 апреля. Была днем у М.М. — было очень интересно.

20 апреля. 17-го у меня был разговор с Наташей. Она говорила девочкам о том, что ей уже нашли комнату для обмена на нашу, что у Мосеева тоже нет комнаты.

Я позвала ее к себе и очень спокойно сказала, что хотя, когда Вася был здесь, я предложила им менять комнату, теперь я беру свои слова обратно. До меня дошли слухи, что она с кем-то живет, и дарить комнату этому кому-то я не собираюсь. Я вполне понимаю, что ей неинтересно ждать, пока Вася разбогатеет, но пусть уж она как-нибудь устраивается, не рассчитывая на мою комнату.

На это Наташа ответила, что она ни с кем не живет, но не ночует и не бывает дома потому, что ей неприятно со мной жить, т.к. она не чувствует себя здесь хозяйкой.

По-видимому, мои слова ее несколько испугали, она три ночи ночевала дома и не так нагла. Как это безумно скучно.

Кончала «Vie de Jesus» Ренана. Как чудесно это написано, как умно, с какой любовью. Вот так и я люблю Христа. И как я мучаюсь, что не сумела девочек воспитать христианками, и теперь не знаю, как к Соне подойти. Это нехорошо.

22 апреля. Вечером вчера была Елена Ивановна и рассказывала об университете, о насильственном покаянии профессоров, о причинах гонения на Веселовского. Я помню его, встречала его у Надежды Александровны Белозерской. Он был женат на ее сестре.

По слухам, за границей появилась статья: «Мученики науки». Е.И. рассказала случай из ее практики, очень характерный: один из студентов, делая доклад о романе В. Скотта «Квентин Дорвард», цитировал слова Цыгана о том, что необходима свобода слова, совести и пр.[224]. Говоря это, студент улыбнулся, а многие товарищи расхохотались. Стали обсуждать доклад. Один из студентов, партийный, лет 32, принял участие в прениях и затем спросил: «Почему вы, товарищ Мусселиус, улыбнулись? Может быть, вы согласны с этой цитатой?» — «Да, согласен», — отвечал неосторожный Мусселиус.

После воскресенья у меня все время дух захватывает от радости, неужели сбудется?[225] Ведь вся Россия вместе со мной ждет освобождения.

23 апреля. Яблоки-то сбываются, по-видимому, на мне, к счастью. Мое переутомление сказалось на сердце. Дней пять тому назад стала побаливать вся сердечная область. Я пыталась ложиться, но это мне не удавалось, т.к. Наташа все равно исчезала. Вчера мне стало так плохо, что пришлось отказаться от органного концерта Браудо с певцом Гмырей, и я легла pour tout de bon[226], предупредив Наташу, чтобы она все заботы о детях и хозяйстве взяла на себя. И лежу. За мной ухаживают девочки и Катя, которая к тому же и подкармливает меня. Мне необходимо пойти к д-ру Сорокиной, и нет ни копейки денег. Наташа потребовала, чтобы Вася высылал деньги на ее имя, и я теперь на нищенском положении.

Обидно было бы умереть накануне.

24 апреля. Вера Ананьевна Славенсон все упрекает меня за то, что я не принимаюсь писать биографию сестер Данько, страшно стыдит и при последнем свидании на этих днях сказала мне: «У вас, Любовь Васильевна, высокий потолок, не надо его снижать». Я сама на себя зла. Я именно устрица, как говорил брат Вася, и дала себя слопать даже Наташе.

25 апреля. Белкины добродетельные, но глубокопровинциальные люди. С тех пор как я отошла от театра, я перестала принадлежать к числу именитых граждан, и Белкины перестали меня приглашать на торжественные прие-

мы. Иногда по наивности зовут на черствые именины[227], от чего я всегда отказываюсь, что не мешает им на следующий год повторять то же самое.

Анна Петровна, не помню, по какому поводу, сказала как-то: «Я собираю у себя друзей, это только Белкины зовут лишь знаменитостей».

Вспомнила это потому, что вчера говорила с А.П. по телефону, и она сказала, что Вера Александровна ее очень звала вчера, у них должна была читать Наталия Васильевна свои воспоминания.

26 апреля. Авраамий Палицын хорошо кончает свое сказание: «Аз еже изложих, елико возмогах... понеже глаголемо есть: Аще веления Божия человецы умолчат, камение вопити понудится».

27 апреля. Трудно найти более бездушное существо, чем Наташа. Вчера вечером у Сони заболело ухо. Я сделала тотчас же ей согревающий компресс, уложила в постель. Еще днем я говорила, что иду вечером к Анне Петровне. Я ушла в 8, а когда вернулась в 12, то Наташи не оказалось дома. Ушла к Ляле тотчас же после моего ухода, предупредив Галю, чтобы ей позвонили, когда Соня заплачет! Хотя Ляля живет на Моховой, все же надо 15 минут, чтобы дойти до нас. Я с нетерпением и замиранием сердца жду мая.

Вечер. Была у всенощной. Когда пели «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный»[228], я подумала, какого счастья лишены люди, не знающие церкви, неверующие или просто равнодушные, или новое советское поколение, выросшее как трава, как зверюшки. Большого, большого счастья.

Пришла домой — Наташа, сказавшая мне, что будет дома, уже сбежала. Полное отсутствие внутреннего содержания, никакого интереса ни к чему. Шляться, шляться, шляться. Бедные дети. Соня попросила мать перед сном вымыть ей руки — завтра вымоешь.

4 мая. Дни перед Пасхой стояла в бесконечных очередях за продуктами, а в субботу утром простояла *два часа* в очереди, чтобы приложиться к плащанице! Люди стояли вокруг ограды. Это традиция, обряд, но в общности, всенародности обряда лежит для меня глубокий смысл. Была в церкви во вторник и в среду утром и вечером. В среду после церкви поехала на вокзал проводить Дмитриева, который утром мне позвонил. Немножко пожаловалась на судьбу, вернее на Наташу. «О Наташе вы знаете мое мнение. Кое-что слышал о ней от Альтманов, но Васе я ничего говорить не буду, не к чему — только ссоры разводить». По мнению Владимира Владимировича, Вася не умеет себя держать в театре и это ему мешает в работе. Например, его вызывают в театр, он не приходит, вызывают второй раз — не приходит опять.

Если бы по дороге из Мурманска он не задержался у нас, он не потерял бы работу в Детском театре.

Была в Союзе писателей на вечере в честь 1 Мая, шел литературный альманах, очень остроумный и достаточно смелый. Даже непонятно, вернее, не сразу понятно, как решились на такую смелость. Например: к окулисту Союза писателей приходит писатель с больными глазами. Докторша (Е. Уварова) его осматривает и спрашивает: «Вы близоруки?» — «Да, конечно, я близорук, иначе я не написал бы статьи о Веселовском». Докторша прописывает ему «Литературную газету»: «Будете принимать два раза в неделю, это очень сильно действующее средство». Продернули Трифонову, и поделом. И непонятно, почему такой альманах мог быть разрешен.

Эту Трифонову я помню подростком в Петрозаводске, в блузке с матросским воротником, с некрасивым прыщавым лицом. Ее мать, вдова адмирала Кетлинского, была концертмейстером в театре и рассказала мне всю свою печальную историю. Адмирал Кетлинский командовал во время Первой мировой войны Северным флотом в Мурманске; мой брат Саша, пришедший туда из Японии на «Чесме»[229], часто бывал у них, они его очень любили. Может быть, оттого она и была со мной так откровенна. После октябрьского переворота Кетлинский признал новую власть и вел себя вполне луаяльно (не знаю, как пишется это слово). Когда англичане приблизились, адмирал был убит неизвестно кем, но, как предполагают, белыми. Несмотря на это, по уходе англичан жена Кетлинского была арестована, сидела в Петрозаводской тюрьме очень долго, пугали расстрелом. Каждую ночь подъезжала машина, чтобы везти кого-нибудь на расстрел, каждую ночь она ждала своей очереди. Очень долго она ничего не знала о своих дочерях; они были взяты в детдом.

Наталия Васильевна рассказала мне жуткие вещи о Наташе. Она была с Мосеевым у Державина. Жора (так все называют Мосеева) напился, обзывал Наташу непотребными словами (б...), посылал к чертовой матери, хотел уйти, Наташа бежала за ним в переднюю, тянула обратно, и это чуть ли не в первое свое посещение этого дома. Приехала с тем же Жорой к Никите около часу ночи, у каждого из них было по косушке водки в кармане. Никита их выпроводил, и они поехали допивать водку в другое место.

Никита запретил своей Наташе появляться в обществе нашей, и даже Ирина Щеголева сказала, что Наташа настолько себя бестактно и некрасиво ведет, что она избегает с ней встречаться!

Расстроили меня все эти дела чрезвычайно. Какая грязь, какое унижение. Бедные, бедные дети. Ее любовь к ним выражается в сладостях, которые она им приносит из своих скитаний. Ни их здоровье, ни их одежда, ни учение и развитие ее ничуть не интересуют.

Справляться с ними зато стало трудней, и, кроме того, она подает очень дурной пример: ей ничего не стоит прийти без меня ко мне в комнату, все обшарить и взять что ей нужно. И дети делают то же самое, чего в прошлом году не было никогда.

7 мая. Умер Дмитриев, умер вчера скоропостижно. Когда мне позвонила Ирина Щеголева, прямо ноги подкосились. Неделю тому назад я провожала его, он уезжал на «Стреле» в Москву. Свежий, цветущий, веселый. И вдруг нет его. Вася очень к нему привязан, он привык обсуждать каждый свой шаг с Владимиром Владимировичем. Теперь он остается без поддержки, без пестуна. Ему будет очень тяжело, он совсем один. Не знаю, дает ли ему отец какое-нибудь сердечное тепло, от своей жены ждать ему нечего. Жалко мне Васю и очень жалко Владимира Владимировича. Я его знаю с 1919 года. Его привел в кукольный театр К.К. Тверской (Кузьмин-Караваев), он должен был делать к какой-то пьесе декорации, но почему-то отказался. В.В. мне много позже рассказал, что его не пустил Мейерхольд, желавший владеть им монопольно. [Было ему тогда 19 или 20 лет.] В 1936 году мы переехали на Кировский, № 14 и жили с Дмитриевыми на одной площадке.

[В 1943 году] в Москве Дмитриев устроил Васю в Студию МХАТа, которая давала броню, дал постановку «Кошкиного дома» и всячески учил уму-разуму. Художник он был разнообразный и обаятельный. Я много видела его постановок. «Пиковую даму» в Москве[230], «Нос»[231] и «Леди Макбет» Шостаковича в Михайловском театре, «Войну и мир» там же[232] и накануне войны «Дворянское гнездо» в Александринке — по-настоящему благоуханную [лирическую] постановку. Декорации всех картин были проникнуты острым пониманием стиля эпохи, Тургенева, теплотою чувства самого художника. Я была на генеральной, и Владимир Владимирович сознался мне, что эту постановку он любит больше всех своих работ. От декораций пруда веяло ароматом старого парка, чувствовался запах летнего вечера, декорации писал Кирилл Кустодиев блестяще.

Комната Лизы, небольшая, с жардиньеркой цветов, образом. В окно видна дорога и вдали церковь, такое все знакомое, русское, свое. Комната Лемма, сад перед террасой — все было хорошо.

«Леди Макбет» — полная противоположность: все острое и, как и музыка, с затаенной жутью. Так и чувствуешь, что здесь должно быть греху, преступлению...

И вот нет его, как нет и бедной Веты. Он хоть счастливо умер, без страданий, мгновенно, а Вета, очаровательная женщина, сколько ей пришлось страдать, где, как? И за что!

12 мая. Со смерти Дмитриева я как-то не могу прийти в себя. Боюсь за Васю, боюсь, что не исполнятся предсказания. У меня все чаще и чаще стала побаливать вся область сердца, что влечет всегда за собой большую слабость. Этой ночью не могла спать, болело сердце: а что, как не дождусь, не увижу братьев, так бесславно и погибну, съеденная Наташей. Я совсем как колобок: и от дедки ушел, и от бабки ушел, а лиса слопала. Причем Наташа даже не лиса, а наглая волчица.

15 мая. Толстые, Никита с Наташей, едут в Москву, Никита будет читать доклад на совещании по люминесценции. Я решила поручить Никите переговорить с Васей, поставить его в известность о всем том, что происходит у нас, и сказать, что я в дальнейшем отказываюсь быть козлом отпущения.

Была у них 13-го, узнала, что Наташа (наша) позвонила на днях в Москву, с ней говорил Юрий, кричал на нее, сказал, что ее скандальное поведение известно всей Москве, чтобы она убиралась из нашего дома и чтобы больше не звонила, т.к. он Васю не допустит к телефону. Все это сообщила Толстым сама Наташа. Я думаю, не передал ли ему Дмитриев то, что мог слышать от Ирины, от Анисимовой...

Вот и допрыгалась. А Жоре она уже, по-видимому, надоела и теперь грустно сидит дома. За 4 месяца вдребезги испортить себе репутацию — это тоже надо умеючи, как и в Москве, теперь перед ней закрыты все двери. Какой стыд. Какая-то оголтелость, отсутствие всяких моральных устоев и самого простого такта и воспитания.

21 мая. Вчера были мы с Соней в ТЮЗе, смотрели «Кота в сапогах»[233]. Соня перешла во второй класс, она отличница. В награду за это она была уже в кукольном театре на «Лебединце-городе»[234], вчера в ТЮЗе, пойдем еще смотреть «Дюймовочку»[235].

Я поздравила вчера Брянцева с женитьбой (ему под 70, а он недавно женился!). «Да, приглядывался к одной, а женился на другой. Я ведь еще приглядывался к Наталье Васильевне, да меня Митя отпугнул. Он так нагло себя вел по отношению к матери, а Наталья Васильевна было его совсем к себе взяла, я боялся, что не сдержусь. Моя жена — приятельница Елены Михай-

ловны (первой жены), общественница, очень помогала мне в моих депутатских делах... теперь помогает меньше, мое хозяйство ведет».

А от Натальи Васильевны я знаю обратную сторону медали. Она с ним очень дружила, но его примитивное безверие, примитивный советский коммунизм и попытки ее просвещать в этом направлении показались ей à la longue[236] очень скучными и чуждыми. А когда он сделал ей предложение, она просто ответила: «А зачем это нам нужно?» — и отказала, конечно.

Вздумал этакий попик рубить дерево не по плечу.

На днях звонил Вася. Сказал, что собирается подавать в суд просьбу о разводе с Наташей. О ее времяпрепровождении он узнал от тещи Дмитриева, который успел ей рассказать все, что здесь узнал. Но и сам Вася хорош! Он уже нашел «замену» Наташе, как он выразился. «А дети?» — спросила я. «Они будут с нами, с тобой...» Вот плоды советской педагогики. Никаких устоев моральных, полная безответственность, полное неуважение к семье как raison sociale[237].

Теперь правительство хочет с этим разложением бороться, но исправить разложившееся невозможно. Недавно стали ходить слухи о новых постановлениях относительно развода, говорили об этом у всех подворотен: развод запрещен людям, прожившим вместе 10 лет; жена, изменяющая мужу, получает 3 года тюрьмы, ее любовник 5 лет и т.п. Все эти слухи оказались бреднями, но вызвали массовые разводы. Наталья Михайловна Михайлова, юристка (которую я встретила у Анны Петровны, в день ее рождения 18-го), рассказала, что в загсах стояли огромные очереди, как за сахаром, разводящихся. А к ней на консультацию пришла клиентка, которая спросила, какое наказание должен понести муж, изменяющий своей жене.

Наташина бестактность не имеет границ. Когда мы с Соней вернулись 17-го из школы после того, как детям выдали их табели и она оказалась отличницей, Наташа сказала, что Сонечка заслужила какое-нибудь вкусное лакомство за хорошее учение. А я добавила в шутку: «Мне кажется, что и я это заслужила». — «Нет, — ответила Наташа, — вы напрасно с ней так занимались, она сама ничего не соображает, на будущий год она у меня будет одна заниматься самостоятельно». Это вся благодарность за то, что я подготовила Соню в школу; за то, что в течение тех трех месяцев, когда она не могла ходить в школу из-за стрептококка, она не отстала от своих подруг, и вообще за все свои заботы!..

У Толстых мне рассказали следующее. В университете было закрытое собрание студентов, на котором выступили евреи и спросили, на каком осно-

вании евреев больше не принимают в аспирантуру? Парторг на это им ответил: Ленинградский университет находится в РСФСР, следовательно, он создан для русских, в Белоруссии для белорусов, в Украине для украинцев.

Вот как наказуется национальная бестактность![238] У этого народа нет и никогда не было исторического такта.

24 мая. «Бог есть то неограниченное все, чего человек осознает себя ограниченной частью... Бог не есть любовь, но чем больше любви, тем больше человек проявляет Бога, тем больше истинно существует... Бога мы сознаем только через сознание Его проявления в нас». Л.Н. Толстой. Продиктовано А.Л. Толстой в Астапове[239]. И не верят в него те, кто его не ощущает.

Как тяжело человеку, жившему в XX веке общеевропейской жизнью, существовать в XVI, за Китайской стеной, за «железным занавесом», среди всеобщего одичания и забвения самых элементарных европейских навыков воспитанности, любви и внимания к ближнему. Иногда я это особенно мучительно остро ощущаю.

11 июня. Сегодня ночью проснулась от стона во сне кого-то из детей и долго не могла заснуть. Почему-то вспомнился Г. Попов, с которым недавно обедала у Натальи Васильевны, и нелепые постановления правительства[240]. Говорят, на совещании композиторов в Москве какой-то нацмен сказал: у нас должна создаться такая же Могучая кучка[241], как в прошлом; и не одна. Каждая республика будет иметь свою Могучую кучку, в СССР должно быть 16 Могучих кучек![242] [Гавриил Попов стал нас уверять, что Вильямс и Дмитриев были отравлены, и отравлены не соперниками, а людьми, заинтересованными в уничтожении русской интеллигенции.]

Почему ни у кого не хватило духу сказать: Могучая кучка создалась в эпоху, давшую «Войну и мир», Достоевского, в эпоху увлечения национальной историей, в славное и блестящее царствование Александра Второго. Наша Могучая кучка — Шостакович, Хачатурян, Попов и др. — совершенно логический продукт революции. Она отвергала первые два десятилетия своего существования национальность, народность, родину, отвергла православие, веру. Самого слова «Россия» не существует до сих пор. Мучительная жизнь, состоящая из постоянной смены возбуждений и торможений, приводит к полному расстройству нервной системы. Как можно требовать от людей, вступивших в революционные годы детьми, спокойствия, уравновешенности, народности Римского-Корсакова, Бородина? Надо бы сказать Жданову: это ваше детище, которого, впрочем, вы недостойны. Умейте це-

нить. Бедный Гаврило сидит без денег. Его не исполняют, не печатают, у него ничего не покупают. Живи как хочешь.

3-го, в Еленин день, я поехала в Детское. Опять, как в 45-м году, подходила к кладбищу с замиранием сердца. Я не была там *полтора года*. Целых полтора года; сначала денег не было, а потом, когда ногу сломала, то нечего было и думать о поездке. Целы ли кресты, могилы? Подхожу к церкви, поворачиваю к могилам и уже издали вижу Аленушкин крест; иду: обе могилы густо поросли незабудками. Я расплакалась от радости. Природа позаботилась дать мне утешение.

Весной 46-го года я посадила незабудки. Когда они завяли, я, помню, вырвала их и заменила бегониями.

Но, очевидно, семена уже попали в землю. Долго я там сидела, был чудный день. Обошла кладбище, полюбовалась на свой любимый мраморный tempietto[243].

Я живу в полной нищете. Чтобы поехать в Детское и оставить двадцатку сторожихе, я продала два тома Бальзака и «Education sentimentale» Flaubert'a[244].

Надеялась, веря обещаниям Горского, что в июне он мне даст какой-нибудь перевод, получу аванс и съезжу в Москву. Теперь он отодвигает возможность этой работы на середину июля.

Вася не пишет, не звонит, денег уже месяц как не шлет. Ничто не продается.

Наташа рисует для Мосеева костюмы к «Борису Годунову» в Мариинский театр. Дети всецело на моем попечении, и я устала.

Наталья Васильевна дала мне переписать стихи Мандельштама и Бориса Свешникова, умерших в ссылке.

Мандельштам

За высокую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей,
Я лишился и места на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи бросается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихни меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
Чтоб не видеть ни труса,
Ни мерзкой грязцы,

Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первозданной красе.
    Уведи меня в ночь, где течет Енисей,
    Где сосна до звезды достает,
    Потому что не волк я по крови своей
    И меня только равный убьет[245].

Борис Свешников — юноша, выросший в эмиграции в обеспеченной семье. Влюбился в коммунизм и советский строй, приехал в Россию работать. Ему дали немного оглядеться, арестовали, сослали в Сибирь (везли в ужаснейших условиях, в трюме баржи), где он и погиб от чахотки. Эти подробности Наталья Васильевна слышала от Клибанова, ехавшего в ссылку вместе со Свешниковым. Это его последние стихи:

Большая и задумчивая птица
Летит в закат. И лиловеет лес.
Мне хочется бестягостно проститься
С земным теплом, с прозрачностью небес.
И я несу изношенное тело
В смолой и влагой полные часы,
Чтоб легче было разум охладелый
Излить на землю каплями росы.
Медлительно и сладко расставанье
С тенями чувств, ошибок и утрат.
В безрадостном полусуществованьи
Да растворится соль моих утрат.
И радостно и горестно сознанье,
Что плоть мою победно обовьют
Кривые сосны алчными корнями,
И выпьют не спеша, как воду пьют.
Что все забудется и все простится,
Все пролетит, как солнца алый дым,
И будет только вечер. И над ним
Полет большой и одинокой птицы.

Красный лист

Красный лист ложится с тихим звоном
На сухой и строгий чернозем.
Здравствуй смерть, шумящая по кленам,
Я не вздрогну в холоде твоем,
Но вздохну и улыбнусь, услышав,
Как в груди, качаясь и звеня,
Ударяет с каждым взмахом тише

Маятник, измаявший меня.
Дни бегут, и ветры нарастают,
Устремясь к назначенной мете,
В небе черный снег грачиной стаи,
Всплески смерти, черная метель.
Полная трудами и годами,
Полыханьем листьев и зари
В хрупком и прозрачном увяданьи,
Жизнь моя, развейся и умри!
Слышу в воздухе неоглашенном
Приближенье радостной беды.
Красный лист ложится с тихим звоном
На мои забытые следы.

Мне кажется, что я несу целый Урал на своих плечах. Нет сил, нет сил.

Тебе отмщение и Ты воздашь[246]. Но воздай. Воздай за чудовищную, бесцельную жестокость. Воздай за презрение к человеку, за ненависть.

19 июня. Я хожу и всматриваюсь в лица. На всех лицах, за очень малым исключением, озабоченность, усталость, морщины, несвежие лица, такие унылые, усталые глаза. Иду и тщетно ищу хоть одно свежее личико. Вот две девочки, им 15—16 лет, а на лбу уже морщины. Много нездоровых лиц, набухшие мешки под глазами.

26 июня. Проснулась в 7 часов утра. В слесарно-токарной мастерской, находящейся в подвальном помещении по нашей лестнице, уже пущен станок с электрическим приводом, и его завывания разбудят мертвого. Гудят иногда до поздней ночи.

Уже полтора года тому назад все жильцы нашей лестницы с проф. Максименковым, лауреатом, членом-корреспондентом медицинской Академии наук во главе подали в райсовет заявление с просьбой об изъятии этой мастерской. Состоялось даже постановление — убрали ту мастерскую и вселили новую. Ни жильцы, ни домовое управление права голоса не имеют. Все то же презрение к обывателю, возведенное в принцип.

Для характеристики Наташи: она меня спросила не так давно, нет ли у меня материалов по русскому костюму для «Бориса Годунова». Я ей вынула огромный альбом Мейерберга[247], где оказалось все, что ей было нужно. Нельзя ли отнести альбом к Мосееву? Я ответила, что давать книгу любовнику моей невестки было бы странно [и даже неудобно], что она может срисовать все, что ей нужно, но прошу моих книг никуда не уносить. Я ушла в кухню, а когда вернулась, альбом был уже положен в шкаф. Наташа ушла.

Мне показалось подозрительным ее миролюбие. Я вынула альбом: из него были выдраны десять больших листов.

Наутро я заявила, чтобы она немедленно принесла мне вырванные страницы. Поднялся крик: она ничего не вырывала, я всегда подозреваю ее в воровстве, это возмутительно и т.д. [На эти крики я холодно] сказала, что если она не вернет мне эти листы [завтра же], я расскажу Васиным товарищам и устрою скандал. «Вы меня не запугивайте». На следующее утро выдранные страницы лежали у меня на столе!

26 июня, <вечер>. Отправилась с утра в поиски сандалий для Сони. Это уже третий день [хождений по мукам]. Была я в ДЛТ, в Пассаже, в Сызранском универмаге (это уже за городом, в Благодатном переулке[248]), во Фрунзенском[249]; нигде ничего. Вернулась в Пассаж и купила босоножки на толстой резиновой подошве, ужасные, но за неимением лучшего... И вот наблюдала. Все внимание сосредоточила на лицах, хотелось найти хоть одно веселое, беззаботное лицо. От ДЛТ, по Большой Конюшенной и затем по Невскому до Пассажа. Всё морщины; озабоченные, безотрадные лица. Наконец высокий интеллигент средних лет, загорелый, идет, опустив голову, и улыбается своим мыслям. Быстро шагает Вл. Лифшиц, нахмуря брови, ничего не видя, и что-то шепчет себе под нос; верно, сочиняет лирические стихи, которые не напечатают. Вот молоденькая веселая девушка с двумя тоже веселыми юношами.

Я пробродила и проездила на трамваях четыре часа, — эти трое да загорелый ученый (я думаю, что это был ученый) — единственные улыбающиеся люди, попавшиеся мне навстречу.

Надо бы сходить на футбольный матч. Вероятно, там много бездумных лиц. Но улыбаются ли эти озверелые футболисты?

В трамвае на площадке стоял красивый мальчик лет 12 с очень незаурядным лицом, хорошо одетый. Напряженно-озабоченное выражение лица. Что это такое? Кому же на Руси жить хорошо?[250]

Мне кажется, что угнетенное состояние целого народа проявляется в каких-то флюидах, в каких-то радиоволнах, посылаемых нашим мозгом, которые бессознательно или подсознательно воспринимаются всеми.

Заходила Наталья Васильевна. Она начала читать мою «Русскую старину»[251] с 1-го тома 1870 года. Два тома уже прочла, теперь взяла следующие два.

Когда-то бедный А.О. Старчаков мечтал: «Бросить бы всякую службу, жить в Детском и читать Вашу “Русскую старину”». Не удалось ему это.

Вновь арестована Муся Малаховская. Говорят, что в Москве много арестовано уже прежде «репрессированных». Хорошо, что она сидит в таком глухом углу. Ее хоть *только* сократили.

4 июля. Второй день лежу. Была недавно у д-ра Сорокиной, она нашла у меня расширение аорты, которое и дает боли. И ночью, когда так ноет сердце, я с ужасом думаю: а что, как не дождусь рассвета, не дождусь братьев? Боже мой, дай дождаться.

Конечно, эта зима не могла пройти для меня безболезненно.

Сонечка еще на даче у Толстых. Лежу одна, читаю «Русскую старину», Милюкова, Ségur'а. Девочки даже ни разу не зашли ко мне в комнату, чтобы узнать о здоровье. Они настолько привыкли принимать все как должное, что побеспокоиться со своей стороны обо мне им не приходит в голову. Впрочем, благодарности я никогда ни от кого не жду. Немножко бывает больно, но и только. Зато кто меня порадовал, это сербы. Единственный мужественный народ. Они не пошли в немецкое рабство, не пошли и в партийное.

Мне надо воспитать Сонечку так, чтобы она была наследницей моих вкусов, как я осталась верна папиным пристрастиям. Я от него получила одну книгу былин «Древнерусские стихотворения» издания 1804 года и памятники древнерусской литературы, у меня теперь их очень много, есть и собрание Гильфердинга, и многих других. Кроме Вебера (отца) я собрала уже много сказаний иностранцев, и будут деньги — буду собирать и дальше по русской истории. Грустно смотреть, как жены Павла Щеголева мигом разбазарили редкую библиотеку Павла Елисеевича.

Очень меня беспокоит, почему нет так долго писем от Г.А. Римского-Корсакова.

8 июля. Пошла сегодня после пятидневного лежания в библиотеку Союза писателей и встретила на нашем бульваре А.А. Смирнова, который предложил мне перевод писем Стендаля[252]. Очень одобрил мой перевод «Воспоминаний туриста», которые сейчас начал корректировать. Слава Богу.

Пока была в библиотеке, туда пришел Левик. Он только что вернулся из Москвы, куда отвозил свой перевод оперы Сметаны «Либуше»[253].

Сюжет из времен язычества. Главрепертком не пропустил оперу, требовал от Левика, чтобы он «перекинул мост в современную Чехословакию при правительстве Готвальда»! Левик отказался. Он был у Юрия Александровича, видел Васю и нашел, что у него прекрасный вид.

11 июля. Левик сдавал в библиотеку воспоминания Айседоры Дункан и уговорил меня их прочесть.

Я всегда чувствовала огромную антипатию к этой женщине, а мемуары вызвали отвращение. Типичный американский nouveaurich'изм, декадентское эстетство первого пятнадцатилетия XX века. Афиширует свое революционерство, а всю жизнь гоняется за содержателем, за миллионером, которого бесстыдно обманывает в его же замке. Живет как содержанка, тратя безумные деньги на роскошь и причуды. Все фальшиво. Второго тома я не читала еще, вероятно, там ее подвиги в СССР. Помню, в то время ее имя было окружено малопочтенным ореолом, ходили смутные слухи о связи с Луначарским[254], о каких-то казенных драгоценностях, бриллиантах, пьяных оргиях. Все завершилось похищением Есенина. Развратная старая баба в него влюбилась, потому что он был похож на Патрика, ее сына. Какое омерзение. Это мне рассказывала М.К. Неслуховская со слов Клюева. Ну, а уж то, что она сделала с Есениным, всем известно.

Есенин, какая глубоко трагическая судьба.

Подлая американская баба; недаром народ в Москве звал ее Дунькой Сидоровой.

Не помню, записано ли это у меня: в 1924 году, в начале осени, вероятно в августе, я была в Москве. Подымаюсь по Пречистенке, к Мертвому переулку, смотрю: толпы народа, трамваи остановились, и длинные шеренги девочек в красных туниках стройно двигаются по улице и становятся около двухэтажного особняка почти на углу Мертвого переулка. На балконе второго этажа появляется женщина также в красной тунике. Дети запевают «Интернационал», женщина в красном воздевает руки к небу и в течение всего длиннейшего гимна производит всевозможные телодвижения и патетическую жестикуляцию. Я сразу догадалась, что это Дункан, ей был подарен этот особняк для школы[255]. Ее телодвижения мне не понравились. Руки ее в локте перегибались в обратную сторону — это очень некрасиво. Тело отяжелевшее, грузное. Когда-то, году в 12-м или 10-м, я ее видела, кажется, в Мариинском театре[256], тогда ее танцы были красивы, пластичны, легки, но и тогда, помнится, я не была в том бешеном восторге, в который приходила Соня Толстая (Дымшиц) и подобные ей.

«Интернационал» допели, Айседора скрылась, толпа стала расходиться, и я очутилась лицом к лицу с Борисом Прониным, которого не видала уже несколько лет. Мы бросились друг другу на шею.

14 июля. Заходила Аннушка и, уговаривая меня заботиться о своем здоровье, сказала: «У детей есть свои и мать и отец, нечего вам последние силы

тратить, вон вы уж еле ходите, “и свинье не до поросят, когда на огонь тащат”». Замечательно.

16 июля. 14-го ездила к Тамаре Александровне Колпаковой посоветоваться насчет сердца, т.к. очень уж оно мне мешает. Она очень внимательно меня выслушала и подтвердила диагноз Сорокиной. Очень расширена аорта, пульс слабый, 66, общая депрессия и переутомление всего организма. Это мое состояние — Наташиных рук дело. Когда в 29-м году весной у меня был первый серьезный припадок, который приняли за грудную жабу, это было вызвано Юрием, принявшим меня после приезда из-за границы на рогатину. Габрилович, когда выслушал меня тогда, сказал, что такое состояние аорты могло быть вызвано или усиленными занятиями спортом, или нравственными страданиями.

Чего не могла сделать блокада, того добилась Наташа.

Я хоть и лежу, но дух у меня подбодрился. Наконец перевод принимает реальный аспект, и на днях будет заключен со мной договор на перевод двух томов писем Стендаля, благодаря тому, что вмешался А.А. Смирнов. Зашла по дороге в Литиздат к Щипунову («Искусство»), у которого так и лежит наш сборник о театре марионеток. Я как будто заинтересовала его моей статьей к двадцатипятилетию кукольных театров Ленинграда, сговорились встретиться в сентябре.

У меня сейчас впечатление, что эти два года я просидела где-то в глубоком колодце, и вот вылезаю с трудом из него, и так становится легко на душе. В чем тут дело? Ведь я очень люблю детей, Соню обожаю, а вот быть нянькой (и прислугой при дурной барыне) я не смогла. Слишком уж я привыкла к умственной работе, и отсутствие ее привело меня к полной депрессии.

Тамаре Александровне я сказала, что хотя смерти и не боюсь, но очень хочу дождаться переворота и свидания с братьями; поэтому надо чем-то меня поддержать. Она хохочет — уверяет, что дождусь.

17 июля. У Котошихина: «...а которые люди... а служили они царскую службу и нужду терпели многие годы, также кто и одного году не служил, а взят в полон и был в полону хотя год... за многую их службу и терпение, всякому воля где кто жить похочет, а старым бояром по холопстве и по вечности крестьянской дела до них нет, ...а иных по челобитью верстают в казаки и в драгуны и дают им дворовые места и пашенную землю»!!

Это в XVIII веке; а в XX за полон «за многую их службу и терпенье» на каторгу.

Это не русская черта. Откуда это? Из Грузии? Вероятно.

Флетчер: «...не будучи обеспечены в собственности, они (купцы и мужики) поэтому мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются; зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни» (1591).

19 июля. Прочла Флетчера. Как и большинство иностранцев, он видит только отрицательные стороны русского народа, и это меня возмущает. Почему они все забывают, что у них-то творилось в это время. Я на днях прочла 4-й том «Истории Франции» Michlet, XV век. Хороший корректив. Какое-то нагромождение продажности, предательств, разврата, порока, полное отсутствие чувства родины. Все эти герцоги Бургундские, Бретонские, de Lorrain, короли английские, Ланкастеры и Йорки, Варвики (а Gilles de Retz!) — все это продавало и покупало, и предавало Францию, как какую-то ветошь. У нас в XV в. — это Иван III, крепкий хозяин. Но из всей нашей истории меня больше всего умиляет и восхищает Смутное время, то есть, вернее, роль *народа* русского, самостоятельно спасшего свою страну от интервентов, междоусобий, извлекшего самого себя из такой глубокой бездны, которой нет равной. (Он и теперь себя спасает.)

Замечательно ясна вся картина этой Смуты и затем величайшего мудрого напряжения народа у Авраамия Палицына.

Французы предали позорно тех, кто доставил им величайшую славу: Иоанну д’Арк и Наполеона.

20 июля. Я не записала в свое время любопытного факта: Ирина Вольберг окончила юридическую школу и с осени этого года сделалась следователем в Куйбышевском районе. Когда Евгения Павловна приезжала сюда в феврале, во время Галиной болезни, Ирина рассказала ей, что, роясь в документах своего района, она обнаружила дело Богданова-Березовского о его злоупотреблениях в Союзе композиторов, о котором я знала более или менее все подробности от Ю. Кочурова.

По ее словам, дело это хотели совершенно замять, и только благодаря упорству прокурора ему был дан ход. Выходит, что эта тайна, о которой я никогда и никому не говорила, погребена не так уж глубоко.

Я давно уже выстригла листок с его автографом из своего блокадного альбома.

Вчера мне позвонила Якунина после долгого перерыва. Было много работы, эскизы к двум постановкам, «Дворянскому гнезду» и одноактной комедии (в областной филармонии). Жаловалась на утомление, слабость, на невозможность отдохнуть.

Обе мы пришли к заключению, что легко работать и добиваться чего-нибудь могут только те женщины, у которых нет детей. Вспомнили Остроумову. «Да, — сказала Елена Петровна, — и какой у нее был муж, таких больше нет. И ведь Анна Петровна не была особенно красива, дело не в красоте, а в счастье. Вот вы, какая была русская красавица, дай Бог, а счастья не видали, да, не родись умен, красив, а родись счастлив».

Лёля сдала диплом хорошо, будет держать экзамен в академию. Вот бы нашему трутню — Наташе поучиться у Елены Петровны житейской доблести.

А этот милый трутень вдобавок еще морит меня голодом. Оттого-то мне становится все хуже. Один всего раз я поручила Кате купить мне ягод, и та принесла 200 гр. вишен за 4 рубля, и Наташа не преминула попрекнуть меня этим.

21 июля. Лежу и читаю без передышки. Прочла memoires de Mme d'Epinay и была поражена мелочностью всего этого круга. Diderot, Grimm, Holbach и другие энциклопедисты заняты все время мелкими сплетнями, наговорами, подкопами, выживанием друг друга из милостей богатой меценатки, и среди них Руссо — совершенно чужеродное тело, человек из другого, здорового теста, конечно, не француз XVIII века, а женевец. Он наталкивается со всех сторон на их мелкие интриги, ничего в этом не понимает, путается, из себя выходит, а Гримм — типичный лизоблюд XVIII века и препротивный.

А у нас du nouveau[257]! Вчера вечером позвонил Вася. Наташи не было дома. Вася хочет мириться с ней. Говорит, что ему все это надоело, круг девицы, на которой он было собрался жениться, до крайности некультурен, он соскучился без детей, и если Наташа с детьми поедет в Полтаву, как собирается, он приедет к ним.

Сюда недавно приезжал из Москвы режиссер, Васин приятель, Илья Ольшвангер. Он обедал у нас, я лежала. Наташа очень долго с ним беседовала и, по-видимому, поручила ему «возобновить между ней и Васей дипломатические отношения». Я это поняла из Васиных слов.

Я, конечно, мешать этому не буду, но только мне надо будет себя обезопасить. Я думаю, что при наличии у меня работы это мне удастся.

Вернулась она сегодня в 12-м часу дня (ночевала у Юнович). Я ей передала Васину просьбу быть сегодня вечером дома, он будет опять звонить. Рассказала содержание нашего разговора с ним.

Было явно, что она очень обрадовалась. «Нельзя продолжать такую жизнь, надо жить вместе, надо простить друг другу эти увлечения, серьезнее

смотреть на семью, надо думать о детях, устроиться pour stable[258]. Если здесь нет работы, уехать всей семьей в провинцию на год, на два».

Ну, посмотрим. Скандал этой зимы был для Наташи хорошим уроком. Она это сознает сама.

23 июля. Вчера вечером ко мне зашла А.А. Ахматова. Я страшно ей обрадовалась. Она около двух месяцев прогостила в Москве и недавно вернулась. Вид у нее бодрый.

В Москве была небольшая работа, переводила азербайджанские стихи (по подстрочнику)[259]. Жила она у приятельницы, актрисы Театра Красной армии[260]. Как-то эта актриса передала ей привет от их художника. Кто такой? «Он говорит, что вы знали его маленьким, Шапорин».

Отзыв о Васе был очень хороший, что он очень талантлив, воспитан, культурен.

По-видимому, к А.А. там было паломничество, была даже Людмила[261]. Одета была настолько бедно, что это казалось явным маскарадом. Она имеет странно-сконфуженный вид из-за своего брака с Калатозовым. Она настолько длительно объясняла, почему она за него вышла, Раневской по телефону, что та, не дослушав, сказала: «Простите, я не могу больше говорить, я говорю с автомата», — наперекор всякому здравому смыслу, т.к. Людмила звонила ей домой.

Узнав о приезде А.А., к ней приехал заведующий Литературным архивом и усиленно уговаривал продать свой архив. «Но все, что у меня было, сожжено во время блокады». — «Хотя бы то, что накопилось после того». Явно было, что ему хотелось приобрести поэму о Ленинграде[262]. Ахматова отказалась. Прежде всего А.А. показала мне один курьезный документ. Ее знакомая, работающая в этом архиве, списала для нее выдержку из письма матери Александра Блока матери Георгия Иванова, в котором она очень сожалеет, «что Саша не хочет полюбить А. Ахматову».

«Есть молодая очень красивая и очень талантливая поэтесса, Анна Ахматова, печальная девушка. Хотя у ней есть уже ребенок». Тут она приводит строки:

Слава тебе, безысходная боль —
Умер вчера сероглазый король...

Я не помню точно текста, но она кончает тем, что Саша от нее отвертывается, т.к. не любит печальных, ему нравятся веселые, увлечен Кармен[263].

«Я хотела вам это показать, — сказала А.А., — потому что, кроме вас, никого не осталось из тех, кто меня знал в те годы, помнит “Бродячую собаку”». Чудовищно, что мать мечтает о любовнице женатому сыну и рекомендует замужнюю женщину.

«Печальная девушка, хотя у нее есть уже ребенок... Я была замужем, вышли уже “Четки”, я была окружена...»[264].

Такая характеристика А.А. совсем ни на чем не основана. Я встречалась с ней, кажется, только в «Бродячей собаке» — Ахматова всегда имела вид царицы, Прекрасной Дамы, окруженной своим двором, влюбленными рыцарями. Отнюдь не имела печального вида. Я совсем не знаю, кто «Сероглазый король», каковы были отношения между А.А. и Блоком, сама же она говорит, что в ту пору, когда было написано это письмо, она встречалась с Блоком раз пять, а мать его видела всего раз. Рассказала о гибели поэтессы Елизаветы Кузьминой-Караваевой. Она жила в Париже, постриглась в [католические] монахини. Во время войны ей было разрешено посещать немецкие концлагеря. [В лагере] она обменялась платьем с одной еврейкой, приговоренной к смерти; та ушла, а Кузьмина-Караваева была повешена [на следующий день].

Такой поступок ум даже не может охватить.

А.А. знала Лизу Пиленко с юных лет. Пиленки были соседями по имению Гумилевой, матери Николая Степановича, у нее даже сохранилась карточка, где они вместе, когда им было по 20 лет.

Ребенок, о котором пишет мать Блока, несчастная Гаянэ, не была дочерью Д.В. Кузьмина-Караваева. Брак этот был фиктивным, это знали все[265].

Рассказала А.А., что Н.С. Тихонов написал роман (или просто книгу), героем которого является Тито. В Кремле прочли, нашли, что печатать этого нельзя, т.к. Тито плохо себя ведет, но, впрочем, чтобы Тихонов за себя не боялся (?!)[266].

Не помню, по какому поводу, А.А. сказала: «Нас с вами не надо учить любви к своей родине, а теперь учат». — «И хорошо, что учат, — сказала я, — это лучше, чем либеральное: чем хуже, тем лучше — нашей интеллигенции времен Японской войны». На это А.А.: «Наши либералы после Цусимы послали поздравительную телеграмму микадо. Тот поблагодарил и порадовался тому, что они не его подданные».

25 июля. Была вчера у Натальи Васильевны. Она 26-го уезжает к внучатам. Была у нее Н. Ельцина, жена Клибанова. Он уже за Красноярском по дороге в Норильск. В 37-м году ему было предъявлено какое-то обвинение,

и он получил 5 лет. Вернулся, его восстановили, дали работать. Теперь его выслали на 10 лет по прежнему делу, без всякого обвинения. Жена обратилась к В.Д. Бонч-Бруевичу, тот написал очень хорошее, убедительное письмо Ворошилову. Ворошилов отправил это письмо к начальнику Госбезопасности Абакумову. С припиской, что просит дело Клибанова пересмотреть. Это было уже давно, и Бонч-Бруевич ответа так до сих пор не получил и, по-видимому, боится возобновить хлопоты. Бедная женщина в полном отчаянии.

26 июля. Поехала сегодня с детьми на острова[267]. Ехали на пароходе, восторг был полный. Давно я там не была. С моей точки зрения, острова испакощены страшно. Клубы, площадки, карусели, читальни, кафе, столовые, лодочные пристани, раковины оркестров — все это заполнило, бывало, уединенные острова. Но демократия не любит уединения и тишины, и с точки зрения демократической там все хорошо организовано, чисто и благоустроено. Везде загорелые тела предаются кратковременному dolce far niente[268].

Не доходя до Стрелки, длинный песчаный пляж. Откуда он? Прежде, по-моему, его не было. Тут мы с детьми и расположились. Они разулись, бегали по берегу, топотали в воде. Мы были на уровне моря, поэтому линия горизонта была чистая, только море, финского берега не было видно. Было ветрено, мелкие волны мерно набегали на песок. Открытое море, дорога вдаль, в бесконечность, наводит на меня всегда томительную ностальгию, мучительное желание уехать из этой тюрьмы, поехать к братьям, во Францию, в Италию...

Я совсем как три чеховские сестры: в Москву, в Москву, на Басманную. Только у меня, мне кажется, больше причин мечтать о перемене места.

29 июля. Еще из разговоров с Анной Ахматовой: зашла речь о Франции. Я очень жалела французов, говорила, что, на мой взгляд, им оставалось только себе пулю в лоб пустить при таком быстром нашествии немцев[269]. «Их нечего жалеть, Франции больше нет. Один мой знакомый (нерусский), который побывал во время войны в России, Норвегии и, наконец, во Франции, говорил мне, что тут он в первый раз пал духом. Французы не хотели воевать. “À quoi bon, les boches ne sont pas méchants”[270]; это был настоящий коллаборационизм. При катастрофическом уменьшении народонаселения, уменьшении рождаемости, они знают, что через 50 лет не будет ни одного француза, зачем же воевать? [Идти под пули?]. “Вы были во Франции в 11, 12-м году, — сказал мне этот человек, — тогда вы видели последних французов”».

Зимой я видела во французском иллюстрированном журнале фото актера, взывающего к зрителям: «Français, faites des enfants»[271].

В июне я получила опять продуктовую посылку, уже третью, от Оли Капустянской (Плазовской) из Нью-Йорка.

По-видимому, там организовано нечто вроде Apace — Parcels to Russia[272], опять помощь бедной голодающей России.

После получения письма от Оли и второй посылки перед Новым годом я ей написала длинное письмо, в котором, между прочим, просила обо мне не беспокоиться и не посылать больше посылок, т.к. у нас, дескать, все есть и все дешево. [Пошлины я заплатила 145 рублей, а сама посылка стоила 4 доллара.] На этот раз пошлина за посылку оказалась уже оплаченной на месте. Хотелось очень опять ответить Оле. Я говорила об этом с Тамарой Александровной, а она рассказала мне следующее: ее знакомая (живущая в Москве, куда недавно ездила Т.А.) получила неожиданно письмо из-за границы. Оказалось, что ее мать, глубокая старуха, жива и здорова, так же как и другие родственники, эмигрировавшие в свое время. Эта знакомая родом из Вятки и чуть что не друг детства Молотова. Она к нему зашла и спросила, может ли она ответить своей матери. «Лучше воздержитесь», — ответил Молотов. А? Каково?

После этого и я решила воздержаться. К чему переть на рожна. А им там все наше неправдоподобие известно. От Васи уже год нет вестей.

1 августа. Московский драматический театр п/р Охлопкова[273] привез пьесу «Великие дни»[274]. Среди действующих лиц: Сталин, Молотов, маршал Василевский. Фотографии всех актеров, играющих этих людей, выставлены на Невском, против Казанского собора. Когда я их увидала, первая мысль была: Musée Grévin[275].

Какое безвкусие.

14 сентября. И мир Божий, который превыше всякого разума, соблюдает сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Ап. Павел к Филиппийцам, гл. 4, 7.

18 сентября. 8-го наконец получила письма Стендаля для перевода, через полтора месяца после заключения договора.

Наивный Стендаль — он пишет из Триеста: «Consevez un misérable qui ne lit que la Gazette de France, la Quotidienne et le Moniteur»[276], а что бы он запел, если бы был réduit à un journal en tout et pour tout?[277]

И еще: «La société de Paris est, je le crains, mortelle pour un jeune écrivain; il voit qu'il est peut-être plus dangereux de s'écarter de la médiocrité en dessus qu'en dessous. Le dégoût le saisit»[278].

22 сентября. Как больно, физически больно сердцу. Я так люблю Соню, Петрушу. Они уехали в августе. В Москве я получила письмецо от Сонечки, и затем ничего. Никто не пишет, Вася не звонит. Сейчас получаю письмо от Сони на одной страничке и длинное письмо от нее же Елене Ивановне, продиктованное Наташей. Соня только и пишет, что скоро приедут и чтобы я выслала ее пальто «папе в Москву». А где живет этот папа?

Я благодарности никогда не жду, но... Впрочем, от кого из них я могу требовать элементарной воспитанности? То, что я распродала для детей лучшую мебель, лучшие книги, это принимается как должное. Но от такой грязной женщины, как Наташа, мне ничего не нужно. Мне *больно*, больно, что она восстанавливает против меня детей.

2 октября. Я так много работаю над переводом, что нет времени писать здесь, в этой тетрадке, моем единственном друге. Как нелепо: в Москве все мои близкие, Лёля, племянницы, Надя Викентьева, товарки по институту, все люди, которые меня знают спокон веков и *любят* меня. Здесь я одинока совсем. У меня здесь друзья, т.е., вернее, хорошие знакомые, которые хорошо, даже прекрасно ко мне относятся, но — между прочим. А я для Нади Верховской, так же как и она для меня, — это наша юность.

6 октября. Поехала на переговорный пункт, хотела купить талон и позвонить вечером Юрию, узнать о детях, о Васе. Талон на десять минут разговора стоит теперь 25 рублей!!! Конечно, не стала брать.

Я думала сегодня о царящей у нас нивелировке. Мне кажется, что Сталин невероятно, чудовищно завистлив. Как когда-то Зинаиде Райх было невыносимо, чтобы кого бы то ни было хвалили в их театре, она ревновала даже к музыке Г. Попова, так и Сталину невыносимо, даже когда за границей хвалят Ахматову, Шостаковича. Каждый должен чувствовать, что его могут в каждую данную минуту окунуть в грязь. Недопустимо, чтобы человек сознавал себя Человеком; Человек — это звучит гордо! — какая нелепость[279]. Чужая популярность как змея жалит Сталина в сердце: Киров, Орджоникидзе, Фрунзе уничтожены. А как и почему умер Жданов? Он был газетно популярен, это опасная болезнь. A the little grey man[280] живет себе поживает. А почему в опале Жуков, главный герой войны?

11 октября. L'âme est un feu qui s'éteint s'il ne s'augmente. Stendhal, lettre 982[281], 1832[282].

Вечер. Была в Союзе писателей на докладе Ратгаузера.

Кое-что поучительное. «Предатель» Тито, наш выкормыш Димитров, поляк Гомулка — все уверяют, что можно обойтись без классовой борьбы, а

мы говорим, что *Большевизм есть тактика для всех*. И все инакомыслящие — предатели.

Брат А.И. Иоаннисян, вернувшись из ссылки, рассказал, что встретился там с одним человеком, который был в плену у немцев, бежал во Францию, присоединился к французским партизанам, воевал там, получил французский орден, и когда вернулся на родину, был сослан на каторгу на 25 лет «за нужду и терпение»![283]

20 октября. Je ne trouve personne pour qui faire de ces parties de volant, qu'on appelle avoir de l'esprit (курсивом). Stendhal, lettre à di Fiore[284].

Как я это понимаю. И как этого мне не хватает.

Какой был остроумнейший causeur[285] в молодости А.А. Смирнов, Шурочка, как мы его звали. А теперь перепуганный, заваленный работой, боящийся слово произнести.

И еще Петтинато. Где он, жив ли? Его сыновья?

Мне иногда последнее время начинает казаться, что из-за темного занавеса я ощущаю свет. Вернее, предчувствую.

23 октября. Я не могу работать в своей комнате над переводом. Грохот и завывание слесарных станков раздается как будто за перегородкой. Ухожу работать в комнату Ольги Андреевны днем, когда ее нету. Теперь над ней вопят патефоны.

Это все то же презрение к человеку, к соседу, насаждаемое нашим правительством, «нашей партией». Мы опять (жильцы, среди которых два Сталинских лауреата[286], библиотекарь Академии наук, заведующая кафедрой языков и т.д.) подали заявление депутату Верховного Совета нашего района Шостаковичу с просьбой уничтожить мастерскую.

Ашкенази, секретарь Шостаковича, сделал все, что нужно, послал бумажки в райсовет, в РЖУ[287]. К нашей петиции присоединился Иван Михеевич (управдом), т.к. мастерская разрушает дом, загрязняет двор. Была комиссия, в ее составе был энкавэдэшский офицер. Он утверждал, что это безобразие, надо выселить.

26 ноября. Воз и ныне там, гудят еще хуже, с 8 утра до 12 ночи. Я пятый день лежу, грипп, горло, ухо. Я переползала на целый день к Маре. Сегодня лежу у себя, т.к. сделала компресс на ухо, и другое забинтовано, не так слышно. А слабость такая, что нет сил перетаскивать белье, подушки.

28 ноября. Совместная жизнь с Наташей мучительна. Меня мало трогает ее наглость по отношению ко мне, даже совсем не трогает; но смотреть, что она делает с детьми, как она их ведет, для меня так мучительно, как если бы

кто поджаривал их на медленном огне на моих глазах. Ни гигиены, ни лечения, ни заботы. За полтора месяца с приезда она их мыла один раз, на второй же день. У Сони порок сердца, всеми докторами велено, чтобы Соня днем отдыхала. Если Наташа днем дома, дети не отдыхают.

Я купила рыбий жир. «Мама сказала, что надо ложку вымыть, а ей не хочется мочить руки...» Жир не принимают. Не стоит всего вспоминать. Если не случится чудо и Наташа будет продолжать их воспитывать, Соня скоро погибнет.

Куда ни глянь, никакого утешения, нигде ни проблеска. Всю осень гонения на биологов[288], — теперь доктор не имеет права спрашивать у пациента, не болели ли родители туберкулезом, наследственности нет. В университете чистят, просевают — словом, угнетают до потери сознания. Газет я не читаю, претит лай Вышинского[289], этого заплечного мастера. Уж эти поляки — Дзержинский, Менжинский, Вышинский.

Я с наслаждением переводила Стендаля, уходила от всего и ни о чем не думала.

А бедный Клибанов в Норильске в шахтах работает. От Е.М. Тагер ни звука, а она ведь с марта месяца свободна. Написала вчера ее Маше, прося сообщить, что знает о матери.

Единственно, что за это время произошло приятного, это отправка Гали в Халилу по бесплатной путевке тубдиспансера на два месяца. Это чудо.

Юрий вдруг прислал 500 рублей, пишет на переводе: «Для *тебя* и *детей*» — и подчеркивает.

Васина судьба ужасно меня беспокоит. Он так талантлив и такой неврастеник.

29 ноября. Я немстительна, но никогда не забываю ни зло, ни добро, сделанное мне когда-либо. Само не забывается. Сейчас у меня мечта, чтобы Наташа нашла себе жениха или содержателя, и я, перефразируя, повторяю слова песенки, которую Стендаль расхваливает в одном из своих писем к Де Маресту. Signor governatore, deh senza sposo non la lasciate. Господин губернатор, прошу, дайте ей мужа. Но надежды мало. Прежде чем в ком-нибудь успеет разгореться вожделение, она уже ложится на диван.

30 ноября. И один оазис — это Анна Петровна, ее дом. Целеустремленность, мудрость, большой талант и абсолютная чистота, честность. Дай ей Бог подольше пожить.

Теперь она занята третьим томом автобиографических записок и решила прочесть главу за главой вслух нескольким друзьям для обсуждения. Анна

Петровна пригласила П.Е. Корнилова, Е.Н. Розанову, Ю.А. Кремлева, К.Е. Костенко и меня. Было уже четыре вторника, к сожалению, на последнем чтении я не была, лежала с гриппом. Мы все стараемся находить недостатки, не пропустить неудачного выражения. Особенно дотошлив Кремлев. Корнилов играет роль горлита, следит с точки зрения цензуры, политики.

Мы спорим, обсуждаем. А.П. что принимает, что нет. Многое исправляет и тогда сдает уже перепечатывать. Сегодня чтение не состоялось, она очень утомлена химиками, которым читала книгу о С.В.[290] Но меня она просила прийти, и мы чудно посидели и поболтали вдвоем, как в блокаду.

Если женщина хочет чего-нибудь добиться, она не должна обзаводиться семьей.

А.П. читала, как в 28-м (кажется) году С.В. заболел в Рыбинске, где ему сделали операцию. Хирург предупредил А.П., что у него почти нет надежды на спасение С.В., и ушел. Она осталась одна в коридоре и припала лбом к каменной стене. Я вспомнила, как во время гражданской панихиды маленькая фигурка А.П., в черном, стояла, отвернувшись от гроба, почти лицом к стене, и не двигалась.

Большой человек она, настоящий Человек.

3 декабря. Встретила сегодня Л.М. Стукка: Вс. Рождественский ездил в Москву, его вызывал Ю.А. по поводу «Декабристов». Полину Гебль, жену Анненкова, надо сделать русской. Подумаешь, история! В наш сталинский век историю пишут по вдохновению свыше et on ne s'arrête pas pour si peu[291].

Ночью звонил Вася. Болею я сердцем за него ужасно. Он был должен 2000 макетчице, о чем мне говорил Дмитриев, советуя этот иск обжаловать, т.к. тогда ни В.В. за эскизы, ни Вася за выполнение их денег не получили. Вася ничего не сделал. Теперь к Ю.А. пришел с этим иском и еще другим от молочницы, тоже на 2000, судебный исполнитель и хотел описать имущество на эту сумму. Его уговорили отложить, и, не предупреждая Васю, отец, вероятно, под влиянием жены, выписал Васю. Вася теперь в воздухе, и его могут просто выслать. Под влиянием обиды Вася написал отцу истерическое письмо, припоминая ему все его прегрешения, начиная с нашего вынужденного отъезда, вернее бегства, за границу. Я не ожидала, что он мог все это помнить, так он всегда благоговел перед отцом и поносил меня. Черновик этого письма он прислал Наташе с просьбой передать мне. Это не было сделано. Ночью он мне об этом сказал, попросил прочесть, чтобы быть в курсе дела, т.к. Ю.А. на днях сюда приезжает слушать оперу Прокофьева[292]. Меня

прямо по сердцу резануло то место в этом письме, где Вася пишет: «В субботу 20 ноября мы встретились в Комитете для моего устройства. При выходе я пытался с тобой заговорить о “Декабристах” и показать тебе эскизы, но ты так был галантен и предупредителен по отношению к комитетчикам, что посмотрел только за машиной и уехал с ними, а я остался с рисунками в руках».

До чего это оскорбительно! Бедный Вася.

Наташа мне заявила, что Васю не пустит в свою комнату. Этакая...

7 декабря. Вернулась из филармонии. 5-я симфония Шостаковича конечно гениальная вещь[293]. Давно ничто не производило на меня такого сильного впечатления. Вещь грандиозная, по-настоящему грандиозная, местами трагическая, в начале. И такого музыканта *смели*, *осмелились* поливать помоями, диктовать свои собственные мещанские, полуинтеллигентские правила.

Были бурные овации, требовали автора, но он так и не вышел на эти вызовы и гром аплодисментов. Мравинский поднял партитуру и многозначительно ею потряс в воздухе. Замечательное произведение.

Я по возвращении позвонила Софии Васильевне, она говорит: «Знаете, я сейчас страшной стервой стала; пусть-ка их реалисты что-нибудь подобное напишут». Д.Д. не приезжал из Москвы, боясь демонстрации, которая и была на самом деле, а его бы загрызли.

4-го был у нас Юрий. Петя его встретил восторженным визгом и вопросом «А что ты привез?», т.к. Юрий нес большие пакеты с яблоками, мандаринами, конфетами. Здесь был съезд композиторов. Слушали оперу Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Юрию не понравилась, да и Кочуров говорил, что слабое произведение. Но Юрий был глубоко возмущен выступлениями Энтелиса, Коваля, которые непристойно ругали оперу и Прокофьева[294]. «Разве это критика, — говорил Ю.А., — если бы Прокофьев присутствовал при этом, с ним бы случился второй удар». Слушали также 2-ю часть «Войны и мира»[295]. «Нельзя, — говорит Юрий, — делить оперу на два вечера. Это компрометирует Наташу, которая является единственной и главной героиней оперы».

В первой картине и на балу она влюбляется в князя Андрея, потом хочет бежать с Анатолем, и затем ее утешает Пьер. Если зритель не пойдет слушать продолжение, какое же у него составится мнение о Наташе? И только во второй части, в сцене смерти Андрея, Наташа проявляет подлинное высокое чувство.

Юрий обвиняет во всем сценаристку, жену Прокофьева Мирру Мендельсон. Почему Льва Толстого должна перерабатывать ничем не проявившая себя еврейка?

Пришли Наташины подруги Ляля (Богдасарова) и Тая Лобач-Жученко. Юрий любит говорить, когда есть интересные слушатели, и очень интересно рассказывал о летней поездке в Чехословакию и Польшу, о своей новой оратории, начинающейся стихами Блока «Доколе коршуну кружить, доколе матери тужить». Когда мы остались одни, я заговорила о Васе. Он очень обижен Васиным письмом. «Он рассердился, что я не посмотрел его эскизы; но разве можно показывать эскизы на улице? Почему он не мог прийти домой ко мне?» Юрий виделся здесь с Горяиновым, которому Вася показал эскизы к «Декабристам», и просил его устроить Васе работу.

Я Васе написала, что он неправ, обвиняя отца за то, за что лишь я могу его обвинять (отъезд наш за границу). А ему не приходится обижаться на отца; до сих пор отец им помогает, одевает и его и детей.

Юрию особенно понравились Краков и Прага. В Кракове на одной из церквей бьют часы. Там же при бое часов появляется трубач (живой), трубит сигнал два раза, а третий начинает и обрывает. Это установлено в память нашествия татар. Трубач предупредил защитников города о появлении татар и тем спас город. Но когда он затрубил в третий раз, татарская пуля [или стрела] его сразила[296].

23 декабря. Вчера, в праздник «Нечаянной радости», мне минуло 69 лет. Вот зажилась! Проживу ли этот год? Но я *должна* дождаться братьев, дождаться рассвета. Должна. Вечером у меня были А.В. Щекатихина и Елена Ивановна. Когда я им сказала, сколько мне лет, они не хотели верить и просили никогда никому этого не говорить. Успею ли я разобрать свой «архив», написать воспоминания? Я так занята.

Я когда-то писала, что Наташа продукт советского воспитания. Это неверно. Это клевета на молодежь. Наташа Лозинская, Мапа Радлова, Вера Крокау — это сверстницы Наташи, прекрасные матери. Ирина Вольберг, испортившая мне столько крови, пока у меня были еще детские деньги, перебесилась очень рано. Сейчас ей 25 лет. Она кончила юридическую школу, судебный следователь, и все мысли заняты сыном. Миша прекрасно одет, обут, накормлен, покупаются игрушки.

Соня опять больна уже три недели. Началось с уха, потом стала кашлять. Оказался плеврит. Наташе *ни разу* не пришло в голову позвать доктора, волноваться о здоровье ребенка, ни разу. Я вызвала ушника, ухо вылечили. 18-

го был Фарфель. Ему очень не понравилось состояние легких у Сони. Он прописал лекарство и просил сразу же заказать и поставить горчичник. Он был в половине восьмого вечера. Видя, что Наташа не собирается, я спросила ее, пойдет ли она, «Я сама знаю», — был ответ. Она ушла после 10 и вернулась в час; уходя, красилась и пудрилась, очевидно, было свидание.

К счастью, у Ольги Андреевны <Колосовой> оказалась горчица, и я могла сделать горчичник. Таких примеров полного безразличия без конца.

На днях Катя принесла с завода новость: им снизили расценки. За стакан (снаряда) она получала 84 коп., теперь будет получать 57. Это третье снижение расценок с мая этого года. Что бы это было в свободном государстве! А у нас народ безмолвствует.

Умер Владимир Степанович Чернявский уже месяц тому назад, а я и не знала. Очень его мне жаль. Это был очень тонкий и хрупкий человек. В начале войны, в августе или сентябре 41-го года, он был арестован, выпустили его в Новосибирске, не знаю точно когда. Вероятно, этот арест много ему лет убавил. Я познакомилась с ним в Петрозаводске в 1921 году, он приехал туда на лето в театр и с женой Манечкой Толмачевой. Оба они были не приспособлены к жизни. Он писал стихи. Не для этой лицемерной жизни был он создан. Какое лицемерие всюду и во всем.

Издают Стендаля. Я еще в ноябре зашла к А.А. Смирнову посоветоваться насчет каких-то выражений. В это время А.А. корректировал мой прежний перевод «Voyage dans le midi de la France». Он вычеркивает целые страницы. Все игривое вычеркивается, так же как и все «несозвучное» нашей эпохе. Автор подстригается, как липа на бульваре.

Из Стендаля надо сделать якобинца, революционера, как это сделал Виноградов в «Трех цветах времени». Вот тебе и полное собрание сочинений!

30 декабря. 28-го служила панихиду. Шестнадцать лет. Я подала за упокой Аленушки, папы и Клавдии — Клавдии Павловны Коноваловой. Я всегда ощущаю близость папы и Коноваловой. Аленушка сразу же покинула наш мир, девочка моя родная. Это странное чувство — близости ушедших людей.

Это был вторник, и мы опять собрались у Анны Петровны: Корнилов, Екатерина Николаевна Розанова и я. А.П. читала нам письма, полученные ею по поводу ее автобиографических записок. Письма Конокотина, Шервинского, Чумандрина, Николая Эрнестовича Радлова, Павленко, Маренина. Умные и интересные письма, очень внимательно разбирающие книгу (первую).

Днем А.П. позвонила мне и просила прийти пораньше, до других. А.П. хотела поделиться со мной возмутившим ее разговором по телефону с И.Н. Павловым из Москвы. Павлов просил ее написать в Москву письмо обо всех отрицательных качествах Серова (современного). А.П. ответила, что такого письма писать не будет, слишком мало зная Серова, имела дело с его невоспитанностью только по отношению к себе. Павлов страшно рассердился, уговаривал ее, к нему присоединилась жена, но А.П. наотрез отказалась. Какое недомыслие обратиться к исключительно порядочному человеку с просьбой написать донос. Павлов и Герасимов давно хотят свергнуть Серова и убрать его из академии; но Серов партийный, у него связи в Москве, и это им не удается.

Екатерина Николаевна Розанова рассказала нам страшные вещи. После финской войны, в момент обмена военнопленными, она работала в Выборге и ездила с поездами, возившими военнопленных.

По приезде к финской границе носилки покрывались чистыми простынями, санитарки одевали чистые халаты и несли раненых, здоровые шли пешком. Вдали на холме стояли толпы народа. Когда пленные переступали последнюю запретную черту, толпа бежала им навстречу, их обнимали, угощали, несли на руках.

После этого к поезду приближались наши русские, бывшие в плену в Финляндии. Их встречали гробовым молчанием. Всему медицинскому персоналу было запрещено с ними разговаривать, на них смотрели как на шпионов, военных преступников. «У меня слезы так и текли», — говорит Екатерина Николаевна.

Когда поезд отходил на некоторое расстояние от границы, военнопленных обыскивали, и выбрасывалось все, что у них было, даже хлеб, который им на дорогу дали финны. «Видеть эти глаза, ожидавшие встретить родных, своих, и увидевшие врагов, было невыносимо». «Доктор, куда нас везут? Нам говорили, что нас отвезут в концлагерь, но мы не хотели этому верить», — говорили Екатерине Николаевне больные. Финны уговаривали их остаться в Финляндии. Им не дали побывать дома и отправили всех, кроме тяжелораненых, в концлагерь[297]. Екатерина Николаевна потихоньку взяла от этих несчастных открытки, письма, чтобы отправить родным. Нет, это не русская черта.

Лягушки, просившие и получившие царя.

1949

13 января. Фальсификация во всем, даже в сказках. На днях смотрели мы с Соней «Дюймовочку» Андерсена в инсценировке Бруштейн в кукольном театре. Замысел автора передернут. Дюймовочка — возвышенное, артистическое начало, бежит от окружающих ее сытых мещан — жаб, крота — к солнцу. Полевая мышь, добрая, сердечная старушка, не понимающая стремления к солнцу. У Бруштейн классовая борьба. Мышь ставит замерзающей девочке условия: ты будешь мести пол, греть кофе, топить печь, колоть дрова и т.д. и будешь звать меня *барыней*, на что Дюймовочка соглашается для того, чтобы спасти больную ласточку. Никаких эльфов, конечно, нет.

Это «коммунистическое воспитание детей»; это называется «заострением тематики», а попросту фальсификация, как в науке, литературе, в истории, во всем.

Лучше было бы писать свои собственные сказки, вроде «Буратино у нас в гостях» Данько[298].

Получила наконец письмо от Е.М. Тагер — она в Бийске.

24 января. Je suis écœurée[299], иначе не скажешь. Жить в такой грязи. Дети больны. У Пети больше 38, у Сони 37,5. И вместо того, чтобы этих больных детей уложить в 8 часов, Наташа приводит сослуживицу, затем приходит Архангельский, ее однодневный или одноночный амант[300] (накануне отъезда в Полтаву), детям дается покой в одиннадцатом часу, Наташа уходит с ним. Пете надо в 12 ночи дать стрептоциду, я падаю от усталости, т.к. почти не спала ночью и должна лечь. «Я не вернусь к этому времени, — говорит Наташа, — Мара даст».

Какие ужасные условия жизни. У детей нет своего угла и *не может* его быть, мы обречены в лучшем случае на 9 метров на душу. Я не могу больше.

Как под конец блокады не было больше нервных сил выдерживать ее, так и сейчас у меня больше нет сил. А письмо Е.М. Тагер? А судьба Клибанова? Что я могу сказать Наташе? Вася ее бросил, живет в Москве с какой-то Соней, ни копейки за всю зиму не прислал детям. C'est écœrant, омерзительно.

Все больны, и, я думаю, от того же — от нервного переутомления. Больны Анна Петровна, А.А. Смирнов, Белкин. Сколько хотя бы эти трое вынесли всяческих оскорблений.

29 января. У Пети корь, у Сони ветряная оспа. Что тут скажешь! И я одна. Еще хорошо, что Наташа взяла трехдневный отпуск с 27-го, а потом три или шесть недель карантина на моих плечах. Неужели я выдержу? Я сегодня лежала часов до 12, так болело сердце.

Вчера по телефону говорю Елене Ивановне: я тот самый Макар, на которого все шишки... Она прерывает меня: какой там Макар! Никакому Макару во сне не снились все ваши бедствия.

Недавно в Гослитиздате попросили меня и Шлосберг просмотреть перепечатанные после исправления (редактирования) Смирновым наши переводы, вписать иностранные слова, провести корректуру. Я пришла в ужас. Я увидела воочию, как производится фальсификация. Бедный Стендаль! Его оскопили, подрезали, как деревья в Версале. Весь блеск, все остроты, анекдоты, оригинальные мысли — все выпущено.

Стендаль ездит по югу Франции и посещает все места, связанные с Наполеоном. В Гренобле он находит крестьян, очевидцев встречи Наполеона с высланным против него батальоном, — все, касающееся Наполеона, выпущено. Восклицания «Великий Боже» — тоже. Затем такая фраза: «Совмещение обязанностей купца и наблюдателя непосильно: *нет больше масла в светильнике*, нет возможности сосредоточить внимание на чем-либо»; подчеркнутая первая половина фразы пропущена. Почему? «Пока книгопечатание не цивилизовало нас, *варваров севера...*» Почему? И так до бесконечности. Получается выхолощенный, лишенный всякой индивидуальности язык и никакого Стендаля. Смирнов мне как-то сказал: «Не надо, чтобы нас могли обвинить в фетишизме по отношению к Стендалю». Зачем тогда переводить? После этого можно ли верить нашей науке, литературе?

В моем переводе выпущены целые главы. Словом, в моем переводе было около 600 стр., осталось 230! Это называется: полное собрание сочинений. <Стендаль>, прежде всего, causeur[301], блестящий causeur. А здесь он какой-то рассказчик, даже не рассказчик, лишенный всякого остроумия.

Какая-то фантастическая трусость. И как грустно на это смотреть.

Я как-то подумала: если бы у меня был другой нрав, стоило мне сделаться партийной, и все, что к этому прилагается, т.е. доносчицей, чекисткой и пр., я бы сделала блестящую карьеру. Да, но я этого не сделала.

31 января. Умер Асафьев, о котором Юлия Лазаревна Вейсберг говорила, что большинство его знакомых должны бы заканчивать свои письма к нему «преданный Вами...». Под некрологом подписи композиторов и всяких именитых людей, кроме преданных остракизму формалистов.

Была на днях в райсовете; Совет, казалось бы, выборное учреждение. Почему же на лестнице красуется статуя Дзержинского? Что общего между свободными выборами народа и ЧК?

4 февраля. Я сдала в Гослитиздат просмотренный перевод и свою записку с указанием трех мест в исправленном переводе, с которыми была не согласна. Их тотчас же переслали Смирнову, он ничего не понял, и О.Г. <Смирнова> просила меня к нему зайти. Он лежит. У него камень в желчном пузыре, был консилиум: надо бы сделать операцию, но возраст (65 лет) и состояние организма этого не позволяют, будут лечить.

«Самое время, чтобы уйти из существования», — сказал А.А. и привел следующий факт. В предисловии к его книге о Шекспире было указано, что некоторые сюжеты Шекспир черпал из итальянских новелл. Горский, гл. редактор Гослитиздата, отослал ему предисловие с просьбой и указанием уничтожить. По нынешним политическим установкам ни заимствований, ни международных влияний быть не может, влияет только общество, среда. «Полный маразм, — сказал А.А. — Нельзя мыслить, нельзя дышать. Зачем жить?»

5 февраля. Мой гардероб на 32-й год революции: 2 дневные рубашки (одной, из бязи, уже 5 лет, и она рвется), 2 ночные рубашки, 4 простыни (это счастье!), 3 наволочки, 3 полотенца, 1 пикейное покрывало, 1 платье из крепдешина, сшитое в 1936 году, выкрашенное в черный цвет. Все в дырах, ношу на черном combiné[302]. Чулки в заплатах. 1 костюм, ему тоже 13 лет, весь в заплатах. Летнее пальто, тоже 36-го года, шито у Бендерской и хотя и перелицовано, но еще имеет вид. И только что сшитая шуба. Вот и все. И это у человека, который все время работает.

11 февраля. На днях по поводу моей статьи о 30-летии кукольных театров Ленинграда, которую Щипунов предполагал поместить в театральный альманах, я зашла в ВТО. Просила Неймана передать письмо главному редактору Цимбалу. Нейман мне ответил несколько смущенно, что в связи с последними событиями выпуск альманаха отодвигается. Не читая газет, я не имела ни малейшего понятия о «последних событиях», но сделала понимающее лицо. И благо, я уже пришла в ВТО — прошла в канцелярию и оформила свое вступление в его члены, куда была принята еще в 46-м году.

На другой день прочла очередную экзекуцию театральных критиков и разнос ВТО. Я избрала чудный момент для вступления туда!

12 февраля. Второй раз была на сеансе Вольфа Мессинга, этот раз в Союзе писателей. Причем надо сказать, что публика в Театре эстрады была остроумнее, находчивее, серьезнее и тактичнее, чем здесь. Больше всего на этот раз меня поразил маленький факт. Мессинг дал Дудину футляр от очков Жуховицкого для того, чтобы спрятать его, и, уходя со сцены, приостановился и сказал Щеглову, сидевшему в жюри: «А вы уже придумали, куда спрятать», тот с этим согласился. Дудин спрятал футляр в муфте девушки, сидевшей в последних рядах. Дудин шел за ним и внушал, куда идти. Мессинг быстро нашел его и затем, вернувшись на сцену, опять обратился к Щеглову: «А вы мне внушали, что надо идти направо». Щеглов потом рассказал Наталье Васильевне, что ему хотелось спутать Мессинга, и он все время с места внушал ему идти направо и искать на окне.

Меня это явление очень заинтересовало и обрадовало. Все чудеса Христа возможны, тем более что Христос мог обладать подобным даром в еще более сильной степени.

Мессинг рассказывал Гитовичам, что во время войны осенью он был в каком-то сибирском городе. Было грязно, у него не было галош. Увидев на улице большую очередь за галошами, он внушил этим людям, что на них напало полчище крыс. Очередь разбежалась, он вошел в магазин и купил галоши. Где-то, может быть в НКВД в Москве, ему сказали, что он не сможет выйти из помещения, и отдали приказ часовым никого не пропускать. Он все же ушел. Когда спросили часовых, проходил ли кто-нибудь, те отвечали: кроме товарища начальника, никто не проходил.

Мне лично не нужно никаких объяснений чудес Христа. Моя вера в Христа и любовь к нему не требуют конкретных доказательств реальности его чудес: чтения мыслей, массового гипноза, излечивания внушением. Но, скажем, Ренану знакомство с Мессингом открыло бы глаза на все то, что он приписывает легенде.

18 февраля. Смотрела фильм «Моцарт»[303]. Как грустно. Бетховен, Моцарт, Глинка, Достоевский, нужда, горе. Когда же наступит та счастливая эра: каждый по способностям, каждому по потребностям? Тридцать второй год у нас коммунистический рай, а мы только отодвинулись от какой бы то ни было обеспеченности. Катя, зарабатывавшая в прошлом году на заводе до 1000, 1100 р., получила за последний месяц на руки 300 р. за ту же работу. 140 р. вычетов.

22 февраля. Ахматову в свое время обозвали блудницей. Теперь по поводу театральных критиков внесено некоторое разнообразие эпитетов. Последние бранные слова: безродный космополит[304], ура-космополит, оголтелый космополит, люди без роду, без племени, хулиганствующий эстет. Кажется, последний эпитет отнесен к Пунину[305].

Вася (брат) когда-то подслушал ссору и ругань двух матросов. Исчерпавши весь лексикон, один из матросов сказал другому: «Ты — раб и псевдоним!»

По Павлову, торможение должно чередоваться с возбуждением. Сейчас пренебрегли этой последовательностью, царит одно торможение. Под обстрелом — евреи. Брань по их адресу похожа на призыв к погрому. Критики-то оказались большей частью израильтянами[306]. Гонение на них ставят в связь с приездом в Москву представительницы Израиля, которая будто бы служила панихиду в синагоге по убитым в Израиле[307], которой евреи собрали много миллионов для передачи в Израиль. Тогда арестовали Зускина и других писателей, а ее будто бы выслали. Открыта была будто бы большая сионистская организация[308].

7 марта. Воздух насыщен тревогой. Люди боятся войны, верят, что она будет. Я не верю, но я непрозорлива. Сняли Молотова с поста министра иностранных дел[309], Микояна, который когда-то грозился завалить нас ветчиной, да так и не завалил, Попкова и целый ряд второстепенностей. Чехарда, которая всегда есть симптом «нервозности».

Торможение и экзекуции идут своим чередом. Наталья Васильевна была на докладе К. Симонова в Союзе писателей[310]. Он ругал всех лириков: О. Берггольц за упадочничество, неподобающий лексикон (распятие, молитва, молюсь и т.п.), влияние Ахматовой. Ругал Лифшица за формализм, Гитовича за киплингианство, Шефнера; на подобающей высоте лишь Недогонов и Грибачев.

Пунина сняли и из университета, где его лекции пользовались большим успехом. Значит, голодная смерть. Вот прелести диктатуры полуинтеллигента. Мы все марионетки на ниточках.

От Васи ни слуху ни духу. За шесть месяцев он не прислал детям ни копейки. Написал не так давно какие-то турусы на колесах и вновь замолк. Я опять принялась за продажу книг. Работы нет. На днях встретила Екатерину Николаевну Розанову. Она зазвала меня к себе чай пить. Комната как келья. В угольнике и по стене масса образов, есть очень старинные, лампадки перед ними. Два окна на юг, комната залита солнцем. По поводу образа

Параскевы Пятницы[311] Е.Н. рассказала истории той монахини, от которой она его получила. У нее, по-видимому, были большие связи с монахинями. Да и сама она монахиня.

12 марта. Я так устаю за день, что к вечеру ни на что не способна. Я падаю в кресло и погружаюсь в первую попавшуюся книгу.

Заходила к Щипунову. Он встретил меня словами: «Я знаю, что вы хотите меня спросить, и должен вам сказать, что театрального альманаха не будет. Из Москвы пришло запрещение издавать альманах».

Грустно. Но Щипунов посоветовал послать статью в Москву, в журнал «Театр». «Понимаете, все сотрудники перебиты, ищут новых и, конечно, примут вашу статью».

Мне надо ее кончить, написать последнюю главу о кукольных театрах после войны, и нету времени. Ведь я же домашняя раба! Ну что тут делать!

21 марта. Вчера была в филармонии.

Юдина играла 4-й концерт Бетховена. Играла божественно. Успех имела огромный, ее вызывали, заставили сыграть на бис. Она играла Adagio из одного из квартетов Бетховена. Сколько я ни слышу пианистов, ее игру я предпочитаю всем.

Видела на концерте С.В. Шостакович. Д.Д. командировали в Америку на Конгресс мира, полетели он, Фадеев, Павленко, С. Герасимов. Ему позвонил по телефону Сталин и сказал, что ничего не знал о том, что его произведения не исполняются, что это самоуправство!?![312] Шостакович не хотел ехать, был у Молотова, отказывался, но тот его уговорил. Оплевали перед всем миром, а затем в этот же мир посылают. Стыд.

С.В. счастлива, говорит без умолку. Юдина приехала за два дня до концерта, позвонила сразу же мне и пригласила меня с Соней к себе в «Европейскую» пообедать. Она мне рассказала, со слов друзей Зощенко, следующий эпизод: в Москву приехала какая-то делегация и выразила желание увидать Зощенко, узнать, жив ли он, существует ли. Зощенко вызвали в Москву. Сшили новый костюм, представили американцам, а по отъезде их отправили домой, сняв предварительно новый костюм[313].

25 марта. t° у меня теперь по утрам 35.6. Я еле подымаюсь с постели. Сейчас еще нагрузка. Приехала Анна Ивановна Иоаннисян и просила меня помочь ей корректировать ее перевод армянского романа — за мзду. Занимаюсь с ней часа три-четыре в день, так что окончание моей статьи опять откладывается. Но отказаться не могла, сидим без денег, а данные ею

100 рублей аванса пошли на уплату за Петю в детский сад и на жизнь. Урву только на «Реквием» Моцарта, который будет исполняться 30-го и 31-го.

В филармонии я отдыхаю. Да еще у Анны Петровны. Вчера была у нее, и мы вдвоем просидели почти до 12 часов.

Сколько у нее юмора! Она рассказывала, как дважды была арестована милиционерами за рисование на улице. Я хохотала до слез. Приводят ее в участок. Начальник спрашивает: что, безбилетную с трамвая снял? Нет, хуже, шпионка. Арестовал он ее за рисование разрушенной церкви Благовещения на площади Труда[314]. «Я над ними издевалась, — говорит А.П. — Если бы вы бывали в Риме, вы поняли бы, что эти развалины напоминают Термы Каракаллы[315] и их необходимо зарисовать». Из милиции на Садовой ее повели на Гороховую, где тогда находилось ГПУ. Там люди оказались культурнее и ее отпустили.

Она тотчас же вернулась на место своего преступления и уже более осторожно дорисовала развалины. Тогда, кстати, не было еще запрещения рисовать на улицах.

В последний раз, в 43-м году, два милиционера вели ее под проливным дождем через Литейный мост в НКВД. Один спереди, другой сзади, по мостовой!

1 апреля. Дети огорчены, что я их ничем сегодня не обманула. Я так утомлена, что никакой изобретательности больше нету. 30-го была в филармонии, слушала «Реквием» Моцарта. И сквозь музыку, так мне и казалось, что сквозь сеть звуков, я вижу голову умирающего, умершего Моцарта из кинокартины. Там эта сцена была прекрасно сделана, так благородна голова Моцарта. И так гениальна музыка. Встретила там Ю.А. Кремлева, спросила, как объясняет Маркс появление гениев: «Гений суммирует предыдущее и существует благодаря (или от...) подавлению масс. Когда культура масс станет выше, гениев не будет».

Уши вянут.

Космополитов уже запрещено поносить!

5 апреля. Забыла записать остроумный ответ Юдиной. После концерта 20 марта все ее друзья и почитатели пришли к ней в артистическую. С.В. Шостакович подходит к ней проститься, говоря: «Я не хочу вам мешать...» — «Что вы, Софья Васильевна, кому вы можете помешать! Вы уже украсили весь мир и продолжаете его украшать».

На днях получила чудовищное письмо от Римского-Корсакова[316]. Именно чудовищное. Он, видите ли, встретил настоящую Гретхен! Дело в том, что

он как-то мне прислал свою маленькую карточку. Я нашла, что он похож на Фауста над трупом Маргариты. Сравнение ему понравилось.

При живой жене и трех сыновьях, из которых меньшому два с половиной года, он стал одевать «бедную молодую вдову с двумя детьми, без родных и знакомых». (Она уборщица и истопница музыкальной школы, где Г.А. директор! А по профессии шофер.) В городе подняли шум. Тогда он, собрав «общественность», высказал все свое презрение и отвращение к жене, добавив, что дети появились у него случайно, пьяный человек не отвечает, мол, за свои поступки. Что может быть гаже и ниже? Я же ему и написала письмецо! Человеку под 60 лет.

Я ему пишу, что, если бы мой отец выговорил такие безумные и бессердечные слова, да еще публично, я бы прокляла его и память его предала анафеме.

Несколько дней я была под впечатлением этого омерзительного письма. Как будто я окунулась в грязную канаву. Хуже, в фановую трубу.

8 апреля. Вчера при свидании Наталья Васильевна более подробно рассказала свои впечатления о совещании поэтов ввиду приезда К. Симонова для очередной экзекуции. После его выступления взял слово Б. Лихарев. Протянув руку и указывая на молодого поэта Ботвинника, он кричал: «Вы ездили в Москву, скажите мне, товарищ Ботвинник, к кому вы пошли сразу же по приезде? (Все съежились, пошел шепот: Пастернак, Пастернак). Вы пошли к Пастернаку, этому политическому отребью!»[317]

Надо видеть физиономию этого Лихарева.

Резюмировал все теперешний «хозяин» Ленинградского Союза писателей Дементьев. Он сделал обзор русской литературы за XIX век, чтобы указать, у кого должен современный поэт черпать свое вдохновение, с кого брать пример. «Пушкин очень многогранен, и еще надо рассмотреть, что нам подходит у него и что нет. Тютчев, Бенедиктов — реакционные мракобесы. Л. Толстой отчасти тоже реакционен, ну а Достоевский — это, товарищи, *не ахти какое* достижение. Полноценен Некрасов, Кольцов, Дрожжин и Суриков».

Говоря об Ахматовой, он сказал: «Товарищи, надо же прямо сказать, что Ахматова дрянной поэт».

Гитовича и Лифшица, Шефнера убрали из Бюро (точно не знаю, что это означает), на их место выбрали Лихарева и Авраменко, состоящих в тесных сношениях с НКВД.

11 апреля. Сколько люди настрадались за эти 30 лет. Вчера я была у Т.А. Она из Ташкента. В первые годы революции там расстреляли всю интеллигенцию. Тогда же началось басмаческое движение[318] при благосклонной помощи англичан. Сестра Т.А., инженер, была арестована. Т.А., только что окончившая Петербургские медицинские курсы, приехала тогда в Ташкент и принялась хлопотать за сестру. К кому она <только> не обращалась, куда не бросалась, все было тщетно. Тогда она решила обратиться к Фрунзе. Попасть к нему было невозможно, но только он и мог спасти сестру. Т.А. (ей было тогда 20 лет с небольшим) подъехала на паре к его подъезду. Там в две шеренги стояли солдаты. Она сунула им какую-то бумажку, побежала между двумя шеренгами, вбежала к Фрунзе, который знал ее по землячеству в Петербурге.

Он затребовал дело сестры, и через два дня она вернулась домой. Была спасена от расстрела.

А на днях у меня была Т.М. Правосудович. Ее отец был арестован в одно время с несколькими крупными инженерами — Пальчинским, фон Мекком и др. Дело их было рассмотрено. Дочери, жены собрались в Чека узнать о судьбе обвиняемых. Долго их не принимали. Наконец окошечко открылось. За ним сидела кудлатая еврейка. Первой подошла жена Пальчинского. «Приходите после обеденного перерыва», — был ответ, и окошечко захлопнулось. Через час: «Ваш муж сегодня ночью расстрелян», — был ответ. Пальчинская, не ахнув, упала.

Такой же был и второй ответ.

Отца Т.М. тогда выслали на Соловки, где его расстреляли.

Неужели вся эта кровь не вопиет к Богу? Les morts reviennent[319].

15 апреля. Вчера был Klavierabend[320] Юдиной. Играла она Глазунова, Бетховена сонату, Цезаря Франка, Моцарта и Прокофьева. А на bis сыграла «Lacrimosa» Моцарта[321].

Ее игра меня всегда очищает, уносит от мышьей беготни[322], я наслаждаюсь. Я слушала и подумала: Россия сейчас страна на крови, как, например, Спас на крови[323]. И невзирая на это, народ не умирает, и мы можем слушать такую замечательную музыку. И творчество музыкальное не прекращается.

3 мая.

Ich unglücksel'ger Atlas! Eine Welt,
Die ganze Welt der Schmerzen muss ich tragen.
Ich trage Unerträgliches, und brechen
Will mir das Herz im Leibe.

Du stolzes Herz, du hast es ja gewollt!
Du wolltest glücklich sein, unendlich glücklich
Oder unendlich elend, stolzes Herz,
Und jetzo bist du elend.
Heine[324].

А у Бунина лучше:

Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надобно просить.

6 мая. В последний раз, когда я была у Анны Петровны, она вдруг, громко ахнув, хлопнула себя по лбу, закрыла глаза: «Боже мой, какой же я безродный космополит! Что теперь со мной будет! Я только сейчас вспомнила, что в своей второй книге я пишу, что Италия моя вторая родина!»

Я все никак не могу кончить свою статью о кукольных театрах. Нету ни времени, ни сил. Когда дети укладываются спать, я уже измотана до того, что в голове пусто, я беру первую попавшуюся книгу и погружаюсь в нее; это меня несколько приводит в себя, очеловечивает.

Заходила вчера к Деммени посмотреть рецензию на их послевоенные спектакли, мы долго беседовали: труднее времени для работы в театре еще не было. Широчайшие возможности для доносов. Мало ли что за 25 лет театральной деятельности можно было сказать, написать, что *тогда* было не только приемлемо, но и считалось нужным, а теперь может быть подведено под понятия космополитизма, формализма и т.п. смертных грехов.

Его театр соединили с театром Шапиро, коллектив которого Деммени называет клоакой, где доносы так и кишат. Он назначен главным режиссером этого соединенного театра.

Масса болезней и каких-то тяжелых, небывалых. Мне думается, что люди до такой степени угнетены жизнью под дамокловым мечом, что у их организма нет больше сопротивляемости. А сколько умирает! И все люди от 40 до 50 лет. Умирают сразу, как умер Дмитриев, Вильямс, на днях режиссер Альтус. Какие надо иметь силы духа, чтобы переносить все эти чистки, снятия с работы и пр. по всем направлениям.

Проф. Кианский, муж дочери А.С. Попова (радио), был тоже «проработан», после чего у него произошло кровоизлияние в мозг, от которого он еле-еле поправляется. И сколько таких.

Мы в гнусной нищете. За трехлетнее пребывание детей я продала все книги, которые «шли». Все хорошие книги по искусству, лучшую мебель.

Книг еще много, но эти не идут. Всё иностранное не покупается. Идут Мопассан, A. France, Flaubert, Balsac, это уже все продано за гроши, а мемуарная литература не идет (к счастью).

Я как-то предлагала «Коронование Елизаветы Петровны» 1744 г.[325] — не надо, нет любителей.

Дети чахнут.

Что может быть ужаснее?

А от Васи ни писем, ни денег.

9 мая. День великой победы. Вывешены флаги, но Сталин еще в прошлом году распорядился этот день не праздновать. Герой этой победы Жуков в опале; 1 мая его портрет не выставляется наряду с другими маршалами.

Зависть, зависть, подлая зависть. А какая победа! Дух захватывало и тогда, захватывает и теперь. Да, Россия тот самый край земли, где закатываются звезды. На протяжении трех столетий три звезды закатились, и какие[326].

Что ждет нас теперь? У меня кончаются силы. Soeur Anne, soeur Anne, ne vois tu rien venir?

Начался салют. Не люблю. Верно, уж до конца дней останется тяжелое чувство при звуке разрыва.

21 мая. Вчера был у нас Алеша Бонч-Бруевич; он ездил в Москву, видел Васю, привез от него 900 рублей (не так давно Наташа написала ему, что подаст на него в суд, если он не будет посылать детям деньги).

Вася делает постановку «Отцы и дети» в Театре Станиславского[327], и больше никаких перспектив. Он всю зиму писал на конкурс эскизы к «Спящей красавице»[328] и не послал их.

Надеется только на отъезд главным художником в город N. — нечто абсолютно засекреченное и откуда уже два месяца нет ответа. А я и рада. Этот Энск — атомник. Того и гляди, что взорвется.

Когда мы жили в Париже, в газетах, в «faits divers»[329], появилось сообщение о некоем американском миллиардере, который, приехав в Ниццу, от скуки бросал в окно тысячефранковые бумажки. Васе было лет 10—11. После этого он ходил по Парижу в надежде встретить нового скучающего миллиардера. Мне кажется, что он и до сих пор продолжает те же поиски. Ищет журавля в небе. А ведь он так талантлив. Никита и Ольшвангер видели эскизы к «Спящей» и говорили, что они превосходны. Больно все это.

Все больно. Ни одно доброе дело не остается без наказания. Мара, которую когда-то мы называли уникальной девочкой, стала груба до предела. Университет оказал на нее самое отрицательное влияние. У нее появилась

новая, очень вульгарная подруга, молодые люди, которые приходят с водкой.

Никаких умственных интересов. Бесконечные телефонные разговоры только о мальчишках. Вся стипендия тратится на туфли, модные шляпы... со мной груба и нагла невероятно. Выведенная из терпения ее грубостью, я ей сказала, чтобы она хлопотала о месте в общежитии. На это она отвечала, что никуда не переедет, т.к. комната принадлежит ей!

Благодарности я никогда не ждала, но на какую-то долю внимательности и хотя бы корректности я все же имела право рассчитывать. Ну что же, еще раз подтвердилась истина, что старая хлеб-соль забывается. Но не только старая — я же плачу за эту комнату, она пользуется всей посудой, мебелью и т.д. Ну, да Бог с ней.

18 мая. Анне Петровне минуло 78 лет. Лёле еще в марте. И у обеих такая свежесть мысли. У Анны Петровны великое счастье — не иметь детей, внуков. Судьба охраняла ее дарование, ей не пришлось его разменивать на ненужную мышью беготню.

Я лежу. t° 35,6. Я замучилась окончательно. Двое детей и все хозяйство. Это не по силам.

15-го я ездила в Детское Село на кладбище. «Еще прозрачные леса как будто пухом зеленеют»[330]. Аленушкин крест, который я в прошлом году выкрасила белой масляной краской, стоит как новый уже семнадцатый год. Тишина, птицы поют. Собор в Софии еще более облупился, так его жаль.

Так мучительно хочется рисовать.

На днях получила счастливое письмо от Е.М. Тагер[331]. Она ждет приезда Маши с ребенком. Она пишет: «Мне страшно захотелось написать Вам, чтоб еще раз крепко поцеловать Вас и поблагодарить. Да, дорогая. Если б не Ваши письма, вряд ли бы я решилась отплыть из М[агадана][332]. Этот барьер совсем нелегко было взять, нужен был большой внутренний взрыв энергии, — Вы мне внушили доверие к будущему, надежду на встречу с Машей, и я решилась».

Приятно получить такое письмо, слышать такие слова, тепло на душе становится. Одиннадцать лет не видала она дочери. Девочка, брошенная в 13 лет, могла погибнуть. А из нее вышел человек.

26 мая. Прочла вчера «Робинзона Крузо», обработанного для детей. Перевод Чуковского[333]. Конечно, это не тот курьез, который был издан в первые годы революции с предисловием и послесловием Златы Ионовны Лилиной[334]. Но все же — какая фальсификация! По этому переводу наивный

читатель может подумать, что Дефо вполне современный писатель, а догадаться, что он жил в начале XVIII столетия и что он был глубоко религиозный писатель, невозможно.

27 мая. Мне приходится часто вспоминать слова Дизраэли: «La vie est trop courte pour être petite» (перевод Maurois)[335], чтобы не раздражаться до белого каления на бесцеремонность и наглость окружающих меня людей. Наташа как-то сказала: «Вы делаете столько добра людям, и эти люди так вам хамят, не понимаю, почему?» Почему!

По слухам, сейчас под обстрелом геологи, среди них много арестов[336].

28 мая. Насколько сейчас труднее перемещать внимание, чем во время блокады. Оттого-то мы, блокадники, вспоминаем те годы как святое время.

4 июня. Вчера вечером была в Союзе писателей на вечере, посвященном 150-летию со дня рождения Пушкина. Хотелось послушать, до чего можно договориться: «Пушкин наш, советский. Никто раньше 1917 года его не понимал». «Пушкин революционер и вдохновитель декабристов». «Пушкин ненавидел западноевропейскую и американскую лжекультуру!» «Пушкин сказал: “Да здравствует солнце, да скроется тьма”. Он предчувствовал будущее, и вот его мечта осуществилась!» Все эти истины изрекал т. Дементьев, главная персона, ответственный секретарь Союза писателей[337]. На вид ему не больше 40 лет, бабье полное лицо, говорит, сильнейшим образом óкая, что придает его речи малокультурный, неинтеллигентный характер.

Я счастлива, что не подписываюсь уже второй год на газету. Как прочтешь, так и расстроишься. Купила 2 июня «Правду», там ответная нота нашего правительства Югославии, не приводя их ноты[338]. Единственный из славянских народов, сербы и в ту войну, и в эту геройски боролись с немцами, мы в них плюем. Неужели мы, русский народ, ответственны за поступки наших правителей? Неужели на русский народ падет возмездие?

12 июня. Говоря о Пушкине, Дементьев еще сказал, что речь Достоевского на открытии памятника Пушкина в 1880 году — пасквиль, в котором он старается стащить Пушкина в болото христианства![339]

Нюша, прислуга Анны Петровны, ездила весной в деревню к матери в Тверскую губернию. Говорит, что тихо стало в деревне. Мужчин почти не осталось, все перебиты, остались одни женщины и мальчишки-подростки, которых скоро в армию должны призвать. Гонят самогон, управы на них никакой нет, царит поножовщина. На Пасху в округе их деревни было убито 32 человека. Расстрела нет, убийц сажают в тюрьму, что освобождает от военной службы!

Вот что значит, когда отсутствует понятие греха.

13 июня. Была вчера у А.А. Ахматовой. Собиралась всю зиму, но одна инфекционная болезнь сменяла другую у моих малышей, нельзя было идти из-за Анечки, внучки Пунина.

Ввиду предполагаемого звукоулавливателя, очень трудно у нее разговаривать; например, такой пустяк, как привет от Е.М. Тагер, я решилась передать А.А. только в передней, когда уходила[340]. Она работает над Пушкиным[341] и рассказала мне много интересного, совсем новое освещение тех фактов, которые вызвали дуэль, благодаря найденным в архивах Третьего отделения новым документам и письмам Дантеса к Геккерену. Письмо Нессельроде уже после смерти Пушкина, в котором он называет Геккерена человеком без чести и совести[342].

Рассказывала это А.А. с увлечением. Как всегда, ни одной жалобы. Она много хворала эту зиму. Я ей снесла статуэтку Н. Данько, ее портрет, что доставило А.А., мне кажется, большое удовольствие. Сын хотел поставить ее непременно к себе на стол, но А.А. отобрала у него и поставила в стеклянную горку. Сына ее я видела впервые. Он защитил блестящую диссертацию об истории одного тюркского племени, до сих пор неизвестного, которую он написал на основании китайских и иранских документов. Получил звание старшего научного сотрудника, но ставку дали ему неакадемическую.

Шереметевский сад[343] так зарос, что напомнил мне наш старый сад в Ларине.

Удивительного благородства эта женщина.

17 июня. Вчера была с Соней в Михайловском театре на балете «Мертвая царевна»[344]. Меня пригласил В.М. Дешевов — его музыка по произведениям Лядова. А декорации палешан под руководством моего старого приятеля Н.М. Парилова. Это настоящая русская сказка. Меня не очень удовлетворили танцы, они мне показались по качеству не на той высоте, которую я привыкла видеть в Мариинском театре. Я очень была рада повидать палешан. С Париловым была молодежь, две молоденькие женщины, одна из них сноха Котухина, и юноша, Гриша Мельников. По его эскизам лес, она же делала занавес. Это все-таки совсем исключительное явление — Палех, почти невероятное. Неправдоподобно, конечно, чтобы до XX века дожили неприкосновенными художественные традиции XVII столетия. И дожили, конечно, у крестьян, которые сохранили нам и былины, и песни, и традиции, и какой-то этикет.

Парилов жаловался, что пришлось им сделать эту большую работу почти даром, и согласились они на это для рекламы. За все эскизы они получили

12 тысяч (а их четверо); с ними был скульптор Дыдыкин, палехский уроженец, приятель Клавдии Павловны Коноваловой. С ними поговаривали о постановке «Китежа»[345].

«Ну, ребята, держитесь, — сказал им Дыдыкин, — здесь у вас есть немножко пряничка, но это сказка; в “Китеже” этого допускать нельзя». — «Это легенда», — подсказала я. «Да, легенда, сказание».

Парилову на вид не больше 40—45 лет, а на самом деле, по его словам, 59 лет. Он усадил Соню в первом ряду центральной царской ложи, которая, по-видимому, была им предоставлена. Соня была в восторге.

19 июня. Ездила сегодня в Детское на кладбище. Выехала в 7.55. Шел дождь не переставая. И парк, и кладбище, и Софийский собор были в дождевой дымке. Растительность пышная, как никогда, яркая, свежая зелень. На кладбище ни души. Посадила цветы. Я вернулась в Ленинград в половине первого, села в троллейбус, и мне показалось вдруг здесь все таким чуждым, казалось, что я где-то там пробыла очень долго, а может быть, это было во сне.

В понедельник, 13-го, Дилакторская позвонила, уговорила пойти в Союз писателей на встречу с писателями-иностранцами, приехавшими на пушкинский юбилей[346]. Их было много, все коммунисты. Они говорили разное, но все сводилось к одному, к расшаркиванию перед советской властью.

Первым говорил Дрда — чех. Кукольное лицо, мелкие сладкие черты посреди очень расплывшегося жирного лица. Говорил по-русски с сильным акцентом: «Чешский народ будет всегда учеником большого советского народа... мы боремся против космополитизма, формализма и низкопоклонства перед Западом...» (подлинные его слова, я записала).

Китаец Эми Сяо был так тронут, что выступает здесь, в СССР, перед советскими писателями, что заплакал, отошел за конторку, вышел обратно со слезами на глазах. Говорил по-русски об успехах коммунистической армии. «Мы называем Чан Кайши нашим начальником снабжения. Он так быстро убегает от нас, что оставляет нам все свое снаряжение».

Норвежка говорила с переводчиком, как большинство писателей. Она проводила параллель между торжествами пушкинского юбилея и юбилеем Ибсена. «В капиталистических странах есть много способов, чтобы заглушить правду», — сказала она. Выступали поляк, немец, румын, финка.

Негр Блейхман черный-пречерный; англичанин и его жена, венгерец с явно еврейским лицом, итальянец и еще многие, гвоздем же был выпущенный последним чилийский поэт и революционер Пабло Неруда. Плотный,

хорошего роста испанец, с повышенной жестикуляцией, говорил долго и интересно, т.к. рассказывал о себе, о своей деятельности.

Я невольно вспомнила рассказ О. Генри «Короли и капуста»[347].

Я безумно устала от шума аплодисментов. Все выходы и уходы, все льстивые словечки покрывались оглушительным хлопаньем в ладоши. Сзади меня сидели какие-то ярые энтузиасты, так что я совсем свяла и стала затыкать уши.

Дилакторская же успела побеседовать с негром, и он напел ей какие-то негритянские песенки. У нее их есть целый сборник.

1 июля. Ехала на днях в трамвае, вошел офицер милиции. Страшнее лица я не видала. Лицо палача. Высокого роста, худой. Лицо бледное, скуластое, лоб нависает над узкими, тусклыми, косо поставленными глазами. Тонкий прямой нос с приподнятыми крыльями ноздрей, тонкие в ниточку губы с опущенными углами. Словами не опишешь. Лицо жестокое, беспощадное.

30 июля. Как давно я не писала. Все шила, шила, обшивала детей, в особенности Петрушу, который должен был ехать с детским садом на дачу. Устала очень. За это время виделась несколько раз с Юдиной, которой делали операцию в больнице Эрисмана, где она пролежала три недели. Первые дней десять она была очень слаба, а потом пошло восстановление сил, и 21-го уже поехала в Москву. Она по-прежнему принимает очень близко к сердцу судьбу Шостаковича, считает, что все кругом ему вредят, в том числе и Шапорин, которому многое не нравится у Шостаковича. Я напомнила М.В., что Глазунов и Танеев не признавали так называемой левой музыки («какая-то Равель», — говорил Танеев). «Что можно было говорить прежде, теперь высказывать нельзя, теперь, когда левая, новаторская музыка является государственным преступлением».

Здесь сейчас Гаврик Попов. Он был у нас, мы беседовали допоздна, так что он остался у нас ночевать и затем просидел часов до трех и все рассказывал о тех терзаниях, которые ему приходится претерпевать. Это подлинный мартиролог. Как жить, как сочинять? «Если бы не Ирина, я бы застрелился», — говорит он. Он писал музыку к документальному фильму «Урал»[348]. Все были довольны: и режиссер, и зав. музыкальной частью, и артисты. Музыку записали. И тут кто-то заметил в каком-то номере, в вальсе — формализм! Этого было достаточно, чтобы все перепугались и стали заменять номер за номером музыкой Глазунова и других апробированных авторов. Надо сочинять в традициях русских классиков и народной песни. Г.Н. написал две песни по всем полагающимся правилам. «У вас чем-то старинным

пахнет, — сказали ему. — Надо руководствоваться той песней, которую поет народ в наши дни». — «Но в наши дни народ поет Блантера, Покрасса и Дунаевского. Прикажете ими вдохновляться?» — «Может быть».

После поездки в Америку в «Новом мире» была помещена статья Шостаковича. Там он поливает помоями Стравинского, «который когда-то подавал надежды...», и пишет, что постановление правительства явилось для композиторов «живительным источником»[349].

Когда я передала эту статью Юдиной, сказав, что возмущена ею, что у Шостаковича достаточно большое имя, чтобы не унижаться, М.В. ответила: «Ему велели. Он и так мученик, нельзя требовать, чтобы он шел на еще большие мучения».

Я на это смотрю иначе. Софья Васильевна давно еще мне говорила: «Митя трус».

31 июля. «...Дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деяния апостолов. Гл. 17, 27).

Как-то вечером заходила ко мне А.А. Ахматова. Ей очень трудно живется. Домработницы держать она не в состоянии, и А.А. превращена в домохозяйку. Я ей напомнила об ее обещании дать мне списать ее поэму о Ленинграде, вернее, о Петербурге. Она ответила, что помнит свое обещание, но принципиально его не выполняет. Ей бы очень хотелось дать мне поэму, т.к. я одна из немногих уцелевших современников, знавших среду и тех людей, о которых она пишет. Но сейчас очень крутые времена, распространять, читать сочинения авторов, находящихся под запретом, — Боже сохрани.

Кто-то в Москве в каком-то обществе прочел поэму Марины Цветаевой, написанную за границей. Этому человеку дали 5 лет[350]. Я проводила ее до дому.

14 августа. Первый Спас, кажется, медовый.

Мне надо прибегнуть вновь к «перемещению внимания», как в блокаду; сейчас делать это труднее, но совершенно необходимо. Жизнь с моим окружением в советских условиях невыносима. Под советскими условиями я подразумеваю жилищные.

Сегодня у Наташи гости оставались всю ночь, они предосудительного ничего не делали, громко говорили, выпив 2 бутылки шампанского и ½ литра водки, пели, ржали. Именно ржали, а не смеялись в ответ на хохмы Ольшвангера, и я не могла заснуть всю ночь до утра. В 8 я уже проснулась, я слишком чутко сплю. В результате сердечный припадок. Такая боль в области сердца, что не двинуться. Лежала весь день, но под вечер пришлось встать

делать Соне обед, т.к. Наташа исчезла с утра. Вася не пишет. А тут скоро девочки вернутся. Необходимо переместить внимание. Решила заняться воспоминаниями, пока с первых дней революции. Кое-что записывала тогда же. Работы нет. Я звонила Горскому, который после смерти Герасимова заменяет директора Гослитиздата, спрашивала, нет ли чего на горизонте? Ничего. Может быть, в конце сентября что-то выяснится. Перемещение внимания — великая вещь. Сразу на душе стало легче. Только бы детей сохранить, и в физическом, и в моральном смысле. Ездила на днях к Петруше на Всеволожскую[351]. Какой славный мальчишка. Жизнерадостный, непосредственный. Перед этим простояла два часа в ломбарде, закладывая свою шубу, чтобы заплатить за Петю в детский сад. Казалось бы, это Наташино дело, но она наотрез отказалась (а она в отпуску). Август проходит, лето проходит. Если ничего не изменится, я не выдержу этой зимы.

19 августа. Угораздило же меня при поездке к Пете попортить себе ногу, все ту же, сломанную в 47-м году. Перрона на Всеволожской нет, подножки у вагона очень высоки, пришлось спрыгнуть и всей тяжестью на больную ногу. И с тех пор болит все хуже и хуже. А положение наше совсем невыносимо. Вася денег не присылает уже с июля. Соне надо к школе новый передник, новый портфель (это уже почти 100 рублей). И вот я провела вчерашний день опять в ломбарде, закладывая Наташино кольцо. Мы должны всем и каждому, за два месяца не уплачено за квартиру.

По слухам — много арестов, настроение подавленное.

В июле в «Вечернем Ленинграде» появилась статья «Рецидивы формализма», в которой совсем неизвестный автор обрушивается на Акимова и его театр[352].

Загурский за него заступился. Теперь травля Загурского, который сказал Корнилову: «Ну что же, я просидел двенадцать лет, пора меня и снять».

Я не поклонница Загурского, но это порядочный человек с незапятнанной репутацией среди окружающих его воров и взяточников. Снята и отдана под суд вся верхушка управителей нашего города, отцы города. Лазутин, Решкин, Попков уже раньше[353]. Отданы под суд начальники нескольких трестов. Все они понастроили себе роскошные дачи, завели коров; отправляли целые эшелоны машин в Германию и обставляли награбленным добром свои дома и дачи.

У Решкина конфисковали, говорят, библиотеку, оцененную в миллион! Всем этим господам, Попкову, Решкину, составлял библиотеки Рахлин, который тоже арестован уже давно и о котором даже жена ничего не знает. Его

сгубило тщеславие, говорит Анна Андреевна, ему важно было якшаться с знаменитостями, маршалами, посланниками, патриархом, — бедный маленький местечковый еврей зарвался.

Бедный мой Вася. При большом даровании, как у отца, никакой воли, безответственность, тогда как у меня чувство ответственности чересчур развито, я нахожу, что даже слишком.

В середине августа приехал Ольшвангер и привез новость: Вася приглашен в Петрозаводск главным художником. Привез и письмо от Васи Наташе и Сонечке. (Мне там даже привета не оказалось.) Письмо покаянное, обещание начать новую жизнь и т.п. Затем молчание. Приезжает Никита и сообщает, что виделся с Васей. «Отцы и дети» так понравились, что ему сразу же заказали «Чудаков»[354], Комитет по делам искусств обещал его продвигать, он делает пробные эскизы для «Ломоносова» для МХАТа[355], и Никита посоветовал ему не уезжать из Москвы. Хорошо, все это так, а дети? Их надо кормить, одевать, обувать. А денег не посылает.

6 сентября. Настроение подавленное у всех; много арестов, усиленное гонение на евреев[356]. Вчера звоню Белкиным. Вера спрашивает, видала ли я Анну Андреевну, у нее плохо. «А что, — спрашиваю я, — она заболела?» — «Нет, ее сосед». — «Что такое?» — «Самое плохое, что может быть. Не звоните туда». Сосед — это, очевидно, Пунин. Значит, арестован. За «преклонение перед западным искусством и формализм» на него было воздвигнуто жестокое гонение. Был снят отовсюду. Он не каялся в ошибках, сидел дома и писал книгу об А. Иванове[357]. Но у нас всякое самостоятельное, свое мнение об искусстве, в науке, музыке — уже преступление и карается как преступление против государственной безопасности.

Вновь образованное слово (или понятие?) «пятидесятирублевик». Когда я устраивала Петю в детский сад, заведующая мне сказала, что на дачу в первую очередь будут отправлены пятидесятирублевики. Я не поняла. Оказывается, так называют детей, не имеющих отцов, то есть по-старому — незаконнорожденные, «безотецкие». Матери получали от правительства по 100 рублей в месяц на таких детей. Затем помощь снизили до 50 рублей. И эти горемыки стали называться пятидесятирублевиками. А сколько таких после войны!

Очень болен Александр Александрович Смирнов. Очень мне его жаль, и я все время вспоминаю мой последний разговор с ним: зачем жить? Вот так перед глазами разворачивается весь длинный свиток жизни, сгорает и исчезает, как дым.

А только что еле спасли моего другого старого и тоже парижского приятеля Белкина, спасли, но какой ценой: ему отняли ногу выше колена. У него эндоартериит и началась гангрена ноги.

7 сентября. Мы в полной нищете. Исчезли все ресурсы, заложили все, что могли, обобрали Катю, задолжали молочнице, и сегодня есть уже почти нечего. Купила для детей булочку за 1 рубль 45 коп., довариваю остатки капусты, и все. Вася денег не посылает, Наташа половину своего и без того скудного заработка тратит на себя. Пошла я сегодня книги продавать: Письма Щедрина, Бестужева, дневник С.А. Толстой, Histoire d'une grande dame du XVIII s. (La pr-sse de Ligne), очень хорошо изданная, Voltaire — Noel'а, обошла всех букинистов — нигде ничего не взяли. Один из торговцев с интересом перелистал первую из французских книг — хорошая книжка, но, пожалуй, никто у вас ее не купит. Идет беллетристика, которая уже вся продана за эти 3 года.

Со мной был Петя. Он с тревогой спросил меня: «Не купили?» А кругом лотки с яблоками, горы яблок, арбузов. «Как хочется яблочка», — бормочет Петруша, мученье. Бедные дети.

10 сентября. Евреев ни в одном вузе не принимают в аспирантуру. Ограничен прием в университет, экзаменаторам предложено их проваливать. Леля Левина, дочь Е.П. Якуниной и М.З. Левина, очень талантлива. При жизни отца ее приняли в Академию художеств. После его смерти ее исключили тогда же, когда «ушли» Белкина. С тех пор она проработала год в Художественном техникуме и эту зиму вольнослушательницей в Академии художеств. Держала в августе экзамен. Все хвалили ее работы, Рудаков ей сказал: «Вам волноваться нечего, вас, конечно, примут». По живописи и рисованию она получила 4, и ее не приняли. Когда Елизавета Петровна стала дознаваться о причине, ей ответили, что в русском сочинении Леля сделала 32 ошибки! В школе она была отличницей и пишет грамотно. Совершенно ясно, что 32 ошибок она сделать не могла. Но понаставить ошибок и запятых было вполне возможно, а работу эту никто не видал.

Елизавета Петровна пошла к Серову, который у нас царь и бог и прежде очень обнадеживал ее и хвалил Лелины работы. «Я поняла, — говорит Е.П., — что тут стена и инструкция свыше».

Еще не видав Е.П., я написала Анне Петровне обо всем этом, прося, при случае, замолвить словечко. Она же, не дожидаясь случая, позвонила Серову и встретила отказ. «Нам нужны прежде всего грамотные люди», — ответил Серов.

Вот вам и дискриминация негров, индусов и tutti quanti[358], о которых мы так печалуемся.

Интересно бы знать, где тут собака зарыта. По одним слухам, гонение началось с приезда Mme Мейерсон и с того, что евреи собрали будто бы какое-то количество миллиардов (?!) для передачи в Израиль. Тут еще замешана некая Штерн из Министерства здравоохранения, какой-то выписанный ею из Америки и отправленный в Израиль стрептомицин. Она арестована и, по слухам, повесилась в тюрьме.

А может быть (это мое предположение), американские сионисты нам, а тем самым и своим советским сородичам напакостили.

Никто ничего не знает. Снят Машанский отовсюду, снята Менделева из Педиатрического института[359], с которой страшно носились, возили к ней именитых гостей, вроде Mme Черчилль. Я всегда знала, что у нас евреи сорвутся. Это вам не Франция. Милейшая, очень образованная, с тридцатилетним стажем В.А. Славенсон не может найти себе работы, ни по педагогической, ни по музейной части. Все двери перед ней закрываются.

16 сентября. Недавно, дней 10 тому назад, я написала в Москву в Издательство иностранной литературы, спрашивала, не найдется ли у них для меня переводной работы. Написала я par acquit de conscience[360], никак не надеясь на ответ. И вдруг вчера получаю оттуда письмо и анкеты и просьбу отправить их обратно *как можно скорее.* Я еще боюсь надеяться, никому дома не сказала, но, смешно сказать, я, старуха, весь день ходила словно именинница только оттого, что забрезжила надежда получить работу.

Анкеты огромные. Опять и отец и мать: кто такие были, сословие, да не владели ли недвижимостью, да кто муж и кто мужние родители, и лучше всего новый вопрос: кто были ваши бывшие жены или мужья. Настолько последовательная полигамия сделалась обыденностью. Нет ли родных за границей (пишу всегда, что братья там), не были ли вы в оккупированных немцами местностях. Мне непонятно недоверие к этим людям, бывшим «под немцами».

На днях Вася прислал 700 рублей и мне письмо. Он очень окрылен успехом «Отцов и детей». В Комитете сказали, что этот спектакль родил нового художника, и тотчас же дали делать «Чудаков» Горького. Обещают продвигать... Как я счастлива. Пишет он, что борется со своей неврастенией.

Теперь никто ему не помогает. Дмитриева нет, отец в его судьбе участия не принимает, и это очень хорошо. Успех его подлинный, без блата.

Вчера у нас было свидание с Анной Петровной в Таврическом саду. Я ей очень его расхваливала, и она вчера на самом деле пришла в восторг и наметила места для зарисовок. Жаловалась, что работа не идет, но что она лоб расшибет, но добьется. А.П. по старому этюду пишет акварель. Она привыкла к английским краскам, кистям и бумаге, всего этого уже нет и достать невозможно, работать очень трудно.

Как-то она мне звонила, говорила, что пролежала все утро. «А зачем же вы теперь встали?» — «Не могу лежать, кончаю этюд».

17 сентября. Недавно раскрылось ужасное блокадное преступление. Рассказала мне это наша Мария Ивановна: ее знакомая, живущая тоже на Кирочной, потеряла в 42-м году дочку. Двенадцатилетняя девочка пошла за хлебом и не вернулась. Искали повсюду, не нашли. У девочки было на руках десять карточек. Она незадолго перед исчезновением упрашивала мать не посылать ее за хлебом: «Боюсь тети Лизы (дворничихи), — говорила она, — она все ко мне пристает». И вот теперь в августе в связи с ремонтом подняли доски на чердаке и обнаружили детский труп. От сухости или по какой другой причине труп сохранился как мумия, и в нем опознали исчезнувшую девочку. Отвезли в Куйбышевскую больницу, и ведется следствие.

Когда девочка пропала, в милиции спрашивали мать, не имеет ли она подозрений на кого-нибудь. Она назвала дворничиху, но улик никаких не было.

Когда убирали чердаки, эта Лиза всегда брала себе тот участок, где был запрятан труп. Она была уличена в воровстве и впоследствии перешла на работу в другой квартал.

Муза Никифорова дополнила этот рассказ: Лиза эвакуировалась, а вернувшись из эвакуации, поступила в дворничихи в дом 34 по Петра Лаврова (Фурштатской), соседний с тем домом, где живет Муза. Сразу же в доме начались пропажи дров, белья и всякой всячины. Другая дворничиха ей рассказывала, что будто бы, когда ее арестовали, она стала клясться и божиться, что не причастна к убийству: «Убей меня Бог на этом месте», — сказала она и хотела перекреститься, подняла руку ко лбу, и рука упала вниз. «Бог не допустил ее до креста».

19 сентября. Была вчера в церкви, отвела душу и зашла к Анне Андреевне, благо в воскресенье мой выходной день.

Был уже час, но она еще лежала. Все лето чувствовала себя плохо. Хозяйство, хотя и небольшое, очень ее утомляет, день ходит, день лежит.

Вернулся сын, который ведет самую трудную часть хозяйства, т.е. закупки. А.А. встала, и мы пошли с ней в Летний сад. Она мне рассказала, что Пунин ждал ареста, после того как в университете было арестовано восемнадцать человек. Он все надеялся, что дочь с внучкой успеют вернуться, его арестовали за несколько дней до их возвращения. Девочке не сказали об аресте, просто уехал. «У меня самое болезненное из чувств — это жалость, и я умру от жалости к Ирочке и Ане», — сказала А.А. Отец девочки убит на войне, ей трудно дается учение, Н.Н. с ней очень много занимался, она очень его любила и звала папой. Она грустит и плачет постоянно и все спрашивает, куда папа уехал и когда он вернется.

Гумилев был расстрелян 25 августа, Пунин арестован 26-го. «Отбросив всякие суеверия, — говорит А.А., — все-таки призадумаешься. А эти милые американцы не унимаются, "Голос Америки"[361] 25 августа возвестил: сегодня исполняется 28 лет со дня смерти большого русского поэта Николая Гумилева, расстрелянного большевиками, — и затем обо мне. Вы понимаете, как это неприятно Лёве. Но американцы были бы счастливы, если бы меня в мясорубке искрошили, это бы дало им лишь новый повод для возмущения и пропаганды. Вся жизнь моя складывается как-то не путем, даже слава. По BBC[362] передают, что кто-то защищал в Оксфорде диссертацию обо мне. Все в ужасе. Знакомые качают головой и успокаивают меня: не волнуйтесь, авось как-нибудь пронесет».

Дама[363] (я видела ее со спины) оказалась глухая. Тут я догадалась, что это Варвара Федоровна (рожд. Лошакова), жена брата Таты Ильи Дмитриевича Палтова, расстрелянного в Ялте. Глохнуть начала она еще в молодости. Мы разговорились; намеками я ей рассказала, что знала о наших общих родных. Она осталась совершенно одна. Все родные перемерли, живые за границей. Здесь только девочки Ржевские, М.Н. Кузовкина, ее племянницы. О них В.Ф. рассказала мне курьез: когда Соня Ржевская вышла замуж за Вревского, она переехала в квартиру своей belle-mère[364] в здание Академии наук[365]. Свою же комнату на Саперном[366] в их бывшей квартире сдала временно какому-то полковнику. Академия наук стала их выселять, надо было вернуться на Саперный, но не тут-то было: полковник отказался выехать. Соня подала в суд. Суд разобрал дело, постановил выселить полковника, а комнату предоставить — не Соне, а Мише! Мише, сыну умершей прислуги Ржевских, которого девочки у себя прописали, т.к. ему некуда было деваться после войны, которую он провел в партизанских отрядах. Образец советской законности и справедливости. И подтверждение истины, что ни одно доброе дело не

остается без наказания. Я это на себе испытываю. Впрочем, В.Ф. говорит, что Миша остался таким же хорошим юношей, как и был, и не будет делать Соне неприятностей. Он взял себе маленькую комнату, оставив Соне Вревской большую.

21 декабря. Вчера днем ко мне зашла А.А. Ахматова. Доктор велел ей пролежать десять дней, но какая же возможность лежать в полном одиночестве, когда надо вести хоть минимальное хозяйство.

Я занялась приготовлением кофе, А.А. сидела молча, глядя полузакрытыми глазами в окно. Такое у нее было скорбное, исстрадавшееся, измученное выражение лица. Почему арестован сын? Я спросила, не в связи ли это с делом Николая Николаевича? «Вот и вы повторяете, кто-нибудь вам сказал, обыватели только шушукаются, сплетничают и все абсолютно ко всему равнодушны, никому ни до кого дела нет. Разве для ареста нужны причины?»

У нее был доктор из платной Максимилиановской лечебницы, «но это был скорее бандит или провокатор. Первое, что он сказал: “Я думал встретить здесь более богатую обстановку”». А затем, выслушивая сердце, спросил, не повлияло ли на ее здоровье постановление от 14 августа 1946 года, на что А.А. ответила: «Не думаю».

А.А. получает персональную пенсию республиканского значения — 400 рублей. К ней недавно приходила обследовательница из Смольного, ахала и охала на неполадки жилища и жизни А.А. «Таких пенсионеров мало, за ними должен быть уход, вам должны починить протекший потолок, вы можете обратиться в Москву, вам пришлют пособие...» и т.д. К счастью, А.А. получила за свой перевод писем Радищева, они написаны по-французски, 10 000, так что она хоть материально бедствовать не будет. Книжка уже вышла, но имени ее там не поставили[367]. Она обратила внимание на картину Анны Петровны, узнала Царскосельский горбатый мостик и рассказала Пете, что когда она была маленькая, то жила в Царском. Она скатала на озере большой-большой снежный ком, закатила под этот мостик и спрятала его там. Каждый день она его навещала и очень боялась, как бы он не растаял.

Я спросила, пишет ли она стихи. «Я написала цикл стихов о мире и послала Фадееву, ответа никакого[368]. Кроме этого, не пишу ничего». Я спросила это, потому что, когда я была у А.А., я заметила на столе и на полу около постели листки, исписанные карандашом; мне показалось, что это были стихи, и я обрадовалась.

22 декабря. День моего рождения. 70 лет. Это уже le glas des morts[369]. Господи, дай увидеть рассвет, только зарю рассвета, дай дождаться братьев.

Анна Андреевна третьего дня сказала: «Я об одном мечтаю — умереть поскорей», а я ей отвечала, что каждый день молюсь о том, чтобы дождаться рассвета. И верю, что дождусь.

Вчера вечером торжественное собрание и заседание в Союзе писателей в честь 70-летия Сталина. Явка обязательна. Президиум занимает места на эстраде. В середине Дементьев. Он читает официальную речь. (Почему он не отучится от своего оканья!) До нее и после нее мы все встаем и долго, долго аплодируем. Дементьев хлопает в ладоши и напряженно всматривается в ряды аплодирующих. Все ли на высоте. Он прекращает хлопанье, за ним послушно все: он регент хора. Садимся. Садофьев предлагает избрать в почетный президиум членов Политбюро. Стоим и аплодируем каждому имени. Выступают поэты: Чуркин, Саянов, О. Берггольц, Дудин; выкрашенная стрептоцидом дважды лауреатша Панова — все славословят захлебываясь, а мы все встаем и садимся и вновь встаем и хлопаем, хлопаем... рукоплещем. На эстраде, окруженный пальмами, чуть ли не до потолка портрет Сталина с вытянутой вперед огромной, не в масштабе тела, рукой. По обеим сторонам красные щиты с изречениями, каждое золотыми буквами. Слева une vérité de La Palisse[370]: «Становится необходимым создание такой литературы, которая давала бы ответы на повседневные вопросы»[371]. Какая мудрость!!! Глубина?

28 декабря. Какой день. А я, как поденщица, утро стирала, ходила за продуктами, потом в ломбарде выкупала Наташино кольцо, все это в долг, готовила обед, с Соней уроки. Не могу больше, чувствую, что терпенье лопнуло. Наташа меня совершенно оседлала, а что поделаешь, когда денег нет? Но она так цинично бесчеловечна.

Сегодня 17 лет со дня смерти Аленушки. 17 лет. И чем больше я живу, тем яснее вижу, что Господь ее пожалел, взяв к себе; пощадил, не дал ей испытать все безысходные человеческие мучения. Жизнь вообще тяжела, а у нас это каторга. У людей нет угла. Я в Детском не была с июня, нет денег на поездку!

Боже мой, как тяжело.

Пойду завтра в церковь, отслужу панихиду.

1950

1 января. Боже мой, 50-й год! Вот уж никогда не думала, что доживу до 50-го года. Полстолетия протекло на моих глазах. Ангел развивает свиток, как в Кирилловском монастыре[372], как хочется светлого, как хочется покоя, не для одной меня, а для всех кругом.

Сейчас первый час ночи. Сижу одна, читаю Musset, все жду, не позвонит ли Вася. Дети спят. Молодежь где-то веселится. Мара перед уходом пришла ко мне и со слезами просила прощения. Расцеловались, и я, конечно, сразу все забыла.

Вчера получила опять письмо от Сони Кузнецовой. От письма дышит таким теплом, такой любовью и привязанностью к Васе, что мне самой тепло стало. Это полная противоположность Наташе, холодной до мозга костей, не знающей привязанностей.

Говорила по телефону за этот вечер со всеми своими друзьями. Очень обрадовалась звонку Сильвы и Шуры Кодоловой. Мои милые кукловоды меня не забывают. Сказали, что очень любят. Поздно, Вася не позвонил. Как больно. Я не знаю Васю. Есть у него сердце или нет, человек он или нет? Для меня все ясно. Обмануть Соню нельзя, это было бы преступлением.

Что-то будет, какой-то будет этот год? Хоть бы легче.

3 января. 1-го днем у меня были Зоя Лодий с Тамарой Салтыковой, а сегодня прислали за мной машину, и я у них обедала. У них прелестная квартира, очень уютно и красиво. У них обедала докторша проф. Н.А. Крышова, их друг; потом пришел еще один профессор с женой-докторшей (оба евреи), и только и было разговоров, что о грандиозных сокращениях во всех научно-исследовательских медицинских институтах. Что-то страшное. Там, где работает Крышова, надо было дать 45 000 рублей экономии, она при мне звонила замдиректору, и выяснилось, что Москва требует еще сокращений на 20 000 рублей, он будет сидеть всю ночь и размышлять, откуда, каким образом сэкономить эту сумму, кого выбросить на улицу. Пока докторши обменивались впечатлениями и слухами, мы с Тамарой стояли поодаль, и я ее спросила шепотом, идут ли эти сокращения также по еврейской линии.

«В этом все дело, — ответила Тамара, — они обе это очень хорошо понимают, но сказать этого не могут, обе они партийки».

29 января. Моя судьба ужели не плачевна![373] С 13 января я слегла. Сердце болело со всех сторон, отдавало в лопатку, болела левая рука, колола аорта. 14-го Наташа пришла с работы и сообщила, что ее сокращают с 15-го и она решила ехать в Москву с Петей, менять комнату, устраиваться на работу там, ей обещают устроить ее на кинофабрику художницей. Это, конечно, было бы самым подходящим для нее делом: ночная работа, водка, киношники, то, что надо.

Я позвала доктора из поликлиники, затем съездила к Сорокиной: оказалось, у меня спазмы сосудов сердца. Нужен покой, как можно меньше двигаться.

23-го заболела Сонечка, сразу же высокая температура, разболелось ухо. Но на Наташу это не произвело ни малейшего впечатления, она торопилась уехать, как будто за ней была погоня. Мы Наташу не видали целые дни, даже в последний день перед отъездом она не посидела с Сонечкой. Примчалась на минуту пообедать. В это время приехала Тамара Александровна Колпакова посмотреть, что со мной делается, ее об этом просила А.П. Выслушав меня, она сказала: «Лежать, я вас в клинику устрою». А у Сони 38,8. На Наташу это не произвело ни малейшего впечатления. Она умчалась вновь и вернулась только затем, чтобы взять чемодан и Петю.

У нее, как она говорила Ольге Андреевне, был в самом разгаре роман с каким-то отставным молодым генералом.

На другой день Анна Петровна прислала мне бидон с горячим куриным бульоном и курицу. Следовательно, я могла лежать еще два дня, не готовя обед.

Наташа уехала, не оставив нам ни одной копейки! А 16-го она получила расчет за месяц и выходные рублей около 900.

Дня через два зашла к нам Аннушка (Соня лежит в моей комнате). Аннушка даже заплакала, так была огорчена нашим горестным положением, и, вытащив из кошелька 100 рублей, сказала сквозь слезы: «Не могу же я знать, что вы тут голодаете».

Отъезд Наташи для меня большое облегчение, хоть бы она никогда не возвращалась. Это вампир, и я только ужасно за Васю беспокоюсь, сумеет ли он отстоять себя. Никита прямо мне сказал, что, если Вася соединится с Наташей, ему будет каюк.

Меня навещают друзья. Только и слышишь: тот умер скоропостижно, у того удар, там аресты, та выбросилась с пятого этажа...

Спрашиваю одну знакомую, почему восстановили смертную казнь[374]. «Как почему? В ознаменование семидесятилетия Иосифа Виссарионовича! Это ответ на “потоки” поздравлений и подарки».

А мы-то ждали амнистии. Дурачки.

6 февраля. Ю.А. приехал из Москвы на несколько дней и был у нас. По его словам, целью приезда были занятия с Рождественским, но из всех разговоров и жалоб на Наташу и ее ссоры с Александром Федоровичем я поняла, что он сбежал и выжидает здесь, пока Наташу не выселят. «Это кошмар! У меня уже сдано и напечатано, понимаешь, напечатано шесть картин оперы, уже разучивают. Мне осталось дописать небольшие куски к двум картинам. А тут Наташа нагрянула без предупреждения! И уже поссорилась с Александром Федоровичем. Крики, это невозможно!» Застал он нас с Сонечкой обеих в постели (у Сони опять болело ухо), нашел, что это тоже «кошмар», принес Соне конфет с полкило, а мне один лимон!

Рассказывал, что либретто совершенно переделано, от либретто Толстого и Щеголева ничего не осталось. Какой Толстой драматург — он ничего в этом не понимал.

«Полина просто модистка, об ее национальности ничего не говорится. И это правильно. Столько было русских женщин-героинь, поехавших за мужьями, нельзя делать француженку героиней оперы!» Спорить я не стала.

Я встала, мы перешли в соседнюю комнату, поговорили о Васиных делах, я просила его поддержать его кандидатуру в Большом театре; он опять обрушился на девочек; я объяснила ему, что, если бы девочки выехали, комнату у нас бы немедленно отобрали, так как мы не лауреаты и имеем право лишь на 9 метров каждый. «И вообще не надо было переезжать с Кировского проспекта». Если бы мы там остались, то все бы погибли в первую же зиму блокады: 5-й этаж без лифта, без центрального отопления и дымоходов, без воды и фановых труб.

Он очень восхищался пейзажем А.П. Я показала ему ее трогательную записку, присланную мне с 300 рублями: «Посылаю вам немного денег, совсем немножко, и ради Бога не думайте о ваших долгах; это все такие пустяки, лучше об них забыть».

На другое утро я ему позвонила, чтобы сговориться, когда прислать Катю за Васиным письмом и передать ему для Васи образ. Ю.А. опять стал возмущаться: вот — это письмо Остроумовой! Чужие помогают, а свои ничего не делают. Ни Вася, ни Наташа не заботятся. Вася должен куда-нибудь поступить, чтобы иметь постоянный заработок, и т.п. Я не стала намекать ему, что

он тоже не совсем чужой, а родной дед, но все-таки съязвила, не могла удержаться, может быть и напрасно. «Конечно, плохо, что Вася не зарабатывает, но вот маленькая историческая справка: в 1923 году тебе было тридцать пять лет и ты почти ничего не зарабатывал. Мы жили на мой заработок и на продажу моей мебели, которую я тогда чуть не всю распродала», — и тотчас же перевела разговор на другую тему, стала расспрашивать о здоровье его сыновей.

Получила за это время два письма от Сони, письмо и открытку от Васи. Большой театр отклонил его эскизы к «Декабристам». Он в полном отчаянии. Наташа ведет себя чудовищно. Какая злая баба.

8 февраля. Чтобы не думать о злополучной действительности, лежу и читаю без конца «Русскую старину», год за годом. А на днях перечитывала оставшиеся у меня рукописи Елены Яковлевны Данько: ее стихи 21, 22-го годов, воспоминания о Ф. Сологубе 27-го года и автобиографическую повесть, охватывающую годы от 1916 <до 19>19-го. Называет она ее «Юность, или Ключ к характеру одной немолодой особы. Эскиз романа, который никогда не будет написан»[375].

И правда — это ключ.

Я познакомилась с Е.Я. в 1919 году. Она приехала к сестре из Москвы, и Наташа устроила ее ко мне в кукольный театр, она стала водить кукол. Высокая, худенькая, замкнутая и педантичная. Я сейчас не помню, в чем это выражалось, но хорошо помню мой с ней такой разговор: «Вам, Елена Яковлевна, девятнадцать лет, а мне тридцать восемь, но у меня ощущение, что я гораздо моложе вас».

У нее был очень тяжелый характер. Наташа очень от этого страдала, и они разъехались, Е.Я. поселилась где-то в городе. Маршак был ее крестным отцом в литературе, он заставил ее писать, вывел, так сказать, в люди, но затем они поссорились. «Уж очень у нее ведьмистый характер», — говорил мне Самуил Яковлевич.

Позже, думаю, эта колючесть у Е.Я. сгладилась. Зажила боль оскорбленной любви, затвердела кожа, сестры опять стали жить вместе, и я никогда, бывая у них, не чувствовала между ними разлада. У меня с ней всегда были хорошие отношения, я очень ценила в ней кристальную чистоту и интеллектуальность. Два качества, для женщины непригодные. Она увлекалась своей работой, своими героями, Вольтером, Ломоносовым до влюбленности, до самозабвения.

11 февраля. Вчера мне рассказали содержание второй серии картины «Падение Берлина»[376]. Я сразу же вспомнила фельетон, шедший в «Journal» в 27-м году или 28-м году, который я читала с упоением, восхищаясь разнузданной и наглой фантазией автора. Назывался роман «La fille du luthier»[377]. Героиня переживала какие-то трагические приключения, связанные с загадочной и драгоценной скрипкой, осыпанной брильянтами. Всего этого я не помню, но вот что неизгладимо запечатлелось в моей памяти: коварной злодейкой романа была русская баронесса, чекистка (дело происходило в Париже в наши дни), на самом же деле она была претенденткой на египетский трон. Как наследница фараонов и как это было принято в Древнем Египте, она жила со своим братом. Им удается захватить престол, и они приезжают в Ейск (на берегу Азовского моря), проезжают по всему городу на роскошно разукрашенных слонах и коронуются. Ейск, оказывается, столица Египетского царства. Но баронесса, как и следовало ожидать от баронессы, была лживой интриганкой и узурпаторшей. Настоящим наследником фараонов являлся некий американский миллиардер. В Париже, в зале, далеко оставляющей за собой всю роскошь Монте-Карло, происходит таинственное заседание подчиненных египетского фараона. После чего во главе большой эскадры он подплывает к Ейску, бомбардирует город, разбивает вдребезги дворец и уничтожает узурпаторов! В глубоком бомбоубежище Ева Браун в подвенечном платье идет под венец с Гитлером, желая умереть его женой, а не любовницей. Все они интеллигентно отравляются. Сталин прилетает на фронт и берет Берлин...

Quelle désinvolture. Посмотрела сейчас в словаре, как перевести это слово на русский язык: непринужденность. Это совсем не то[378].

Говорят, что, когда эту картину показали в Кремле, Сталин заметил: «Но ведь я же не был в Берлине». Чиаурели ответил: «Да, но народ верит, что вы там были». — «Это смело!» — сказал Сталин.

[Чиаурели звали: служитель культа.]

13 февраля. 20 дней прошло с отъезда Наташи. Ни от Наташи, ни от Васи, ни от Юрия Александровича не пришло ни копейки. Что они думают, зная, что я лежу недвижима. Ну да Бог с ними.

Читала, читала «Русскую старину», прочла роман Федина «Первые радости»[379], не поняла заглавия, стало скучно-скучно; что бы такое почитать, чтоб легко стало на душе? Вспомнила слова Пушкина: «Откупори шампанского бутылку иль перечти “Женитьбу Фигаро”!»[380] Послушалась его совета и взяла Beaumarchais. Весь вечер и все утро читала, и отлегло.

Говорят, С. Дрейден арестован.

17 февраля. Все думаю о записках Елены Яковлевны Данько. Из заглавия вытекает, что писала она их уже много лет спустя; уже молодость прошла, когда она вспоминала свою юность, а первая любовь не прошла. Она этого не говорит, но это ясно уж из того, *как* она его, своего «Сашу», вспоминает, как страдает и как помнит свою обиду, как, по-видимому, страдала всю жизнь. А герой вовсе этого не стоил. Да, обе сестры были однолюбы. И Наташину жизнь разбила измена Крамарева. Беда, что я не умею писать. Я умру, и шифр будет потерян. И еще одна незаурядная женщина погибла в блокаду — Ирина Леонидовна Русинова. О Ляле Русиновой мне часто рассказывала Ната Караваева, ее тетка, когда Ляля была еще маленькой девочкой. Об ее энергии, решительности. О том, что как-то, когда мать заболела в деревне, восьмилетняя Ляля поехала одна в город и привезла доктора.

Познакомилась я с ней перед моим отъездом за границу осенью 24-го года. Она ко мне пришла, узнав от Михалины о моих планах. Это было, кажется, после ее первой зимовки на Новой Земле, а может быть, и второй. У нее тоже была скрытая рана в душе, остался ли у кого-нибудь «ключ» — не знаю. Узнала я о ее смерти совсем недавно. Я увидала ее фотографию у знакомой Маргариты Константиновны. Умерла ее сестра, затем она, а племянница покончила самоубийством.

Во время Гражданской войны обе девочки с матерью были на юге, Ляля сделалась сестрой милосердия в Добровольческой армии. При отступлении белых она стала пробираться на север, добралась до Архангельска, и тут началась ее работа по изучению Арктики. Зимовки на Новой Земле. Самоедский поселок, и она одна на научной станции. Надо иметь большое внутреннее содержание для такого испытания. Плавание на «Сибирякове»[381]. По ее возвращении мы довольно часто виделись; вероятно, я где-нибудь записала ее рассказы. Я была уверена, что она эвакуировалась с Арктическим институтом в начале блокады.

Как больно, что такой незаурядный, крупный человек погибает от голода.

Себе на горе она выписала сюда свою сестру с дочкой.

И вот нету у меня ключа к ее жизни, к характеру, к той внутренней травме, которая, мне кажется, ее подтачивала.

21 февраля. Вчера у меня была Наталья Васильевна и очень юмористически описывала предвыборное собрание в Союзе писателей. Перевыборы в Верховный Совет[382]. Она очень хорошо, всегда в лицах, рассказывает. Повторение такого же заседания, как по случаю 70-летия Сталина, на котором я присутствовала. Аплодисменты, вставания и еще аплодисменты. «Смотрела

я на этих писателей и думала: где же люди с “взыскующей” совестью, как бывало? Нету их». — «Вероятно, они среди тех двадцати миллионов, которые населяют наши лагеря», — ответила я.

Она ушла, а часу в десятом зашла Анна Андреевна. Она пробыла три недели в Москве, возила передачу сыну. «Да, он у нас, — как, это услышав, она обе руки прижала к груди. — Так все не отдаешь себе отчета, не веришь, и только тогда все ясно становится, как услышишь эти слова: он у нас».

А.А. предполагает, что его взяли и вышлют без всякого дела и нового обвинения, а только потому, что он был уже однажды «репрессирован» (слово, которое официально употребляется).

Он был уже однажды выслан, из Сибири пошел добровольцем на фронт, брал Берлин, имеет медаль «За взятие Берлина», был реабилитирован, защитил диссертацию[383], и когда погрузился в новую интересную работу, тут-то кошка и цапнула. Комнату его не запечатали, следовательно, дело несерьезное, казалось бы.

Какое у А.А. красивое благородное лицо.

А.А. виделась в Москве с Фединым. Заговорили о его последних вещах. Я заметила, что нахожу самым ярким в «Первых радостях» место, где Федин описывает впечатление от бегства из дому Льва Толстого и от его смерти. Прочтя это, я перечитала статью Ромен Роллана о Толстом и «Воскресении»[384]. «Все сейчас перечитывают “Воскресение”, — сказала А.А., — и плачут. У меня в Москве был Пастернак[385] и говорил, что читал “Воскресение” мальчиком, когда его отец делал к нему иллюстрации[386]. Тогда ему роман показался скучным. Он перечитал теперь и плакал».

А я не плакала и не поверила в полное и окончательное воскресение Нехлюдова. Катюша — да. Та ушла от зла. А Нехлюдов так неустойчив, так впечатлителен. Он только что был счастлив попасть в знакомую и близкую ему обстановку у губернатора, и вдруг случайно попавшееся ему в руки Евангелие, и случайно открытая страница произвела полный переворот! Не верится.

25 февраля. Унеси ты мое горе! Приехала Наташа с Петей. Петя сразу же примчался ко мне в комнату с радостным криком: «Нас выгнали, да, нас выгнали, потому что мы приехали к дедушке, не предупредив их». Затем пришла Наташа и Ляля Мелик, и тут пошел такой крик, что именно: уноси ты мое горе!

Истошным голосом она всячески поносила Юрия Александровича, и его жену, и Васю, попутно попадало и мне, воспитавшей такого бандита. Ляля

пыталась ее укротить. «Нет, пусть дети знают, что их отец бандит». Я лежала «безглагольна и недвижима»[387], а Наташа все кричала и кричала. «Мне ничего от них не нужно было, я на целые дни уходила».

Она уходила, а Петю оставляла на попечении Александры Федоровны. Мальчики в школе — Петя резвился с Грозным, огромной овчаркой Ю.А. Петя с ней играл в футбол на площадке у двери кабинета Ю.А.

В этом шуме трудно было что-либо понять, но одно я очень хорошо поняла. Накануне отъезда она пошла в МХАТ к секретарю партячейки, спросила, думают ли дать Васе заказ на декорации. Если закажут, она просит, чтобы деньги посылали ей, т.к. Вася детям не помогает!

Я так и ахнула. Сделать такую гнусность и так лгать.

7 марта. На днях, несмотря на болезнь, ездила в Госиздат, где мне причитаются какие-то деньги за письма Стендаля, которые печатать не будут. Я высказала Трескунову мое сожаление, находя, что письма очень интересные, можно бы выбрать хотя бы касающиеся литературы. «Таких писем очень мало, а зачем нам печатать какие-то письма из Вильны о снабжении армии, или письма к портному, или письмо к барону Маресту, в котором он предлагает ему свою бывшую любовницу. Мы этим только дискредитируем Стендаля в глазах советского читателя».

И вот Михаил Соломонович Трескунов причесывает бедного Стендаля по советской моде и в таком неузнаваемом виде пускает в обращение. «Poveretto!»[388] Как подписывается Стендаль под одним из своих писем.

12 марта. Сегодня хохотала до слез, одна в своей комнате.

Сегодня «выборá». Уже два месяца, а может быть, и больше, ведется агитация, организуются агитпункты, агитаторы ходят по квартирам.

У нас это все военные из школы, или, вернее, курсов МВД, молодые люди с голубыми выпушками. К ним обращаются со всякими нуждами, и, говорят, перед выборами эти просьбы выполняются.

Я вчера позвонила управдому, что больна и идти голосовать не могу. «Не беспокойтесь, Любовь Васильевна, к вам придут». И вот пришли двое военных (МВД), один, попроще, держал в руках ящик, обтянутый красной материей, другой — офицер с смазливым полным лицом. Они меня как-то очень торжественно приветствовали, назвав по имени и отчеству, и один из них подал мне два листика: на белом стояло имя Н.С. Тихонова, на другом, голубом, Материковой, ткачихи, депутата в Совет Национальностей. Оба они стояли у моей кровати и смотрели, приятно улыбаясь, на то, что я буду делать. Я сложила бумажки и опустила в щелочку красного ящика. Молодые

люди пожелали мне скорейшего выздоровления и удалились. Тайное голосование!! Я хохотала до слез.

Вечером у меня была Александра Васильевна Щекатихина. Я ее очень люблю. Наивность ее безгранична.

Она пошла сегодня голосовать. Ей тоже дали два листка, и когда она вошла в зал с урнами, дежурная девица указала ей на кабинки, занавешенные красными тряпками. Она вошла в кабинку, думая, что там будет список других намеченных депутатов. Ничего там не найдя, А.В. подошла к барышне с вопросом: а где же остальные? Барышня обиженно ответила, что имена депутатов напечатаны на листах. Сконфуженная А.В. сказала: «Ну хорошо, чтобы никому не было обидно, я опущу их в разные урны!» (Там стояло 2 ящика.) Я страшно смеялась над ее наивностью. Она рассказала об этом сыну. Славик спросил: «Ты, может быть, еще что-нибудь сказала?» — «Нет, больше ничего». К счастью. Умора. Все улицы в флагах, иллюминованы!

А позже заехала М.В. Юдина. Душечка. Я страшно была тронута. Я пропустила три ее концерта. А ее концерты — мое единственное счастье. Конечно, я ничего так не люблю, как хорошую музыку и в очень хорошем исполнении.

Я ее спросила, как ей нравится последнее произведение Шостаковича. «Ну что же тут может нравиться, его заставили так писать, он не мог бороться». Софья Васильевна очень довольна, счастлива; она не понимает, чего это ему стоило («Леса»)[389].

М.В. очень переутомлена, плохо себя чувствует. Была в легком пальто, но похвасталась, что наконец купила себе туфли для улицы. «Вам нужны черные, для концертов». — «Все это говорят, но это в будущем. Эти туфли — первая ласточка». А играет она чуть что не в босоножках.

15 марта. Только в деревне и говорят по-русски. Письмо Кате Пашниковой от матери: «От Ани было письмо давно, когда она вышла замуж, а от зятя Васи два. Еще не отписывали, не ладили отписывать. Все еще не верю, что она вышла замуж. Теперь видим, что в быль пошло. Когда я получила от нее письмо, без счету раз принималась читать и все плакала, что такую даль надумала ийти... Ну, Катя, и прими нового зятя как за меня и не бесчести, ухаживай за ним и пожалей Аню на чужой стороне».

Вот он, le vrai grand monde[390].

Катина сестра Нюра вышла замуж за парня с Кубани, город Георгиевск.

21 марта. Мой крест невероятно тяжел. Наташа в бешеной злобе на Васю и на Юрия срывает эту злобу на мне. По ее словам, я виновата во всем, я разрушила их семью!?

8-го я получила из Гослитиздата 2000 рублей, половину причитающихся мне денег за письма Стендаля (последние 40%). К следующему вечеру у меня осталось 400 рублей, заплатила долг Наташи и детей, и за это Наташа заявила, чтобы я больше не вмешивалась в воспитание детей, *ее* детей, а детям запретила входить ко мне в комнату.

А сама сегодня дома не ночевала, вернулась в 12 часов дня, затем ушла в кинематограф, а в 9 опять исчезла, и может быть, на всю ночь. Т.к. Соне запрещено ко мне входить, то Наташа с ней занималась и никак не могла решить задачу. Звонила всем знакомым и так и не <справилась>.

На Сонечку страшно смотреть, такая она бледненькая, перепуганная.

Какая подлая женщина! И, главное, злая. (Соне 11 лет.)

24 марта. Тамара Александровна Колпакова хотела устроить меня в Спецкорпус Куйбышевской (б. Мариинской) больницы. Это отделение для советских аристократов, она надеялась провести меня под фирмой лауреата Шапорина — это не удалось.

Я обратилась к милому С.А. Новотельнову, он обещал поговорить со своими коллегами-терапевтами. Сегодня должен был быть ответ. Оказывается, все терапевтические больницы забиты сердечными больными. Главный врач Боткинской больницы сказал ему, что раньше двух недель место не освободится. «Слишком велика динамика нашей жизни», — сказал Сергей Абрамович. Да-с, 32 года такой динамики и нервного напряжения — и человек валится, как надорванная кляча.

Вчера мне казалось, что я совсем поправилась, и я сегодня пошла в церковь; к «Да исправится» опоздала, постояла минут 20, прошла к сапожнику, затем купила рядом Соне галоши и, вернувшись домой, сразу же почувствовала себя скверно. Опять разболелось сердце, нет, я еще совершенный инвалид. Да! Динамики на мой век хватило.

Прочла на днях «Voyage en Italie» Tain'а, и, Боже мой, как захотелось в Италию, в Венецию, которую я так и не видала, во Флоренцию.

25 марта. Не так давно снизили цены. На хлеб 30%, на крупу 20%, на ткани 15% (в среднем). Об этом радио кричало целые сутки, оповещая эфир о сталинской заботе о народе. Подчеркнуто вещало, что это забота не правительства или партии, а Сталина.

Вчера Катя рассказала, что с 1 апреля расценки на заводах будут снижены на *30%*. Почти на треть[391].

Об этом эфир не узнает.

29 марта. Вчера вечером я позвонила Анне Петровне; я стала прощаться, она добавила: «С вами хочет поговорить одна дама». — «Я привезла вам привет от Васи!» Говорила дочь Зинаиды Евгеньевны Серебряковой, живущая в Москве. Она писала по Васиным эскизам декорации к «Отцам и детям», работает в МХАТе, куда Вася часто заходит. По ее словам, Вася стал за последний год гораздо лучше, а как художник сделал большие успехи. Должен на днях заключить договор с театром Станиславского[392]; жить очень трудно и *получать заказы* тоже трудно. «Вася очень хочет вас повидать, но сюда ехать боится». Так приятно мне было это слышать.

Не так давно я говорила с Алешей Бончем. Они с Никитой были в Москве, были у Васи. Алеша нашел, что Вася очень изменился к лучшему, нет в нем прежнего лихачества, стал серьезнее и спокойнее. Он очень много работает, сделал огромные успехи; Соня произвела на Алешу хорошее впечатление, Вася окружен заботой.

Боже мой, Боже мой, как трудно жить. Вася денег не присылает, Наташа не работает, на что они живут — не знаю. Бедные, несчастные дети. Наташе лень заняться с детьми, гулять с ними, она выпускала Петю на весь день во двор, а сама убегала куда-нибудь. Петя за Москву огрубел, а вчера стащил в ларьке с прилавка яблоко. Торговки схватили его, записали адрес...

Сердце разрывается.

Можно было ожидать, что Наташа одумается, пойдет с детьми погулять. Ничего подобного. Опять ушла на весь день, а Пете запретила гулять. Мальчик просидел весь день дома. Хоть бы когда-нибудь она почитала что-нибудь, поинтересовалась историей, литературой, стихами. Никогда. Полная пустота. Нет содержания. Поэтому она не может оставаться одна. Надя Викентьева говорила: «Мне никогда не скучно в обществе с самой собой».

2 апреля. La souffrance se mesure à l'ébranlement de l'être interieur, non au choc des choses extérieures...

Les hommes trop agitées d'émotions continues se taisent pour ne pas se livrer en spectacle, et se replient faute d'espace pour ce déployer. H. Taine. Voyage en Italie[393]. О Микеланджело.

Насколько ярче, сильнее 14 страниц Тэна о Микеланджело, чем вся статья Ромен Роллана[394]. Не лежит у меня сердце к Ромен Роллану. Ум его сильнее таланта, а это всегда плохо. Получаются умные тезисы и неталантливо разработанная диссертация. Я готова думать, что эти слова Тэна послужили толчком Ромен Роллану для написания «Героических жизней»[395].

3 июня. Вот наши современные условия, или, вернее будет сказать, условия современного рабства: Наташа измывается надо мной, и я не могу не только ее выгнать, но и переехать на другую квартиру. Вчера с вечера до 5 часов утра у нее был «раут», собрала у себя мхатовскую молодежь, с которой познакомилась, когда Вася был там в студии. Их было человек десять мужчин и женщин. Они пили, пели, хохотали, танцевали и просто прыгали, крича: «Баба сеяла горох, прыг-скок...». У меня слышно все, и заснуть я не могла, сколько ни старалась. С сердцем было из рук вон плохо. Боли, сердцебиение, дурнота. Вот так я в одну прекрасную ночь умру, и никто не заметит.

Они ушли, и скоро заорало радио, а в 8 часов загремела подвальная мастерская. Вот тут и живи. Я прикована к безобразной тачке, и кандалы не снять.

20 июня. Была вчера у Лозинских, получила от Михаила Леонидовича «Божественную комедию»[396]. Он советовал не читать примечаний, так как все его комментарии (16 печатных листов) пришлось «обстрогать», как сосну, обрубить все ветки, оставив голый ствол. Кто-то из редакторов хотел, чтобы комментарии носили издевательский характер в тех случаях, когда вопрос касался религии или мифологии. Издавать гениальное произведение, которое все проникнуто философско-религиозной католической идеей, а в комментариях издеваться над этим, рисует все скудоумие этих трусливых редакторов. (Не Трескунов ли, я забыла спросить.)

Говорили мы с Татьяной Борисовной о чудовищных слухах, распространившихся за последние две недели по всему городу, о раскрытых будто бы преступлениях врачей-людоедов, похищениях и убийстве детей и т.п. Рассказывали повсюду все подробности о том, как нашли похищенного ребенка в потайной комнате с перерезанной шеей, истекающего кровью. Кровь эта была нужна профессору, работавшему над омолаживанием; из тел убитых делали студень, продававшийся в казенных ларьках, и т.д. О том, что студень из человеческого мяса, догадалась только собака, которая не стала его есть, а хозяин ее на этом основании тотчас же отнес студень в лабораторию. Называли огромное количество людей, около ста, замешанных в это дело, из которых только *трое* были русскими, остальные *евреи*.

И все это оказалось блефом.

По слухам, дело это должно было разбираться в Доме промкооперации как показательный процесс. Толпа, собравшаяся на улице, неистовствовала, хотела растерзать преступников, а на самом деле там разбиралось совсем другое дело, а о всем этом чудовищном вымысле ни одной прокуратуре не

было известно. (Это сообщила Ирина Вольберг, следователь.) Вообще ничего не было.

Кому это было нужно? Для чего? Работа «пятой колонны»? Какая цель? Натравить народ на евреев? Опорочить наш народ?

В Москве тоже ходили слухи о будто бы раскрытом перед 1 мая заговоре: должны были взорвать пять главных заводов и чуть ли не всю Красную площадь, и опять-таки виновниками называли евреев.

Каким негодяям это нужно?

9 июня вернулась из Москвы, пробыв там четырнадцать дней. Отдохнула душой. Москва, ее разрастание произвело на меня сильное впечатление после застывшего в своей красоте, подобного коралловому рифу, Ленинграда (вернее, Петербурга). Огромнейшее Можайское шоссе (ездила к Гавриле Попову). Ленинградское шоссе и Сокол, Беговое шоссе с его прелестным поселком, где живет Юдина, метро, троллейбусы, обилие продовольственных магазинов, все это, конечно, очень импонирует. Как следствие, москвичи гораздо более верноподданны, чем ленинградцы. Моя сестрица считает, что никакой Шекспир не мог бы написать речей лучше Сталина!

Была у Клавочки Шишковой, какое милое у нее стало лицо. Лицо монашки, с глубоко лежащими ясными и отрешенными от жизни глазами. Любила ли она так Вячеслава Яковлевича, который ей в отцы годился, не чувствует ли какой-нибудь тайной незамоленной вины перед ним? Не знаю, но в глазах ее видна настоящая человеческая душа.

Была в Третьяковке и осмотрела наконец советский отдел. Какая убогость, бездарность, безвкусие. Просто позор. Огромнейшее полотно Ефанова со товарищи[397], Лактионова «Пушкин осенью»[398], на которое шутники на выставке выпустили живых муравьев, единственно, чего не хватало для полного натурализма!

Герасимов — портрет Мичурина под вишней в цвету[399], это же работа бездарного ученика. Такой невиданный в мире регресс.

Сталин в своей последней статье о языковедении нашел наконец слово, характеризующее режим: аракчеевщина. Il ne pensait pas si bien dire[400].

Он восклицает, смешивая Марра с грязью: почему никто не поднял голоса против ученья Марра? Это же аракчеевщина[401].

Подыми-ка!

Ведь он же знает, что так во всем. Врубель спрятан, Петров-Водкин спрятан, «Мир искусства» в темном углу, а все умные старые большевики расстреляны, ну да что говорить.

Очень больно за Васю. Он так талантлив, у него такие хорошие работы, а заказов нет. Он не умеет себя подать, это еще Дмитриев говорил. Потерял половину зубов и не вставляет их, некогда, не понимая, что это производит неприятное впечатление. Его новая жена мне очень понравилась, это полная противоположность Наташе, это милый, любящий человек. Как ему выбиться с двумя семьями на плечах? Он не только нервен, он близок к истерике. Работами его восхищаются и ничего не заказывают. Недавно Акимов был у Лозинских и очень хвалил Васины работы: «Все он был маленьким около Дмитриева и неожиданно вырос в самостоятельного хорошего художника с очень интересными работами».

Как-то раз Вася дошел до истерики, проклиная существование моих братьев и их детей, которые компрометируют его! Леля на это разумно заметила, что он очень неосмотрительно родился, не выбрав себе заранее родителей по вкусу.

6 июля. Печоры. Какая благодать. Сижу у открытого окна над оврагом. Противоположный берег зарос деревьями, он выше меня, дальше поля, небо, жаворонки поют. В монастыре благовестят[402]. Другой мир. Была в церкви, несколько женщин в своих национальных костюмах кладут земные поклоны. А монастырь как видение другой эпохи, грозная средневековая крепость. Отдыхаю духом, хоть бы как следует отдохнуть, чтобы порисовать. Но сколько горя кругом! (В мае было выслано 400 эстонских семейств[403].) Монастырь уцелел благодаря тому, что стоял в самостоятельной Эстонии в те годы, когда в Москве взрывали Симонов монастырь, а в Петровском монастыре[404] поселили цыганский театр.

Как хорошо, где-то блеет овца, но она не нарушает тишину и не заглушает жаворонков.

7 июля. Сегодня Иванов день. Крестный ход вокруг стен монастыря. Хоругви, иконы на носилках, под которыми проходят богомольные люди. Несколько раз останавливаются и поют литии. Поет хор и весь народ. Много «полуверок» в национальных костюмах. Полуверы — это православные эстонцы, вернее сэты, у них своя церковь, где православная служба идет на эстонском языке. У них длинные темные, по-видимому, шерстяные юбки со станом вроде сарафанов, на белые рукава нашиты тканые узоры, на шее серебряные цепи — монисты, очень красивые. Из-под платья сзади две длинные шерстяные ленты с украшением внизу из гаруса с бисером и через плечо по спине до низу висящее полотенце с широкой вышивкой.

11 июля. Сегодня расстроилась: получаю от Васи телеграмму, что из Вахтанговского театра 700 рублей выслали Наташе в Ленинград, «потребуй, чтобы выслала тебе». Я Наташе телеграфировала, но, зная, что это за фрукт, не жду от нее никаких денег. Была весь день расстроена, т.к. у меня осталось всего 800 рублей, пока не пошла порисовать. Взобралась на одну из гор, оттуда чудесный вид на стену и на белую церковь за стеной Псковского стиля. Какое наслаждение рисовать, и как это успокаивает. Потом сползла кое-как с этой вышки и опять обошла монастырь вдоль всех его стен. Всегда вспоминаю Тютчева:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?[405]

Здесь уцелело много, и это приводит меня в восторг.

Мой перевод меня удручает. Насколько было интересно переводить Стендаля, настолько нудно переводить эту повесть Келлера. Натуралистическая мелочность, бесконечные ненужные подробности, просто одурь берет.

20 июля. Дождь, дождь, дождь! Мой овраг за серебристой завесой, и все-таки как хорошо, что мы тут, в деревне, дышим настоящим воздухом и объедаемся ягодами, главным образом земляникой. Эк я махнула! Яблок-то в этом году и не будет. Стараюсь не думать о том, что может выйти из корейского инцидента[406]. Лучше слушать шум ветра в деревьях, дождя и раскаты простого Божьего грома.

26 июля. Вчера мы просидели втроем — М.М. Сорокина, ее приятельница О.А. Мельвиль и я — два часа с лишним в монастырском дворе около Пещерной церкви в ожидании отца Сергия. Мы почти не говорили между собой, наблюдали за мирной жизнью монастыря, и странно, мы, уходя, признались друг другу, что на душе воцарился какой-то удивительный покой. Никакие мысли не приходили в голову, отодвинулось куда-то все беспокойство. Обычно как трудно, почти невозможно заставить себя ни о чем не думать. А тут сама собой спустилась такая тишина. Вероятно, это веками выработанный покой гипнотизирует душу. На высокую площадку, где мы сидели, налетели голуби. Пришел высокий голубоглазый мальчик-нищий лет 15, я его видела в церкви, с большим куском хлеба. Сел на ступеньку и стал крошить хлеб, кормить голубей. Сонечка села рядом с ним на корточки, мальчик дал ей хлеба крошить; подошла женщина, села рядом с нами на скамейку, развернула платок, бросила голубям пшена. Пришел нищий — рыжий, лохма-

тый, рваный, на костылях. Закричал на голубей: «Вот я вас разгоню!» Голуби не испугались, он сел, звал их по именам.

У отца Сергия был прием, приехало эстонское духовенство, мы его не дождались.

28 июля. Вчера и третьего дня мы осматривали монастырь. В первый день о. Сергий рассказал нам историю монастыря и провел по всем «Богом зданным», т.е. природным, пещерам. Это длиннейшие катакомбы с разветвлениями, церквами, это, собственно говоря, монастырское кладбище. Все мы идем со свечами, очень холодно, говорят, что там зиму и лето температура 6°. Вся гора, а следовательно, своды и стены — песок, но настолько спрессованный, что не осыпается. Царапнешь стену, песок легко поддается под ногтем, но даже невдалеке падавшие фугаски ничего не сдвинули. Встретила там надгробные плиты семьи Медем и Бюнтинг и нашей Maman М.Н. фон Бюнтинг, начальницы Екатерининского института, и ее дочери баронессы Буксгевден. Я помню, что у них было имение в Псковской губернии, очевидно, их могилы перенесли сюда после революции[407]. Около нас, на Подгорной улице, на склоне горы стоит хорошенькая небольшая дача на гранитном цоколе. Ее построила себе баронесса Медем. Она успела уехать за границу, а зятя, графа Апраксина, заставила остаться распродавать скот, несмотря на всеобщие советы. Он был арестован и канул в вечность. Был прекрасный человек, крестьяне умоляли его отпустить...

Осматривали Успенский пещерный собор, Михайловский в память войны 1812 года (1827), построенный на средства графа Витгенштейна и его офицеров. В соборе серебряные мемориальные доски с типично ампирными украшениями. Смотрели Никольскую церковь XVI века с замечательной деревянной барельефной скульптурой в человеческий рост — Никола Ратный (Можайский) с церковью в одной руке и мечом в другой[408]. По бокам около него ряд икон, его житие, старинных, но очень попорченных. Нигде никаких фресок. Самое интересное — архитектура. Две псковские звонницы, Никольская церковь XVI века, библиотека и ризница, и другое крыло, где Благовещенская церковь, по-видимому, начала XVII века, мне напомнили дом В.В. Голицына, стоявший в Охотном ряду[409] рядом с церковью Параскевы Пятницы[410]. Купола на Успенском соборе старинные, грушеподобные, вроде киевских. Может быть, польское влияние.

7 августа. Вчера вечером были с Соней в Успенском соборе, пещерном, на акафисте Богородице. Здесь, в монастыре, служат так, как я нигде не слыхала. Голоса священников звучат такой страстной верой, что они проника-

ют в самое сердце, и в пении участвует весь народ. Я прислушивалась к словам акафиста, кто написал его? Кто сочинил все эти такие красивые и поэтичные сравнения? Вероятно, поэт.

28 августа. Успение Богородицы. Уж за неделю до праздника начинают съезжаться и сходиться богомольцы, ищут пристанища у местных жителей. У нашей хозяйки Дарьи Ивановны прямо-таки страннолриимный дом. Спят на веранде, столовая полна старух, подвал со стороны огорода тоже полон. У Александры Петровны, снимающей у Соловских комнату, живут эти дни, по-видимому, очень почитаемый Василий Иванович, Васенька, средних лет, полуслепой, полуюродивый с хитрым и малоприятным лицом, и его поводырка Аннушка, женщина лет 40, приятная и услужливая.

Город полон народа, очень много полуверок. После обедни крестный ход вокруг стен монастыря. Людей видимо-невидимо. Со всей округи съезжается все духовенство со своими прихожанами. Говорят, было тысяч 20 народу.

Погода чудесная, толпа нарядная, очень много национальных костюмов. Ярко белеют вышитые рукава их рубашек. Особенно живописен вид всей этой толпы, спускающейся за крестным ходом, за хоругвями и большими серебряными образами с крутой горы вниз к Подгорной улице; все холмы покрыты пестрым людом, четко рисуются силуэты на голубизне неба. Крестный ход проходит мимо нашего дома, Дарья Ивановна ставит около дороги ведро с водой и две кружки. Ведро быстро пустеет, но колодезь рядом, и его вновь и вновь наполняют. Прежде, во времена эстонской prosperity[411], она ставила ведра квасу.

Под вечер службу совершают под открытым небом перед Успенским собором, перед большой, очень почитаемой чудотворной иконой Успенья Богоматери в золотой ризе. Икона утопает в цветах. Над ней огромная гирлянда из розовых гладиолусов. И море народа. Вся площадь между монастырскими зданиями, вся аллея, подымающаяся к Никольской церкви, полны людей, кажется, яблоку некуда упасть. Где же это увидишь, кроме Печор!

Мы уезжали на следующее утро. Зашли с Соней проститься к о. Сергию, но не застали дома. Вечером к Дарье Ивановне забежал Тима, келейник о. Сергия, из монастыря у нее часто брали всякую хозяйственную утварь. «Как, вы не простились с Батюшкой, это нельзя, идемте со мной, я вас проведу нижними воротами, Батюшка скоро окончит службу».

Было уже совсем темно. Только шумели деревья на Святой горе, окружающей монастырь, да наверху в Михайловском соборе, к которому ведут 99 ступеней, раздавалось пение, сквозь деревья поблескивали фонари. Из-

редка где-то кричала сова. У наших ног играли котята. Мы сидели на ступеньках крыльца. Сияли звезды, далекое церковное пение успокаивало душу. И не хотелось ехать в Ленинград. По-видимому, служба наверху кончалась. То и дело стали мелькать черные монашеские фигуры, направлявшиеся в свои кельи. Пришел и о. Сергий. Мы с ним простились, он благословил Сонечку, к которой относится очень нежно, верно, она напоминает ему его умершую дочь, и поднялись наверх, в Михайловский собор. Там прикладывались к плащанице, и все пели. Этих песнопений, посвященных Божией матери, я прежде никогда не слыхала. А здесь поют и старые и молодые, мужчины и женщины. И столько веры на этих лицах.

Шли тихо из церкви по аллее из старых высоких плакучих берез, так напоминающих мне Ларино. На Соню этот вечер произвел очень сильное впечатление, и я радуюсь этому, я хочу, чтобы вера сама собой проникла ей в сердце.

Уходили мы вместе с М.М. Сорокиной и ее друзьями, профессором Поварниным с женой.

Какой чудесный человек Мария Михайловна. Прямой, непосредственный, честный, чистый и такой отзывчивый.

Семья наших хозяев Соловских состоит из вечно работающей Дарьи Ивановны 75 лет и мужа Федора Ивановича, старше ее и постоянно копающегося в огороде, и дочери Зиночки. Двое сыновей высланы.

Соловские — в прошлом богатые мещане, коренные жители Печор, у него была сапожная мастерская, сыновья служили, один из них был членом просветительных обществ, руководил хором... этого было достаточно для ареста и высылки.

Еще счастье, что они не лишены права переписки и родные могут их поддерживать посылками. Из рассказов Дарьи Ивановны я поняла, что с приходом советской власти в 39-м году чуть ли не все жители Печор подверглись аресту; выпустили, по-видимому, старшее поколение, многие вовремя успели бежать за границу.

Недалеко от нас, около самой монастырской стены, могила с крестом, обнесенная решеткой. Там похоронены двое расстрелянных.

На Ильин день я встретила в монастыре о. Андрея Чуба, высланного из Детского Села в 1935 году. Он приехал с сыном в Печоры на праздник. Мы оба обрадовались встрече, я уже не надеялась увидеть его в живых. Отпевание Аннушки, похороны — все связано у меня с ним.

На другой день он с сыном завтракал у нас и рассказал о своих скитаниях. Выслан он был в Среднюю Азию, было там очень трудно, он потерял жену. Затем перевели в Рыбинск и по истечении 5 лет освободили и дали приход в Толмачеве.

В нем нет никакого озлобления, рассказывает он с большой простотой, как будто все это мученичество и не мученичество вовсе, а самые простые явления жизни.

Один из сыновей оставался все время с отцом, хотя и был освобожден раньше, по возвращении окончил духовную академию и теперь преподает там.

Он говорит, что в Средней Азии очень силен национальный шовинизм и в особенности среди молодежи.

1 ноября. Была сейчас у Анны Петровны. От нее возвращаешься с очищенной поднятой душой, умиротворенной и просветленной.

Она была очень больна, был инфаркт в конце июля, пролежала три месяца, и сейчас большая слабость, и так страшно ее лишиться.

Больная, лежа, Анна Петровна не переставала умственно работать. Корректировала статью Сергеенко о С.В. <Лебедеве>, переписывалась с главным редактором издательства Академии художеств, которое будет издавать ее 3-й том автобиографических записок, пишет «Путь моего творчества». Сегодня А.П. показала мне акварель Сомова, подаренную ей самим К.А., и много о нем рассказывала. Я спросила, правда ли, что он был влюблен в «Даму в голубом», Мартынову. «Он был влюблен не только в Мартынову, но и в меня», — ответила А.П. и рассказала о своей дружбе с ним, о том, как в Париже, когда она училась там, Сомов жил в одном доме с ней и Владимирской, и когда получал из Ниццы от Мартыновой корзины с цветами, не открывая их, приносил Анне Петровне. Выходя замуж, А.П. пригласила Сомова шафером (из жестокости или по легкомыслию, добавила она). Он уехал за границу за два дня до свадьбы и пробыл там с полгода. Много спустя он как-то сказал А.П., что она единственная женщина, на которой он мог жениться, «но пекарь, который меня делал, плохо меня испёк»[412], — он это воспринимал трагически. До этой поездки за границу Сомов жил очень чистой жизнью, но потом закуролесил, появился Нувель... Он завел себе petit-maitre'а[413] с внешностью маркиза. Однажды на каком-то спектакле в театре Суворина[414], на котором была А.П. с Сергеем Васильевичем <Лебедевым>, Сомов пришел с этим petit-maitr'ом и сел во 2-м ряду. Юноша был сильно накрашен, и на щеках были налеплены мушки. Анна Петровна высказала Сомову при сви-

дании свое возмущение: «Вы можете делать, что вам угодно, но зачем же выносить на улицу?»

Рассказывала о вечерах у Бенуа, Бакста... Какая была замечательная среда, какая высокая культура! На этих вечерах, ужинах почти не подавали вина, никогда А.П. не видала никого хотя бы навеселе. А весело было чрезвычайно.

За октябрь я была на трех прекрасных концертах — это тоже для очищения души. Это просвет на тусклом фоне трудовой жизни, без которого я не могу жить.

В Малом зале 13 октября Бах под управлением Зандерлинга: «Бранденбургский концерт», концерт для скрипки и для фортепьяно. Был небольшой состав оркестра, казалось, что сидишь в готической церкви и льются звуки органа.

Слушала Берлиоза 21 октября «Фантастическую симфонию», а вчера Мессу Баха си минор. Я слушала и вдруг почувствовала, что по щеке катится слеза. Захотелось взлететь над тоской нашей жизни, а жизнь показалась такой маленькой, такой короткой и так нелепо прожитой.

14 ноября. Я хожу, сощуря глаза и стиснув зубы, чтобы не видеть быта нашей коммунальной квартиры, быть огражденной от этого быта, не захлебнуться. Стараюсь как можно меньше выходить из комнаты. Ночью звонил Вася. Ужасно радуюсь его голосу. Спектакль в Вахтанговском театре[415] прошел хорошо, хотя скучней пьесу трудно выдумать и тенденциозней[416]. Как я хочу Васе счастья и детям, желаю ему успеха.

7-го или 6-го шла мимо Дома Красной армии, где всегда на праздник вывешивают портреты маршалов, и даже остановилась, как вкопанная: портрет Жукова, которого уже все последние годы не было!

Какая у него великолепная голова. М.М. Шабельская тоже остановилась перед портретом Жукова, и, глядя на нас, какая-то старушка подошла к портрету и стала причитать: «Дорогой ты наш, наконец-то, где же ты пропадал эти годы?»

Мне трудно жить. У меня сейчас есть переводы с итальянского для геофизической обсерватории: статьи научные, но интересные. Надо делать быстро, надо сосредоточиться... и в то же время надо все время что-то приготовлять детям, о чем-то заботиться, вот тут и стиснешь зубы, чтобы себя не потерять.

В Ленинграде сейчас отец Сергий из Печор.

10 декабря. Боже мой, Боже мой, что мне делать, как спасти себя, не потонуть? Я прихожу в полное отчаяние. Вася с Наташей родили детей и

сбросили их мне. Вася отряхнулся и от Наташи, а я принуждена жить с этим зверем. Мне нет времени ни думать, ни писать. Сколько мне осталось жить? Год, два, может быть, несколько месяцев, и я так бездарно погибаю. Устрица окаянная. Я могла бы уехать, обменять комнату, но как бросить детей! У них нет матери. Соня уже больна девять дней, началось с повышенной температуры и болей в суставах. Я свету не взвидела от ужаса. Взяли кровь — РОЭ 40, после трех в октябре. У нее и так порок сердца, а если еще эндокардит, то ведь это же гибель. Сегодня я пригласила Фарфеля. И он, и бывшая вчера Фрадкина, ревматолог из поликлиники, успокоили меня. Фарфель удивленно сказал Соне: «Что же это твоя мама мне ничего не сказала о твоей болезни, я часто встречаю ее в троллейбусе».

Была сегодня в церкви. Только молитва меня и поддерживает. «Господи сил, с нами буди, иного бо разве Тебе, помощника в скорбех не имамы»[417].

Это верно, Боже мой.

Молебен пели молящиеся. Я как-то зашла в воскресенье вечером, был акафист Спасителю, и тоже пела вся церковь, как в Печорах. На дверях собора написано, что он открыт весь день для молящихся, кроме часа для обеда сторожей. Это новость. Стали служить лучше. Не знаю, чем это объяснить, т.е. объяснить себе, почему это разрешается властями.

В ноябре и 8 декабря в Союзе писателей были собрания секции переводчиков. На первом читались переводы стихов Musset; читал Всеволод Рождественский, Эльга Львовна Фельдман, Давиденкова и Е. Полонская, и должна сказать, переводы превосходные. Слабее других у Полонской. У меня осталось от этого вечера очень свежее и даже радостное впечатление, ощущение высокой одаренности этих людей и их большой культуры.

У меня опять нелады с сердцем. В конце ноября пролежала (конечно, приблизительно) неделю, прошлую неделю также сильные боли; зато прочла «Смутное время» Платонова[418]. Эта эпоха меня больше всего интересует и восхищает, эпоха, когда русский народ сильнее всего проявил свой государственный инстинкт, свое национальное лицо. Какую надо было иметь народную мощь, чтобы из такой бездны падения и ужаса спасти и собрать страну, собрать ополчения, изгнать интервентов, оснастить свой корабль и вывести его на широкий фарватер. И могли же говорить: improductivité slave[419]!

20 декабря. У Сони температура нормальная, ей, бедняжке, очень скучно лежать, а вставать не позволяют, кровь повторно не брали еще. Она ничего не ест, мать им оставляет на весь день картошин 12 вареных и какую-

то бурду вместо супа. Петя съедает все, а Соня ничего, и мне нечего ей дать. Пока у меня были деньги, я их кормила, сейчас я села на мель. Мои переводы с итальянского для Геофизической лаборатории очень скудно оплачиваются, примерно 300 рублей за лист. Придется жить на пенсию — 210 рублей в месяц, которую я получаю с ноября, и из этого оплачивать квартиру — 100 рублей.

В Печорах я видела такой сон: еду я с детьми на телеге где-то в деревне, и вдруг телега въезжает в глубочайшую грязь, лошади по брюхо. Ей никак не вытащить нас. Мы долго и безуспешно бьемся, наконец я выхожу на берег этой лужи, что-то делаю и направляю телегу так, что она благополучно выезжает на сухую дорогу.

Осенью уже здесь вижу другой сон: я в лодке с какими-то людьми. Они сходят на берег, а лодка отделяется от земли, и ее подхватывает быстрое, бурное течение очень широкой реки. Весел нет, ну, думаю, буду управлять рулем. Руля нет. Я несусь со страшной быстротой и знаю, что должна разбиться. Я осторожно перехожу на корму, так что нос поднимается из воды, направляю лодку на низкий, пологий берег, за которым видна канава, и моя лодка на всем ходу перелетает через этот ров и останавливается на зеленой траве.

Оба сна одного значения.

Будут ли они в руку? Удастся ли мне направить свою лодку на сухой берег? Дай-то Бог. Так хочется спасти детей.

Третьего дня была у Анны Петровны. Она уже написала три главы новой книги «Мой творческий путь». Очень огорчена брошюркой Корнилова, популярной монографией[420]. Я вчера прочла ее и считаю, что это огорчение напрасно; в популярной статье другого ничего не скажешь. А.П. обижена на то, что Корнилов не показал ей рукопись до напечатания. Я же нахожу главной погрешностью то, что помещенная на обложке деревянная гравюра Остроумовой-Лебедевой — подножье Ростральной колонны — выдана за работу Моторина.

21 декабря. ...Всякий человек да будет скор на слушание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев не творит правды Божией. Послание ап. Якова. Гл. 1, 19—20[421].

24 декабря. Я очень люблю Маргариту Константиновну Грюнвальд. Очень ценю ее благородство, чистоту души, незлобивость. Она-то уж не предаст *ни за что*. Как она любит молодежь! Я была сегодня у нее, мы много

говорили; я передала ей мнение Елены Ивановны, что с каждым новым приемом студентов она замечает все более сужающийся кругозор.

«Это неверно, — сказала М.К., — в каждой из моих групп есть по одному выдающемуся студенту. А может ли быть больше, много ли вообще выдающихся людей?»

Скольким людям она помогала в своей жизни, как доброжелательна и незлобива.

30 декабря. 28-го была в церкви, служила панихиду, долго не уходила и плакала, плакала.

Уже 18 лет моего сиротства, и я и теперь не могу вспоминать тот вечер, я внутренно зажмуриваюсь, чтобы не видеть перед глазами ту страшную минуту. Аленушка, ты бы меня не бросила, ты бы поддерживала меня, деточка моя родная. Какое одиночество, какое безвоздушное пространство окружает человека. Во время блокады я могла кричать: soeur Anne, soeur Anne, ne vois tu rien venir! Теперь некого звать, незачем звать, все потонуло в сером быту, тупом, тусклом; как вырваться из этого ила, этой тины; Аленушка, помоги мне, чистая моя девочка.

Господи, помоги. Дай мне силы, дай мне твердость.

1951

1 января. Перевалили во вторую половину века! Очень интересно, как будут нас называть наши потомки, к каким годам отнесут и как они к нам отнесутся. Говорил же Лермонтов о своем поколении, что оно не оставит «ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда»[422]. Он недооценивал; сейчас, кажется, мои современники себя переоценивают, говоря, например, о великом расцвете искусства и литературы. Может быть, сейчас накапливается потенция?

Что даст нам этот год? Что меня ждет? Что мне придумать, чтобы выплыть? Мне сказали по секрету, что кое-кто подает заявки в Гослитиздат, предлагая то или иное произведение для перевода. Советовали тоже что-нибудь придумать. Я позвонила А.А. Смирнову, хотела посоветоваться, просила указать — в каком направлении искать. «Ничего не могу сказать, — отвечал А.А., — я много раз принимал участие в составлении плана издательства, все мои предложения отвергались; чем они руководствуются, мне непонятно, поэтому никакого совета дать вам не могу».

Он невероятный трус. А вдруг узнают, что он мне посоветовал, и отвергнут? А мне в голову ничего не приходит, я слишком мало знаю литературу XIX века, а XX под подозрением. Из Публичной библиотеки изъято все, кроме классиков[423].

Мы с Софьей Васильевной Шостакович соревнуемся, кто раньше поздравит, с именинами ли или с Новым годом, и всегда ей удается меня перехитрить. Так и вчера она позвонила мне часов в пять, поздравила и рассказала, что получила нежное письмо от Д.Д. Он в Рузе[424], в Доме отдыха композиторов, и сочиняет. «Я знаю, то, что я пишу, не принесет мне ни славы, ни денег», — пишет он. Он сочиняет 24 прелюдии и фуги, 12 уже написаны[425]. Софья Васильевна ответила ему, что счастлива, у нее выросли крылья и теперь ей ничто не страшно.

Счастливая мать. Относится Д.Д. к ней безукоризненно и очень заботливо.

5 января. Я ждала трамвая у Казанского собора на пути от Белкиных. Шел первый час ночи. Трамвая не было, отошла посмотреть на Барклая, запоро-

шенного снегом на совсем розовом от инея пьедестале. Он одиноко возвышался на фоне темного неба и темного собора. Вот так мы все стоим, пришло мне в голову, стоим одиноко, окруженные мраком; мы, правда, не попираем наполеоновских орлов, но холодное одиночество то же.

Его голова высоко возвышалась над собором (я стояла близко к памятнику), и у меня даже дух захватило от ощущения этого одиночества.

6 января. У Сони третий раз взяли кровь, и на этот раз РОЭ оказалось 18. В первый раз, 6 <декабря> было 40, 20 <декабря> 44, и 4 <января> 18. 23 <декабря> к нам приехала М.М. Сорокина, очень внимательно осмотрела Соню, нашла, что у нее не суставной ревматизм. С тех пор Соня принимала гомеопатические лекарства, и за 12 дней такой результат. Я чуть не плакала от радости. Я так боялась за ее жизнь. Господь помог.

8 января. Я очень часто думаю, на чем основан культ Божией Матери? Страстный культ. В Печорах о. Пимен в проповеди говорил о том, что Божия Матерь была взята живой на небо. Каким образом, когда мы празднуем Успение ее?

Это, конечно, неважно, важно стремление человека к недосягаемому идеалу кротости и смирения. Ее жизнь была нелегкая и смиренная.

«При кресте Иисуса стояла Матерь Его и сестра Матери Его Мария Клеопова и Мария Магдалина.

Иисус, увидев Матерь, и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь Твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе». От Иоанна. Гл. 19, 25—27.

Мне представляется, что когда Иисус был арестован, семья Марии, т.е. дети Иосифа, отшатнулись от нее, может быть, даже прогнали; никого из них мы не видим у креста, она одна с сестрой. И Иисус, зная ее одиночество, зная, что она пострадала за Него, поручил ее Иоанну. Ничем другим объяснить нельзя этого поступка. Может быть, об этом что-либо написано, но я нигде не читала.

Мне так ясно представляется эта семья плотников, колена Давидова, раздраженная старшим братом, незаконным сыном, в поведении которого они видят лишь ненужное и вредное бунтарство. И охраняя себя от возможных нареканий и неприятностей, они выгоняют свою кроткую мать на улицу. А она становится Царицей Небесной.

В Деяниях апостолов ни разу нигде не упоминается о Матери Христа и о братьях его, хотя Ренан и пишет, что Яков, брат Господен, играл какую-то роль в первой образовавшейся церкви.

Бедная кроткая Мария, потеряв своего первенца, выгнанная из своего дома, принуждена была жить у чужих. Но, вероятно, апостолы, так страстно любившие Христа, окружили ее тоже любовью и заботами. Бедная женщина.

11 января. Вернулась сейчас от Анны Петровны. Она позвонила мне сегодня: «Хотите прийти ко мне, будут Курбатовы и Николай Васильевич (Синицын), будем отбирать гравюры для юбилейного альбома к 250-летию Петербурга»[426].

Курбатов — это энциклопедия Петербурга и Ленинграда; он был очень близок к «Миру искусства», к его организаторам, кажется, сам был в редакции журнала, знал всех. Синицын уговаривает его написать статью о «Мире искусства». Анна Петровна мне в прошлый раз говорила, что у нее все время мелькают мысли о статье, в которой ей хочется высказать, что привлекло ее в обществе «Мира искусства», что оно дало ей и почему она осталась навсегда ему верна.

Синицын говорит: «У нас всегда крайности в увлечениях. Настанет внезапно момент, когда "Мир искусства" будет высоко вознесен, и тогда некому будет о нем говорить. Необходимо, чтобы Владимир Яковлевич написал о нем большую статью».

Курбатов хорошо знал Философовых, жил, кажется, давая там урок, в соседнем имении в Псковской губернии. Там же состоялся первый организационный обед «Мира искусства» с приехавшим туда Дягилевым[427]. Родственник Дмитрия Владимировича Философова говорил про него, что у него есть два источника огорчений: первый — он не знает, кто его отец, тогда как все старшие братья уверены в своем происхождении, второй — его творческая бездарность.

Я встречалась с Философовым мало, но на меня он всегда производил впечатление человека infatué de sa personne (как это сказать по-русски: самовлюбленного, что ли, это не совсем то) и большого сноба.

Анна Петровна уверяет, что я первая подала ей мысль об издании альбома ее гравюр Петербурга к 1953 году, 250-летию города, что будто бы это моя инициатива! А я не помню[428].

14 января. Старый Новый год. Папины, Васины именины. В детстве в этот день всегда была елка.

В Вильне весь день визитеры, шоколад, от Лели фонтан с petits four'ами[429] от Минкевича. Сегодня оттепель, все течет, грязь. Была у Александры Васильевны Щекатихиной, было очень приятно. Она показывала много работ

Билибина, рисунки, акварельные пейзажи, театральные эскизы и иллюстрации к былинам, которые он делал до самой смерти. Последние замечательны и по композиции, и по краскам. Они оставляют далеко позади все предыдущие кнебелевские. Самая последняя осталась в карандаше и сверху, когда Александра Васильевна сняла приколотую кальку, то под калькой был нарисован крест †. Он уже был без сил, засыпал над рисунком, но когда Александра Васильевна уговаривала его отдохнуть, оставить рисунок, Иван Яковлевич ей отвечал: «Оставь, я делаю себе надгробный памятник». Пейзажи очень интересны и красивы, но суховаты.

Меня ожидал некий сюрприз. Как-то на днях я слышала, как Наташа говорила, и притом очень долго, с Славчиком Потоцким по телефону по-французски. Зная, что на это смотрят более чем косо и что Славчика обвиняют в космополитизме, я позвонила Александре Васильевне и просила предупредить об этом сына. Сегодня я сказала об этом ему самому. Он засмеялся: «Мне разрешено говорить по-французски и Наташе тоже. Она состоит в той же военной организации, что и я, все, знающие языки, взяты на учет!!!?? Как наивно».

Здорово! У меня даже мороз по коже пошел.

Куда податься?

Там была художница, жена скульптора Эллонена. В 35-м году она была в командировке за границей, в Париже, Италии, какое было счастье вспомнить святые места, мозаики Санта-Прасседе[430], форум, вилла Madama[431]... Как мне глубоко жаль молодежь, которая лишена путешествий за границу.

Теперь мне многое понятно в поведении Наташи. Очевидно, все эти ужины с приезжающими из Москвы актерами, киношниками, мхатовской молодежью — все это входит в ее служебные обязанности. Да-с!

18 января. <...>[432]

31 января. Третьего дня я была в Союзе композиторов; пригласил меня Богданов-Березовский послушать его сочинения и романсы Животова. Богданов-Березовский — бледный композитор, у Животова есть хорошие романсы, прекрасно исполненные Шапошниковым. Встречаю там Ашкенази, говорит, что на днях едет в Москву. «Передайте привет...» — «Кому?» — «Шапорину...» — «Я с ним больше не знаком, не здороваюсь. Это скверный человек, невоспитанный, эгоист».

Вот тебе и раз, была прежде страшная дружба. Оказывается, что на слова Ашкенази, что он остановился у Чулаки, Юрий Александрович громко фыркнул. (Чулаки отбил у Ашкенази жену, и та живет с ним в Москве, за-

брав и сына.) Les petits mordants[433]. Этого А.И. не может простить. Я спросила, права ли Софья Васильевна Шостакович, обвиняя Шапорина в травле Д.Д.? «Конечно права. Шапорин написал статью в “Правду”, в которой критиковал 8-ю симфонию Шостаковича. Из “Правды” звонят Шостаковичу и говорят: “Хороши же у вас товарищи, вот Шапорин изругал вашу симфонию. Но мы, конечно, эту статью не поместим”»[434].

Нравы! Это было, очевидно, до постановления Жданова, когда Д.Д. был на вершине славы, а затем та же «Правда» ругала его и остальных как могла.

Критиковать человека в фаворе, «в случáе» нельзя. Не может быть ни критики, ни полемики. Мне, например, не нравятся ни 7-я, ни 8-я симфонии, а от 9-й я пришла в восторг.

Один заказчик, один работодатель, один меценат на всю страну, и притом всякое уклонение от принятого в данный момент шаблона считается контрреволюцией. Танеев терпеть не мог левой музыки, «какая-то Равель» было его ругательным словом, а его учениками были Скрябин и Рахманинов, каждый имел свое место под солнцем.

Если бы в первые годы революции кто-нибудь вспомнил о передвижниках, его бы обвинили в кулацком обскурантизме, а теперь передвижники идеал, к которому все художники должны стремиться, не глядя ни направо, ни налево.

Вспоминаю концерт Обухова в Малом зале консерватории, кажется, в 1916 году[435]. Первой не выдержала Наталья Николаевна Римская-Корсакова и, прикрывая рот носовым платком, быстро вышла из зала. Поднялся дикий скандал, шум. Сзади нее сидел Михаил Николаевич Римский-Корсаков, засунув два пальца в рот, он оглушительно свистел. Н.И. Кульбин вскочил и бешено аплодировал, часть зала вторила ему. Я закрыла лицо обеими руками и так и сидела.

Сейчас Обухов после такого концерта был бы тотчас же арестован как потрясающий основы государства и отправлен к Makar et ses veaux. А Попов? После провала его первой симфонии, вместо благожелательной критики, которая бы указала молодому композитору его промахи, — а дело было именно в промахах, в неудачной оркестровке из стремления к новаторству во что бы то ни стало, — ему официально приписали кулацкую психологию, и «Ленфильм» получил тайное распоряжение не давать ему заказов. Этот остракизм длился довольно долго. А перед этим Попов написал музыку к «Чапаеву» и получил награду и благодарность от Ворошилова.

Так что истина — du choc des opinions jaillit la vérité[436] — для нас не существует, хотя Сталин и указал в одной из своих статей о языковедении, что необходим обмен мнений![437] У нас на каждый данный момент есть только *одно* мнение, *одна* opinion.

19 февраля. Вчера был *день* выборов в Верховный Совет, наш район избирал Д.Д. Шостаковича[438]. Дня за два перед этим приходили агитаторы и просили идти голосовать в 8 часов утра, объясняя, что все города соревнуются между собою, кто раньше закончит голосование, на последних выборах Ленинград остался на последнем месте! В университете студентам было дано задание проголосовать до 8 часов. В 8 часов утра опять пришел агитатор наведаться; Катя ответила, что все спят. Но в 9 вся наша молодежь пошла. Петя в страшной ажитации бегал по квартире и кричал: «Люди, вы уже проголосовали? Идемте, идемте скорей!» — пришел и меня будить. Соне было страшно интересно, как это выбирают, она пошла со мной, я ей передала свою бумажку с именем Шостаковича, и она опустила ее в урну.

Ночью, я уже крепко спала, как зазвенел телефон и так трезвонил, что я проснулась, подумав, что Вася из Москвы звонит. «Слушаю». — «Кто из вашей квартиры не голосовал? Как ваша фамилия? В котором часу вы голосовали?» — «В 10 утра», — отвечаю. «В котором?» Повторяю: «В 10 утра». — «Но кто же не голосовал?» — «Все голосовали». Зову Ольгу Андриановну. Она объясняет, что взяла справку, зарегистрированную у них, т.к. голосует в другом участке, где избрана в избирательную комиссию по месту своей работы.

Было 2 часов 55 минут утра!

За неделю перед этим в Большом зале филармонии вечером была «встреча Д.Д. Шостаковича с избирателями»[439]. Мне принесли билет из домовой конторы и просили непременно пойти. «Вы наша почетная гражданка, вы из композиторской среды» и т.д. Я пошла. Сразу же встретила Софью Васильевну Шостакович, и мы с ней вместе сели довольно далеко. Ее хотели пересадить в первые ряды, но она отказалась, объяснив, что сын очень стесняется говорить перед знакомыми и родными.

В президиум выбрали (т.е. они были уже наперед назначены) сорок пять человек. Собрание вела маленькая женщина с пронзительным голосом. Начались выступления. О Шостаковиче почти не говорили, так как весь пафос был сосредоточен на том факте, что Сталин дал согласие баллотироваться в Кировском районе Ленинграда. Начал поэт Прокофьев и пропел акафист. Говорило человек семь или восемь — и все на ту же тему. Наконец последний, прокричав истошным голосом славословия, заговорил о Шостакови-

че, рассказал уже спокойно его биографию, он все время повторял: «Дмитрий Дмитриевич Шостакович один из выдающихся композиторов, он выдающийся композитор», не коснувшись, конечно, совершенных над ним экзекуций («Это запрещено», — шепнула мне Софья Васильевна). Затем вышел Шостакович, грудь которого была завешана регалиями: с одной стороны болтались четыре лауреатских значка, с другой — целая масса медалей и орденов («Было так приказано», — сказала С.В.). Говорил скромно и просто, благодарил за честь, рассказал о своих поездках в Америку и Варшаву на конгрессы мира, о том, что Нью-Йорк очень грязный город, везде валяются окурки, даже на Бродвее, ему много аплодировали. После всего этого исполнялась его «Песня о лесах». Если бы я не сидела с С.В., я бы ушла; не люблю я этой вещи, да и устала от речей и от непрерывных аплодисментов. Мы только и делали во время всех этих речей, что вставали и садились, вновь вставали и бешено аплодировали. В ложах сидели какие-то молодые люди, которые, как только рукоплескания начинали ослабевать, кричали зычным голосом: «Великому Сталину слава! Ура!» — и вновь крики и рукоплескания. Глядя на аплодирующий президиум, я уяснила себе происхождение слова «руко-плескание». Шостакович, например, как-то особенно вытянув руки вперед, отгибал их в локте направо и налево и затем хлопал.

Я спросила С.В., кончил ли Д.Д. прелюдии и фуги. «Он уложил Баха на обе лопатки», — ответила она. Я не могла скрыть своего удивления и сказала: «Разве это возможно?» С.В.: «Конечно, я преклоняюсь перед Бахом, но...»

1 марта. Уже март. Время летит так, что хочется зажмуриться. Много обысков и арестов. Арестован поэт Сергей Спасский, писательница Наппельбаум. На днях доктор Екатерина Николаевна Розанова. Перед этим за неделю или за десять дней у нее был обыск. Взяли Вл. Соловьева, книгу об Иоанне Кронштадтском. У нее бывала богомолка, которая сообщила какому-то священнику, что у Екатерины Николаевны много духовных книг. После этого последовал обыск. Так говорят.

Екатерина Николаевна прекрасный доктор и большая умница. Когда Анна Петровна читала нам третий том своих записок, самые умные и острые замечания и указания делала Екатерина Николаевна.

Анна Петровна ее очень ценила. Она была всей душой предана делу, личной жизни у нее не было. В финскую кампанию она работала на фронте, ездила в поезде. Блокаду провела здесь и работала дни и ночи. Была очень религиозна, комната ее походила на келию. За что можно арестовать такого кристального человека, такого горячего патриота? Это ужасно. Понадобил-

ся бесплатный врач, вероятно. Она очень много помогала. А.П. давала ей 200 рублей в месяц, которые она целиком отдавала. Я не удивлюсь, если меня арестуют. Как говорят, ищут связи с заграницей. Я никогда не скрывала в анкетах, что у меня там братья. Этого уже достаточно вполне, хотя в апреле будет ровно 4 года, как я получила последнюю Васину открытку. Какая жестокость. И притом ненужная и вредная для них же.

Кругом болезни и скоропостижные смерти. Вавилов, Крачковский, еще целый ряд профессоров, переводчица Ксанина (Пасынкова). Ей было всего 52 года. Я ее знала еще по Петрозаводску, где она играла на сцене. Она преподавала в Институте языков и очень много переводила. Последний раз, когда я ее видела на вечере, посвященном переводам Мюссе, она мне говорила: «Просто на стену лезу от количества работы, тороплюсь с переводом “La confession d'un enfant du siècle”[440], запаздываю...»

Днем была в институте, затем ездила в магазины, дома работала, вышла в коридор, упала и, не приходя в сознание, умерла.

Вчера мне звонила Наталья Васильевна. 27-го Никита праздновал день своего рождения (34 года), были все его товарищи, Алеша, Кик, пили за здоровье «Базильчика», говорили о его одаренности, о прекрасных работах, о том, как он изменился к лучшему в новом окружении. Никита сказал Н.В.: «Знаешь, Кик теперь еще более поднялся в моем мнении, потому что он наконец оценил Васин талант».

Их дружба — Никиты, Алеши и Васи — меня страшно трогает, и дружба не только на словах. Сколько Толстые помогают Васе! Недавно еще, в начале января, ко мне днем приехала Наташа Лозинская и привезла мне 600 рублей: «Я вам так много задолжала...» — она мне задолжала, нечего сказать! У них есть средства, это так, но кто же, имеющий средства, помогает друзьям, да еще тайно. Чем больше денег, тем жаднее становится человек. «Сатанею от скупости», — говорил про себя В.Н. Лыкошин. Юрий, например.

6 марта. Сегодня ночью думала о смерти. Не с духовной стороны — смерть меня не пугает, я верю в вечность духа. А о смерти в советски-житейском плане. Это вот ужас, до которого еще нигде не додумались. Скажем, я сегодня умираю. Мою смерть регистрируют, и тотчас же жилотдел дает ордер на мою комнату какому-нибудь давно ждущему и стоящему на очереди лицу. Наташа с детьми вселяются в одну комнату. Слабенькая Соня теперь спит со мной, она ходит в школу в вечернюю смену, ей необходимо высыпаться по утрам. Куда поставить всю мебель? После выноса тела приходят новые хозяева с ордером, требуют, чтобы освободили комнату, грозят, что

выкинут все на улицу. Дети испуганно жмутся в угол, может быть, Соня плачет. Те кричат, Наташа кричит, безудержно и радостно звонит по телефону, сзывает всех подруг и мелких жидков, и начинается разгром. Сжигают весь мой «архив», все письма, рисунки, всю мою жизнь. Тащат книги продавать, звонят в комиссионные магазины, все продается, дарится, через месяц-два ничего нету, дети, как и раньше, ободранные и голодные, Наташа хлещет Соню по щекам, у Сони истерика, с сердцем все хуже и хуже...

Веселая картина.

Квартиры оставляют вдовам знаменитостей, Аствацатуровой, Петровой-Водкиной, а мы простые смертные, за людей не почитаемся.

Какое мучительное чувство — не иметь возможности обеспечить своих детей, внуков.

На этом ведь зиждется культура.

Предполагают, что Екатерина Николаевна арестована по подозрению в том, что она была монахиней. А если монахиня, значит, есть организация. А это недопустимо.

Я вспоминаю, когда мы жили в Вильно, прислуги были обычно католички, литвинки или польки. Большинство из них были «терциарки» (tiersordre), т.е. мирские монахини, или правильнее — монахини в миру. Это была католическая организация, но ее никто не боялся, наоборот, зная, что религиозный человек честен и добросовестен.

12 марта. Тетка Екатерины Николаевны носила ей передачу, — не приняли. Я недавно думала о К.К. Тверском, высланном в 35-м году, а затем сосланном дальше и пропавшем без вести. Тоже чистый, бескорыстный, прекрасный человек; Елена Михайловна Тагер, Лида Владимирова-Брюллова — разве эти люди, все горячо любящие родину, могут составить «пятую колонну», могут вредить родине? Нет, нет и нет.

После пяти скоропостижных смертей академиков возникло предположение, что теперь будут осторожнее в обращении с старыми профессорами. Но не тут-то было. На лекцию к известному и единственному у нас китаисту Алексееву был прислан тайно от него кто-то из Москвы, который стенографировал его лекцию. После этого Алексееву было указано, что он слишком много внимания уделяет старому Китаю, и его отстранили от преподавания. Он заболел.

17 марта. Я тупею. Я мучительно тупею без умственной работы. Я теряю энергию, инициативу. Я варюсь в домашней кастрюле, страдаю от этого тупо, физических сил нет, чтобы выпрыгнуть, да и как? Мне стыдно за себя. Надо

взять себя в руки. Я третий день лежу. Первый день очень болело сердце, и я решила полежать, чтобы собраться с мыслями, быть изъятой из хозяйственных обязанностей. Ведь работы у меня хоть отбавляй. Надо же привести в порядок письма, «архив», когда-нибудь и кому-нибудь это пригодится. А дома надо перемещать внимание. Да, это гораздо труднее сейчас, чем в блокаду.

20 марта. Вчера вечером я ждала трамвая на углу Введенской.

Во 2-м этаже на окне стояло растение с длинными тонкими острыми листьями. От него падала тень на окно, и трудно было разобрать, где тень, где само растенье. Тень была темнее и плотнее листьев.

У меня на верхней полке стоит моя ярославская ажурная прялка, похожая на индийскую пагоду. Она такая легкая, а тень от нее тоже, как и от цветка, и плотнее, и темнее, гуще, телеснее. Тень ярче предмета. Как это часто бывает! Вероятно, пораженный этим, Андерсен и написал свою сказку[441].

Сегодня возила М.М. Сорокину к Анне Петровне, которая совсем осиротела без Екатерины Николаевны. М.М. нашла, что у А.П. высокое давление — 220 на 110, ослабленные сердечные мышцы, плохой обмен веществ. Господи, хоть бы она подольше пожила! Я совсем душевно осиротею, если А.П. умрет раньше меня.

7 апреля. Переносить то, что Наташа проделывает с детьми, мне не под силу, это просто чудовищно. Петя болен уже три недели. Сильный кашель, температура. Неделю тому назад, в субботу и воскресенье, у него наконец установилась нормальная температура. В воскресенье 1-го была ужасающая погода: ветер, мокрый снег, грязища. Я пошла к больной Варшавской, и Наташа повела Петю гулять. На следующее утро у него было 37,9 и воспаление легких. Соня в больнице с желтухой. Всю эту неделю Наташа где-то кутила напропалую и через день не ночевала дома. Сегодня она дома и созвала знакомых, сейчас двенадцатый час, все они громко разговаривают, и Петя не спит. Это не человек — это просто двуногая особь животного мира. Она остроумна в болтовне, но мысли у нее коротенькие-коротенькие. (Сейчас она кричит Пете: «Петя, спи, я очень тобой недовольна!») Так, например, она затеяла флирт со Славиком Потоцким и объявила Ольге Андриановне: «Я принципиально решила женить его на себе!» — «Он ведь женат...» — «Ничего, разведется». Очень скоро он исчез с горизонта. «Мне здесь мужа не найти», — сказала она Ольге Андриановне.

8 апреля. Ночью, около 12, Наташа с компанией ушла, и Петя и я, мы оба заснули. Около двух часов ночи я была разбужена хохотом и голосами, Пе-

тиными возгласами у них в комнате. Это продолжалось, вероятно, до трех, после чего, так как Петя не мог угомониться, перешли в ванную (около самой двери Ольги Андриановны), где и продолжался Наташин хохот и галдеж. Было распито 2 бутылки шампанского втроем, с прогулки они вернулись сильно навеселе. У ребенка воспаление легких, повышенная температура, а родная мать не дает ему всю ночь спать. Что тут делать? Кому жаловаться?

9 апреля. И эту ночь Madame дома не ночевала; не хочу произнести то слово, которое бы ее характеризовало.

К каким я воззову угодникам! Получила письмо от Лели. Она справляла свое восьмидесятилетие. Были все дети, внуки, Вася с Соней. Все напекли пироги, все постарались, как могли. Было очень весело. Счастливая женщина. У меня один сын, и что я от него вижу? Драгоценный подарок в виде бывшей жены, которая, кроме всего прочего, еще и обворовывает меня: недавно у меня со стола пропал серебряный браслет, привезенный Васей Яковлевым из Африки. Это уже второй раз. Тогда, это было года полтора тому назад, я его случайно у нее обнаружила.

Надо перемещать вниманье!

Была на днях на выставке Е.Д. Белухи в Доме ученых. Организовала ее и все устроила Татьяна Михайловна Правосудович. Я совсем была незнакома с его работами, и, надо сказать, они меня пленили. Хороший рисунок, большой вкус, очень интересная техника и в литографии и акварели, соусе.

Мне особенно понравились пейзажи черным соусом и однотонные акварели: партизаны, улицы... Хороши иллюстрации литографическим способом. Общее впечатление от выставки — большого вкуса и внутреннего тепла.

И вот погиб, бедняга, в блокаду. Сколько талантливых людей погибло тогда: Чупятовы все, Тырса, обе Данько, Белуха, Иванишин (на фронте, так же как и Баженов), Полюта, Коновалова, Н.Н. Никифоров, — это только те, которых я хорошо знала (кроме Тырсы).

14 апреля. C'est l'image de toute l'Allemagne hitlérienne. D'un côté, les grandes réalisations: autostrades, usines claires et attrayantes, maisons modernes, fleurs et musique classique. C'est la façade. De l'autre: les camps et les prisons. C'est l'envers du décor.

D'une part, la vie apparaît dans son épanouissement, mais en même temps on découvre la servitude, l'opression ou la mort.

«Ceux qui vivent». Jean Laffitte[442].

Сегодня 5 лет, как Васина семья переехала ко мне. Сейчас положение мое из-за них совсем безвыходное. Сонечка больна, ее надо кормить, носить в

больницу через день мед, яблоки, лимоны в сахаре, печенье; каждая передача обходится около 40 рублей. Петя еле поправляется, доктор прописывает ему витамины, лимоны, его надо хорошо кормить, укреплять. Это так. 2 апреля Наташа получила зарплату, а 4-го уже заявила, что у нее денег нет, и перестала возвращаться вечером домой, сказав девочкам: мне нечего давать детям, пусть бабушка кормит! От Васи, после моей телеграммы о заболевании Сони, я получила 30 марта 200 рублей. Et c'est tout[443]. Назанимала за этот месяц 450 рублей, снесла в комиссионный магазин, бывший Alexandre, чудную мою саксонскую крюшонницу, стоит она там уже две недели без толку. Оценили ее в 300 рублей. Как выйти из положения? Сама я за эти четыре месяца совсем отощала, сижу на картошке и воде.

Но детей-то надо кормить! Бедные, бедные дети.

Горский в Госиздате уверяет, что еще не утвержден план, обещает работу. Но будет ли?

А я сегодня опять двинуться не могу, сердце болит и падает куда-то. Лежу. Очень уж устала от хождений в больницу, прогулок с Петей и т.д. Читаю всё книги d'après guerre[444], главным образом о подпольной работе во время немецкой оккупации. Jean Laffitte «Ceux qui vivent» очень интересно как документ, но это не литературное произведение, а вот «La marque de l'homme»[445] Claude Morgan и «Les armes de la nuit» Vercors — это очень сильные вещи. Так бы хотелось их перевести.

«Ce qu'ils (немцы) voulaient, c'était faire de nous des loques: une loque n'est plus rien. Mais ce que peut être la vie de celui qui a trahi ses camarades, je me le demande.

Ce n'est plus qu'une loque. La mort vaut cent fois mieux».

«Les armes de la nuit». Vercors[446].

Предательство стало у нас таким заурядным, обыденным явлением, что никто не задает себе подобных вопросов и celui qui trahit les amis[447] и не догадывается, что он une loque и что la mort vaut cent fois mieux[448]. Ему все подают руку, хотя и знают, что он предатель и подлец, что он une loque, а он, предатель, сияет, будучи убежден, что никто не догадывается и что ему так ловко удается всех обмануть. Сколько их! Как ни придешь в Союз писателей, узнаешь о новом аресте. Теперь Боронина.

Кто на них доносит, кто оговаривает? Мне кажется, ни один писатель даже помыслить не смеет оппозиционно, не то что «озвучить» подобную мысль.

Ведь мог же Бенедикт Лифшиц оклеветать в 1938 году Е.М. Тагер и взвести на нее обвинение в *терроризме*!! И этому могли поверить[449].

19 апреля. Вчера у меня был сотрудник Пушкинского Дома Александр Юльевич Вейс, он собирается написать работу о Елене Яковлевне Данько и в поисках материалов был у Оли Рыбаковой, которая и направила его ко мне. Он принес с собой письмо от Института русской литературы (дома Пушкина) за подписью М.П. Алексеева с просьбой «предоставить для закупочной комиссии Института имеющиеся у меня рукописные и другие материалы Елены Данько».

Я еще в прошлом году говорила об этом с Мануйловым и теперь была рада передать весь архив Данько в верное место. Надо mettre au net[450] свое хозяйство перед уходом. Вейс был, по-видимому, очень доволен, найдя у меня так много ценного для биографии Е.Я. Меня не то что совесть мучает, просто я не совсем уверена, надо ли раскрывать завесу над самым сокровенным, что есть у человека. Неоконченная повесть «Юность, или Ключ к характеру одной немолодой особы» (я забыла точные слова этой фразы, но смысл таков) раскрывает вполне сущность Елены Данько. Болезненное самолюбие, ревность к одаренности и красоте сестры, на которую она клевещет, острая наблюдательность, огромный интерес к умственной жизни современности — все здесь нашло свое отражение. И увлечение, любовь к очень заурядному человеку, которая так и осталась единственной на всю жизнь, свежий, зеленый росток, погибший от первого мороза. Обе сестры были однолюбами, и интенсивность их внутреннего страдания так и осталась и останется неизвестной. Бедная Наташа. Такая прелестная внешне, такая одаренная, умная, чуткая, такая счастливая в своей первой любви к Крамареву... Она уехала с матерью на лето, помнится на Волгу, а он в ее отсутствие женился на ее подруге, Магдалине Понтениус. Что она пережила тогда, бедняжка, никогда никто не узнал. Вероятно, слабым местом обеих сестер в борьбе за личное счастье была их высокая интеллектуальность.

21 апреля. Была у Анны Петровны. Туда же пришел Костенко. А.П. похудела, отеки уменьшились. Ей прислали из Москвы гранки ее третьей части автобиографических записок. «Прислали обсосанный леденец моей книги. Все сохранено, даже Коктебель, из-за которого Пикулев, главный редактор издательства Академии художеств, выдержал длительный бой с Горлитом, но все обсосано». Все похвалы Александру Яковлеву убраны, а издевательство над Пикассо также. У Пикассо на выставке в 1926 году была такая картина: холст был посыпан какой-то крупой, покрыт каретным лаком и к нему

приклеена голубая дощечка. «Я над ним издевалась, — сказала А.П., — и эти насмешки изъяты». — «Да ведь он коммунист, — объяснил Костенко, — и получил премию за “Голубя мира”». Все понятно. «И все же я довольна, — сказала А.П., — и нахожу, что появление моей книги в данный момент — явление вполне аморальное», — она расхохоталась, и мы тоже. Она чудно смеется, у нее столько юмора.

24 апреля. Мука у нас продается три раза в год по три дня: к 1 Мая, к 7 ноября и, кажется, к Новому году. Очереди стоят с ночи многотысячные.

Булки есть в больших городах, в деревнях черный хлеб пополам с мякиной. Где же мука? Ведь когда-то Россия снабжала своей мукой всю Европу и в стране мука была везде в любом количестве.

Загадочная картинка.

На нашей улице густая очередь стояла весь день от Литейной до Друскеникского переулка.

На днях ко мне заходила Клавдия Семеновна Раздольская, хочет поставить с детьми в кукольном театре Дворца пионеров «Золотой ключик» Толстого, просила дать ей текст Е.Я. Данько. Она фанатик кукольного театра, но сейчас, по ее словам, тяжело становится работать. Совсем другое отношение к работе, чем прежде. Тогда для людей это было любимое дело, работали с энтузиазмом, увлечением, не считаясь со временем. Теперь приходят в театр как на службу, поглядывают на часы... Что-то потухло в людях.

5 мая. Была сейчас в церкви у ранней обедни, пришла уже к концу. Вся церковь пела «Христос воскресе», затем «Да воскреснет Бог, Пасха, Господня Пасха, Воскресение Христово видевше...». Пели старые и молодые, мужчины и женщины, и хочется верить: «Ты победил, Галилеянин!»[451] Уходя, я смотрела на умиленные простые лица; вот они где, «простые люди» Рузвельта, ведь это он пустил в ход это выражение, которое так часто у нас повторяют, выдавая за свое[452]. Рядом со мной женский голос пел «Христос воскресе» так по-деревенски, по-бабьи, что мне вспомнилось детство, Ларино ранней весной. Деревни по очереди служили у себя молебны от Пасхи до Вознесения. Все население деревни приходило в Ларино с пением «Христос воскресе» и, взяв в церкви образа и хоругви, шло к себе в деревню крестным ходом. Шли они чинно, мужики без шапок впереди, бабы сзади, и пели «Христос воскресе» попеременно, сначала мужчины, затем женщины высокими-высокими голосами. Ранняя весна, деревья еще еле-еле покрыты почками, еще даже и пухом не зеленеют, реки уже вошли в берега, дороги об-

сохли, луга еще только начинают зеленеть, небо ясное, нежно-голубое, воздух так прозрачен, чист и свеж, жаворонки заливаются, и по всей округе далеко-далеко разносится пенье «Христос воскресе». Мы, дети, с нашими деревенскими друзьями забирались в большую лодку, стоявшую на галерее каретного сарая, и часами пели, подражая мужикам, то низкими, то высокими визгливыми голосами.

Я так и вижу: крестный ход поднимается в гору от Дымки, поворачивает к Шаболину, хоругви колышутся, пение разносится по долинам Дымки и Днепра, вдали белеет церковь Городища, за Днепром Крюковская. Какое счастье, что у меня все это есть в прошлом. Какое скудное детство у Васи, у моих внуков.

7 мая. Позвонила Е.В. Андреева, сообщила, что вчера в Москве умерла Татьяна Руфовна Златогорова. Вот уж подлинно трагически несчастная была женщина. Ее муж, известный профессор-микробиолог, был арестован, когда было гонение на всех микробиологов (тогда же был выслан и Маслаковец, который и умер в ссылке). Он заболел в тюрьме, его освободили, чтобы только дать умереть в больнице «на свободе». После смерти его реабилитировали, назначили вдове пенсию.

В прошлом году арестовали единственную дочь Татьяны Руфовны Златогоровой, что с ней, неизвестно. Т.Р. никогда не говорила о своем горе. Видимо, рана была слишком болезненная. Анна Петровна даже обижалась на нее немножко за это, мне же это очень понятно: даже любящая рука не должна касаться таких ран. И вот теперь она умирает в полном одиночестве.

Т.Р. болела, у нее было белокровие, ее лечил проф. Ипатов рентгеном, ей стало лучше. Вдруг прошел слух, что изобретен новый способ лечения белокровия и пользуются им только в одной из московских больниц. Способ новый, непроверенный...

И вот Ел.Вл. Андреева, как смерч, налетела на Т.Р. и положительно насильно увезла ее в Москву. Та мне говорила перед отъездом: «Ел. Вл. не женщина, а вулкан; я не в силах противодействовать ей». Там ей стало все хуже, питанье было плохое, и вот конец.

Как можно старых больных людей тревожить, переносить в новую обстановку, далеко от близких ей людей?

И каким малодушным мне показалось мое стенанье, жалобы на свой быт, «где женщина, весь день дыша разладом, Тревожит жизнь докучно-мелким ядом» (Огарев)[453].

На первый день Пасхи ко мне зашла Анна Андреевна. Сын выслан в Караганду. Она одна в пустой квартире, так как дочь Пунина в больнице, девочка у знакомых. А ей было так плохо, что она и вставать не могла.

До нее дошел слух, что над Борониной состоялся суд и ей дали 25 лет. Что надо сделать, чтобы заслужить 25 лет каторжных работ? Так каралось цареубийство. А теперь? Мне рассказали, что 70-летняя теща актера Симонова высылается в Сибирь за то, что в молодости была социалисткой-революционеркой[454].

11 мая. Как странно создан человек. Обедала у Натальи Васильевны с Г. Поповым и Митей с женой. Гаврик бранил Юрия Александровича, говорил, что он недружелюбно относится к товарищам, некрасиво себя ведет в сталинской комиссии (по присуждению премий), вообще очень изменился к худшему. Я бы должна была злорадствовать, а мне как-то больно за него, хотя я очень хорошо понимаю, что и Васе он никак не помогает получить работу, а мог бы! Меня огорчают эти слухи.

13 мая. Была у меня вчера А.А. Как силен дух у русского человека, в особенности у русской женщины. Тебе отмщение, Господи, но Ты воздай.

Сегодня было отпевание Татьяны Руфовны. Ее в Москве кремировали, Елизавета Андреевна привезла сюда урну с ее прахом, чтобы похоронить в одной могиле с мужем.

Я узнала от Е.А. причину ареста ее дочери: она была замужем за американцем из американского посольства в Москве. Вышла она за него замуж (после эвакуации) с разрешения властей, официально[455]. Через пять месяцев он скоропостижно умер, узнав по телефону о смерти своего отца. С тех пор прошло уже несколько лет, она была уже замужем за другим; отношения с Америкой изменились — и вот последствие. Арестована за связь с заграницей, хотя связь эта давно умерла.

После всего того, что я слышала после панихиды, я в угнетенном состоянии. Какие-то горы лежат на плечах, давят на сознание.

11 июня. ...Trop de choses le sollicitaient dans la vie! (Paul Vaillant-Couturier. Enfance)[456].

Вчера праздновали 80-летний юбилей Анны Петровны, а накануне я побывала на ее выставке; уже второй раз, т.к. была на открытии. У нее прекрасные вещи, особенно мне нравятся кроме любимых «Горбатого мостика» и «Тумана на Стрелке» Голландия и Финляндия. Есть один восхитительный подкрашенный рисунок, сделанный в Финляндии, «пейзаж сквозь зелень»,

тончайшее впечатление подмеченной природы. А рисунки! Упорная целеустремленность, прямой, ровный, восходящий путь.

С выставки я зашла в Румянцевский сквер[457], села на скамью, вспомнила свою разорванную жизнь и с трудом удерживала слезы. Лучше не вспоминать, лучше не думать.

18 июня. Несчастные мои внуки. При живых матери и отце у них нет родителей. Настало лето, ни у кого ни малейшей заботы о даче, о чистом воздухе для детей. Наташа 15 мая была уволена из Горного[458], а 16 мая принята в Александринский театр на должность заведующей костюмерной частью, причем это место еще занято, а она помогала в бутафорской. (Вероятно, она просто секретный сотрудник МВД!) Оклад 1000 рублей! Театр должен был ехать в июне на гастроли в Киев. Она заявила, что берет с собой Петю. «Что же он будет там делать?» — спрашиваю. «То же, что и здесь, бегать по улице». Да, бегать по улице и смотреть на материнское распутство.

И тут, как Deux ex machina[459], спасительницей опять явилась Наташа Лозинская. Я была у них, чтобы поздравить с новорожденной девочкой. «Разве вы не помните наш январский договор? Я же вам сказала, что лето Васиных детей будет обеспечено».

Петя отправлен 6 июня через местком писателей, к которому я прикреплена, в пионерлагерь, и я хлопочу, чтобы он там остался на две смены, т.е. на все лето. Это будет стоить около 1000 рублей.

Наташа (наша) уехала 9-го, не оставив Соне *ни копейки*, ей нужно было одеться! От Васи я получила 250 рублей — курам на смех.

Сонечка такая бледненькая, усталая; я ездила с ней на острова, ходим в Таврический сад, но ведь это даже не палиатив.

В Гослитиздате какая-то сумятица, договоров на переводы ни с кем не заключают; отчаяние мной овладевает, полное отчаяние.

19 июня. Сегодня позвонила мне Татьяна Борисовна Лозинская и передала, что Наташа (Лозинская) оставила ей для меня 2000 и просит непременно вывезти Соню из города. Я протестовала. Ведь всему же есть границы, нельзя же пользоваться бесконечно Наташиной помощью, у детей есть родители, дед, которые обязаны подумать о ребенке. «Вы должны взять эти деньги для Сонечки, Васе так трудно».

Я не могла говорить, я чувствовала, что сейчас расплачусь, и после разговора долго и горько плакала. Почему, не знаю. Тут была и горькая обида на Васю, Наташу и Юрия Александровича, и умиление перед добротой и благородством Толстых и Лозинских, и боль за свою беспомощность. При

живых родителях дети сироты. Ни мысли о них, ни заботы. Вася с новой семьей переехал на дачу, а Соня? Я ему написала, чтобы он достал мне во что бы то ни стало тысячу рублей на расплату с долгами, чтобы я могла выехать. Эх, не стоит об этом думать. Надо что-то изобрести.

23 июня. Характерный или, вернее, характеризующий некоторых людей случай. Переводчица А.П. Зельдович чуть ли не год, а то и больше вела переговоры с Жирмунским об обмене квартирами. Жила она с семьей в этой квартире около 40 лет, но решила менять, т.к. ее напугали, что к ней могут вселить кого-нибудь. И вот, когда уже все было решено, ордера на обмен были на руках, выяснилось, что вселить постороннего к ней не могут, и она отказалась от обмена. Надо сказать, что Зельдович совершенно больна, она за эту зиму очень исхудала, побледнела и находится в каком-то истерическом состоянии.

Взбешенный Жирмунский заявил ей, что он напишет об ее ужасном поступке в «Литературную газету» и во все литературные организации, поедет в Москву и пожалуется ее сыну.

Ей также позвонил Александр Александрович Смирнов, назвал ее поступок аморальным и посоветовал одуматься, пока не поздно! Не доводить дело до катастрофы! Этакие подлецы. Они могут свести в могилу эту несчастную женщину.

Жирмунский, с его жабообразным лицом, мне всегда казался очень грубым и антипатичным.

5 июля. Евреи договорились. К А.П. Зельдович начали вселять каких-то людей, и она тотчас же пошла на попятный и вновь предложила Жирмунскому обмен. Но он нашел уже что-то другое. К ней начали вселять людей, она заболела и попала в больницу.

Мне на всю жизнь врезалась в память одна картина из еврейского быта. Дело было в Витебске летом 1922 года, когда там гастролировал драматический театр, в котором я работала художницей.

Я шла по улице и услыхала откуда-то несшийся ужасающий еврейский галдеж. Казалось, что где-то дерутся не на жизнь, а на смерть. Иду дальше, крики становятся явственнее, и я вижу в полуподвальном этаже трех или четырех евреев, истерически кричащих друг на друга, размахивающих руками, ну вот-вот вцепятся в волосы один другому. И вдруг сразу успокоились, сели и мирно продолжали разговор.

Много шума из ничего.

Точь-в-точь примус.

7-го едем в Печоры.

18 сентября. 28 августа мы вернулись из Печор. Дорога была ужасная, вместо девяти мы ехали тридцать часов, и я легла костьми; ночь просидели в Москве на вокзале; в Луге четыре часа под липками.

28 сентября. Так и лежу до сих пор, сердцу не лучше, а хуже, потому что вставала, устраивала Петю во Дворец пионеров, была у Анны Петровны. М.М. Сорокина нашла, что у меня сильно расширилась аорта, в сердце новый шум, лежать надо. Лежу, пишу и читаю. Принялась за Бунина. В Печорах прочла и раза два перечитала его «Окаянные дни»[460], дневник 17, 18, 19-го годов, уехал он за границу в 20-м.

Меня поразила истеричность, чисто женская, даже бабья истеричность этих заметок. Он воспринял революцию и все события, сопровождавшие ее, как «начало тяжелой болезни с бредовыми кошмарами»! Он собирает все слухи, сплетни, то приходит от них в отчаянье, то принимается надеяться — то на немцев, то на французов...

Сейчас я прочла его «Деревню»[461]. Революция — прямой ответ на нее. К чему же истерические вопли, к чему надежда на французов, немцев, занявших юг? В «Окаянных днях» он приводит слова Л. Толстого: «Вся беда в том, что у меня воображение живее, чем у других» — и добавляет, что у него та же беда.

И вот, мне кажется, что благодаря этому повышенному воображению он ни в деревне не нашел ни одного положительного типа, ни одной живой души, к которой следовало бы присмотреться, ни к революционному гротеску не захотел прислушаться.

Я вспоминаю наших мужиков. Эпоха та же, начало века, 1905 год. Я не вижу там глухой тьмы, описанной Буниным. Его Дурновка недалеко ушла от «Подлиповцев»[462].

Наш Карпо, шатиловский Лазарь, Гаврила Петров, сам Петр Степанович, бывший крепостной. А как работали! У нас не полутороаршинный чернозем, а смоленский суглинок. И работали мужики от зари до зари. Правда, про Петра Степановича говорили, что он первую жену убил: ударил, а из нее дух вон.

А помещик Энгельгардт, влюбленный в Смоленске в какую-то светлейшую княгиню, ехал с женой из Смоленска в Москву. Пошли ли они в вагон-ресторан, неизвестно, но при переходе на ходу поезда из вагона в вагон жена упала с площадки под поезд и была раздавлена. Когда ее нашли, в ее руке была зажата его запонка с куском манжеты. Историю замяли. А что делало дворянство и правительство, чтобы внести культуру в деревне?

У меня сохранились переписанные моей матерью, очевидно из газеты «Temps», которую она получала, следующие слова великого князя Николая Михайловича на конференции в Петергофе по поводу Конституции от 28 августа 1905 года[463]: «Où sont mérites de la noblesse? Elle a sucé les paysans jusqu'a la moelle sans leur donner la moindre culture. Tous les postes bien payés de l'état, la noblesse se les a appropriés pour apporter partout le désordre par sa négligeance. Ce sont les nobles qui sont cause de l'état actuel de l'Empire. Il n'etaient là que quand il s'agissait de recevoir des prébendes. Dans ces conditions on ne saurait vraiment parler d'un mérite de la noblesse»[464].

Я вспоминаю рассказ о помещице Мясоедовой, которая, обладая большими средствами, открыла школы, больницы, сама много делала для крестьян, читала им Евангелие, объясняла. Администрация (царская) закрыла школы и приказала прекратить чтения, якобы вносящие крамолу.

Теперь в колхозе и Серого из Дурновки заставят работать.

Но только одно теперь ясно: крестьянство не приняло колхозы. Без бунта, без восстаний — просто ушло из деревни, оставив в ней стариков и старух. И старухи стали уходить. В сельсовете, где жила Катина мать, было постановлено: всем, проработавшим меньше 25 дней в месяц, сбавлять пять трудодней в месяц. А где же старухе проработать весь месяц? Она и переехала в Белозерск к сыну и избу перевезла.

Я помню, читала сама в газете весной 1922 года: Ленин издал новый аграрный закон, по которому крестьяне могли выходить на отруба, положив в основу так называемый «Столыпинский закон», так было написано черным по белому[465]. А как крестьяне приветствовали этот закон, когда Столыпин проводил его в жизнь. «Мы свет увидели, людьми стали». Жизнь в общине смахивала на жизнь в коммунальной квартире — ссоры, дрязги, зависть. А теперь несчастных вселяют по несколько семей в большие дома, чтобы и воспоминание о самостоятельности исчезло.

До революции с помещиками происходило то же, что сейчас с крестьянами: молодежь уходила из деревни. Сельское хозяйство в центральной и северной части России требовало больших забот, доходов не давало.

Но что у Бунина бесподобно — это описание природы. Среди его истерических воплей по поводу революции как бриллианты рассыпаны картины весеннего неба, заката... так не припомнишь, но остается впечатление драгоценностей, высокого мастерства.

4 октября. Как-то зашла ко мне К.И. и рассказала будто бы действительно бывший факт. Эренбург и писательница-еврейка (я забыла фамилию)

были у Сталина и говорили о гонениях на евреев, растущем антисемитизме. «Погромы есть? — спросил Сталин. — Погромов нет, ну и будьте довольны».

5 октября. Сегодня вернулась из Москвы Елена Ивановна, съездившая на один день, чтобы передать в Министерство высшей школы какой-то документ. Она повидала сестру и Васю и рассказала с Васиных слов, что бедному Юрию Александровичу очень плохо живется. И жена, и сыновья издеваются над ним, держат его в черном теле. Александр Федорович, например, так и высказывается: пора бы этого старика вон из квартиры выгнать, ведь квартира-то на мое имя, да, пожалуй, замерзнет еще на улице. Никто у них не бывает, Юрий ходит с тусклыми глазами, оживляется с приходом Васи, с которым он хоть поговорить может. Tu l'as voulu, Georges Dandin! Женился на тамбовской мещанке, еще в Петрозаводске провозгласив: долой интеллигентных жен! Вот и получай, что заслужил, жни, что посеял. Мне его искренне жаль. Человек талантливый, блестящий собеседник, любящий общество, умевший и любивший принимать (Детское Село), оплеван некультурной, некрасивой и неинтересной бабой.

Это все маниловщина с моей стороны: когда я вспоминаю его равнодушие к умиравшей Аленушке, равнодушие к Васе и внукам, хочется сказать: поделом вору и мука. Лучше прошлое не вспоминать. И настоящее не малина: устроив Петю во Дворец пионеров по классу фортепьяно, я написала Юрию, что ввиду Петиной музыкальности я нашла нужным обучать его музыке. Учительница и плата за прокат рояля будут стоить 120 рублей в месяц. Так как я живу только на пенсию (210 рублей), то прошу присылать мне 150 рублей в месяц. Ни ответа, ни привета вот уже целый месяц.

7 октября. Погрома нет, но избиение есть, причем, как и в прежних погромах страдала еврейская беднота и голь, так и теперь страдают божьи коровки.

Во главе Гослитиздата Горский и главный редактор западного сектора Трескунов — оба евреи, а дело это ответственное и, казалось бы, должно находиться в русских руках.

А вот Вера Ананьевна Славенсон почти лишилась работы и нигде не может ничего подыскать. У нее 30-летний педагогический стаж, она историк, музейный работник, с 46-го года она преподает в художественных ремесленных училищах историю искусств. Человек она очень образованный, опытный, сердечный, прекрасно относящийся к ученикам, скольким она помогала всячески матерьяльно, и вот теперь почти на улице «по национальному признаку или пятому параграфу»[466], как теперь принято говорить. Еще

В. в прошлом политический эмигрант, издавал за границей журнал. Студент, переписывался с Лениным, который давал статьи для журнала. Вернувшись после революции в Россию, он все время работал. Последнее время он профессорствовал в Технологическом институте. Весной его сократили. И куда только он не обращался за работой — посмотрят анкету и отказывают. В аспирантуру евреев не принимают. Теперь евреи находят, что законы, касающиеся еврейского вопроса, при старом режиме были куда лучше хотя бы уже тем, что были официально известны.

9 октября. Сегодня была у Анны Петровны. Первый мой выезд после последнего двухнедельного лежания.

Выставка в Москве прошла с огромным успехом, гораздо большим, чем у нас, и была устроена гораздо лучше[467].

А.П. когда-то подарила Тамаре Александровне Колпаковой свою акварель «Суслоны», писанную в Борке у Морозовых, и совсем забыла, у кого находится. Это очень любимая ею вещь. Увидала ее на выставке. Она мне рассказала, как писала ее. Освещенные закатом снопы были удивительного золотистого цвета. «Пишу желтым — грубо, потушу — серо. Я долго билась с огромным увлечением. Мне казалось, что мое сердце на конце кистей».

Это замечательный художник, художник до мозга костей. У нее трясется правая рука. Когда она пишет или рисует, дрожание прекращается. Почерк совершенно твердый.

Погода стоит чудесная, и А.П. почти каждый день ездит то на острова, то в Михайловский сквер в сопровождении племянницы Зинаиды Евгеньевны и начала рисовать. Счастливая женщина. А.П. это сознает. Дней через десять после приезда в Ленинград, когда мне стало немного лучше, я поехала к ней в Ольгино[468]. Застала А.П. в постели, они обе с Нюшей немного отравились какими-то грибами.

«Вот видите, какая я счастливая, — сказала А.П., — я получила два больших письма от Синицына, а лежа читать не могу. Вы приехали и прочтете мне. И всегда так бывало в моей жизни». Письма Синицына — это целые брошюры в легком картонном переплете[469]. Эти письма касались: первое — подготовки выставки, второе — торжественного открытия ее. В нем было 47 страниц небольшого формата.

Синицын — бывший деревенский пастушонок. Ему лет 36. Это человек выдающихся способностей и исключительного ума, глубокого и тонкого понимания искусства. Прямо диву даешься, читая его письма, там встречаются орфографические ошибки, но слог прекрасный, в его письмах, как и в

его жизни, какая-то бурная целеустремленность. Года 4 тому назад [с 1946 года] он начал учиться у А.П. гравюре. Стал присылать свои работы. А А.П. тотчас же писала ему все свои замечания и указания. Последние его вещи: портрет гравера Усачева в красках и дворец в Царицыне, очень романтически взятый, — великолепные вещи.

14 октября. Soeur Anne, soeur Anne, ne vois-tu rien venir? Силы иссякают.

Тогда считать мы стали раны, Товарищей считать...[470]

Мне кажется, наступает, настало уже время считать раны, а то они загноятся и дело кончится гангреной. А товарищей все равно не счесть.

28 октября, 1 час ночи. Вернулась из Союза писателей, где состоялось открытие клуба; ждали из Москвы Назыма Хикмета, но он заболел и не приехал, а т.к. вечер был посвящен миру, то все молодые поэты прочли свои стихи, по большей части плохие, талантливее всех М. Дудин, у него свежесть, молодость и искренность.

Затем был концерт, последним играл Ойстрах. Он играл много и между прочим сыграл Хачатуряна «Танец девушки» из балета «Гаянэ»[471].

Я вспомнила, как у нас на елке, на Кировском, была Вета Дмитриева (Долуханова). Мы сидели при свете елочных свечей, был полумрак, Вета сняла туфли и протанцевала какой-то грузинский или армянский танец, кажется хантажму. Это было чудесно. Она была так красива, пластична, так прелестна, и вот как в воду канула; прошло с тех пор столько лет! Есть слухи, что она умерла. Одна, вдали от дочери, матери, всех близких.

Какой это ужас.

И никто, никто голоса не подымет. Люди тонут, и над ними смыкается вода. Словно в открытом океане.

Вот теперь и от Елены Михайловны Тагер нет вестей после того письма, в котором она прислала мне свои прекрасные стихи.

6 ноября. Десятая годовщина того дня, когда в госпиталь глазной лечебницы упала бомба. Десять лет — уже десять лет, а помню как сейчас и словно родных встречаю тех, кто работал тогда вместе со мной: Розу Сирота, Ниночку Иванову.

Обедала на днях у Натальи Васильевны. Передала ей свои впечатления об «Окаянных днях» Бунина, прочла кое-какие выписки из этой книги.

Толстые уехали за границу в 18-м году через Одессу и там видались с Буниным. Он очень остро и истерично воспринимал революцию. Чтение газет по утрам приводило его в исступление, жена отпаивала его валериано-

выми каплями и всячески старалась отвлечь его внимание. Во французах он видел спасителей.

Он сидел в ресторане, когда туда пришли французские офицеры и заняли столик. Бунин встал, подошел к ним и низко-низко поклонился им.

В революции он видел гибель России.

Узнала, что Екатерина Николаевна Розанова осуждена «по суду» на 10 лет ссылки, священник по этому же делу — на 25 лет. За что?

18 октября приезжал Вася, пробыл у нас три часа, от поезда до поезда, ехал в Сортавалу[472] оформлять спектакль.

Обрадовалась я ему страшно, но еще сильнее заболело о нем сердце. На висках седые волосы, вся левая сторона рта без верхних зубов, не может удосужиться вставить их. Я считаю его очень талантливым, а работы почти нет.

Вася застал меня с Петей дома. Соня была в школе. В два часа я пошла за ней и попросила разрешения ей уйти домой повидаться с отцом. Она, коекак надев пальто, помчалась домой. Когда я пришла и открыла дверь в свою комнату, я услышала, что Вася плачет. Я потихоньку закрыла дверь и ушла, оставив их одних.

10 ноября. Как у нас притупились нервы: сейчас, вынимая с полки книжки «Русской старины», я взяла поставленную сзади тетрадь, подаренную мной Александру Осиповичу, и стала читать его заметки — спокойно, без содрогания. Тетрадь расстрелянного ни за что человека. Наши нервы обросли изоляционной лентой.

8 ноября в 5 часов утра умер Белкин. Был инфаркт, он пролежал месяц и не перенес третьего припадка.

11 ноября. Были похороны. Его тело было перевезено в училище Штиглица, там была гражданская панихида. Говорили речи тепло, хорошо. А я вспоминала Париж 1907 и <190>8 года, его светлую маленькую мансарду где-то около Luxembourg'а[473], он угощал меня сыром petit gervais[474] с круассанами.

Как-то вечером мы танцевали с ним мазурку вдоль Boulmiche'а[475], чтобы позлить моего поклонника Мышенкова.

Поездка целой компанией в Медонский лес[476]: Лена Борисова-Мусатова, Фатя Аккерман, у меня сохранились фотографии. Назад ехали на империале омнибуса, и Белкин пел нам чудесную Верхотурскую песню[477]:

На заре, на зореньке,
В пору, в пору вещих снов...

Было ему года 23 — он был простодушный, чистый юноша и вел в Париже монашескую жизнь, влюбленный в свою жену, оставленную в Москве.

Их было двое: Бенжамен Белкин (как мы его звали) и Миша Широков, который был еще моложе. Широков казался талантливее, глубже... Может быть, в России из него и вышло бы что-нибудь, кто знает.

Белкин, возвратясь в Россию в <19>09 году, нашел пустой очаг — жена ему изменила. Это горе, увы, не прошло ему даром...

Он очень много работал, всю жизнь работал и все время рос. Между тем, что он делал в 28-м году, и тем, что теперь, огромная разница, огромное движение вперед. Я больше всего люблю у него пейзажные рисунки и небольшие пейзажи акварелью с гуашью. Графика хороша.

И вот весь свиток его жизни развернулся передо мной, и — могила.

Верочка одна. Она героически выходила его в блокаду, в 1949 году, когда ему была ампутирована нога, как она кротко переносила его резкости, как обожала его. Они жили душа в душу и, как мне кажется, только друг для друга.

В нем иногда, именно по отношению к Вере, нет-нет и прорвется верхотурский лесопромышленник. От нее он не терпел противоречий, возражений, она все сносила, обращала в шутку. Перед самой смертью он все повторял ей: «Не отходи, не отходи».

17 ноября. Мне хочется встать на площади и кричать из последних сил: «Спасите, кто в Бога верует». Куда податься, как спасти себя; на меня надели хомут, накинули аркан и затягивают все сильнее. Наташу уволили из Александринки 15 ноября, уволили после ее скандальных препирательств в ГКХ[478], и вчера она мне заявила, что с сегодняшнего дня она работает в Комедии (художником-исполнителем) с 9 <до> 5 ½, а с 6 в Театральном институте до 9 или 10. «Спрашивайте с вашего сына, я не могу надеяться на его помощь, а на 600 рублей мне не прожить...»

Что мне делать, что делать, бросить детей, обменять комнату, уехать от них... но они погибнут. А мать — ее же нету.

Soeur Anne, soeur Anne...

Если бы мне получить большой перевод, я взяла бы прислугу.

Надо же архив довести до конца, а то умрешь и ничего не останется.

9 декабря. Сегодня я решила отдохнуть душой; с утра пошла в церковь и воспрянула духом.

Потом была в Русском музее, осмотрела с самого начала до Левицкого включительно. В Третьяковской галерее иконы лучше, здесь, пожалуй, кроме рублевских апостолов, особо хорошего ничего нет, С. Ушакова не люб-

лю и возмущена тем, что чудесного голландского Спасителя из домика Петра Великого приписывают этому слащавому художнику.

А вечером была в Доме Красной армии, где играли Юдина и Ойстрах. На бис М.В. сыграла «Rondeau à la turc»[479] Моцарта. Эта вещь и 7-й вальс Шопена мне всегда болезненно напоминают юность, Ларино, Надю Верховскую. Вечер, темные окна, гостиная освещена лишь светом из столовой. Надя играет, а я сижу, поджав под себя ноги, на широком диване и слушаю, слушаю.

Играла она очень хорошо, и голос у нее был чудесный.

24 декабря. 22-го мне минуло 72 года. Оторопь берет, когда подумаешь, какое количество лет за спиной, какую тяжесть несешь на плечах, а дела никакого.

А положение мое сейчас такое, какое было мне предсказано в моих прошлогодних вещих снах: моя телега est embourbée[480], все выше оси, на моей лодке нет ни паруса, ни весел, ни руля. У меня нет работы, и меня лишили пенсии. В конце ноября Анна Петровна прислала мне 500 рублей, все пошло на Васю и детей, он обещал вернуть — и только.

Что делать, что предпринять, что придумать? В 18-м году, когда я организовала кукольный театр, это было легко сделать, все были охвачены пафосом творчества, все талантливое и интересное принималось и поддерживалось. В 34-м году мне помог Толстой вновь устроить театр. А сейчас? Если люди и охвачены чем-то, то только страхом, как бы чего не вышло.

Говорят, П.Е. Корнилов на лекции студентам Академии художеств, говоря о группе «Мир искусства», хвалил многих художников и сказал, что в будущем они еще найдут себе оценку. Некоторые студенты выступили против него, а через день Корнилову было предложено подать в отставку!

Что это — не аракчеевщина? Аракчеевщина.

Куда податься, что придумать? Что предпринять? А надо. А сил мало. Подала я в издательство «Искусство» заявку на небольшую монографию «Н. Данько» в 1½ — 2 листа к десятилетию со дня ее смерти (18 марта 52-го года). Сколько человек сделал для завода, долго тянул Анисимов, наконец отказал: Москва, дескать, сократила их план.

21 ноября приехал Вася из Мурманска, остановился у Алеши Бонча, виделись мы каждый день, кроме воскресенья, когда Никита катал его по окрестностям. Заговорил с Наташей о разводе. Поднялась такая ругань, что хоть святых вон выноси, и все это при детях.

Что она только не говорила, как не кляла наше «подлое семейство». На это я только сказала: «Благодарю вас, Наташа». — «Я вас не причисляю к этому семейству, вы от них сами много подлости видели», — ответила она.

Вася уехал 14 декабря. Был утром у меня и должен был заехать вечером проститься. Ко мне прибежал Петя, спрашивает: «Приедет ли папа, я так хочу с ним проститься?» А когда Вася вошел к ним в комнату, Наташа заявила: «Тебе здесь не место, и дети не хотят с тобой прощаться». Вечером, когда мать ушла, Соня долго и горько плакала: «Я так хотела с папой проститься, а мама на нас кричала, зачем мы сами не сказали папе, что не хотим с ним прощаться».

Я еще до сих пор чувствую себя медленно выздоравливающей после того времени, словно я перенесла тяжелую болезнь.

26 декабря. Была в Союзе писателей и вышла на Неву. Пасмурно и туманно. Серебрится сизо-перламутровая река. Троицкий мост в тумане, а крепость легкая, голубоватая; небо сизое, сбоку наплывают прозрачные закатные малиновые облачка и отражаются в свинцовой воде. Все в одной гамме, от светлого перламутра воды и того берега, до сизого туманного моста.

Вася заметил, что в Ленинграде небо никогда не бывает чисто серым, всегда есть лиловый, синеватый оттенок. Именно сизый, как сизый голубь. Да, этот удивительный сизый тон, который так хорош у Анны Петровны.

Я медленно шла по набережной, упивалась этой красотой и думала. Да, я дошла почти до нищеты, и даже впереди ничего не предвидится, и все-таки я счастлива тем, что живу в одном из самых красивых городов мира.

Но все же тяжко на душе, и даже очень.

На днях заходила Маша Тагер. На лето она ездила с девочкой к матери. А теперь писем больше от нее нет, и высланные ей деньги вернулись обратно. Весной Е.М. вызывали в МВД и расспрашивали про Спасского (арестован прошлой зимой). Ну откуда она, пробывшая 10 лет в ссылке и прожившая после того еще 3 года в Бийске, откуда она может что-нибудь знать о Спасском, не покидавшем Ленинград? Очевидно, ее опять выслали, т.к. Бийск становится центром большого строительства. Несчастная женщина. К 56 годам она, по словам Маши, полный инвалид.

1952

3 января. Вот и Новый год. Я мучительно ощущаю, как теряю самою себя. Надо все время натягивать свою узду и пришпоривать себя, чтобы не впасть в полное отчаяние. Я уже принялась за самовнушение по методу доктора Куэ, это помогает, так как заставляет сосредоточиться. Самое главное для человека — возможность сосредоточить свои мысли. Я с удовольствием вспоминаю свою болезнь в начале 50-го года, когда я пролежала три месяца, разбирая свой «архив», то есть старые письма всей нашей семьи, и вспоминая первые годы революции. А с тех пор — пустота. Мне даже нет времени писать дневник. Хочется рисовать, писать, а надо шить Соне пальто, платье школьное я уже ей сшила, переделывать пальто Пете, рисовать для Васи костюмы к «Дворянскому гнезду»: получаю на днях от него телеграмму: «Буду 3 приготовь карандашные. Вася». Сегодня 3-е, а об нем ни слуху ни духу.

Встретила я Новый год дома, приезжала на три дня Евгения Павловна из Пикалева, привезла муки, творога, напекла вкусных пирогов, были Мара и Галя, их приятели и приятельницы и Соня с Петей. Было тепло и весело. А у меня лежал камень на сердце: я не отслужила панихиду по Аленушке. 28-го не было денег, и только 1-го я пошла в церковь. Священник хорошо служил, а пели молящиеся, пели очень хорошо. Я всегда удивлялась тому, что совсем молодые женщины так хорошо знают и слова, и напевы молитв.

Помолилась, и легче стало.

Девятнадцать лет прошло.

4 января. Тамаре Александровне вчера срочно предложили очистить дровяной сарай, чтобы в одну ночь приготовить бомбоубежище! Господи, да минует нас чаша сия.

11 января. Накликала, так уж накликала. Ночью на пятое разболелось горло и начался грипп. Ломало все кости, казалось, что кожу сдирают, — одним словом, обычное гриппозное недомогание. И хотя все это, конечно, очень неприятно, но полежать несколько дней в теплой постели очень успокаивает нервы.

Получаю на днях телеграмму от Сони: помолитесь за нас, будем звонить 9-го. Никакого звонка до сих пор, а я целую ночь с 9-го на 10-е не спала от

беспокойства, разболелось сердце настолько, что я не смогла вчера пойти на очень интересный вечер в Союзе писателей, на котором должны были чествовать приехавшего турецкого революционного поэта Назыма Хикмета.

Когда я читаю в газетах, что американцы вербуют турок в войска Атлантического блока, я всегда вспоминаю, что в 1953 году пятисотлетие со взятия Константинополя турками и что неплохо было бы ради юбилея отобрать Царьград у басурман и водрузить крест на Ая-Софию[481].

Это в плане мечтаний. А в плане наблюдений меня удивляет, как мало проникли в гущу молодежи бесчисленные песни Блантеров, Прицкеров, Соловьева-Седого и т.п. Галя завела радиолу. Они с Элей и с приятелями-морячками целые вечера могут слушать орущий патефон; что же они слушают? Клавдию Шульженко, цыганские романсы и больше всего песенки Лещенко. Его «Чубчик» повторяется раз 10 подряд, и я должна сказать, что это чудесная вещь. Тут и лихость, и русская удаль, а слова: «Сибирь тоже русская земля» прямо за душу хватают. Девочки восхищаются этими песенками непосредственно, а я их воспринимаю сквозь эмигрантскую тоску, неутолимую сердечную боль. У меня встают перед глазами парижское эмигрантское кафе, какое-нибудь «Maisonette des comédiens russes»[482], вижу нарядных американцев за столиками, Нину Фалевич со своим ami[483], богатым французом, официантов во фраках, один из них Мальцев со строгим замкнутым лицом, Сашка Козак, песни Насти Поляковой, и тоска по родине, бесконечная тоска. «Эх, вейся, вейся, чубчик кучерявый». Заграничные пластинки Лещенко размножены кустарным способом.

7 декабря на Катины именины собрались все ее дяди, тетки, двоюродные сестры. Кроме покупного вина была приготовлена сногсшибательная бражка, веселье было полное, и все они принялись петь. И пели они все те песни, которые пели бабы в Ларине в моем детстве. «Как летела пава», «Плыла лебедь с лебедятами», «Коробушку». Потом пустились в пляс, плясали русскую. Я приоткрыла дверь, седой дядя Петя в валенках носился, как пух, вприсядку. Остальные же в сапогах отбивали такую дробь, что снизу прибежала взбешенная женщина, уверяла, что штукатурка валится.

21 января. Я начинаю впадать в отчаяние, опускаюсь, и вся моя энергия меня покидает. Я в какой-то прострации. Причин для этого достаточно. Работы нет, пенсии нет, от Васи денег нет.

Дети питаются одной картошкой, и то в ограниченном количестве, да я им беру (в долг) по литру молока в день. У Наташи ее получки, какова бы она ни была, хватает на четыре дня.

Я недавно с горя написала Татьяне Борисовне Лозинской, прося ее передать Михаилу Леонидовичу мою просьбу поговорить обо мне с Трескуновым о работе. Он сделал это сразу же, но выяснилось, что план Ленгосиздата не утвержден в Москве, и когда появится что-нибудь реальное, неизвестно.

Продать что-нибудь — но что? Мебель вся в таком виде и состоянии, что за нее могут дать гроши, хотя вещи и очень хорошие.

А тут еще у Васи такое разочарование! Он неврастеник, переживает жизненные удары болезненно, а больше всего мне, пожалуй, жаль его Соню, она все худеет, а Вася, вместо того чтобы работать над чем-то реальным, дающим заработок, пытается ловить поднебесных журавлей.

В Мурманске он должен был сделать «Фучика»[484] и «Дворянское гнездо», заставил меня делать рисунки костюмов, да так и не поехал туда, упустив 6000. Ужасно. У меня за него очень болит сердце, такое у него трагическое лицо, седые волосы на висках. В 36 лет! Как это больно, так бы хотелось помочь, и нечем. Может ли долго существовать строй, при котором целая жизнь работы не дает обеспеченной старости, при котором нет никакой возможности скопить на черный день хоть немного, чтобы помочь детям, при котором, отнимая пенсию, юристка собеса мне говорит: «Вы шесть последних лет работаете не по найму, а по договорам, мы этого не можем учитывать. Вы кустарь-одиночка, кошка, которая ходит сама по себе, как сказал Синклер». — «Киплинг», — поправила я ее и ушла ни с чем.

23 января. Я соскучилась по Марии Михайловне, так как с осени, когда она приезжала во время моей болезни в сентябре, я ее не видала. Пошла к ней в поликлинику к концу ее рабочего дня. Я мало встречала таких обаятельных людей, как М.М., таких непосредственных и прямых. Она мне рассказала удивительный случай, происшедший с нашим другом, отцом Сергием: в Печоры вернулся епископ Владимир, проведший два года в Иерусалиме. Его назначили епископом в Житомир. Епископ Владимир очень умный, большой дипломат и вместе с тем честный и прямой человек, как говорят, малограмотен. Он попросил нашего митрополита, чтобы с ним отпустили в помощники ему о. Сергия, культурного, образованного и светского человека. Назначение о. Сергия было утверждено патриархом.

Однако, когда о. Сергий приехал с епископом Владимиром в Житомир, его там *не прописали*. Он вернулся в Печоры.

Это просто курьез, nonsens. Высшая духовная власть, сам всероссийский патриарх назначает архимандрита, а милиция не прописывает, потому что о. Сергий бывший ссыльный, Житомир почти пограничный город!

26 января, ночь. Я сейчас молилась. И мне стало особенно ясно: жизнь не может быть nonsens'ом. Без Бога, без вечности жизнь nonsens. Никакая диалектика смысла не создает.

Господи, дай дожить до рассвета.

Встретила сегодня Машу Тагер [дочь Елены Михайловны], к которой я уже собиралась ехать, чтобы узнать о судьбе Елены Михайловны.

Маша получила вчера телеграмму от матери, сообщающей свой адрес: Северный Казахстан, станция Мамлютка до востребования. За 3 года Елена Михайловна как-то уже огляделась в Бийске, нашла уроки и вдруг опять вырвана с корнем, заброшена в Казахстан, где ужасный климат. Несчастная, горемычная женщина; и главное — так, <за> здо́рово живешь, без какой бы то ни было вины.

28 января. Вчера был день рождения В. Белкина. Вера позвонила, просила прийти ночевать, т.к. в этот день ей слишком тяжело остаться одной. Я приехала. У нее был полон дом гостей, нас село за ужин четырнадцать человек. Были Доброклонские, Корниловы, Наталья Васильевна, Успенские; Загурский показывал на экране заснятый им на кинематографическом аппарате фильм: летом Белкины и Корниловы праздновали вместе 35-летие со дня свадьбы, и Б.И. снимал их.

И вот теперь, через два с половиной месяца после похорон, мы все спокойно и даже весело смотрели на эти веселые лица на экране; мне было жутко. Если бы теперь, через 19 лет после смерти Алены, мне бы вздумали показать фильм из ее жизни, я бы убежала из дому и пошла бродить по темным улицам. Как по-разному люди переживают горе! В горе я должна быть одна, только одиночество меня спасало. Я до сих пор не могу не только говорить, я думать без ужаса не могу о последних минутах Аленушки. На людях мне было мучительно тяжело.

После папиной смерти точно так же.

А Вера не может оставаться одна: чем больше народа, тем ей легче. Первый месяц после смерти В.П. она без умолку вспоминала его болезнь, последние минуты жизни, повторяла одно и то же десятки раз, ее нервное состояние было на грани помешательства. Потом она стала понемногу внешне успокаиваться, ее очень поддерживает работа. Все ее сослуживцы к ней трогательно относятся, и, может быть, эта необходимость по долгу службы постоянно находиться на людях вошла у нее в привычку. В ее беспредельной любви к Вениамину сомневаться не приходится.

4 февраля. Я получила сегодня письмо от Елены Михайловны Тагер. Читая, я расплакалась и долго не могла успокоиться. Плакала от бессильного отчаяния за раздавленного человека, от бессильной злобы.

Вот это письмо: «Живы ли, здоровы ли Вы? Я опять смотрю на белый свет, как новорожденная и опять (в который раз?) начинаю жить сначала. Но те трудности, которые я в свое время преодолела в Бийске, — это просто светлый рай по сравнению с теми розами, которые здесь мне заготовила “сестра моя жизнь”[485]. В общем, Любовь Васильевна, я получила нежданно-негаданно новую репрессию, а именно: пожизненное пребывание в Северном Казахстане, вот в этой самой Мамлютке (татарский поселок при станции того же названия, в двух часах от Петропавловска и в десяти часах от Челябинска). Конечно, Северный Казахстан не очень много хуже Бийска; и мне уж более или менее все равно, где догорать; и пожизненность этого дела меня мало угнетает, потому что жить мне осталось самый пустяк. Но все же есть детали очень тяжелые. Доставили меня сюда после пятимесячной (почти) изоляции в довольно растрепанном состоянии, без единой копейки в кармане, в легонькой телогрейке на плечах, без единой знакомой души не только в Мамлютке, но и во всем Северном Казахстане. Все мое движимое и полудвижимое осталось в Бийске, у чужих людей, все равно что на улице. Остались и книги, и рукописи, и фотографии. В 48-м году я все же привезла с собой хоть две смены белья, хоть инвентарь кое-какой. Сейчас у меня ниточки своей нет, — я буквально и по-настоящему не знаю, куда голову приклонить, чем смениться, как обмыться. Конечно, мне не первый снег на голову, но плохо то, что я не молодею с годами, а последнее приключение опять съело у меня много сил. За работу я кое-как зацепилась, опять артель, опять игрушки и ковры. Но здешние артели еще беднее и бесхозяйственнее, чем в Бийске, так что на заработок не надеюсь! Об отдельной комнате уже не приходится мечтать, ищу себе угол “совместно с хозяевами”, но пока все попадаются такие углы, что даже при моих спартанских привычках — страшновато.

А теперь самое страшное: я опять утратила связь с Машей <...>. Отсюда, сразу по приезде (22 января), телеграфировала ей по прежнему адресу Озерки, Б. Десятинная, 6. Но вот уже пять дней ответа нет. Или они переменили адрес? Или им предложено не иметь со мной связи? Или самим надоело поддерживать меня? Да и в самом деле, сколько можно <...>.

Итак, — вся надежда на Вас. Видно, судьба нам с Машей то и дело терять друг друга из виду, а Вам нас связывать.

Последнее Ваше письмо (весеннее, майское, кажется), с оценкой моих стихов, очень меня окрылило. После него стихи полились потоком, а прозаические замыслы достигли того состояния, когда задуманное "сгущается и образом стать хочет"[486]. Сейчас опять все насмарку. Все же некоторые стихи (тюремного цикла) застряли в памяти, мне очень хочется, чтобы они до Вас дошли.

1

В скитаньи трудном и бесцельном
Одна мечта, одна отрада:
Поцеловать в поту смертельном
Святые камни Ленинграда
И успокоиться в могиле
Не здесь, не на чужом погосте, —
Чтоб в ленинградской глине гнили
Мои замученные кости.

2

Оплывает свеча. Наклонился
Огонек и глядит во тьму.
Значит, — мир мне только приснился,
Или я приснилась ему?
Все равно. Бесплодные муки
Дымной тучей лежат позади,
И родимой кроткие руки
Призывают, манят, — приди!
Я иду. Податель забвенья, —
Умудри меня, научи!
Да коснется твое дуновенье
Огонька оплывшей свечи!
(Барнаул. Внутренняя тюрьма)

Остальные потом. Не могу больше, умираю от усталости.

<...> Только Мамлютки этой мне и не хватало! Это все до того неожиданно, что я и сейчас не уверена, — не сон ли?»[487]

Что тут скажешь? Зачем, за что?

Тебе отмщение...

Весь день я ходила как в тумане. Ноги подкашивались.

Во всех трамваях расклеены объявления: от 23 до 30 марта Зоологический сад празднует «День птиц», конкурс на лучший скворечник, викторины и т.п. Маниловщина. Всегда вспоминаю март 1935 года.

13 февраля. Сейчас слушала чудесную игру Марии Вениаминовны. Она играла сонаты Бетховена. Зал был полон, очень много молодежи, которая в

конце неистово кричала «браво». М.В. сыграла пять сонат[488] и на бис две части «Патетической». И мне пришло в голову, что Седан Франции был Седаном и для Германии[489], Бисмарк и Пруссия вытравили дух из немцев, привели их к фашизму и расизму.

Как у нас слушают музыку!

И как любят ее!

22 февраля. Вчера вечером, поздно, лежа в кровати, я кончила списывать это письмо. И увидала во сне, что кто-то дает мне три листа. На одном крупной золотой вязью стояло: «Мне отмщение, и Аз воздам». На другом изображения двух святых, я долго разбирала написанное под ними, это были Николай Чудотворец и, кажется, Алексей, человек Божий. Что было на третьем листе, не помню.

Вскоре после первого письма от Елены Михайловны я получила второе: «...от Маши пришла телеграмма и деньги, прочла телеграмму и упала в обморок, теперь я уже кум королю и министру сват», — пишет она[490].

Я съездила на прошлой неделе в Озерки к Маше сговориться, чтобы вместе отправить посылку. Познакомилась с ее мужем. Он мне понравился. Среднего роста, стройный. Светлые глаза, русые волосы и очень темные, почти сросшиеся брови. Он провоевал всю войну и даже после окончания войны и капитуляции Германии воевал в Чехословакии с несдававшимися власовцами. В начале войны он был на Ленинградском фронте, в дивизии Власова, которая попала в окружение. Смирнов с остатками своей части (кажется, артиллерийской) прорвался из окружения, он был ранен в ногу. Он говорит, что кроме превосходных маршалов были замечательные командиры дивизий, корпусов, полков. Американская помощь, по его словам, была существенна только в снабжении продовольствием, а самолеты их горели, как спички, они присылали нам то, что им не годилось. На вид ему года 32, он уже подполковник; будучи еще майором, ему приходилось командовать полком. Был тяжело ранен в легкое и пролежал шесть месяцев в Свердловске. В первичных инстанциях доктора махнули на него рукой, не верили, что выживет.

24 февраля. Какой я провела вчера интересный вечер! Я обедала у Натальи Васильевны, были блины. Она мне звонила утром и сказала, что будет Вера Белкина, Митя с женой и приехавшие из Москвы Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич с женой. Владимиру Дмитриевичу 79 лет. Это живая летопись революции и всей нашей эпохи за 50 лет. Он был очень близок с Лениным и был деятельным участником политической жизни, пока был жив

Ленин. Он был комендантом поезда, на котором правительство переезжало в Москву, руководил их расселением в Москве. Ленину дали квартиру в три комнаты с кухней. «Зачем так много, — возмутился тот, — мне хватило бы двух комнат». А жил он с женой и сестрой[491]. Наталья Васильевна спросила его: а как относился Ленин к Бухарину? Бонч немного замялся: «Не любил»[492]. «А домашние Владимира Ильича очень любили Бухарина», — сказала жена Владимира Дмитриевича.

Рассказал очень интересную биографию Демьяна Бедного, и оказалось, что легенда о том, что отец Демьяна был придворным лакеем вел. кн. Константина Константиновича, ни на чем не основана, но все же она такова, и вел. кн. Константин Константинович в ней рисуется таким гуманным и культурным человеком, что в настоящее время ее не напечатаешь. Родители Демьяна были крестьяне, и дома условия жизни были тяжелые. Мать, распутная баба, довела отца до того, что он бросил семью и ушел в Сибирь. Учительница обратила внимание на способного мальчика и поместила его в фельдшерскую школу в Пензе. Он прекрасно учился и стал писать стихи. Ждали приезда вел. кн. К.К. для осмотра школ. Директор и посоветовал Придворову написать оду, посвященную К.К. На уроке директор отрекомендовал юношу как поэта, тот прочел свою оду, вел. кн. просил почитать и другие стихи, очень одобрил и велел прийти к нему. Спросил, чего бы ему хотелось. «Учиться, поступить в университет». К.К. устроил его в гимназию, затем в университет, одел его и продолжал следить за его развитием. Способности у Демьяна были редкие, он увлекся латынью и греческим и совершенно свободно читал на этих языках.

Когда его стихи были напечатаны в «Русском богатстве», вел. кн. ему сказал: «Что же, в левых журналах печатаешься?» — «Какой же это левый, — я скоро еще левей писать буду».

Позже Демьян написал К.К. письмо, в котором он горячо благодарил вел. кн. за заботы и добавлял, что он — плебей и что его тянет к тому классу, из которого он вышел, и поэтому просит вел. кн. предоставить его самому себе. Письмо, по словам Бонча, было очень хорошее. К.К. прислал ему свой портрет с надписью, которая впоследствии спасала его при обысках (при старом режиме, конечно).

Бонч правоверный большевик, но большевик эпохи Ленина. Сейчас Бонч-Бруевич не ко двору, его убрали из директоров Центрального музея[493]. Поэтому звучит невероятно смешно, когда жена рассказывает, что осенью

они заквасили 400 кг капусты, наварили 160 кг варенья, живут на собственной даче в Барвихе, своя машина и т.п.

Он оставил Наталье Васильевне свои воспоминания об Алексее Николаевиче, о встрече с ним в 42-м году. На другой день Н.В. позвонила мне и просила прийти, чтобы вместе прочесть их. Толстой приехал временно, кажется из Ташкента, и они поехали вместе посмотреть, в каком виде находятся их дачи после того, как в них были расквартированы наши военные части. И Боже мой, какое возмущение, какие громы и молнии на этих «мародеров, вандалов и дикарей»... (только что отогнавших немцев от Москвы!)

Он приводит свои разговоры с Алексеем Николаевичем, причем, конечно, заставляет Толстого высказывать его собственные, бончевские мысли, свою неудовлетворенность настоящим режимом. «Наша великая Конституция выполняется на 5%, и все наши помыслы должны быть направлены на осуществление ее...» Это главный лейтмотив воспоминаний[494]. Это, конечно, не слова Толстого. Наталья Васильевна хорошо его знала, по ее словам, последнее время А.Н. скорее идеализировал все совершающееся, чтобы не нарушать своего покоя.

Он не был воителем, а шел на все компромиссы.

11 марта. В последнюю субботу на Масленице я была на блинах у Успенских. Там были Вера Белкина, Наталья Васильевна, Костенко и еще одна пара, причем жена, красивая брюнетка, — племянница Айвазовского. Кроме последних и Константина Евтихиевича, все мы провели всю блокаду здесь, и как-то случайно заговорили о том времени, которое ни один из нас не поминал лихом, несмотря на пережитые ужасы. Успенские жили в подвалах Академии художеств, где ютилось много художников. Успенский вспомнил Билибина. Иван Яковлевич, по его словам, поражал силой своего духа. «Мы сидим, бывало, еле живые, подходит Иван Яковлевич: “Пойдемте, я вам покажу мои египетские фотографии”; мы идем за ним, он рассказывает столько интересного, что забываем всё и слушаем его до часу ночи. “Ну, завтра Шурочка задаст мне головомойку”, — смеется он».

Он работал до последней минуты, со светильничком, и последний его рисунок великолепен. «Он уже лежал, я сидел около него, было поздно, я страшно устал, хотелось лечь спать. Поднялся. “Посидите еще, Владимир Александрович, завтра мы уже не увидимся”, — сказал Билибин. И когда я утром к нему пришел, его уже не было в живых, его унесли из комнаты».

В бумажнике Билибина было две его фотографии, одну взял Успенский, другую Корнилов. Под подушкой лежала записная книжка, которая бесследно исчезла.

13 марта. Катины впечатления после «Грозы» в Театре комсомола[495]: «Вот дурочка, чем топиться, сошлась бы с Борисом и уехала куда-нибудь».

Е.М. Шереметева рассказывала, что молодежь в Театральном институте совсем не понимает Анну Каренину: «Взялась бы за дело, чем бросаться под поезд. Без дела, конечно, всякое взбредет в голову». «Какая же героиня Наташа? Конечно, девушка интересная — в начале; а под конец никакой интеллигентности». Наташе и прежде многие ставили в упрек пеленки. Забывали, что в «Декабристах», когда Пьер с семьей возвращается из ссылки, Толстой пишет, что его жена принадлежит к тем женщинам, которые...

und weben

Himmlische Rosen ins irdische Leben[496].

16 марта. Получила письмо от Е.М. Тагер, прислала несколько своих стихов. Из них самое сильное впечатление произвели на меня эти:

Я думала, старость — румяные внуки,
Семейная лампа, веселый уют.
А старость — чужие холодные руки
Небрежный кусок свысока подают.
Я думала, старость — пора урожая,
Итоги работы, трофеи борьбы.
А старость бездомна, как кошка чужая,
Бесплодна, как грудь истощенной рабы[497].

Почему такое озверение всего человечества? Прежде было понятно: скатились из Азии варвары, разрушили до основания Римскую империю, на мир спустилась ночь. Но теперь-то никакие Аттилы и Тамерланы не падали с луны, а люди превратились в гиен, перегрызающих друг у друга горло. Бактериологическая война, немецкие и наши концлагеря!! Расизм Гитлера! Мне кажется, тут не без космического влияния. М.б., солнечные пятна, магнитные бури, что-нибудь неведомое. Новое средневековье. Ожесточеннее, чем все гунны и вандалы, взятые вместе.

23 марта. На днях Катя пригласила мастера своего цеха, он и профком цеха. Пришел этот дядя Саша прямо с работы, Катя накормила его обедом, а к чаю позвала меня. Он коренной ленинградец, выборгский рабочий, уже немолодой. Небольшой, со сморщенным лицом и круглыми черными и острыми глазами из-под густых бровей. Весь коричневый. Мы вспоминали с ним наводнение 24-го года. Семья его отца жила в полуподвальном помещении Медицинской академии по Клинической улице[498], все было залито

водой. Студентов-медиков направили спасать имущество полуподвальных жителей, и они вытащили их пианино, его сестры учились музыке.

В прошлом году дядя Саша жил на даче километрах в 20 от Толмачева, и вот что он рассказывает о колхозной жизни: по плану колхоз должен был засеять больше земли, чем в предыдущие годы. Засеяли, а убирать некому. Работоспособных было 10 женщин от 35 до 45 лет. Справиться с уборкой всего посеянного они, конечно, не смогли. Питались плохо. Редко у кого была корова, 2—3 куры. Соберут за неделю яйца и бегут на рынок продавать, чтобы купить себе хлеба, которого у них не было вовсе. Очень голодно живут.

Позже я спросила Катю, почему же все-таки все бегут из деревни. «Не может человек себя оправдать в колхозе, на трудодни почти ничего не дают. А молодежь уходит, потому что, как только кончаются полевые работы, всех гонят на лесозаготовки, а вернутся в апреле, их уже ждут наряды на лесосплав. Отказаться нельзя, сейчас в суд или к прокурору. Ни обуви, ни одежды не дают, все свое. Есть там столовые, за все плати. Мать рассказывала, что в прошлом году ребята «распухли от денег, получили за всю зиму по 1000 рублей» (за 5 или 6 месяцев). За эти деньги они должны были кормиться, одеваться и обуваться всю зиму. Да из деревни привозили себе картошки.

31 марта. Была вчера второй раз на выставке Билибина[499]. Я встречалась с Иваном Яковлевичем, но не знала его совершенно. Он представлялся мне веселым bon vivant[500], остряком, и поэтому портрет Кустодиева[501] меня удивил, когда я увидала его на открытии выставки. Народу тогда была бездна, много знакомых, осмотрела я выставку очень поверхностно. А вчера я долго стояла перед этим портретом и пришла к выводу, что, пожалуй, он может служить ключом к его пейзажам; или, вернее, пейзажи являются ключом к тому сокровенному, что лежало в человеке.

Найти ключ к сущности человеческой, когда она скрыта нарочитым заслоном, меня всегда глубоко интересует. А найти этот ключ бывает очень трудно, подчас и невозможно. Например, Юрий. Его творчество, его музыка глубока и благородна. А человек он никудышный. Где же сущность? В его музыке совсем нет той физиологичности, которая захлестывала его самого всю жизнь.

Выставка Билибина очень интересна и неожиданна. После смерти открылось его подлинное лицо. В пейзажах открылись его вдумчивость и углубленность. Прекрасны его пейзажи углем, а две зимние акварели бесподобны. Простота и мастерство удивительные. Александра Васильевна рассказывала, что Иван Яковлевич написал их, работая где-то вместе с Серовым.

Простыми средствами он достигает большой глубины. Египетские пейзажи очень интересны. А последние его иллюстрации к былинам просто виртуозны. Как мог он при светильничке, при полном истощении нарисовать свою последнюю вещь, витязя, мчащегося на коне над горами и долами, ту самую, на которой под кнопкой стоял восьмиконечный крест? Поразительно.

8 апреля. С 1 апреля снизили цены на продукты на 12%, 15% и 20%. Булка, стоившая 2 р. 15 к., стоит теперь 1 р. 85 к., масло вместо 37 р. 50 к. стоит 31 р. 90 к. В большой семье это небольшое снижение очень заметно. В газетах по этому поводу большой шум: «Снижение цен вызвало огромный патриотический подъем!!» А о том, что на заводах уже с февраля проведено снижение расценок, по словам Кати, на 30% на круг, нигде не пишется.

Сотня четверки (какие-то девятикилограммовые стаканы снарядов) прежде оплачивалась 40 р. — теперь 13.

Нормы выполнения также увеличены чрезвычайно.

9 апреля. Мучительно жить в такой нищете. Пенсии до сих пор нет, это уже пятый месяц. Работы нет. План Госиздата до сих пор не утвержден. Да и получу ли я перевод? Что делать? Ума не приложу. Мозг как будто вылущен, ничего не придумать. Стала обдумывать заявку на статью о кукольном театре, но зачем; то, что я пишу, неинтересно, это какая-то статистика, никому не нужная. Я не писатель и не могу им стать. Вот Вера Ананьевна Славенсон пишет сейчас книгу о Верещагине[502], une vie romancée, как называют французы такой род биографий. Она мне читала уже несколько глав. Просто великолепно написано и очень интересно. Работу она проделывает огромную; читает все письма, мемуары, газеты того времени. Знакомится с западными художниками, современниками Верещагина, изучает внешний аспект городов, где он жил или бывал: Мюнхена, Парижа, Бомбея и других.

Ничего поверхностного. И превосходно написано.

Я кажусь себе невероятно жалкой. Хоть кончить дневник прежних лет[503], — чтобы кому-нибудь пригодилось.

10 апреля. Замечательный сон видела сегодня, даже развеселилась: смотрю на свою полку с фарфором, там стоит очень много каких-то фигурок, а по самой середине, ближе других к краю полки, стоит фарфоровый оседланный осел, опустив голову и развесив уши. Я смотрю на него и думаю (во сне): «C’est l’âne de Buridan, c’est moi, qui suis l’âne de Buridan»[504]!

Можно сказать, не в бровь, а прямо в глаз.

16 апреля. Вернулась от Анны Петровны. В.А. Успенский читал свою статью о ней. Были Кремлевы, Костенко и я. Статья хорошая, но с длиннотами, некоторыми повторениями, немного юбилейная. Мы все высказывали свои замечания, указывали на спорные утверждения, и больше всего споров вызвал вопрос о «Мире искусства». Теперь «мирискусник» — это ругательное слово, и когда говорят или пишут об Остроумовой-Лебедевой или о Билибине, то, упомянув об их принадлежности к обществу «Мир искусства», тотчас добавляют, что общего эти художники с ним ничего не имели. Но так как ругнуть «Мир искусства» необходимо, это своего рода пароль для продвижения вещи, то и Успенский длинно и по-всякому изругал его и добавил, что все его члены, как только произошел большевистский переворот, уехали за границу. Только одна Остроумова осталась верна родине. Я возмутилась и возразила, что это абсолютно неверно, и если «Мир искусства» хвалить нельзя, то зачем же возводить на него напраслину. Всех членов общества было шестьдесят, а уехали Бенуа, Сомов, Добужинский, Шервашидзе, Судейкин и Чехонин. Бакст переселился задолго до революции. А Кустодиев, Лансере, Кругликова, Белкин, архитекторы Фомин, Щуко и другие, Петров-Водкин, Грабарь, Кончаловский — все остались в России, а Билибин хоть и эмигрировал в свое время, но вернулся. На эту тему говорили много и очень горячо.

Заговорили о колорите: у советских художников, за малыми исключениями, нет вовсе колорита, заметила Анна Петровна, и это очень верно. Она же утверждала, что и у нее нет колорита, тогда как Успенский настаивал на том, что у нее есть своя гамма. Мне кажется, что у А.П. есть своя тональность, и очень определенная.

20 апреля. Светлое Христово воскресенье. Чудный праздник. Мы с Ольгой Андреевной пошли к собору. Еле пробились из Радищевского переулка. Людей на площади вокруг собора и до самой Литейной было видимо-невидимо, больше, чем когда бы то ни было. Прогуливались милиционеры для порядка. Душевное состояние, когда раздается в первый раз «Христос воскресе», трудно описать. Вспоминала заутреню в Париже, в Ларине в 14-м году...

Продуктовые магазины были переполнены и торговали без обеденного перерыва.

Les on dit[505]: у евреев паника — среди них ходят слухи о том, что в Биробиджане, откуда почти все евреи разбежались, идет таинственная стройка. Строят небольшие дома-землянки. Построят и заколачивают, построят и

заколачивают. Образовался чуть ли не целый город. И вот когда начнется война с Америкой, всех евреев переселят в эти землянки[506]. Государство Израиль примкнуло к Атлантическому пакту, и, исходя из этого, всех евреев правительство рассматривает якобы как врагов!

Вероятно, пущенная очередная утка, вроде прошлогодней истории о людоедах или давнишней легенды о Черном вороне[507].

В субботу неожиданно получила от Юрия две тысячи с припиской на телеграмме: «Одень детей, сделай пасху, привет Юрий».

Я вижу в этом результат того, что я не поздравила его с премией[508].

23 апреля. Читала сегодня больному Пете «Руслана»[509], и стало так больно-больно, когда вспомнила нашего «Руслана» в театре марионеток, так подло загубленного Шапиро и Макшановым. Какие были куклы Коноваловой! Особенно великолепны были Фарлаф, Наина. И как можно было загубить такой театр и такую постановку. Дурак Загурский. Как можно было пустить по ветру семь или восемь постановок ценою в 200 000 рублей! Не могу вспоминать — эта рана не зажила.

Как хороши были некоторые мизансцены: появление Наины и пробуждение Людмилы, и появление Черномора, бой Руслана с Черномором, Лес, и какие декорации...

Не стоит вспоминать.

9 мая. Я совсем оглумела. Именно оглумела. В голове пусто, туман какой-то, ни одной связной мысли. Петина болезнь и обшивание детей выбили из меня все человеческое — я чувствую себя бревном, которому только-только бы куда прислониться. Почти ежедневные хождения в поликлинику, ожидания то доктора, то сестры. То Пете вводят пенициллин, то колют на реакцию Перке, и все потому, что доктора теперь лишены всякой интуиции, за них решают анализы, и перед Петиной температурой они стали в тупик: все анализы прекрасны, аппетит великолепный, самочувствие также, почему держится температура?

Я прибегаю к дневнику, чтобы вправить себе мозги, хоть на полчаса сосредоточиться. Я многое хотела записать и все забыла от глума в голове. Надо вспомнить.

22 мая. Сегодня умер Кочуров. Я свету не взвидела, когда Ляля по телефону сказала, что час тому назад скончался Юрий Владимирович.

Болел он долго, но до последнего дня был на ногах. Болезнь почек кончилась уремией, — но, по мнению проф. Новодворского, к счастью для него, ему не пришлось перенести всех тех страданий, которые дает эта ужасная

болезнь. Умер он внезапно, без страданий, не приходя в сознание с утра. Как мне жаль его. Я его очень любила и всегда видела его таким, каким он был 20 лет тому назад. Только за последние два года он очень изменился. Он был необыкновенно обаятельный в молодости. И навсегда запомнился мне один случай: в мае 1933 года (вероятно, в начале мая) в Москве исполнялась в первый раз симфония Юрия Александровича, дирижировал Коутс. Мы с Васей должны были ехать в Москву на этот концерт, и чтобы маме не было так одиноко в большой квартире (домработницу Лизу мама не любила), я попросила Кочурова пожить у нас в кабинете Ю.А.

Уезжая, я еще сказала Ксении: пофлиртуйте...

У мамы без нас был, по-видимому, первый удар, через месяц она умерла от кровоизлияния в мозг. Однажды с утра мама не смогла говорить, забывала слова, руки не слушались, и милый Юрочка кормил ее с блюдечка, как ребенка. К вечеру такое состояние прошло бесследно.

Тогда начался его роман с Ксюшей.

Годы шли, а его молодость не проходила; молодость, свежесть, чистота неразрывно связаны с его внешним и внутренним обликом.

24 мая. Сегодня были похороны. Когда я пришла в Союз композиторов, зал был переполнен, кто-то замечательно играл на рояле. Эстрады не было видно за толпой. Я не могла догадаться, кто же это играет. У Юдиной концерт еще только 30-го.

Оказалось, что именно она-то и играла; узнав вчера о смерти Кочурова, приехала с утренним поездом; говорили Арапов, Вайнкоп, противный Энтелис, кто-то из учеников его.

Его похоронили около Щербачева, недалеко от Кузьмы Сергеевича. Над могилой высокая молодая березка с только что распустившимися мелкими листочками на фоне голубого неба; ясный солнечный день. Жалко, очень его жалко.

Был ли он счастлив с Ксенией? Кто знает. Вот в ней я никогда не чувствовала ни молодости, ни свежей непосредственности, хотя знаю ее с 29-го года.

15 июня. С самых похорон я лежу. Первую неделю я еще выходила: была 30-го на концерте Юдиной, а на следующий день, 31-го, Люся и Гуля Тиморевы повезли меня кататься, взяв и детей с собой. Накрапывал дождь, но когда мы приехали в Петергоф, прояснило, был теплый, мягкий вечер, море было сине-голубое, как настоящее, на себя не похожее. Был канун открытия парка, вокруг наново отстроенного дворца было столпотворение: солдаты, рабочие, бабы доструганивали балясины, докрывали крышу, снимали леса.

Статуи фонтанов сияли свежей позолотой, которая, надо надеяться, скоро потускнеет. Самсон уже покрылся патиной под могучими струями, которые все время разбиваются о его плечи, спину. В парке ни души; дошли до заколоченного Monplaisir'а[510], дети скакали по камням у самой воды; там прелестный цветник, фонтан, тихо и хорошо. Проехали к Фришам чай пить, это были Люсины именины, а на другой день я окончательно слегла. Опять спазмы коронарных сосудов, боль в руке, спине. Много читала. Прочла три с половиной тома Устрялова «Петр Великий»; читается, как самый интересный роман. Итальянскую книжку Fogazzaro «Daniele Cortis». Самое подходящее для меня дело — лежать. Если qui dort — dîne[511], то и у того, кто лежит, аппетит идет decrescendo[512]. Мысли приходят в порядок. А веселить — ничего не веселит.

22 мая, утром того дня, когда умер Кочуров, мне позвонил Юрий. Он приехал на два дня на открытие пленума композиторов.

Звонил он из Союза композиторов и сразу же предложил мне устроить обоих детей на все лето в пионерский лагерь композиторов в Ольгине. Рядом с ним, по-видимому, стоял их председатель Хренников, потому что он тут же с ним договаривался об этом. Я ответила, что очень рада за Петю, Соне же лагерь противопоказан.

Юрий был очень потрясен смертью Кочурова, Ксения рассказывала, что он разрыдался над телом Ю.В.

Ко мне он зашел перед отъездом, подтвердил обещание устроить Петю и заплатить за него и прислать мне денег на поездку в Москву на генеральную репетицию «Декабристов», которая состоится 21 июня. И все это оказалось блефом. Не получая никаких вестей, я запросила Васю телеграммой. Юрий мне позвонил: устроить Петю сейчас нельзя, т.к. принимают только детей композиторов, а не внуков (чушь) и т.д. О моей поездке ни полслова. Обещал еще раз позвонить, я послала несколько телеграмм и наконец сама ему позвонила, Вася при этом присутствовал... и ничего.

Я вспомнила, как когда-то в Вильне наш Саша поссорился с Федей Дейша. Саше было, верно, лет 9 или 10, Федя годом моложе. Федя назвал Сашину приятельницу Марусю Божинскую индюшкой. Надо было, конечно, отомстить. Он послал Феде с няней спичечную коробку, а в ней кусочек масла, завернутого в бумажку с надписью *шиш*. Шиш с маслом.

Так вот и внучата мои получают шиш, да, пожалуй, еще и без масла.

Прежде была поговорка — жить на шереметевский счет[513].

А бедные Васины дети будут проводить уже третье лето на толстовский счет. Мне это больно до слез.

Наташа Лозинская как-то приезжала, привезла мне тысячу, а недавно Татьяна Борисовна привезла вторую. А отец и дед...

А я без пенсии, без работы; когда же сбудутся мои вещие сны? Что придумать?

Мне очень хочется побывать в Москве. Леле пошел 82-й год — она очень болела эту зиму, долго ли мы с ней еще протянем, надо повидаться. Кроме того, мне советуют предложить мою работу о кукольных театрах Ленинграда ВТО, они издают такие вещи. При нашей ультрацентрализации все издательские планы решаются в Москве. Так, в этом году весь план нашего Гослитиздата был забракован в Москве, а то, что показалось интересным, произведения немецких писателей-демократов XVIII столетия[514], Москва оставила себе, и ленинградские переводчики получили шиш.

Последние месяца полтора ко мне приходила два раза в неделю Виктория Даниловна Головчинер, и я переводила ей с итальянского басни Крылова! Она пишет диссертацию о Крылове, и ее руководитель Томашевский дал ей эти два тома, изданные в Париже в 1825 году у Firmin Didot графом Орловым[515]. На великолепной бумаге, как любили издавать в начале XIX века (у меня такие Петрарка и Тассо), напечатаны русский, французский и итальянский тексты, последние — сделанные с подстрочников самого Орлова. Французские переводы расцвечены собственной фантазией и часто далеки от подлинника, итальянские ближе, но менее талантливы.

Встретив как-то Костенко, я рассказала ему об этой интересной затее гр. Орлова и его жены, которая, по-видимому, принимала большое участие в этом деле. «Да, были графы в наше время!» — воскликнул Костенко, а я добавила: «Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля...»[516].

22 июня. Вечером вчера была на концерте Юдиной[517]. Играла она замечательно. Я испытывала полное наслаждение, это бывает очень редко. Слушая такую музыку, я ощущала, как дух мой освобождается от земного притяжения, и какое это счастье.

М.В. играла органную фугу Баха и божественно достигла полного органного звучания, я закрыла глаза, и мне казалось, что я в Notre Dame[518] и звуки несутся из глубины ее купола. Вспомнила, как в полном отчаянии я пришла в Notre Dame и горько-горько плакала. Выплакала все накопившиеся мучения.

Боже, Боже мой, какая же у меня горькая и трудная жизнь.

Юдина играла Баха—Гайдна и две сонаты Бетховена, а на бис «Вещую птицу» Шумана[519]. Когда друзья собрались у М.В. в артистической, я спросила у А.А. Смирнова, какое немецкое название этой вещи. «“Vogel als prophet”, — ответил он и добавил: — Неверное в корне название, в этой музыке звучит внутреннее озарение, а никак не пророчество, предсказание». Как это хорошо сказано: *внутреннее озарение*.

28 июля. Печоры. Покупала у бабы на рынке землянику. Другая женщина рассказывала ей деревенские новости: «А у нас завтра суд». — «Кого же судить будут?» — поинтересовалась я. «Председателя сельсовета и других воров, да еще Вальку Воронину, да Зинку Степанову, да Татьяну за то, что не выходили на работу...» Я вспомнила «Деревню» Бунина[520]. И еще вспомнила наших смоленских мужиков и баб. Кому бы из них пришло в голову не выйти на работу в страдную летнюю пору?

Опять мы в Печорах. Поселились чудесно в той самой комнате, о которой я уже в позапрошлом году мечтала. В доме кроме нас только хозяйка, тихая и благодушная женщина, и еще одна, бывшая монашка из псковского Ивановского монастыря. Перед окном яблони, растущие по склону оврага. Внизу долина, за ней круто поднимающиеся холмы, поросшие сосновым лесом, и небо. Ведет к дому тропинка, с соседней Звездной (!!!) улицы, а с другой, в огороде, что-то вроде лестницы среди кустов малины, круто падающей на Коровий спуск. Это место напоминает крутые, тесные проулочки в San Remo; узкое, мощенное булыжником ущелье, ведущее в долину, над ним старые клены. Полная тишина, никакого радио. Доносится благовест из монастыря. Приехала сюда я страшно усталая и поездкой в Москву, и всякими хлопотами перед отъездом в Печоры.

24 июня часов в пять вечера мне позвонил Юрий сразу же после первой генеральной «Декабристов». Был огромный успех, его долго вызывали. Он сказал мне, что тотчас же высылает мне деньги на дорогу, а билет достанут мне в Мариинском театре. 26-го в 11 утра я уже была вместе с Соней (Васиной женой) в Большом театре[521].

В то же утро прилетел из Ташкента Борис Арапов. «Слушаю, — говорит он, — и вся молодость проходит перед глазами».

Так-то оно так, но медленное ее завершение оказалось не в ущерб опере. Прекрасная музыка, убедительная и настоящая.

В антракте встретила Гаврилу Попова с Ириной, Арапова, мне было очень интересно знать мнение Попова, который когда-то, еще в Детском, мне говорил: «Шапорин не новатор, но у него есть содержание».

Он очень хвалил инструментовку, ему очень понравился любовный дуэт, хоры декабристов и многое другое, но певцов ругал напропалую. Правда, на этой (второй) репетиции пел второй состав, но это не оправдание их безголосости. Большой театр может и должен иметь хорошие голоса. Вот говорят же, что в Риге прекрасные певцы.

На репетиции присутствовал Беспалов (наш министр des beaux arts[522]), и от него зависело, будет ли дан 28-го спектакль. Встретила Рождественского: «Беспалов сидит с каменным лицом и ничего не говорит», — сказал он. Спектакль так и не состоялся. После «Великой дружбы» Мурадели они все в такой заячьей панике, что принять какое-либо самостоятельное решение не способны. И эти-то генеральные состоялись лишь после того, как Юрий написал короткое письмо Сталину, выведенный из терпения требованиями всех, кому только было не лень, все новых переделок. Он написал, что в третий раз переделывать оперу он не будет, и просит правительство вынести свое решение. Когда он был в мае, то рассказывал об этих невыносимых придирках. Кому-то он ответил так: «Положим, что я композитор на три с плюсом, я на большее не претендую. Но когда певец на единицу с минусом начинает мне делать замечания, позвольте уж послать его к черту»[523].

Опера начинается с того самого хора девушек, который я составила в Детском Селе из нескольких песен по сборнику Сахарова: «Ах, талан ли мой, талан таков...»

Нет Анненкова, нет Полины Гёбль, но, пожалуй, они правы, заменив их вымышленными героями. Я еще в Детском в начале 30-х годов высказывала и Юрию и Толстому свое возмущение по поводу того, что они создавали вокруг исторических персонажей фантастические конъектуры, вроде встречи Полины с Николаем I на балу. Все арии и хоры декабристов замечательны. Но Охлопков, известный режиссер, в сценах в трактире и у Рылеева, как только дело доходит до хора, выстраивает декабристов во фронт параллельно рампе лицом к публике. Нелепо. Я заметила об этом Юрию. Охлопков объясняет это тем, что они военные!! Надо же придумать! Как будто он имеет дело с солдатами, а не со сливками аристократии.

Оказывается [мне позже сказал об этом Рождественский], и Щепин-Ростовский, заменивший Анненкова, тоже историческое лицо, тоже декабрист, но по своему характеру — полная противоположность Анненкову. Это бретёр в стиле Долохова. Музыка, характеризующая Анненкова, никак не подходит к стилю Щепина-Ростовского. Он хотя и Рюрикович, но из захудалого, обедневшего рода, и роскошная усадьба Анны Ивановны Анненковой с

сенными девками и приживалками не к лицу обедневшей княгине. Анненков был изъят только потому, что Полина — француженка.

Пробыла я в Москве две недели. Васина семья мне нравится, хорошие они люди, мать прямая, добрая, любящая женщина, Соня очень женственна и бесконечно обаятельна, Любочка — душка, и мне жалко их, потому что, мне кажется, Вася никогда не сможет создать им легкую интересную жизнь. Он неврастеник pur sang[524] и не умеет занять то место в жизни, которое, казалось бы, уготовано ему его дарованием. Жаль мне его очень, но по отношению ко мне он невыносим. В последний вечер моего пребывания[525]

10 августа. Печоры. Сейчас вернулась от ранней обедни. Сидя со стариками на скамейке в полутемноте Успенского собора[526], я думала: как скоро пронеслась жизнь, износились до конца физические силы; голова свежа, а сил никаких. Ничто не сбылось из всех надежд, все обмануло, и любовь, и семья, и живопись, и даже кукольный театр украли.

И так тяжело-тяжело. Долг свой я, кажется, выполняла честно, по мере своих сил, осталось впечатление, что вся моя жизнь за последние 35 лет была сверх моих сил и я, как измученная кляча, везла (и везу) свой воз, выбиваясь из сил, понуря голову.

25 августа. Жизнь только тогда хороша (для меня), когда теряешь ощущение земного притяжения. Это я осознала этой зимой, после одного из концертов Юдиной, когда она божественно и одухотворенно играла Бетховена или Баха[527]. Со мной это бывает, когда что-нибудь приводит душу в восторг. Природа, музыка.

14 октября. Узнала, что Екатерина Николаевна Розанова, осужденная на 10 лет, подала кассацию, после чего получила *двадцать пять* лет каторжных работ.

Лида Брюллова, по мужу Владимирова, внучка Александра Брюллова и внучатая племянница Карла, подала прошение, ввиду готовящегося юбилея Карла Брюллова, о разрешении ей проживать в городах Центральной России. Ей отказали. Живет она в Узбекистане в г. Ленинске. Муж, из-за которого вся семья была выслана, давно умер, Лида отбыла все сроки, уже прошло 17 лет! Идет сейчас съезд партии[528]. Хоть бы один запрос, слово критики — нет, все прекрасно, непогрешимо. On roule comme sur des roulettes[529]. Ахти тошненько! Как говорила наша милейшая хозяйка в Печорах.

21 октября. Вчера вечером была с Маргаритой Константиновной у Лозинских. Они обаятельные люди. Мы очень уютно провели вечер. М.Л. прочел свой великолепный перевод армянского поэта XIII века с очень мудреным

именем, которое я, конечно, забыла[530]. Рассказывал очень интересно об их пребывании в Константинополе в 12-м году, о кружащихся и воющих дервишах. Ему трудно говорить, он задыхается, а говорить он мастер, тонкий и остроумный.

27 октября. Заболела Соня 20-го, и опять я в смертельном страхе. Болят коленные суставы, высокая температура, предполагают суставной ревматизм. При ее пороке сердца еще эта нагрузка! Пока, к счастью, ухудшения в сердце не находят. Но это пока, а что дальше будет?

Медицинская помощь детям у нас действительно прекрасно поставлена, это единственное светлое явление в моем поле зрения.

Участковые детские врачи по большей части очень внимательные и достаточно опытные. На нашем участке за эти 6 лет пребывания у меня детей сменилось много докторов-женщин, среди них Вейсблат, Кузовкина и последние два года Гайкович — само внимание. Ревматолог, специалистка по сердечным заболеваниям Евгения Абрамовна Фрадкина была третьего дня, Соня у нее на учете — прекрасный доктор. В прошлом году она возила Соню в Педиатрический институт на консультацию специалистов-профессоров. И все это бесплатно.

Эти бедные докторши загружены безмерно. В моменты гриппозных эпидемий у них бывает столько вызовов, что они ходят по больным до позднего вечера. А заработок у них грошовый, кажется, 600 рублей в месяц. Но есть и большое *НО* — это именно их чрезмерная перегруженность. За двухчасовой прием в поликлинике они пропускают иногда до *30* детей, а кроме того, вызовы на дом.

Может ли доктор отдавать себе трезвый отчет в состоянии больного ребенка при такой издерганности и усталости? Я думаю, что нет.

У нас принцип, или, вернее, правило, с каждого вола драть 7 шкур, во всяком случае, не меньше двух, а там пусть подыхают. И подыхают на ходу. Жалко, что ли?

11 ноября. 8-го вечером у Сони был сердечный припадок. Часов в одиннадцать вечера я прислушиваюсь — она как-то странно дышит, так часто, так часто, как запыхавшаяся собачонка. Пульс нормальный. «Что с тобой, Сонечка?» — «Трудно дышать, немножко бы воздуха». Я испугалась смертельно. Мне казалось, что она умирает, встала перед глазами смерть Алены. Вызвала неотложную помощь. Через минут пятнадцать—двадцать приехала докторша и ввела камфору, дала рецепт на кислородную подушку. Попросив Ольгу Андреевну посидеть у Сони, я пошла, вернее побежала, в аптеку,

принесла подушку. Соню перепугало сначала шипение кислорода, но, привыкнув, она уже спокойно вдыхала струю, спокойно заснула. Я же почти всю ночь не спала, прислушиваясь к ее дыханию. Произошло это, по-видимому, оттого, что днем Соня поела много пирожков, принесенных ей ее подружкой Ирой. Это надавило на диафрагму. Я решила перевести ее на гомеопатическое лечение.

В 28-м Васю прекрасно лечили в Париже от того же самого. При эндокардите надо давать сразу же большие дозы салицила; ему давали первые дни по 10 гр. в сутки, а здесь Соне дают меньше 4 — это только вред.

Вчера вечером я была у А.А. Ахматовой и просила Наташу никуда не уходить до моего возвращения. Не пойти к А.А. я не могла, она сегодня уезжает в Москву заключать договор с Госиздатом на перевод «Marion de Lorme»[531]. Она навестила меня, как только вернулась из Москвы, затем я прихворнула, она опять пришла ко мне. Хотелось посоветоваться насчет Госиздата. Когда я вернулась в начале двенадцатого, Наташи не было дома, она исчезла, как только я ушла. И это после того, как за день перед этим был припадок. У Сони горел свет, ничего не было приготовлено на ночь. Я сейчас же навела порядок, и Соня пробормотала сквозь сон: «Пришла фея и сразу все устроила, я буду звать тебя фея Васильна». Это мать или мачеха? Или вообще черт знает что?

Ахматова читала мне свой перевод первого акта «Marion de Lorme». Прекрасный перевод, и прекрасные стихи.

А.А. умна, остроумна, образованна. Я знаю ее очень поверхностно, но в ней есть, мне кажется, одна характерная черта, которую я заметила: она остро впечатлительна.

Помню, как я ее встретила в первый раз по возвращении ее в Ленинград из эвакуации, в каком возбужденном от ужаса и возмущенном состоянии она была. Я еще обиделась тогда на нее за нас, блокадников. И несколько раз я замечала в ней эту черту. Так и теперь: по какому-то поводу я заговорила о предсказаниях Конан Дойля на основании спиритических сношений с загробным миром, что после мировой войны l'Angleterre sera crucifée и le monde spiritualisé[532]. «Ненавижу Конан Дойля», — сказала А.А., и вот почему. Когда она была в Ташкенте, группа детей-подростков убила старуху и ограбила ее. Их всех быстро переловили, судили, и когда на суде спросили, зачем они выкололи глаза убитой, мальчик ответил: они читали у Конан Дойля, что в зрачке умершего запечатлевается виденное им в последнее мгновение!

«Убийство — это грязь, кровь, ужас, — продолжала А.А., — а этот чистоплюй с его Шерлоком Холмсом выдумывал у себя в кабинете шахматные ходы, чтобы запутать читателя, который до последней минуты не мог отгадать, кто же преступник».

Заговорили о детской преступности, проистекающей из-за беспризорности детей, из-за отсутствия дома матери. Мать на работе, у ребенка нет «дома». Я рассказала историю Вусковича. У художника Вусковича сын; с женой он разошелся, а сын остался при отце. Их знакомая, пожилая дама, принимала большое участие в мальчике, баловала его, считалась родственницей. Мальчик вырос, должен был уже служить в армии; пошел с любимой девушкой и товарищем к доброй тете, она их радостно приняла, угостила чаем, и они ее убили. Ограбили, уехали в Москву продавать награбленное, покутили там, вернулись в Ленинград, юношу, кажется, вызывали как хорошо знавшего убитую, а затем он уехал на Дальний Восток по месту своей службы. А следствие велось и докопалось до преступников. На суде этот герой в свое оправдание сказал, что его избаловала мать, а что первый удар их жертве нанесла любимая девушка. Им дали по 25 лет каторжных работ, столько же, сколько кристально чистой Е.Н. Розановой.

Папаша Вускович продолжает жить как ни в чем не бывало, в сожительстве с Юнович.

Помню, в Париже при мне какой-то русский попался в крупных мошенничествах и был судим. Отец его не перенес позора и покончил самоубийством.

Однажды в прошлом году я куда-то шла и, спустившись с лестницы, увидала толпу встревоженных людей. Все смотрели вверх, на окна 3-го этажа. Прошел военный с ищейкой в соседний подъезд, а оттуда санитары вынесли на носилках юношу, другой, перевязанный, шел за ним.

В нашем доме живет доктор Иванов с женой и сыном. Он, как говорят, хороший невропатолог, жена тоже врач. Сын кончил школу, поступил в Медицинскую академию, бросил; перешел в Горный институт, бросил, поступил в университет, но не посещал его. Родители давали ему 10 рублей в день на пропитание. О всем случившемся мне подробно рассказал наш управдом Иван Михеевич Антонов. В этот день у юноши собрались товарищи, девушки. Что произошло — неизвестно, но один из молодых людей стал стрелять, целился в Иванова, а убил другого и, ранив третьего, сбежал на чердак, где его и разыскали при помощи собаки. Чердаки у нас тянутся над всем домом.

Арестовали всю компанию, но на следующий день Иванов уже вернулся.

Иван Михеевич предполагал, что тут просто шайка бандитов. Они играли в карты, катались на «Победах»[533]; «На 10 рублей в день так не живут», — говорил он.

В квартире под нами живет Изабелла Максимовна Вульф, уже 8 лет работающая в исправительной колонии для подростков. Меня интересовал классовый состав этих малолетних преступников. По словам Вульф, половина из них из интеллигентных семей. Дети профессоров, генералов, артистов. «В приемные дни у наших ворот (София, бывшая тюрьма) стоит такая вереница машин, как у Мариинского театра в дни премьер».

Сын эстрадного артиста М. заболел дурной болезнью, надо было 2000 рублей на лечение, от родителей хотелось это скрыть, и ему посоветовали друзья ограбить какую-то женщину, у которой были деньги. Он собирался ее пристукнуть, но это не удалось, и мальчишка попался.

Сын профессора Технологического института украл у соседей на несколько десятков тысяч золотых и других вещей и полтора килограмма конфет.

Всех подростков обучают какому-нибудь ремеслу. Этого юношу направили в слесарную мастерскую. Родители, приезжающие на своей машине, были глубоко возмущены: «Наш Боря испортит себе руки, как можно!..»

Изабелла Максимовна рассказала мне много интересного, и я уговариваю ее записать все это. Из преступлений преобладают воровство и изнасилование.

Мне страшно за будущие поколения; я наблюдаю за мальчишками, выходящими из школы. Это самая настоящая шпана.

Девочки боятся идти вечером из школы. Ира Борисова, Сонина подружка, шла от нас домой по Кирочной, мальчишка подставил подножку, она упала, повредила руку, трещина в кости.

А болезненность детей! Это же ужас. В Сонином классе восемь девочек с болезнью сердца. А заброшенные дети, кончающие самоубийством, сыновья писателей Баршева и Мариенгофа. А несчастный Славик Бондарчук, умерший в тюрьме. Его мать, Милица Николаевна, с которой я познакомилась осенью 1941 года, когда раненый Антон Васильевич лежал в глазном институте, после того, как муж ее бросил, не то чтобы совсем сошла с ума, но, как говорят в деревне, тронулась, стала не совсем нормальной и следить за поведением сына, конечно, не могла. Сын погиб, и она в начале этого лета повесилась. Оставила записку, в которой просит в смерти своей не винить бывшего мужа, и оставляет ему всю свою обстановку.

Антон Васильевич на похороны не пошел и написал, что просит все вещи Милицы Николаевны передать дочери Славика. Рассказываю я со слов Антонины Николаевны, виновницы всех этих несчастий. Я ее встретила летом на нашем бульваре, спросила, как живут, и услышала печальный рассказ: неприятности и несчастья сыплются, не прекращаясь. Не успеют прийти в себя от одной беды, как уже поджидает другая. Спасает и поддерживает их только взаимная дружба и страстная любовь к детям. Мать не должна работать, заработка отца должно хватать на семью, как это было прежде.

15 ноября. Была вчера вечером на собрании переводчиков. Е. Эткинд, молодой человек на вид лет 26, читал свои переводы Барбье, Бюргера, эпиграммы Лессинга, поэтов демократической Германии. Сначала меня поразила виртуозность, вернее, хлесткость рифм, талантливость и кажущееся мастерство стиха, смелость оборотов. Подлинника Барбье у меня не было, но когда дело дошло до современных немцев, я стала следить по подлиннику, и пришлось убедиться, что переводчик бесцеремонно далек от него. Например: поэт бросает упрек Шумахеру и Аденауэру в том, что они предают Германию за тридцать сребреников, у Эткинда «за пятак». Поэт называет Нерона сатиром и варваром — Эткинд переводит: садист и фанфарон! — и т.д.

Вс. Рождественский ему очень правильно заметил, что его мастерство очень талантливо, но напоминает фехтование и эквилибристику, и, насколько он мог следить по подлиннику Барбье, мы имеем перед собой скорей переложение, чем перевод. Рождественского поддержал Томашевский.

На собрании было человек двадцать пять, а то и больше — из них русских четверо.

9 ноября я позвонила в Москву Юрию Александровичу. Не получая от Васи и Сони ни писем, ни денег, несмотря на то что 28 октября, когда у Сонечки температура подскочила почти до 40, я послала ему телеграмму, что положение Сони опасное, я стала беспокоиться, живы ли они, не случилось ли какой беды. «Да, я знаю, — ответил мне Юрий, — Вася показывал мне телеграмму, просил, чтобы я выслал деньги. Но у меня что-то с почками, надо лечь в больницу для исследования, и я забыл». Вася сдал в Театр Ленинского комсомола эскизы к постановке, их приняли без единой поправки и заказали декорации к другой пьесе!

А дети? Как-нибудь! Очевидно, надеются, что «бесприютного малютку не оставит также Бог»[534].

12-го я получила от Ю.А. 500 рублей. По этому случаю собираюсь продать любимую мою «Русскую старину».

23 ноября. В среду (19-го) я была у моей дорогой Анны Петровны после целого месяца разлуки. Что бы я делала с моими бедными младенцами без таких друзей. 6 ноября, накануне праздника, Нюша принесла мне от нее 500 рублей с запиской: «Посылаю Вам немного деньжат на лакомство детям».

Что бы я делала без этой помощи с тяжело больной Соней, думала я, когда понадобилась кислородная подушка, за которую надо оставлять в аптеке 50 рублей залога.

Анна Петровна пишет «Пути моего творчества» и прочла мне несколько только что написанных страниц о «Мире искусства», о той роли, которую это общество сыграло в ее развитии, и о том, насколько несправедливы все обвинения в ретроспективизме и безыдейности, взводимые на мирискусников. Какая свежесть и ясность мысли на 82-м году жизни!

После выхода в свет третьего тома автобиографических записок А.П. получает очень много писем со всех концов страны с восторженными и трогательными откликами. Пишут люди всех возрастов, и А.П. мне как-то сказала, что в минуты грусти и разочарования она перечитывает эти письма незнакомых почитателей и утешает себя тем, что недаром прожила жизнь.

28 ноября. К каким наивно-хитроумным путям прибегает наше МВБ[535] (sûreté publique)[536], чтобы излавливать грехи своих поднадзорных! Прямо диву даешься.

Получаю как-то письмо от моей печорской приятельницы А.П. Калашниковой-Роот, с которой в ранней молодости мы вместе учились в частной мастерской Д.Н. Кардовского.

Пишет она о своих делах, а затем говорит: у меня к вам великая просьба: бывший знакомый и почитатель Анны Ахматовой, посещавший ее в далекие студенческие годы, теперь — смиренный инок, иеродиакон Псково-Печорского монастыря о. Всеволод, просит ее прислать ему свой адрес и синодик с именами дорогих ей живых и мертвых, о которых он хотел бы молиться.

А, какой молельщик нашелся!

На это я ответила следующим образом: вы, дорогая моя, не жили с нами и имеете полное право быть наивной, он же не имеет этого права. Просить же список живых и мертвых, за кого молиться, просто провокация.

А если ему хочется молиться, он сам знает, кого надо поминать.

Этот отец Всеволод появился в монастыре только в этом году. Он кончил университет в 30-х годах. Ему теперь поручено водить экскурсии в пещеры и рассказывать историю монастыря.

Когда летом Толстые и Крейцеры приехали на своих машинах в Печоры, чтобы осмотреть монастырь, я обратилась к игумену о. Серафиму, и он выслал о. Всеволода, чтобы осмотреть все достопримечательности. Мы с Соней в пещеры не пошли, т.к. осматривали их уже три раза с о. Сергием; когда же они вышли оттуда, то Никита и Кик долго беседовали с о. Всеволодом, он вспоминал студенческие годы, он был на филологическом факультете по отделу славистики. Рассказывал свои впечатления о людях, приходящих осматривать пещеры, и заметил, что напрасно православных эстонцев (или сэтов) называют полуверами. Они-то именно гораздо ревностнее относятся к религии, чем русские. В разговоре он, между прочим, сказал, что по условиям жизни он 20 лет не мог бывать в церкви, из чего мы потом заключили, что, очевидно, он был в ссылке. Толстые передали ему 100 рублей на монастырь, и он просил их записать своих близких, живых и умерших, за кого молиться, что они и сделали.

Небольшого роста, лет 45, симпатичный и скромный. Он предполагал заняться исследованием старинных надгробных плит похороненных в пещерах воинов петровского и допетровского времени.

Я наблюдала за ним во время службы, у него очень грустный был вид.

Ну что же, таких «репрессированных» редко совсем выпускают из своих когтей — дают задания...

К Остроумовой пытаются пристроить одну соглядатайницу, старушку донельзя наивную, у которой ее секретное сотрудничество вышито белыми нитками.

А.П. Калашникова имела полное право быть наивной: с 18-го года она оказалась за границей. Ее рассказ об этом великолепен. Она жила с мужем, художником Роотом, в Пскове. Город в 18-м году то и дело переходил то к красным, то к белым. Бомбежки действовали на нервы, она страшно устала от них, и когда наконец белые выгнали красных, знакомый генерал сказал ей: «Теперь вы можете ехать отдыхать, большевики больше не вернутся!» Она надела белый шелковый костюмчик, взяла маленький чемоданчик и поехала в Гапсаль[537] отдохнуть от стрельбы.

Через несколько дней, к ее ужасу, ей сообщают: большевики взяли Псков. Так и осталась она в Эстонии в своем белом костюмчике!

Милейшее и добродушнейшее создание.

5 декабря. Пошла сегодня в церковь. Пошла поздно и поспела лишь к молебну. Но служба была настолько торжественна, что я сначала даже не поняла: обедня это или молебен. Служил настоятель и несколько священни-

ков. Обычно молятся за патриарха, нашего митрополита, сегодня же читалось: «...страну нашу, верховного вождя и власти придержащие», после чего хор пропел «многая лета»!

Когда же в конце молебна настоятель вышел с крестом, он обратился к молящимся и поздравил нас с великим праздником. Я была озадачена: вчера было Введение во храм. Какой же сегодня праздник? Обратилась к одной старушке, ну, думаю, эта знает святцы. «Какой же сегодня праздник?» — спрашиваю. Та пожала плечами: день Конституции![538]

10 декабря. У меня есть книга Al. Dumas-отца со страшными и фантастическими рассказами. Так они и называются: «Les mille et un fantômes»[539]. Но в нашей жизни есть и пострашнее дела: этим летом профессор Шапошников поехал с женой в дом отдыха или санаторий в Прикарпатскую Украину. Через несколько дней он пошел с знакомым гулять в лес, это было днем; кто-то выстрелил в него сзади и убил наповал.

Начались розыски. В тех местах около Львова, в Прикарпатье, до сих пор существуют так называемые бендеровцы, истребляющие коммунистов, чекистов, евреев. Подозрения падали на них. Шапошников когда-то был командирован за границу, затем арестован, потом выпущен и опять работал по своей специальности. Жили они с женой душа в душу, детей не было. До поездки к ним пришли двое чинить телефон или электричество. Шапошников попросил жену никуда не уходить: «Я думаю, они пришли убить меня», — сказал он ей.

Гроб с его телом привезли в Ленинград, запрещены были всякие делегации, венки, речи. В институте, где он работал, были уже собраны деньги на цветы — все было запрещено. На похоронах были только родственники и друзья. Гроб был опущен в землю при полном безмолвии. Следствие якобы велось, и жена все время справлялась о ходе дела; наконец ей сказали, чтобы она прекратила всякие справки... и: «Лучше бы уж она думала, что его убили диверсанты, чем знать, что это свои», — сказала мне родственница жены Шапошникова. Ей дали хорошую пенсию в 700 рублей.

Та же история, что и с Зинаидой Райх. Была пословица: много будешь знать, скоро состаришься. Теперь можно сказать: много будешь знать, на тот свет отправишься.

11 декабря. Опера Шапорина так и замерзла, ее не дают, т.к. ждут высочайшего посещения. Ждали в сентябре; по слухам, два раза актеры одевались, театр ждал Сталина и не дождался. Затем он уехал отдыхать на юг, и бедная опера, постановка которой стоила больше миллиона, тоже отдыхает. А между

тем у нас в Ленинграде опера репетируется, и Хайкин звал Митю Толстого на оркестровую репетицию.

Соня пишет, что 6 декабря был правительственный просмотр, после которого опять полное молчание! Смехота.

Недавно была на большой выставке ленинградских художников[540]. Какое убожество. Перепевы передвижников без тех дарований, которые были там вначале. Ни колорита, ни воздуха, освещение везде искусственное, фальшивое, не на чем глазу отдохнуть. Передвижничество было по существу оппозиционным движением — политически. Теперь же все искусства: живопись, литература, музыка и даже наука — сплошная, вернее, сплошные оды во славу советской власти. Поэтому-то они и зашли в тупик. На одном славословии далеко не уедешь.

14 декабря. Я опять лежу, болит вся полость сердца. Я устала за Сонину болезнь, расстроило Наташино циничное и бесстыжее распутство на глазах у детей — вот сердце и не выдержало.

Какая ужасная язва египетская наша жилищная действительность! Невозможность уехать, переехать, иметь свою, хотя бы крошечную, квартиру. Сейчас, например, за моей стеной у Наташи играет патефон, принесенный каким-то типом, играет невероятную пошлятину, вроде «Эх, распошел», какие-то шансонетки избитые, гнусные.

А мне бы тишины и спокойствия. Каково тут болеть.

Сколько пустырей на Выборгской, Петроградской сторонах, а люди задыхаются во взаимных дрязгах, доносах, мучениях.

21 декабря. Сегодня в ночь мне минет 73 года. И хоть бы что-нибудь озарило мой «закат печальный». Ничего. Ни проблеска. О братьях ничего не знаю, живы ли, нет ли... Вася забыл и думать, что у него есть мать, дети. Когда Соня была так тяжело больна, я писала, телеграфировала, он ни разу, *ни разу* не позвонил, не телеграфировал, не спросил о ее здоровье. За стеной нечто вроде публичного дома. Наташа, не стесняясь присутствием 9-летнего Пети, приводит любовников на ночь, и все разных.

Куда деться? Мы же прикованы, как каторжники, к своей конуре. Да и как бросить несчастных ребят?

Работы нет. На днях в Госиздате было сборище переводчиков по случаю приезда из Москвы нашей принципальши[541]: толстой, толстощекой и коротенькой Немчиновой. Она прочла огромный план, умные люди (Дымшиц, Реизов, Кржевский) ответили встречными предложениями, обещала она дать 300 печатных листов ленинградским переводчикам, а милейшая Полина

Александровна, секретарь директора, конфиденциально шепнула мне: «Все это — разговор для бедных. Никакого плана по существу нету!» Вс. Рождественский, председатель секции переводчиков, имел затем приватный разговор с Немчиновой, подал ей список переводчиков. Просмотрев его, Немчинова заявила, что она сможет дать работу знающим скандинавские языки, а для других в Москве есть прекрасные работники!

Соню я выходила, вымолила. Но ее здоровье так хрупко, я в постоянном страхе.

Нищета полная или приблизительная, как посмотреть. Можно ли прожить на пенсию в 260 рублей, если из этого идет за квартиру 107 да за газ, электричество и телефон рублей 20. Как тут переместишь внимание? Хоть бы какой-нибудь просвет в жизни. Дети. Да, дети могли бы быть этим просветом, если была бы возможность их кормить, обувать, одевать как следует и не видеть, как Наташа их растлевает своим поведением. Господи, сжалься над ними и надо мной.

Начала наконец приводить в порядок свой «архив». Уже разобрала в хронологическом порядке все письма 18-го и 19-го годов. И слегла с очень болезненными спазмами сердечных сосудов.

Вс. Рождественский, председательствующий на совещании переводчиков, по окончании дебатов рассказал мне следующее о «Декабристах»: на правительственном просмотре было все Политбюро, кроме Сталина, отдыхающего на Кавказе. И такого, по-видимому, он им всем задал страху, что Политбюро до сих пор, почти месяц, не решается дать разрешение на постановку и молчит. Кроме того, часть Союза композиторов (нерусская) всячески тормозит это дело: после такой большой национальной оперы уже трудно будет продвигать всякую дребедень.

Ну что же, начнем, перекрестясь, наш 74-й год. Авось 53-й год будет легче этого Касьянова, как называет Катя этот год.

1953

8 января. Из сегодняшней «Ленинградской правды»: «Надо наконец понять, — учит товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим являются люди, кадры. Заботой о простом советском человеке проникнута вся многогранная деятельность партии и правительства»[542].

Вчера ко мне заходила Т.Л., приехавшая из Мамлютки, где у нее живет высланная сестра и где она прогостила пять месяцев. Она привезла мне записочку от Елены Михайловны и подарок для Маши — вышивки. Она мне рассказала о жизни и бытовых условиях этого «самого ценного в мире капитала» в ссылке. Ее сестра была замужем за братом бывшего министра Временного правительства Некрасова. Этот Некрасов (министр) за границу не бежал, остался работать при советской власти, был очень вознесен, получил виллу, машину... затем арестован и расстрелян. И пошло истребление всех Некрасовых: сестер, братьев, их мужей и жен. Некрасов (министр) был, кажется, несколько раз женат — все жены пострадали. Последней, по-видимому, была выслана года три тому назад В.Л., служившая в Ботаническом институте, крупный научный работник и советский человек до мозга костей.

В Мамлютке жить трудно. Работы почти никакой. Существует один горезавод, который, по сравнению с нашими заводами, скорее является ремонтной мастерской. К счастью, Елена Михайловна устроилась там табельщицей, оклад около 400 рублей. Жить негде, снимают углы в общей комнате с хозяевами землянки, и за угол Е.М. платит 40 рублей. Эти землянки сложены из пластов земли, которая там очень твердая. Все уже раз высланные получают надбавку изгнания — Елена Михайловна присуждена к пожизненной ссылке. За что? За то, что негодяй Бенедикт Лившиц ее оклеветал, и, по-видимому, терзаемый угрызениями, покончил самоубийством. Une loque![543]

Купить там белья, материи невозможно. Дочь Е.М. перестала посылать ей что бы то ни было; единственной посылкой была та, что я собрала в прошлом феврале и которую Маша выслала в июне.

С.В. Шостакович, так много помогавшая своему высланному зятю, помогала, оказывается, и его старой сестре, которую выслали в 35-м году за аристократическое происхождение — бар. Фредерикс. Она где-то жила, на-

шла там работу и кое-как могла существовать. Внезапно эту старуху решено было выслать дальше. Шостаковичи стали хлопотать за нее, Д.Д. принял в этом участие; дело долго тянулось, Н.К. Фредерикс не вынесла мучительной неизвестности и отравилась.

Это рассказала мне на днях С.В., я навестила ее после болезни, у нее был частичный удар, последствия которого бесследно прошли. Люблю я ее за ее действенную доброту к людям.

Я очень давно не писала, очень уж затормошилась, а кроме того, не отлежалась, когда начались спазмы сердечных сосудов, и эти боли очень мне мешали и мешают.

От Всеволода Александровича я узнала, что 26 декабря должна была состояться генеральная «Декабристов» в Мариинском театре. Стала звонить секретарше директора, чтобы получить билеты для себя, Толстой и Белкиной. В дирекции до последнего дня не было известно, будут ли пускать публику или нет. Беспалов чего-то боялся, настаивал, чтобы было как можно меньше народу. «И так уж об этой опере слишком много говорят в городе», — сказал он.

Билеты я получила на 27-е и даже взяла с собой безбилетную Соню, которую устроили прекрасно. Театр был полнехонек, не только партер, но и все ярусы. Были композиторы, кое-кто из писателей. Юрий приехал к началу, приехал с женой и младшим сыном. Должен был приехать с ними Вася, но в последнюю минуту отказался.

Юрий остался очень доволен и оформлением (Константиновский), и постановкой (Соковнин), нашел, что многое здесь лучше, чем в Москве. Об опере я говорить не буду, я музыку эту люблю, оркестр звучит прекрасно. Я никогда и никому об этом не говорю, но считаю, что Юрия недооценивают в погоне или в увлечении новаторством. В свое время Каратыгин считал музыку Рахманинова розовой водой, а сейчас Рахманинов всплыл над Скрябиным. Время все ставит на свое место, не считаясь с хронологией.

Декорации здесь с бóльшим вкусом, интереснее, чем в Москве. Хороша очень ярмарка (и поставлена прекрасно), крепость, пожалуй, трактир. Певцы — певцов у нас, надо признаться, нет. И то я была удивлена тем, что голоса все же звучали. Хороша была Кашеварова — героиня, Бугаев ничего, и очаровательна во всех отношениях цыганка — Сыроватко, молодая певица, еще не кончившая консерваторию. Лаптев—Рылеев плох, Мелентьев—Бестужев совсем плох, а роль у него прекрасная и благородная.

Политбюро думало-думало (мой племянник Федя в 9 или 10 лет в диктовке написал «думмал, думмал»... вот они тоже) и надумало, что надо еще добавить в оперу Южное общество и Пестеля! Юрий написал в ЦК некоему Михайлову, который этим ведает, что этого делать нельзя и почему этого делать нельзя.

К счастью, с ним согласились, но все же надо еще что-то добавлять. Все эти вставки, добавления, требуемые людьми, ничего не понимающими в музыке и в композиции, конечно, портят оперу, лишают одного дыхания, нарушают цельность ее. Например, из великолепной сцены у Рылеева сама собой вытекает сцена на Сенатской площади. И вдруг вклинивается ненужная сцена у Николая I только для того, чтобы изобразить его трусом и дать ему спеть, что если, дескать, это восстание только дворянское, то скрутить его в бараний рог ничего не стоит, в случае же если подымется войско, народ, — это совсем другое дело. Николай в ужасе пятился от окна с жестами Бориса Годунова, когда тот кричит: «Чур меня, чур, дитя». Перед сценой в крепости, перед чудной балладой часового — вставлена камера Рылеева тоже для каких-то политических высказываний. Глупо и, пожалуй, преступно. Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник[544].

Опера имела большой успех. Юрия вызывали, Ольга Дмитриевна Форш просила меня передать ему свой поцелуй. И теперь опять неизвестно, когда опера пойдет.

Мы с Соней раздевались в директорском подъезде. После спектакля я увидала там Александру Федоровну, подошла к ней, и мы с ней беседовали как старые знакомые. Она-то мне и рассказала об истории с Южным обществом и письме Ю.А.

Рождественский мне более подробно рассказал об интригах композиторов-евреев, которых поддерживает жена Хренникова (Тихона), еврейка, про которую все говорят, что «Клара управляет Союзом из-под Тишки».

Шостакович умывает руки, якобы придерживаясь нейтралитета, но говорит: «Еще неизвестно, нужно ли это». Он, по словам С.В., густо окружен евреями, сквозь них не пробиться, смеется она, и видит в этом влияние и симпатии Нины Васильевны.

Юрий Александрович похудел, вид у него неважный. Ведь трудно представить себе, какое мучение приходится переносить композитору; такое терзание творчества можно сравнить только с пыткой на дыбе, когда вытягивают жилы, выворачивают суставы.

15 января. Началось очередное «торможение» (по Павлову), на этот раз направленное против евреев[545].

Умершему 5 лет тому назад Жданову поставили в свое время неправильный диагноз, и он поэтому и умер, — поди-ка докажи сейчас противное! Щербаков еще раньше отправился на тот свет, ничего убедительного в этих обвинениях нет, а как получаются признания этих врачей и других политических преступников в своих преступлениях, мы тоже знаем. Но простонародье (говоря старыми словами) верит в это, и никто не должен удивляться, если начнутся погромы «в самом передовом и самом свободном государстве, стоящем уже одной ногой в коммунистическом раю». Евреи в отчаянии. Я поэтому вчера пошла к К.И. Варшавской. Она просто потрясена и, прощаясь со мной, сказала: «Погибла последняя надежда обрести родину».

Я знаю все их отрицательные стороны, но разве таким преступным натравливанием на целую национальность можно бороться? Это преступно и недальновидно.

Если начнутся погромы, на чью голову падет кровь?

И натравливать на врачей! Сколько я знаю прекрасных докторов-евреев. А вчера соседка, жена рабочего, на мои слова, что детей лечит прекрасная докторша из поликлиники, еврейка, покачала головой: «А почем вы знаете, что она правильно лечит, а не отравляет?» Вот плоды. Если Маленков, который слывет главным антисемитом, имел целью именно это, он достиг своей цели.

16 января. Вернулась сейчас из секции переводчиков. Д.Г. Лившиц и А.Н. Тетеревникова читали отрывки из своего перевода романа Золя «Деньги»[546]. Перевод Лившиц блестящий. Сколько я за эти годы ни слушала работ переводчиков, ее переводы по языку и по близости к стилю и тексту автора лучшие. И они, и их редактор Реизов рассказали, как они все вместе работали. Вот это редактор. Не то что отвратительный Жирмунский, который отказался второй раз встретиться со мной. Вернулась в 12 часов. Галя и Катя хохочут-заливаются и поздравляют меня. В чем дело? Наталья Алексеевна уехала со «Стрелой» в Москву, куда ее пригласили Никита Богословский и его жена. Она оставила 125 рублей и сказала, что, если бабушка откажется взять эти деньги, пусть дети сами ведут свое хозяйство. Она прекрасно понимала, что я денег не возьму, и вот почему. 20 декабря, когда я лежала с сильными болями в сердце, она пришла ко мне, принесла 150 рублей и заявила, что уезжает на пять дней. «Но ведь я же больна!» — «Это все равно. Я бы уехала, если б вас вовсе не было». И исчезла. Очевидно, был очередной аборт.

Вернулась она через десять дней, и, узнав, что все деньги истрачены, она возмущенно крикнула: «Я не знаю, куда вы бухнули мои деньги!» А я еще, по меньшей мере, рублей 100 своих денег истратила на детей. Пусть бедные дети тратят эти деньги сами! Но мы все счастливы, что хоть несколько дней побудем без этой злобной мегеры.

Хоть бы Богословский ее замуж выдал.

22 января. Говорила по телефону с Ириной Павловной Рождественской, недавно вернувшейся с мужем из Москвы. Пришлось добавить арию о Пестеле, кое-что сократить, театр это репетирует, но о разрешении ставить оперу ничего не известно. В «Литературной газете» на днях была большая статья об опере Хренникова[547], в которой ее хвалили, разругав в пух и прах попутно «Декабристов»[548]. В следующем номере «Литературной газеты» было опровержение[549].

Это, конечно, дело рук Клары. Статья явно инспирированная, написанная подставным лицом. Вот евреи. Уж не буду вспоминать, как съел Шапиро мой театр, это мне до сих пор больно.

Мама мне рассказывала о виленском докторе Стембо. Это был очень милый и внимательный еврей маленького роста, хороший доктор. Лечил он всех нас, лечил и папу в 1904 и <190>5 году, когда отец после ухода Васи с эскадрой Рождественского заболел воспалением легких с всевозможными осложнениями, проболел всю зиму до Цусимы и смог поправиться лишь после того, как пришла от Энквиста телеграмма с уведомлением, что Вася жив, хотя и тяжело ранен. Зима эта была очень революционная. Д-р Стембо остался как-то у наших чай пить, разговорился о политике и, увлекшись, воскликнул: «Мы Россию с грязью смешаем!»

За границей одна пожилая дама, давно обруселая еврейка, рассказала мне, что в 16 лет она сбежала из дому, приняла православие и вышла замуж за русского. Ушла она из дому, рассталась со своей семьей навсегда, потому что ее в ужас приводила ненависть родных к России.

Надеялись ли они найти у нас родину или же надеялись поработить русский народ, порабощение которого представляется всем завоевателям, почему — неизвестно, плевым делом, о которое они все тут же вдребезги разбиваются.

Но злоба к «Декабристам» и всемерные иудейские усилия, чтобы не пропустить русскую национальную оперу, меня глубоко возмущают.

Почему наш XX век проходит под знаком звериной злобы и человеконенавистничества, дискриминации целых национальностей и классов (у нас — интеллигенции), террора и белого, и красного? Почему?

28 февраля. За то время, что я не писала дневника, — как долго, уже больше месяца, — произошло многое, имеющее для меня большое значение. Самое главное: я получила работу! 2 февраля я подписала договор с Ленизданом на перевод романа Жюль Верна «Maitre du monde»[550]. В 20-х числах января мне позвонил Е.П. Брандис, даже имени которого я не знала, и сказал, что, ознакомившись с моим переводом Келлера, он решил привлечь меня к работе для однотомника Ж. Верна. Повесив трубку, я тут же перед телефоном перекрестилась, ноги подкашивались от радости. При свидании с ним в издательстве я поняла, что я всем обязана Лозинскому, который говорил обо мне с Трескуновым, а Трескунов меня рекомендовал Брандису.

Я сразу почувствовала себя человеком и с жадностью, именно с жадностью принялась за работу. Перевод, правда, не очень большой, всего листов 7—8, и оплачивается меньше, чем в Ленгосиздате, там 1000, здесь 750, но зато после выхода первых 15 000 переиздается в 100 000 экз., и тогда нам платят 200% с листа. Только бы дожить. Дальше менее приятное событие, даже совсем грустное: продажа всей «Русской старины» за 3200. Больно мне было очень, но так как переговоры шли с ноября месяца, я успела себя подготовить к этому, создать в себе какой-то иммунитет к этой утрате. Ничего поделать не могла, столько долгов накопилось, дети жили впроголодь. И за месяц, за февраль, истрачено почти все. И немудрено. Еще событие: 10-го приехал Вася и сразу же взял у меня 800 рублей.

Он был вызван телеграммой в Театр комедии на место главного художника. Директор Городецкий и гл. режиссер Познанский за месяц перед этим были в Москве в поисках главного художника, смотрели Васины эскизы, и Комитет по делам искусств им рекомендовал Васю. Беспалов предложил Васе Минск[551].

5 марта. Сталин умирает. Стендаль писал: «Les tyrans ont toujours raison»[552]. А я добавлю: «Les tyrans meurent toujours tranquillement dans leurs lits»[553]. А Генрих IV, Александр II погибают от руки подлых убийц. Seul rois de qui le pauvre ait gardé la mémoire[554]. А уж что Александра II помнили крестьяне до самой революции и позже, это я знаю, слышала и видела своими глазами их поминальники. У каждого мужика, у каждой бабы в поминальнике был записан «государь император Александр Николаевич», и они поминали его всякий раз, как бывали в церкви. Был он записан и в поминальной книжке нашей чудесной любимой няни Елизаветы Ивановны Кочневой, жившей еще при крепостном праве. Она умерла в 1905 году 70 лет от роду. Крестьяне-то хорошо знали цену своего освобождения от крепостного права и совершенно

справедливо считали, что Александра II убили «господа» [за уничтожение крепостного права. Мне пришлось слышать в 33-м или 34-м году такое твердое убеждение от старого мужика, который вез меня от станции Некоуз[555] к Морозовым]. А разве графиня Перовская, Николай Морозов, Вера Фигнер и tuttu quanti не господа, беспочвенные господа, не знавшие и не хотевшие знать, на чьи деньги они работают?

Если Ленина до революции в заграничных революционных кружках звали «твердокаменным», то как же назвать Сталина, с чем сравнить его твердость и беспредельную жестокость?

6 марта. 8 утра. Прослушала сообщение о смерти Сталина Центрального Комитета партии, Верховного Совета и Совета министров. Как у нас принято, «за упокой» не может кончаться ни одно выступление, даже некролог, так и это сообщение говорило не столько о заслугах Сталина, сколько о роли «великой коммунистической партии Советского Союза» и кончилось за здравие великой советской родины. Можно ли себе представить, чтобы француз воскликнул не «Vive la France»[556], а «Vive ma patrie républiquaine»[557]! Вот и я хочу дожить до того момента, когда Россия станет называться Россией, а советский народ (какая бессмыслица!) станет опять великим Русским народом.

Я нашла у Victor Hugo («Littérature et philosophie mêlées», 30-е годы XIX века) такие слова: «l'Angleterre se soutient, la France se relève, la Russie se lève»[558]. По-моему, замечательные слова.

Конечно, Сталин был одним из тех, кто внес свою большую долю в созидание этого подъема, несмотря на большие ошибки. Эх, не прочесть мне следующей страницы истории, а там будет все известно: кто что делал, [и кто в чем был виноват], и кто в чем ошибался. Отпадет весь анонимат наших дней.

А все-таки — что готовит нам грядущий день? Или месяц? Апрель?

9 марта. Гудят все заводы, пушечный салют, всегда напоминающий обстрел. В Москве похороны. Вся наша молодежь и дети ушли на Дворцовую площадь[559].

Слушала у Гали по радио речь Маленкова и часть речи Берии ...Вэликое наслэдство... Все они гораздо больше говорят о партии, монолитности партии, необходимости сплотиться вокруг партии и т.д., чем о Сталине.

Маленков вообще поторопился. Он не только сапог не износил, он даже похорон не дождался, чтобы перекроить все министерства, удалить кого нужно, других приблизить. Да еще довольно бестактно указал, что это поста-

новление делается во избежание паники. У кого паника? Очень умный шаг — возвращение Молотова на прежнее место министра иностранных дел и привлечение бесконечно популярного и любимого всеми Жукова[560].

6-го была на траурном митинге в Союзе писателей. Зал был полон. Первым выступил сочинитель пошловатых эстрадных номеров и пьес В. Поляков. Говорил просто и тепло. За ним Леонид Борисов — чуть что не рыдал. Лицо искажалось судорогами, нижняя челюсть дрожала, он якобы старался не разрыдаться. Ему 50 лет с небольшим, а на вид все 70. Поэты начали читать свои стихи. У всех слышались одни и те же слова и рифмы. «Отец» — рифмовалось с «сердец». Елена Рывина, в черном, взойдя на эстраду, долго не могла начать, кусала губы, всем видом показывая, что еле удерживается от слез. Крашенная стрептоцидом Вера Панова говорила умно, не забыла слегка упомянуть о своем троекратном лауреатстве: «Какое счастье, когда твой труд понравился ему...»

Я была там с А.А. Ахматовой, которая зашла за мной. Она была в Союзе первый раз после 46-го года. Все же и теперь у нее вид королевы.

Салюты кончились, и по радио слышен веселый марш. Le roi est mort, vive le roi[561].

13 марта. Из действительной жизни, но похоже на анекдот: Мариэтта Шагинян написала повесть о детстве Сталина, одарила его от молодых ногтей умом, гениальностью, прозорливостью и т.д. Книгу до печатания дали на прочтение Сталину. Десятилетний мальчик предавался философским размышлениям, а Сталин написал на полях: «В это время я гонял голубей». И наложил резолюцию: книгу не печатать, автора не преследовать[562]. А с другим автором получилось хуже. Аллилуева, сестра жены Сталина, несколько лет тому назад написала свои воспоминания о нем. Книгу напечатали. Артистка Беюл смонтировала ее для своего выступления и, как говорят, мечтала о Сталинской премии, и вдруг книга была запрещена и автор сослан[563].

Вот уж правда, не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

9 марта был опять траурный митинг. Опять читали стихи и просто говорили, все клялись работать с удвоенной силой, чтобы поднять советскую литературу на недосягаемую высоту. Бедные пигмеи.

Разжиревший Авраменко, с черными густыми, закрученными кверху усами, точь-в-точь провинциальный армейский штабс-капитан, Саянов в таком же роде.

Митя Толстой рассказывал, что на траурном митинге в Союзе композиторов евреи рыдали искренними слезами больше русских, ожидая погромы от нового правителя.

22 марта. Сейчас, как в 50-м году, распространяются повсюду слухи «из самых верных источников» о вредительской деятельности евреев. Учительница (еврейка) выгнала девочку из класса за шалости. Та спряталась за бак с кипяченой водой и увидела, как учительница вышла из класса, прошлась по коридору и, не видя никого, подошла к баку и бросила в воду какой-то предмет вроде катушки. Когда она ушла, девочка, заподозрив недоброе, пошла в учительскую и рассказала об этом. Воду отправили в лабораторию и нашли в ней туберкулезные палочки (рассказ Кати). Другой рассказ: арестовали докторшу (или сестру), отравляющую детей уколами, прививками. На допросе она заявила, что она не одна, а таких, как она, еще сотни. (Наташа из чесноковских сплетен.)

Кому-то, очевидно, нужно вызвать погром и опозорить наше «коммунистическое государство», а с ним и весь русский народ на весь мир.

После первого сообщения в газетах об аресте Вовси и других и характеристики сионистской антисоветской деятельности было несколько случаев избиения евреев. Приезжавший сюда В.И. Денисьев рассказал мне, что он как-то зашел в пивную. Рядом с ним стоявший у прилавка полупьяный тип обратился к нему: если ты русский, так пей, а коли жид — морду набью.

Кому это нужно? Сколько уже было таких неведомо откуда просачивающихся уток, которые повторялись решительно всеми; хотя бы взять слухи о черном вороне в начале 30-х годов. А «Вахрамеева ночь» в первые месяцы после октябрьского переворота, о которой тоже кто-то мечтал[564].

Мой оазис — Анна Петровна. Вчера, в субботу, и в понедельник она просила меня прочесть ей вслух главы из ее последней работы «Пути моего творчества». Умно, прекрасный язык и очень интересно.

12 апреля. Пошла к ранней обедне. В церковь не попасть, толпы перед всеми дверьми. Я осталась на улице в ожидании крестного хода, села на лавочку. Смотрю, стоит группа женщин рядом со мной и глядит на солнце. Солнце играет! Первый раз в жизни я видела это явление! Было пасмурно, солнце еще невысоко поднялось над крышами. Оно ежеминутно меняло цвет, этот цвет вился в нем, один оттенок переходил, кружась, в другой — то ярко-желтый, то розовый, малиновый, голубой. От солнца отделялись другие солнца ярко-желтого лимонного цвета с лучами и затем исчезали. Я насчитала три. Само солнце было в темном обрамлении облака, и потому особенно ярко светилась эта игра цветов. Я подумала: не круги ли у меня перед глазами? Нет, все их видели. По мере того как солнце поднималось, это свечение исчезало и исчезло совсем, но длилось довольно долго, минут 15—20.

Давно не писала дневника. Я заблудилась в трех соснах: 1) работа, перевод, которым бы надо заниматься все время, 2) дети, которыми было надо заниматься все время, 3) хозяйство, т.е. обслуживание тех же детей, т.к. мать ничего не делает. От этого устаю; голова стала болеть.

А за это время произошло несколько многозначительных событий: 1) 29 марта опубликован указ о довольно широкой амнистии, которая, увы! коснется только воров и казнокрадов[565]. 2) Снижение цен. В первый день этого снижения в магазинах стояли в очередях толпы, можно было думать, что цены снижены всего на один день. 3) Вот это, сообщение МВД., это документ потрясающий: «...в результате проверки установлено, что привлеченные... профессора (Вовси, Егоров, Виноградов и др.) и врачи были арестованы *бывшим* министерством гос. безопасности неправильно, без каких-либо законных оснований. ...Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части МГБ путем *применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия*»!![566] Тридцать пять лет эти недопустимые приемы допускались и вся судебная процедура на этом зиждилась, что же теперь заставило их признаться в этом? Не угрызения же совести? В пояснительной статье московской «Правды»[567], озаглавленной «Советская социалистическая законность неприкосновенна», стоит: Статья 127 Конституции СССР обеспечивает гражданам СССР неприкосновенность личности!!? Все объясняют этот поворот нажимом Запада. А кто знает, мы ведь ничего не знаем, может быть, Маленков более честный человек, может быть, он уже знал раньше о недопустимых действиях МГБ, но ничего не мог поделать, может быть, все это покрывалось Сталиным и Вышинским (вот кого не терплю), и теперь, став у руля, он решил бороться и восстанавливать постепенно попранную Конституцию.

Ведь мы живем, придерживаясь кузминской песенки:

Дважды два четыре,
Два и три и пять,
Вот и все, что нужно,
Что нам нужно знать![568]

Например, мы не знали и не знаем, был ли Сталин в третий раз женат[569]. Ходили слухи, что он после Аллилуевой женился не то на дочери, не то на сестре или племяннице Кагановича. Почему не сказать прямо и просто, что осталась вдова. Сталина канонизировали при жизни, и это привело ко вто-

рой Ходынке во время его похорон[570]. Было много убитых, раздавленных, пропавших детей, которых родители находили в морге. Елизавете Андреевне Новской рассказывал живущий в их квартире милиционер, командированный в Москву на время похорон. Люди забирались на крыши, толкали друг друга, чтобы лучше видеть процессию, падали вниз и разбивались. Сталин получил последнюю, посмертную гекатомбу, дополнившую, очевидно, еще не завершенную меру пролитой при нем крови.

Когда я была в последний раз у А.П., говорила о пытках в тюрьмах, она рассказала следующее. У мужа ее сестры, Е.Л. Морозова, была замечательная коллекция марок, по количеству и качеству вторая в мире. После революции, поняв, что это слишком ценная и потому опасная собственность для частного лица, он предложил ее в дар Музею связи. Там отказались от такого подарка, якобы за неимением места. После этого он был арестован и просидел больше года в тюрьме. Коллекция была конфискована и исчезла с горизонта. Было ему тогда 74 года. Дочь его, З.Е., носила передачи. Затем перестали принимать передачи, сказав, что в тюрьме (в Крестах) его нет. Она обыскала все тюрьмы, нигде отца не нашлось. Вернувшись в Кресты, она добилась того, что ей дали список тех, которым разрешено приносить передачу, и нашла имя своего отца; но там было указано, что ему 54 года, а не 74. Очевидно, стыдно было держать такого старца. Это происходило в конце 30-х годов, Анна Петровна написала Берии, прося назначить суд ввиду старости Морозова, указав на «вкравшуюся ошибку». Его выпустили через неделю. [Выпустили зимой в летнем пальто, в котором он был взят. «Возьмите у тетушки машину», — сказали в тюрьме Зинаиде Евгеньевне. Его комната с теплыми вещами была опечатана.]

Там, на допросе, он расписался в том, что он шпион любой нации, какой от него требовали. «Как ты мог это сделать, — спросила А.П., — ведь тебя могли расстрелять». А тот ответил: «Расстрел — это смерть сразу»; а он видел, в каком состоянии и виде возвращались с допроса его товарищи по камере. Пусть лучше расстреляют, чем бьют табуреткой по голове и ломают ребра.

А К., придя в комнату следователя на допрос, увидал на полу лужу крови.

29 апреля. Je me demande[571]: перемена нашего правительства — не термидор ли?[572] Ходят слухи о всяких послаблениях усталому народу, но реальны ли они или выдуманы жаждущими их? Будто бы: не будет насильственного займа, увеличат пенсии, введут 7-часовой рабочий день, чтобы облегчить труд. Даже демонстрация 1 мая будет необязательной, пойдут только деле-

гации. Может быть, и амнистия коснется политических «преступников»? Хотя Лида Брюллова пишет, что ее это не коснулось. Но кто знает, что дальше будет. Qui vivra verra[573].

Обменялись речами (в международном масштабе), покивали друг на друга. Из речи Эйзенхауэра: «Мир знает, что со смертью Иосифа Сталина окончилась эра. На протяжении необычного 30-летнего периода его правления советская империя расширилась и простирается от Балтийского моря до Японского моря, установив в конечном счете господство над 800 млн человеческих душ»[574].

Последние вести о «Декабристах» знаю от Вс. Рождественского. Они с Юрием Александровичем были у нового министра культуры Пономаренко. Мнение министра об опере, что такой музыки за все советское время еще не было, прекрасной, человечной и благородной. Опера могла бы идти и так, но ввести Пестеля желал тот, кого уже нет среди нас! «Декабристы» должны пойти еще в этом сезоне. Беспалов, присутствовавший при этом, напомнил, что хотели возобновить «Аиду»[575]. «“Аида” подождет, — возразил Пономаренко, — прежде всего “Декабристы”».

И вот встречаю Наталью Васильевну, только что вернувшуюся из Москвы. Людмила ей сказала, что Юрий очень болен, у него рак. Меня это огорчило; ведь вот поди же, кажется, чужой человек, эгоист, а все-таки жалко.

Вечером я была в Союзе писателей на творческом вечере всегда умного и остроумного Акимова. Увидала Рождественского и Ирину и кинулась к ним за разъяснениями. Оказывается, два дня тому назад ему позвонил Левик, спрашивая, правда ли, что опера запрещена и у Шапорина удар? Всеволод Александрович тотчас же позвонил в Москву. Там все в полном порядке, Юрий Александрович здоров, бодр, в прекрасном настроении, сдал добавочную музыку, в Большом театре начинаются репетиции, послан приказ в Мариинский тоже начать репетиции.

«Вокруг этой оперы Бог знает что творится, — говорит Рождественский, — кому-то нужно распространять все эти злостные слухи. Это все из той же цепи интриг, идущей из Союза композиторов, т.е. известной части его».

Пономаренко еще сказал: «Когда я слушал оперу, у меня сердце щемило. И не у меня одного, а у многих из нас!» (Политбюро).

7 мая. В массе весенние настроения, ждут смягчения режима, улучшения жизни, перестали чувствовать этот тяжелый гнет, висевший над страной.

Странное дело, но это так. Кажется, ничего не изменилось, а легче стало дышать. В Москве расшифровывают СССР: смерть Сталина спасет Россию.

Анна Петровна послала машину за своей приятельницей, ученицей и сотрудницей Сергея Васильевича, А.О. Якубчик. Та приехала возмущенная. По дороге она разговорилась с шофером, И.Ф., о смерти Сталина (это происходило в первые дни после его смерти), говорила, какое это огромное несчастье для страны, какое горе! А тот ответил: «Ну что ж, хуже не будет». — «Как мог он, партийный, так сказать!»

Аннушка, та откровенно рада: «Хоть по радио-то перестали трезвонить. А то ведь с утра и до ночи все Сталин да Сталин. И в песнях и в романсах и везде все одно и то же. А за кровь-то да горе он там еще ответит. У Господа Бога свой суд».

А я боюсь, как бы майская погода не была аллегорична. После чудесных теплых первых дней вчера было 4° мороза с утра. Летний Егорий не удался[576], такая была холодина, такой ветер. Я только радовалась, что еще яблони не зацвели.

В газетах не пишут о Сталине, но только и твердят о Партии, о великой коммунистической партии, о том, что этот горний Иерусалим[577] — коммунизм — не за горами. А я не вижу ни малейших признаков. Десятки миллионов невинных людей гниют в ссылке. Равенства нет даже на кладбищах. 6-го я была на Новодевичьем. Была вторая годовщина со смерти Татьяны Руфовны Златогоровой. Осенью там была комиссия в связи с уничтожением кладбища. Они оценивали, во что обойдется перенесение могил профессоров, ученых и великих людей. (Перенос памятника Некрасова обойдется в 25 000 рублей.) Отдельные же могилы «простых людей» будут уничтожены, если родные сами не перевезут прах на загородные кладбища[578].

А я все работаю над переводом, и начала мучительно болеть голова.

23 мая. Уже год со смерти милого Кочурова. Уже год. Была на панихиде в церкви. Вечером зашла к Ксении, Кушнарев рассказал, что будто бы Леон Абгарович Орбели восстанавливается во всех своих правах. Медицинскую академию и Морскую медицинскую соединяют, и во главе становится Орбели. Павловскую комиссию ликвидируют[579].

Орбели единственный не каялся и не признавал своих ошибок! Люди (политические «преступники»), имевшие пятилетний срок ссылки и уже освобожденные, но не имеющие права жить в столицах, получают чистые паспорта. Ежедневно молюсь, чтобы Господь Бог дал мне дожить до рассвета. И повидать братьев. Я не могу умереть, не повидавшись с ними.

<**Конец мая**?> 25 мая умерла мать Алеши Бонч-Бруевича Александра Алексеевна. Это была очаровательная женщина, много выстрадавшая, но все

прощавшая и терпевшая ради Алеши. Алеша ее обожал и потерял в ней единственного друга. На нем лица не было. Жаль мне его до слез и от всего сердца. Я сидела в ее комнате, у ее гроба, глядела на ее спокойное несостарившееся лицо и невольно думала о себе. Сын был ее другом — почему мой сын так далек от меня, есть ли в этом моя вина или это шапоринское наследие? Алеша как-то сказал мне: «Вы делаете для Васи больше возможного». А разве Вася мне друг, разве я что-нибудь для него значу? Я умру — он останется совершенно равнодушен. Если Александра Алексеевна страдала в свое время от неверности мужа, Алешина любовь и преданность отогревали ей душу, и в нем она была счастлива. Я не могла смотреть на него без слез. На кладбище началась гроза, пошел дождь. Ждали могильщиков. Алеша стоял над могилой на высокой груде выкопанной земли, смотрел в ее пустоту, бедный, бедный мальчик, каково-то было у него на душе.

10 октября. Как давно я не писала в этой тетради, пала духом и была очень угнетена. Еще бы, в середине июня со мной стряслась катастрофа, от которой я очень долго не могла прийти в себя, и благодаря этому, т.е. своей слабости, я загубила свое дело.

В середине июня Лениздат расторг со мной договор на перевод Жюль Верна, причем все было сделано абсолютно противозаконно. При заключении договора состоялось маленькое совещание участников перевода, В.С. Вальдман, Лопыревой, меня и нашего редактора Брандиса. Говорились очень приятные слова о совместной работе, о том, что, закончив перевод, мы будем прочитывать друг другу работы, редактор будет нам помогать. Было установлено, что все вещи, кроме моего перевода, требуют обработки, тогда как «Maître du monde»[580] должен быть переведен без отступлений от текста автора. В этой повести Жюль Верн ведет рассказ от имени полицейского инспектора, язык его несколько витиеватый и, во всяком случае, не похож на стиль других его произведений, я сравнивала с «Voyage à la Lune»[581].

Я так и переводила, стараясь выдержать этот стиль. Брандис стал меня торопить, чтобы я дала ему хоть часть работы. И пришел за ней сам! Мне кажется, что этот приход был неспроста. Но догадалась я об этом позже. Когда к сестре в Станище приезжал урядник, ему подносили водки и давали поросенка, это был уже установленный порядок. Для этого не надо было особого хитроумия или подхода. А начальник станции попросту говорил Нилу Кардо-Сысоеву: «Мне бы свинью так пудов 11».

Я дала Брандису, собственно говоря, ненапечатанную, но никак не законченную работу листа на три. Через несколько дней он мне звонит, что пере-

вод плох, он отнес его в издательство и считает, что редактировать его невозможно.

Меня это заявление как обухом по голове ударило. Я заставила себя пойти в издательство, объяснила, что это была работа, сделанная начерно, и просила подождать, пока я не приведу ее в надлежащий вид.

Никогда со мной ничего подобного не случалось. Надо сказать, что этот перевод читала Клара Ильинична Варшавская и одобрила его. Я принялась за работу. Условия работы прошлой зимой и весной были ужасные. Наташа отсутствовала и все хозяйство взвалила на меня и, как свинья под дубом, подточила тот самый дуб, помощь которого была детям так нужна. Я переработала перевод совсем. Прежде чем сдавать, показала Лозинскому. Пока я рылась в энциклопедическом словаре, М.Л. просмотрел 4 страницы, сделал мне кое-какие указания и сказал, что в общем «крепкий русский язык».

Сдаю. Через несколько дней Брандис звонит, говорит, что гораздо лучше, через несколько дней мы встретимся и поговорим... А на другой день утром меня вызывает главный редактор Татьяна Владимировна Буданова (она такая же Буданова, как Михаил Соломонович — Трескунов). Приезжаю, там нахожу Брандиса, он показывает мне те же четыре страницы, мелко исписанные над моими строчками карандашом, говорит, что редактировать мой перевод — это значит написать все заново, и расторгают со мной договор.

Спорить я не стала. И напрасно. Они брали меня «на арапа». Придя домой, я посмотрела его редактуру. Многое было даже безграмотно. Например, вместо «деревня была *ближе* к вулкану» Брандис пишет: приближенней! Одним словом — Бердичев.

Мы с Соней поехали к Толстым в Кавголово[582], и я захватила с собой эти проредактированные 4 страницы, чтобы показать Лозинскому. М.Л. попросил меня оставить ему и через неделю прислал разбор на 12 листах, не оставив камня на камне от всей этой белиберды. У меня в мае и июне были такие нестерпимые боли в затылке, что я боялась кровоизлияния в мозг.

Как выяснилось, мне надо было сразу же обратиться в охрану авторских прав, за июль (льготный месяц) перевести неоконченные 3 главы (которые я не успела перевести из-за мучительного домашнего положения) и подать в суд. Ничего этого я не сделала и не могла сделать, так как была совсем больна.

А из Москвы писали, что сестра чуть не при смерти, и торопили мой приезд.

Второй раз меня съедают иудеи. 1) Шапиро, 2) Брандис с Будановой. Съели меня, как устрицу.

11 октября. Спускаясь вчера по лестнице от Софьи Исаковны Дымшиц (Толстой), я подумала: вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства, как сказал Иисус Христос о Нафанаиле[583].

Лукавства в ней никогда не было и корыстолюбия также. Она разошлась с Толстым из-за собственного легкомыслия, она признает это сама, не взяв от него ничего. Вчера она мне рассказала, что А.Н., женившись на Наталье Васильевне, пришел к ней и сказал, что тетя Маша (Тургенева) подарила ему свое небольшое имение на Волыни, но он хочет передать его Марианне. Софья Исааковна была этим страшно оскорблена: «Ты, следовательно, отказываешься от отцовства; я думала, что если ты отец Марианны, то пока у тебя будут деньги, будут и у твоей дочери, не будет у тебя, не будет и у нее. Ты будешь о ней заботиться. Зачем же ей имение? Или ты отказываешься от своего отцовства?» И она вышла из комнаты, а А.Н. заплакал. Не всякая бы так поступила.

18 октября. Теперь я узнала, что перевод был передан Доре Лившиц и Тетеревниковой. Лившиц я считаю лучшей переводчицей в Ленинграде. Взяток ей давать было незачем. Я объясняю поведение Брандиса таким образом: он плохо знает русский язык, я заметила, что русские обороты речи его пугают. Например, слова «почудилось», «на мой взгляд», «будь уж светло» он подчеркивает как недопустимые. Он решил, не будучи уверен ни в себе, ни во мне, обратиться к Доре, которую и редактировать не надо! Если бы у меня все было готово — ну что тут уж говорить!

Такова была весна, а лето принесло мне тоже только огорчения и разочарования. 4 июля была премьера «Декабристов» в Мариинском театре, прошла блестяще, артист Алексеев создал благородный, романтичный, незабываемый образ Рылеева. Юрий был очень доволен, его вызывали без конца. 8-го мы с Соней уехали в Москву. Сестре было уже лучше, она стала быстро поправляться, но, увы, я ее больше не узнавала, ее словно подменили. Это было мне очень, очень больно. Я так боялась за ее жизнь, ехала с таким беспокойством и встретила полную холодность и равнодушие. Это уже старческий маразм. Сонечку Вася отвез на дачу, которую взял для Любочки. Она жила на Шереметьевской[584] с бабушкой, Васиной тещей. Но та, как женщина простая, деревенская, считала, что Соня должна стать нянькой при Любочке и девочкой на побегушках. Мало того, она Соню почти не кормила, оставляя все вкусное для Любы, хотя я все время возила им продукты и снаб-

жала деньгами. Выяснилось это в один прекрасный день, когда я приехала навестить их. Я Соню увезла. Всего она там пробыла 3 недели. Соседи по даче были глубоко возмущены отношением к Соне и уже давно перестали разговаривать с Евдокией Михайловной. Дочери она, по-видимому, боялась и при ней становилась неузнаваема.

Это было вторым разочарованием. Я поняла, что у детей, Сони и Пети, нет другого пристанища, кроме матери, и какая там ни есть Наташа, при всем ее эгоизме она детей любит по-своему. А у отца им места нет. Это очень тяжело и больно. Я рассказала Наде все подробности: «Самое главное, чтобы ребенок не почувствовал себя никому не нужным», — сказала она.

Лида (Мапа) Радлова пригласила Соню к себе на Николину гору[585], где она и пробыла 10 дней.

Я поехала за ней вместе с Мапой в дождливый день. Дождь лил как из ведра. Днем прояснело, выглянуло солнце, и мы пошли погулять. Вышли к Москве-реке, которая здесь, под Николиной горой, делает излучину. Я громко ахнула от восторга. Просто остолбенела: после дождя в воздухе стояла голубоватая дымка испарений. Вода в реке была темно-фиолетовая, цвета сливы, среди ярко-зеленых берегов. Такой красоты оттенков я еще никогда не видала. Это было отражение синей за туманом Николиной горы.

Я долго любовалась, не могла оторваться от этого небывалого сочетания красок, богатства глубины густого фиолетового цвета. Пожалуй, это самое сильное впечатление за все лето.

Приехали мы в Москву 9-го, и чуть ли не на другой же день радио оповестило об измене Берия и его аресте. Никто не решался произнести его фамилию, говорить об этом. Боялись. Иносказательно называли Берлиозом. Надя рассказывала, что у них в столовой завода служащие сидели, читая газеты, но никто не промолвил ни слова об этой неожиданно разорвавшейся бомбе.

Я слышала много рассказов, и всё от людей, которые могли быть хорошо осведомленными, и складывается следующая картина: Берия хотел произвести 18 брюмера, но оказалась кишка тонка. Он забыл, что 18 brumaire надо совершать после итальянской и египетской кампаний[586], а базировался на своем происхождении. Один грузин процарствовал 29 лет, почему бы и другому грузину не сесть на царство?

Из Москвы были постепенно выведены все правительственные войска, кроме войск МВД. Все правительство должно было быть арестовано на спектакле «Декабристы» 27 июня. (Это сообщил Юрию Александровичу главный

администратор Большого театра.) Кто все это раскрыл или кто донес — неизвестно, но Булганин все узнал и дал знать Жукову. Тот со всей предосторожностью привел ночью в Москву целую дивизию (называли Кантемировскую?[587]). Они окружили казармы эмвэдэшников, всех разоружили и арестовали, никто не сопротивлялся; Берия был вызван в Политбюро или ЦК (я мало разбираюсь в функциях того и другого), где его арестовали. Был также арестован его сын с женой, внучкой Горького Марфой Пешковой, но ее скоро освободили. Рассказывают теперь, что Берия славился своим развратом, но за что «разложившиеся» великие князья дарили дворцы и бриллианты, за то Берия награждал ссылкой, причем об этих женщинах не было больше ни слуху ни духу. Приписывают ему и растление малолетних. Всех министров он держал в страхе, наушничая на них Сталину, снабдив их квартиры звукоулавливателями. Какая грязь, и сколько лет это могло длиться! Он начал работать в ЧК с 22-го или 23-го года.

Летом же был опубликован приказ об уменьшении налогов колхозам[588], и вообще подняли шум вокруг хозяйственных вопросов. На мой взгляд, опоздали с этим исправлением ошибок. Опоздали на все 25 лет существования колхозов. Там никого не осталось. Раз уж в газетах пришлось сознаться, что скота в 1916 году было больше, чем теперь, на 4 ½ миллиона голов, значит, плохо дело.

Что только не делалось для того, чтобы лишить колхозника возможности иметь собственную скотину. Было запрещено косить по канавам, в лесу, если заставали на месте преступления, осуждали на 5 лет. Все прирезывали своих коров. Наша молочница рассказывала, что фининспектор приходил всегда с обыском, нет ли скрытой скотины, ходил по хлевам и *хрюкал* в надежде, что на это хрюканье отзовется спрятанный поросенок. Софья Павловна (молочница) изображала в лицах хрюканье фининспектора, на которое поросенок неминуемо должен был откликнуться, я хохотала до слез. Теперь он больше не является; фуражные магазины полны сеном, отрубями, жмыхами, и можно покупать в любом количестве. Пригородные единоличники в лучшем положении были все время. А в колхозах пусто. Из университета, из всех учреждений отправляют на уборку картошки сейчас, в конце октября. Только что вернулся из колхоза на Карельском перешейке Ваня Канаев, студент-астроном. Он не только убирал картошку, он косил овес! Воображаю, что в этом овсе осталось, кроме соломы![589]

Ни парка, спускавшегося к Днепру, ни старых берез — ничего.

По всему Днепру все имения и все церкви уничтожены. Здесь были большие бои, и немцы, уходя, взорвали церкви и колокольни, могущие служить ориентировочными пунктами.

В Крюкове, по ту сторону Днепра, большом имении гр. Гейдена[590], нет ни дома, ни церкви, ни огромного парка. Из всех каменных служб уцелели часть конюшен, где расположился ветеринарный техникум.

В Николо-Погорелом[591] был огромный дом-дворец покоем, пожертвованный последней Барышниковой со всеми другими ее имениями земству. [Очень долго тянулся процесс, так как ее дочери оспаривали завещание.]

2 ноября. Я проснулась сегодня с мыслью: я труп. Отсутствие работы, нищета всей семьи, голодание детей, полная беспомощность; при этом, а может быть, из-за этого, болезненное состояние, постоянные боли в сердце, ну, словом, труп.

Конечно, у меня есть своя работа, архив, воспоминания, но как этим заниматься, когда нет даже денег на хлеб.

Мой перевод Жюль Верна сейчас у Е.Г. Полонской. Она еще не все прочла, но по тому, что она просмотрела, ей непонятно отношение и придирки Брандиса. Очевидно, антирусизм. Или надо было дать ему взятку, когда он приходил ко мне?

3 ноября. Хотя и труп по существу (вчера утром я это вдруг остро почувствовала и пришла в полное уныние), но все же живой труп, и вчера вечером я пошла на очередное собрание переводчиков. Читали стихотворные переводы V. Hugo. Когда я вижу или слышу что-нибудь превосходное, я прихожу в почти восторженное состояние, угнетенность пропадает, и я до сих пор в каком-то приподнятом настроении. Лучше всех переводы Вс. Рождественского, он читал «Инфанта и роза» (или «Роза инфанты», не помню)[592]. Перевод звучал как прекрасные русские стихи. Затем Эльга Фельдман, у нее всегда удивительная тонкость понимания. Одно стихотворение начинается со слов: «Sinistre vieillard». Потом «Insomnie» и «Hiver». «Insomnie» — великолепно. М. Донской — из «L'art d'être grand-père». Корсун — четыре небольших стихотворения из «Contemplations» и Е.Г. Полонская «Propos de Table» и «Les bonnes gens»[593].

20 ноября. Вечером вчера заходила Елизавета Андреевна Новская. Она все время переписывается с Лидой Брюлловой (Владимировой), не будучи с ней лично знакома. Посылает ей изредка посылки. Просто из доброты душевной. В последнем письме Лида писала, что подавала просьбу о снятии судимости. Ей ответили, что смогут пересмотреть ее дело в том только случае, если у нее

есть близкие родственники, дочь, сын или сестра, которые взяли бы ее к себе! У Лиды погибли все: муж, брат Борис Павлович, Наташа. Сын умер уже давно, до их высылки.

А за что она была выслана 18 лет тому назад! Муж был когда-то офицером, а ее отец был профессором *императорской* Академии художеств. Вот грехи этой семьи.

Я спросила Елизавету Андреевну, нет ли каких-нибудь слухов о дочери Татьяны Руфовны Златогоровой. Никаких, так как единственный, кто мог (и должен был) справляться о ней и посылать ей передачи, ее последний муж, открестился от нее от страха и ничего не предпринимал, присвоив все ее имущество. Но сейчас вернулся из ссылки один из предыдущих ее мужей, очень любивший ее, виделся с Елизаветой Андреевной и обещал навести справки.

Этот человек — Каплер, прославившийся тем, что в него влюбилась Светлана Сталина и хотела выйти за него замуж. Его тотчас же выслали и вернули только после смерти Сталина. Вспоминаю D-sse d'Abrantès: «Il est dangereux d'aimer des princesses ou d'en être aimé»[594]. Дело идет о сестрах Наполеона. Светлана после такой неудачи вышла замуж за сына Берия, быстро порвала с ним и вышла за сына Жданова. Теперь их и Василия Сталина выслали будто бы за близость к Берия и «его творчеству», как писал Петя. (Ее не выслали, по другим слухам, она ведет себя серьезно и пишет диссертацию.)

Сын Сталина, генерал-лейтенант Воздушного флота, был недалекий и малообразованный человек. Сталин еще при жизни решил его разжаловать. Умер, не успев этого сделать. Докончили без него. Анна Ахматова рассказывала мне, что сразу же после смерти Сталина вернули из ссылки певицу Русланову и ее мужа-генерала. Они были высланы за то, что вскоре после окончания войны устроили банкет в честь Жукова и она подняла тост за «Георгия Победоносца»!

Самое страшное сейчас — это чудовищное разложение молодежи. 6 ноября в 9 часов вечера на Большом проспекте Васильевского острова был убит студент 1-го курса Фомин, ученик Елены Ивановны Плен. Он шел с двумя товарищами, и внезапно на них набросилась целая банда подростков 17—18 лет и начала их избивать. Студенты бросились бежать, двое успели скрыться, а Фомин упал, и его избили ножами так, что, когда пришли милиционеры, приехала карета «Скорой помощи», он скончался от потери крови, не доехав до больницы.

Ольга Андреевна рассказала случай с ее знакомыми. В одном доме жили юноша и девочка, оба учились в 10-м классе и дружили. Однажды юноша попросил свою подругу пойти с ним куда-то ночью и принести лопату. Она удивилась, но он, ничего не объясняя, настаивал на своей просьбе. Она передала все это матери, та сообщила милиции. В милиции сказали, чтобы девушка сделала все, как ее просили, а они будут следить.

Она пришла на свидание, юноша пришел с чемоданом, они отправились в какой-то двор, где была очень большая куча песку. Закопав чемодан в песок, они ушли. Милиционеры вырыли чемодан, который оказался набитым драгоценностями (был ограблен ювелирный магазин), и спрятались. Через некоторое время пришло семеро молодых людей за чемоданом, и их тут же сцапали.

Девушке на другой день была подброшена записка: «Тебе живой не бывать». Ее с матерью переселили в другой район — опять такая же записка.

У нас существуют пионеры, комсомол, т.е. коммунистический союз молодежи, — где же их влияние? Никакого. А подобных банд видимо-невидимо.

Наша молочница Софья Павловна Мустина рассказала, что в прошлом году старший сын ее стал приводить по субботам вдребезги пьяного товарища и оставлял у себя ночевать. И так каждую субботу и воскресенье этот пьянчуга ночевал то у них, то у другого товарища. Когда мать сердилась, сын ее успокаивал, говоря: «Не сердись, мама, это очень хороший парень, его надо поддержать». Оказалось, что этот юноша, кажется еще в эвакуации, попал в банду и изобрел такой способ, чтобы отстать от бандитов. Он пил и еще притворялся, усиливая впечатление, и таким образом добился того, что те его оставили как окончательно спившегося и потому бесполезного человека. Он никого не выдал, а теперь ничего не пьет, выучился прекрасно играть на баяне, работает и страшно благодарен своим товарищам за поддержку. «Ну, мать, — сказал он С.П., — если бы не твой Толя и Володя, был бы я погибшим человеком».

У нас умеют бороться с любыми эпидемиями, неужели нельзя поднять дисциплину в школе, нельзя изничтожить эти разбои с круговой порукой?

В доме 20 по Ковенскому переулку, где живет Елена Ивановна Плен, трое молодых людей, скорее подростков, отправились в Токсово, убили там женщину, ограбили, на вырученные от этой поживы деньги покутили, но скоро были арестованы. В квартире был обыск, взяты были те, у кого нашли украденные вещи. В доме говорят, что еще у кое-кого хранятся вещи убитой, но их не обнаружили.

22 ноября. Сегодня был у нас Юрий Александрович. Он приехал сюда на Пленум Союза композиторов. Я ему позвонила на другой же день после его приезда и уговорила заехать к нам. Мне хочется, чтобы детям казалось, что у них есть семья, что дедушка ими интересуется, приезжает к ним de son plein gré[595]. Я хочу, чтобы у Юрия посещение детей вошло в привычку, чтобы, когда я умру, дети не почувствовали себя сразу брошенными московскими родственниками. На Васю надежда плоха, увы. Мы испекли очень вкусный пирог с капустой, Ю.А., как пришел, дал мне 100 рублей, чтобы купить детям сладостей. Наташа сбегала в магазин, принесла вкусных вещей, так что для ребят был праздник. Бедняги не избалованы.

Оперу хотят исполнять в Чехословакии, в Болгарии и Румынии, а также и в Италии. Хорошо бы, если бы «Декабристов» исполнили в «La Scala», там главный художник Николай Александрович Бенуа, сын Александра Бенуа. В конце сентября «Декабристов» передавали в эфир во всем мире, и до Ю.А. дошло несколько откликов. Он получил поздравительную телеграмму от Коллингвуда, своего товарища по консерватории. Он тотчас же пошел в ВОКС и спросил, может ли он послать в ответ благодарственную телеграмму. «Знаете ли, — ответил ему, поморщившись, тот, к кому он обратился, — не стоит».

Через некоторое время Юрий получил из Америки просьбу по телеграфу прислать свой автограф. Он вновь обратился в ВОКС уже к кому-то другому и прежде всего показал телеграмму Коллингвуда: «Конечно, надо ответить, а то неудобно... Напишите письмо, и через неделю мы доставим». А когда он вынул американскую телеграмму, «...не стоит», — сказали ему, поморщившись. Юрий изображал эти разговоры в лицах.

В Румынии переводчицей была некая Малишевская. В бытность свою студентом Киевского университета Юрий жил у Малишевских и занимался с мальчиком хозяев. Оказалось, что эта Малишевская племянница его друзей, а его бывший ученик живет в Румынии и служит в каком-то советско-румынском учреждении. Юрию очень захотелось его повидать. Опять поморщились и сказали: «Лучше не надо, знаете, неудобно!..» (?).

Когда в 33-м году в Большом театре исполнялась 1-я симфония Ю.А. (под управлением Коутса), эти Малишевские (родители) были в театре, нашли его и очень трогательно восхищались его произведением.

За границей, в демократических республиках, его вещи, в особенности «Куликово поле», идут чаще, чем у нас.

Я очень люблю его 1-ю симфонию. Спросила, почему ее не исполняют. Юрий ее перерабатывает и говорит, что теперь она будет звучать много лучше. Когда-то Ашкенази смеялся, говоря, что у Шапорина мания перебелиоза.

Очень хвалил последнюю, 10-ю симфонию Шостаковича[596]. Квартет ему понравился меньше.

29 ноября. С 26-го я уже три дня подряд ездила к Анне Петровне по утрам и писала под ее диктовку. У меня впечатление, что ей хочется успеть написать биографии своих товарищей по «Миру искусства», реабилитировать это общество, и я нашла подтверждение моему предположению. А.П. всегда пишет черновики своих писем в толстые общие тетради, которые затем хранятся в ее архиве[597]. Написав под ее диктовку черновик письма Синицыну, я обратила внимание на предыдущее письмо, писанное Нюшей, с фантастической орфографией. А.П. там пишет: «Горю нетерпением продиктовать свои воспоминания о Бенуа, Билибине, Головине, Кустодиеве, Лансере, и никого нет, а я сама ничего не вижу». Нина Владимировна лежала в больнице, у меня был грипп. Я рада, что предложила ей свои услуги.

Один глаз у А.П. уже давно погиб, а за эту осень и второй очень ослабел; каково это человеку, у которого творческие силы кипят, не ослабевая?

А.П. сидит, опустив голову, сосредоточившись, и диктует как бы «с листа», совсем готовое, пишешь почти без помарок. Она никогда не теряет нити своей мысли, ни в разговоре, ни при диктовании. Наше писание прерывается разговорами, воспоминаниями, которые не могут войти в статью.

А.П. рассказывала мне, что А.Н. Бенуа был исключительно музыкален и часами импровизировал на рояле. Я вспомнила, как в 10-м году, когда мы с Мусатовой жили вместе, наняв небольшую квартирку в три комнаты на Васильевском острове, к нам часто приходил Петров-Водкин и тоже любил импровизировать. На это А.П. рассказала, как на одном из собраний «Мира искусства», на которых всегда бывало очень весело, Петров-Водкин сел за рояль и стал играть. Вскочила Елизавета Сергеевна Кругликова, за ней Саша Яковлев, и они вдвоем импровизировали танец апаша и уличной девицы. Петров-Водкин менял темпы, ритмы, сочинял танцы, Елизавета Сергеевна держала во рту гвоздику — зрители были в восторге. На другом собрании Мария Федоровна, которая в молодости была очень интересна, танцевала канкан.

Когда в начале Первой мировой войны художники «Мира искусства» решили организовать небольшой госпиталь, они устроили лотерею для сбора средств. Анне Петровне и Анне Андреевне Сомовой-Михайловой пору-

чили отвезти Головину билеты. Они отправились в Мариинский театр, вошли с главного хода, но к Головину швейцар их не пропустил. Они обогнули театр и вошли с служебного хода. Там цербером стояла женщина: «Нет, к Александру Яковлевичу никак невозможно, запрещено». — «Но почему же?» — «Александр Яковлевич запретил пропускать к нему дам, они дерутся!» Художницы объяснили цель своего прихода. «Ну, в таком случае идите».

Когда они вошли в огромную мастерскую над сценой Мариинского театра, Головин, находившийся на противоположном конце, пошел навстречу и, узнав Анну Петровну, низко поклонился ей, коснувшись рукой пола. «Земной поклон вашему искусству, Анна Петровна», — сказал он.

26-го А.П. оставляла меня обедать (она обедает в три часа), но я торопилась домой, т.к. Ю.А., уезжавший в тот же день, обещал мне позвонить до трех. Я объяснила А.П., что мне очень важно с ним договориться, т.к. он обещал дать денег, чтобы купить Пете пальто, Соне воротник и т.д. У них нет ни галош, ни валенок к зиме.

Когда Юрий приезжает, я чувствую себя ковбоем, каким-то наездником американских прерий в погоне за диким скакуном, на которого я должна накинуть лассо. Роль гибкого аркана выполняет дурацкий телефон и дипломатические разговоры. Можно подумать, что я занимаюсь шантажом и вымогательством, у меня остается такое ощущение от всех этих разговоров, а результат: за весь этот год были присланы Ю.А. мне для детей 2000 р. да от Васи 2200 р. минус 900 р., которые он у меня взял, = 1300 р.! Всего от отца и деда, богатого деда, 3300 р. Юрий, увидев детей, спросил, почему они такие бледные? Потому, что всю осень сидят на одной картошке!

На другой день, 27-го, А.П. спросила, звонил ли мне Ю.А., оставил ли денег для ребят. «Обещал прислать». — «А сколько же он вам посылает?» — «Я получила две тысячи рублей» — «Как, две тысячи за весь год?» — «Да, за весь год».

Мы с ней писали, болтали, потом она пошла посмотреть, скоро ли будет готов обед. Возвращается и подает мне конверт. «Очень вас прошу, возьмите это. Тут 500 рублей, покупайте детям яблоки». Я запротестовала. «Это такие пустяки, я на днях выиграла тысячу четыреста рублей, на что мне они, я уже все раздала». Я взяла. Матери срама не имут. И потом поехала на рынок и купила яблок. Бедные, бедные детишки. «Бог и птичку в поле кормит...» Хорошо еще, что свет не без добрых людей.

А.П. очень остроумна, и у нее много юмора. Я как-то ей сказала, что Наташа изменилась к лучшему, стала со мной корректна и даже любезна и

внимательнее к детям. «Может быть, это влияние “Декабристов”?» — ответила она.

30 ноября. Вчера вечером я не могла устоять перед афишей концерта в Капелле из произведений Баха и взяла билет.

Исполнялись отрывки одной из месс хором Капеллы с органом, скрипкой и роялем, а во втором отделении органная фантазия и фуга, прелюды и трехчастный концерт для органа. Чудесные вещи и хороший молодой органист Шахин. Я была очень утомлена перед концертом, но эта музыка привела меня в норму.

Зал был полон, и ни одного знакомого лица. Полное отсутствие евреев. Перед концертом был доклад о Бахе Друскина — сплошная фальсификация, принимаемая на веру наивною и малообразованною молодежью.

Говоря о фрагментах мессы, он по-своему переводил названия: хор начинается с incarnatus — это печальная музыка, следующий отрывок crucificatus — распятие, самый драматический момент евангельской легенды. За этим следует фрагмент жизнерадостной светлой музыки, называемой resurexit. Как-то очень смехотворно он перевел passion.

Фальсификация планомерна и упорна. Я писала о прекрасных переводах Victor Hugo. Они прекрасны, но Бог, который всегда близок к V. Hugo, его нет совсем в переводах, Бог изъят. Христос допускается.

7 декабря. Вчера я опять была у Анны Петровны и писала под ее диктовку биографию Зинаиды Серебряковой. А.П. лежала в постели, т.к. 29 ноября очень устала, целый день у нее были гости, и 30-го она слегла и пролежала всю неделю.

К сожалению, она не все записывала в свой дневник, многие очень интересные черты из жизни художников остались не зафиксированы. Вот такой факт: Серебрякова жила с четырьмя детьми в небольшом имении своего покойного отца, Нескучном, Курской губернии[598]. В начале революции ее выселили. Дали телегу, куда она погрузила ребятишек и кое-что из вещей, и переехала в Харьков. Муж ее был инженер. Они наняли квартиру, устроились. Муж заболел сыпняком и умер. Только что он умер, как появился Рыбаков (Иосиф Израилевич), взял на себя все хлопоты по похоронам, похоронил мужа Зинаиды Евгеньевны и увез от нее большую папку ее работ, обещав за это содержать ее с детьми и всячески помогать. Она переехала в Петроград. Помощь Рыбакова была очень скудная, ей приходилось выпрашивать у него эту помощь. В общем, он ее ограбил, нагрянув к ней в момент полной растерянности и большого горя. Серебрякова сама со слезами рас-

сказывала об этом Анне Петровне. Рыбакову надоело расплачиваться за картины, и он уговорил З.Е. уехать за границу, обещая помощь живущих в Париже своих богатых родственников (очевидно, он имел в виду Гальперна, брата Лидии Яковлевны Рыбаковой, женатого на Саломее Андрониковой).

Вечером ко мне пришла Александра Васильевна Щекатихина с каким-то коллекционером Загорским, собирающим советский фарфор. Боюсь, как бы он ее не околпачил, ее так легко провести и надуть.

На днях до этого она мне звонит: «У меня сейчас были Monsieur (этот самый Загорский) и Madame на своей машине, они поклонники моего фарфора, хотят много у меня купить, но я говорю, что до выставки я продавать не хочу. Но все-таки они купили одну, еще парижскую, тарелку». — «Сколько же они вам заплатили?» — спрашиваю. «Кажется, двадцать пять рублей». — «Да что вы, Александра Васильевна, ведь за двадцать пять рублей вы чашки приличной в магазине не купите, так нельзя». — «А впрочем, я не знаю. Пойду посмотрю, сколько они денег оставили». Довольно долго она не возвращалась к телефону, очевидно, пересчитывала. «Ну, сколько же?» — «Сто пятьдесят». Бедняга не разбирается в деньгах, ей бы надо все время иметь около себя порядочного и честного человека. А сын — une loque.

Попозже пришла А.А. Ахматова, недавно приехавшая из Москвы. И коллекционер и Щекатихина ушли.

Она долго сидела, много рассказывала, беседовали. Она ушла около 12. Умер в ссылке Н.Н. Пунин, еще в августе. Возможно ли хлопотать о возвращении, о снятии судимости, неизвестно. Кто-то из ее знакомых стал хлопотать о том, чтобы мать могла приехать к ним из Нижнего, где жила после лагеря, т.к. она была стара. Высшие инстанции ответили, чтобы они обратились в МВД, а там, оказывается, не получено никаких инструкций.

Я ей говорю: «Яго́да оказался вредителем, Ежов также, а Берия уже обервредитель, изменник и т.д. Казалось бы, что простая логика требует пересмотра деятельности этих негодяев и возвращения миллионов невинных, сосланных ими. «Как на это посмотреть, — ответила Анна Андреевна. — Можно ведь и так поставить вопрос: Берия был предатель, и может быть, он смягчал судьбы своих приверженцев и давал десять лет, когда люди были достойны расстрела».

В 1938 году судили ее сына, Л.Н. Гумилева, и дали ему 10 лет ссылки. Анна Андреевна подала кассацию. Военный прокурор пересмотрел дело и нашел, что наказание слишком мягко. В то время следующей мерой наказания был расстрел. Целый месяц А.А. с ужасом в сердце ждала решения. Про-

изошла какая-то смена властей, прокурор не то был снят, не то расстрелян, и Гумилев получил 5 лет. Случайность.

Из московских анекдотов: восстанавливают ресторан Тестова[599], и консультантами по этому вопросу приглашены специалисты: Лев Никулин, граф Игнатьев и Вертинский! Я думаю, что хитрой лисе Игнатьеву не очень по себе в такой компании. За достоверность не ручаюсь. За что купила, за то и продаю.

1954

24 января. От старости у меня ни до чего руки не доходят, даже до дневника, и это очень обидно. Когда я пишу, я собираюсь с мыслями, сосредотачиваюсь. В церковь теперь попасть невозможно, такие толпы стоят у входов; а там тоже тишина.

Вчера я поехала в Александро-Невскую лавру, пропустив все сроки для регистрации могилы деда и бабушки. И что же оказалось? Некая Анна Емельяновна Овчинникова, живущая на Петроградской стороне, зарегистрировала могилу Яковлевых еще в начале августа, как только вышел приказ о регистрации.

«И это часто случается, — сказал мне старик, ведущий регистрацию. — Неужели вы думаете, что те две тысячи с лишним могил, которые у нас записаны, зарегистрированы родственниками? Верующим людям жалко памятника, в особенности если он с образом, вот они и берут на себя заботу о нем. Князя Урусова могилу регистрировал тоже кто-то посторонний».

На памятнике Урусова образ уцелел, а с нашего памятника образ св. Елизаветы за эту осень сорвали; [он поставлен в 1859 году, около 100 лет продержался]; мне объяснили сторожихи, что он, верно, был писан на медной доске, медь понадобилась! Лик Св. Елизаветы был писан с бабушкиного портрета. Я написала неизвестной доброй душе, благодаря ее за неожиданную услугу.

Дней десять тому назад ко мне зашли мои старые знакомые, жившие в Детском Селе в одном дворе с нами, Нина Федоровна Сидоренкова и Клавдия. О Нине и ее семье я, вероятно, писала в свое время, о том, как их раскулачили и как, попав в Детское, они с мужем неустанным, упорным, муравьиным трудом свили себе новое гнездо и еще при нас переселились в Полуциркуль[600]. Война их там и застала. Сына, красавца Гришу, скоро взяли в армию. Городской райсовет не давал пропусков в Ленинград, не разрешал уезжать. Это мне во время войны говорил и доктор Лапшин, хитростью перевезший семью в город.

Когда немцы пришли, людям пришлось бежать по дорогам и полям, бежать в буквальном смысле этого слова, под обстрелом с самолетов. Многие были убиты. Сидоренковы остались. Немцы были рядом, а от жителей скры-

вали это. «Сидим мы в подвале под церковью, кто-то и говорит: “Немцы пришли”, а один парень как закричит: “Что вы панику разводите, я сейчас скажу это кому следует”. А тут как раз и снаряд рядом разорвался, и немцы тут как тут». Много рассказывала она. На них донес какой-то мальчишка, пацан, что они коммунисты и живут в еврейской квартире. Этого было достаточно для того, чтобы тебя повесили. Но, к счастью, соседи доказали, что живут они в квартире уже 8 лет и коммунистами никогда не были.

Шла мимо них корова, вероятно, брошенная нашими войсками. Они ее загнали в чей-то пустой сарай, набрали ей сена в Китайской деревне[601]. Большую часть молока раздавали соседним детям. Ведь все остались без всяких запасов и голодали. Кто-то опять донес, что они украли корову, — воровство каралось очень строго, вешали. Они так же спокойно отдали корову, как и взяли. Зимой их угнали в Гатчину. Опять бедные Сидоренковы потеряли все. Муравейник был разрыт дотла. Увезли на саночках самое необходимое, был запас мыла, который их спасал первое время от голодной смерти. Шли они под самое Рождество, мороз сильный был. За кусок мыла давали и хлеб, и дрова, и картошку.

Сестра ее, Дуня, оставалась совсем одна в Детском, сын был на фронте, надо было и ее привести в Гатчину. Их пустили к себе какие-то люди, дали комнату.

За сестрой Нина пошла под вечер. Немцы не позволяли возвращаться в Царское. Настала ночь. Проходила деревней, обошла все избы, стучалась, в надежде, что ее пустят переночевать. Никто не открыл. Было строго запрещено впускать кого бы то ни было. Пошла дальше и наткнулась на немецкие траншеи. Испугалась страшно. Если услышат, тут же пристрелят. Потихоньку отошла. Не слыхали. Где бы спрятаться? Встать у телеграфного столба? Не увидят, но замерзнешь, лучше уж в снег зарыться. Побрела дальше. Опять деревня. Везде затемнение. В одном окне сбоку пробивался свет. Нина заглянула, видит — там финка молится. Ну, эта пустит. Постучала, и финка пустила ее переночевать и даже покормила.

«В Гатчине немцы наняли восемнадцать человек дрова пилить и колоть, а всего было две пилы и один топор. Мы по очереди и работали. Немцы попервоначалу ничего были. За работу получали паек, триста грамм хлеба, немножко масла, крупы. Не отказывались ни от какой работы. Нина шла с саночками на вокзал и подвозила немцам их вещи. Расплачивались хлебом, сахарином, а сахарин ценился очень дорого. За коробочку на рынке давали сто рублей. Чтобы летом возить поклажу, сделали тележку».

Раз нанял ее немец перевезти с вокзала три железных ящичка. Они оказались невероятно тяжелыми, так что даже немец иногда помогал. Шел проливной дождь, грязь, каша. Довезла. Он забрал ящики и не выходит. Нина стояла, ждала под дождем, насквозь промокла. «Долго не выходил, потом пришел, показывает коробочку сахарина, спрашивает: "Гут?" Я отвечаю: "гут", стала уже понимать немного. Он опять ушел, а потом вынес мне восемь коробочек. Когда я домой пришла, соседка меня ругать. И зачем ты такую муку на себя берешь, ведь все у тебя есть. А я на рынке за этот сахарин восемьсот рублей получила».

За 3 года Сидоренковы приобрели собственный домик, корову, стали жить хорошо. К сожалению, сын — полная противоположность родителям. Он очень способный, на все руки мастер, но ничем не может долго заниматься, уже с тремя женами разошелся, причем, как это ни странно, жены сами от него уходили. Нина приписывает эти семейные Гришины неудачи Лизиным заговорам и колдовству. Когда мы жили в Детском, Нина раз поймала Лизу на том, что она что-то подсыпала в их суп.

Нина съездила к себе на родину, в Витебскую губернию. Со станции пошла пешком посмотреть, что уцелело, чего нет. Так все переменилось, что и узнать нельзя. Дорогу, т.е. бывшую дорогу, она признавала лишь потому, что на ней росла высокая трава, земля была унавожена когда-то лошадьми. Некоторых деревень нет совсем, помещичьих усадеб нету. Понять ничего было нельзя, и Нина пришла совсем в другую сторону, чем надо было.

Клавдия жила в Детском, работала на какой-то фабрике вместе с Катей Богдановой, когда-то жившей у нас. С приближением немцев их эвакуировали в Ленинград. Первая зима была ужасна. Морозы начались рано. Работниц поселили в помещениях без печей. Воды не было. Начальству, коммунистам, рабочие сложили печи, но сколько работницы ни просили о том, чтобы им также поставили печи, начальство отказывало. Хотя и кирпич, и другие материалы были налицо. Женщины, их было пятеро, составили две кровати, ложились поперек одетыми, накрывались шубами и чуть что не замерзали. Мыться было нечем. «Намочим два пальца в воде, протрем глаза, а потом не знаем, как эти пальцы согреть».

Работы было мало, не на всех хватало. Кто работал, получал пропуск в столовую, других туда не пускали, даже кипятку не давали.

Катю (она была партийная) глубоко возмущали все эти несправедливости, и, говорит Клавдия, «я ей, бывало, говорила: "А помнишь, как ты кричала на собраниях, что мы должны подписываться на заем не на сто процен-

тов зарплаты, а на сто пятьдесят, двести. Вот теперь и смотри"». Катя не выдержала несправедливости, разочарование было слишком велико, и она повесилась.

Клавдия тоже побывала в своей деревне. Я их спросила, что они думают о новых льготах колхозникам[602] и вернутся ли теперь люди в деревню. «Нет, добром не вернутся. Не верят. Вот вы живете в городе, вы заработаете хоть триста, хоть двести рублей, это ваше. Вы больны — у вас бюллетень. У вас отпускные, пенсия. В деревне, сколько ни работай, ничего не заработаешь. Ты летом заболел — это голодная смерть и тебе, и твоим детям. Никто тебе ничего не подаст. Нет, в деревню не вернутся».

За 25 лет на наших глазах произошел невиданный в мире героический «исход» целого класса с насиженных и обжитых веками мест, со *своей* земли. «Земля и воля»[603]... Кукиш получили. Их обманули, и они молча ушли. Это грандиозно. А теперь посылают мальчишек и девчонок «на освоение целинных и залежных земель»[604]. Насильственно отправляют в колхозы и МТС[605] инженеров.

Что эти комсомольцы там сделают? Землю нужно знать. Мама училась у стариков, Василия Лазарева, Петра Степановича, а потом уж к ней приходили мужики советоваться, когда сеять да когда жать, как пахать?

А эти комсомольцы с заводов, никогда земли не видавшие, что они смыслят?

17 февраля. Меня вызвали в Союз писателей, чтобы выбрать делегата на профсоюзную конференцию. Присутствовала на открытом партийном собрании. Целый час взрослые люди, писатели, говорили о том, что у них плохо поставлена работа агитаторов (перед выборами в Верховный Совет), что в агитпункте нет каких-то брошюр и т.п. А я слушала и думала: о чем они говорят? Ведь король-то голый. Ведь с агитаторами или без них, все придут на выборы, получат бумажку с каким-то именем и не глядя опустят в урну.

Проводили Всеволода Петровича Воеводина в партию. Один из тех, кто его рекомендовал, писатель Капица, сказал: «Я же рекомендовал Воеводина в кандидаты. Но тогда у меня было одно сомнение, приверженность Всеволода Петровича к зеленому змию. Но за три года Воеводин исправился».

22 февраля. Была сейчас у Анны Петровны после перерыва недели в две. У нее опять было воспаление легких в слабой форме. Никого к ней не пускали, и даже свои именины бедная А.П. провела в одиночестве, и когда мы с Татьяной Борисовной привезли цветы, Нюша нас все-таки не пустила — доктор запретил.

Сегодня я нашла, что у нее хороший вид. А.П. была мне очень рада, она очень соскучилась в одиночестве. «Ваш приход для меня событие, — сказала она. — Знаете, я теперь пишу сонеты!» Сонеты не сонеты, но юморески из собственной жизни.

Человек только что лежал в полном бессилии, и мозг продолжает работать и творить. А.П. уже успела продиктовать Нине Владимировне два маленьких юмористических в 1 ½ странички рассказика, прекрасно написанных, отличным русским языком и с большим юмором. Один называется: «Сумбурное происшествие в очень степенном доме». Диву даешься такой неугасающей творческой энергии.

26 февраля. На днях я была у Маргариты Константиновны и советовалась с ней.

Все последнее время я мысленно сочиняла письмо Маленкову. Мне хотелось ему написать следующее: Берия казнен, его предшественников Ежова и Яго́ду постигла та же участь. Все они оказались вредителями. Почему же дела их живы и апробированы тем самым правительством, которое их казнило? Почему не пересматривают дела миллионов сосланных, сидящих в лагерях или, после отбытия наказания, оставленных пожизненно в таких углах, куда и Макар телят не гонял?

Маргарита Константиновна на это мне ответила: «У вас есть сын, внуки, друзья, которым будет грустно, когда вас сошлют. Неужели *они* и без вас этого не знают?» И она рассказала мне, что когда она еще жила не то в Уфе, не то в Иванове, она приехала в Москву и, встретив у приятельницы ее большого друга, крупного коммуниста, рассказала ему все обстоятельства своего дела и просила совета, как хлопотать о снятии судимости.

На это он ей ответил: «Не думаю, чтобы это вам удалось. Вы *слишком ни в чем не виноваты*, чтобы пересматривать ваше дело».

Слишком ни в чем не виновата. А Е.М. Тагер, Е.Н. Розанова, Лида Брюллова, Евгения Павловна, Константин Константинович Тверской (Кузьмин-Караваев), все они *слишком* ни в чем не виноваты.

Сергей Радлов, ушедший с немцами, игравший у немцев, в общем предатель [вернее, изменник], уже отбыл свое наказание, выпущен и получил место режиссера в Минске [или Двинске[606]]. Он слишком виноват, следовательно, его можно простить. А благородный, честнейший, чистый и бескорыстный К.К. Тверской погибает неведомо где и с 37-го года лишен права переписки!

Я готова иногда биться головой об стену.

«Новая эра, сдвиги». Где? Позволили ставить Ибсена и Л. Андреева и писать пейзажи.

2 марта. С месяц тому назад мне рассказали удивительную вещь. Рассказчица смутно знала подробности, но выводы ошеломляющие. Ученые обнаружили, что в составе древних тканей произошло изменение, изменилась формула. Их опыты ни к чему не привели, и они обратились к крупнейшему американскому ученому. Изучив вопрос, он пришел к выводу, что это явление — последствие разрывов водородной бомбы. Еще 200 взрывов — и все живое на нашей планете будет уничтожено, испепелится. Выпустили джинна из закупоренного кувшина, и он дает себя знать. Очень страшно. Может быть, люди и одумаются.

Вчера я с детьми была на блинах у Фришей. Я решила расспросить Сергея Эдуардовича. Как крупный физик, он должен знать правду. Я начала с того, что очень внимательно следила по газетам за Берлинским совещанием[607], и меня поразило то, что ни разу не подымался вопрос об «атомном оружии». Что слышала, будто атомная или водородная бомба оказалась слишком опасной для всего человечества. Фриш подтвердил это.

Недаром Господь Бог запретил вкушать от древа познания добра и зла.

Захотели вкусить с таким аппетитом этого самого зла, что чуть было не подожгли свою собственную планету.

14 марта. Голосовали, т.е. получили две бумажки, с именем Н.С. Тихонова на одной и ткачихи Материковой на другой, и опустили их в урну[608]. Эти «выборы» поставлены у нас виртуозно. Не все ли равно?

Видела сон: неизвестный старик мне сказал: братья будут здесь, ты их увидишь, верь, радуйся. Хоть бы! Боже мой.

А пока, сколько у меня огорчений, не перечесть. Во-первых, без работы. Катастрофа с Лениздатом дает себя знать[609]. Я теперь совершенно уверена, что Брандис ждал от меня взятки. Иначе ничем нельзя себе объяснить его поведение. Если бы он проредактировал или хотя бы прочел всю мою работу, хоть страниц двадцать, то можно было бы согласиться, что перевод плох. Но он проредактировал только те самые четыре страницы, *которые перед этим корректировал М.Л. Лозинский*! И он камня на камне не оставил от уже исправленного перевода. Подлец, и больше ничего.

Вчера я была у Трескунова. «Ах, знаете, к переводам теперь предъявляют такие строгие требования». На это я ему рассказала все, что только что написала. «Я это учту», — ответил он, пожимая обеими руками мою руку... Но ведь столько акул плавает в мелких водах Госиздата...

Вообще в этом направлении одно сплошное многоточие...

22 декабря 53-го, на мое рождение, был у меня Наташин знакомый, молодой режиссер С.С. Евлахов, для разговоров о еще не переведенной комедии Гольдони «I due gemelli veneziani»[610], которую я обещала ему перевести. Он видел эту комедию в Тифлисе в исполнении армянских артистов на армянском языке и очень был увлечен ею. Вещь, правда, очень интересная и созданная для хорошего актера, который должен играть обоих близнецов с диаметрально противоположными характерами. Роль для обаятельного Честнокова. Я, конечно, с увлеченьем начала переводить, перевела уже два действия, но договора со мной еще не заключили — и опять многоточие...

А дома огорчают дети, даже моя любимая Сонечка. Они унаследовали от матери скользкость какую-то. С Галей Старчаковой полный разрыв. У такого умного отца оказалась неумная дочь. На обеих сестрах я наблюдала одно явление, которого прежде никогда не замечала. С пробуждением чувственности страшное огрубение. У Мары это довольно быстро прошло, хотя тоже изводила она меня около года, потом раскаялась. Ее раскаяние не помешало мне пролежать 3 месяца со стенокардией. У Гали несколько иначе. В прошлом октябре она познакомилась с каким-то моряком (она признает только моряков). Как-то он пробыл у нее до утра, и с этого момента она как с цепи сорвалась. Катю, живущую с ней вместе, она не впустила в комнату. Еще приходили гости — Катю выгоняли. Тогда я к ней пришла и сказала, чтобы этого не повторялось. «Эта комната моя, — ответила она, — пусть Катя ищет себе угол, я собираюсь выходить замуж и пропишу здесь своего мужа».

«Комната эта не твоя, а моя, я за нее плачу уже 16 лет. Катя здесь живет на таких же правах, как и ты, и никаких мужей с улицы я прописывать не буду», — сказала я ей. [«Вы мне создали нечеловеческие условия жизни», — добавила она!!]

Она так стала себя вести по отношению к Кате и так груба со мной, что теперь весь дом, даже Ольга Андреевна, перестал с ней разговаривать.

Предложения моряк ей, конечно, не сделал и исчез, и другие уже оставались на всю ночь, и в компании с Верой они все перепивались до рвоты.

А дети должны все это видеть. Скучно.

Разложение молодежи невероятное. Эльза Вульф теперь работает уже не у подростков-преступников, где проработала 8 лет, а в спецшколе для детей, с которыми не могли справиться ни родители, ни школа. Она говорит, что преступники — это был детский сад по сравнению с этой шпаной. Она в ужасе. Надо будет ее расспросить подробно. Растление молодежи страшнее атомной бомбы.

Сын Дунаевского с товарищем изнасиловали девушку и убили ее. Решив выбросить убитую в Москву-реку, они повезли ее в машине, посадив, как живую, рядом с одним из них. На каком-то перекрестке пришлось остановиться, и милиционер обратил внимание на неестественную позу девушки — им дали по 25 лет[611]. А я бы таких расстреливала.

17 марта. Вчера я ждала трамвая у Чайковской, и со мной разговорился милиционер, тоже ожидавший трамвая. Он, по-видимому, был не просто милиционер, а офицер милиции, молодой и красивый. Он сгонял мальчишек с подножек трамвая, они здесь соскакивали, в другом месте вскакивали. Он возмущался и обратился ко мне: «Вот посмотрите!» На мой вопрос, почему такая распущенность, ответил: «Всё начальнички демократничают. С пятидесятого года отняли у милиции все права, мы ничего не можем сделать. Нахулиганит рабочий — мы должны составить акт и передать его на производство. Они только посмеиваются: нам ничего не будет! А директор сидит в кабинете, зарывшись в бумагах, он и ухом не поведет. Как ребенок попадает в школу, начинаются группировки, шайки, он отбивается от рук, а как школу кончит, тут уж всякая дисциплина пропадает. Вернули бы нам наши права, мы бы скоро всю эту шпану в тюрьмы засадили».

18 марта. Шла от Анны Петровны пешком. Полная луна, звезды, легкий мороз. Около Медицинской академии остановилась, смотрела сквозь решетку. Средний корпус академии — типичный помещичий дом начала XIX века. Весь двор перед ним густо занесен снегом, кое-где следы по снегу, от фонаря легла длинная тень, в нижних окнах свет. Если забыть о темных боковых крыльях — совсем старое дворянское гнездо. Я медленно шла и останавливалась. Я люблю смотреть ночью сквозь решетки садов. Какое-то особенное чувство испытываю при этом, чувство, которое я не могу выразить словами. Что-то таинственное, какая-то таинственная и настороженная жизнь мерещится мне в закрытом наглухо саду или парке. Особенно я любила смотреть сквозь решетку на Люксембургский сад в Париже. Далеко где-то, за деревьями мерцают огни в домах. Статуи белеют, в саду ни души. Решетка ночью создает линию запрета, за которой возникает очаровывающее меня величественное одиночество, без людской суеты, туда не проникает «жизни мышья беготня»[612].

28 марта. Да, жизни мышья беготня съедает меня. Какого труда стоит удержаться на поверхности, не замусоривать свой дух.

Меня очень интересует судьба посланной «на целину» молодежи. Ольга Андреевна рассказала, что у них человек десять рабочих-комсомольцев сами,

по доброй воле, захотели поехать, директор был очень недоволен, но удерживать не имеют права.

А с завода, где работает Катя, потребовали 19 человек. Люди не хотели уезжать, но им пригрозили, в случае отказа их исключают из комсомола и с завода. Одна девушка отказалась: лучше я уеду в деревню к родным, чем поеду киселя хлебать за две тысячи километров.

Всю эту неделю я опять по утрам занимаюсь с Анной Петровной. Я перечитываю ей главу за главой ее «Пути моего творчества». Ей хочется составить себе представление о книге в целом. Как с ней интересно общаться, как отдохновительно для души.

18 апреля. 4 апреля я послала поздравительную телеграмму Лиде Брюлловой. Поздравила ее и Елизавета Андреевна Новская. Через несколько дней она мне сообщила, что получила свою телеграмму обратно с уведомлением о смерти адресата. Боже мой, Боже мой, вскую[613] нас оставил. Более трагической судьбы я не знаю. Бедная, бедная Лида. Я с ней познакомилась в мастерской Александра Маковского, где мы обе начали учиться, ей, помнится, было 16 лет, мне 22. Маленькая, очень хорошенькая, с чудными большими карими глазами. Все ее любили. Большой, полный Тихов В.Г. прозвал ее «Мыша».

Потом я потеряла ее из виду, уехав в 1905 году в Италию, а в конце 1906 года в Париж [учиться]. Доходили слухи не очень веселые. Изредка случайно встречались. Замужество, дети, война, революция. Встречались опять, когда я с организованным мною Театром марионеток в 23-м году получила помещение в ТЮЗе. Насколько мне помнится, Лида уже работала там в это время. Она дружила с Елизаветой Ивановной Дмитриевой (Черубина де Габриак!), которая вместе с Маршаком инсценировала для нас «Жар-Птицу»[614]. Они обе жили в доме Гауша на Английской набережной, может быть, вместе [не помню], я у них бывала. Муж ее, Дмитрий Петрович Владимиров, высокий, стройный, красивый человек. Жили они, кажется, очень дружно. Сын Лиды умер от туберкулеза в начале 30-х годов, Наташа была очаровательная девочка. Об их высылке в 1935 году я подробно писала тогда же.

Известие о ее смерти меня потрясло. Такая вопиющая несправедливость. Вырвать из жизни хороших, порядочных людей ни за что ни про что, терзать в течение 19 лет, загубить целую прекрасную семью и говорить после этого о свободе, советской морали и приближении к коммунизму! Какая ложь, какое ханжество, какая мерзость и жестокость.

Я чувствую мучительно свое непростительное бесчеловечное отношение к Лиде. Я ей написала в прошлом году к именинам. Сразу же получила такой ответ, что надо было писать и писать ей. Сейчас я перечитала это письмо и заплакала[615]. Как могла я не ответить на него? А Лиды уже нет. Умерла в полном одиночестве в глухой дыре на краю света. Ужасно. [Очень тяжело писать, когда ничем не можешь помочь.] Но 53-й год был так тяжел для меня. Перевод Жюль Верна, катастрофа с ним. Мучительное лето в Москве. Все это так, но это не оправдание.

Когда я еще была в Екатерининском институте, в старших классах, ко мне очень привязалась девочка из младших классов Тамара Долуханова. Мы летом переписывались. На последнее ее письмо я не ответила. А осенью, по возвращении в институт, узнала, что она умерла от чахотки.

Хорошо ее помню. Маленькая, худенькая, [смуглая] девочка с большими черными глазами.

И на всю жизнь осталась боль, и не вытравишь. А теперь?

Узнав о смерти Лиды Брюлловой, я испугалась за судьбу, вернее, за жизнь Елены Михайловны Тагер и сразу же написала Н.С. Тихонову как к депутату просьбу о «содействии облегчению участи Е.М.». Выйдет ли из этого что-нибудь, зависит от общей обстановки.

13 мая. 20 апреля я получила ответ от Тихонова[616]. Письмо очень благожелательное, кончает он его так: «По опыту последнего времени я знаю, что возможно улучшение и в этом трудном вопросе». Я сразу же переписала все письмо и отправила Елене Михайловне. Тихонов писал, что необходимо ей самой прислать заявление или министру внутренних дел Круглову, или в Президиум Верховного Совета. «Ограничиться пересказом Вашего вполне убедительного письма в обращениях по этим адресам будет недостаточно», — пишет он. И вот до сих пор нет от нее ответа. А я просила, чтобы она тотчас же послала заявление и известила меня об этом, а я опять напишу Н.С. Он же теперь, так же как и Фадеев, — государственный человек, homme d'état[617]. Их покупают этим. Нельзя себе представить, чтобы Л. Толстой, Тургенев или Блок согласились быть государственными людьми.

Несколько лет тому назад Тихонов написал целую книжку стихов (она у меня есть) о Тито и Югославии и надеялся получить за нее Сталинскую премию. Ан не тут-то было. Сталин предал Тито остракизму [вернее, анафеме]. Тихонов, конечно, не пикнул, только очень испугался. Но, кажется, [для него] сошло благополучно.

На днях произошло очень многозначительное событие.

Сюда приезжал Хрущев; он выступил на закрытом партийном собрании и сказал, что ему поручено доложить следующее: дело расстрелянных Попкова, Кузнецова, Вознесенского и других было пересмотрено, установлено, что их признания были вызваны недопустимыми способами, они не виноваты в приписываемых им преступлениях, их память реабилитируется, семьи возвращаются в Ленинград, и им надо предоставить квартиры!![618] Женам, по слухам, дается по 10 000, детям по 5000. Хрущева, очевидно, спрашивали насчет судьбы всех невинно высланных, потому что он ответил, что таковых слишком много, чтобы дать общую амнистию, но предстоит пересмотр всех дел. [Одним словом, снявши голову, по волосам плачут.] Мне это рассказала Ольга Андриановна со слов директора их треста (строительный трест Ленсовета), его товарищ был на заседании, и Маргарита Константиновна.

Богатое наследие сталинского владычества.

17 мая. Сегодня утром ко мне зашла Т.Л. Михайлова, которая на днях едет в Мамлютку к сестре. Сестра ее — жена Михаила Некрасова. Он был арестован и умер в тюрьме «от разрыва сердца», очевидно, замученный пытками. Жена была также арестована и пробыла 8 лет в лагере. Ей было предъявлено обвинение в том, что она не донесла на мужа. Вернулась и жила в Луге. Взяли года 3 тому назад и выслали в Мамлютку, где она получила туберкулез. В комнатах и хибарах Мамлютки пол везде земляной. Летом от него страшная пыль. Пол у Елены Михайловны не ровный, а с такими ухабами, что можно себе ногу сломать. От мучительно грязной работы у Е.М. все концы пальцев в трещинах, она очень ослабела, постарела и изнемогает от непосильно тяжелой жизни. За что? А Молотов произносит возвышенно-гуманные речи на европейских собраниях, пересмотреть же дела миллионов невинных интеллигентов, замученных хуже всяких вьетнамовцев[619], недосуг.

В арестах после убийства Кирова весь упор был на уничтожение интеллигенции, лучшей ее части.

А разложение молодежи достигло такого высокого уровня, расцвело таким махровым цветом, что состоялся XII съезд комсомола[620] и, вероятно, даны директивы подтянуть распустившихся хулиганов. Падчерица Ивана Яковлевича Раздольского оказалась членом воровской шайки, она, кажется, еще школы не кончила. По словам Ксении Кочуровой, были нажаты все кнопки, пущены в ход подкупы, лишь бы замять дело. Главарь шайки ее всячески выгораживал, сам получил 25 лет каторжных работ (очевидно, за «мокрое» дело, уголовным преступникам 25 лет дают только за убийство), а девица была оправдана.

Жила эта особа припеваючи, отчим — профессор, хорошо зарабатывает, уж не меньше пяти тысяч, мать — врач, спекулирует мебелью. Что привело ее в шайку бандитов? Спорт?

Уголовники получают 25 лет за убийство. Арестованный в начале 53-го года известный профессор Вильгельм Адольфович Шаак, профессор-хирург, 70-летний старик, был приговорен к 25 годам тюрьмы (или лагеря!). В январе этого года его освободили, восстановили на работе и во всех правах.

1 июня. 28 мая, в пятницу, я пошла на очередное собрание переводчиков, но попала совсем не туда. В большом зале была «встреча писателей с представителями милиции и уголовного розыска». То, что пришлось услыхать, страшно до ужаса.

Первым выступил полковник Лукьянов. Он сообщил, что *70% преступлений совершаются молодежью до 25 лет и 80% хулиганств*! Желательно, чтобы общество, и в особенности писатели, пришли на помощь милиции. Затем начали выступать следователи и рассказывали о тех делах, которые им пришлось расследовать.

На Смоленском кладбище, если не ошибаюсь, в феврале или марте 54-го года сторожиха обнаружила на одной из могил перевязанный веревкой чемодан. Любопытно было посмотреть, что там находится. Развязала, открыла и увидала разрезанные части трупа. Ноги были в чулках. Головы и туловища не было. Побежала в милицию. Надо было опознать, кто убитый и кто убийца. Убита была женщина 54 лет, убийцей оказался ее сын, Костин, 25 лет, человек вполне нормальный, нам показали его карточку.

У этих людей была отдельная квартира из двух комнат. Мать не ладила с невесткой, и, по-видимому, невестка-то и была инициаторшей убийства.

Отец, инвалид войны, лежал в больнице. Жену Костин отправил в Лугу к родным и в одиночестве расправился с матерью. Голову он сжег в печке, туловище отнес на какой-то пустырь — он водил туда следователя.

Другой следователь познакомил нас с подробностями дела «сына одного известного ленинградского художника». Он только раз обмолвился и произнес фамилию Вусковича, называя его все время сыном художника.

Обнаружить убийцу пожилой женщины, жившей очень замкнуто и по вечерам никого не впускавшей в свою квартиру, было трудно и сложно. Сын убитой, капитан дальнего плавания, находился в Арктике, невестка жила отдельно. В квартире убитой нашли полный порядок и никаких улик, кроме половинки сломанной женской гребенки.

Заподозрили невестку. Сын, прилетевший по вызову через два дня, не пытался отклонить этого подозрения, т.к. невестка с матерью не ладили.

Затем подозрения пали на приходившего к ней в тот вечер какого-то управдома. Почему затем заподозрили Вусковича, я не поняла. Или следователь это пропустил, или я не расслышала. Подробности следствия очень интересны, но на этом не стоит останавливаться. Вускович был совсем юн, его должны были через несколько дней призвать в армию. Его компания состояла из молодежи: рыжий парикмахер Меерович, Сашка Сёмова и Машка Корсунская, девицы с несколькими судимостями в прошлом. Отец Вускович, театральный художник, давно уже бросил жену и жил с другой. (Теперь с Юнович.) Мать также была не на высоте. Убитая хорошо относилась к мальчику, он жил в одном доме с ней, двумя этажами выше. В день убийства он встретил ее во дворе и попросил разрешения прийти к ней вечером проститься (перед отъездом в армию) с любимой девушкой и товарищем. «Вы только приготовьте чай, а мы принесем пирожные». Вечером они пришли втроем, Вускович, Меерович и Сёмова. Девица была очень хорошо одета, с маленьким кожаным чемоданчиком, в котором находился молоток для вытаскивания гвоздей, с острыми концами. Девица, придя, помыла руки, и хозяйка нагнулась, чтобы открыть комод, достать ей полотенце. Сёмова подала молоток Вусковичу со словами: «Бей». «Не могу», — ответил он. Меерович тоже не решился, и Сёмова ударила женщину по голове. «Детки, что вы делаете?» — вскрикнула та и упала. Сёмова покрыла ее одеялом и начала избивать по голове.

Взяли они 2000 рублей денег, серьги, несколько гарнитуров белья и несколько плиток шоколада! Кутили в «Европейской», в «Астории». Корсунская с гарнитурами уехала в Ригу, а Вускович в Литву, где и были арестованы.

Другие следователи говорили о ловких мошенниках, один же о том, как осторожно надо вести следствие и не всегда верить кажущимся неопровержимыми уликам.

Объявили перерыв после рассказа о деле Вусковича. Я почувствовала себя совсем разбитой и не была в состоянии слушать дальше. Когда я вышла, у меня зуб на зуб не попадал, я дрожала, как в лихорадке. Увидала Неву, всю розовую, жемчужную. Думаю: пойду на набережную, погляжу, полюбуюсь, авось эта красота успокоит меня. Нисколько. Я даже не могла смотреть на воду. Повернулась и быстро пошла домой.

16 июня. Сегодня получила наконец ответ от Е.М. Тагер после того, как я послала директору завода, где она работает, телеграмму с оплаченным ответом, будучи уверена, что она умерла. Она мне пишет: «Честное слово, из-

за Вас только, чтобы Ваша добрая инициатива не пропала даром и чтоб не зря Вы беспокоились и беспокоили Н.С., я наконец заставила себя написать это заявление».

Вот выписки из него: «Фактически следователь Лупандин Н.Н. и его помощники (один из них молодой человек, Дьяченко, вел допрос в совершенно пьяном виде) не пытались предъявить какие-либо конкретные, изобличающие меня матерьялы. Вся энергия этих людей была направлена на то, чтобы любым способом добиться подписи под так называемым "Сознанием". В этих целях был развернут целый ряд приемов противозаконного и антисоветского характера: в основном конвейерные 16- и 20-часовые и даже круглосуточные допросы; изнурительная (двухнедельная и больше) вынужденная бессонница, беспощадное запугиванье и другие недопустимые меры воздействия. Раздавленная этой невыносимой обстановкой, утратив душевное равновесие и самообладание, я согласилась подтвердить сфабрикованное следователем "признание" в моем якобы участии в неведомой мне контрреволюционной организации. В этом я видела единственный способ ускорить ход следствия и вырваться — хотя бы в лагерь или в тюрьму — из этой системы безудержных издевательств. ...только в ночь перед судом (между арестом и судом прошло полгода. — *Л.Ш.*) мне вручили обвинительное заключение, из которого я узнала, что привлекаюсь по 8 пункту 58 статьи и что обвинение целиком основано на показаниях писателя Б.К. Лившица.

Ввиду того, что показания Б.К. Лившица являются единственным аргументом обвинительного заключения и имеют для меня слишком далеко идущие последствия, я позволяю себе остановиться подробнее на этих показаниях и на обстановке, в которой они были сделаны.

Перед очной ставкой следователь Лупандин предупредил меня, что, если я хочу остаться в живых и еще когда-нибудь увидеть своего ребенка, я должна "ничему не удивляться и все подтверждать, так как это убедит следствие и суд в моем чистосердечии, присущем советскому человеку". Я спросила прямо в лоб: "Значит, чем больше я на себя наговорю, тем меньше мне дадут?" Следователь подтвердил это чудовищное положение. А моему затуманенному сознанию оно представлялось правдоподобным.

Во время очной ставки Б.К. Лившиц, пробывший до этого целый год в описываемых условиях следствия, производил удручающее впечатление. Его тон, выражение лица, поведение — все указывало на острое нервное расстройство, а может быть, и душевное заболевание.

Глухо и монотонно он сообщил, что является фашистом, контрреволюционером, троцкистом, а я его сообщница.

Я представила себе, что если я буду возражать, то следствие затянется еще надолго и что лучше идти под расстрел, чем возобновлять и повторять все муки последних месяцев. И я выдавила из себя слово: подтверждаю.

Дальше Лившиц показал, что я была организатором террористической группы "Перевал"[621], что я вовлекла в эту группу других писателей (Берзина, Стенича), что я присутствовала при разговоре "о роли личности в истории" и что этот разговор следует расшифровать как призыв к терроризму...

Что касается "террористического разговора", я попросила уточнить его содержание, а также время, место и участников; Лившиц понес такую околесицу, что следователь Лупандин поспешил к нему на помощь со следующим заявлением: "Неважно, кто вел этот разговор и где и когда он состоялся; важно то, что такой разговор мог быть".

Весь судебный процесс, включая опрос подсудимой, совещание судей и прочтение приговора занял ровно десять минут. Председательствующий спросил: "Получили обвинительное заключение?" Отвечаю: "Получила". Второй вопрос председателя состоял из одного слова: "Подтверждаете?" Что именно подтверждаю, он не счел нужным объяснять».

[В Бийске опять арест, тюрьма, следствие.]

«Тщательно рассмотрев мою жизнь в Бийске за все три года, следователь не нашел материала для новых обвинений. Следствие закончилось, и вдруг следователь в присутствии прокурора сообщил мне, что дело направлено в ООО при МГБ... А прокурор нашел нужным меня обнадежить словами: "Много вы не получите, во всяком случае, не более, чем в прошлый раз".

Я спросила, как это понять: никаких новых дел за мной не обнаружено, а по старому делу я отбыла наказание полностью. За что же мне угрожает новая репрессия?

На это прокурор ответил: "Не будем заниматься вопросом, который имеет чисто теоретическое значение... отчасти вы получили в 38-м году недостаточно, надо добавить, отчасти есть другие основания"»[622].

Господи, Тебе отмщение.

17 июня. Показывала Соню М.М. Сорокиной. После нас М.М. ждала жену одного из секретарей Попкова, которую она знала и лечила до ссылки и увидала после ее возвращения. Она вернулась с совершенно потрясенной нервной системой, стала заикаться после перенесенных пыток во время следствия.

Теперь за ними ухаживают, предлагали ей прежнюю квартиру, она отказалась, ей дали другую. И она до сих пор не знает, жив ли ее муж или нет.

20 июня. Печоры. Опять милые, тихие, умиротворяющие Печоры. Из окна — небо, жаворонки, поля, овраг и тишина.

6 июля. Вчера вечером была на акафисте Божией Матери Умиления. Меня глубоко трогает культ кроткой, смиренной, вероятно, очень несчастной Матери Христа. Какие имена ее Изображений: «Утоли моя печали», «Всех скорбящих радость», «Умиления», «Не плачь мене мати», «Утешение страждущих сердец», «Б.М. Взыскание погибших», «Сладкое лобзание», «Живоносный источник», «Неувядаемый цвет», икона «Плачь Богоматери».

Мне в Ленинграде дали поручения, небольшие посылки монахам. Поспав немного (поезд приходит в Печоры в 4 часа утра), я пошла в собор, служба уже кончилась. Обратилась к о. Серафиму, и он вызвал о. Всеволода; я привезла ему посылку и письмо от М.Е., с сыном которой он был в ссылке.

О. Всеволод провел меня к старцу Вассиану, ему я привезла лекарства и «чагу», куски березовых наростов, средство от рака [от М.М. Сорокиной].

О. Всеволод вспомнил, что я отказалась в прошлом году передать его просьбу Ахматовой. «Ее стихи, — сказал он, — я пронес с собой, как и молитву, через всю жизнь».

Однажды на Колыме он остался один в засыпанной снегом до крыши хате. Зимой заносило избы сплошь и рядом, и утром их откапывали. Он стал подметать пол и поднял скомканную бумажку — оказалась страница из какого-то журнала 1937 года со стихами Ахматовой. Он мне их прочитал наизусть: «И упало каменное слово / На мою еще живую грудь». Длинные, очень хорошие тревожные стихи[623]. «Я подумал, — сказал он, — что в это время у Ахматовой было какое-нибудь горе».

Разговаривая с о. Всеволодом, глядя в его ясные голубые глаза, на затаенную печаль всего его облика, я поняла, что мои подозрения были напрасны, это светлый человек. Его здесь очень чтут. Я объяснила ему, почему не исполнила тогда его просьбу.

8 июля. Очень рано, еще до света, меня разбудил шум самолетов. Посмотрела: на светлом небе серебрилась целая эскадра с красными, и белыми, и зелеными фонарями. Потом так и не уснула от грустных мыслей. Решила встряхнуться и ходить на этюды. В 7 часов пошла к монастырю и начала рисовать главный вход, так называемые святые ворота. Народу проходило мало, да здесь люди не обращают внимания на художников, они привыкли к ним в досоветские времена, когда Печоры привлекали туристов.

Порисовав, пошла вокруг монастыря. Встретилась на мосту с Настасьей Михайловной Тоболкиной. «Вот, — говорит она, — по этому самому мосту

гнала я корову на хутор к брату. Смотрю, на этом самом месте немец подкладывает мины под мост. Это было уж перед их уходом. Корова моя как пустится бежать под гору, через мост, а я стою и не знаю, что делать. Немец говорит: “Идите, идите”, и я перешла, а немец уже фитиль зажигает. В это время бросились на него русские, они уже близко были, и убили его. Так взрыва и не было. Охраняла Владычица монастырь.

Когда русские в первый раз пришли, они решили аэродром сделать на поле за монастырем. Все размерили и вдруг не нашли нужным.

Потом немцы пришли. А мы жали. “Кто здесь хозяйка?” — спрашивает переводчик. “Я хозяйка”, — говорю. “Часть вашей земли мы возьмем под аэродром”. Что-то записывали, мерили и тоже не нашли подходящим. Километров за 20 сделали аэродром.

Была одна женщина, все видела сны, отец Симеон объяснял их ей. Видит она, что на монастырское поле выезжает человек на белом коне и начинает пахать. Тогда из монастыря выходит женщина вся в черном и говорит ему: “Уходи, это моя земля, на три версты кругом все здесь мое, и разрывать мою землю я не позволяю”. Ну, тот и ушел.

Отец Симеон и разъяснил ей, что человек с белым конем — это Георгий Победоносец, а женщина — Божья Матерь. Если бы остался Георгий, все бы здесь было разрыто, а Владычица все сохранила. А другой сон такой: будто она видит около монастыря женщину в черном, которая плетет сети. Она ее спрашивает: “Что вы делаете?” — “Я плету третью сеть; два раза спасла, теперь тороплюсь третью кончить, третий раз спасти”. Это царица небесная монастырь и город своей сетью покрывала.

Один немецкий летчик рассказывал, что сверху Печор никаких нельзя было рассмотреть, их не было видно, над ними всегда стоял густой туман».

Люблю я эти творимые легенды. И чем ближе человек к земле, чем проще он, тем ярче образы и непосредственнее восприятие. С уничтожением крестьянства что-то с нами будет?

«Был у нас тогда, — продолжала она, — епископ Макарий, вот уж был молитвенник, вот был молитвенник! Он восемнадцать лет в тюрьме просидел, немцы взяли город, где та тюрьма была, и его выпустили. Маленький, худенький, ходил он быстро, быстро, как катышок катался».

Была сильная бомбежка, все монахи ушли в пещеры и его звали. «Вот домолюсь и пойду». Келейник Вукол тут же был. Осколок снаряда убил его наповал за молитвой. Келейник остался цел.

Я подумала: «Господь Бог его спас от дальнейших мучений. Его, государственного преступника, освобожденного немцами, закатали бы на вечные времена, а может быть, и расстреляли». Мы уже подходили к хутору, я простилась с Анастасией Михайловной и пошла к монастырю.

Утро было ясное, солнечное, воздух звенел пеньем жаворонков, казалось мне, что я купаюсь в этом звенящем воздухе. Передо мной розовели на солнце стены и башни монастыря.

13 июля. На днях зашла к Александре Семеновне Суминой, у которой жили в 52-м году. В прошлом году вернулся из ссылки ее муж, попав под знаменитую амнистию уголовных. Высокий, красивый, сухощавый старик с военной выправкой.

Он возвращался с общими эшелонами амнистированных. Уголовники налетали при остановках на буфеты, грабили все подчистую, говоря: «За нас Маленков заплатит». У Сумина ухитрились пуговицы с куртки срезать.

Попал он в ссылку, как многие простаки. Его напоили ловкие хозяйственники и заставили перевозить украденное казенное имущество, на чем он был пойман. Ему дали 5 лет.

17 июля. Вчера приехала Мария Михайловна Сорокина с Ольгой Алексеевной, зашли они к нам. Я ее очень люблю. Остановилась у о. Сергия и едет отдыхать в лавру.

Сегодня пошла к ранней обедне в Покровскую церковь, что над Успенским собором. Очаровательная церковка (1759) с чудесной горельефной резьбой. У царских ворот на иконостасе витые колонки, оплетенные виноградом. Виноградные листья золотые, гроздья синие, а колонки темно-красные (бордо). Наивно, но очень красиво. Хотелось бы зарисовать.

После обедни пошла продолжать свой этюд. Из монастыря вышла барышня, подошла ко мне, посмотрела, и мы разговорились. Приезжает она в Печоры из Таллина, где живет, только для монастыря, помолиться. Останавливается у знакомых, которые ее будят ежедневно в 5 часов утра для ранней обедни, это ее утомляет, и она хочет переселиться в гостиницу. «Боюсь я только одного, чтобы меня не прописали, это меня останавливает. Я — ответственный работник и не имею права делать то, что делаю». Я ее успокоила, сказав, что останавливалась здесь в гостинице и о прописке и речи не было.

Девушка эта вполне культурная на вид и по разговору, миловидная блондинка лет 28 или 26, без шестимесячной завивки, просто вниз заложены волосы.

Забыла сказать, с чего она начала: она видела сон в прошлом году. Кто-то ей сказал: «Пойди к Корнилию». Никакого Корнилия она не знала и стала всех расспрашивать, кто бы это мог быть. Случайно кто-то ее надоумил, что в Печорах находятся мощи преподобного Корнилия, убитого Иваном Грозным. С тех пор она ездит в Печоры.

28 июля. Люблю Успенский храм. Входишь в глубину его, где образ Успенья. Со света там и утром кажется совсем темно. Только лампадки и кое-где свечи горят, освещают полумрак.

Здесь народу мало. Поют монахи, пение почти деревенское, напоминает мне службу в Ларинской церкви. Стройнее и серьезнее. Я шла в церковь сегодня и думала: надо к зиме приготовиться, сосредоточиться, помолиться.

Подъезжая к Печорам, в вагоне, я почувствовала тишину, заполнившую мою душу, и подумала: здесь ближе к Богу. И я это чувствую все время, и в особенности в полумраке Успенского собора. И я подумала: «Научи, направь и помоги. И спаси всех сосланных, заточенных, страдающих безвинно».

Была на днях опять в Покровской церкви у ранней обедни. Вместо запричастного стиха все молящиеся пели «Царица моя Всеблагая». И я думала, что Господь Бог, Божественное начало всего, одинаково принимает молитвы Богородице, Спасителю, Николаю Угоднику, Будде — лишь бы «Горé имели сердца».

И живем мы с Соней у тихих женщин, очень пострадавших в советское время.

Утром шла из церкви по пологому подъему к Никольской церкви и, войдя в ворота под церковью, представила себе кровавый бой в тесном пространстве между воротами в те далекие времена, когда на Псково-Печорский монастырь то и дело нападали враги. В 1611 году шведы ворвались и всех перерезали — и стрельцов, и монахов. В святых воротах двое ворот. В стене узкие бойницы. Когда враги прорывались сквозь эти ворота, они попадали в треугольный острог. От Никольской церкви шла каменная сплошная стена до Острожной башни. В ней внизу — бойницы. Если врагу удавалось одолеть и здесь защитников, то оставалось еще сломать трое ворот. При яростной храбрости русских невозможно даже представить, сколько было пролито здесь крови.

Но прорвались враги, кажется, один-единственный раз в 1611 году[624].

10 августа. Одигитрия[625]. Ровно 10 лет тому назад ходила в Дивеево городище[626] к обедне из Глухова, когда первый раз после блокады выехала из Ленинграда. Какой солнечный день был! А здесь это лето — все дожди, дожди

и холода. Вчера была у о. Всеволода и просидела у него часа два. Он рассказал мне подробно суть своего ареста и жизни в ссылке. Мы привыкли к ужасам советской действительности, прикрытой сусальной, подлой, сюсюкающей советской литературой, но когда послушаешь такой рассказ очевидца, — какое там очевидца, — рассказ пережившего все эти пытки и предательства человека, оторопь берет, страх, как бы все эти страдания и кровь не пали на голову всего народа русского. Впрочем, весь народ страдал, за исключением небольшой кучки счастливчиков и мерзавцев. Страдало крестьянство, дворянство и цвет интеллигенции. Прав был Ferrar.

О. Всеволод (в миру Владимир Алексеевич [Баталин]) прошел в Москве четыре курса медицинского института, бросил его, переехал в Ленинград и поступил на филологический факультет. Окончил его, стал аспирантом, хотел писать, а для заработка работал в Детском Селе экскурсоводом. Во главе экскурсионного бюро стоял А.И. Иконников. Он был арестован. Его больная жена попросила о. Всеволода отвезти ему передачу. Через неделю и он сам был арестован. При очной ставке с Иконниковым выяснилось, что Иконников его оговорил, приписав ему все те смертные грехи, которые требовались НКВД; среди них его укорили в нелюбви к поэзии Маяковского! «Я имел мужество, — сказал о. Всеволод, — не подписаться ни под одним обвинением в несуществующих преступлениях», — как делали очень многие, измученные пытками и допросами. (Тогда чуть не все экскурсионное бюро было выслано.) В 1933 году его выслали на Колыму. Полтора года он просидел в бараке, рассчитанном на двадцать человек, а их там было пятьдесят. О лежании и думать было нечего, приходилось сидеть. Среди них было двадцать уголовников, которые глумились над политическими и пользовались некоторыми привилегиями. Жили они в таких невыносимых условиях, что большинство умерло. Сам он уцелел, но выполз из барака через полтора года на карачках, подталкиваемый прикладом солдата.

Много рассказывал о. Всеволод. Заболел сыпняком. Лежал в бреду, изредка приходя в себя. Дело было зимой. Отворилась дверь барака, и с морозным паром вошла женщина в меховой шубе, шапке, рукавицах, курносая, веснушчатая, спросила у врача, что тут за больные. «По 58-й статье». — «С этой сволочью нечего нянчиться, чем скорее подохнут, тем лучше». Это была помощница завлага.

Из его бумаг узнали, что он изучал медицину, и сделали врачом. Тогда стало легче. Разные люди, разные встречи.

Выслушивал Ивана по прозвищу Хитрый, убийцу семерых человек. На нем был крест. Кресты носить было запрещено. «С меня этот крест никто не сымет, этот[627]

12 августа. Екатерина Михайловна Сведзинская рассказала мне подлинную историю епископа Макария, с которым она была в дружеских отношениях. Он был сослан в Сибирь и по отбытии срока получил приход в Чудове. Здесь его застала война. Чудово было занято немцами, отрезано от Москвы и Ленинграда. Голодали. Шли сильные бои, умирали от голода и от обстрелов. О. Макарий отпевал, хоронил и голодал.

О нем узнал немецкий пастор, бывший при немецких войсках, пришел к нему и предложил препроводить его к ним в тыл, так как слышал, что в Печорах есть и церкви, и монастырь. «Здесь вы погибнете», — говорил он. О. Макарий отказался: «Здесь люди умирают, я с ними и умру».

Но пастор решил его спасти, договорился с келейником, о. Вуколом, и его почти насильно посадили в машину и увезли в глубокий тыл, в Печоры.

Дней за десять до смерти епископ Макарий рассказал Екатерине Михайловне свой сон. Он видел, что на него, на монастырь, на портал Михайловского собора (со стороны улицы) налетела стая черных воронов и старалась его заклевать. Он отстранялся от них руками, отгонял их и — проснулся.

Когда началась бомбежка, все ушли в пещеры, а он на уговоры о. Вукола ответил: «Бог знает, где найти», — и молился. Последними его словами были: «Мати Божия, помилуй мя».

Осколок перерезал ему сонную артерию, смерть была мгновенна. Портал Михайловского собора был разрушен. Погиб он от советской бомбы. Он не мог произносить имя Богоматери без слез, так чтил Ее.

Легенда Тоболкиной не так уж далека от истины. Спас о. Макария немец. Мне рассказали, что он был настолько слаб, что о. Вукол нес его довольно долго на руках. Вукол и сейчас в монастыре: высокий угрюмый монах, еще не старый, с правильными чертами лица и каштановыми волосами на пробор.

27 августа. «Советская культура», 21 августа: «Научно-атеистические знания в массы. При Институте истории Академии наук СССР создана специальная комиссия по изучению вопросов истории религии и атеизма под руководством В.Д. Бонч-Бруевича». Затем идет статья «От случая к случаю». Начинается так: «Среди некоторой части населения Тульской области еще сохранились пережитки прошлого, в том числе религиозные».

Все последние дни газеты были полны антирелигиозной пропагандой[628]. Так называемая «книжная полка», т.е. отдел газеты, публикующий книжные новинки, печатал только антирелигиозные названия. Очередное «торможение» по Павлову.

Отчего бы такое гонение на религию? Объясняется это очень просто: лучшая часть молодежи не может мириться с узкоматериалистическими стремлениями и вожделениями окружающей среды, с полным моральным разложением большинства товарищей и идет к Богу, к вере.

И о. Сергий, и о. Всеволод рассказали мне несколько случаев такого обращения. В прошлую или позапрошлую зиму один студент Ленинградского университета, сын профессора, по обету пришел зимой в Печорский монастырь и просил, чтобы его крестили. Там сначала усомнились в его нормальности, выписали мать, а затем, когда выяснилось, что он вполне нормален, его крестили.

Другой случай: молодой человек обратился к о. Всеволоду за советом, где бы ему переночевать. Тот оставил его у себя, и они проговорили всю ночь. Отец этого юноши рабочий, убежденный коммунист с давних пор, мать в полном повиновении у отца. Когда сыну было лет 8, мать перебирала свой сундук и со дна вынула образок. Мальчик долго на него смотрел и заплакал. Он не понимал, чем вызваны эти слезы, но без слез он не мог смотреть на образ.

Мать уложила его опять на дно сундука, заперла его и ключ спрятала.

Мальчик подобрал другой ключ, и когда никого не было дома, он вынимал образок, глядел на него и плакал. Потом опять прятал его на дно. Так пришел он к вере в Бога.

Он прекрасно учился, отлично кончил университет, но ввиду того, что вышел из комсомола, получил назначение на Север, на Печору.

Как-то, будучи студентом, он приехал домой, и в воскресенье сказал родителям, что идет в церковь. Мать разахалась, отец, дескать, партийный, сын не должен ходить в церковь, но отец остановил ее: «Оставь, он молодой, ученый, он знает, что делает».

Отец однажды приехал к сыну в гости в Ленинград. В воскресенье сын пошел в церковь к кн. Владимиру. Когда он подошел после службы к образу, он увидел в стекле отражение своего отца. Они оба заплакали.

Взрослые девушки крестятся. В одно из воскресений (уже здесь) я была у ранней обедни у Спаса Преображения. Причастников было очень много, кончался Успенский пост. Три священника причащали. Среди причастни-

ков я заметила человек шесть юношей лет 16, 17, 18. То же наблюдала Т.М. Правосудович во Владимирском соборе на Петроградской стороне. Тяга к Богу, к высшему идеалу и подвигу пробудилась в молодежи, очевидно, захватила такой большой круг людей, что это перепугало власть имущих, и они воздвигли поход против веры в Бога, против христианства. Чего, чего только не пишут! Я думала, что Маленков умнее. Как он не понимает, что гонение на религию вызовет усиление религиозного направления. Что искренне верующие пойдут с радостью на подвиг. И что верующие не пойдут убивать и насиловать.

Я спросила весной Никиту Толстого, чем объяснить такой сильный ход назад по всем направлениям советской культуры? Человек, пробыв долгое время связанным по рукам и по ногам, почувствовал некоторое ослабление своих пут и попытался распрямить члены. Это испугало. Пономаренко сослали на целину, а на смельчака надели старую узду и подтянули подпругу.

Я считала Маленкова дальновиднее.

Газета «Печорская правда», чтобы не отстать от других в антирелигиозной пропаганде, напечатала несколько статей в кабацком вкусе и целый ряд ею сфабрикованных пословиц. Запомнилась одна: «Попу и вору все впору»[629].

А мы-то ждали весну...

От уехавших на целинные земли приходят невеселые слухи.

2 сентября. «А что Он пребывает в нас, узнаем по духу, который Он дал нам» (Первое послание ап. Иоанна. Гл. 3, 24). И вот в Печорах я очень чувствовала этот дух, Божий дух в себе, тишину церковную в душе, и так не хочется этого терять. Надо держать себя в руках, не обращать внимание на многое, на все то, что могло бы нарушить эту душевную тишину.

8 сентября. По старому стилю 26 августа. Владимирская[630], Ларинский праздник, годовщина Бородина.

Милое, милое Ларино.

22 сентября. Была у меня на днях Анна Андреевна, недавно приехавшая из Москвы. Она, пожалуй, еще пополнела, немного постарела. Мне всегда больно, когда время неуважительно накладывает свою печать на красивые лица.

У мужчин часто с годами лица облагораживаются, у женщин старость может быть благообразна, но... и только.

Анна Андреевна рассказала тот случай с английскими студентами, о котором я слышала только сплетни.

В апреле этого года в Ленинград приехала делегация английских студентов и пожелала встретиться с Зощенко и Ахматовой. А.А. всячески отказывалась от этого свидания, когда из Союза писателей ей позвонили об этом; «посадите вместо меня какую-нибудь старушку», — просила она, но все же пришлось идти. В зале на эстраде стояло только три стула — для Саянова, Зощенко и Ахматовой. Среди англичан были, по-видимому, знающие русский язык, так как они попросили, чтоб им дали возможность разбиться на группы и лично поговорить с писателями, которые их интересуют. На это им ответили отказом, они могут говорить только через переводчика.

Они спросили Зощенко, как он отнесся к словам Жданова и к постановлению 46-го года и принесли ли они ему пользу.

Зощенко ответил, что он ни с чем не был согласен. В первые годы советской власти еще живы были мещане, он их и высмеивал. Он не видит, какую пользу могло ему принести пресловутое постановление. Его слова были встречены громом аплодисментов.

То же самое спросили у А. Ахматовой. «Зачем я буду выносить сор из избы, все эти люди — враги нашей страны», — подумала она и коротко ответила, что согласна и с тем и с другим. Гробовое молчание было ответом на ее слова. Саянов[631]

В заключение англичане сказали: «Запрещенные у вас произведения Ахматовой и Зощенко пользуются у нас большим успехом».

Этот случай вызвал много толков, одни обвиняли Ахматову в трусости, другие превозносили ее патриотизм[632].

22 сентября. Вера Агаркова, Галина подруга, говорит по телефону: она очень занята, много уроков, а теперь ей поручили, в виде общественной нагрузки, вести занятия в комсомольской организации на тему «возникновение христианства»!

Вера, распутная, пьянствующая девка, вульгарная и бесцеремонная, подчинившая себе Галю и имеющая на нее самое отрицательное влияние. И она будет вести антихристианскую пропаганду! И она кандидат партии!

13 октября. 19 сентября приехал совсем неожиданно Вася для свидания с режиссером из Молотова (Перми) и пробыл до 24-го. Жил он у меня, у Наташи установились с ним товарищеские отношения, дети были ему рады, так что все было благополучно в этом отношении. Но приехал без копейки денег. Мне же пришлось для его отъезда занять 100 рублей. Как можно так жить в его годы, не понимаю. Он привез разные слухи из Москвы, другие от

Никиты, третьи от Лобова, сына Ворошилова от первой жены, с которым дружна Рада[633].

Один из самых чудовищных фактов — это история Воронова, маршала артиллерии во время войны. Он был арестован (причины не знаю). После смерти Сталина Маленков тотчас же распорядился, чтобы его выпустили. Найти его не могли, он не значился ни в одной тюрьме. Наконец один из смотрителей вспомнил, что в одиночном заключении сидит человек, похожий по фотографии на Воронова. Маршал Воронов был заточен под чужой фамилией![634]

Будто бы смерть Сталина была последствием резкого столкновения с Маленковым по поводу заявления Жолио-Кюри после того совещания Политбюро, когда в первый раз все члены совещания, кроме Шверника, голосовали против Сталина[635].

Будто бы Хрущев рассказывал: некоторые заседания Политбюро велись на грузинском языке, говорили Сталин и Берия, а остальные хлопали ушами.

Будто бы Сталин был вовсе не Джугашвили, а Игнаташвили. Виссарион Джугашвили был кретин, и подлинным отцом Сосо был купец Игнаташвили. Когда Сталин пришел к власти, оба его единокровные брата были хорошо устроены[636].

Вообще, если послушать теперь все, что говорят о Сталине и Берия, то куда там «Тайнам Мадридского двора»...[637]

9 октября я получила письмо от брата Васи[638], ответ на мое, посланное 9 сентября. Все живы и здоровы, и Вася, и Саша, и Федя. Какое счастье. Как я могу роптать на свою участь, когда все мои близкие целы. Только бы увидаться перед смертью, только бы! Я не могу себе представить, что могу умереть, не повидав их. Ирина Овчинникова — это сплошной курьез. Живет с мужем в Индии, почти на границе Тибета! С нашей точки зрения, людей, прикованных к своей стране, это фантастика.

В тот же день получила письмо от Е.М. Тагер — с нее сняты ограничения, т.е. цепи, приковывающие ее к Мамлютке, свалились[639]. Я же надеюсь, что после рассмотрения ее дела в Москве с нее снимут и судимость. И вот извольте в 60 лет начинать жить с начала без копейки денег, имущество все было конфисковано. Ни угла, ничего.

Я забыла записать: 4 сентября я смотрела спектакль Виленского Русского драматического театра[640] «Порт-Артур»[641] в Васиных декорациях. Хороший спектакль и хорошие декорации, в особенности мне понравилась батарея. Молодец Вася, но абсолютно не приспособлен к жизни, он не умеет se faire valoir[642] и вдобавок ссорится со всеми режиссерами.

Смотря спектакль, я вспоминала то время. Началась война. Вася был в водолазных классах и жил в Кронштадте. Получаю от него коротенькую записку: «Пойди к Чухнину и попроси устроить меня в Порт-Артур, в действующий флот». Я училась в Екатерининском институте вместе с Олей Чухниной, всю институтскую жизнь мы сидели на одной парте, были рядом по алфавиту и даже в церковном хоре пели рядом контральто. Ее отец, адмирал Григорий Павлович Чухнин, был тогда директором Морского корпуса. Я у них часто бывала. С грустью пошла я к нему. Он наотрез отказался что бы то ни было сделать. «Пусть судьба решает, где ему быть», — сказал он.

Помню, у Надежды Александровны Белозерской кто-то из знакомых читал письмо от брата-моряка из Порт-Артура: «Будет время, если останемся живы, мы расскажем о нашем мартирологе в Порт-Артуре».

Когда я в 1906—<19>07 году была в Париже и училась в Академии de la Palette[643], один из профессоров, Desvallières, приглашал на свои литературно-художественные и музыкальные вечера наиболее талантливых учеников; помню Фабра, Иленберга и меня. У Desvallières'ов была маленькая собачонка, ее звали Portarthur! Из сочувствия японцам, видите ли. M-me Desvallières мне сама так пояснила.

На Васином письме была марка, совершенно потрясшая меня. Марка в вершок величины. Наверху: «République Française». А ниже коробочка с духами, пудреница и цветы, внизу надпись мелким шрифтом: «Fleurs et parfums»[644] и еще ниже, уже микроскопическими буквами: «Gandan Mazelin».

Вся эта реклама на фоне драпировки, из-под которой выглядывает Grand Opéra![645]

Стоит марка 75 fr. В 45-м году таких же размеров марка на Васином письме стоила 4 fr. Государственная марка служит рекламой парфюмерии!

14 октября. Была вчера вечером на концерте Н. Дорлиак и Рихтера. Она очаровательно пела романсы Глинки. Как разнообразны эти романсы. Какое бурное цветение нашего искусства началось после побед 12, 13 и 14-го годов. Мне кажется, что наша великая победа 44-го и 45-го годов дала бы такой же расцвет, если бы вся страна, вернее, весь мозг страны не был окован железными обручами. Этого не смей касаться, этого не моги. Невыносимо.

На старом тополе против моего окна осталось уже очень мало листьев, а молодая липка на бульваре еще трепещет на ветру своими только слегка облетевшими ветвями. Раскачиваемые ветром деревья производят на меня всегда очень сильное впечатление. Мне чудится в этих мятущихся ветвях то бессильное отчаяние, то страдание, то тихая грусть. Вот и сейчас ветви этой

липки всеми своими движениями выражают желание сорваться, бежать, ветер немилосердно их треплет, а оторваться нет сил.

La grande pitié des églises de France

par Maurice Barrès

«...Je vous demande la sauvegarde pour toutes les églises, pour celles qui sont laides, dédaignées... Il ne s'agit pas de la défense de quelques pierres, sculptées et heureusement dressées sur l'horizon. Il vient parler en faveur des églises qui n'ont pour elles que d'être des lieux de vie spirituelle. Car si l'église fait bien dans le paysage, c'est qu'elle a une âme. Nous tous, nous nous sentirions exilés dans une France où les clochers ne monteraient plus vers le ciel». (Из № Illustration за 1913.)

Le 22 mars 1913 nous publiâmes de vues de la tour Saint-Martin de Vendôme, que les édiles locaux venaient de transformer en latrines publiques et qu'ils se proposaient d'inaugurer le vendredi saint après un banquet philosophique! (sic!). Ces documents nous avaient été communiqués par M. Maurice Barrès.

Nous nous sentons exilés dans une Russie où les églises blanches et les clochers ne montent plus vers le ciel[646].

И ни один человек, ни один голос не заступился и не заступится за наши церкви. Ахматова рассказала, что при постройке высотного дома в Зарядье нашли несколько маленьких церквушек Параскевы Пятницы. Их разрушили, конечно.

Трусость всех наших Союзов безмерна. Когда Ахматову и Зощенко оплевали, смешали с грязью, их тотчас же исключили из Союза. Ни один человек голоса не поднял. А теперь ухаживают, подлый Фадеев комнату в Москве предлагал Ахматовой.

2 декабря. Когда я перед отъездом из Печор последний раз была у отца Всеволода, я ему сказала: «Каждый день я молюсь, чтобы Господь дал мне увидеть рассвет». — «А разве это не рассвет, когда наша советская молодежь тянется к Богу, — ответил он, — конечно, это рассвет».

Смерть Сталина была нашим Термидором. Прекратился террор. Сейчас то и дело слышишь о возвращении разных людей. Вернулся поэт Сергей Спасский, сосланный в 51-м году. С Е.М. Тагер и всех жителей Мамлютки сняты ограничения, ей дано только минус два, Москва и Ленинград и пограничная зона. О возвращении Спасского мне сказала Ахматова, вызвав меня к себе, т.к. лежала больная. Спасский у нее был и рассказал, что его высылка была последствием все тех же наговоров Лившица и Юркуна, из-за которых пострадала Тагер. Будто бы они показали, что террористический заговор охватывает чуть ли не весь Союз писателей с Тихоновым во главе.

НКВД знало прекрасно цену таким вызванным побоями и пытками признаниям. Тихонова никто не тронул, а надо же было пугать Сталина комплотами и в оправдание своего существования время от времени выуживать ни в чем не повинных людей и выбрасывать их из жизни. Слава Тебе, Господи, это прекратилось, и стало гораздо легче дышать. Во главе правительства стоят русские люди.

Гонения на религию более или менее кончились, и притом довольно конфузно. Было напечатано большое постановление за подписью Хрущева о том, что вместо антирелигиозной пропаганды у нас начались гонения, даже кое-где с административным вмешательством, а это противоречит Конституции и т.д.[647].

Незадолго перед этим в «Литературной газете» появилась статья «Хамелеоны». Этими хамелеонами оказались работающий в Эрмитаже очень знаменитый востоковед Добрынин и доктор Богданов-Березовский. Первый служил по вечерам диаконом в какой-то церкви и даже — о ужас! — переводил на русский язык восточных отцов церкви[648].

Доктор Богданов-Березовский отказался вести антирелигиозную пропаганду, сказав, что сам он верующий. В статье обрушились на отделы кадров, которые принимают сотрудников только на основании анкеты (очевидно, надо под микроскопом рассматривать души).

Как-то, кажется, это было в начале октября, у меня был Валерьян Михайлович Богданов-Березовский. Ему надо было сказать по радио несколько слов по-французски о Глинке, о его ненапечатанных, недавно найденных двух танцах, инструментованных Валерьяном Михайловичем. Я ему исправила немного его текст. Заговорили о гонениях на религию. «Я боюсь, что меня скоро вышлют из Ленинграда из-за двоюродного брата, — сказал В.М. — Он хороший доктор и страшный фанатик — постоянно ходит в церковь...»

Добрынин ушел из Эрмитажа. Ляля Раздольская говорит, что он большой интриган. Судьба доктора мне не известна.

Я договорилась со Спасским по телефону и была у него. Я его немного знала, он когда-то бывал у Юрия Александровича. О его собственной судьбе я его не расспрашивала. О ней мне рассказала Анна Андреевна. Мне хотелось узнать, что надо было бы предпринять Елене Михайловне для ее полной реабилитации. По словам Спасского, сейчас направлены большие силы для пересмотра дел, в первую очередь, людей, находящихся еще за решеткой. Пожизненные высылки людей, уже отбывших свой срок наказания, отменяются. Будут постепенно рассматриваться все дела.

Спасский советует Елене Михайловне ехать к дочери в Саратов, отдохнуть, прийти в себя, одеться, обдумать свои литературные планы и тогда приехать в Москву. Но у нее все осложняется полным равнодушием, вернее, бессердечностью Маши. Каково бедной женщине, в течение 16 лет выброшенной за борт, ждать приглашения от дочери. Ждала она больше месяца, в полном отчаянии. Наконец приглашение пришло, пришло и поздравление с днем рождения и обещание выслать деньги на дорогу. Опять месячное ожидание, деньги ей выслала Татьяна Арсеньевна <Леонтьевна?> Михайлова. Ее сестру, Некрасову, отпустили вчистую.

Каково-то будет Елене Михайловне жить у Маши? И у меня ни гроша.

4 декабря. Вчера обедала у Ксении Кочуровой. Подарила ей ее портрет в старинном мамином сиреневом платье на розовом диване, который я писала с нее в Детском Селе в 1929 году.

Были Доброклонские и Бебут Александрович Шелковников. Он очень интересно рассказывал о «Привале комедиантов», Пронине и Вере Александровне Лишневской и всех ее авантюрах в первые годы революции. Он был некоторое время у них секретарем, потом встречался с ними в Москве, когда они то сидели без куска хлеба, то вновь устраивали «навороты», у них собирались артисты...

15 декабря. Из статьи Назаренко в «Правде» «Источник поэзии — жизнь». О новой поэме К. Симонова: «...как безграничны возможности нашей поэзии, как много поэтических замыслов может дать жизнь, освещаемая идейностью, *партийностью* творчества.

В последнее время в произведениях отдельных литераторов имели место настроения, не соответствующие боевому духу нашей литературы. В поэзии это сказалось известным креном в сторону “чистой” лирики, “картинок” и “впечатлений”, мало связанных с основными идеями современности»[649].

Какой стыд — всё те же реверансы голому королю.

Но, слава Богу, в других отношениях все-таки большой сдвиг. Ахматова сказала мне, что у писателей существует теперь фонд для помощи возвращающимся товарищам. Я тотчас же отправилась к А.Т. Чивилихину и спросила, нельзя ли помочь Тагер, так как она в полной нищете, хотя бы помочь ей одеться. Поговорила с Гитовичем, а на другой день, 13 декабря, день отъезда писателей в Москву[650], позвонила Гитовичу, чтобы напомнить еще раз о моей просьбе. Гитович член правления. «Непременно сделаю все, что могу, вероятно, сможем помочь, вы ведь знаете, в какое время мы живем? В хорошее время». — «Знаю, очень хорошее», — ответила я. И правда, толь-

ко и слышно о возвращающихся людях. Это, конечно, первые проблески рассвета.

Я все жду звонка по телефону К.К. Тверского (Кузьмина-Караваева). Жив ли он? Если жив, то вернется.

У нас считается вредной «чистая» лирика, а Ахматова мне читала свои переводы для Госиздата корейских поэтов XV—XVI веков[651]. Какая очаровательная, кристально чистая лирика! И китайца Ли Бо VIII века[652]. Чудесные стихи. И прекрасные переводы. Какой язык у Ахматовой!

Ее выбрали делегатом на съезд писателей в Москве. Выборы происходили в Союзе писателей под председательством Казмина, ведающего литературой в Ленисполкоме. Кто-то назвал ее фамилию.

«Непременно, — сказал Казмин, — она большой патриот». Рассказывая это, А.А. засмеялась: «Мне кажется, я всегда была патриоткой, а не только теперь».

Вчера обливают помоями, сегодня превозносят... Возмущает меня эта беспринципность несказанно. Как было с Шостаковичем; публично высекли и тут же послали в Америку. Кстати о Шостаковиче. На днях умерла от рака его жена, Нина Васильевна, умерла в Эривани[653]. Раскрывшаяся в связи с ее смертью вся подноготная ее жизни произвела на меня впечатление чего-то безобразно-циничного и трагического для детей.

У нее уже давно, кажется с войны, был длительный роман с физиком армянином Алиханьяном. Н.В. проводила с детьми лето в Комарове[654], а на всю зиму уезжала к Алиханьяну, который работал в каком-то высокогорном институте. Она вела там якобы какую-то научную работу по физике.

Она умерла почти скоропостижно, после операции.

Д.Д. прилетел с Галей в Эривань за час до ее смерти, она была уже без сознания. Ашкенази, ездивший на похороны в Москву, рассказывал, что Максим не отходил от отца и все время гладил его. А Галя имела очень равнодушный вид. Алиханьян тоже шел за гробом в первых рядах.

Бедные дети.

От Софьи Васильевны, которой, конечно, все было известно, я никогда не слышала даже намека на такую уродливую семейную жизнь сына. Д.Д. тоже не терял времени даром.

Мой дядя и крестный отец Александр Васильевич Яковлев был, говорят, блестяще остроумный, образованный и интересный человек. У него была прекрасная коллекция картин. Женат он был на Ольге Дмитриевне Лер-

монтовой, умной, образованной и очень добродетельной женщине. После смерти дяди Ольга Дмитриевна нашла в каком-то потайном ящике его переписку с M-me F., француженкой, от которой у него были дети. Бедная Ольга Дмитриевна не то чтобы совсем сошла с ума, но «тронулась умом», как говорят в деревне. Не осталось никаких средств и очень много долгов. Их единственная дочь Саша, очень избалованная, поступила на службу.

6 декабря было предсъездовское собрание писателей в Таврическом дворце. Я пошла. Просидела три часа, уши завяли, и я ушла и 7-го уже воздержалась. Кочетов, автор «Журбиных»[655], читал доклад два часа, я запомнила крылатые слова: «Говорят, хорошая книга равна выигранному сражению. В Ленинграде триста литераторов. Сколько же у нас будет выигранных сражений!» (не вопросительно, но восклицательно). Excusez du peu[656]. И еще: «О высоких качествах нашей литературы свидетельствуют многочисленные сталинские премии».

Как-то на днях, числа 8-го, я была у Анны Петровны. Она почти совсем не видит. «Если бы вы знали, как я скучаю, ведь те дни, когда не приходит Нина Владимировна (Сойкина), я весь день одна и ничего делать не могу, я так соскучилась». Это было так от души сказано, что я чуть не заплакала. И стала через день к ней ездить по утрам и читать часа по два. До меня это делала Татьяна Борисовна Лозинская, но заболел Михаил Леонидович, она не смогла приезжать. А мне чтение вслух очень вредно, заболевает сердце. Сегодня я не смогла пойти, так болело сердце, и я лежу весь день.

22 декабря. В городе паника, непонятно, по какой причине возникшая. Везде многочисленные очереди за мукой, маслом, мясом, сахаром, в магазинах пусто, расхватывают колбасу, макароны, всё. Мне хотелось к дню рождения муки на пирог купить — махнула рукой, увидя толпы. Последний месяц, правда, были постоянные перебои с маслом, оно исчезало недели на две (плановое хозяйство!), но паника была создана, вероятно, «пятой колонной», как у нас говорят. А народ напуганный...

Я шла за булкой по Пантелеймоновской и остановилась у ларька, увидев сухой компот. Подбегает запыхавшаяся женщина с испуганным лицом и обезумевшими глазами. Еле переводя дух, спрашивает: «Где спички, где спички, где дают спички?» Я ей показала: на углу Литейной стояла большая очередь у лотка со спичками!

По радио и в газетах успокаивали население, и довольно быстро обывательская река вошла в свои берега.

27 декабря. На днях я опять была у Анны Петровны и прочла ей «Грамматику любви» Бунина[657]. Очень я люблю эту вещь. Под этим впечатлением А.П. рассказала мне следующую историю.

До революции на Невском был магазин готового платья братьев Мори[658]. (Я хорошо знала этот магазин, что-то там заказывала.)

У одного из братьев умерла молодая, очаровательная жена. Он не мог расстаться и с мертвой женой. На Никольском Александро-Невском кладбище он воздвиг гранитный мавзолей, состоявший из комнаты и склепа, куда вели ступени. Жил он в этой комнате с преданным слугой, который ему готовил, и гроб, не засыпанный землей, стоял в склепе.

1955

1 января. Подслушанное на лету: идут две маленькие девочки около нашего дома. Им лет по 8. Одна из них говорит другой взрослым тоном: «У меня нет денег. У нас дома нет ни копейки».

Наш телефон был выключен на несколько дней, его чинили. Прихожу на автомат в кино. У телефона две девушки, одна из них в сером широком пальто держит трубку, и ловлю такой разговор: «Я просто хочу с вами познакомиться... Вы очень мало проиграете... (она долго молчит, слушает, он, видимо, колеблется) я сейчас сяду в троллейбус, — пожалуйста, приходите на вторую остановку от Невского... Как узна́ете? Я в сером пальто и малиновом берете... ха-ха-ха, да, в малиновом берете[659]... мне сказали, что вы очень высокого роста?...»

Так и Галя Старчакова знакомится на улицах, в магазинах.

13 января. Третьего дня наша молочница Софья Павловна была очень расстроена, да и было с чего. Ее второй сын Павел 18 лет «записался» на целинные земли. Он работает на заводе и учится в 9-м классе вечерней школы. На заводе записалось 17 человек.

Мать в отчаянии: «Он же там погибнет, обовшивеет, умрет с голоду. У него больные глаза, не выносящие ни сильного мороза, ни жары».

Незадолго перед этим с целинных земель вернулся, вернее сбежал оттуда, товарищ ее старшего сына.

Он с товарищами попал в такое место, где они голодали, приходилось воровать по ночам в ближайшем колхозе картошку, овощи. Снабжения не было никакого. За месяц он заработал 160 рублей.

В колхозе им не давали ничего. Жители были высланные из России крестьяне, обозленные, скупые. На работу таких сбежавших не берут, а отдают под суд.

Софья Павловна чуть не плакала. Сегодня она была спокойна: «Я ему говорю, ну как ты там будешь, живешь на всем готовом, ты даже не знаешь, разорвались ли сапоги или нет, мать уж сама осмотрит да отнесет в починку, все тебе заштопано, приготовлено. А он и говорит: “Дайте-ка рваный сапог...” — и тут же его и починил, инструмент справил. “Не бойтесь, — говорит, — я все смогу сделать, я там жизни научусь, увидите, я себе еще дом

поставлю, и вы ко мне приедете"». Наученные, по-видимому, прошлогодними неполадками, теперь организуют здесь весь состав совхоза, очевидно, готовят и оборудование, и выедут в марте в Южный Казахстан.

Россия двигается на Восток.

И это со Строгановых начиная. Какой гениальный исторический инстинкт!

В прошлом году один рабочий лет 24, уехавший на целину от надоевшей жены, писал с дороги матери, родственнице соседки Т.М. Правосудович: «Мы еще не доехали, а в дороге было уже два убийства, много краж, а девушки, верно, все будут с ляльками».

Все было хаотично, не благоустроено и не обдумано.

Когда я летом ездила из Печор во Псков, глядя в окно вагона, я видела, как много заброшено когда-то пахотной земли. И подумала: чем разрабатывать эти тощие, бедные земли, брошенные своими хозяевами, конечно, выгоднее поднять плодородные земли Алтая и других нетронутых мест Сибири.

В Псковской, Вологодской, Смоленской и др. губерниях мужик сидел на скудной земле веками, потому и любил ее и никуда бы с нее не ушел, кабы не выкурили его.

Теперь, по рассказам той же молочницы, желающих ехать на новые места так много, что делают строгий отбор, принимают не всех.

14 января. Сегодня прежний, старый Новый год. Всегда вспоминается детство, елка в Москве, папа. 23 ноября написала Васе (брату) — ответа нет. Очевидно, опять наложили запрет. Рассудили так: «Узнали, что братья живы и здоровы, обменялись письмами, и довольно с вас, нечего миндальничать». Мы же не индивидуальности, мы — pâte plastique[660].

И на том спасибо.

15 января. Был творческий вечер Шостаковича (квинтет, концертино, еврейские песни[661]). Я ушла с концерта потрясенная. Особенно хороши еврейские народные песни, в особенности трагические: «Смерть ребенка», «Колыбельная», «Зима», «Отец зовет уходящую дочь».

И как пели! Н. Дорлиак, Зара Долуханова и Алексей Масленников. Пели solo, дуэты, трио. Какой голос, какой тембр у Долухановой.

Трио «Зима» потрясающее по трагизму. Так тонко продуманы, прочувствованы эти вещи и так гениально написаны.

Концертино для двух роялей играли Максим и девочка, его одноклассница. Они выходили на вызовы, затем с ними вышел Д.Д., пожал руку де-

вочке и сыну. Аплодисменты усилились, а я чуть не заплакала. Рядом со мной сидела няня детей Шостаковича, вынянчившая и саму Нину Васильевну. Она мне рассказала в антракте, что отец сейчас не отходит от детей, что он прекрасный отец. Дети никогда не слыхали, по ее словам, чтобы отец с матерью говорили между собой в повышенном тоне. И так мне больно стало за Васю, какая разница в отношении отца к детям, к сыну.

23 января. Сегодня наша мудрая молочница сказала мне пословицу: «Не поя и не кормя не наживешь вȍрога», по поводу того, что Галя Старчакова подала на меня в суд, чтобы отобрать комнату в свою пользу. Недаром соседи Старчаковых говорили мне: «Вы сделали доброе дело, но от этой семьи вы благодарности не ждите».

24 января. Теперь открылась тайна паники, возникшей месяц тому назад. По словам Ольги Андреевны, в закрытых партийных собраниях сообщили, что Ленинград снят со специального снабжения (он был приравнен к Москве), продукты будут с утра и после двух, а мы будем голодать, как вся провинция. За всеми продуктами будут многотысячные очереди. Масло уже пропало. Снабжаться будет Москва и целинные земли.

Какое же, значит, неумелое руководство, если на тридцать восьмом году советской власти вся страна живет впроголодь.

Это называется в газетных статьях: мы стоим одной ногой в коммунизме. А когда станем обеими ногами... тогда-то мы и узнаем, где раки зимуют!

27 января. Вчера состоялся суд. Гале в целой комнате, как она требовала, суд отказал, но постановил дать ей лицевой счет на причитающиеся ей 10,77 кв. метра в той же комнате. 2,8 кв. метра остаются лишние, место, занимаемое Катиной оттоманкой, и Катя остается там жить, а недостающие ей 7 метров — где-нибудь в наших комнатах.

Вечером после суда, когда Катя легла спать, Галя подняла страшный скандал: она вымерила, что оттоманка на несколько сантиметров больше.

Судья была глубоко возмущена Галиным поведением, и когда я заметила, что Катя меня часто выручает из беды и попросту кормит, она сказала, указывая рукой на Галю: «Вот от кого вы должны требовать, чтобы она вас кормила, воспитав ее с семилетнего возраста, а не Пашникова».

У Гали, конечно, недопустимо составлено исковое заявление. Она пишет: мы поселились у ответчицы, мне было семь лет, а сестре восемь... Мы эвакуировались, с 46-го года мы стали жить отдельно. И наконец: судебные издержки прошу возложить на ответчицу (т.е. на меня).

Душка.

30 января. Вчера была с детьми в Мариинском театре, слушали «Орлеанскую деву»[662]. Как мог Шиллер так снизить и опошлить образ Жанны[663], и как мог Чайковский пойти по его стопам и так банально опорочить подлинную героиню.

Восемнадцатилетней деревенской девушке, прожившей весь год своего служения родине, своего подвига в религиозном и патриотическом экстазе, дать чувства светской дамы, влюбившейся в красивого кавалера.

Мне было тяжело на душе, и музыка не произвела на меня никакого впечатления.

А Шиллер еще сам же написал по поводу Иоанны Д'Арк:

Es liebt der Witz das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehn...[664]

Вот у Мишле совсем другое дело. У него поэма.

3 февраля. Я сейчас вернулась с кладбища. Мы похоронили Михаила Леонидовича и Татьяну Борисовну Лозинских. От нас ушли люди такого высокого духовного и душевного строя; эта семья — видение из другой эпохи.

Оглядываешься кругом и никого не видишь. Такая спаянность сердечная до самого конца, до «остатнего часа», до могилы и за могилой. «Finché io vivo piú in là»[665].

«Эти похороны — легенда», — сказал Эткинд, и он же в Союзе писателей на гражданской панихиде лучше всех охарактеризовал М.Л. и отношение к нему младшего поколения. «В жизни Михаила Леонидовича не было ни одного коварного, ни одного лицемерного поступка, ни одного темного пятна». Все говорили очень тепло, говорили и о Татьяне Борисовне, каким большим другом была она ему. На кладбище он мне сказал: «Что бы ни говорили о Михаиле Леонидовиче, все будет плохо и недостаточно».

Лозинский все последние годы много болел, а эту зиму чувствовал себя все хуже и хуже. Еще в ноябре, на Михайлов день, я хотела его поздравить и подарить Петрарку, издания первых лет XIX столетия, привезенного мною из Рима в 12-м году. Позвонила Татьяне Борисовне. «Лучше не приезжайте, — сказала она, — Михаил Леонидович очень плохо себя чувствует, потом как-нибудь соберемся...» Весь январь он просуществовал на кислороде, ему делали внутривенные вливания строфантина с глюкозой, после чего он потерял сознание, и в следующий раз глюкозу заменили физиологическим раствором. Он все слабел и слабел. Не спал по ночам. Боялись уремии. 31 ян-

варя ему впрыснули морфий, он заснул, спокойно дышал, потом перестал дышать, умер в два часа дня. Около него были дети. Татьяна Борисовна, когда М.Л. заснул, легла отдохнуть, сказав, что у нее очень тяжелая голова. В 3 часа ночи перед этим она приняла люминал. Она заснула, проспала весь день, всю ночь и весь следующий день. Ее, спящую, перевезли в Свердловскую больницу, и вечером 1 февраля Наталья Васильевна позвонила мне: «Татьяна Борисовна скончалась». Я была совершенно потрясена. В ней была такая внутренняя чистота, тонкость, доброта. Больно, так больно, что ее больше не увидишь.

Вот прожили вместе больше 40 лет и ушли вместе. Нечаянно или добровольно? Вчера была у них дома панихида. В ожидании священника ко мне подсела двоюродная сестра Т.Б., болтливая Евгения Владимировна Гейрот.

Она уверяла меня, что Т.Б. намеренно отравилась, при вскрытии в больнице констатировали отравление люминалом.

У нее было написано завещание, очень подробно указано, что кому. Она не хотела пережить М.Л. Но ведь Т.Б. была верующая христианка, она так любила своих детей и внуков, она же сознавала, что Сергей остается совсем, совсем одиноким. Я не могу поверить, не хочу верить преднамеренному отравлению. Не хочу думать об этом. Пережить его она не могла.

Когда уходишь с кладбища, оставив там, в могиле, близкого человека — до боли чувствуешь его одиночество. А тут Михаил Леонидович не один, они вместе; вместе жили, вместе ушли.

Когда дома после панихиды Сергей и Наташа прощались с родителями, я не могла удержаться от слез. Сергей плакал, прижался лицом к голове отца и долго-долго так стоял, склонившись к гробу.

9 февраля. Вчера приходит Наташа и говорит: «Маленков подал в отставку»[666]. Я была потрясена, похолодела кожа на голове, у корня волос, и вот почему: с месяц тому назад мы с М.М. занялись спиритизмом, мы с ней раза два, много три в зиму крутим блюдечко. Мне хочется понять, что это такое, в чем тут дело.

Как только мы соединили пальцы, блюдечко побежало. «Вы увидите своих». — «Когда?» — «1955 год» [апрель]. — «Но каким образом они (т.е. ее сын и мои братья) могут сюда приехать при теперешних порядках?» — «Маленкова не будет». — «Почему, он заболеет, умрет?» — «Это неясно». — «А кто же будет?» — «Жуков». — «И что же будет?» — «Жизнь». Как же это понять? Что это такое? Жульничества ни с ее, ни с моей стороны нет, в чем же дело? Так же была предсказана смерть Сталина[667].

Ухода Маленкова никто не ждал, он был очень популярен, с его приходом дышать стало легче. Булганина не знают, во время войны его имени никто не слыхал, а лицо у него лисье. Что это: партийная борьба или забота о родине?

Я жду Brumaire'а[668].

26 февраля. Как-то в январе у меня был Н.С. Кровяков, моряк, работающий в морских архивах, пишущий историю нашего флота. Его направил ко мне Кочурин, купивший у меня «Русскую старину». Мне очень тяжелы эти посещения, но так как я нахожусь в полной нищете, внуки также, Вася уже четыре месяца ничего не посылает, то приходится примиряться с постепенной распродажей своих вещей. Но Кровяков оказался очень интересным собеседником. Он побывал в портах Англии и Германии, в Порт-Артуре и Дальнем в 1946 году. Я слышала от кого-то, что японцы поставили в Порт-Артуре памятник Кондратенке, и спросила Кровякова, правда ли это. «Я не видал, но вполне возможно, что это так. На берегу японцы поставили большой, в три метра высоты, белый мраморный крест "героическим защитникам Порт-Артура от победоносных войск японского императора"». (Может быть, я неточно передаю текст, но смысл верен.) Русское кладбище в образцовом порядке, на каждой могиле плита с надписью. Все это дело рук японцев. Они везде подчеркивают героизм русских, может быть, чтобы оттенить собственную непобедимость. Такое отношение к погибшим врагам должно бы служить уроком.

На Сретенскую Анну, 16 февраля, я была днем у Анны Андреевны вместе с Верой Белкиной, с которой мы встретились по дороге.

А.А. прочла нам свой перевод большого стихотворения, скорее поэмы в 300 или 400 строк корейского поэта XVI века. Чудесные стихи, перевод не похож на перевод, это вдохновенные стихи. «Четыре времени года». Единственное действующее лицо — сам рыбак, автор[669]. Описания природы предельной тонкости и красоты. И очень нам близки и понятны. Как всегда, когда я слышу (или вижу) что-нибудь совершенное, я долго была в приподнятом настроении.

А сегодня у нас опять суд — Галя подала кассационную жалобу.

В городе унылое настроение: в магазинах ничего нет. В 9 часов появляется немного масла и сахара, тысячные очереди. Мы давно без масла. Каково это детям! В магазинах нет круп, мяса, молока, мало хлеба. Повсюду, во всех учреждениях и заводах, большие сокращения. Сокращают молодежь — они ходят, ищут и ничего не находят. Похоже на банкротство.

Это им или нам? Коллективизация деревни боком выходит. Нина Сидоренкова прошлой зимой мне сказала: «Когда у мужика был хлеб, и в городе было полно хлеба. У мужика теперь нет хлеба, нет и у вас».

4 марта. 26-го состоялся суд в городском суде на Фонтанке, 16. Гале суд отказал, подтвердив постановление народного суда. Главная цель ее адвокатши и самой Гали была доказать, что Катя не имеет права на площадь (будучи прописанной в нашей квартире с 1939 года). Чтобы доказать, что Катя низменного происхождения, Галя указала, что Пашникова «обедает на кухне». Надо сказать, что у нас все, кроме меня, там обедают. На все ее выпады судьи не обратили никакого внимания.

Придя домой, в полном остервенении, Галя вытащила Катину оттоманку в переднюю и всё имущество, находившееся в ящике оттоманки, разбросала в кухне и передней.

Все это возмутительно, конечно. Но кто, или, вернее, что, этому виною? Конечно, жилищные возмутительные условия. Мы все прикованы к своей половице, и только чудо или большие деньги могут спасти положение. Мне всегда вспоминается кинокартина «Рим, 11 часов»[670]. По газетному объявлению на одно место машинистки приходит около трехсот женщин. Молоденькая женщина, у которой и муж безработный, просила пройти без очереди. Свалка, толкотня, лестница обрушивается, многие ранены, одна умирает. Кто же виноват? Домовладелец или архитектор? Молодая виновница свалки хочет броситься в пролет лестницы, муж спасает ее и говорит: «Вы *ее* хотите объявить виновной в катастрофе?» И под его взглядом опускают голову и полицейский чиновник, и архитектор, и домовладелец.

А у нас этот ужасный жилищный вопрос принимает чудовищные размеры.

Муж с женой и ребенком живут в одной комнате. Жена с девочкой уезжает к матери на все лето. Муж заводит любовницу и поселяет ее в ту же комнату. Надо судиться. И только во второй инстанции любовницу выселяют.

В начале учебного года меня вызвали в школу, где при мне зав. учебной частью Марианна Александровна отчитывала Петю, нахватавшего двоек: «Как тебе не стыдно, у тебя все условия, чтобы хорошо учиться. Вот, смотри, Грибков. Их восемь человек в девятиметровой комнате. Мальчик может готовить уроки только под кроватью, там же он и спит». (В школе узнали об этом и разрешили готовить уроки в школе.)

Нина Меерсон — очень умный и хороший человек, я оценила ее во время блокады, мы вместе работали медсестрами на Моховой. Она ведет дра-

матические кружки подростков в Доме промкооперации и занимается с этими детьми не только как режиссер, но и как педагог. Она заметила, что одна 13-летняя девочка, очень способная, хорошая, чистая девочка, неважно учится в школе. Она попробовала ее расспрашивать, но та отмалчивалась. Наконец однажды она расплакалась и призналась, что ей совершенно нет времени учить уроки. «Я могу учиться только часов с трех ночи, но я засыпаю, а у мамы больное сердце, она не всегда может меня разбудить в 6 часов утра. А вечером свет тушат в 9 часов, и пока все мужики со своих баб не слезут, зажигать свет нельзя!»

Живут 4 семьи в одной комнате.

Сколько преступлений, даже убийств происходит на этой почве. Половина судебных процессов по жилищным вопросам.

На суде до нашего дела разбиралось такое: мать жила с сыном в одной большой комнате. Это был не родной сын, а приемыш, усыновленный, когда ему было два года. Он женился. Невестка не поладила со свекровью, и решили обменять эту комнату на две, причем сын нашел для обмена себе хорошую комнату, а матери комнату в 12 метров без топки, в квартире без ванны. Мать подала в суд и заявила, что эта комната ей не подходит. Суд ей отказал. А проживала она в своей комнате 30 лет!

Почему я не отдаю Гале всю комнату? Тут много причин, коренящихся в ненормальности всего положения.

Она не скрывала, что, получив комнату, тотчас же ее обменяет. Кто к нам вселится? Многочисленная ли семья, пьяные ли люди, проститутки, все может быть. Это первое. 2-е. При существующем положении я не могу своих потомков лишить хотя бы и трех метров в угоду абсолютно недостойной еще новых жертв с моей стороны опустившейся Гали. В 45-м году летом или осенью я ездила с Марой в Детское Село, чтобы встать на учет для получения им комнаты взамен их площади в сгоревшем за войну доме. Счета на эту комнату целы у меня до сих пор. В конце 45-го приехала Евгения Павловна. Я их всех просила хлопотать о комнате. Они ничего не сделали. А я тогда, чтобы их содержать, работала в двух местах и переводила Стендаля.

Гораздо проще отобрать у меня готовое.

Когда возмущенная Наталья Сигизмундовна, Марина свекровь, спросила Галю, неужели Мара знает о том, что ты подала в суд на Любовь Васильевну? — «Мара знала и советовала». Да и мать знала.

Эту семью надо вычеркнуть из памяти. Незадолго перед этим судом, печальной памяти, я была с Натальей Васильевной на докладе А.И. Клибанова в Пушкинском Доме о еретике XV века Иване Черном. Клибанов считает,

что еретическое движение той эпохи в Новгороде и Москве есть начало русского гуманизма и антиклерикализма. Этот Иван Черный бежал за границу, а в 1504 году загорелись первые костры инквизиции.

Клибанов в два срока пробыл 12 лет в концентрационном лагере. Осенью этого года[671], как-то вечером, его вызвали в контору и объявили, что он свободен и может уходить, не имеют права его задерживать. Лагерь был в 60 верстах от Норильска. Он еле упросил, чтобы ему разрешили остаться до утра. Ему показали бумагу, где было написано: «*Освобождается за отсутствием обвинения*».

И вот, пробыв последний раз 7 лет в ужасающих условиях концентрационного лагеря с номером на спине и на колене, он сохранил всю силу духа, чтобы продолжать работу, от которой был насильственно отстранен в 47-м году.

27 января ко мне зашла А.А. Ахматова. Ее сын написал в ссылке докторскую диссертацию о Гуннском царстве. О его возвращении хлопочет проф. Струве, ссылаясь на то, что не осталось совсем ученых, тогда как на Западе их очень иного. Мне кажется, только русские обладают такой внутренней духовной силой сопротивляемости. Кто-то, не помню кто, чуть ли не Leroy-Beaulieu, писал когда-то об improductivité slave[672]. Это после Л. Толстого, Достоевского, Мусоргского. Я думаю, славянская productivité[673] в духовном плане.

В секторе древней русской литературы, где читал свой доклад Клибанов, было человек 12—15 разного возраста, больше молодых. И мне было так радостно видеть в этих молодых людях такой большой интерес к докладу, такие знания в этой сфере, знаний Священного Писания. В особенности радостно после наблюдений за Галиной компанией. Интересов никаких. Пускают репродуктор во всю силу, крутят пластинки с романсами Шульженко, а теперь с песней «Бродяги»[674], жестоко пьют, даже в театр не ходят, не читают.

Клибанов упомянул о легенде, которую когда-то мне рассказал Кушнарев, с той разницей, что Христофор Степанович называл Авгара царем Армянским, а Клибанов Эдесским. Авгар, узнав о Христе и о гонениях, им претерпеваемых, послал ему письмо, приглашая прийти в его царство. Иисус отказался. Тогда Авгар прислал к нему художника, чтобы написать его портрет. Сколько художник ни старался — ничего не выходило. Тогда Христос взял холст, приложил к своему лицу — и подал художнику готовый портрет. Таковó происхождение «Нерукотворного Спаса».

6-й Вселенский собор постановил изображать Христа в человеческом виде[675].

1 или 2 февраля я решила опять наведаться в Госиздат к Трескунову. Чтобы получить работу, надо обивать пороги, увы. У него я застала Александра Александровича Смирнова. Он мне сообщил, что переведенная мной пьеса «Венецианские близнецы» не войдет в Гольдониевский сборник, она ни ему, ни Реизову не нравится, но зато он просит меня перевести для этого сборника другую пьесу «La guèrra»[676], которую я откопала у Гольдони и показала Александру Александровичу. Он говорит, что издательство («Искусство») не может в данный момент заключить договор, но что я могу начать переводить, ничем не рискуя. Уж не знаю, но переводить я начала, пьеса мне нравится. Она мне сразу понравилась. On verra[677].

9 марта. Была в Консерватории, в Малом зале на концерте студентов класса камерного пения Зои Петровны Лодий, она вчера, поздравляя с 8 марта, пригласила меня.

Когда я прочла афишу, мне сразу стало тепло на сердце. Композиторы XVII, XVIII и начала XIX веков. Марк Антонио Чести, Генри Пёрсел, Страделла, Бах, Гендель, Паэзиелло, Моцарт, Бетховен, Шуберт и Лист.

А как пели! Какая чистота голосов, дикция. Зоя Лодий наделяет этих девушек и юношей высокой культурой. Были соло, дуэты и трио под аккомпанемент арф, скрипок, иногда целого квартета и органа. Самое сильное впечатление произвела не меня ария Дидоны из оперы Пёрсела[678], исполненная Лествичной с аккомпанементом квартета. Я всей душой люблю музыку тех веков за ее чистоту и глубину. Я наслаждаюсь.

13 марта. 11-го я была в Союзе писателей. Чаковский, главный редактор будущего журнала «Интернациональная (или Иностранная) литература»[679], делал сообщение о лице или, как теперь говорят, о платформе журнала, о том, какого направления надо держаться будущим сотрудникам.

Меня бесконечно умиляет та доведенная до предела беззастенчивость, с которой наши коммунисты убежденно называют белым то, что полчаса тому назад так же убежденно называли черным.

В первый раз это меня потрясло в 39-м году, после заключения союза с Германией. Поносили до тех пор фашистов на чем свет стоит, и вдруг: я всегда говорил, что немцы... и т.д.

Так и Чаковский, по-видимому умный и остроумный человек, заявил: «Не надо искусственно сужать сферу наших интересов, надо расширить ознакомление с зарубежными явлениями. У нас была в некоторых кругах непра-

вильная тенденция — закрывать глаза на достижения Запада и считать, что мы первые во всем. Такое мнение чуждо партийной линии (?!).

Ленин сказал, что коммунист должен быть знаком со всем наследием мировой культуры (цитаты), надо ликвидировать белое пятно в западной культуре, литературе... Избежать догматизма. Нельзя требовать от зарубежного писателя ортодоксального марксизма»... и т.д. И еще: «Вот, например, художник Léger — мы говорим, что он формалист. Но ведь он коммунист, и притом активный, так же как и Пикассо».

Открытие таких америк достаточно постыдно. И эти люди смотрят вам прямо в глаза, кристально чистым взором.

Диву даешься.

Забыла записать: когда наша молочница узнала, что нам предстоит второй суд, она мне продиктовала следующую молитву, вернее, заговор, полагающийся на этот случай: «Шел святой Егорий по святой дороге. И нашел св. Егорий двенадцать замков и двенадцать ключей. Он замкнул всем врагам губы, зубы, глаза и уши, руки и ноги и не велел раба Божия такого-то ни судить, ни клеветать, потому что выше Господнего креста ничего нет».

Я пришла в восторг. Меня несказанно радует это из народа идущее творчество, существующее и бытующее в народе, невзирая ни на какие атеистические и политические пропаганды.

До суда надо прочесть эту молитву перед образом, повернуться, посмотреть на косяк двери и идти до суда, не оборачиваясь. Когда суд войдет, надо повторить молитву.

17 марта. У нас сейчас празднуют двухсотлетие со смерти Montesquieu. Как только начинаются чествования кого-нибудь из великих гуманистов, газетные писаки хлопают его по плечу, он, дескать, «свой в доску» и его высказывания вполне соответствуют нашей действительности.

Следуя их примеру, я достаю с верхней полки томик, вывезенный из Ларина, «Lettres persanes»[680], и вот на что натыкаюсь в LXXXIX письме Узбека к Иббену в Смирну: «Un homme qui a pour lui l'estime publique n'est jamais sûr de ne pas être déshonoré demain: le voilà aujourd'hui général d'armée; peut-être que le Prince le va faire son cuisinier, et qu'il ne lui laissera plus espérer d'autre éloge que celui d'avoir fait un bon ragoût». De Paris, le 15 de la lune de Gemmadi 2, 1715»[681].

Не в бровь, а в глаз.

Из итальянского «Contemporaneo»[682]: О союзниках России во время великой войны. «Non sapevano forse che tra alleati la lealtà non è un lusso, ma un dovere. Il tradimento continua»[683].

В 43-м году Япония предлагала России сепаратный мир. Сталин отказался и довел это до сведения союзников[684]. Они же несколько раз встречались с немцами в Швейцарии. Гесс за этим к ним перелетел[685].

Esprit des lois: Livre XIX chap. XXVII. Une nation libre peut avoir un libérateur, une nation subjuguée ne peut avoir qu'un autre oppresseur[686].

21 марта. Вчера в первый раз смотрела «Лебединое озеро»[687]. Какой очаровательный балет и какая музыка! Я была с Маргаритой Константиновной и рассказала ей мои впечатления от «Орлеанской девы» и мое возмущение. Она засмеялась: «Я уже несколько раз замечала, что вы на многое реагируете, как будто вам шестнадцать лет».

22 марта. Нечаянно попала вчера на «Гамлета» в Московском театре им. Маяковского в постановке Охлопкова.

О Самойлове—Гамлете кричат очень много, а я была разочарована. Хороший актер, все сделано хорошо им ли или режиссером, но это не талант, который вас сразу захватывает. Это вообще не талант. Я помню Гамлета—Моисси: сама простота, начиная с грима. С тех пор прошел тридцать один год, а я помню, как в какой-то момент тяжелого напряжения он провел языком по пересохшим губам. И только. И этот жест был сильней всяких воплей. Помню интонации Монахова—Филиппа II в «Дон Карлосе»[688], когда он на камнях перед распятием говорит о королеве: «Она всегда мечтательна была».

Елена Ивановна рассказала мне пикантную историю «из сфер».

На место Пономаренко, которого, по-видимому, за либерализм упекли на целину, был назначен Александров, профессор, философ, лет под 60. Теперь он снят за «бытовое разложение». Он принимал участие в афинских вечерах (или ночах?), где актрисы [да, кажется, и все общество] танцевали голые, где били фонтаны шампанского и пр. Происходили эти увеселения на даче у Кривошеина, который будто бы фотографировал веселую компанию, уж не знаю, в каком виде, и будто бы эти снимки попали в заграничный журнал. В результате в Театре Комедии снят прекрасный спектакль «Помпадуры и помпадурши», инсценированный по Щедрину Кривошеиным![689]

Это снятие бестактно. Автор-то Щедрин, а не Кривошеин.

Помню, когда-то, еще в детстве или юности, слышала остроту: «Witté Witté, va si vite qu'il va se casser le cou et devenir Crivoscheinn[690] [предыдущий министр финансов] (когда Витте проводил финансовую реформу). А теперь Кривошеин se casse le cou[691] от излишней резвости.

Интересно бы узнать точные подробности этого анекдота.

24 марта. Татьяна Григорьевна Гнедич пробыла 10 лет в ссылке, недавно вернулась, восстановлена в Союзе писателей. Вчера вечером она читала в секции переводчиков отрывки из своего перевода «Дон Жуана» Байрона. Перевела она его в ссылке. Перевод превосходный. А.А. Смирнов болен, не смог прийти. Прислал великолепный отзыв. Говорил М.П. Алексеев. Он сделал обзор всех переводов «Дон Жуана» на русский язык — Любича-Романовича в 1847 году (до тех пор «Дон Жуан» был запрещен цензурой), П. Козлова, М. Кузмина[692] и Шенгели. Но только Гнедич передала подлинный байроновский характер произведения; как кто-то сказал, она нашла ключ к байроновскому «Дон Жуану».

Вот, и это она сделала в ссылке! Она там заболела эпилепсией.

Велик Бог земли Русской[693].

<...>[694]

30 марта. Зима для меня прошла под знаком нищеты, голода и долгов. Мучительно.

31 марта. Я пролежала пять дней, по-видимому, опять были спазмы сердечных сосудов, но дольше не выдержала. Сегодня обедала с Т.Г. Гнедич и А.Д. Ермолаевой — ее псевдоним Аста Галл — у Натальи Васильевны Толстой. Гнедич вернулась в декабре 54-го года, Аста Галл в марте, только что. Я напрасно думала, что Гнедич восстановлена в Союзе писателей. «Ведь у нас Союз писателей — это филиал Большого дома», — говорил А.О. Старчаков. Во всяком случае, судимость с них обеих еще не снята и обе они не имеют права жить в Ленинграде. И то еще надо удивляться поразительному мужеству переводчиков, торжественно собравшихся 23 марта слушать перевод Гнедич, — уж очень хорош перевод, и, вероятно, ее реабилитация предрешена. «Дон Жуана» хотят издавать.

Они обе рассказывали эпопею своих арестов и жизни в лагерях. Читали свои стихи, Гнедич отрывки из «Дон Жуана», Ермолаева несколько своих стихотворений, из которых одно — «Ленинград» — великолепно.

Сколько эти женщины перенесли, и жизнь их не сломала, не согнула. Здоровье попортила, а духа не коснулась. И Аста Галл сказала мне на прощание: «Как это ни странно, я считаю, мне, как писательнице, эти десять лет дали очень много».

4 апреля. Они очень разные. Анна Дмитриевна (Аста) простодушна. Гнедич, может быть, талантливее. Первые двадцать два месяца своего заключения она просидела в одиночке, за что очень благодарна своему следователю [кажется, Подчасову], разрешившему ей заниматься переводом и получить

Байрона, давшему ей бумагу для этого. За эти двадцать два месяца она и перевела «Дон Жуана».

Россия и русские — это, конечно, страна и люди неограниченных возможностей.

Но сколько же погибает. Сосланные тогда же писательницы Булгакова и Незнамова умерли в ссылке.

Более бесправного и зверски жестокого режима, чем наш [в эпоху Сталина и Берия], представить себе нельзя.

Выхватывают самых талантливых людей из жизни и швыряют за решетки лагерей, которыми покрыта вся страна. А остающиеся на «свободе»?!!

Вчера вечером мне позвонил Симон Дрейден. Тоже один из вернувшихся. Пишет работу о кукольных театрах, просил разрешения зайти, расспросить о первых шагах театра в 18-м году[695]. Придет сегодня.

Стала вспоминать прошлое, и так грустно-грустно стало. Бесправие, тупое и скользкое. Не мне с ним бороться. Тут надобны елейность и цинизм Брянцева и Деммени.

Слухов о К.К. Тверском все нет. Погиб, вероятно. А Сергей Радлов главный режиссер в Риге, недавно приезжал сюда. А за что К.К. погиб? За то, *что был слишком ни в чем не виноват*.

2 апреля была у Анны Андреевны. Она больна и просила к ней зайти.

Читала мне коротенькие корейские стихи XVI века в своем переводе, такие прозрачные и чистые и такие близкие творчеству Анны Андреевны. Слушала и наслаждалась. А.А. Смирнов предложил ей перевести «Двенадцатую ночь»[696]. «Но ведь она переведена Лозинским?» — «Да, но... мы бы хотели иметь новый перевод». Ахматова отказалась и ответила, что никогда не будет работать над вещами, переведенными ее другом Михаилом Леонидовичем. «Начинают капать на Лозинского», — сказала она.

«Конъюнктурист» Александр Александрович (так его называл М.Л.) на это способен. Как жаль.

9 апреля. В «Советской культуре», бездарной до предела, две предельно бездарные и характерные для глупости момента статьи: «О главном герое наших картин» Вл. Серова и передовица: «Важнейшим темам современности — основное внимание театров».

В последней: «Советское театральное искусство всегда было сильно, прежде всего, своей неразрывной связью с жизнью, с героической борьбой советских людей за победу коммунизма... наши театры призваны... система-

тически привлекать к работе над произведениями, посвященными важнейшим темам современности и, прежде всего, о рабочем классе, крестьянстве СССР, о борьбе за развитие тяжелой индустрии» и т.д. и т.д.

А Серов пишет: «Показать образ нашего современника, показать всю красоту и сложность его духовного мира — такова задача, стоящая перед советскими художниками». О картине художника Пластова «Летом»: «В ней все как будто правильно наблюдено, — и девочка, и спящая женщина, и корзинка с грибами. Но это правда старого, ушедшего, ни одной черты нового в картине нет... Вместо того, чтобы в старом увидеть черты рождающегося нового, Пластов в новом увидел черты старого». Мне бы хотелось знать, по какому рецепту по новому социалистическому или коммунистическому методу изобразить корзину с грибами. Ох, и глупо же. Карикатурно. А ведь Серов, кажется, неглупый человек.

У меня что-то с сердцем неладно. Очевидно, Галины суды все-таки повлияли на мое злополучное сердце, и теперь оно от малейшего огорчения болит, ослабевает и как-то все эти дни «подкатывает» (как говорили смоленские бабы) к горлу. Лежу. Как встану, так и подкатывает.

А огорчений хоть отбавляй.

1. А.А. Смирнов сообщил мне, что издание Гольдониевского сборника отложено на 1957 год и никаких договоров и никаких денег до тех пор не будет. А я уже перевела первое действие «La Guerra»!

2. Трескунов не так давно позвонил мне, что новелла Келлера «Три праведных гребенщика» в моем переводе будет в скором времени издана массовым тиражом. Я обрадовалась, хоть какие-то деньги забрезжили на моем нищенском горизонте. Но через несколько дней он в эту чашку меду подлил стакан дегтя. Пересмотр перевода он поручил Анне Семеновне Кулишер, знаменитой своей злобностью, желчностью и человеконенавистничеством.

Я с ней встретилась в Союзе писателей: она еще не начинала редактировать, но уже заметила, что я неправильно цитирую молитву (речь идет об «Отче наш»). «Вы пишете “Остави нам долги наши”, а надо “Прости нам грехи наши”». Я возразила, что это точный евангельский текст. «Но уж, во всяком случае, не “должником”, а “должникам”».

Через несколько дней эта тигра лютая звонит: «Мне приходится почти весь перевод переделывать заново».

Я: «Но ведь перевод редактирован Жирмунским, принят Госиздатом».

Она: «Жирмунский требует близости к подлиннику, а я *московской школы* и люблю гибкость в переводе».

Я узнала, что она в контрах с Жирмунским и, очевидно, на моей шкуре будет сводить свои счеты. Тоже удовольствие!

Я позвонила Трескунову. «Не расстраивайтесь, не принимайте близко к сердцу. Анна Семеновна больше говорит, чем делает. Не стоит с ней спорить. А мы потом сами рассмотрим».

Не только стакан, а целый бочонок дегтя.

Рассказ в переводе Кулишер («Котик Шпигель») будет корректироваться в Москве.

Долги у меня растут, как снежный ком, причем не я прошу деньги в долг, а меня мои друзья чуть не силой заставляют брать деньги. Маргарите Константиновне я должна около 600 рублей.

Все это тяжело и доведет меня до разрыва сердца.

Тружусь над своими анналами. В 43, 44-м году я часто записывала виденное, свои впечатления на листочках; лежа в больницах — карандашом. Все это надо сводить воедино.

Успеть бы закончить это — и на вечный покой.

Неужели умру, не увидев братьев? Это будет ужасно.

13 апреля. Среда. Пошла в церковь, хотела в последний раз послушать «Да исправится молитва моя»[697]. Опоздала. Народу тьма. Постояла немного у самого выхода и ушла — затолкали. Взяла очки почитать газету на стене дома. В «Ленинградской правде» статья некоего Чернова «О происхождении религиозных праздников». Читаю: «...и теперь еще христиане, для задабривания злых духов, делают на пасхальной неделе творожную пасху и красят яйца»[698]. Я расхохоталась вслух.

Вот до чего, и то ничего!

Прошлую неделю я всю пролежала. Звонит мне Кулишер, просит приехать, чтобы просмотреть вместе ее поправки. Узнав, что я лежу, предложила мне приехать и была в воскресенье 10-го. Была в высшей степени любезна. Она внесла очень много поправок — я следила по печатному тексту. Кое с чем я не соглашалась, А.С. миролюбиво мне уступала, но многое я и принимала. При быстром чтении трудно было уследить за всем. Многие мне хвалили мой перевод. Не знаю, как он получится теперь.

Надо достать еще работу, но это очень трудно. Полина Александровна сказала вчера, что Москва нас совсем обездолила, всю работу берет себе.

Зашла я в редакцию «Искусства». Занимающийся двухтомником Гольдони Анатолий Зиновьевич Юфит (очень молодой человек) порадовал меня

тем, что, может быть, через полтора-два месяца они будут заключать договора — увы, без авансов, но все же договора. Посмотрим.

17 апреля. Светлое воскресенье.

Недели две тому назад Ольга Андреевна рассказала мне следующее: ее сотрудницы передавали, что сторожиха Никольского собора увидела в окнах храма свет. Взяв кого-то с собой, она вошла в собор и увидала молящуюся женщину в белом.

И эта женщина им сказала: «На Пасху будет снег по колено, а на Троицу (или на Петров день, О.А. не помнила) будет столько же крови». Я тогда не обратила на этот рассказ внимания. Вчера был хороший, довольно теплый вечер, радио предвещало на сегодня 10° тепла. С ночи пошел снег, шел весь день с вьюгой, ветром, намело сугробы, подмерзает.

Ольга Андриановна совсем пала духом. Неуютно.

За свою долгую жизнь я не видала такой погоды на Пасху.

В 14-м году мы с Юрием и братьями ездили в Ларино к маме на Пасху, помню, что это было 4 апреля. Реки разлились, снег оставался только на опушке леса, в тени. Мы все пошли в церковь. Чудесно было. Днепр и Дымка разлились, и в темноте ночи по черной воде мелькали двигающиеся светлячки. Это крестьяне из всех ближайших деревень плыли к заутрене на лодках с фонарями.

21 апреля. Из «Le cheval roux ou Les intentions humaines»[699] Эльзы Триоле: «Le maçon cassait le mâchefer, en chantant:

— Debout les damnés de la terre...Tu chantes bien, maçon, lui dis-je, nous sommes damnés. Mais à quoi cela nous servirait—il à présent de nous lever. Il aurait fallu y songer plus tôt...

— Peut-être, mais tant qu'il y va de la vie... Je construis la maison de mon enfant»[700].

В этом смысл жизни человечества. Construire la maison de son enfant. Мы этого смысла жизни лишены уже 38 лет. Отсюда деморализация.

В начале 20-х годов Оля Капустянская с разрешения властей реставрировала свой дом в Витебске, после чего дом у нее отобрали.

В прошлом, 54-м году, художник и фотограф Кириллов, ученик Остроумовой-Лебедевой, живущий в Печорах, выстроил себе небольшой каменный дом, проработав для этого всю жизнь. Он писал Анне Петровне об этом и звал ее приехать к нему на лето, когда дом будет готов.

Кириллова обложили такими непосильными налогами, что пришлось отказаться от дома. Он хлопотал, ездил в Москву — ничего не помогло.

Наталия Васильевна Толстая, профессор Новотельнов, художник Бакулаев, Вивьен, Тиме, Качалов выстроили себе дома на Селигере. Когда началась война, при приближении немцев, наши войска сожгли все дачи, т.к. был приказ «великого и мудрого» Сталина все жечь и уничтожать перед приходом немцев. Немцы не сожгли бы этих дач.

По той же причине в Ленинграде умерло 2½ миллиона людей. Пропитанье наше вывезли, а что не вывезли — оставили без укрытия, все сгорело. Остается сказать: «A bas, les damnés de la terre...»[701].

2 мая. Вчера утром, часов в 10, мне позвонила Тамара Александровна и сказала: «Анна Петровна кончает свой путь», — голос прерывался от слез. Я тотчас же поехала туда. У меня просто ноги подкашивались.

Анна Петровна лежала мертвенно бледная, не то во сне, не то в забытьи, с полуоткрытым ртом, дышала довольно ровно, но в груди клокотало. Была полная картина агонии. Пульс был устойчивый, дыханье ровное. Ей все время давали дышать кислородом. Оно стало слабеть. Докторша Николаева заявила, что Анне Петровне осталось жить полчаса, надо приготовить все, во что переодеть ее. Нюша возмутилась: «Человек жив, а я буду приготовлять, как на мертвого! Не стану».

К 4 часам А.П. проснулась, ей вечером и в 5 утра дали пантопона, очевидно, такой долгий сон был последствием этого. Ее покормили, т.е., вернее, напоили бульоном, она узнавала окружающих, но была очень слаба. T° — 38.

Это были именины Тамары Александровны, она уехала домой и вернется на ночь.

3 мая. 2-го я заходила, был консилиум. Проф. Новодворский, Т.А. Колпакова и Николаева. У А.П. двустороннее воспаление легких, t° все повышается. Приехал Николай Васильевич Синицын.

Вчера вечером Н.В. звонил из Москвы, у А.П. спросили, хочет ли она, чтобы он приехал. «Я очень буду рада», — ответила она.

Сегодня я зашла, но даже не входила, доктор запретил скопление людей. Поговорила с Синицыным на площадке.

30 апреля, в субботу, я была днем у Анны Петровны. Я все последнее время заходила к ней через день днем минут на десять, на четверть часа. После карбункула у нее осталась большая слабость, и даже короткий разговор ее очень утомлял, делалась тошнота.

Я пришла к ней пешком через мост, и когда я подходила к Неве, у меня дух захватило от восторга. Нева, небо — даль — все было жемчужно-сизое,

вода кое-где розовела, мост и крепость рисовались силуэтом, даль тонула в светло-сизом тумане. Рассказывая Анне Петровне об этом, я добавила: «Когда я вижу такую красоту, я всегда думаю о вас». — «Да, до меня никто так не любил Петербурга», — сказала А.П. «Пушкин любил и чудесно описал его». — «Да, Пушкин, это верно, а больше никто, никто его не увековечил».

Мне очень хотелось подбодрить Анну Петровну, я уговаривала ее внушать себе бодрость, силу. «Ведь вам необходимо закончить “Пути моего творчества”, там так мало осталось сделать, возьмите себя в руки», — говорила я. «Да, надо написать полстраницы, а сил у меня нет совсем, и у меня расщепление мозга».

Расщеплением А.П. называла свои галлюцинации. Перед сном она начинала галлюцинировать, и окружающие очень пугались. Нюша мне рассказывала, как недавно А.П. сидела за столом, отказалась от ужина, ничего не стала есть, и Нюша и Юлия Васильевна отвели ее в спальню. «Куда вы меня привели, это тюрьма, зачем вы привели меня в тюрьму, это сумасшедший дом, зачем здесь столько народа?» Нюша стала ее успокаивать: «Это я, Нюша, здесь никого нет». А.П. не узнавала ее. Только через час им удалось успокоить А.П., и она пришла в себя. Но это бредовое состояние, в котором она отдавала себе отчет, очень угнетало ее.

«Внушайте себе, что вы поправляетесь, — говорила я, — и вы выздоровеете, и мы будем с вами работать». — «Я внушаю себе другое, я не могу жить так. Голова у меня полна творческих мыслей, но я слишком быстро устаю, я не могу их оформить, претворить...» Тут Нюша вмешалась в разговор: «Вы подумайте, Анна Петровна завидует Лозинской, а я ей говорю, что теперь люминал большими количествами не продается, только на один прием».

Во время разговора А.П. несколько раз закрывала глаза и так несколько секунд сидела, видимо, от усталости. Я поцеловала ее нежные, дрожащие руки. «Ну, надо мне уходить, вы устали». Анна Петровна открыла глаза и сказала: «Мне так не хочется с вами расставаться, так не хочется» [и так ласково-ласково смотрела на меня]. Я посидела еще немного. Нюша вышла.

Доктор запретил целовать А.П., даже пожимать руку. Я встала. «Теперь никто не видит, я могу вас поцеловать в щечку», — и крепко два раза поцеловала ее. «Душенька вы моя, душенька», — сказала она.

Это были ее последние слова и последнее свидание.

[Так и осталась она у меня в памяти с этим ласковым, нежным взглядом, с этими милыми, ласковыми словами.

Я осиротела].

8 мая. Была гражданская панихида в Академии художеств.

Анна Петровна скончалась 5 мая в 8 часов утра. Синицын сразу же мне позвонил. Приехав, я вошла в спальню, поцеловала ее в лоб. Она была еще теплая, помолодевшая, щеки порозовели, лицо было такое хорошее, почти радостное.

С вечера температура все поднималась, ночью было 41° с десятыми. Тамара Александровна от нее не отходила. Синицын тоже оставался всю ночь. Около 8 он и Екатерина Николаевна, вызванная утром, вышли на площадку покурить. Вдруг слышат, Тамара Александровна вскрикнула. Они вбежали. Анна Петровна умерла.

24-го я поехала на Александро-Невское кладбище, был 20-й день. Обе могилы были покрыты венками.

А.П. похоронили рядом с мужем. Там уже заранее было приготовлено место, причем она поручила Синицыну на ее могилу положить только плиту, памятника не ставить.

Когда я уходила, около ворот меня остановила пожилая дама. «Вы г-жа Шапорина? Я вас видела у Анны Петровны». Оказалось, вдова М.Г. Климова. Она предложила мне посидеть на скамеечке и советовалась, куда обратиться, чтобы опубликовать записки Климова о его заграничном турне с Капеллой, когда они концертировали в Германии, Италии[702]. Рассказала мне, сколько козней строил Оссовский ее мужу. Оссовский до революции служил в Министерстве внутренних дел. Затем был, кажется, министром в украинской раде Скоропадского[703].

Чтобы спасать свою подмоченную репутацию и шкуру, он будто бы губил кого мог. Глазунов был ректором консерватории, Оссовский проректором. При перевыборах был единодушно избран проректором Климов. На другой день Глазунов зовет к себе Климова и уговаривает его отказаться, Оссовский ночью валялся у Глазунова в ногах, целовал руки, плакал и на коленях умолял не снимать с должности проректора, т.к. при его темном прошлом это было бы для него гибелью. Климов уступил.

9 мая. Я в доме отдыха в Зеленогорске, в прошлом Териоки. Ne rien faire de ses deux mains[704], какая благодать.

С моря, с дальних льдин доносится птичий писк и гам. Словно там птичий базар. Залив покрыт льдом. Из-под кромки снега по берегу курится пар, стелется по песку, голубее, как дым, все сильнее и сильнее. Сейчас двенадцатый час, солнце чуть греет.

10 мая. С двух часов вчерашнего дня зарядил дождь, сеет до сих пор. Пошли все-таки к морю. Над ним туман, горизонта не видно. Лед посинел, лужи на нем, вот-вот растает. На даче холодина. Нас четверо в маленькой комнате. Температура блокадная. Ночью на мне бумазейная длинная ночная рубашка, теплый халат, чулки, два одеяла — и прохладно. Утром заявили, что напишем в газеты. Затопили.

11 мая. Лед затянул залив до горизонта, серый, синеватый. В полыньях плавают чайки. Пролетели две дикие утки. И еще целая стайка.

Прочла 1-й том Custin'a. Более легкомысленного и легковесного французика трудно себе представить. Например, «Le costume russe, c'est-à-dire persan»[705]. А что он пишет о Пушкине и Лермонтове!!

12 мая. Непонятные мне явления природы. Весь залив сплошь затянут льдом. Нет и той большой полыньи, откуда доносился гомон чаек. Там, на месте стыка подвинувшихся льдин, нагромоздились торосы. А уже и по старому стилю послезавтра 1 мая.

Ни чаек, ни уток, ни людей на берегу. Холодно, ясно и очень хорошо. Съездила в Госиздат для 1-й корректуры «Гребенщиков». Сегодня вернулась. Автобусы ходят редко. И на вокзал и обратно шла пешком.

Für eine uralte Dame leiste ich wirklich zu viel[706].

13 мая. Туман. Иду по шоссе. Красота удивительная. Весь лес напоен голубым туманом. Впереди справа, над дорогой, черное кружево плакучей березы, чуть дальше, по левой стороне зеленые лапы елки, а дальше еле уловимые в тумане силуэты деревьев. И тишина.

14 мая. Un plongeon dans le néant[707]. Так я себе рисую свое пребывание в доме отдыха. Стараюсь ни о чем не думать реальном, мечтаю о Женевском озере. Отгоняю всякие неприятные мысли. Одним словом, ныряю в небытие.

Это мне тем более удается, что мое ближайшее будущее обеспечено благодаря «Гребенщикам». А главное — хорошее Васино письмо: Саша служит в ООН, в объединенных нациях, прекрасно обеспечен. Какое счастье.

16 мая. Молодая женщина из отдыхающих почувствовала себя плохо. Уложили, вспрыснули камфору. Позже встречаю ее, спрашиваю о здоровье. С ней случаются такие припадки, что она падает замертво, отвозят в больницу. Работает дворником, работа тяжелая, лед, снег... «Вам бы найти работу полегче», — говорю. «Комнату обещают, оттого и работаю. Живу пока в общежитии. Здесь в комнате нас тоже 8 человек, но все ненадолго, все хороши. В общежитии не то. *Война тряхнула всех.* У каждого свое горе, свои болячки, свои нервы».

18 мая. Лед начал двигаться только 16-го и к вечеру внезапно весь исчез. Потеплело. Сегодня сидела на берегу до 10 часов вечера. Цвет воды менялся ежеминутно. Солнце село, небо на западе розово-малиновое, меняются облака, и море то светло-зеленоватое, то перламутровое. Мечтала о Женевском озере. Посидеть на его берегу, наговориться с братьями. Отдохнуть от всего.

Сегодня день рождения Анны Петровны. Ей минуло бы 84 года.

19 мая. Завтра уезжаем. Море. Ветер с моря. Набегают волны с гребешками пены и бессильно растекаются по песку. Море, даже наш залив, вечное, неутомимое движение вперед, неумолимо разбивающееся где о камни, где просто о песок.

Я часто гляжу на него, и его беспрерывное движение вызывает во мне страстное желание путешествовать, ехать за границу, свидеться с братьями, досмотреть еще не осмотренное — Грецию, Испанию, Голландию, Венецию... Интересен и Китай очень, но к нему нет подготовки, и, пожалуй, увидишь одну экзотику. А латинский мир с детства свой.

Как плещутся волны, и как хочется до боли вдаль.

А смерть не за горами. Так вот и рассыплешься о песок.

27 мая. В воскресенье 22-го я была у Тамары Александровны. Она мне рассказала о последних часах жизни А.П. Температура у нее все поднималась, она вся горела, была в забытьи, но, по-видимому, не страдала. Синицын все время был тут же, помогал перекладывать Анну Петровну, т.к. ей часто меняли простыни. А когда вечером перед этим Т.А. попросила любимого племянника А.П. Петра Борисовича Остроумова, молодого врача, помочь переложить ее, он ответил: «Сами справитесь!»

А.П. за год до своей смерти назначила Синицына своим душеприказчиком и дала все указания насчет похорон, панихид и пр. Он все исполнил в точности, расстроен был ужасно. Юлия Васильевна Волкова осталась ночевать с Нюшей в ночь после смерти. Оставался и Николай Васильевич. Ю.В. говорит, что он разрыдался, долго плакал и сказал: «Я мать потерял, больше, чем мать».

4 июня. Завтра Троица, месяц, как умерла Анна Петровна. И ни одной строчки нигде о ней не написали. Подлое и трусливое время, подлые и трусливые люди. Пожалуй, наше правительство было право, ссылая миллионы людей, сажая их за колючую проволоку, расстреливая. Люди были заведомо невиновны, но они могли стать виновными; выбирали людей со скрытой потенцией смелости. Для того, чтобы человека уничтожить, достаточно было

этой скрытой потенции. Почему Сталин ненавидел Тито? Потому, что смелость и героизм Тито были налицо.

На гражданской панихиде все, начиная с Иогансона, ни разу не произнесли слова «Мир искусства», как остроумно заметил Розанов, заменяя участие А.П. в обществе «Мир искусства» причастием к синтетическому каучуку.

Накануне, в отсутствие Синицына, был выработан точный распорядок выступлений, и уже никому больше не разрешили говорить. Так, не смог сказать ни слова В.Я. Курбатов. Племянница А.П., Наталья Евгеньевна Григорьева, отнесла в ТАСС благодарность родных всем выразившим свое сочувствие. Эту благодарность в газетах не напечатали. В московских газетах даже не было сообщения о смерти Остроумовой-Лебедевой, самого крупного мастера по цветной гравюре в Европе.

Почему такое замалчиванье? Какая тому причина? Некультурность и трусость. Как бы чего не вышло. Подлость.

На гражданской панихиде у гроба стоял почетный караул. Люди сменялись. Среди последних четырех вышел пожилой, маленький, седой человечек в коричневой куртке, валенках. Когда пришел черед уходить, он встал на колени и земно поклонился Анне Петровне. По-человечески. И пошел, вытирая рукой глаза. Это был академический столяр, всю жизнь работавший для А.П.

9 июня. Никита рассказал мне московские слухи. Говорят, что Молотов и Булганин хотят столкнуть Хрущева. Оставить его министром земледелия, но убрать из секретарей партии. А кто такой Булганин?

Хрущев вызвал Капицу и спросил, как он смотрит на положение науки в СССР. На это Капица ответил: знает ли Хрущев, почему вымерли плезиозавры и прочие доисторические животные? Они вымерли потому, что у них при огромном теле были крошечные мозги. Такая же участь может постигнуть и СССР, если будут продолжать зажимать науку.

12 июня. Смотрела сегодня картину «Попрыгунья»[708] и была в конце потрясена до слез. Первая советская картина, так хорошо поставленная, где так хорошо и просто играют. Не играют, а живут. Одна для публики незаметная, но глупая натяжка. Гости, интеллигенты, причем Ольга Ивановна знакомится только с известными людьми, художники, писатели, музыканты — и эти воспитанные люди на даче, когда на них никто не смотрит, начинают есть руками, засовывают огромные бутерброды с икрой и т.д. Нехорошо.

14 июня. На этих днях двух старших сыновей нашей молочницы, комсомольцев, командировали в город, в распоряжение милиции для устройства облавы на «стиляг», проституток, молодых людей без определенных занятий.

Им был дан участок от Кузнечного переулка по Владимирскому до Аничкова моста по Невскому, как говорят — самый центр проституции.

Было много милиционеров, одетых в штатское.

Стиляги — юноши, носящие узкие, короткие, выше щиколотки, брюки, пиджак другого цвета. Особые галстуки, капроновые носки. У них длинные волосы, зачесанные особым способом назад, образуя сзади торчащий пучок. Таких красавцев вели в штаб и тут же обстригали волосы.

Совсем по принципу Петра Великого.

Обыскивали всех. У многих молодых людей находили ножи, тех направляли на Дворцовую площадь в главную милицию. Отбирали записные книжки, где находили всякие записи о похождениях в Мраморном зале Кировского дворца культуры[709], славящегося своими нравами.

У всех толстые записные книжки в заднем кармане брюк! (Что за глупость.)

У проституток тоже особые прически, арестовали двух полковников, гулявших с девками.

Я нахожу, что давно пора завести казенные публичные дома. Есть спрос, есть и предложение.

Мы как-то шли с Соней по Невскому, нас перегнала молодая пара. «Вот смотри, бабушка, это стиляги».

На нем были короткие ярко-синие брючки и бежевый пиджак. Брючки из плохой и тонкой материи морщились на ходу, вид был довольно жалкий.

Одним словом, принялись искоренять разврат и разложение молодежи. А разложение сверху донизу. Хотя, впрочем, это я напрасно клевещу. Например, в Сонином классе какие хорошие и воспитанные мальчики.

15 июня. В конце мая я была у Никиты и Мити, чтобы познакомиться с младшим поколением. Младшие девчонки Никиты провели почти всю зиму с няней на даче в Комарове. Прелестные дети, а маленькая Таня 4 лет уже читает. Огромные карие, почти черные глаза, а Шурочка блондинка. Сама Наташа очень похорошела, посвежела, вообще очаровательна. Очень хорошеет Катя.

Митин Алеша, ему в августе будет 4, продекламировал массу стихов, даже «У лукоморья»[710], очевидно, прекрасная память. Наташа мне нравится. Она умна, серьезна. Очень увлечена своим предметом — индологией. Она рассказала, что когда индийская парламентская делегация уезжала из Ленинграда, ей захотелось посмотреть на них и она поехала на вокзал. На перроне им сказал прощальную речь наш «отец города» Смирнов, говорил умно и хоро-

шо о дружбе, о мире. Индус ответил: «Страна наша не обладает военным могуществом, но наш народ имеет высокую моральную культуру». — «Это тоже оружие», — умно сказал Смирнов. А подвыпивший Черкасов махал шляпой и кричал: «Бомбей, Калькутта и вообще!»— «Я пришла в бешенство, — говорит Наташа, — и готова была тут же его придушить».

18 июня. <...>[711].

24 июня. Одно из последних bon mot[712].

Кто ездит от 7 часов до 9 утра, вися на подножках трамвая, на колбасе, цепляясь за буфера? Хозяева страны. А кто ездит от 11 утра до часу дня в «ЗИМах» и «ЗИСах»?[713] Слуги народа.

Язвительно.

Хожу и вглядываюсь в лица этих хозяев страны. Ни одного свежего лица, даже у молодежи. Все торопятся. Это не подобранная и веселая быстрота движений французов конца 20-х годов, а беспокойная торопливость перегруженных заботами и полуголодных людей. Даже 18—20-летние девушки бегут, насупив брови, между бровей залегли продольные складки, которые скоро превратятся в морщины. Редко-редко увидишь свежее лицо. Мешки под глазами, синяки, желтые или серые лица. Невеселое впечатление.

По случаю приезда Неру была запрещена продажа водки. На заводе «Скороход»[714], где его ждали, были выданы всем новые сатиновые спецовки, женщинам белые косыночки на голову и новые кожаные спортивки. Les on dit: на фабрике им. Микояна[715] всюду поставили цветы, а в столовой пальмы. В Петергофе за одну ночь высадили массу цветов и т.д. Одним словом, все те же потемкинские деревни[716]. Все равно, убогости никаким фиговым листом не прикроешь. А как мы воевали — всем известно. <...>[717]

4 июля. От вынужденной ли неподвижности или чего другого я чувствую сильную слабость, t° часто ниже 36. Питаюсь я хорошо, отчего же такая расслабленность? Я не могу взяться за работу, перевод лежит без движения. Я глубоко себе противна, а как взять себя в руки, не знаю.

Еще хорошо, что в окно я вижу только верхушку яблони, увешанную яблоками, подальше, вероятно, столетнюю высокую ракиту с узкими длинными листочками, напоминающими японские гравюры.

И небо. А по утрам восход солнца.

Все эти немощи — это старость. До сих пор я ее не замечала. Теперь она передо мной лицом к лицу. Это страшно. Гораздо страшней, чем видеть смерть лицом к лицу.

Je suis payé pour le savoir[718]. Знаю по собственному опыту.

5 июля. <Печоры>. Александра Семеновна, наша хозяйка, ужасается, что нигде ничего нет. Ее племянница пишет им из Гапсаля, что в магазинах хоть шаром покати. А Гапсаль был богатейшим курортом во время самостоятельности Эстонии. Туда приезжало много туристов из-за границы, в особенности его любили шведы.

«Вот при Маленкове все было, и мука, и сахар, и мясо, — говорит она, — а при новом царе все пропало, он одних военных кормит, им всё везут».

Маленков снискал себе большую популярность, и мне кажется, что он да Молотов единственные интеллигентные люди в партийном центре. А Булганин, — кто его знает, откуда он выплыл и куда плывет?

Незадолго перед отъездом я была у Натальи Ивановны Животовой, и она мне рассказала страшную историю гибели молодой балерины Лидочки Ивановой в 20-х годах. Наталья Ивановна была дружна с ее отцом, Александром Александровичем Ивановым, от которого все это и узнала. Лидочка Иванова была очень талантлива, ее слава все росла, и она явилась соперницей очаровательной Спесивцевой.

В Спесивцеву были влюблены Зиновьев, вершитель судеб Петрограда, и старый Волынский. Спесивцева предпочла Зиновьева. Сошлась с ним, чем вызвала гнев и месть со стороны А. Волынского. Месть выразилась в большой хвалебной статье о восходящей звезде Ивановой.

Спесивцева рвала и метала и потребовала от Зиновьева, чтобы он убрал Иванову, угрожая разрывом.

Комендант Мариинского театра передал Лидочке Ивановой приглашение на концерт в Кронштадт, обещав ее сопровождать.

Поехали на катере: комендант, моряк, служащий театра и Иванова. Катер столкнулся с пароходом, Иванова и моряк утонули, остальные спаслись. Такова была официальная версия.

Капитана парохода судили. Суд состоялся при закрытых дверях, но отец, А.А. Иванов, проник туда.

Капитан показал, что, увидев идущий к пароходу катер, дал гудок. Катер не изменил направления. Были даны второй и третий гудки, но катер продолжал приближаться к пароходу. Капитан был принужден круто повернуть, но катер уже столкнулся с пароходом. Капитан бросился к борту и увидал, что на дне катера неподвижно лежала женщина. Историю замяли.

Через некоторое время до отца дошел слух, что труп Лидочки был найден. Надо было доискаться, откуда пошел этот слух. Все нити привели к водолазу, живущему на окраине города.

А.А. Иванов уговорил знакомую актрису поехать с ним к водолазу, объяснив, какую роль она должна будет сыграть. Когда они разыскали водолаза, дама со слезами стала его умолять найти ее единственную дочь, которая утонула, купаясь. Водолаз согласился. Тогда в разговор вступил Иванов. Он сказал, что ему известно, что труп его дочери был выловлен и похоронен, что он дает клятву труп не выкапывать и никому об этом не говорить, но единственно о чем он умоляет его, это указать могилу дочери. Водолаз был очень испуган, уверял, что он ничего не знает, потом сказал, что хоронил не он, а другой, что того человека сейчас нет дома. Сговорились приехать на следующий день. Жена удерживала его, боясь, что его могут убить, но он все же поехал с знакомым. На этот раз водолаз уже совсем спокойно и не сбиваясь в показаниях заявил, что человек, о котором он говорил, уехал из города.

Так отец и не узнал, где находится могила его дочери[719].

Зиновьев был страшный человек. Это единственный из всех наших правителей, которого я мельком видела в глубине директорской ложи на спектакле в Большом драматическом театре, когда Моисси играл Гамлета в 1924 году.

Я ничего об этой истории не знала, кроме смутных слухов о загадочной гибели Лидочки Ивановой. В Париже, когда я жила на rue Cassini в квартире с садом, А.К. Шервашидзе привел ко мне как-то летом 1926 года Спесивцеву. Надо было срочно расписать ей балетные пачки насыпным серебром.

Она была очаровательна, совсем с персидской миниатюры, такая гурия рая. Среднего роста тоненькая брюнетка, очень скромная и милая. И откуда в нашем балете создался этот восточный аристократический тип красоты. Карсавина, Павлова, Спесивцева, с нежными руками, покатыми плечами... Я была у нее, познакомилась с ее матерью. Типичная широколицая прачка или кухарка. Спесивцева очень жаловалась на ее скупость. Мать все деньги у нее отбирала и выдавала с трудом.

Она должна была танцевать акт из «Баядерки»[720] перед марокканским шахом или султаном (не помню точно его титул). Спесивцева просила меня к ней зайти перед концертом, чтобы вместе поехать туда. Она была уже загримирована и рассказала, что всегда гримируется заранее, потом полчаса тренируется в своей мастерской с зеркалами и вделанными шестами. Грим смешивается с выделяемым кожей потом, и его со сцены незаметно. И правда. Когда мы приехали, я за кулисами встретила Смирнову, которая тоже участвовала в концерте. Она была загримирована и напудрена — это ее очень старило.

Кто бы мог думать, что на совести этой гурии такой чудовищный грех? А может быть, это преступление лежит целиком на Зиновьеве?

13 июля. Шапорин все наврал и нахвастал. Говорила вчера вечером по телефону с Сонечкой. Вася уехал на две недели в командировку. Она скептически относится к этим планам, а Юрий Александрович ничем Васе не помог.

Вот человек! Сам получил музыкальное образование благодаря помощи Терещенко, кроме ста рублей, получаемых из конторы Юнкера на Невском, у него ничего не было, мать не могла ему помогать. Женился — явилась моя помощь. Леля его одела к свадьбе.

И полное равнодушие к людям.

14 июля. Укатали Сивку крутые горки. Бедный Сивка.

У меня разболелась нога. Я сама себя сглазила. Как-то вечером, еще в Ленинграде, говорю Соне: как я счастлива, что у меня здоровые ноги, сколько моих сверстников еле ходят.

Просыпаюсь наутро — болит колено левой ноги. И все хуже и хуже. Разболелась вся нога. И то сказать — весь июнь я безостановочно ходила. Петя 11 июня уезжал в лагерь. Надо было его снарядить. Тысячи детей разъезжаются в начале июня по лагерям. Поэтому весной найти сандалии так же трудно, как сыскать свежий ананас в архангельских огородах. И все остальное в том же роде.

Издательства, путевки, обмундирование детей и т.д. и т.д., я бесконечно устала, и вот результат. После трехдневного лежания пошла под вечер с Соней погулять. Одно из любимых моих мест — поля за монастырем. Справа высокие, темнеющие на закатном небе стены и башни монастыря, рвы и бастионы вокруг них, а налево — поля, деревни вдали. Идет по меже монах с косой. На краю монастырского огорода, где возвышается бак с водой, ходит старый монах, караулит. А на башне, густо поросшей травой, сидит монах в клобуке, его темный силуэт резко выделяется на светлом небе, что он делает, читает ли, созерцает ли спокойные дали — кто знает?

Мы дошли до поворота стены, поравнявшись с пожилым монахом, караулившим огород, поклонились ему. Он поздоровался и, указав на огород: «Вот, смотрите, ничего не растет, поливать некому, полоть некому. Хозяина настоящего нет. Владыка в это не входит, мер не принимает. То ли дело, бывало, отец Пимен! Вот был хозяин!». Я его спросила, из каких он мест. «Из Новгородской губернии, из деревни, хозяйство было, огород хороший. Тогда в Новгороде был епископом Арсений. Хороший владыка был — сослали

в Сибирь, лет 20 там и пробыл. Впрочем, хоть и в ссылке, но изредка позволяли ему служить. Потом перевели его в Ташкент, и там он обращал узбеков в христианство. Он уж совсем ослабел, ходить не мог, так к нему только за благословением приходили. Его до сих пор в Ташкенте в соборе поминают и в Новгороде. Очень его чтут».

Нового владыку, настоятеля монастыря епископа Иоанна Псковского и Порховского, я видела. Мы с Соней отнесли ему образ Казанской Божией Матери, пожертвованный монастырю Татьяной Руфовной Златогоровой, рожденной Кельберг. Он высокий, очень полный, очень краснощекий, с вьющейся бородой и волнистыми волосами. То, что французы называют une mine joviale[721]. Это не то, что строгий, умный Пимен, убежденный прекрасный проповедник. Если его здоровье выправится, мне кажется, быть Пимену патриархом. Это человек без темных пятен в прошлом.

17 июля. Соня, наша хозяйка с мужем и добрая половина русского населения Печор умчались на Женину свадьбу в Приходской церкви. У церкви стояла толпа.

Женя, мальчик-сирота лет 12, пришел в Печорский монастырь из-под Риги, где жил с мачехой; явился к схимнику о. Симеону и сказал: «Отец Симеон, я монах». Его оставили при монастыре. Когда владыка Владимир сердился на него и угрожал выгнать, Женя отвечал: «Я не уйду, я пришел в монастырь во каким», — и показывал расстояние между большим и указательным пальцами.

Он оказался мальчиком смышленым, быстрым и деятельным.

В 50-м году, когда я в первый раз приехала в Печоры, он уже был послушником, лет 19, 20, помогал дьякону в церкви, великолепно звонил в колокола (а это большое искусство), прекрасно управлял машиной. Вот тогда-то он мне и Вере Милютиной напомнил ангела со скрипкой ранних флорентийцев. Белокурый, с волнистыми волосами, откинутыми назад, высоким лбом без бровей, я помню его в зеленом с золотом стихаре, совсем с картины, может быть даже, Боттичелли, Мазаччо. Но скоро стало ясно, что монаха из него не выйдет. Таллинский епископ Роман взял его с собой в Таллин, а потом поместил в Ленинградскую семинарию. Каждое лето он приезжал в монастырь, исполнял любую работу в поле, звонил в колокола... Ему осталось проучиться еще 2 года. Он решил это пройти заочно, жениться. Его повысят в священники и дадут приход.

Что удивительно — это общее расположение, которое он сумел заслужить во всем городе, этот юноша, бездомный сирота, нашедший себе дом в

монастыре. Там его все любят. <1 нрзб.> подарил ему рясу, о. Иоанн — 2000 рублей.

20 июля. На днях зашла к хозяйке Антонина Николаевна, молодая учительница, живущая уже 4 года зимой у Александры Семеновны. Мы с ней сдружились в 52-м году. Она из деревни неподалеку от Пскова, кончила школу, педагогический вуз и преподает русский. Соня ее очень любит. Она прошла к хозяйке, скоро туда же зашла почтальонша, и разговор у них был настолько интересен, что и я к ним присоединилась. Говорили о тяжелых условиях жизни в деревне, о невозможности оставаться в колхозах.

«Подумайте сами, — говорила Антонина Николаевна (ее мать в колхозе), — колхоз ничего не дает, ни денег, ни продуктов. Крестьянин мог бы еще кое-как питаться со своего огорода, но и с него он должен сдать шерсть, яйца, молоко, кожу со своего поросенка и т.д. А где взять сена для своей коровы? При Маленкове все вздохнули. Налоги сбавили, с огорода ничего не брали и разрешали косить сено по канавам, полянам».

Все это отменено: теперь сено крадут по ночам, налоги удвоили. Хлеба в деревне нет, фураж не продается. И в Печорах, и в Пскове у всех булочных огромные очереди, колхозники покупают хлеб для скота и уносят полные большие мешки. Нельзя ставить крестьян-колхозников в такое безвыходное положение. А я добавлю. Нельзя разводить гуманные разговоры с трибуны, помогать всем и каждому на мировой арене при всяких наводнениях, землетрясениях и прочих невзгодах и держать свой народ на голодном пайке, на иждивенческой карточке!

Как часто я думаю об Анне Петровне. Какая большая пустота осталась без нее. И как мне тоскливо без нее.

21 июля. Наша Александра Семеновна часто возвращается в разговоре к Маленкову. Вот и сейчас: «Маленков больше думал о бедности, входил в бедность нашу. Ведь сейчас народу просто погибель, уж что дальше будет, не знаю. А Булганин — тот об народе не думает, он только бы военным всё! Охти, тошненько».

Сегодня Казанская, по-старому 8 июля[722], самый летний праздник, начало жатвы, рожь уже золотая стоит.

В Городище ярмарка. На высоком берегу Дымки церковь. По всему склону телеги, телеги приехавших на ярмарку. Тройка мчится в гору вскачь, где-то мы останавливаемся. Идем по ярмарке, пахнет пряниками, красным товаром, дегтем, лошадьми, смазными сапогами. Времена детства, ранней молодости...

21 июля. В церкви во время обедни думала: христианство родилось в Палестине среди семитов-монотеистов. Иисус Христос все годы своей проповеди повторял и учил, что он Сын человеческий. Сын Божий в том смысле, в каком все люди Сыны Божии.

Христианство пришло к арийцам-язычникам, политеистам, и чистое высокое христианство оказалось им не по плечу. Творчество, Слово Божие, Дух Божий из духовных абстрактных понятий превратилось в конкретную Троицу, и, собственно говоря, Бог, основа религии, начало и конец всего — где-то на заднем плане.

31 июля. У меня был доктор Улле и нашел тромбофлебит. Я обречена на лежание. Ставили пиявки, будут делать ионтофорез. Уже целый месяц я не гуляю, не рисую. В церкви была всего несколько раз, а теперь и этого я лишена. Я чувствую себя выбитой из седла, на этот раз, может быть, окончательно.

Старость меня догнала и крикнула: стоп! И нога болит, и слабость. Я же ее, старость, не чувствую, а вот она выбила меня из седла.

Когда я в последний раз сидела в темном уголке Успенского собора, вспомнила, что не то в прошлом году, не то еще раньше я так же сидела тут при мерцании свечей и лампад и с горечью думала о своей прошлой жизни.

Теперь я к этим мыслям не возвращаюсь. Все помыслы устремлены вперед. Так мало времени осталось. А дела много. Смерти я не боюсь совсем, я слишком верующий человек, даже покров себе приготовила. Не это меня беспокоит. Мне надо закончить свои воспоминания непременно. И я не могу себе представить, что могу уйти из жизни, не увидав братьев. И я постоянно молюсь о том, чтобы мне увидать рассвет над Россией, увидать братьев.

Недавно кто-то позвонил Наташе, спрашивал меня и затем занес к нам на квартиру в Ленинград пакет — вязаный жакет от Саши. Катя переслала мне его с вложенной короткой запиской: «Многоуважаемая Любовь Васильевна. Тов. Яковлев А.В. посылает вам этот вязаный жакетик. Он здоров, и его племянник тоже. Оба работают переводчиками.

Е. Крылова».

Очевидно, она приехала из Женевы. И эта передача из рук в руки произвела на меня потрясающее впечатление, какой-то близостью к Саше пахнуло.

И не сестра ли это Коли Крылова Леля?

Что за жесточайшие времена мы переживаем. Тридцать восемь лет сидим за железной стеной во имя чего? Свободы? Нет. Отупения? Да. Чтобы никто не догадался, «что там, на Западе, живое солнце светит».

Несчастные художники, несчастный Мыльников, разве можно расти, не посмотрев, не прочувствовав Италию. И общим строем, как на параде, возвращаться к передвижникам.

Отчего выставка А.В. Щекатихиной имела такой огромный успех? Люди увидали свободную живопись. Выставка была такая красивая и жизнерадостная. Какой фарфор! Ее советский фарфор мне понравился гораздо больше тех вещей, которые она расписывала в Париже. Ее столовые сервизы, чайные сервизы — как «красная смородина», «спелые колосья», прелестны по композиции и краскам. И совершенно оригинальны.

11 августа. Перечитываю «Войну и мир», и мне кажется, никогда так внимательно не читала. И опять вижу то, чего прежде не замечала. Этот отрывок потряс меня силой выразительности: «В общем гуде из-за всех других звуков яснее всех были стоны и голоса раненых во мраке ночи. Их стоны, казалось, наполняли собой весь этот мрак, окружавший войска. Их стоны и мрак этой ночи — это было одно и то же» (После Шёнграбена)[723].

13 августа. Все пошли в церковь на акафист перед завтрашним первым Спасом[724]. Соня с подругой тоже.

Мне кажется, в нашей стране не найти другого такого города, как Печоры, где бы так помнили и чтили все праздники, знали все акафисты. Где бы по деревням так праздновали все престольные праздники.

На Петров день — гулянье в Пачковке[725], Соня туда ходила с знакомыми крестьянами. На улице пляски, танцы, баян.

На Илью праздник в Рагозине[726] и т.д.

Я встречала в жизни интеллигентов, вышедших из крестьян: Синицын, П.Е. Корнилов, проф. Раздольский.

В Печорах особенно наглядно можно наблюдать этот переход из крестьянства в интеллигенцию. Ольга Васильевна Бардина преподает математику в школе. Высокая, стройная, красивая, всегда изящно одетая. Замужем за офицером. Разговор, аристократическая простота манер. В школе она считается очень хорошей преподавательницей, дети ее любят. Мать из деревни живет с ней. Шьет.

Я ближе знаю другую учительницу — Антонину Николаевну Спиридонову. Она преподает литературу. Родом она из деревни ближе к Пскову. Жила бедно. Она бегала в школу за несколько километров в легкой одежонке, рваных валенках, совсем замерзала по дороге, ноги теперь болят. Ей 32 года. Поступила после школы в Педагогический институт в Пскове, мечтала о

Ленинграде, но ее, как бывшую в оккупации, туда не пустили. Ей и сейчас хотелось бы учиться, идти дальше. Говорит она об этом с грустью. Весь ее внутренний мир — мир интеллигентного человека. Во время войны немцы согнали их с родных мест, они скрывались в печорских лесах. Она бывала в городе и держала связь с партизанами. Немцы ее заподозрили, арестовали, заперли в сарае. Может быть, ее бы и расстреляли, да освободил доброволец. (Добровольцами здесь называли власовцев.) Она услыхала русскую речь, взмолилась из своего заточения, он сбил замок: «Теперь беги», — и она убежала в лес.

Она рассказывает, что в первые годы войны немцы не сдавались вовсе. А советские солдаты сдавались в большом количестве, они были очень плохо вооружены. А к концу войны роли переменились.

15 августа. Наша соседка по имению Марья Николаевна Кузьмина, бывало, говорила: вижу чемоданы и хочу ехать (т.е. путешествовать). А я говорю: слышу и вижу самолет и хочу лететь в Швейцарию.

Сегодня Соня уехала в Псков на раскопки. Мне очень интересно, как справится она с своей самостоятельностью.

16 августа. Я очень люблю Соню, очень к ней привыкла, можно сказать, выходила ее за эти годы, очень об ней беспокоюсь. Но как я наслаждаюсь сейчас одиночеством. Какое блаженство быть одной. С утра в восьмом часу пошла рисовать наш «Коровий спуск», напоминающий мне всегда Италию. Сейчас сяду за перевод.

В Печорах полное неустройство. На лето выключают электричество до сентября, дают только в казенные учреждения. А с числа 12 августа прекратили продажу керосина до 1 сентября, перетратили лимит. За водой у колонок по утрам громадные очереди.

18 августа. Взяла в библиотеке «Новый мир» за 55-й <год>. Статья в № 2: «Из истории создания романа А.Н. Толстого “Восемнадцатый год”»[727]. Примечания Ю. Крестинского. Примечание: «Писатель согласился только с одним замечанием Полонского и снял фразу об *уничтожении боеспособных командиров* солдатскими комитетами» (это мелким шрифтом). А Фрунзе, а Тухачевский? Сталин был бы рад уничтожить и Жукова.

«У меня это сказано вскользь, и в этом не выражена вся глубина происходившей на фронте трагедии, — писал Толстой».

Интересно бы выяснить, какой национальности были коноводы солдатских комитетов.

Народные частушки:

Николашка-дурачок
Продал хлеб за пятачок.
А позвали холуя,
Не осталось ни — — —

23 августа. Прочла две части «Сайласа Тимбермана» Говарда Фаста[728]. Удивляюсь, как решаются печатать такую вещь. За подозрение в коммунизме и т.д. ему грозит «пять проклятых лет тюрьмы». Какие детские игрушки! Сенатская комиссия публичная, суд публичный... А у нас? А неугодно ли 25 лет? Когда сравниваешь — оторопь берет.

Получила за лето несколько писем от Елены Михайловны[729], два последних из Переделкина[730], где она гостит у К.И. Чуковского, который отнесся к ней, как к родной. Кажется, сейчас все известно: и кто оклеветал ее, и какими методами добивались «сознания». И вот нет возможности добиться снятия судимости, судимости, заведомо неправильной, порочной. Чуковский хлопочет два месяца, пришлось Е.М. поехать в Ленинград — добьется ли она чего-нибудь?

А наличие «судимости» не дает возможности жить в Москве и Ленинграде, быть восстановленной в Союзе писателей, а следовательно, и писать и печататься.

23 августа. На моих глазах в этом году развернулся роман. Ну, не роман, но романический эпизод, который бы очень хорошо описал Maupassant. Чехов отнесся бы слишком юмористически, а надо сделать это как «La reine Hortense»[731].

Моя приятельница из помещичьей украинской семьи. Высокая, хорошо воспитанная, с сильной проседью, живыми карими глазами. Очень неглупая, много читает, работает. Мужа она потеряла в конце Первой мировой войны. Каждое лето она ездила, чаще летала, в отпуск в один из южных больших городов, где живут ее родственники.

Прошлым летом она встретила там друга своих родных, немолодого, но хорошо сохранившегося человека, из очень хорошей семьи, даже Рюриковича. Есть еще такие. Они подружились. Отпуск кончился, она вернулась в Ленинград. Началась переписка, сначала дружеская, но очень скоро перешедшая в любовную, пламенно любовную. Они перешли на «ты», он называл ее своей мечтой, кончались письма нежными и горячими поцелуями. Она мне читала его письма, некоторые свои. Это были послания безумно влюбленных людей, влюбленных со всем жаром юности. Ей 72 года, ему 84!!

Она его просила сжигать ее письма, но он успокаивал ее, говоря, что его корреспонденция неприкосновенна.

В один прекрасный день его жена нашла несколько ее писем, одних из самых пылких. Мужу влетело, а героиня получила от жены очень умное письмо. Оно было мне показано.

Жена удивлялась, как могла умная женщина в ее годы вести столь предосудительную переписку. Когда муж целует ручки ее молоденьким ученицам (она пианистка) и слегка ухаживает за ними, ее это не беспокоит. Но такие бурные чувства, такая пылкая переписка могут довести его до удара. Надо считаться с возрастом.

Героиня романа ответила тоже очень остроумно, обратив все в шутку.

Я ей сказала: «Миг один, и нет волшебной сказки...»[732].

Она была очень расстроена, беспокоилась за него...

Недавно я получила от нее письмо, где она пишет: волшебная сказка продолжается. Отпуск свой она провела, как всегда, у родных. Была у него, подружилась с женой, принуждена писать письма для прочтения мужа и жены. Надо добавить, что эта переписка очень далека от цидулек каких-нибудь Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны[733]. Нет, это письма любовников «на самом высоком уровне», как говорят теперь о политических встречах.

Но мне кажется, роман этот по существу своему стилистический, литературный, вернее, может быть, эпистолярный. Старики влюбляются. Пример — Мазепа[734], но они влюбляются в молодых, а не в старух. Здесь увлечение самой формой письма, напоминающей юность. Мне так кажется. А впрочем?..

8 сентября. Четырнадцатилетняя годовщина первой бомбардировки, вернее бомбежки, нашего района. Кажется, что это так давно-давно было. И сколько людей погибло с тех пор.

Вернулись мы с Соней 29 августа, и в тот же день я увидалась с Еленой Михайловной. Я так волновалась перед этой встречей, мне как-то не верилось, что она по-настоящему воскресла из мертвых. Переменилась она внешне очень мало, удивительно мало. Только поседела. В белых волосах темные пряди, она уверяет, что от привольной жизни у Чуковских волосы у нее начали пигментироваться.

Я слушала ее рассказы о допросах, о тюрьмах, об обысках, таких чудовищных, что и не придумаешь, и я чувствовала: вот-вот расплачусь. Их везли как террористок в вагонах без окон, сидели в Казани в камерах с заделан-

ными окнами. Кровати привешивались к потолку, на скамейке было места для четырех, а их было шестеро.

Ужаснее всего она переживала, когда их, раздетых догола, укладывали на стол и обыскивали в гинекологических перчатках. Среди них была старая женщина 69 лет, бывший видный педагог Чернова, с ней делались нервные припадки с судорогами... Главное, все они были абсолютно невинны.

Е.М. у меня ночевала. Я рано проснулась и все думала: Достоевский написал «Записки из Мертвого дома»[735]. Как можно было бы озаглавить воспоминания о таких годах? И не могла придумать. Е.М. проснулась — тоже ничего не находила. Записки из гроба — нельзя. В гробе нет жизни, а у них все время жизнь не замирала. 30-го она уехала. Е.М. живет сейчас в Переделкине у К.И. Чуковского. Она говорит, что он замечательно внутренно «похорошел». Верно, повлияла смерть жены, скупой и очень неприятной, как говорят. Он очень много помогает, за многих хлопочет, бесконечно деятелен. Е.М. пока что, в ожидании своей судьбы, у него секретарствует. Очень сердечно отнесся к ней и К.А. Федин. Когда велось дело Елены Михайловны в 1938 году, НКВД очень хотело скомпрометировать Федина. Софье Гитмановне Спасской *сломали ребро* на допросе, и все-таки она не опорочила Федина.

Нет, не могу больше об этом писать, скверно становится.

Я все-таки придумала, по-моему, неплохое название в pendant[736] Достоевскому: «Записки из братской могилы».

13 сентября. Я верю и не верю, что виделась с Еленой Михайловной. Она так мало изменилась, что наше свидание мне кажется продолжением встреч в 38-м году. А где же Елена Михайловна та, другая — эпохи от 38-го года до 54-го? У меня двоится впечатление. Сейчас она так успокоена дружеским отношением семьи Чуковских и всей их окружающей среды переделкинских писателей, так, вероятно, расцвела от их человеческого отношения, что та замученная чернорабочая с Мамлюткинского завода стушевалась, где-то в тумане. Слава Богу! Какая все-таки должна быть сила духа, чтобы все пережить и остаться собой.

«Все, все, что гибелью грозит...»[737]

15 сентября. Больна Софья Васильевна Шостакович. М.М. Сорокина предполагает, что у нее рак. Просила Марию Дмитриевну еще весной сделать исследования — они не хотят.

Я была у С.В. в июне; она очень похудела, была сильно возбуждена, не отпускала меня, хотя я обещала посидеть только двадцать минут.

Потом у меня заболела нога, и я больше не смогла ее навестить.

С.В. позвонила мне в день моего приезда, жаловалась, что все болеет. Летом она некоторое время жила в Комарове у Д.Д. Он неразлучен с детьми, которые его обожают. Он потянулся опять к своей семье, сестрам и матери, от которых его всячески отдаляли Варзары.

Третьего дня С.В. мне снова звонила два раза, и я встала. Она жаловалась, что очень скучает, т.к. лежит и целый день провела в полном одиночестве. А я, как на грех, прикована своим тромбофлебитом к постели. Но мы условились, что она будет мне звонить каждое утро и мы будем отводить душу. Мне ее очень, очень жаль. Она очень добрый и хороший человек. Вообще Человек. Завтра приезжает Д.Д., и это ее развлечет.

Какая разница в человеческих отношениях между Шостаковичем и Шапориным.

На днях звонил Вася. По поручению отца он звонил Никите и просил устроить Шурика Шапорина лаборантом куда-нибудь в Ленинграде. Он, оказывается, уже так прославился своими кутежами в Москве, что Юрию Александровичу позвонили из редакции газеты и предупредили, что если он не примет соответствующих мер, они принуждены будут поместить большую статью в газете!

Наталья Васильевна рассказывала, что когда-то она спросила у Юрия, как мог он променять меня на Александру Федоровну. «Знаешь, Туся, — ответил он, — жена должна быть глупой». И вот результат. А мне в Петрозаводске в 21-м и 22-м годах он постоянно твердил: «Долой интеллигентных жен».

Благодаря своей глупости Александра Федоровна хоть и стала лауреаткой, но интеллигентности и культурности не приобрела; может быть, ей даже льстит, что ее сын такой настоящий барчук.

21 сентября. Я все лежу, вчера хирург велела еще лежать дней десять. Когда же рассосется этот тромбофлебит? Но милые мои друзья меня все время навещают. Кажется, все у меня перебывали. А сегодня пришла Маргарита Константиновна, которая приходит каждую среду, а затем А.А. Ахматова. Первое, что ее спросила М.К., как дела ее сына. «Все это время я сама не своя, — сказала А.А., — прямо с ума схожу». Ей сказал полковник Ковалев (точно не знаю: это Министерство внутренних дел или прокуратура военная), что дело Л.Н. пересматривается и *скоро*, вероятно, будет ответ[738]. Маргарите Константиновне сказали, что предполагается амнистия по 58-й статье. Была уже официально объявлена амнистия всем русским военным «преступникам», т.е. людям, бывшим в плену у немцев[739]. После того как согласились

настоящих преступников-немцев отпустить на родину, неловко уж стало держать наших несчастных ни в чем не повинных людей в ссылке.

Ахматова хлопотала о том, чтобы сына не посылали на тяжелую работу. Была для этого в Министерстве внутренних дел. Уполномоченный ей ответил, что они ничего не могут сделать, надо обратиться непосредственно к начальнику лагеря. Предложил А.А. написать такое заявление и, прочтя его, увидев имя, обещал сам переслать. Л.Н. написал, что его больше на тяжелые работы не посылают.

Ведут расследование по делу Мейерхольда. Его избивали резиновыми палками, чтобы заставить сознаться в том, что он японский шпион. Потом расстреляли.

При пересмотре дела Мейерхольда вызывали Ильинского. Акимов написал очень хорошее письмо с характеристикой Мейерхольда. Это письмо подписали также А.Д. Попов и Пастернак. Н.С. Тихонов отказался подписать.

У нас, снявши голову, по волосам плачут. А сколько таких снятых голов!

Я сказала, что часто думаю о Немезиде[740]: не ответил бы русский народ за все это. «Что вы, — вскрикнула Ахматова, — весь русский народ, все крестьянство страдало и страдает до сих пор. За что же его наказывать».

Я заговорила о Тверском, о том, что высланный в 35-м году в Самару, где он был главным режиссером, в 37-м был выслан дальше без права переписки. «Значит, расстрелян, — говорит А.А. — Без права переписки — это ими придумано, чтобы скрыть расстрел. Скажите, вернулся кто-нибудь из тех, кто не имел права переписываться? Никто».

Но за что же можно было расстрелять чистейшего, честнейшего, светлого Константина Константиновича? А.А. говорит, что он был адъютантом Керенского. По-моему, это не так, он был все время на фронте.

Мне надо как можно интенсивнее заняться разбором старых писем. Мне попались мои два письма <1>905 года папе и Саше по моем возвращении из Ларина, после всеобщей забастовки[741]. Они дают полную картину обывательского отношения к событиям.

24 сентября. Теперь ждут возвращения людей с каторги, из-за границы, всех бывших в немецком плену.

Катя спрашивает Петю, принял ли бы он своего отца, если бы тот был взят немцами в плен. «Нет, не принял», — ответил Петя. «Но почему же так, ведь ты тоже можешь попасть в плен, если будет война». Петя: «Впрочем, если бы хороший был отец, то принял, а если такой, как наш, — не принял».

Вот последствия воспитания советского и материнского. Эта распутная женщина разрушила своим распутством семью и натравливает сына на отца.

Катя рассказывает, что работница их завода спрашивает своего шестнадцатилетнего сына, тоже рабочего: «Ты примешь своего отца, если он вернется?» (Ее муж пропал без вести во время войны.) — «Нет, не приму. Я вырос без него, нечего ему было в плену оставаться». — «И где это он питаться будет?» — «Как мы питаемся, так и он будет с нами питаться; отдохнет месяца два и на работу пойдет». — «Может, и я тебе мешаю, может, ты и меня рад прогнать?» — «Нет, ты меня до шестнадцати лет кормила, это другое дело». — «Так он же не по доброй воле в плен пошел». Вот какие разговоры и какое растление произведено детских душ. Это совсем не в русском характере.

Есть и другие люди, но это не молодежь. Нашелся муж сестры Ольги Андреевны Лиды. Она была медсестрой во время войны, сошлась с кем-то и вернулась беременная. А муж исчез, и об нем ни слуху ни духу.

Я, по правде сказать, думала, что он ее бросил.

Недавно пришло письмо из Магадана, очень сухое, но с припиской-просьбой не обращать внимание на тон, он иначе писать не может. Лида ему ответила, что замуж не вышла, что сын уже во второй класс перешел, что сестры помогают. В ответ пришло прекрасное письмо, он благодарит ее за то, что она его дождалась, радуется, что у него сын, благодарит сестер и надеется, что будет участвовать в воспитании сына, сможет ей помочь.

За что его продержали больше 10 лет? За плен.

Недели две тому назад я послала в Париж открытку. 21-го уже пришел от Васи ответ с фотографией[742]. Он и Лида за столиком в саду, сзади них Вася с двумя детьми. Вдали видно Женевское озеро. Боже, до чего я хочу к ним! Вася так кончает письмо: «Как нам не думать друг о друге, когда все наше детство прошло вместе, и такое хорошее, свободное деревенское детство». Как он прав. Хорошее, свободное, деревенское детство.

И еще я скажу: какое счастье родиться и вырасти в такой чистой, безупречной в моральном отношении семье.

25 сентября. Сегодня меня навестила Аннушка, живущая теперь в доме инвалидов. «Все, все, что теперь делается, все в Евангелии и Библии предсказано. Вот прочтите 24-ю главу Матвея, увидите». Я читаю: «...и не останется камня на камне»[743] — и т.д. и пытаюсь объяснить ей, что это предсказание касается прихода римлян и разрушения Иерусалима. «Нет, это все о нашем времени. И лжеучители... Ведь антихрист-то уже родился, да, да, в Израиле родился от гулящей девки и дьявола. Ему теперь 44 года. Он дол-

жен был воцариться в 33 года, но Господь не попустил, а все-таки он скоро воцарится! И отчего это все — потому что веры нет. И не только у молодых. Наши старухи придут из церкви и сейчас за телевизор. А телевизор и радио — это все от дьявола!»

Вот тебе и XX век и 38 лет советской власти.

28 сентября. Анна Андреевна, когда была у меня, сообщила, что ей дали дачу в пожизненную аренду, как дают всем великим людям[744]. Мы с М.К. <Грюнвальд> очень этому порадовались, и я тогда напомнила ей ее слова, сказанные осенью 48-го года.

Мы с ней гуляли в Летнем саду, сидели на скамейке, я ее спросила, как она понимает слова Достоевского о праве на бесчестие. «Они поступили со мной неумно, — сказала А.А. — Надо было подарить мне дачу, машину, породистого пуделя и запретить печатать. Во-первых, стали бы завидовать, у нас ведь страшно завидуют; а затем решили бы: не пишет, кончилась, исписалась и т.д. Таким образом я была бы уничтожена незаметно. А голодным все сочувствуют». (Из записной книжки 48-го года.) Ахматова рассказала про Зощенко. Травля его продолжалась[745]. На банкете по случаю юбилея Пановой[746], которая очень дружна с Зощенко, ее муж провозгласил тост за здоровье М.М.

Это явилось поводом нового взрыва травли (подлые шакалы, никто из них не останется, и Зощенко как бытописатель современного мещанства их всех переживет).

Зощенко не выдержал и написал в ЦК[747]. Оттуда пришел приказ: оставить Зощенко раз и навсегда в покое и давать ему работы вволю.

Не помню, записала ли я когда-нибудь давнишние рассказы А.А. Голубева о Мейерхольде. Юг был во власти белых. Мейерхольда арестовали, и на разбор его дела был приглашен Голубев. Его обвиняли в том, что он перекинулся к красным[748]. В свое оправдание Мейерхольд сказал: «Вот ваш же Кузьмин-Караваев (Тверской) работает с большевиками!»

А вернувшись в Петроград, донес на Тверского что-то в связи с Савинковым [адъютант Керенского].

18 октября. «Особенность основанных на коммунизме учреждений та, что первый момент их существования полон блеска, так как коммунизм всегда предполагает сильную экзальтацию, но они скоро распадаются, так как коммунизм противен человеческой природе». Эрнест Ренан. «Апостолы».

Приехала из Твери племянница Ольги Андреевны Наташа. В Твери хоть шаром покати. Время от времени она ездила в Москву за продуктами. В Пе-

чорах, Белозерске[749] и почти повсюду абсолютное отсутствие продуктов — сахара, масла, мяса, хлеба. Деревня без хлеба.

Вот куда привела коллективизация. Недаром Ленин говорил, что к ней надо прийти не раньше, чем через 50 лет.

Зашла на днях в местком Союза писателей — писатель Дружинин просит устроить ему путевку в Швецию. Котовщикова и Мессер едут в Чехословакию. Путевки стоят от 900 до 1200 рублей (приблизительно). Какой сдвиг! — «после рождества Хрущева», как теперь острят. Конечно, всем этим людям, не жившим за границей, и такие массовые путешествия с гидом и невозможностью самостоятельных прогулок все-таки интересны, но я бы, конечно, и даром так не поехала.

20 октября. У нас живет Катина сестра Тося, страшная дуреха, ничего, кроме деревни и Белозерска, не видавшая. Я ей говорю: «Сходила бы ты в церковь, посмотрела бы, как там красиво, как хорошо поют...» — «Нет, не пойду, меня выгонят, скажут, зачем такая пришла». В это время входит Наташа Исаева, племянница Ольги Андреевны: «А я в церковь не хожу, мне там всегда кажется, что я скоро умру, там страшно!»

Люди живут без руля и без ветрил и удивляются, почему такая преступность среди молодежи. Крупный юрист Травин рассказывал Софье Ион., что сейчас судят только молодежь, бывают страшные процессы, длящиеся по нескольку дней. Воровство, изнасилование, грабежи, убийства, юноши с пятнадцати лет «выступают на этом поприще».

У старшего поколения сохранились подсознательно буржуазные предрассудки: не убий и т.д. А что может удерживать молодежь от преступлений? На мой взгляд, ничего.

Бога нет, греха нет. Этики нет никакой. Почему не вытащить бумажник из кармана соседа? Кто сказал, что этого нельзя делать?

Много банд. Я ужасно боюсь за Петю. Наташа запретила мне вмешиваться в его воспитание, и поэтому он предоставлен самому себе, где-то гуляет целые вечера. Наташи дома не бывает вовсе, она опять сошла с рельс и очень неприятна.

Летом умер скоропостижно Дунаевский. Говорят, что это было самоубийство [или инфаркт] после того, как его сын получил 20 лет каторги. Что толкнуло богатого юношу на преступление?

24 октября. <...>[750]

3 ноября. Я опять в больнице. И опять это скорее стационар, чем леченье. Возвращаясь от д-ра М.А. Гинденганн недели две тому назад, я встре-

тила Бондарчука. «У вас паршивый вид, — сказал он. — Я вас к нам устрою, тромбофлебит по моей части». И вот я с 1 ноября в Нейрохирургическом институте. Меня узнали две санитарки, работавшие еще в 43-м году, когда я там лежала. Рыженькая Шура, которая тогда боялась, что ее пошлют на фронт. К счастью, на фронт ее не послали, и она даже не постарела за эти 12 лет и все здесь работает.

Недавно у меня был отец Всеволод. Он ездил лечиться на Кавказ и застрял в Ленинграде, захватив грипп.

С ним очень легко говорить. Он очень приятный и интересный собеседник, он столько перевидал и столько перестрадал, и мне кажется, что у него какая-то чисто омытая душа.

Он теперь настоятель Троицкого собора в Пскове[751]; епископ Псковский все прочит его в настоятели Печорского монастыря, но ему этого не хочется. Должность административная и не по его нраву и характеру.

Рассказал он, что в 20-х годах существовал на Васильевском острове институт, где лечили по системе Фрёйда. О. Всеволод знал девушку, которую там вылечили от эпилепсии. Система заключается в том, что надо найти, добраться до первичного впечатления, вызвавшего первый припадок и которое человек обычно забывает. Оказалось, что с этой девушкой произошло следующее. Жила она с родителями в одном из сибирских городов. Недавно кончилась Гражданская война. Огромное количество трупов колчаковских солдат было закопано по берегу оврага [или реки], закопаны неглубоко. Весной с таяньем снегов, оттаиванием земли начались оползни, и трупы зашевелились, как живые. Зрелище было страшное. Местную буржуазию, в том числе и мать девушки, послали закапывать эти пришедшие в движение трупы. Дочь видела это. С этого мгновения у нее начались припадки.

Надо было усиленными расспросами найти эту отправную точку. Это очень трудное и жестокое дело. Как только вопросы приближают больного к отправной точке, с ним начинается припадок. Но затем человек излечивается.

На излечении был чекист. Он помнил большую черную птицу на фоне пожара. При дальнейших вопросах выяснилось: он застрелил священника, за которым горела вечерняя заря. Чекист в него выстрелил, а [священник] не упал и продолжал стоять. Было непонятно. Он подошел, толкнул его, тот упал мертвый.

С этого у него началась падучая.

Институт скоро закрыли. Он очень дорого стоил.

О. Всеволод говорит, что сейчас церкви стало легче и отношение граждан стало менее оскорбительным. Ему надо было взять билет до Пскова. Он поехал на вокзал. Была очень большая очередь, другая была гораздо меньше — для военных и командировочных. Он туда и встал за какой-то гражданкой с портфелем. Откуда ни возьмись парни-украинцы, и стали утверждать, что они стояли раньше его. Тогда продавщица билетов крикнула ему из окошечка: «Батюшка, идите без очереди», — и подала ему билет. Никто не протестовал. Рассказал несколько случаев, когда крестились взрослые девушки.

Одет о. Всеволод в черную русскую косоворотку с вышитым воротом. Высокие русские сапоги и обыкновенное пальто. Волосы прячет под меховую шапку.

4 ноября. Сегодня Антон Васильевич ввел мне новокаин и велел принимать декумарин. Рассчитывает, что это заставит тромб рассосаться.

5 ноября. Поставили пиявки. Какое отвратительное зрелище.

Какие разные люди лежат вокруг меня.

6 ноября. Кто-то принес мне книжку Ю. Эбин «Н.Я. Данько»[752] (я предполагаю, что В.А. Славенсон). Я сразу же прочла. Первое впечатление: книжка безличная, и Наташи Данько там нет. Нет человека, индивидуального характера. Но, правда, этого в наше время и нельзя дать. Можно ли сказать, что она была замкнутым человеком? Нет. Никак нельзя. Дать ее письма из Рима, рассказать драму ее жизни? Нельзя.

Следовательно, книжка написана хорошо, в предельно возможной форме. Не талантливо, но там все сказано и почти все вещи перечислены. Сказаны и все политически необходимые слова. Лягнуто «Мир искусства». И моя совесть требует, чтобы я написала о Наташе все, что я знаю о ее личности. А человек она была совсем особенный. Смогу ли я это сделать? Надо. Напечатано это сейчас быть не может, но нельзя, чтобы то, что я о ней знаю, было утрачено для будущего.

7 ноября. Кто-то из сестер сказал: «Москва слезам не верит». Давность этой поговорки многовековая. Она может быть эпиграфом к царствованию Сталина.

10 ноября. Всякий зверь родится со своей шубой, некоторые даже с бронированным панцирем, только злополучный человек рождается гол-голешенек, и ничего ему не дано, кроме мозга. «Дала вам барыня сто рублей, что хотите, то купите...»[753].

Все идет более или менее благополучно, пока мозг цел. Но какой ужас, когда он отказывается служить.

Лежала у нас 78-летняя Карпова. 30 лет прослужила она прислугой у профессора медицины Ан. Зинкова. Положили в Нейрохирургический. У нее начиналась гангрена. Ампутировали ногу выше колена. Когда я сюда попала, рана заживала, швы сняли. К ней часто заходил ее хозяин. Приехала из Москвы племянница, привела нотариуса, больная подписала завещание в пользу этой племянницы, та уехала 7-го. Карпова прежде стонала, но толково говорила; потом перестала узнавать и начала завывать, денно и нощно. 8-го пришел ее питомец, сын профессора Зинкова. Она его не узнала. Кричать стала все сильнее и мучительнее для окружающих, это было какое-то завывание сирены. Все время зовет мать. Ее от нас увезли, перевели в другое отделение. Говорят, сильнейший склероз мозга. Несчастный человек лишился единственного дара Божия.

16 ноября. Со мной случился камуфлет. Мне давали целую неделю декумарин для разжижения крови. 12-го поставили пиявки. И я больше суток истекала кровью. Из четырех ранок кровь текла ручьями, никакие перевязки не помогали.

13-е было воскресенье, Бондарчука не было. Я лежала все время в крови. Наконец вечером молодой дежурный доктор догадался положить на ранки тампоны с перекисью водорода и туго их забинтовать. Это прекратило кровотечение. Но ослабела я страшно. Теперь мне добавляют питание, а я с обычным еле справляюсь.

Была у меня Наталья Васильевна и сообщила, что в начале ноября скончалась Софья Васильевна Шостакович. Как больно, что ее уже нет на свете. Такой была она добрый, отзывчивый, честный человек. Несмотря на свой тромб, я была у нее [в октябре] раза три по воскресеньям, она бывала всегда очень рада мне, потом я ушла в больницу и так и не видала ее перед смертью. Н.В. говорила, что умерла она спокойно, уснула. Митя Толстой был у них, С.В. лежала спокойная, красивая. Упокой, Господи, ее душу, она это заслужила.

19 ноября. Вчера неожиданно навестил меня Николай Васильевич Синицын. Он приехал по делу установки надгробной плиты на могиле Анны Петровны. Он расстроен всей той грязью, которой его поливала наследница А.П. Екатерина Николаевна Хлопина, вернее, мать наследников. Анна Петровна ее терпеть не могла.

Екатерина Николаевна ездила в Академию художеств жаловаться на него, ей хотелось вскрыть завещание еще до похорон. Николая Васильевича вызвали в Академию и тоже требовали этого, но он сказал, что до похорон он

завещания не вскроет. Она была возмущена, так же как и местные художники, что Синицын был душеприказчиком, которого А.П. назначила еще года за полтора до смерти. Она хотела, чтобы я и А.О. Якубчик были тоже душеприказчиками, но формальности совершены не были.

В отсутствие Николая Васильевича в его номере гостиницы «Нева» был сделан обыск, все было перерыто.

А что мог он у них украсть? Все художественное наследство переходило в Русский музей. Или они искали завещание? [Архив передан Публичной библиотеке.]

Тюфяк Костенко не без злобности говорил мне весной, что Синицын хочет себе сделать ореол из славы Остроумовой. На что я ему ответила: «Синицыну в Московском Союзе художников при приеме его в кандидаты в члены Союза сказали: только бросьте всю эту “остроумовщину”». «Мир искусства» — ругательное слово — даже[754]

3 декабря. Третьего дня я поехала на Невский за гомеопатическими лекарствами и купила в Пассаже пачку бумаги для машинистки. За лежание в больнице и потерю там крови я очень ослабела. Подошел автобус, остановился довольно далеко от тротуара, вижу — не влезть. Передо мной вошел молодой военный, курсант. «Гражданин, помогите мне». Передала ему сумку и бумагу. Он и кондукторша меня *втянули* в вагон. Я рассыпалась в благодарностях, села и подумала: вот она, старость, еще так недавно были силы, бедный Сивка!

Чувствую, что уже слезы на глазах, прибегла к своему испытанному средству: Le cigale ayant chanté tout l’été... К концу басни я справилась с собой.

Еще в молодости, когда мне сверлили или вырывали зуб, я всегда мысленно декламировала «Думу» Лермонтова или «Клеветникам России»[755].

26 декабря. Вчера был 35-летний юбилей театральной работы Е.П. Якуниной.

1956

24 января. Сейчас просмотрела прекрасное чешское издание «Прага» с бесчисленным количеством великолепных фотографий города, и у меня сердце сжалось до боли. Люди чтят свою культуру, религию, искусство, родину, а мы — злополучные Иваны, не помнящие родства, потеряли даже свое исконное имя. Что сделали с старой Москвой, с ее церквами и башнями?!

Верочка Колпакова, архитектор, как-то сказала мне: «Высотные дома заменяют в силуэте города церкви и колокольни». Заменят! Как же.

А храмы Ярославля, церкви Пскова, Михайловский златоверхий монастырь? Что говорить!

И моя вера в Россию пошатнулась. Прекраснодушный Хрущев говорит сладкие речи, а ему в ответ «гром аплодисментов» и ни одного живого слова. И за 38 лет ни одного живого слова. И 70% преступлений совершает молодежь до 15 лет. Как же ей их не совершать.

Больно.

24 февраля. Я как-то выбилась из колеи. Кончила работу над «Войной» Гольдони, сдала ее и, как со мной всегда бывает, не знаю, что начать. Впрочем, знаю, но не хватает импульса. Надо втягиваться.

Вчера от беспокойства за Васю и, может быть, от усталости, т.к. за отсутствием Наташи веду хозяйство, разболелось сердце. Вот так могу умереть в один прекрасный денек, не закончив своих записок и не разобрав писем.

Останется все d'Inachevés, как у Козьмы Пруткова.

Вот это даст мне импульс.

Прошлой зимой Анна Петровна дала мне большой пакет — свою переписку с Клавдией Петровной Труневой — и просила разобрать. И вот почему: Остроумовы жили на даче под Калугой у знакомых, и Анна Петровна очень подружилась с Клавдией Петровной Труневой. А.П. было лет 25 уже, Трунева была моложе.

Они были постоянно вместе, были очень нежны друг с другом, и родственница Ади стала над ними подтрунивать и намекать на лесбийскую сущность их отношений. Она, очевидно, не помнила слов Льва Толстого в «Войне и мире» о дружбе Наташи и княжны Марьи: «Между кн. Марьей и

Наташей установилась та страстная и нежная дружба, которая бывает только между женщинами. Они беспрестанно целовались, говорили друг другу нежные слова и большую часть времени проводили вместе» — и т.д. (После смерти кн. Андрея и Пети.)

Анна Петровна помнила эти пошлые намеки и сказала мне: «Перечтите эти письма, и если найдете такие, которые могут быть не поняты и неверно объяснены, сожгите их».

Я перечла письма А.П. за 97, 98, 99, 900 и 901-й годы и, конечно, пришла к убеждению, что сжигать тут нечего.

Большая нежность с ее стороны объясняется еще и тем, что, по-видимому, Трунева [приемная дочь Унковских] переживала тяжелое время, было увлечение, не нашедшее взаимности, и А.П. руководило дружеское желание рассеять подругу, развлечь ее.

Если бы мне было лет хотя бы на 10 меньше... — впрочем, нет у меня такого дарования. Но эти письма могут служить замечательным материалом для изучения внутренней, душевной жизни Анны Петровны, ее духовной организации. Почерк меняется от настроения. Одно письмо написано в минуту отчаяния, еще до замужества — почерк неузнаваемый. От домашнего неустройства, от невозможности работать она решила бросить живопись, бросить все. Почерк тонкий, нажимы пропали, письмо писалось быстро, почерк размашистый, удлиненный, покрывает бумагу паутинкой.

Вот одно из писем 1899 года 9 сентября. «Милая моя! Мучает тебя неведомая сила, толкает, мутит, куда-то зовет, и не знаешь, что с собой делать! Боже! как мне это знакомо! Я через все это прошла и до сих пор во власти этого чувства, и много оно отравило минут. И я ошибочно думала, что это искусство, живопись зовет меня, что мне надо трудиться, работать и я найду удовлетворение. Но я ошиблась... И мне кажется, что это чувство испытывают многие люди, особенно в молодые годы. Это дух человека, душа его трепещет, рвется на волю, ей мало, ей душно в такой оболочке. Может быть, мы в прежней жизни были свободными духами и тоскуем о прежнем.

Не задавайся никакими целями. Радостно встречай каждый новый день и бери от него все, что он может тебе дать веселого и милого. В этом высшая философия жизни — в равновесии и спокойствии духа.

Боже мой! я все это говорю такое пошлое, такое избитое, но ты не смотри на это, на мои глупые слова; это маленький кусочек, что мне хочется тебе сказать, а главное у меня желание помочь тебе, избавить тебя от лишних мучений. Но как можно сказать душе: “Молчи, не рвись, удов-

летворяйся тем, что есть!" Вспомни "Фауста" Гете. Это самая великая вещь, какую я читала»[756].

3 марта. Вернулась с индийской кустарной выставки в большой грусти. Выставка чудесная.

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном
Далекой Индии чудес...[757]

Здесь нет ни алмазов, ни жемчужин. Но это именно чудеса далекой Индии, которая за последнее время как-то неожиданно приблизилась к нам. Какие ткани, парчи — филигрань, резное дерево, но лучше всего кость. Какая резьба! Женская фигурка, в руке держит лотос, у ее ног две маленькие лани. Эта статуэтка не чисто индийская по стилю, чувствуется влияние Европы, но как великолепно сделана, как гармоничны линии всей фигуры, складок...

И сделалось мне грустно, грустно. Вспомнились мне наличники и кокошники на окнах наших деревень. По дороге из Шуи в Палех у всех изб различные узоры. Старый Котухин рассказывал мне в Палехе: «Устанешь, бывало, за целый день работы в мастерской (иконописной), придешь домой, возьмешь кусок дерева и вырезаешь что Бог на душу положит. Вот оттого-то у всех наличники и разные».

А шитье, вышивки женские, плащаницы. Революция прошлась раскаленным утюгом по стране, уничтожила деревню, веселье, песни, народное искусство. Нивелировала все.

7 марта. Уже второй раз я хожу к Ольге Георгиевне Смирновой, помогаю ей разбирать книги Константина Евтихьевича. Она почти не видит, читать совсем не может. К.Е. скончался 29 февраля.

Познакомились мы с ним и работали в одной мастерской — «Académie de la Palette» под руководством (очень относительным) Jacques Blanche, Charles Cottet и Desvallierè. К.Е. был очень культурный и знающий человек с большим художественным вкусом. В Париже он вел примерную жизнь, и когда мы звали его пойти выпить кофе в «La Rotonde» или в «Dôme», он всегда отвечал: «Я должен к маме зайти, сказать ей». А было ему тогда лет 28—29. Мы над ним подсмеивались. Он хорошо понимал гравюру, бродил по берегам Сены, роясь у букинистов... Он понемножку и поочередно пытался ухаживать за многими из нас. Ухаживание его заключалось в том, что когда ставили новую модель, К.Е. придвигал свой мольберт к моему и начинал

длинные разговоры об искусстве. Это было очень скучно. В эту же La Palette поступила О.Г. Чеховская. Я уехала в Россию осенью <19>08 года, а Оленька и Костенька, как их называла Анна Михайловна Жеребцова, поженились. В том же году в Париже жил Вадим Дмитриевич Фалилеев.

У К.Е. были хорошие средства, какие-то недвижимости на Украине [дом в Харькове]. Жили они интересно, много путешествовали, целый год провели во Флоренции, ездили в Рим, по маленьким городам Италии. А когда с революцией все рухнуло, а у Александра Александровича Смирнова умерла жена, Елизавета Петровна (Магденко), Ольга Георгиевна бросила бедного К.Е. и сочеталась браком с Александром Александровичем, который был в нее очень влюблен.

10 марта. Разорвалась бомба! Наши управители разоблачили Сталина!![758]

Вчера я была опять у Смирновых для разбора книг. Александра Александровича пригласили в университет на собрание, на котором будет прочтено письмо Хрущева.

К Ольге Георгиевне пришла Наталья Васильевна Патошина. На 4 часа в Русском музее было назначено собрание у директора для того же. Сегодня в «Ленфильме» и у Кати на заводе читали это письмо, смешивающее Сталина с грязью. Уже раньше, во время всего XX съезда партии, ни разу не было произнесено имя Сталина. Микоян в своем выступлении вбил осиновый кол в могилу бывшего диктатора, сказав: «...в нашей партии после долгого перерыва создано коллективное руководство...; в течение примерно двадцати лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем Лениным».

А теперь взрыв бомбы и всенародное покаяние. Хрущев говорит, что, уезжая после заседания ЦК, они не знали, везут ли их домой или в застенок. На мой взгляд, покаяние так покаяние. Надо было встать на колени и возопить, поклонившись на три стороны: «Простите нас, православные, что, за свою шкуру устрашась, отдали вас диким зверям на растерзание. Простите нас, православные, что мы слова не вымолвили, когда вас миллионами высылали да расстреливали, отдавали всякой сволочи на поругание, большого страха на нас нагнал чудесный грузин, онемели от страха, ушами прохлопали». Но они не бьют себя в грудь и прощения не просят. Сваливают вину на умершего, и дело с концом. Это проще всего. И будет наша директория[759] продолжать править нами по-прежнему, не слыша ни слова порицания и правды.

Вы жаждете критики и самокритики — дайте свободу печати, свободу религии.

Доживем ли мы до 18 брюмера? И почему сваливать все на одного Сталина? А при Ленине? Позорные заградительные отряды[760], позорнейшее, чудовищное умерщвление царской семьи в подвале...[761] Не стоит вспоминать. [Расстрел Гумилева, вел. кн. Николая Михайловича, высылка двадцати двух профессоров-философов и филологов[762].]

Я считаю, что вся эта комедия бестактна и неприлична.

Только что обыватель немного успокоился, остался очень доволен их внешней политикой и стал забывать о прошлом. А теперь обыватель потрясен: кому же верить? Тридцать лет вы нам твердили с утра до ночи: великий, премудрый, гениальный стратег, величайший полководец, корифей науки, добрейший, милейший... и вдруг оказалось все наоборот. Почему я должен вам верить, никто же за вас не поручится.

А дети, молодежь: «Вперед мы идем и с пути не свернем, потому что мы Сталина имя в сердцах своих несем. За родину, за Сталина» и т.д. («Марш нахимовцев»[763]).

Нехорошо. Сами себе могилу роют. Нехорошо и неумно. Вся та же унтер-офицерская вдова[764].

Но та секла себя камерным образом, а это сечение в мировом масштабе. Неужели они этого не понимают, считают, что обеляют себя, выправляют партийную линию, чтобы скорее прыгнуть в коммунистический рай? Дурачки.

Пришла сегодня молочница Софья Павловна. «Я, — говорит, — совсем расстроена. Кому же верить?»

А Запад скажет: 38 лет вы нас уверяли, что у вас свободнейшая страна в мире, а оказывается, что у вас лагеря не хуже гитлеровских, с той разницей, что там глумились над врагами, а вы уничтожали своих.

13 марта. В воскресенье 11-го мы с Соней поехали к Толстым посмотреть крошек Танечку и Шуру. Они всю зиму прожили с няней на даче в Комарове, и скоро Наташа опять отвезет их туда же. Девочки прелестные. Тане нет еще 5 лет, она читает и пишет печатными буквами. Никита был дома. Он совсем иначе смотрит на письмо Хрущева. Он находит, что это выступление очень умно, острие его направлено на коммунистическую толщу, на создавшиеся за долгое сталинское царствование традиции лжи и лести. На коммунистах эти традиции затвердели, как гудронированные дороги, их не пробьешь. Говорят, будто бы, когда Хрущев читал это письмо на партийном собрании, кто-то передал ему записку: «Почему же вы молчали?» После до-

клада Хрущев спросил: «Кто прислал эту записку?» Молчание. «Ну вот, вы сами и ответили на свой вопрос».

Никита очень умен и остроумен, но его доводы меня не убедили.

Вернувшись домой, нашла письмо от Е.М. Тагер. 7-го ей сообщили в Верховном суде, что она полностью реабилитирована[765]. Два года прошло с момента подачи заявления. Восемнадцать лет человек провел за бортом жизни.

Реабилитировали Тухачевского и всю группу военных, расстрелянных вместе с ним[766].

Елена Михайловна пишет: «Умерщвленных товарищей не вернешь, но я счастлива, что дожила до отмены клеветы, тяготевшей над их памятью.

Знаете, как называют нашу эпоху? Поздний реабилитанс».

На это я ей написала: «К “Сказаниям князя Курбского” приложен Синодик Ивана Грозного. В кормовых книгах Кириллова монастыря отмечено: “В субботу Сыропустную, по опальных, избиенных, потопленных и сожженных, с жены их и чады и домочадцы. А имена их писаны в Синодике. Панихиды поют собором. Даянiя по них царя и великого князя Иоанна Васильевича в двух дачах две тысячи двести рублев (1585 г.). Царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии прислал в Кириллов монастырь сие поминание и велел поминати на литиях и на литургиях и на панихидах, по вся дни в церкви Божии”» (По двум синодикам 3248 душ в одном Кирилловском монастыре.) Я добавила: следовало бы и теперь составить такой синодик, даже и не давая денег на поминание.

14 марта. Вчера заболело, вернее куда-то провалилось, сердце, и я уложила себя в постель. Вчера даже читать не могла от слабости. Сегодня уже лучше.

Перечла переплетенные папой Васины письма во время плаванья на «Авроре» с эскадрой Рождественского[767]. «Аврора» была интернирована в Маниле [после боя], и Вася лежал в прекрасном госпитале Кавитэ[768]. О Цусиме он не пишет. Кончая первое письмо из госпиталя, он говорит: «Мне стыдно, что я до сих пор не отправил *ни одного* письма, но, клянусь, не мог. Мог физически, но так не хотелось писать, так тяжело, так противно, я не умею выразить про все то, с чем так сжился, что было так дорого, во что так хотелось верить и оно погибло все, без остатка. Я доволен, что я ранен, не из какого тщеславия, а просто потому, что физически прочувствовал ту глубокую рану, которую мы получили».

Было ему тогда 22 года.

Там же копия приказа Рождественского о Васе и Вырубове и два приказа о награждении Саши Георгиями 4-й и 3-й степени в марте и июле 1915 года на Черном море. Уж правда, я могу гордиться своими братьями.

Я *должна* с ними повидаться.

25 марта. Из письма Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой к Клавдии Петровне Труневой из Железноводска 11 июля 1932 года.

С.В. жил в санатории, А.П. на частной квартире. «...Я не против пожить с ним врозь, уж очень я последнее время в подчиненном положении (сама виновата), я от него тоже отдохну <...>; крепко тебя целую и благодарю тебя за твою любовь ко мне. Я так дорожу твоей любовью, особенно когда я в унижении; ты меня любишь несмотря на то, что я гораздо ниже, чем ты обо мне думала. Простая, глупая женщина, устроившая себе идола и страдающая, когда он фыркает и небрежничает.

Душенька, люби меня, я хотя и стара, а ужасно нуждаюсь в ласке.

Твоя навсегда Ася»[769].

Милая, милая Анна Петровна. И на ее пути были шипы. Чем дальше я читаю ее письма, тем все больше люблю ее, ее нежную любящую душу.

1 апреля. Скончалась Леля. Умерла она почти скоропостижно, проболев часов пять. Кровоизлияние в мозг — и сразу же отек легких.

Телеграмму получила я накануне похорон, уже под вечер. Соня и Наташа лежали в гриппе. У Сони тогда было 39.8, мне казалось, что она уже при смерти. И денег ни копейки. Деньги, конечно, можно было занять в разных местах, но как оставить больных? Я позвонила в Москву, говорила с Надей и Любой — и не поехала. Мне очень больно, что я раньше не могла съездить все из-за того же безденежья, что не повидалась с ней перед смертью. Больно еще и то, что из-за этого Леля умерла, ничего не зная о судьбе Феди и братьев. Получив осенью первое Васино письмо, в котором он писал обо всех них, о том, что жизнь Феди вполне благополучна, я переписала его и послала Леле. Надя же ответила, что доктор запретил Леле всякие волнения, как печальные, так и радостные. Под этим предлогом Леля осталась в полном неведении о судьбе сына.

Я думаю, что Надя да и все они главным образом испугались «сношений с заграницей», которые, увы, и в самом деле могли бы повредить Наде по службе ввиду ее ответственного положения на военном заводе. On est très et même trop susceptible chez nous[770].

Леля — это целая эпоха нашей с Васей юности. Она была на 12 лет старше Васи и на 9 старше меня.

6 апреля. Карамазовщина — от Васьки Буслаева. Очевидно, в крови. Митя Карамазов тоже бы искупался голым телом в Иордан-реке, в пьяном виде или сорвавшимся, летящим в пропасть от исступления.

Утром думала. Наши великие писатели не любили умных, пожалуй, вернее, высокоразвитых женщин. Грушеньку Достоевский больше любит, чем Катю[771], Гончаров Агафью предпочитает Ольге[772], Толстой обожает Наташу: «Он (Пьер) испытал то редкое наслаждение, которое дают женщины, слушая мужчину, — не умные (курсивом) женщины, которые, слушая, стараются или запомнить, что им говорят, для того, чтобы обогатить свой ум и, при случае, пересказать то же или, при случае, приладить рассказываемое к своему и сообщить поскорее свои умные речи, выработанные в своем маленьком умственном хозяйстве» («Война и мир»)[773].

23 апреля. Вырвалась и второй день отдыхаю у Нади. Я очень люблю и ее, и Любочку. Тяжелая на их долю выпала юность, и, конечно, приходится признаться, что эту их юность и молодость испортила Леля, их родная мать. Как можно было в 18-м году переезжать в Вязьму, центр нашего уезда, где Леля была одной из самых богатых землевладелиц, помещиц? Это было абсолютное недомыслие. Шуру там арестовывали два раза.

Надя не может без горечи и содрогания вспоминать, как ей трудно было там найти работу. Поступит куда-нибудь, и очень скоро увольняют: фамилия их была слишком известна. С 17 лет, а Люба с 14, стала работать, Тиморевы, оставаясь в Петербурге, дали возможность дочерям кончить гимназии, Гуля кончила университет. Жили в своем кругу. Я этого не могу Леле простить даже и теперь, после ее смерти. Мне было больно и стыдно перед самой собой, что я так почти равнодушно отнеслась к ее смерти. Я корила себя и не понимала причину этой своей холодности к человеку, которого я так прежде любила. Но потом поняла. В 53-м году, когда я приехала сюда с Соней с страшным беспокойством о Лелином здоровье (у нее было воспаление легких), я не нашла прежней Лели, и это было очень больно. Уже начинался старческий маразм, который в течение следующих лет все прогрессировал. Она, видимо, умерла для меня уже тогда.

Ее очень любили в их доме, где она прожила с детьми 33 года. Жильцы их нижнего этажа, пролетариат, принесли огромный венок. Сашенька Грачева до сих пор плачет, когда говорит о милой Елене Федоровне. Леля была очень отзывчива и всегда чем могла помогала им всем, входила во все мелочи их жизни, они изливали ей все огорчения и скорби своей невеселой жиз-

ни. Некий Коля, молодой человек, бывший бандит, сосед их, стоял на панихиде и плакал.

А у меня вот сердце точно окаменело — простить себе этого не могу. Только смутно догадываюсь. Когда я вспоминаю буржуазно-сенаторскую обстановку у Лели на Таврической улице, très cossue[774], где было десять или двенадцать комнат, не считая комнат для прислуги, и сравниваю с нищенской Надиной обстановкой, мне больно становится. Два стула, кровать с выпирающими пружинами, старая оттоманка, кухонный столик для Ксениных учебников — это все.

Леле было 46 лет, когда началась революция. Загубив всю не только свою, но и мамину обстановку, она как-то мне еще давно, может быть, еще в октябре, сказала: «Я пожила в хороших квартирах, теперь могу жить хоть в шалаше, и чем хуже, тем лучше». Не думая, что детям-то надо начинать жить, что их жизнь надо как-то обставить.

К дальним она была гораздо отзывчивее, чем к близким. Не стоит об этом вспоминать.

К революции она никак не приспособилась, не попала в ее русло, как мы все, не нашла его и себя в нем. Страшно восхищалась Сталиным. Называла его «The right honourable man»[775].

8 мая. Вернулась сейчас от Сашеньки Лермонтовой, теперь А.В. Фок. Белоснежные остриженные волосы, пополнела, очень мне было приятно ее повидать.

Я с большим уважением и интересом относилась всегда к этой семье. Папа рассказывал, что их дом за патриархальность называли во времена его молодости Китай-город. (Мой дядя Александр Васильевич был женат на Ольге Дмитриевне Лермонтовой, ее брат Владимир Дмитриевич и Владимир Гаврилович Зуев (дядя моего отца) были женаты на сестрах Ломковских.) Это была дружная, хорошая семья. Их мать, Екатерина Антоновна, рожденная Венланд, была родной племянницей историка Шильдера.

За блокаду Александра Владимировна потеряла всех родных. Умерли мать, брат Владимир Владимирович и сестра Катя. Вещи разграбили; что уцелело, перевезли по их возвращении из Елабуги на их квартиру на Васильевский остров, где теперь живет Владимир Александрович Фок. О дочерях Саши Яковлевой-Зезюлинской Александра Владимировна ничего не знает. Рассказывала, что в их юности их обобрала тетка, Зинаида Петровна Лермонтова, по прозвищу Зизидра.

У меня с детства остался зуб против этой Зизидры. Когда мне было 7 лет, родители приехали в Петербург, взяв с собой Лелю и меня. Остановились у

Ольги Дмитриевны. На каком-то собрании родственников Зинаида Петровна спросила меня: «Кого ты больше любишь: маму или папу?» Я ответила: «Одинаково», — и в душе страшно обиделась, настолько, что запомнила на всю жизнь. Пожалуй, это даже непонятно.

Александра Владимировна помогает мужу в работе, с ней живут сын и дочь Фока от первого брака.

Сын ее дяди, Николая Антоновича Вендланда и Нины Кашневой, Лелиной приятельницы, очень способный молодой физик, пошел в монахи и теперь священник в Ташкенте. С ним живет его сестра.

Александра Владимировна подарила мне краткую биографию Нади Лермонтовой, с которой я была дружна.

6 июля. Сильнейшая гроза. И под такой же грохот прожить три года! Три года! Это невероятно. И гроза сегодня, как тогда, наплывами. Одна проходит, и вновь гром усиливается, близкие разрывы.

И не сошли с ума, и были бодры, и работали.

21 июля. Wer spricht vom Siegen? Überstehn ist alles (Rainer Maria Rilke)[776].

4 сентября. <...>[777].

Вчера слушала разговор по телефону Веры Агарковой, Галиной подруги. Она говорит всегда громко, на всю квартиру. По-видимому, наставляла свою сослуживицу, преподавательницу истории: «О Петре надо теперь говорить, что он не новатор; все, что он сделал, было подготовлено при Алексее Михайловиче. Его очень превозносили последнее время, теперь не надо, он был жестокий тиран!»

Развенчан сейчас и Иван Грозный с Малютой Скуратовым, которых А.Н. Толстой изобразил в своей последней драме[778] кристально чистыми патриотами. Наша интеллигенция — плюй ей в глаза, она скажет: Божья роса, и еще поблагодарит.

Сталин — полубог, бьем ему земные поклоны. Раскулачили его, бьем поклоны Хрущеву.

А что Вере Агарковой — вчера Петр герой, гений, первый большевик[779], а сегодня ничто — она же не может над этим задумываться, не должна. Le système est fait[780]. Привыкли. Фальсификация. Ersatz[781] правды. Шамиль был герой, потом оказался английским диверсантом.

А нравы. Моя драгоценная невестка привезла после последних съемок в Юкках[782] двадцатилетнего юношу для постоянного употребления. Он живет в ее комнате вместе с Петей, которому уже 13 лет. Рядом, у меня, 17-летняя Соня.

Когда я пробовала протестовать, раскричалась: «Не ваше дело, он спит на диване, а я с Петей!!» Мальчишке 21 год, он осветитель из «Ленфильма». Очевидно, взрослые не клюют. Наташе 41.

О.И. Белицкая, юристка, с ужасом рассказывала о бесконечных процессах. Всё массовые изнасилования. Ольга Исаевна обратилась с вопросом к пострадавшей 18-летней девчонке: «Почему вы пришли на вечеринку к мальчикам в одном халатике, надетом на голое тело?» — «Как хочу, так и одеваюсь».

Как хочу, так и живу!

7 сентября. Мама получала последнее время перед войной 14-го года «Le temps». Первые годы войны газета приходила неаккуратно, а потом и вовсе исчезла. И вот я почему-то запомнила одно выражение, совет, как обращаться с немцами: «Il faut leur serrer la vis»[783].

С нами, с российским народом, проделывают то же самое уже 39 лет. И только немного отпустят винт — народ вздохнет, и опять завинчивают.

Новый закон «О мерах борьбы с расходованием из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту»[784]. Можно подумать, что те, кто писал этот закон, прожили с 17-го года на Марсе и не знакомы с нашей жизнью и правительственными постановлениями. Говорят о сельхозналоге 53-го года[785], забыв, что его на другой же год отменили[786]. Но лучше всего: «Вместо того, чтобы позаботиться о заготовке кормов путем *сенокошения* на незанятых землях...» Плюнуть хочется. За такое «сенокошение» людей ссылали, сажали в тюрьму, штрафовали. Люди по ночам воровали траву по канавам. На все это постановление можно ответить: разрешите косить и дайте фураж. До революции кормили если не хлебом, так мукой, мякинами и овсом, и у каждого было сено.

И все та же ложь: «Этот проект получил одобрение трудящихся», — трудящиеся требуют закрытия церквей, смертную казнь и т.д.

Софья Павловна (молочница) рассказывала, что рабочие были возмущены проектом закона и посылали в Москву коллективные заявления.

А теперь ходят слухи, что цена на излишек жилой площади будет очень повышена. «Вы жалуетесь на тесноту — вот, пожалуйста, on vous serre la vis[787] — уплотняйтесь». А направо и налево шлем пшеницу, деньги.

Господи!

«Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя»[788].

Заплакал бы Христос, увидя, что сталось с крестьянством, с Божьими церквами, с замученными.

Господи помилуй.

14 сентября. Платила в инкассаторском пункте за свет и газ. Немолодая женщина в платке разговорилась с кассиршей: «Вы из Новгорода, хороший город, а я смольнянка». Я к ней подошла. «Вы из Смоленска? Что там уцелело после немцев?» — «Ох, ничего, гладкий пол. Разрушено, разрушено, и не узнаешь улиц. А собор на горе самой уцелел. К нему ворота, а на них образ Иверской Божьей Матери, так и ворота, и собор уцелели, и все дома вокруг. От старинных стен самая чуточка осталась.

Сама я из Гривы, так наша деревня называлась; надо мимо Княжнина идти, богатое имение Хомякова, туда большая березовая аллея вела. Пошла я туда, захотелось родину посмотреть. Идет народ навстречу, спрашиваю, как пройти. Вот, говорят, иди по этой тропинке, только тут все ямы да рвы, но в сторону не отходи, заминировано. Уж и впрямь, все ямы да рытвины, еле дошла. Ищу нашу избу, одна труба осталась. Села я на завалинку и заплакала. Подошла старушка. Я ее спрашиваю, не знает ли она, не осталось ли когонибудь из этой семьи. Никого не осталось — кого немец угнал, кого за партизан расстреляли, кто сам помер.

Напилась я у старушки чаю, присела опять у нашей избы, поплакала и назад пошла. По всему Днепру богатейшие были имения, и все разрушили немцы, все церкви взорвали».

С 18 по 27 августа я прожила в пустующей комнате на даче Зои Лодий. Звала она меня на июль и август, пока они с Тамарой Сергеевной уезжали на юг, да я все ждала Васю, да и денег не было. Он приехал в конце июля, прожил две недели с лишним, я поделилась с ним мебелью и книгами, которые он отправил в Новосибирск. Приезжал он с Соней и Любочкой. Тяжелый у него характер.

Жила в Репине и при малейшем проблеске сносной погоды шла к морю. В один очень ветреный день я долго сидела у моря, глядела на волны с белыми гребнями. Ко мне подошла молодая женщина лет 30—35, с удивительно милым лицом. Ветер, гнавший волны на Ленинград, ее очень пугал, как бы не было наводнения. Недавно она видела во сне плащаницу Божьей Матери, плывущую по Неве. Видела и саму Богородицу, и Николая-угодника.

Оказалось, что она тоже из Смоленской губернии, из-под Хмелит. Хмелиты — большое имение, принадлежавшее «графу» Волкову, как его в шутку величали, потому что он был женат на богатой графине Гейден. А в нача-

ле XIX века оно принадлежало А.С. Грибоедову, и в Вяземском уезде сохранилось предание, что Грибоедов, очень любя цыган, вывез откуда-то несколько семей. Этим объясняли большое количество оседлых цыган в Вяземском уезде.

Немцы тоже там похозяйничали. Находились такие люди, которые им доносили на своих, — под расстрел. В соседней деревне, где жили ее тетка и двоюродная сестра, всех крестьян загнали в одну избу и должны были сжечь. Они это часто делали. На печке сидел четырехлетний сын сестры. Он, не переставая, весь тот день, что они ждали смерти, твердил: «Господи, помилуй, Господи, помилуй». Никто понять не мог, откуда он это взял и как у такого малыша хватает сил молиться. Уж по его ли молитве или так просто, но немцы их не сожгли и ушли. Рассказала она, что работала грузчицей и сорвала себе почки. Лежала в больнице, а сейчас живет в санатории. «В нашей палате четверо, одна еврейка. Она увидала на мне крест: “Зачем вы носите крест, надо снять, теперь нельзя носить кресты”. А я ей говорю: “Всегда носила и буду носить”. Часто хожу причащаться, этим только и живу. Советуют мне в монастырь идти».

Больше всего люблю встречать крестьян. У них свои мысли и свои слова.

20 сентября. Вчера вечером я легла в постель часов в 10, закрылась с головой одеялом и разревелась. Я плакала навзрыд, повторяя: «За что мне такая жизнь, за что, за что». Плакала и не могла успокоиться. Знаю, многим гораздо хуже, но у всякого своя боль, а жизнь в такой грязи! Петя, когда вечером мать с любовником дома, уходит, где-то гуляет. Уроки делает в кухне.

Дети замкнуты, ничего не говорят. Сегодня я лежу с сильными болями в сердце. Лежу и думаю: надо махнуть рукой, будет возможность переехать — уеду. И опять все упирается в чудовищные жилищные условия. Не погибать же, не докончив воспоминаний. И из-за кого!

Под вечер звонок из Госиздата, вызывают меня завтра на совещание. Приехал из Москвы главный редактор Госиздата по современной западной литературе Палладин, просил меня вызвать. Почему бы это?

21 сентября. Была на совещании.

Вот что возвестил Палладин: «Бедный советский читатель уже многие годы совершенно не знакомился с современной западной литературой. Переводили только коммунистов. Выходили недоразумения. На нашу книжную выставку в Париже послали изданного у нас Лаффита. К распорядителю выставки подошли студенты Сорбонны и спросили: кто такой Лаффит, мы такого писателя не знаем. Послали Арагону список авторов, он вернул его и

возмущенно ответил, что ведь это же не современная французская литература! Вот мы и решили теперь познакомить советского читателя с подлинной современной литературой!!»

Догадались через 40 лет.

Вызвал он меня потому, что я еще в июне послала в Москву по совету Трескунова заявку на перевод Пиранделло. Надо сделать расширенную заявку.

7 октября. В том перечне авторов и произведений, которые он прочел, царит какая-то случайность выбора, нет серьезного плана. Через несколько дней после этого я была в Доме ученых на небольшом докладе парижского профессора Migneux (не ручаюсь за правильность и орфографию). Слушать прелестную и остроумную парижскую речь было уже само по себе наслаждением.

Он говорил о прежних писателях, уже умерших и забываемых. Quelques-uns sont au cimetière, les autres au purgatoire[789]. Как Maurise Barrès, An. France, Бурже, Прево, Zola renaît de l'oubli[790], понемножку и France. Мопассана находят поверхностным и on lui préfère[791] Tchekhoff. Вот уж никак не ожидала. Чехова играли в этом году в трех театрах. Мне непонятно, как могут быть для французов интересны пьесы Чехова, понятны. «Вишневый сад»? Les livres les plus vendus depuis 1920. — «Les fleurs du mal»[792] Бодлера и Библия.

Le plus fort tirage ont les oeuvres de Daniel Rops, auteur catholique, «La vie de Jésus!»[793].

François Mauriac, тоже католик, но воюющий с ecclesiastiques[794], встретив на улице жену Rops'а в собольей шубке, погладил ей рукав со словами: «O, le doux Jésus!»[795]. Осторожно и зло.

Sartre, Albert Camus, Anouilh — самые талантливые писатели.

Вчера вечером, часов около 10, звонок; Катя открывает ко мне дверь и говорит: «К вам». Входит неизвестная мне женщина небольшого роста, худенькая, лет под 60. На голове черный шарф надет на черный же берет, темное прямое пальто, что-то монашеское во всем облике. Заговорила очень тихим голосом: «Извините за беспокойство, вы меня не знаете, я мать... мать Володи, который живет у Натальи Алексеевны».

Я усадила ее. На глазах у нее слезы. «Я была на днях у Натальи Алексеевны, но ничего не могла сказать. Володя мне говорит: "Что же ты стоишь, садись". А я ему: "Ты не у себя дома и приглашать меня не можешь". Говорить я не могла. Попросила, чтобы она меня проводила до двери. И тут, уже на площадке, говорю: "Отдайте мне моего сына". — "Я вашего сына плохо-

му не научу, — говорит она. — Я этого так не оставлю, и ему будет плохо, а вам еще хуже”. Я увидела, что с ней говорить нечего, она не человек. В августе он уехал на съемки в Юкки и обещал приехать домой. Ни разу не приехал, съемки кончились, его все нет. И так целый месяц он не показывался. Я ходила в “Ленфильм”, на студию, никто ничего не знал. Я извелась, пока наконец одна молодая дамочка мне не сказала, что он у Шапориной. Ведь она ему в матери годится, ему же еще нет 21 года, он был совсем чистым мальчиком».

Ей все советуют довести это до сведения месткома или парткома «Ленфильма». Она мне рассказала свою жизнь с начала войны. Первый год блокады она с детьми провела здесь. Голодали, Володе было 5, 6 лет, дочка одна чуть постарше, другая уже подросток; младшие к лету 42-го совсем ослабели, только старшая держалась на ногах, эвакуировались. Взять с собой она ничего не могла, мальчика надо было на руках тащить. Приехали на место. Менять было нечего. Плохо было. Потом ее вызвал брат в Сибирь, он занимал там хорошее положение. Тут она отдохнула. В Ленинграде их ждала нищета. У них прежде был свой домик, его разобрали на дрова, угла не было. Поступила уборщицей в общежитие, там стали жить. Встала на учет, получила комнату. Кто-то дал стол, другой кровать, три стула. Дочки вышли замуж, у них дети, живут небогато, помочь не могут. Володя кончил 7 классов, учиться не захотел дальше. Читать любит, стал осветителем. Но свое общество ему не нравится, любит театр, кино, льнет к интеллигентам. Он давал свою зарплату матери на питание, теперь больше она от него ничего не получает. Очевидно, все идет в Наташину бездонную пропасть. Она как-то сказала Пете: «Ты ешь поменьше, ведь это нам на четырех!» (Это было, когда Соня еще считалась членом семьи.)

9 октября. Я совсем тот еврей из еврейского анекдота, который пожаловался раввину на тяготы жизни[796]. Я никому не жалуюсь, кроме тетради, но тяжелый груз на моих плечах продолжает все увеличиваться. Вчера Наташа заявила, что отказывается от Сонечки окончательно, не будет ее кормить. «Но ведь у меня нет денег...». — «Это меня не касается, вы из нее сделали воровку (!), вы повинны в моем разводе» и т.д.

У них был готов довольно обильный обед, но Наташа даже булки мне не дала для Сони.

20-летний амант. Вполне понятно, что надо удалить 17-летнюю миловидную дочь с его горизонта.

А «воровство» заключалось в том, что, не имея никаких приличных, вернее не дырявых, ботинок, Соня взяла третьего дня вечером материнские туфли, не спросив разрешения. Как я вывернусь, не представляю.

Мать вдобавок настраивает Петю и против Сони, и против меня. И какими только словами она не обзывает свою дочь. Просто страшно. Но такой исход наилучший.

Все это время, т.е. с 22 августа, когда Наташа привезла своего юнца, Соня терпела постоянные оскорбления. Наташа очень ухаживает за мальчиком, готовит и завтраки, и обеды, и несет все в свою комнату, где обедают с Петей втроем. Затем остатки приносятся в кухню, Соня может обедать. А иногда и ничего не выносят. Я как-то спросила: «А Соню вы будете кормить?» — «Я думала, что вы ее покормите».

Чтобы оправдать такое отношение к Соне, на нее возводились всякие поклепы. Она, дескать, взяла какую-то книгу, какие-то мужские плавки! И т.д. А между тем, стоит Соне купить себе или получить в подарок, мать тотчас же у нее все отбирает без возврата. Отобрала сумочку, серебряный кустарный кавказский браслетик, подарок А.В. Калашниковой, брошку. На заработанные в Пскове деньги Соня купила чулки капрон — взяты. Васина жена подарила хорошенькую шерстяную вязаную жакетку. Наташа сказала Кате: «Как это у Сони будет такая кофточка, а у меня нету» — и взяла. Но тут уж я попросила отдать, сказав: «Неужели вам приятно носить жакетку Васиной жены?» — «Ах, я и не знала!» И кофточка была возвращена.

Теперь у Сони будет жизнь без постоянных оскорблений. Нет матери, ее никогда и не было. Как это тяжело. Хоть бы мне дожить до поступления Сони в университет. Хоть бы мне заключить хороший договор! Не на 260 же рублей моей пенсии я смогу жить с нею вдвоем. Соня была в полном смысле униженная и оскорбленная[797], она молчала; раз сказала: «Да, они там неплохо “рубают”» (современное арго, означает: «едят»).

Теперь все ясно, что будет у меня, то будет и у нее.

11 октября. Сейчас мне чуть дурно не сделалось. Получила от Юрия 500 рублей. Когда меньше всего ожидала помощи.

Думала, soeur Anna, soeur Anna, ne vois tu rien venir, но нечего и не от кого было ждать. И вдруг спасение. Когда я сегодня утром говорила Соне: «Как быть, как быть?» — «Бог и птичку в поле кормит», — ответила она. Слава Тебе, Господи. От неожиданности сердце захолонуло.

Этот дар под воздействием Абрама, конечно. На днях ко мне заезжал В.В. Пушков и конфиденциально спросил, присылает ли мне Ю.А. «Видите

ли, — сказал он, — Ашкенази помирился с Юрием Александровичем, просил меня узнать, помогает ли Шапорин вам, так как он может теперь на него повлиять».

В другое время я бы, пожалуй, отказалась, но сейчас, с ребенком, да еще взрослым, на руках, я этого сделать не могу.

Сразу же пришлось купить Соне туфли.

18 октября. В октябре, 4-го, я смотрела «Marie Tudor»[798] au Théâtre populaire[799].

Какая актриса Мария Казарес! Все чувства доведены у этой страстной, бешеной королевы до предельной силы. Как она любит, как по-кошачьи ластится к возлюбленному. Узнав об измене, она бегает по сцене, мечется, нет исхода ее злобе. Говорит с придворными, заложив руки за спину; эти маленькие ручки живут своей жизнью, она, кажется, готова переломать себе пальцы от сдерживаемого гнева. Такой трагической актрисы у нас нет. Веришь ей по-настоящему, а не только на слово, и уходишь потрясенная.

А 7 октября я была на творческом вечере Шостаковича. Он играл три прелюдии и фуги, исполняли его новый, очень лирический квартет и пели «Еврейские мелодии», Д.Д. аккомпанировал[800]. Эти песни, может быть, гениальны. Их трагичность потрясает. «Колыбельная», «Зима»; «смерть ребенка — в могиле Мойшеле»... простые слова именно своей простотой разрывают сердце.

Напрасно присоединил он к этим песням две фальшиво-жизнерадостные. — «Счастье». Юная колхозница (кто видел когда-нибудь евреев в колхозе?) поет о своей счастливой жизни в колхозе[801].

Совсем напрасно. Жаль.

Перед концертом некий Должанский сказал вступительное слово. Уши вянут от таких «слов». Расточал дифирамбы; фуги и прелюдии на одном уровне с Бахом; он говорил о многогранности дарования Шостаковича... И ни одного слова об операх!!

На другой день я делилась впечатлениями по телефону с Тамарой Салтыковой. Оказывается, она ездила в Москву на чествование Д.Д. Там тоже никто не заикнулся об операх. «Почему же, — спрашиваю я, — ведь тот, кто воздвигал гонения на Шостаковича, давно в могиле?» — «Очевидно, есть директивы». — «Фу-ты», — не удержалась я. Тамара Сергеевна захохотала.

«Спокойной ночи, Любовь Васильевна?!»

20 октября. Сейчас была у меня Леля Крылова, сестра Коли, Васиного друга, умершего в 47-м году.

Саша опять прислал мне с ее матерью посылку. И каким теплом повеяло на меня от этих вещей, некоторых мелочей, какое внимание и любовь сквозит во всем. Дорогой мой, дорогой Сашок, мой маленький Сашок, который никак не мог выговорить: «гнездышко для деток вьет», а говорил: «гладеток». Ему было тогда лет 5, а может быть, и меньше. Оля Свечина (урожд. Чухнина) говорила мне в 14-м году, когда мы с Юрием, вместо того чтобы ехать в Константинополь и Грецию, из-за начавшейся войны приехали повидаться с Сашей в Севастополь. На ее именины Саша принес ей букет гвоздики. Но по подбору цветов, по редкой красоте букета видно было, что он сам выбирал их, а не просто взял то, что ему предложили. Она очень ценила его внимательность. Таким он был всю жизнь. Господи, сотвори чудо, дай мне с ним и с Васей увидеться.

В этой посылке и шоколад (он знает, какая я всегда была сластена. Помню, мы как-то с ним купили десяток (а может быть, и дюжину) пирожных у Минкевича в Вильне, уселись в мою маленькую комнату и, болтая, съели их все), и кофе, четыре пары нейлоновых чулок, два шарфа, один шелковый, другой шерстяной, мягкий-мягкий, маленькие часики International Watch C°, карандаши, резинки, шелковая сумочка, складывающаяся в виде маленького бумажника. И все это в чудной черной кожаной сумке.

Леля Крылова советует мне написать Саше о моем желании побыть у него в Женеве недели две, говорит, что теперь другие времена. Но это гадательно.

Я напишу Васе. Мне надо заключить хороший договор, чтобы иметь деньги на дорогу, и тогда уже спросить, хочет ли Саша меня принять и может ли он содержать меня в течение какого-то времени, двух недель, месяца. Какое бы это было счастье! Какое счастье омыть свою душу и сердце среди любящих меня людей, настоящих, верных и мужественных людей. И в свободной стране.

Как я их люблю.

22 октября. Драма в нашем доме продолжается: вчера под вечер пришла опять мать этого юноши с отвислой губой. Он уже вошел в свою роль Альфонса. Возлежит на диване в длинном Наташином мохнатом халате, завязанном на талии. Целые дни ничего не делает, сказался больным и, как у нас говорят, бюллетенит.

В таком виде нашла его и мать. Велела идти немедленно домой и пригрозила милицией. Потом зашла ко мне вся в слезах, руки дрожат, задыхается. Отпоила ее валерьянкой и чаем.

Я торопилась в филармонию и от всех этих расстройств села на трамвай, идущий в противоположную сторону. Хорошо еще, что не далеко заехала.

Когда я вернулась, Соня мне рассказала, что после моего ухода с этой женщиной Наташа объявила Пете, что, как только будет оформлен ее развод с Васей, она выйдет замуж за Володю. Петя расплакался, кричал, что уйдет из дому. Мне Петрушу очень жаль. Ему не велено со мной общаться, и он совершенно без призора, без ухода и без угла. Никто из товарищей у него не бывает из-за этого маминого содержана. Какое уродство.

23 октября. На днях у меня была Анна Андреевна. Она бодрей и в лучшем настроении, чем прежде. То ли это от возвращения сына, то ли от растущего успеха. В начале осени по радио передавали интервью с ней, о ее работе, о том, что выходит сборник ее стихов. Оказывается, у нее был еще другой интервьюер, от ВОКСа, расспрашивавший ее очень долго о подробностях ее жизни и существования для передачи в эфир для зарубежных слушателей. В ВОКС приходит много писем из-за границы с вопросами, жива ли Ахматова, как живет. Этот человек спрашивал ее также о Зощенко.

Побьют, а потом приходится ответ держать и заметать следы.

Рассказала, что был в Москве писатель Макарьев. Был арестован, сослан. Вера Инбер ходила с подписным листом по соседям его жены и дочери с требованием о выселении семьи врага народа. Он реабилитирован, дочь уже замужем и всем рассказывает о гражданском патриотизме Веры Инбер.

«Инженеры душ!»[802]

А.А. читала мне отрывки из своих новых стихов.

28 октября. Воскресенье. Я чувствую, как у меня слабеют силы, не хватает их на ведение хозяйства и работы над воспоминаниями. А ведь кроме этих двух нагрузок я хлопочу изо всех сил о переводной работе, о заработке. Нужны деньги на двоих.

И мозг устает. Господи, хоть бы сил хватило. Дотянуть.

Третьего дня у меня вечером пили чай боевые подруги, если их можно так назвать, Евгения Павловна [вдова Старчакова] и Елена Михайловна Тагер.

Последние годы ссылки они провели в Магадане, в одном лагере и даже в одном бараке. Евгения Павловна уехала в конце 45-го года, а у Е.М. срок кончился в 48-м году, но в Европейскую Россию она добралась лишь в 54-м. Они вспоминали своих товарок и знакомых, из которых многие так и не дожили до освобождения и реабилитации.

Е.М. читала нам свои стихи, написанные в Магадане, Бийске, барнаульской тюрьме, Мамлютке. И сколько эти женщины перенесли, пережили,

перестрадали. У Евгении Павловны вид очень плохой. Два с лишним года прошло после страшной операции рака. Все шло благополучно, но теперь начались опять боли.

Несчастная женщина. Первый муж Вольберг погиб при крушении поезда. Второй расстрелян. Восемь лет ссылки. Пошатнувшееся здоровье. От дочерей утехи нет.

6 ноября. Реакция Наташи на посылку от Саши в разговоре с Ольгой Андреевной: «А бабка-то какую посылку отхватила! Часы, конечно, пойдут Соньке». Говор внучки Марии Евгеньевны, такой аристократической внешне и внутренне!

Продолжение предсказания, вернее, предвидения Clément Vautel от 22 марта 1927 года: «C'est à partir de 1927 en effet, que la race blanche, jusque-là maîtresse du monde, a vu décliner sa puissance et son prestige», etc., etc.[803]

На днях в «Московской правде» приведена выдержка из журнала «Monthly review»: «Мы переживаем сумерки империализма. За исключением великих революций нашего века, национализация Суэцкого канала[804] является самым значительным и символическим событием, знаменующим отмирание старого строя и окончание его исторической эры!»[805]

А Россия со Строгановых двигается на Восток.

В субботу 3 ноября я была у Елены Михайловны, вернее, у Софьи Гитмановны Спасской (Каплун), где Елена Михайловна живет. Там были еще Ольга <Леонтьевна> Михайлова и ее сестра, героическая Татьяна <Леонтьевна>.

Трое реабилитированных. Тоже вспоминали. Но вспоминают все они без озлобления, как о чем-то давно прошедшем, а между тем все это было так недавно. У Софьи Гитмановны на *допросах* сломали два ребра.

У нее в ссылке начался туберкулез глаз — один глаз совсем тусклый. А о Константине Константиновиче так никаких известий и нет.

Хорошо ли быть незлобивыми до такой степени? Не знаю. Не уверена. Но, пожалуй, еще ужаснее «une haine impuissante»[806], как писал Стендаль. Виновники умерли.

8 ноября. Анна Андреевна подарила мне корейские стихи в ее переводе[807]. Сегодня лежу с сильными болями в сердце. Почти не спала ночью. И читаю эти стихи. Наслаждаюсь. Какая красота языка. Какая прозрачность, тонкость и чистота.

10 ноября. Умер Сергей Абрамович Новотельнов. 2 октября умер Успенский Владимир Александрович. Смерть совсем не за горами. Надо торопить-

ся. А я все не принимаюсь за свой архив и записки, валандаюсь с хозяйством, чтением, шитьем и презираю себя.

19 ноября. Как-то месяца полтора тому назад мы с М.М. крутили блюдечко.

Нам было сказано, что будет война. На политическом горизонте все было спокойно, мы не придали этим словам никакого значения.

Но сейчас, когда небо заволокло тучами и какой-то части человечества очень хочется подраться, становится жутко. Мы опять сели за стол: «Будет война. Вам (т.е. нам с ней) будет хорошо». — «Будет ли опять голод?» — «Мало». — «В какой части света будет война?» — «Везде. Вы увидите своих. Доживете до этого». Посмотрим. Смерть Сталина была предсказана, уход Маленкова также.

Мы еще спросили: «Кто победит?» — «Россия. Возглавит Жуков». — «Что будет тогда?» — «Жизнь».

Сейчас, мне кажется, не употребляют усилий для мирного разрешения коллизии. Но что мы здесь знаем?

Хотелось бы очень проверить, что такое спиритизм. Есть тут что-то реальное или ерунда?

20 ноября. Вчера была на 50-летнем юбилее артистической деятельности Зои Лодий[808].

Чествовали ее очень тепло; бывшие ученики — с искренней любовью. Барсова из Большого театра очень хорошо спела остроумное обращение к З.П. на мотив Mr Трике: «Мы все приехали сюда»[809]. Квартет ее бывших учеников из Мариинского театра, Гришанов, Алексеев пропели шуточное приветствие, кончающееся фразой: «Как я люблю тебя». Эти слова они пели поочередно, начал тенор Гришанов и закончил бас. Говорил Доливо, тепло и хорошо, Макарьев, бывшие ученицы-москвички и много, много делегаций. Вся сцена была заставлена корзинами с цветами, хризантемами всех оттенков. После торжественной части был концерт. Говорил Журавлев, пели Шапошников, Шпиллер, Халилеева, но всех лучше Зара Долуханова. Ее контральто божественного тембра, голос льется без напряжения, повинуется малейшим оттенкам. После трагической арии Лии из «Блудного сына» Дебюсси[810] она спела prestissimo[811] тарантеллу Россини. Все, что она пела, было одинаково блестяще исполнено.

Почему у нас после революции не рождается певцов? После Долухановой можно ли слушать Халилееву, Кашеварову? Это же не певицы. Кто-то когда-то писал, что Россия страна басов. Где они? В Мариинском театре

один Яшугин, у которого не только нет голоса, но он лишен всякого сценического обаяния. Мне он внушает на сцене глубокую антипатию, вернее, просто противен. У Зои Лодий в молодости голос был не такой большой, как у Долухановой, но удивительного тембра и чистоты, и она тоже могла с ним делать что хотела.

Я в первый раз слушала ее в 1912 году в Тенишевском зале[812] и была очарована.

А Борис Пронин, помню, был потрясен, кричал: она гениальна, ее голос на одном уровне с Собиновым.

21 ноября. Весной или в начале лета пригородных молочниц и вообще владельцев скота обложили огромным налогом[813]. Женщины с плачем продавали или резали своих коров. Обусловлено это новое постановление тем, что якобы города снабжаются вполне достаточно казенным молоком, а частная торговля — это спекуляция.

Коровы перерезаны и проданы, а в магазинах Молокосоюза и гастрономических уже с начала осени продают нам «восстановленное» молоко, т.е. молочный порошок, разведенный водой. На дне бутылки отстаивается белый песочек. Вот те и снабдили!

К счастью, наша умная Софья Павловна не продала свою Милку, и с конца декабря мы будем с молоком. Она скоро должна телиться.

Я не могу смотреть на Петю без сердечной боли. Он худеет, не то что бледнеет, а зеленеет. На нем лица нет. Мать почти не кормит его; уходя на работу, ничего не оставляет. Вчера он был так расстроен и так бледен, что я покормила его обедом, а Соня делится с ним той трешкой, что я ей даю на школьный завтрак.

Не глядели бы мои глаза. Мне запрещено его кормить.

23 ноября. Читая в газетах взводимые на наше правительство поклепы о высылке венгров в Сибирь, я вспомнила одного старого венгерца, который жил в одном с нами отеле в San Remo в 1905 году. У Лели начинался туберкулез, у него, по-видимому, тоже. Все больные лежали в саду на шезлонгах, читали, болтали. Я примостилась в сторонке и делала с них наброски. Венгерец заметил, что я его рисую, закрылся своей газетой и возопил: «Zeichnen Sie mich nicht, ich will nicht nach Sibirien!»[814]

28 ноября. Я в большом беспокойстве. Из Новосибирска 1½ месяца не было вестей, а третьего дня получаю письмо от Сони. У нее был плеврит с высокой температурой. Стал проходить — заболела Любочка корью. T° 40, как всегда в начале кори, самые тяжелые дни. А затем жар стал снижаться, а

врач, выслушав Соню, отправил ее тотчас же в больницу, найдя положение очень серьезным.

Вася завален работой, выпускает новый спектакль «Московские куранты»[815] и на руках больной ребенок. Квартиры до сих пор нет. Так болит за них сердце, так жаль Сонечку, так страшно за нее.

2 декабря. Я лежу с гриппом, но все же встала, когда позвонила А. Ахматова. Вчера у нее была встреча с корейским министром, который захотел с ней увидеться и поблагодарить ее за перевод корейской поэзии. Благодаря этому переводу с их классической поэзией ознакомился весь мир. В Корее состоялся съезд корейских писателей, приехали болгары, чехи и другие знакомые с их поэзией благодаря переводам Ахматовой.

Надо сказать, что перевод этих стихов божественный.

И вот, полурастерзанный людьми,
Остатки крыльев я расправил вновь
И поднялся высоко к облакам,
В сияющую неба синеву.
О, лишь теперь тот мир увидел я,
Свободный мир, в котором прежде жил![816]

4 декабря. Что говорят и как острят.

«Что такое социализм? — Еврейская теория, грузинская практика и российское долготерпение». «Допьем венгерское вино, там уже мало осталось»[817]. «А ну, культ с ним». Попали советские ответственные грешники в ад и видят, там два сектора — социалистический и капиталистический. Куда идти? Сторож посоветовал: идите в социалистический, там всегда неполадки. То угля, то дров не хватает для поджаривания грешников. Всё передышки будут между мучениями.

«Говорят, Хрущев надорвался». — «Что случилось?» — «Он хотел поднять благосостояние народа — ну и надорвался».

«Ходит по Москве человек и все время жужжит — жжж... Что с вами, почему вы жужжите? Я глушу в самом себе "Голос Америки"».

А что говорят? Неспокойно в умах. Венгрия и Польша подали пример[818].

В Союзе писателей должно было состояться обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым» и не состоялось, а его самого вызвали в Москву[819]. Испугались слишком бурной реакции молодежи при обсуждении книги в университете. Там очень резко говорили о ректоре Александрове, и ходят слухи, что пять студентов арестовано[820]. Молодежь начинает бурлить. В

«Ленинградской правде» выпады по адресу директора Эрмитажа Артамонова со стороны парткома за то, что мало обращает внимания на воспитание молодежи[821]. Ходят слухи, что в Москве есть аресты.

Правительству пришлось сделать несколько шагов назад и отпустить вожжи Польше, Венгрии; хотели было обидеться на Тито за его слова, что «культ личности» по существу является продуктом определенной системы, но прикусили язычок.

Как трудно расстаться с абсолютизмом. Тирания — соблазнительная и засасывающая вещь. Очень хорошо это сказано у Г. Манна в «Der Tirann»[822].

Анна Андреевна вызвана сегодня в исполком для получения правительственной награды! Очень любопытно, чем ее наградят?

Все утро читала поэмы Т. Гнедич «Детство» и «Юность»[823]. «Детство» я перечла три раза подряд. «Юность» мне показалась слабее. Может быть, это помещичье детство мне просто ближе.

Так захотелось вспомнить милое, милое детство, Ларино.

Ходят также печальные слухи о том, что не сумели у нас справиться с грандиозным урожаем на целинных землях. Не подготовили транспорта, сараев, мест для хранения, и теперь огромные горы зерна лежат на далеких станциях под дождем. Шофер с работы Ольги Андреевны пробыл там пять месяцев и приехал, возмущенный халатностью и бездарностью правительства, не сумевшего ничего подготовить для вывоза зерна. А пшеница была выше человеческого роста. Многие оттуда приезжают с огорчением и разочарованием. Недаром же покойный Старчаков говорил, что нет у нас дарований, чтобы справиться с хозяйственной жизнью страны.

Да, позвонила Ахматовой: ей передали почетную благодарственную грамоту от армянского правительства за ее переводы армянских поэтов[824]. Очень ей это нужно.

5 декабря. Надо записать стихи Ильи Сельвинского, которые осенью привезла Е.М. Тагер <...>[825].

Последние стихи — страшные.

Недавно встретила М.С. Романову, которая хорошо знает Анастасию Константиновну Кузьмину-Караваеву, сестру К.К. Его нет в живых, он погиб. Надо повидать его сестру.

Мы привыкли за 39 лет слышать и видеть чудовищные проявления деспотизма, но у наших правнуков волосы будут шевелиться на голове, читая о нашем преддверии к коммунизму, предбаннике к той Badestube[826], как называли немцы свои газовые душегубки, о которых мне рассказывал Н.Н. Колпаков.

9 декабря. От Васи все еще ничего. Я хожу в mort dans l'âme[827]. Написала В.П. Редлих, худруку театра «Красный факел». Что там могло случиться?

Были у меня вчера о. Всеволод и его приятель Георгий Александрович Степанов, интересный человек, все и почти всех знающий, доброжелательный и очень религиозный.

Рассказывали об отце Иване, священнике 82 лет, живущем где-то около Винницы. Он гомеопат и филантроп. Служит в двух приходах, принимает ежедневно до 45 больных, снабжает их лекарствами и иногда помогает и колхозам. У него большой доход с приходов и огромные налоги, остальное он тратит на свою паству. А лечит он замечательно. О. Всеволод все собирается к нему съездить. Мне кажется, что на него такое тяжелое впечатление произвела работа под началом хитрого и злого епископа Иоанна Псковского; единственно, чего он жаждет, это уединения. Ему обещан какой-нибудь небольшой приход на Черноморском побережье. Помогает ему о. Пимен.

Рассказывали, что сын о. Чуба Михаил — уже епископ в Смоленске, карьеру он делает благодаря знанию языков. О. Пимен рассказывал Степанову, что когда приезжали представители англиканской церкви, был вызван Михаил Чуб, т.к. оказывается, что митрополит Николай Крутицкий плохо знает языки. Патриарх просил заснять эти совещания на киноленту, т.к. сам не мог присутствовать, и там везде фигурирует М. Чуб.

Вечером была Тамара Салтыкова. Просит меня написать адрес Журавлеву золотом.

18 декабря. Я заболела 11 декабря. Была у меня вчера Мария Михайловна Сорокина, обеспокоенная моим здоровьем. Нашла сердце в плохом состоянии, и повысилось кровяное давление: 200—90. Но это и неудивительно.

Рассказала она о судьбе своей приятельницы, вернувшейся из восемнадцатилетней каторги и реабилитированной. Каждый раз, когда слушаешь о судьбе этих страдальцев, кажется, что ужаснее быть не может. А на деле — может.

Знакомая М.М. была замужем за Гютине (сыном Сашиного воспитателя в Училище правоведения, французом Гютине). У них была дочь Марина. Гютине расстреляли, мне кажется, в начале 20-х годов, я прочла об этом в Париже.

Молодая женщина вышла замуж за Платау, норвежского консула. Я много о них слышала, Платау был постоянным гостем у Пельтенбурга, у Толстых. Юрий Александрович с ним встречался, выпивали в этой компании. В СССР

их не захотели регистрировать, и они уехали в Норвегию, где и обвенчались. Платау усыновил девочку. Вернулись. Не знаю, что их заставило пойти в Большой дом, кажется, Платау хотел зарегистрировать их брак. Может быть, их вызвали туда. С ними поговорили, потом говорят ему: «Вы можете идти, а ваша жена еще побудет немного». Больше он ее не видал.

Ее обвинили в шпионаже, и когда ее сослали на Колыму, то сестру, мужа и сына сестры расстреляли! С 45—46-го годов ей передавали деньги, которые Платау удалось ей переслать. Затем с 48-го года все прекратилось. Теперь красавица женщина вернулась трясущейся старухой. Пошла в норвежское консульство навести справки о муже. Ей сказали: в 48-м году ему официально сообщили, что его жена умерла, он сошел с ума и скоро умер. Ей важно было удостоверить, что она его вдова. Норвежцы отказались, имея официальное сведение, что жена Платау умерла. Она поехала в Москву, там ее желание исполнили, но прибавили: в норвежское консульство ни ногой.

Дочь, уехавшая с отчимом, кончила Сорбонну, вышла замуж. Прислала матери свою карточку с отцом и мужем в ссылку. Бедной женщине только показали фото и отобрали.

Обещают дать пенсию. Годы каторги засчитываются за «службу». Какой-то grand guignol.

20 декабря. Хорошие стихи О. Берггольц. Помечены 40-м годом. Сомневаюсь в дате. Но Бог знает. Молчавшие заговорили только теперь.

Одно меня радует: за 40 лет я ни от чего и ни от кого не отреклась; ни на кого не клеветала и в конце концов ничего и никого не боялась. И пока что je m'en suis bien trouvée[828]. Правда, карьеры я не сделала. Трусов презираю! Вот это уж зря я говорю. Есть мелкие трусы, которым ничего не грозит и которые все же предают; но тех, избиваемых до полусмерти, пытаемых самыми чудовищными пытками, разве можно осудить? За них нужно только Богу молиться.

Слава Тебе, Господи, что это позади, кажется.

М.М. рассказывала, что о. Пимен держится в Загорске только любовью Патриарха. А дела там вершат такие ставленники НКВД, как Иоанн Псковский и священник [архимандрит] Колчицкий.

Они не переносят интеллигентных священников и монахов. Из Печор всех разогнали.

27 декабря. Нравы: на днях, в воскресенье, когда все дома, Соня мыла в кухне посуду, там же была Вера Агаркова. С хохотом вбегает Наташа. На ней

очень открытая рубашка и коротенькие трусы. Хохочет: «Володя меня укусил!» И с хохотом убегает.

Вера смотрит на Соню: «Что это, твоя мать совсем с ума сошла?»

Действие происходит не в публичном доме.

Вчера ко мне пришел Петя и говорит: «Я знаю, почему мама отказалась от Сони, а ты знаешь?» — «Знаю». — «Скажи». — «Нет, — говорю я, — не стоит об этом говорить».

Петя помолчал немного, но не выдержал. «Из-за Володи?» — «Да», — говорю я. «Конечно, раз она взяла нового иждивенца, Соня совсем лишняя. Я бы мог его в два счета выставить. Надо пойти в жакт. Знаешь, бабушка, у меня скоро астма будет. Да, наверное, будет астма. Они оба так курят, что я задыхаюсь по ночам». И начал выбрасывать на печку папиросы.

28 декабря. Я все еще лежу. Хотя давление снизилось — 170—98. Но сердце продолжает болеть. И голова.

Очень хотелось мне пойти сегодня в церковь — 24-я годовщина со смерти моего ангела Аленушки, да побоялась, надо уж выдержать, чтобы встать по-настоящему на ноги.

А рана все так же болит, и не могу я вспоминать этот день, ее глаза, не могу; мой Аленыш, не покидай меня, моя деточка. Помоги мне закончить свои воспоминания, ведь я их посвящаю Тебе и Папе. Я любила и люблю вас обоих беспредельно, со всей силой, на которую только способно мое сердце.

1957

9 января. L'an de grâce ou de disgrâce?[829]

Была я 6-го на концерте Yves Montand. Произвел он на меня сильное впечатление тонкостью, мастерством, вкусом. Есть у него одна песенка: жена вышла замуж за него по расчету и все время требует: «Donne-moi de l'argent pour m'habiller, donne-moi des sous pour voyager»[830]. Он ее любит. Он идет в «Mont-de-Piété pour mettre son coeur au clou»[831]. Но т.к. он был мечтатель, сердце его оказалось легким, и он получил мало денег. Жена от него ушла. Разве можно жить с un homme sans coeur[832]! Замечательная песня «C'est à l'aube» и «Le chemin des oliviers»[833].

У меня ощущение, что я уже давным-давно mis mon coeur au clou и получаю соответствующую благодарность.

А сердце хотя и отдано, но очень, очень болит.

Соня — я надеялась, что она мне немного заменит Аленушку, а она абсолютно нечестна и лжива и патологически ленива.

Лучше об этом не думать, не говорить. Разве можно воспитать детей без Бога? Из-за нее у меня сделался сердечный припадок в начале декабря и сильно повысилось кровяное давление. Пролежала три недели. Что делать, когда это князевская кровь?

Вчера получила письмо от Васи, брата. Его письма — моя единственная поддержка. Он пишет, что на днях проезжал Саша, едучи к своим из Женевы. «Он взял с собой твое письмо, чтобы показать Марине. Нужно сказать, что она единственная, у кого, как и у тебя, развито чувство тяготения к родным»[834].

Они обо мне думают, вспоминают. Это дружба, это люди.

Друзья у меня есть, настоящие, но своих здесь — их нету.

И нету у нас еще вот чего — своего дома, son chez soi[835], своего home'a[836]. Есть угол в квартире с правом на жилплощадь!! И это всё.

На Васином письме парижский штамп 2.I.57, ленинградский 6.I. Повестку на него получила 7-го. Вот это быстрота.

А веселое слово — дома —
Никому теперь не знакомо.
Все в чужое глядят окно.
Поэма без героя. Анна Ахматова[837].

23 февраля. Целую вечность не писала — работала, переводила. В июне я послала в Москву в Госиздат заявку на перевод новелл Пиранделло. Ответа не было. В начале сентября по просьбе Палладина послала вторую заявку, расширенную. Молчание. 31 декабря получаю договор!! На перевод четырех новелл, срок сдачи готовой работы 15 января! Только с пьяных глаз можно было предложить такой срок. Я написала, прося продлить срок, и принялась переводить. Автор трудный, неожиданно трудный. Я переводила в 26-м или 27-м году «Ciascuno a suo modo»[838] для Н.В. Петрова — пьеса написана совсем другим, гораздо более простым языком. К 10 февраля у меня были готовы две новеллы[839]. В это время вклинилась еще корректура моего перевода «Chroniques de ma vie» Стравинского. Издательство «Советский композитор» мечтает издать эти хроники, а я мечтаю еще сильнее, чем они, но разрешат ли? Когда Калужский из Музгиза заговорил в Москве с директором издательства, тот сказал: «С Стравинским надо повременить. Мы сейчас пытаемся реабилитировать Малера».

Кроме Стравинского вклинилась еще конференция кукольных театров, к которой меня очень любезно привлекли. Посмотрела два спектакля у Деммени, два у Королева. Деммени неталантлив как режиссер, цирк, ничего нового, и марионетки ходят гораздо хуже, чем у нас ходили. Королев бесконечно талантлив, и водят кукол у него блестяще. Смотрела там «И смех, и слезы, и любовь»[840]. Сделано блестяще, но не без поляковской пошлости. Есть эпизоды, которые надо бы изъять.

Конференция была 14 февраля. Говорил Деммени, Королев, Наталья Ильинична Смирнова, молодая театроведка, пишущая диссертацию о кукольных театрах[841]. Говорили о многом, но о главном — кукловождении — никто не сказал ни слова. Дрейден уговаривал меня выступить, приготовить доклад — но о чем? Пусть говорят кукольники сегодняшнего дня. Мне хотелось только сказать о том, что необходимо в Ленинградском Театральном музее[842] открыть отдел кукольного театра. Когда я вышла, мне стал аплодировать президиум, а затем и весь зал встал и, стоя, мне аплодировал.

А я невольно подумала: теперь, когда я не у дел, вы мне аплодируете, а когда мой театр был лучше ваших и негодяи вроде Браусевича и Шапиро из кожи вон лезли, чтобы загубить театр, никто пальцем не двинул. Ни Деммени, ни Дрейден, ни Брянцев...

20 марта. Сейчас молилась. И внезапно поняла огромную поступь истории. Люди живут, страдают, гибнут, происходят смуты, революции, но выше наших бед, утрат, горя существует страна, страны, плывущие по своему

непреложному историческому фарватеру, не считаясь ни с чем, выполняют свою историческую миссию и сходят на нет, передавая накопленное наследнику своих духовных богатств. Я вдруг почувствовала эту громадную, живую, полнокровную силу, идущую надо мной, над нами, через нас, давя и дробя все, что попадает ей под ноги, но идущую верной дорогой к назначенной цели. И будущее воздаст должное кому надо, и Немезида существует.

И никакие глупости нашей директории не помешают, не свернут Россию с ее пути.

Господи, помилуй нас, да святится имя Твое.

Но страшно за Россию. Уж очень надорваны силы, люди умирают на ходу, пущенные «на износ».

7 апреля. «Для людей моего поколения “завтра” не может, к сожалению, быть бесконечным резервом... Мы спешим и, теряя жадность к впечатлениям жизни, приобретаем жадность к текущему времени... С возрастом многообразие интересов начинает сужаться, исчезают давние привычки, уводящие с главного, единственного теперь пути — обобщения и осмысления пройденного, пережитого». Н.Н. Качалов, статья в «Ленинградской правде» «Поэзия труда». 7 апреля 57-го года.

А я все никак не могу приняться сводить концы с концами. Происходит это отчасти оттого, что я не могу выработать в себе иммунитета к окружающей меня действительности. Пример: Галя в январе вышла замуж за Толю Лескова. Познакомились они еще тогда, когда он кончал Фрунзенское училище[843]. Еще тогда они решили пожениться. Он познакомился с ее анкетой и, как теперь говорят, смылся, исчез. Изредка встречались. Галя, по-видимому, тяжело переживала эту измену. Теперь, когда все реабилитированы, он сделал ей предложение на Новый год. Поженились, зарегистрировались. Была здесь Евгения Павловна.

Недели три тому назад он пришел ко мне поговорить о том, что он теперь прописан здесь, и ему очень неудобно, что у них в комнате за шкапом спит Катя Пашникова. По его мнению, она должна переехать ко мне. «У вас 26 метров на двоих, это все же больше, чем 13 на троих». В первую минуту это ôtes toi de là que je m’y mette[844] меня потрясло. «Вы же знали, на что шли, — сказала я, — подавайте в суд». И тут же поняла, что суд присудит им всю комнату, а пока что Толя не претендует на те два метра, куда я могу поставить хоть свои чемоданы.

И он, со своей стороны, прав, и я более чем права, а податься некуда.

Теперь у меня не комната, а общежитие: Катя спит и живет на своей оттоманке, Соня на ночь раскладывает постель, я уединяюсь у своего письменного стола, не видя, что позади меня делается.

11 апреля. Вот они — чудовищные условия жизни, созданные советской властью, созданные презрением к обывателю, к человеку. Можно ли так жить? Нельзя. Вчера в газетах опубликован новый правительственный сюрприз. С 58-го года прекратят тиражи по займам на 20—25 лет! Банкроты злополучные! У бедной Ольги Андреевны на 15 000 облигаций. Ей 55 лет. Выброшены в навоз. Она ежегодно получала займов на полторы ставки. Следовательно, полтора месяца в году работала бесплатно[845].

В феврале было собрание в Союзе писателей, перевыборы; приезжал Сурков из Москвы, говорил о книге Дудинцева, хаял, осуждал прежние восторженные выступления — поворот вспять.

В «Nouvelles litteraires»[846] была статья о засорении французского языка иностранными словами: например, «только что пошло в ход выражение déstalinisation, а теперь, пожалуй, появится скоро réstalinisation», — пишет автор статьи.

У нас ресталинизация идет полным ходом.

В Милане, в «La Scala», постановка «Декабристов» была уже почти готова, но после венгерских событий ее сняли.

Главный художник в «La Scala» Николай Александрович Бенуа, сын Александра Николаевича. Юрий Александрович с ним виделся, когда был в Италии, потом переписывался... Теперь когда это наладится, как и наша жизнь?

Но больше всего меня расстроила за последнее время новая жестокость, жестокость исподтишка по отношению к юношеству.

У Сони есть приятель В., ему 18 лет. Он кончил школу, но в вуз не попал и работает пока лаборантом в школе с надеждой попасть в этом году. Его несколько раз вызывали в управление милиции на Дворцовой площади, присылали за ним милиционера и уговаривали сделаться осведомителем. Однажды он выходил оттуда в первом часу ночи и встретил идущего туда с милиционером Витю Ф., прекрасного юношу, возглавляющего комсомольскую организацию. Одного из мальчиков, Ив., по словам Сони, там избили, потому что он кричал и ругался. Затем извинились и просили объяснить синяк (или рану) тем, что он упал. Соня вначале мне подробно рассказывала, затем замолчала. Вероятно, просил товарищ.

Начинается старая подлая история с другого конца. Какая глубочайшая подлость и низость. Все эти кончающие десятилетку юноши, как Витя, должны все свои умственные силы сосредоточить на экзаменах, на учении, а тут появляются спруты со своими щупальцами. Будь они прокляты.

Неужели же, неужели Россия никогда не «воспрянет ото сна»?[847]

Газета сегодня полна хвалебных гимнов новому «предложению» Хрущева. Везде митинги, все в восторге. Вот до чего въелась во всех трусость, страх. Не поднимется ни одного голоса, чтобы высказать общее возмущение.

А вот то, что рассказала мне наша молочница, Софья Павловна: ее старший сын из Харьковской академии направлен в Германию, работает в лаборатории. Его двоюродный брат вернулся из Германии, где они встречались. И он говорит, что теперь поодиночке в отпуск не отправляют, а целой партией и с командиром, так как, когда ездили в одиночку, они часто исчезали бесследно, не доехав до границы. Их убивали милые наши сателлиты, немцы или поляки.

15 апреля. Хороший анекдот: сидят Никита (Хрущев) со своим приятелем и не могут придумать, как назвать новый заем. Приятель соскучился: «Никита, дай мне пятьдесят рублей, выпить хочется». Получил 50 рублей, пошел, выпил — мало. «Дай еще 50». Опять пропил: «Дай еще сто». Получил, пропил. Опять просит: «Дай еще полтораста». Никита не выдержал: «Да ведь это вымогательство!» — «Вот именно, — обрадовался приятель, — так и надо назвать новый заем! Вымогательство».

Завод «Светлана»[848], по слухам, подал заявление, что не подпишется на новый заем.

Какое банкротство нашего пресловутого «планового» хозяйства.

И, конечно, все подпишутся.

26 мая. Я в какой-то полной депрессии. Это мучительно. Мучительно жить во рву львином[849]. И чем больше делаешь, тем сильнее злоба. 18 мая заболел Петя. T° сразу 39,5. Наташа была в Москве, куда уехала со своим парнишкой, по-видимому, людей посмотреть и себя показать, препоручив Петю Гале. Петя голодал, приходил просить хлеба и т.д. Когда он заболел, я вызвала доктора и две ночи ложилась спать в их комнате, целую ночь меняла ему рубашки, так как он сильно потел, грела чай, одним словом, делала все, что полагалось, вплоть до клизмы, после которой ему стало легче. 20-го утром у него было 37,8. Приехала Наташа одна, альфонс пожелал остаться у товарища, она была в разъяренном состоянии. Я посоветовала позвать доктора. «Никаких докторов, он уже здоров. А вас я не просила за Петей ухажи-

вать, нечего соваться, куда не просят». И площадные ругательства. Не найдя каких-то своих туфель, она в кровь исцарапала Соне лицо и унесла ее берет и мой шелковый шарф, присланный Сашей.

Противно жить в чуждой среде, где тебя еще обкрадывают постоянно.

Надо выработать вокруг себя непроницаемую атмосферу.

С 19 апреля по 30-е я пробыла в доме отдыха в Сестрорецке. Нас было четверо в комнате. Самое приятное воспоминание о девушке лет 30 Инне Жодиной. Родители — крестьяне, отец был председателем колхоза, умер от рака. Осталась мать, две сестренки, а ей было лет 18. Пошла в техникум, работала на железной дороге, прошла все рабочие стадии, начиная со слесаря. Командировали в Москву в какой-то повышенный техникум. Живут они в Вологде. Подняла семью, младших сестер выдала замуж. Спрашиваю: «Ну, а вы?» — «Мне уж поздно». Рослая, хорошо сложенная, настоящий человек.

3 июня. Еленин день. И всегда в памяти, как наяву, солнечное утро, Дубки, Днепр, ландыши, жаворонки. Бедные теперешние дети, молодежь, у них нет таких воспоминаний.

Еще одна реабилитированная. Вчера у меня была Елизавета Антоновна Говорова, бывшая Люся Пшецлавская, арестованная в 1949 году. Пробыла она в Кемеровском лагере около 5 лет[850]. И вот за какие преступления:

1) любовь к импрессионистам, Пикассо и вообще к французскому искусству;

2) теософия — при обыске были найдены четыре книги по теософии;

3) порицание условий общежития 9-го ремесленного училища, где она преподавала рисование.

В этом общежитии царила полная распущенность, и на общем собрании Говорова говорила об этом и предложила сменить там весь служебный персонал.

На основании этих преступлений она была сослана по 58-й статье на 8 лет. Причем прокурор ее напутствовал такими словами: «Да вы не расстраивайтесь; десять месяцев вы уже просидели у нас в тюрьме, этап продлится месяца четыре, вам остается всего каких-нибудь семь лет лагеря!»

И тут-то вскрылось, кто же наклеветал. Реабилитированным за отсутствием состава преступления, улик и т.п. показывают их «дело» со всеми показаниями предателей и свидетелей, т.е. тех людей, которых вызывали и опрашивали.

Главным предателем оказалась Татьяна Федоровна Петрова, преподавательница пластических танцев, которая заодно посадила и своего мужа, по словам Говоровой, талантливого скульптора [от которого она хотела отделаться].

Она же дала Елизавете Антоновне те четыре книги по теософии, послужившие главной основой для обвинения.

А начала дело, списав заглавия этих книг и передав их следователю, хорошенькая Таня Воскресенская, над судьбой которой мы так сокрушались в свое время.

Она рассказывала Люсе, что познакомилась с одним следователем с совершенно золотыми волосами.

Когда Елизавету Антоновну вызвали на допрос и у следователя оказались золотые волосы, ей все стало ясно.

Вызывали четырех молодых людей из тех, которые бывали у Говоровых, продержали их в одиночном заключении несколько дней, запугивали их и затем устроили им очную ставку с Елизаветой Антоновной. Один из них, увидя ее, горько расплакался.

«Подтверди, что ты говорил на допросе. Ты говорил, что Говорова не советский человек?» — «Да, говорил», — ответил он, захлебываясь от слез. И еще в таком роде.

«Как же тебе не стыдно так лгать? — сказала Говорова. — Из чего же ты заключил, что я не советский человек?»

Вызывали покойную Веру [Леонтьевну], спрашивали, не известно ли ей отношение Говоровой к теософии. Та отрицала это, и, по словам Е.А., все ее показание было очень благородно.

10 июня. На меня словно родным пахнуло. 5 июня под вечер ко мне пришла первая жена так у нас называемого, маленького Васи Яковлева, Васиного сына. Накануне я получила письмо от брата, что Ольга собирается лететь в Ленинград на десять дней к своему старому деду Фролову. И вдруг она уже здесь. Очень красивая, женственная, простая и милая, она меня совсем очаровала. Рассказала о всех, о Васе, Саше, Феде, Ирине. Про Ирину я спросила: «Est-elle gentille?» — «Oh, oui, elle peut être, elle est tantôt gentille, tantôt pas»[851]. Федя давно бел, как снег, и очень красив. У Саши прекрасный вид, Вася поправился.

Ленинград поразил ее своей красотой, но она нашла, что у нас все очень дорого и все плохо одеты. Еще бы!

В Париже живут хорошо. Она где-то служит, живет в Vexin[852], т.к. отец ее купил там домик, а сам с женой уехал на Мадагаскар работать.

На другой день мы смотрели с ней «Лебединое озеро» с очаровательной Моисеевой — Одеттой-Одиллией. У меня больно сжималось сердце, когда я замечала грусть на прелестном личике Ольги.

Почему Вася с ней разошелся? Брат не объяснял мне в письмах причины. Я Олю не спрашивала. Только когда она мне говорила о печальной жизни Ксении Опоннель и сказала: «Она не сумела создать себе новую семью, новую жизнь», — я спросила ее: «А вы?» — «Я не тороплюсь, — ответила она. — У меня дети».

Ольга вышла замуж за Васю 16 с половиной лет на Мартинике, где ее отец был директором обсерватории, а Вася там стоял с французским флотом, ушедшим от немцев. Брат мне писал об этом тогда же. Дочери ее уже 15 лет. И зовут девочку Еленой, а сына Васей, как у меня. Елена учится в школе в St. Germain en Laye, где жила в пансионе моя Аленушка. Бабушка Ольги, рожденная Коновницына, была классом моложе меня в Екатерининском институте.

Все соприкасается, оттого-то ее приезд так меня согрел. Европой пахнуло, там моя родня. Подлинная.

Сегодня я проводила Олю на самолет. Целуя ее на прощание, я пожелала ей bon voyage et beaucoup de bonheur[853].

Принесла ей букет ландышей. К вечеру они будут уже в Париже. Как микроскопична стала наша жестокая планета.

Провожала Олю ее тетка. Очень милая тонкая дама, с тем приятным интеллигентным лицом, какие встречались в хороших дворянских семьях. Глядя на улетающий самолет, мне так захотелось лететь туда же.

Перед приездом Ольги я написала брату, рискнула написать, что теперь, кажется, возможно нам повидаться. Объяснила Оле, как это делается... Выйдет ли что-нибудь? До боли хочется подышать свежим воздухом. Увидеть своих.

23 июня. Сегодня празднуют 250-летие Ленинграда[854]. Почему Ленинграда? Какая чушь.

Стихи Веры Инбер, той самой, что поила рыбьим жиром своего кота в блокаду и вытягивала у Натальи Васильевны Толстой всякие кружева, чулки и пр., платя за них размазней, и роскошно с шампанским встречала Новый год, когда вокруг больницы Эрисмана лежали штабеля трупов людей, умерших от голода.

На рубеже времен

Есть города древнейшие на свете —
Афины, Прага, Рим.
На их необозримый ряд столетий
Мы снизу вверх глядим.
В семью седоволосых великанов
Как молодой их брат
(Ему всего два века с половиной)
Вступил и Ленинград.
Но превзошел он даже и Элладу
Величьем славных дел.
Он Зимний взял. Он перенес блокаду.
Он Пушкиным воспет.
История его полна деяний
И золотых имен.
Он встал в своем гранитном одеяньи
На рубеже времен.
Здесь первый на земле Октябрь возглавлен
Был партией родной.
Весь путь страны в социализм направлен
Был Ленина рукой![855]

Есть граждане, подлейшие на свете...[856] До чего можно договориться! Стыдно. Почему-то украли у Петербурга 4 года. На всех улицах висят портреты членов Центрального Комитета, на Публичной библиотеке — огромные портреты Маркса и Ленина. О Петре Великом — молчок. Правда, Лавренев в своей статье написал такую отважную фразу, что Петербург создан Петром Первым, крупнейшим государственным деятелем прошлого[857]. И на том спасибо.

Хорошо уж и то, что город тщательно сохраняется, поддерживается, а история разберется, поставит всё и всех на свои места. Может быть, отведет местечко и пресмыкающимся и предающим всех и вся интеллигентам.

На Троицын день[858] я наконец поехала посмотреть церковь, называемую Кулич и Пасха, за Невской заставой[859].

Какая прелесть! И об ней ничего никто не знает, кроме курьезного названия!

Она построена Екатериной II в 1787 году. Церковь совершенно белая, круглая, вокруг колонны с оригинальными и красивыми капителями; купол низкий. Она пленяет своей пропорциональностью. Рядом стоит колокольня — пасха Δ. Пирамида с узким основанием, по-видимому, испорченная временем, так как обшита листовым, окрашенным в темно-серый цвет железом.

И вот, живя с двенадцатилетнего возраста в Петербурге, я удосужилась только сейчас, 77 лет от роду, посмотреть на эту подлинную достопримечательность города!

На обратном пути я зашла на Тихвинское кладбище[860] и снесла на могилу дорогой моей Анны Петровны березки из церкви.

3 июля. Наша директория, по слухам, перегрызлась. Неужели Хрущев мнит себя Наполеоном? Хо-хо-хо! Рассказывают, будто на каком-то совещании ЦК семеро членов директории (называют Молотова, Маленкова, Микояна, Шепилова, Первухина, Кагановича и Булганина) ополчились на Никиту за неудачи с целиной, за хвастовство, за срыв займов и т.п. и требовали, чтобы он оставил место секретаря партии. Будто вступился Жуков, попрекнул Молотова, у которого будто бы 600 000 казненных на душе, а Маленкову сказал: «У тебя еще кровь на руках Ленинградского процесса не высохла».

После этого Хрущев потребовал пленума, на котором было 80 человек; стадо баранов, конечно, поддержало Никиту. Булганин и Ворошилов будто бы извинились[861].

Одним словом, on s'entremange[862], делают брюмер, но кто выйдет в Наполеоны: Никита или Жуков?

И какая в этих слухах доля правды?

Каждое утро по радио нас подготавливают. Сегодня говорилось, что Ленин указывал на необходимость удалять из ЦК, правительства и партии, не считаясь ни с рангом, ни с заслугами, ни с чем, если человек провинился, в чем, я не поняла, т.к. вообще начетчиков не понимаю. Увидим.

Еще слух, что все правительство под домашним арестом. Нечего сказать — коллективное управление.

Катастрофа с Соней продолжается. Когда выяснилось, что в 10-й класс ее не переведут, она подала в начале июня заявление в Педагогическое училище. Ей сказали, что, окончив 9 классов, поступают на 2-й курс, и с 1 июля откроются подготовительные курсы.

1 июля звоню и узнаю: новое постановление — только окончившие 10 классов поступают на 1-й курс. А в прошлом году Андрюша Гитович, не попав по конкурсу в вуз, был принят на 3-й курс техникума.

На всех заводах принимают только с десятилеткой. Соня заявила мне вчера, что поступит на текстильную фабрику, ибо только там принимают даже с 7-летним образованием. Проработает два года, поступит в Текстильный институт. Работа на ткацкой фабрике очень тяжелая, где же ей с ее пороком сердца и с увеличенной печенью работать физически семь часов под-

ряд. Я сегодня буду у Кипарисовых и поговорю с Виктором Павловичем, нельзя ли ее устроить какой-нибудь лаборанткой в Эрмитаж. Но Соня кричит, что в Эрмитаж ни за что не пойдет; ей стыдно, конечно, перед всеми знакомыми археологами, которые так к ней хорошо относились. Вот куда приводит патологическая лень!

6 июля. Сейчас слушала по радио выступление Хрущева на заводе «Электросила». Он говорил общие места: дескать, все плохи, все в заговоре, нарушая заветы Ленина, и т.д., все, т.е. Маленков, Молотов, Каганович и т.д.[863]

Говор у него не очень интеллигентный. Самое достопримечательное в этом выступлении на очень большом заводе были аплодисменты. Их, собственно говоря, вовсе не было. Были жалкие хлопки восьми, много десяти человек. Сколько Хрущев ни пыжился, чтобы вызвать «гром аплодисментов», ничего не выходило. Речь кончилась, и уже другой голос провозгласил: «Да здравствует Никита Сергеевич Хрущев» или что-то вроде «ура», его поддержал *ОДИН*-единственный голос, крикнувший: «Ура!» Запели «Интернационал», пел почти один Никита. Слушать было стыдно.

Вчера на ларьке по Расстанной улице, где работает Ольга Андреевна, было написано: «Не признавайте второго правительства! Требуйте повышения зарплаты». Витя, родственник Толи Лескова, кончающий артиллерийское училище, рассказал, что им велено быть завтра на демонстрации на Дворцовой площади[864] с заряженными ружьями и патронами! Это впервые.

Вчера утром по городу срывали со стен газеты с фотографиями нового Центрального Комитета партии. Но какие там есть рожи! Кириченко, Игнатов, какие-то восточные человеки[865].

А Хрущев, мнящий себя Наполеоном от коммунизма, взял на себя стирку грязного белья партии. То разоблачил посмертно Сталина и Берию, теперь поносит своих сотоварищей, гораздо более популярных, чем он. Наша молочница, умнейшая женщина, от которой я черпаю высказывания пригорода и рабочих, возмущена: кому же верить! И обижена оскорблением, нанесенным Молотову. «И надеются: ну, Жуков его (т.е. Хрущева) подомнет».

Вот наш Брюмер!

А город бисирует 250-летие. Хрущев решил, что без него делали все неправильно. Со вчерашнего дня город опять украшен. Висит нарисованная медаль в память 250-летия города, на ней изображен Ленин!

Какой-то деревенски наивный камуфляж.

11 июля. 9-го под вечер переехали на дачу Зои Петровны. Вчера день был безоблачный, солнечный, теплый. Не думалось ни о чем. На большом учас-

тке дачи трава еще не скошена, пушистая, нетронутая, трепещут на солнце молодые березки, рябинки. Веточки рябинок напоминают мне почему-то японские гравюры. Все пропитано солнцем, таким редким гостем у нас. Мы с Соней одни на даче. Сегодня я ночевала одна, Соня уехала на чье-то рожденье в город. Никаких злых флюидов в воздухе. Дышится легко. Благодать.

13 июля. Настоящая благодать. Некошеная трава дает земле праздничный нарядный вид. И такое счастье, что мы пока одни. Хоть десять дней побыть без чужих людей. Кажется, с самого Ларина я не была в такой деревенской обстановке. К шуму проезжающих по шоссе машин начинаю привыкать, как мы привыкли к карканью ларинских грачей.

Читаю Герцена для умственной тренировки, и мне приходит на ум, что хрущевский coup d'état[866] был в то же время coup de grâce[867] по нашей ведущей роли в европейском коммунизме. Первым ударом было разоблачение Сталина, 2-м — венгерское усмирение, 3-м — coup d'état Хрущева.

Как-то весной я прочла в «Nouvelles litteraires» в Публичной библиотеке, какие книги изданы самым большим тиражом в 56-м году. Первым идет «La rapport de Kroutschoff»[868] 21 000.

15 июля. Перед отъездом на дачу я обедала у Натальи Васильевны. Она мне рассказала некоторые подробности писательского пленума, состоявшегося месяц тому назад на правительственной даче у Хрущева[869]. Я уже раньше слышала некоторые отзвуки, т.к. из Москвы вернулся Прокофьев и сделал сообщение членам Союза. Влетело К. Симонову за свободный дух, которым повеяло в «Новом мире», где был напечатан одиозный роман Дудинцева «Не хлебом единым», Гранина «При особом мнении»[870], стихи Алигер[871]. Ей лично Хрущев сказал: «Работайте с нами, а в противном случае мы вас в порошок сотрем!»

Маленьким людишкам тоже хочется свое самодержавие показать.

17 июля. Приехали в город — меня ждало письмо от Саши с официальным приглашением приехать в Женеву!!![872] Дух замирает. И certificat d'hébergement[873]. Неужели поеду?

3 августа. Встречаю около «Европейской гостиницы» очень элегантного Деммени. Собирается в Москву посмотреть на фестивале кукольные спектакли различных национальностей. Звал приходить осенью на премьеру пьесы «Точка, точка, запятая...»[874]. «Это аллегория?» — спрашиваю. Он смеется и говорит: Юфит (его директор, коммунист) советовал возобновить пьесу Шварца «Сказка о потерянном времени»[875]. «Вы находите это своевременным?» — спросил его Деммени.

Сколько ненужных хлопот, чтобы подать заявление для поездки за границу: 1) брачное свидетельство, 2) метрику, 3) автобиографию, 4) перевод Сашиного certificat, засвидетельствованного компетентным лицом, 5) 12 фотографий и чтобы на каждой на обороте было удостоверение домовой конторы, что это именно я. Для поездки в капиталистические страны 12 фото, в демократические 8. Почему? Да еще: если замужем, то разрешение мужа, если в разводе, свидетельство о разводе. Как тут быть? Я и не замужем и не в разводе.

10 августа. С 30 июля я пробыла в городе, вчера вернулась, погода дивная, первый день в августе такой.

Солнце, синее небо, где-то стрекочут кузнечики, море синее-синее. Я наслаждаюсь, тем более что эти десять дней в городе были переполнены хлопот. Еще 18 июля я послала просьбы в здешний архив добыть мое брачное свидетельство (венчались мы в домовой церкви Финляндского полка[876] в 1914 году 26 января) и в московский о моей метрике. Написала Юрию, чтобы он прислал *мне разрешение* как жене. Получила телеграмму, что он приедет в Ленинград «по этому вопросу». Ждать-пождать — не только не приехал, но даже забыл о своей телеграмме, как выяснилось из разговора по телефону.

Я понимаю, что для него было крайне неудобно такое положение, и я, чтобы не навлекать на него неприятностей, уговорила ОВИР (отдел виз и регистраций) ограничиться свидетельскими показаниями Толстой (Натальи Васильевны) и еще кого-нибудь, удостоверяющими, что мы живем врозь уже очень давно (дал Всеволод Александрович Рождественский). Брачное свидетельство я получила, милые люди! — зарегистрировали наш брак в загсе! Так что Вася теперь вполне законный сын своего отца.

За эти же десять дней надо было еще сторговаться с директором Новосибирского театра[877] об уплате мне за право первой постановки «Венецианских близнецов», а между тем я по совету юриста Фишмана еще 18 июля послала иск в Новосибирский суд с требованием, чтобы мне уплатили 8000.

С директором мы поторговались и довольно скоро сошлись на 7000. А сколько хождений, разговоров. Он очень хвалил Васю как талантливого художника, вникающего в образ спектакля и дух произведения. «Пусть поработает еще годик, и мы представим его к званию заслуженного артиста, — только нервен очень и любит конструкции на сцене».

И еще очень печальное известие. Накануне нашего отъезда на дачу, 8 июля, я была в больнице у Елены Ивановны, 13-го она должна была уехать

в Пярну[878]. Я была совершенно спокойна. Не получая от нее писем, я заподозрила неблагополучие и зашла в больницу Эрисмана, оказалось, что Елена Ивановна все еще там лежит. Я пошла к ней, предварительно зайдя к дежурному врачу.

И узнала, что у Елены Ивановны метастаз рака, опухоль на позвоночнике. Ей, конечно, ничего не известно, говорят ей, что обострение радикулита, и она этому верит, к счастью. Это ужасно — смотреть на страдания приговоренного к смерти человека.

Не так давно в «Ленинградской правде» была статья о том, как [у] некоего И. (Иванцова, зав. постановочной частью Мариинского театра) консилиум лучших хирургов, осмотрев, установил рак и постановил оперировать. Он отказался от операции, и его вылечил доктор (биохимик) Качугин из Москвы[879].

Ксения Кочурова звонила мне, она решила добиться этого Качугина для Елены Ивановны через университет, где к Плен очень хорошо относятся. Я обзвонила кого могла, но Иванцова нет в городе, и вообще никого и ничего не добилась, все в отпуске.

Вечером мне позвонил Юрий, я просила его узнать через знакомых докторов, как добиться этого Качугина.

Вчера в поезде я разговорилась с моей vis-à-vis. На редкость симпатичная женщина лет под 50. Она мастер на кирпичном заводе, а разговор и взгляды — интеллигента. Рассказывала о своих детях, об эвакуации, об отношении к людям, говор мягкий, приятный. Говорили о кирпиче. Я ей описала кирпичи, поразившие меня своей величиной, в какой-то очень старинной церкви в Воронеже. Она мне объяснила, что тогда замешенную глину выдерживали годы, кирпичи делали вручную и сушили на солнце. Теперь стали примешивать кембрийскую глину, серо-голубую, обнаруженную при постройке метро, она дает нашей нежирной глине большую устойчивость.

12 августа. 17 июля я получила Сашино письмо и до сих пор не подала заявления, т.к. не получила метрики...

Сейчас раздался сильный орудийный выстрел, дом затрясся, я вышла на улицу, Тамара Владимировна тоже. Второй, через некоторое время еще четыре подряд. Что такое? Во всяком случае, неуютно. Прожив 3 года под артиллерийским обстрелом и бомбежкой, должна сознаться, что не люблю этого смертоубийственного грохота.

Из новых анекдотов: где же Вера, Надежда, Любовь? Вера умерла со Сталиным, Надежда улетела с займами, а Любовь уничтожена как буржуазный предрассудок. Мать же их София, премудрость, ушла на пенсию.

И еще: меняют маленькие телевизоры на большие, без доплаты. «Где?» — «Во всех магазинах». — «Почему?» — «В маленьких морда не помещается».

Все это глупо и неостроумно.

14 сентября. Стояла на днях у Елисеева в очереди за пирожными. Передо мной молоденькая девушка лет 16. К ней все время подбегала девчурка лет 8—9, стоявшая в другом отделе с бабушкой. «Ты себе возьмешь трубочку, бабушке песочное, оно помягче, а мне эклер, непременно эклер». У нее премиленькая оживленная мордашка. Спрашиваю ее: «А эклеры очень вкусные?» Она восторженно: «Эклер — такие изумленные, самые изумленные пирожные, самые вкусные!» — «Ну раз уж они такие "изумленные", и я возьму эклер», — говорю я.

Разговор в очереди: говорят о новых домах. Высокий гражданин: «У нас в подвале живет дворник, в пятом этаже писатель. Когда писатель чихает, дворник ему кричит: "Будьте здоровы"».

Не писала целый месяц.

18 августа приехал Вася, прожил два дня у меня в Репине, затем переехали в город, и у меня начался водоворот. Вася остановился у меня. Хочется покормить его хорошо. Он очень нервничал во время первых спектаклей, болело сердце. Затем был у профессора Истамановой, которая нашла, что страшного у него ничего нет, но большое переутомление сердца. Необходим полный отдых, Кисловодск. Он ей объяснил, что должен выпустить к 40-летию[880] спектакль. «В таком случае, 8 ноября вы должны выехать в Кисловодск».

Два раза в неделю езжу к Елене Ивановне, варю ей бульон, надоумила меня Наталья Федоровна Шишмарева, милейшая сестра Владимира Федоровича Шишмарева.

17 сентября. Вася уехал 15-го. В первый раз за 15 лет мы мирно пожили с ним вместе, много говорили, я старалась хорошо его кормить, днем он отдыхал, принимал гомеопатические лекарства от болей в сердце, успокоился и отдохнул. У него много от Юрия Александровича, но он мягче, человечнее. Он человек с шорами, составит себе мнение о ком или о чем-нибудь, ни на чем не основанное, и стоит на своем. Ругал всячески Нору, жену Алеши Бонч-Бруевича: и скупая-то она, и скучная, и бедный Алеша... Затем выясняется, что у них живут уже чуть ли не со смерти Александры Алексеевны две старые тетки Алеши. Я даже рассердилась: «Как же ты можешь говорить о Нориной скупости? Если бы она захотела, она бы выжила теток из дому в два счета. Наталья Васильевна поместила в дом хроников тетю Машу Тургене-

ву, заменившую Алексею Николаевичу мать, когда умерла Александра Леонтьевна, подарившую ему какое-то свое небольшое имение. Я познакомилась с ней еще на Ждановке. В Детском она была уже очень стара, к гостям ее не выпускали, жила в загоне и умерла в доме инвалидов! Когда Мария Дмитриевна Шостакович вышла замуж за Всеволода Константиновича Фредерикса, она тотчас же выселила всегда жившую с ним его сестру. А ты укоряешь Нору в еврейской скупости! Стыдно».

Услыхав эти примеры, Вася, по-видимому, устыдился, он этого не знал или забыл. Как можно так поверхностно судить о людях, о хорошем человеке!

Алеше с ней скучно! А вчера Алеша, провожавший Васю на вокзале, рассказывал, как они с Норой ездили летом на своей машине на Карпаты.

Если бы ему было уж так с ней скучно, он сумел бы отделаться от общества жены, как это делал его отец. Кстати, Нора подарила Васе еще в прошлом году прекрасные швейцарские часы!

Тетя Маша очень любила Софью Исааковну. По ее совету С.И. не отпустила Марианну за границу с Толстыми в 18-м году.

На радость или на горе?

24 сентября. Сейчас мне звонила Наталья Федоровна Шишмарева. Она только что была у Елены Ивановны. По ее мнению, Елена Ивановна умирает. Как быстро пошло разрушение. Может быть, лечение по методу Качугина еще усугубило, ускорило уничтожение. Как ее жаль, и никого-то близкого! Она очень замкнута, и, как говорит Наталья Федоровна, знающая ее с детства, она всегда была такая. Княгине было очень тяжело с ней. Почему, например, она всегда скрывала свое свойство с Шишмаревыми? Она никогда не говорила о том, что мать ее вторым браком была за Ф.Ф. Шишмаревым, я это узнала от Андрея Романовича Дид[е]рихса, еще когда мы жили в Детском, но, конечно, ничего у нее не спрашивала. Мне всегда казалось, что и современная жизнь (т.е. условия жизни), и работа ей не под силу, «über die Kraft»[881]. Она ведь и в блокаду бесстрашно работала, надрывая свои силы. А отдыха было так мало.

И если она ошибалась на пути, Бог простит, а я уже давным-давно простила.

11 октября. Вернулась с похорон Елены Ивановны. Она умерла 8-го, был удар, и смерть последовала мгновенно. Вскрытие обнаружило метастазы и в голове, и в легких...

Вася перед отъездом был у нее, и вид ее и взгляд, идущий мимо него, произвели на него очень тяжелое впечатление. Но тогда голова у нее была

совершенно ясная; позже началось помутнение рассудка. Она всех узнавала, но разговор был полон каких-то несуразных фантазий. Переходила на английский язык, который был для нее почти родной, благодаря Miss Violett Robets, воспитавшей ее с раннего детства. Уехала она в Англию, кажется, в 29-м году.

Мы много говорили о ней с Натальей Федоровной Шишмаревой. Странный она была человек, во многом сама себе портившая жизнь своей скрытностью. Она не допускала ни меня, ни Ксению до знакомства с Шишмаревыми, чтобы, Боже упаси, мы не узнали какие-то подробности жизни ее родных. Шишмарев-то уж наверно был лучше Плена, который за развод с ним матери Елены Ивановны взял огромные деньги, и княгиня Анна Александровна Имеретинская называла его авантюристом и очень дружила с Шишмаревыми. Мать Елены Ивановны не была ею усыновлена, но воспитывалась на правах дочери.

Нелегко жилось Елене Ивановне, и увлечения ее были какие-то нелепые и всегда неудачные. Да, бедняга, и такая ужасная болезнь.

Человек создает ракеты, луну, которая носится как чумовая вокруг нашей землишки на зависть всем соседям[882], а вот рака лечить не доберутся.

Получила от Васи первое хорошее человеческое письмо. Он пишет: «Мое месячное пребывание бок о бок с тобой произвело на меня огромное впечатление и оставило неизгладимый след на долгие годы. Со времени наших двух поездок в Суногу мы никогда не были вместе и, хотя и жили под одной крышей, были всегда разобщены Наташей. Только по прошествии многих лет видишь подлинную цену вещам, событиям и людям»[883]. Наконец.

30 октября. Я спросила у М.М. Сорокиной о судьбе Веры Николаевны Платау. У нее было частичное кровоизлияние в мозг. Она лежит беспомощная одна у себя в комнате (ей дали комнату и пенсию 250 рублей!); приходит к ней ее приятельница, тоже пожилая женщина, моет ее, готовит, кормит и уходит, т.к. дома у нее параличная сестра. На ее просьбу о разрешении поехать за границу к дочери ответили отказом. Письмо получила приятельница и скрыла от нее. Мечта о свидании с дочкой ее поддерживает. Дочь пишет нежные письма, полные надежды на свидание, высылает деньги, а деньги не доходят. Может ли быть что-нибудь ужаснее этой судьбы, большего глумления над человеком? А я еще смею жаловаться на свою судьбу.

1 ноября. На днях в газетах было сообщение, что Жуков смещен с должности министра обороны, на его место Малиновский. Я подумала, что ввиду обострившегося политического положения он будет главнокомандующим.

А вчера Толя Лесков рассказывает, что партийцам читают какое-то официальное письмо: Жукова удаляют из ЦК, обвиняют в «культе личности» (без содрогания не могу слышать это мещанское выражение)[884]. Хрущев, пьяница и мужик, смеет поднять руку на человека, который спас Россию и Европу от Гитлера, спас правительство от Берии, спас Хрущева от его врагов. Полководец, каких у нас не было, — и на него замахнуться. Это все страх мелких людишек, как бы кто-то не «оседлал революцию». Когда Сталин ее оседлал и бодро на ней гарцевал 29 лет, то они-то все на брюхе лежали. Подлецы злополучные.

Я совершенно больна от этого. В такой острый момент сделаться посмешищем всего мира.

9 ноября.

А веселое слово — до́ма —
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький
Как отравленное вино.
Анна Ахматова. Поэма без героя.

Прочла поэму[885]: тончайшее кружево слов вновь потрясло меня. И так отвратителен окружающий меня быт.

Никуда не вырвешься, не уйдешь. В себя спрятаться трудно.

Человек — животное общественное. Но каждое животное имеет свое гнездо, свою нору, свою берлогу. У меня нет ни гнезда, ни норы, ни берлоги. Есть свой стол, и чувствую я себя в изгнании. И изгнания воздух горький...

А Наташины дети другой породы, увы.

Как часто я думаю о папе. Как ему, верно, тяжело жилось без нас, в полном одиночестве, с его тонкой, нежной душой. Мы были, как всякая молодежь, жестоки и эгоистичны. Как хочется поскорей увидаться с Сашей, у него папина душа. А если бы я не уехала, не училась в Петербурге и Париже, я бы и того малого, чего достигла, была бы лишена.

21 ноября. А ответа из Москвы все нет и нет. Меня утешают: если до сих пор я не получила отказа, значит, разрешат.

А вдруг не доживу?

Лида, Катина подруга, работница того же военного завода, очень умная и зубастая, пришла к Кате (т.е. в мою комнату) — говорит, пришла выкричаться — очень уж зажимают, обижают рабочих, снижают ставки. И рас-

сказала такой случай: родственник одной из работниц, немолодой рабочий, где-то разговорился и сказал: «Вот теперь Хрущ съел Жука». Его, раба Божьего, свели в участок, стали ругать за непристойные слова. А он ответил: «Объясните мне, пожалуйста, я человек темный и ничего не понимаю. Вот жил Сталин, все его хвалили, все мы его любили. Умер, и Хрущев его с грязью смешал, а теперь опять начинают похваливать. Про Жукова мы читали в газетах сводки всю войну, мы знали, что он спас Сталинград, что он взял Берлин, он одержал победу, его награждали, мы всему верили, мы его любили. Теперь Хрущев его смещает и с грязью смешивает. Я человек темный, объясните мне, в чем дело? Кому же верить?» Его отпустили с миром.

Переживать это невыносимо.

Я опять беспокоюсь за Васю-сына и за Васю-брата.

Я писала брату в середине августа ко дню его рождения 21 августа, и до сих пор нет ответа. Написала о своем беспокойстве Саше, на это не ответил. А Вася-сын до сих пор не отдыхает, делает еще одну постановку кроме «Оптимистической трагедии»[886]. Ухлопает себя.

25 ноября. Получила письмо от Евгении Павловны. Она прислала мне копию справки от военной коллегии Верховного суда СССР от 24 октября 1957 года № 4 н—04431/57:

Справка

Дело по обвинению Старчакова Александра Осиповича, работавшего до ареста (4 ноября 1936 г.) зав. Ленинградским отделением редакции газеты «Известия ЦИК СССР», пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 10 октября 1957 года. Приговор Военной коллегии от 19 мая 1937 г. в отношении Старчакова А.О. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело *за отсутствием состава преступления* прекращено. Старчаков А.О. реабилитирован посмертно.

Председательствующий Судебного состава Военной коллегии Верховного суда СССР

Полковник юстиции Костромин.

И Евгения Павловна добавляет: «Вот и все. Просто, ясно?

Но не стоит думать об этом тяжелом времени.

Ушла молодость, здоровье, ушла жизнь человека способного, талантливого. Но такова судьба».

Когда я прочла эту справку, такую чудовищно циничную, я вчуже заплакала. Нету сил. И ведь таких реабилитаций *миллионы*.

Недоразумение, извините.

А «Humanité»[887] пишет о терроре в Алжире! Тоже подхалимы. Своего мнения нет, l'argent de Moscou[888].

14 декабря. Тяжело на сердце. Ощущение, что Соня умерла для меня. Я ее потеряла совсем. Умерла. Она из другой породы — бессердечной, лживой и нечестной. И как происходят эти превращения? Была хорошим, нежным ребенком.

И вдруг чужой враждебный человек с другого полюса.

Надо это пережить, ведь ничего не сделаешь. И она не понимает, что губит свою судьбу, свое будущее, без меня она останется нищей, без образования. Страшно.

Умерла.

Надо забыть, забыть совсем.

Давно еще, когда жили в Детском, на вокзале около меня села женщина в ожидании поезда и сказала: «Вот, милая, и хочу умереть, да не умирается». Так и я. Хочу забыть, да не забывается.

15 декабря. Попалась в руки: 1. брошюра Николая Ивановича Савина «Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского у. Смоленской г.». С дружеской надписью моей матери. Савин очень дружил с Соколовым-Микитовым. Он расстрелян нашими во время войны. В Дорогобуже. 2. Есть две записные книжки А.О. Старчакова[889] — расстрелян в 1937 году. 3. Есть автограф Н.А., расстрелян в — ? 4. Автографы на книгах К.К. Кузьмина-Караваева (Тверского) — по-видимому, тоже расстрелян. Это страшно. И какие все люди-то. 5. Да, еще автограф Гумилева.

Упокой, Господи.

Non veder, non sentir, esser di sasso.

21 декабря. В квартиру Мар. Митр. вернулся к родителям юноша, Витя Яковлев, попавший в банду и сосланный на 15 лет; работавший на шахте и за хорошее поведение и работу отпущенный до срока. Мар. Митр. в его детстве много с ним занималась.

Он ей рассказал, что, когда Жуков был смещен, рабочие всех шахт Донбасса три дня бастовали. Выслали войска. Они сказали начальству: «Ваших войск нам не надо. Мы ничего не сделали плохого, но работать не будем. А если вы пустите в ход силу, вам же хуже будет».

Это замечательно. Не то что интеллигенция.

23 декабря. Вчера мне минуло 78 лет. Вот уж зажилась, так зажилась. Господь Бог дает мне силы, чтобы повидаться с братьями.

Мне не хотелось оставаться дома в чуждой мне атмосфере, и я позвонила накануне Елизавете Петровне Якуниной, что приду к ней днем. Она одна из всех знакомых знает, что это мой день рождения.

С утра поехала в Гавань к Елене Михайловне Тагер прочесть ей конец моей статьи о кукольном театре. С Еленой Михайловной всегда интересно, столько она пережила на своем веку и сохранила живую душу и живой ум. Езды туда на автобусах и троллейбусах около часу.

Потом купила вина, сладостей и отвела душу у Елизаветы Петровны. Она, бедная, из-за своего полиартрита почти не выходит на улицу. Но друзья и знакомые ее не забывают.

1958

12 января. В конце декабря меня вызвали в ОВИР[890] и сообщили, что мне отказано в разрешении ехать за границу. Четыре месяца думали. Почему, за что? Им здесь неизвестно. Решает Москва.

Меня словно в прорубь сбросили и воды надо мной сомкнулись. Солнце померкло, свет погас.

Долго я не могла прийти в себя. Пошла советоваться с Никитой Толстым. У него был товарищ, у которого знакомая хлопотала о поездке. Ей дважды отказывали, и все-таки она добилась своего.

Пошла в ОВИР посоветоваться, куда обращаться? — Или к министру внутренних дел, или иностранных дел, или к Председателю Президиума Верховного Совета!

Это чтобы съездить месяца на два, на три в Швейцарию, обращаться чуть ли не к президенту республики! Вот что значит железный занавес, страшно выпустить древнюю старуху повидаться с двумя стариками.

Два дня сочиняла письмо Ворошилову, вчера отослала.

Советуют написать еще Фурцевой, которая, по слухам, dans les bonnes grâces[891] Хрущева.

Буду всем писать, лишь бы повидаться.

И вдруг сюрприз к Новому году. Закончив статью о кукольном театре, направилась в собес (социальное обеспечение) выяснить дело с пенсией.

За этот год, благодаря «Венецианским близнецам», у меня выходит по 1000 рублей в месяц, и я надеялась, что могу получить около 600 рублей пенсии в месяц. Оказалось, не тут-то было. Стаж у меня есть, но заработок по договорам, «гонорар», не считается. Если бы я была членом Союза писателей, то «гонорар» считался бы заработком, а так как я не член Союза, то мне могут дать только 300 рублей по старости.

Можно ли выдумать больший Nonsens!

Поехала на другой день в горсобес к юристу. Да, таков закон. Но, ознакомившись с моей кукольной деятельностью, он сказал, что я должна хлопотать о персональной пенсии. Об этом мне накануне говорила Е.М. Шереметьева и советовала написать в ВТО Элеоноре Густавовне Шпет, которая меня знает, пусть обо мне возбудит ходатайство Всероссийское театральное

общество. Написала. Что выйдет, не знаю. Когда-то, очень давно, когда я училась еще у Кардовского, я нанимала комнату на Васильевском острове в том же дворе, где жила Надежда Александровна Белозерская, у одной милой немки. У нее был больной сын. Она всегда говорила: «O! so viel klopot»[892].

Вот и у меня so viel klopot! Zu viel[893] для одной престарелой женщины.

И еще. Соня поступила работницей на военный завод, где работает Катя. Завтра в первый раз пойдет на работу. Вставать в 6 часов, на месте быть в 7½ утра. При ее пороке сердца. Я молчу. Пусть попробует. Пусть поймет, что значит не учиться. Каково все это пережить!

И все это сюрпризы к этому году, 58-му.

Новый год я встречала у А.В. Бондарчука; обычно я никуда в этот вечер не ухожу, но дома, у Наташи совместно с Марой, готовился великий шабаш и пьянство.

До боли жалко Петю. Прежде Наташа драпировалась в любящую мать по отношению к Пете. Теперь для нее никого, кроме наглого Карандашова, не существует.

Стояли после Нового года настоящие рождественские морозы. У Пети меховая ушанка. Мать отобрала и отдала аманту[894], а когда Петя запротестовал, она сказала: «Кому хочу, тому и даю». И наглый парень носит Петину шапку. У Сони такая же ушанка.

Петя приходит утром к нам. На нем лица нет. Просит у Сони шапку и рассказывает, что случилось: «А я ей сказал: ну и пошла к черту, можешь от меня так же отказаться, как от Сони». С тех пор с матерью не разговаривает.

Нравы не поддаются описанию. Детей жаль безгранично. Ввел Вася такое отребье в семью, и вот результаты.

А я — в чужом пиру похмелье.

13 января. Проснулась в три утра. Маленькие дети спать не дают, а с большими сам не уснешь. Вспомнила поговорку: «как в воду опущенный», очевидно, имелось в виду мое теперешнее состояние.

26 января. Жажда творчества — вот лозунг или настроение первых лет революции в театре. Других творческих кругов я не знала тогда.

Кто из писателей жил тогда в Петербурге? А. Толстой в 18-м году уехал в Париж, Федин из плена попал в Москву[895], Шишков был в Сибири, Ремизова встречала несколько раз в Отделе театров и зрелищ, скоро за границу уехал. Горький уехал в 21-м году, что он тогда писал, не помню. Уехал, ругая последними словами большевиков. Тогда же уехал Шаляпин, в 21-м году

расстреляли Гумилева, вел. кн. Николая Михайловича, Блок умер. Уехал Зилоти, Кусевицкий, Купер, Глазунов, С. Рахманинов (25-й год). Балерины: Егорова, Преображенская, Павлова уже раньше остались за границей. Спесивцева в 25-м году, Судейкин, Шервашидзе с Бутковской. Остались люди, у которых еще не было имен, им нечего было искать за границей. И мы все ходили по острию ножа.

Была жажда творчества и желание *выплыть*. Не поддаться буре, сметающей с палубы и правого и виноватого, потребность устоять на ногах.

Рождественский, Тихонов были еще очень юны. Кузмин жил по-прежнему с Юркуном и его матерью. Георгий Иванов, В. Ходасевич уехали за границу. А. Ахматова была здесь — что она писала?[896]

1 февраля. Вчера была в Малом оперном, смотрела «Летающего голландца»[897]. И я с болью почувствовала, что мои нервы или сердце кровоточит. Малейшее прикосновение к ним болезненно, невыносимо.

Изо дня в день Соня сдирает с моего сердца клочок кожи. Она не может говорить правду, органически не может.

12 февраля. Была в поликлинике. У меня был № 22, ждали в очереди к тому же доктору с 60-м номером. Может ли молодая докторша (или старая, все равно) что-нибудь понимать, принимая шестидесятого больного?

У меня давление 180—90, РОЭ 15, гемоглобин 70.

6 апреля. Вчера вечером ко мне заходила Анна Яковлевна Труйчинская, дружбу которой я получила в наследство от Веры Ананьевны Славенсон. Она мне много рассказала о Зинаиде Николаевне Райх, и я рада, что передо мной встал теперь совсем другой образ этой женщины. Анна Яковлевна познакомилась с ней еще до революции, когда З.Н. была совсем молоденькой курсисткой, дружила с двумя женщинами, которые были старше ее. И позже, когда она была замужем за Мейерхольдом и приезжала с театром на гастроли, она всегда бывала у них, привозила им билеты на спектакли, так же как и Анне Яковлевне.

У З.Н. была живая душа, стремящаяся к знаниям, ко всему интересному, талантливому. Она переписывалась с Анной Яковлевной. Выйдя замуж за Есенина, она приглашала А.Я., и та, приехав в Москву, была у них. Есенин поразил ее своей красотой. Он не был красавцем в общепринятом смысле этого слова. У него была особая, очень русская, волжская красота. И еще, что было в нем удивительного, это его культура. Учился ведь он очень мало, но у него не было ни деревенской сырости, ни серости. Жили они бедно.

Расставшись с ним, с двумя детьми на руках, З.Н. очень бедствовала, жила в большой нужде. Тут она поступила секретаршей к Мейерхольду. Он влюбился в нее.

Когда она с Мейерхольдом ездила за границу, то не побоялась разыскать своих старых друзей. Она была немка из поволжских губерний, а отнюдь не еврейка, как я предполагала.

Пишу лежа, с прострелом, оттого и каракули.

Du reste c'est un supplice de conserver intact son être intellectuel, emprisonné dans une envelope matérielle usée. (Chateaubriand. Mémoires d'outre-tombe).

Par quel miracle homme consent-il à faire ce qu'il fait sur cette terre, lui qui doit mourir? (Там же).

Ils prétendaient n'avoir pas besoin de Dieu, c'est pourquoi ils avaient besoin d'un tyran![898] (Там же).

Последнее для нас. Им нужен был тиран! И еще какой! Всем тиранам тиран. А дальше уж по инерции...

7 мая. Ровно два месяца тому назад я поехала в Москву и пробыла там весь март. Ехала я, чтобы хлопотать о пенсии, о поездке за границу, остановилась, как всегда, в Мертвом переулке, т.к. Надя, племянница, вышла на пенсию и мое компрометантное знакомство ей больше не опасно.

И первое, что я узнала, что меня потрясло, — весть о том, что моя любимая Надя, Надя Верховская, сошла с ума, находится в больнице Кащенко[899]. Как это могло случиться, у нее была такая светлая голова.

С осени 57-го года она мне писала, что стала глохнуть и ее мучают голоса, которые она постоянно слышит. С юмором писала: «Я, как новая Jeanne d'Arc, слышу голоса». В феврале случился сильный припадок, она выбежала без пальто на улицу, в другой раз ее нашли на площадке. Она лежала, свесив голову в пролет лестницы в пятом этаже, пришлось поместить в больницу, т.к. одну дома у ее невестки Кати оставлять было нельзя. Днем все на работе. И вчера я получила письмо от Кати Викентьевой, что 29 апреля Надя умерла от воспаления лимфатических желез. Была высокая температура, Надя последние два дня была без сознания.

Надя воплощала для меня нашу юность, чистую, радостную, веселую юность.

Наши родители были знакомы очень давно, кажется, папа познакомился с Верховским, когда был еще мировым посредником первого призыва. Мы же, дети, познакомились, когда вся семья Верховских приехала в Вильно, где служил тогда папа, на несколько дней. Алексей Михайлович Верховский был

крупный путейский инженер, жили они в Минске и приехали в своем вагоне, где и ночевали. Было нам с Надей лет по 11—12. Братья ее за обедом нас всячески дразнили — в особенности старший, красавец Борис, студент-путеец: «Как у Нади на носу черти ели колбасу», — и Надя в рев. «Люба выскочила, глаза выпучила». Это относилось к моим большим глазам. Я не плакала, но пряталась от них под стол. После их отъезда мама очень осуждала эту манеру за обедом друг над другом издеваться, что не представляло никакого интереса для посторонних. Так из нашего знакомства с Надей ничего и не вышло.

Я поступила 12 лет, после Нового года, в Екатерининский институт. Через несколько лет, когда нам было лет по 15, Ольга Петровна приехала с Надей в Ларино, и тут-то и началась наша дружба.

Приезжала Надя 4 года подряд. Она уже тогда прекрасно играла на рояле, у нее было чудесное меццо-сопрано; мы много катались верхом, купались в Днепре. Очень любили вымазываться днепровским серым илом, сохли на солнце, затем кидались в воду, смывали ил, кожа становилась гладкой и бархатистой.

Ларино находилось на левом берегу Днепра, низком. Днепр здесь делал излучину, поворот на этом месте, и образовался большой песчаный пляж. Купались мы часами, лежали на горячем песке, отдыхали. Надя хорошо знала английский, увлекалась Байроном и целые дни могла, не отрываясь, читать его письма. У мамы было много английских книг, Шекспир, Байрон и романы Дизраели, и даже издание Findens illustrations to the life and work of lord Byron[900].

Кроме Дизраели, который, вероятно, остался в Ларине, все эти книги у меня сохранились.

Для нас с Надей не существовало кавалеров, не было ни малейших намеков о них, в теперешних юных девушках я не вижу ничего, что бы хоть слегка напоминало наши интересы, страсть к литературе, поэзии, музыке, а было нам 16, 17, 18 лет. В конце августа, на улице темно, мы не зажигаем лампы в гостиной, свет идет из столовой. Надя садится за рояль и играет; память у нее большая, играет она долго. Я забираюсь с ногами на диван и слушаю, наслаждаюсь. Иногда Надя поет, у нее чудесное меццо-сопрано, большой голос. И ничего она из него не сделала из-за сильнейшей застенчивости. Она не смогла выступать. А ее младшая сестра Тамара кончила консерваторию, пела в провинциальной опере, а голос ее и сравнивать нельзя было с Надиным.

Надин отец, Алексей Михайлович, ей говорил: «Ты, Надя, раб ленивый и лукавый[901], зарыла свои таланты в землю».

2 июня. Вчера мне пришлось съездить к Рахлину в магазин, и он мне рассказал любопытную историю, о которой я когда-то смутно слышала от А.П. Второвой, знавшей об этом от своего beau-frèr'a[902] Мусина-Пушкина, товарища А.Н. по школе в Сызрани. До войны еще Рахлин купил у какой-то адвокатши, распродававшей книги, судебное дело об иске дяди Алексея Николаевича Толстого после смерти отца А.Н. Этот дядя доказывал, что А.Н. был сыном мельника, а не графа Толстого, и под этим предлогом хотел лишить А.Н. графства и имения, которое он получил по наследству от отца. Интересы А.Н., которому тогда было 14 лет, отстаивал его опекун. В первой инстанции иск был признан правильным, после чего дело пересматривалось еще дважды (кажется, дошло до Сената) и было решено в пользу Алексея Николаевича, он был признан законным сыном своего отца.

Дело было толстое, с опросами свидетелей, медицинскими заключениями. Допрашивали мельника, кучера. Кучер говорил, что да, он завозил барыню на мельницу и видел будто бы, как они целовались. Мельник же на все вопросы отвечал умно и уклончиво: «Ну как же не поцеловать ручку у такой хорошей барыни, такой гарной, такой доброй...»

Истец доказывал, что граф Н. Толстой не мог иметь детей, был импотентом. Но известный доктор, лечивший его, отрицал это.

Брали кровь у матери, у мельника, у родственников Толстых, и все анализы плюс утверждение врача удостоверили, что Алексей Николаевич был сыном графа Толстого и имел полное право на наследство.

Знали об этом архиве Рахлин и Шилов, книжный эксперт. Ан. Макс. сообщил об этом Алексею Николаевичу. Тот попросил хранить это дело в тайне до его смерти, «а там биографы разберутся».

Рахлин сдал архив в Публичную библиотеку[903], а после смерти А.Н. рассказал об этом Людмиле. Людмила выхлопотала, чтобы все это дело передали ей. Какова дальнейшая судьба этих документов, неизвестно[904].

В 49-м году Рахлин был арестован, пытан и сослан в Воркуту. Когда после смерти Сталина он был освобожден и реабилитирован, писатели, такие как Федин, очень тепло его встретили, и он решил позвонить Людмиле. «Кто говорит? Рахлин? Такого не помню».

Так же трусливо его избегал М.Л. Слонимский, не узнавал, отговаривался. Но чего я никак не ожидала, это действенно дружеское отношение к нему после ссылки Елены Александровны Янсон-Манизер. Он ей позвонил.

«Приходите сейчас же». — «Не могу, я в ситцевых штанах». — «Я за вами пошлю машину». Елена Александровна предложила ему денег. Он отказался, а уехав от нее, нашел у себя в кармане 1000 рублей. И позже несколько раз она снабжала его деньгами, так как он вернулся из ссылки нищим и раздетым.

24 сентября. Как я редко пишу теперь свой дневник. Старость. Не хватает сил на все заботы, на жизненную толчею, «жизни мышью беготню». Как это гениально сказано, и какое гениальное стихотворение.

Парки бабье лепетанье!..
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?[905]

Он искал смысл в шорохе спящей ночи! Бедный Пушкин.

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет[906].

Бесконечное количество огорчений.

1959

23 апреля. Историю фиговым листом не занавесишь. Жуков. В феврале, 23-го, в день Красной армии о нем ни слова. Это возможно только в рабской стране, в стране с кляпом во рту.

Сталин так раз и навсегда испугал интеллигенцию бесчеловечным террором, что поколение, пережившее этот террор, никогда не распрямит свою спину. До самой смерти.

Будущие поколения, я уверена, будут смелее.

Не побоялись же рабочие Донбасса бастовать три дня в виде протеста против гонения на Жукова.

17 мая. Просыпаясь, я почему-то вспоминаю модную в Париже песенку в <1>906, <190>7 годах, когда я там училась.

Припев был такой:

Je l'aimais ma petite bourgeoise
Ma Ton-ki-ki, ma tonki ki, ma tonkinoise...

А начинается так:

Que je finisse
Mon service
Au Tonkin je dois aller,
Ah, quel beau pays, mes dames
C'est l'pays des jolies femmes...[907]

Как это все невероятно далеко — за тридевять земель.

И еще: чтобы заучить китайские города, была присказка:

Пéкин, Нанкин и Кантон
Сели вместе в фаэтон
И поехали в Шанхай
Покупать (или распивать) китайский чай.

Вся планета вздыбилась за XX кровавый век. И наиболее кровавым он был у нас с 1917 по 1953-й; 36 лет кровавого кошмара. Теперь многие гово-

рят: почему Шаляпин не вернулся, ему так хотелось на родину. На родину — да. Но не в кровавый котел. Когда думаешь о том времени, темно в глазах становится.

Вчера Елена Михайловна Тагер рассказывала. В 38-м году она сидела в доме предварительного заключения на Воиновой. Окна выходили во двор. Под прямым углом примыкало здание, где велись следствия, допросы. Летом в камерах сняли рамы, оставались решетки. Стали доноситься крики, звуки ударов.

Однажды Е.М. услыхала сильный шум, возню, удары, крик — к окну, тоже открытому, подбежал человек, схватился за решетку и закричал: «Товарищи, я Позерн!» Каким голосом он должен был кричать! Он был расстрелян. Его жена, милая Лариса Генриховна, сын были сосланы. Она сошла с ума и умерла.

Какие силы, какие нервы, какой дух надо иметь, чтобы перенести, пережить все это. И немудрено, что все, что было крупного, бежало со своей родины, как от чумы. Как мог бы сочинять Рахманинов, слыша, что тот сослан, расстрелян. Подлинное творчество Шостаковича все проникнуто этим ужасом, преломленным через внутренний скепсис, что дало «Нос», «Леди Макбет». Глубоко трагический гротеск. А гениальные «Еврейские песни». Когда он пишет по заказу, то получается не Шостакович. «Леса», например.

Если бы не поставленный во главу угла террор, если бы страна, выгнавшая всех своих врагов в 18, 19, 20-м годах не шла дальше по пояс в крови, она бы ушла далеко вперед в своем материальном благосостоянии, да и во всех отношениях.

А что же уничтожило у нас индивидуальность, самостоятельность у трудовой интеллигенции, писателей? Стыдно читать отчеты об их речах на съезде, в деле Пастернака и других не избыток воспитанности, конечно, а страх, животный страх за свою шкуру, за свой заработок. Страх, внедренный эпохой Сталина, бесчеловечной жестокостью того периода. Он вошел в плоть и кровь этих несчастных боязливых людей, и теперь на 3-м писательском съезде[908] они все, как один, повторяют прописные истины, не желая догадаться, что, если бы они заговорили по-человечески, с ними бы ничего не случилось. Сталина-то уже не было. Страх въелся в кожу, проник во все поры.

29 мая. Я приготовляюсь к смерти. И сделала то, что давно собиралась сделать. Я сожгла сохраняемые мной Аленушкины вещицы, летний вязаный беретик, который к ней очень шел, белые чулки, купальный костюмчик в

полоску, белый с красным, в котором она снята в Voux-sur-Mer, платье ее куклы, с которой она приехала из Парижа.

Сожгла, легла, с головой, и горько плакала. И вспоминала Аленушку в разные времена ее короткой жизни. Как больно, больно.

После ее смерти я послала многие ее вещи, осеннее пальтишко Поле для ее сына Васи, младшего из детей. Серенькую шубку Н.И. Римской-Корсаковой для маленького Димы. Все раздала. А что осталось — сожгла сейчас, чтобы не выбросили после меня в помойное ведро.

Бедная, бедная Олимпиада Дмитриевна Доброклонская, потерявшая обоих сыновей в этой войне. Каково-то было ей жить. Ведь эти раны не заживают.

11 июля. Первый раз за весь год я пришла в Таврический сад.

Я чувствую себя так, как чувствовала себя в 1912 году, приехав в Рим после того, как месяца четыре подряд глотала веронал[909]. Полная пустота в голове, словно пустая коробка из папье-маше. Отчего это, почему? Мне кажется, от отсутствия одиночества. Мучительно жить втроем. Мучительны разговоры, лишенные для меня всякого смысла, когда хочешь сосредоточиться.

Когда-то в Риме, заметив в себе такое выкорчеванное состояние, вместо того чтобы осматривать город, я стала уходить к памятнику Гарибальди (кажется, на Яникуле[910]) и сидела у его цоколя на солнце, и, по мере того как солнце двигалось вокруг Гарибальди, подвигалась и я за солнцем. Через неделю такого лечения и созерцания Рима с горы, почти с птичьего полета, вернулась память и яркость восприятия. Надо и теперь провести такой курс лечения. Соня уедет 14 июля в Псков, и я стану уходить каждое утро в Таврический и сидеть там, пока голова не начнет работать, не появятся мысли. Буду возвращаться домой, когда Катя уходит на работу.

Надо вылечиться, овладеть своим мозгом.

Как хороша эта чудесная зелень, так разросся, размохнатился Таврический сад. Авось мозг отдохнет от неблагообразия жизни.

29 июля. Ничего из моих лечебных планов не вышло. 20-го приехали Денисьевы. Я очень люблю Любочку, хорошего, любящего человечка.

На днях я встретила Ольгу Ивановну Акимову, жену доктора Владимира Васильевича.

В их квартире две девушки, сестры, попали в психиатрическую больницу Скворцова-Степанова[911], бывшую Удельную. Сначала младшую, потом старшую с работы увезли. Девушки совершенно одинокие, и Ольга Иванов-

на их навещает. Врач ей рассказал, что среди больных очень много молодежи, студентов. Сходят с ума от переутомления, от сорвавшихся экзаменов, перенапряжения в учении и от несчастной любви.

Когда в прошлом году я навещала в Москве Надю Викентьеву в больнице Кащенко, мне показывали отдельный корпус, заполненный студентами, не выдержавшими жизненных, житейских шоков. Бедная русская молодежь, всю войну вынесла она на своих плечах, поднимала целину, проделывают над ее образованием всякие эксперименты, думая, по-видимому, что молодежь сделана из войлока, как ни хлопни, все сойдет. И ведь ни один голос не подымется, не станет протестовать. Писатели! Трусость.

1 августа. Сейчас позвонила Ирина Вольберг, сводная сестра Мары и Гали. (Я ее определенно не люблю.)

Рассказала, что здоровье Евгении Павловны очень плохо. Она сейчас на даче в Эстонии, около Йыхви, где живет Ирина. У нее уже несколько метастазов рака. Огромная операция была 5 лет тому назад. Доктора говорят, что положение настолько безнадежно, что лечить и мучить какими-нибудь операциями не надо, а по возможности облегчать ее жизнь. Бедная женщина. Первый муж, Вольберг, погиб при крушении поезда. Она его очень любила. Старчакова расстреляли. Восемь лет каторги. Но теперь все три дочери ухаживают за ней, внучата с ней. Хоть сейчас она неодинока.

Мое положение меня угнетает очень. Начало катаракты на обоих глазах. Пенсия 400 рублей. Помощи ждать неоткуда, вернее, не от кого. Буду хлопотать об увеличении пенсии, но это очень гадательно. Надо бы добиться большой работы, но тогда я за несколько месяцев ослепну, и что делать?

У меня копейки нет на собственные похороны. И Соня. Что с ней будет после моей смерти? Стипендия 200 рублей. Кто ей поможет? Вася еще во много раз скупее своего отца.

Боже мой, и неужели я так и не попаду за границу?

Господи, Господи, помоги.

1960

17 июля. И Господь помог[912].

3 августа. Я пишу Саше: «Чем дальше, тем ярче я чувствую, какое это было для меня большое счастье побыть в Женеве, пожить со всеми вами; как будто на какое-то мгновение очутиться в ларинской столовой, почувствовать ее аромат, настроение. Ведь в Женеве собралась вся наша семья. Вся семья и даже Федя, присоединяющий Лелю».

Углубляться в свои воспоминания в письме, которое заведомо будет перлюстрировано, невозможно, а между тем, как ясно я вижу эту столовую. Уже вечереет, Леля приехала из Станицы, шум, гам ребятишек, Феде, старшему, лет 8. Папа со своей мягкой улыбкой наклоняется к детворе.

На камине стоит букет в темно-красной граненого стекла вазочке с золотым узором. (Она теперь у Нади.)

Саша не любит, вернее, боится воспоминаний. Когда второе поколение, младший Вася, Таня Лишина, Павел Михайлович Толстой, проектировали свои поездки в СССР, в Ленинград, «я в Ленинград не поеду, я там расплачусь», — сказал Саша.

Старшее поколение — Вася, Саша, которым пришлось уехать, кровно связаны со своей родиной, они за нее воевали (Вася тяжело ранен под Цусимой, у Саши два Георгия за 14, 15 и 16-й годы), они в ней выросли, вросли корнями. А их дети могут относиться к ней с большим интересом, даже с огромным, как Павел Толстой, но как туристы.

Вначале я не понимала причины, как мне казалось, равнодушия к России, ко всему тому, что я пережила за это время. Саша не разрешал меня расспрашивать о блокаде, войне, ему казалось, что это меня расстроит. В этом отношении я его успокоила: я же не стала бы говорить о том, до чего больно дотронуться.

Он же всегда был чрезмерно, болезненно sensitif[913] и очень замкнут. Помню, он был еще в Правоведении, мы были с Лелей в их ложе Мариинского театра и слушали Шаляпина в «Борисе Годунове»[914]. Саша дрожал, как в сильнейшей лихорадке. Он слышал его в первый раз. Надо сознаться, — когда я услыхала Шаляпина в первый раз в «Князе Игоре»[915], мне было лет

18—19, он пел Владимира Галицкого[916], я держалась за кресло, на котором сидела, боясь упасть! Вася спокойнее, уравновешеннее.

Нас боятся на Западе и не любят. Не верят нашему миролюбию. Мне не хотели верить, что со смертью Сталина прекратился террор, что его больше нет. Милейшая М. Филип. пыталась меня распропагандировать, давала книжки, изданные «Возрождением»[917], но я ей ответила: «Поверьте, все отрицательное, что было и что есть, мне известно, конечно, лучше, чем вам. Нас в последнее царствование при Николае II били два раза, позорно разбили японцы. А вот уже сорок два года, как мы отбились от всех, кто надеялся взять Россию голыми руками, и стали сильнее, чем когда-либо».

«К чему это великодержавие, — ответила она. — Ну били, но зато как спокойно было жить».

А между тем эта М.Ф. замечательная женщина. Она эмигрировала в первые годы революции после того, как ее муж умер от сыпняка. Уехала с годовалой дочкой в Болгарию. «Я стала сразу же давать уроки языков, и мы жили прекрасно». Таня подросла. Переехали в Париж и опять зажили прекрасно, благодаря знанию языков. Дочь кончила школу и Сорбонну, знает французский, английский, немецкий и итальянский и *русский*, это главное, и это заслуга матери. Многие дети русских эмигрантов говорить еще кое-как говорят, но с акцентом, а уж писать не могут. Саша, вернее, его жена, нелепая во всех отношениях Наталья Дмитриевна, отдала Марину в какой-то аристократический английский пансион, где она училась охотиться на лисиц и говорить на самом лучшем лондонском диалекте. По-русски говорит она еле-еле, а уж пишет — пишет, как произносит. Например, «лутша» (лучше), и часто не понимает смысла тех слов, что говорит. Мне ее очень, очень жаль. Наталья Дмитриевна отравила Саше жизнь и искалечила бедную милую Марину. Вася хорошо воспитал своего сына, он знает языки, и главное — русский, и считается одним из самых лучших устных переводчиков в ООН.

Он, племянник, отнесся ко мне так, как, судя по старым романам, относились племянники к старым, очень богатым теткам, от которых ждали наследства.

Сашины знакомые, по-видимому, очень любящие его, встречали меня как близкую родственницу; эти два с половиной месяца я была окружена такой любовью и лаской, каких не ощущала много, много не только лет, но и десятилетий. Вася приехал с Лидией Ивановной из Парижа и прожил в Женеве два месяца, мы видались каждый день. Лидия Ивановна, конечно, очень скучная женщина и до сих пор ревнива по привычке. Она не может

допустить, чтобы Вася с кем-нибудь, даже с родным братом, увлекся интересным разговором. Сейчас же раздается скучающий голос: «Василий Васильевич, нам пора домой, у меня разболелась голова...»

Прожили вместе 50 лет! Но, когда Вася заболел, у него был припадок, очень похожий на сердечный, у Лидии Ивановны все лицо покрылось красными пятнами, она сидела около него и целовала ему руки.

Я думаю, что она пошла бы за ним на эшафот.

С ними приехал и Федя Дейша. Он меньше всех постарел; красивый, с белоснежными, волнистыми, густыми волосами. Сквозь его шестидесятипятилетний облик видишь его молодым, с пепельными волосами, голубыми глазами. Он бодр, строен. Братья больше изменились. В особенности Саша. Много значит, что у Феди не было детей.

7 сентября. Какое это огромное счастье, даже чудо, — моя поездка в Женеву.

Я вновь познакомилась с братьями, с их миром, разыскала своих ближайших подруг детства, с которыми училась еще в Екатерининском институте, Олей Капустянской (Плазовской) и Олей Свечиной (Чухниной). Переписывалась с ними там все время, на Западе не приходится ждать ответа по месяцу и больше.

И эти два месяца с половиной, проведенные там, как свежий сон, без забот, без огорчений.

1961

13 января. Вася звонил сейчас по телефону из Новосибирска и плакал. Какое же горе, беспредельное, безграничное должно быть, чтобы заставить мужчину зарыдать.

Он почувствовал себя плохо, с сердцем было нехорошо, вызвали доктора. А потом Люба расплакалась и говорит: «Папа, сделай завещание, непременно сделай завещание». — «Зачем, Любета?» — «Если ты умрешь, чтобы меня отдали в детский дом, к ним я не пойду».

Как не заплакать?

Кто мог ждать, кто мог заподозрить, что Соня может бросить Васю, дочь и уйти к академику Христиановичу, у которого была референтом.

Никита Толстой называл Соню Васиным ангелом-хранителем, и такая измена, такой обман. Как это возможно?

Соне 34 или 35 лет, ему под 60, у него две семьи, у последней жены дочь. Как можно бросить такую чудесную девочку, как Люба?

Вася мне позвонил в начале декабря и рассказал об этом романе. Я не хотела верить, не могла поверить, настолько это чудовищно. Мне казалось, что, быть может, тут недоразумение, клевета, что все выяснится, Вася ее так любил.

Я совершенно больна этим его горем. Я так была спокойна за его будущее, за их подлинное семейное счастье. И бедная девочка.

29 апреля. Вася прислал мне денег на дорогу, просил, чтобы я приехала. Весь декабрь он звонил мне.

14 мая. Судят Эйхмана в Иерусалиме. Свидетели один за другим рассказывают такие ужасы нечеловеческие, чудовищные.

XIX столетие от них отвыкло, для нас, людей доатомной эпохи, все это неправдоподобно. Да, неправдоподобно. Как страшный сон. А когда же будут судить Сталина, когда же громко, подробно изложат его кровавые дела? Этот зверь почище Эйхмана по количеству убитых, пытаных, загубленных людей. По количеству пролитой крови, по тому вреду, который он принес России.

Хрущев пытался его разоблачить, выкинуть из Мавзолея[918], Мао-Цзедун вступился.

Этот суд *должен* состояться. В веках должно стать известно, какой кровожадный, подлый и трусливый изверг царствовал в России 29 лет и глумился над народом, истребил деревню, истреблял интеллигенцию. И страна благодаря этому голодает до сих пор. Все лучшие силы на русской земле были уничтожены, загублены. А убийства?

Я не могу вспоминать о Сталине. Передо мной вырастает из земли какоето странное чудовище, вроде Вия[919], не похожее на человека.

И как страна это вытерпела, осилила такую небывалую войну и растет и строится.

Не страна, а народ.

31 мая. Была сейчас с Марией Константиновной в Театральном музее для прослушивания пластинок Шаляпина.

Кроме сцены безумного Мельника с Князем на берегу Днепра[920], все пластинки плохие. Мельник великолепен. Девушка, сотрудник музея, рассказала вкратце биографию Шаляпина, а закончила тем, что всегда говорится: бедный Шаляпин был опутан контрактами, белогвардейцами и не смог приехать на родину, куда так стремился.

27-го смотрела спектакль «Рождены в Ленинграде» Ольги Берггольц[921]. На мой вопрос, какова пьеса, Ольшвангер ответил: честная пьеса. И правда, честная пьеса, хорошая. Ленинград, блокада, люди, молодежь, вынесшая на себе всю войну, голодная и бесстрашная. Ни о какой роли «партии» и помину нет. Девушки, юноши по собственному человеческому почину работали, помогали гибнущему люду, сами гибли. А у меня на душе уныло. Старость мешает. Смешно. Но до этой зимы я держалась. А надо бы еще продержаться какое-то время, чтобы привести в порядок дневники. Нету никакого писательского дарования. И очень уж убога морально дарованная мне Васей семья. Князевская деморализация.

В 1908 году Дягилев привез в Париж «Бориса Годунова» с Шаляпиным. Мы с Анной Михайловной Жеребцовой были на этом спектакле, я в первый раз видела «Бориса».

В «Revue des deux mondes»[922] появилась статья самого известного в то время музыкального критика: «Il est venu, le grand Scythe!»[923] Спектакль был обставлен со всем возможным дягилевским великолепием. Говорили, что часть костюмов дала из своего музея княгиня Тенишева.

Чудесный юродивый — Чупрынников. Его тоже очень хвалили.

И после этого слушать скверные пластинки грешно.

13 июня. 3 июня, по-старому 21 мая, Еленин день, поехала в Детское Село (не могу безграмотно называть его Пушкин!) на кладбище посадить цветы на могилы мамы и Алены.

На кладбище у меня была приятельница-сторожиха, которая изливала мне свои горести. Прошлой осенью я ее не застала, и теперь дверь была закрыта деревянной щеколдой.

Мне нужна была лопата. Пошла искать кого-нибудь и встретила двух мужчин, один из которых оказался комендантом кладбища. «Живет здесь Елена Ивановна?» — «Живет-то живет, да не до того ей сейчас. О муже все хлопочет». — «А где он?» — «В тюрьме». — «За что?» — «За убийство». — «За убийство? Такой старый — за убийство?»

Да. У него нашли два паспорта. По одному ему 52 года, по другому 62. И открылось еще, что при немцах он полицаем был. Ловко сумел скрыть это, замести следы.

Вот так Алексей Антонович! Я видела его лет 5 или 6 тому назад, и мне и тогда показалось, что ему далеко за 60.

Убил свою любовницу. Пришел к ней на работу, вызвал. Какой у них был разговор, никто не слыхал. Она повернулась, чтобы уйти, он ударил ее чем-то тяжелым по голове.

Он сошелся или записался с Леной после эвакуации. Поступил в сторожа на Казанское кладбище. Оборудовал под жилье бывшую часовню. Лет 7, может быть 8, тому назад жену бросил и перешел жить в соседнюю деревню к молодой еще женщине, вдове.

Лена страдала, плакала и говорила мне: «Я тянулась перед ним, как полотняная нитка, топилась, как восковая свеча».

В прошлом году баба прогнала Антонова после того, как он помог ей поставить новую избу, наладил хозяйство...

2 июля. «Le petit prince» de Saint-Exupéry: «Adieu, dit le renard, voici mon secret. Il est très simple. On ne voit bien qu'avec le Coeur. L'essentiel est invisible pour les yeux. Les hommes ont oublie cette verité».

Tu deviens responsable pour toujours de ceux que tu as apprivoisés[924].

Да. Но быть responsable pour toujours за лживые существа — это сизифов труд.

Руки опускаются. И так тяжело.

4 августа. 2-го приехал, вернее прилетел, «маленький» Вася — Васин обаятельный сын. 1-го рано утром он вылетел из Дели. Днем того же дня был в Москве. Пробыл сутки и 2-го в 6 часов вечера был уже у меня. Фантасмагория.

7 августа. Новый полет Титова. 17 оборотов вокруг Земли. Все утро я провела в беспокойстве. Умнее всех сказал Неру в своем поздравлении: «Этот прогресс... учит нас, что война на нашей планете — это безумие».

8 сентября. Справляли у Мити Толстого именины Натальи Васильевны. Попросили ее почитать свои стихи.

Она совсем ослепла. Тонкое, красивое лицо; подняла тонкую руку. Незрячими глазами смотрела вверх, читала прекрасные стихи.

Неожиданно вспомнила слепого Гомера. Н.В. очень талантлива.

Немного позже зашел разговор о страхе. Кто и когда испытал страх. Рассказал Виктор Андроникович Мануйлов.

Отгоняли немцев от Ленинграда, Детского Села. Тотчас же, на другой же день в Детское выехала комиссия для осмотра разрушений. Мануйлов входил в эту комиссию. Обошел Екатерининский дворец. Крыши, потолки разрушены. В одном полуразрушенном углу обнаружил четыре бомбы. Они тикали. Что делать?

Подъехал грузовик. Сошли офицер, полупьяный, и несколько солдат. Приехали из Павловска за горючим. За Павловском шли бои. Показали офицеру бомбы. Он подошел, покачиваясь. «Сейчас я их разряжу. Только пусть кто-нибудь ее держит». Все в ужасе. Подошел Мануйлов, взялся держать бомбу. Держал и весь дрожал мелкой дрожью. Страх. «Чего вы волнуетесь, — заметил офицер. — Волноваться нечего. Если она взорвется, через секунду не будет ни вас, ни нас, ни дворца. Вы не успеете этого заметить». И он, пошатываясь, обезвредил все четыре бомбы. «А я дрожал и дрожал. Офицер вскочил в грузовик, и они уехали, мы не успели ему сказать спасибо, спросить имя. В таком мы были потрясенном состоянии».

3 октября. Только что позвонил Кипарисов. «Вы собираетесь сегодня к Шуре [Кадоловой]? Поздно. Умерла сегодня утром».

Я была у нее третьего дня, 1 октября, в воскресенье. Меня отговаривала О.С.: «Вам будет трудно, тяжело». И как я рада, что ее повидала. И жалею, что не была раньше.

Посидела я около нее час, м.б. полтора, и услыхала такие теплые слова, что потрясена до сих пор. Она была в полном сознании. Лежала вытянувшись, на спине. Она всегда была обаятельна, теперь лицо приобрело строгую красоту. Точеные черты лица и огромные, строгие глаза и изредка лучезарная улыбка.

Накануне, 30 сентября, умирающая, она просила Ольгу Сергеевну меня поздравить с именинами.

Лежала она не в общей палате, а в каком-то закутке, и это было лучше.

Я села около нее, поблагодарила за поздравление. Она говорила тихо, с перерывами, закрывала глаза, отдыхала. «Самое лучшее время было, когда я работала с вами. Вы такая хорошая, мне все прощали. Вы не кричите, никого не обижаете... Как интересно было в Союзе писателей... поездки... Собирались в годовщину у вас на Кировском, как весело... А Вася вас пугал (она показала рукой, как Вася жонглировал блюдом с пирогом, и чудесно улыбнулась). Вы такая добрая... А Буратино! Как я любила Буратино... Я начала Буратино и кончила Буратино... (она имела в виду свою работу в Китае, где она поставила Буратино в Китайском кукольном театре). Много хороших людей... у меня дежурят наши, Сильва, Леля, Ляля (Ольга Сергеевна Кипарисова), нянечки хорошие».

Я все время гладила ее руку, грела совсем холодные пальцы. И не хотелось оставлять ее. Но она устала и сказала: «Я посплю». Я ушла под впечатлением ее добрых слов. Ни жалоб. Только добрые мысли о людях. И эти огромные серые глаза с черными ресницами и темными бровями. И еще она сказала: «Поклонитесь Ваське».

Рак. Ужасающая болезнь. Шура проболела два месяца. Все последнее время у нее поочередно дежурили днем Леля Воробьева, Сильва Гитович, Ольга Сергеевна Кипарисова, члены нашего бывшего коллектива, и кроме них ее знакомые, не говоря уж о ее муже, Николае Степановиче Кадолове, который проводил ночи около нее.

Сегодня я собиралась свезти к ней Буратино, того самого, которого Шура так любила, так хорошо водила и чудесно за него говорила. Кукла была живая в ее руках. Я его приготовила, ей было бы так радостно его повидать. Надо было раньше съездить.

И еще она сказала: «У вас было красивое платье, шелковое, коричневое с белыми цветами, мне оно нравилось. Потом вы стали хуже одеваться, и я расстраивалась».

Я гладила ей руку: «Какие у вас теплые ручки».

Каждое слово было проникнуто теплом, лаской. Их не забыть.

Конечно, я стала хуже одеваться. В конце 37-го года я взяла девочек Старчаковых.

1962

13 октября. Как я стала редко писать, и как это наводит на меня тоску. Мало сил и нелепая жизнь. Встречаю на днях Антона Васильевича Бондарчука. «Почему вы к нам не приходите, все обещаете, и все вас нет». — «Семья меня раздавила, внучка родила...». — «Да, знаю, Алла Сергеевна говорит, что вы святая». — «Святая? Просто дура». Он: «Это одно и то же!» Мы оба расхохотались.

А на свете происходит много смешного.

Например, с моим переводом «Chroniques de ma vie» Стравинского.

Я сдала исправленную мной самой работу в Музгиз 10 октября 61-го года, год тому назад. И начались у дирекции страхи и нерешительность. А вдруг Стравинский не приедет? А как посмотрит Москва?

Директор московского Музгиза прислал письмо, которое мне прочли. Я умоляла дать мне списать, говорят — неудобно. Оно гласило: 1) Стравинский формалист, у нас другие установки. Его принцип искусство для искусства — ложен. 2) Он переоценивает Дягилева. 3) Стравинский подобострастно относится к меценатам.

А впрочем, пишет Саква, издавайте, только на свой страх и риск. Максимовский сказал мне: «Я знаю, меня не расстреляют, не сошлют, но снимут с работы» — вот и боятся.

Но это все было до приезда Стравинского, до приема его Хрущевым etc. Причем 9 октября Максимовский мне сказал: «Размер тиража будет зависеть, примет ли его Хрущев. Если не примет — 10 000. Примет — 25 000 или больше».

31 октября. Переживу ли 28-е? Всегда жду смерти в этот день. Пережила. Надо быстро приниматься за работу.

5 ноября. 3 ноября умер маленький Петя, мой правнук. И мне его нестерпимо жаль. Такой был славненький, хорошенький малыш, а мертвый — как ангелок. И больно, больно, и я чувствую: мы все перед ним виноваты.

В морге я взяла его на руки, чтобы одеть, и плакала, плакала. Бедный мальчонок. Отец ни разу к нему не пришел, не взял его на руки. Не пришел встретить Соню при выходе из родильного дома; она так просила, чтобы он пришел. Все отцы приходят с букетами.

А Соня перед ним, Владиком, как кролик перед удавом.

Я никогда не забуду этого бедного крошки, такого беленького, такого чистого, спокойного. Ушел, еще никого и ничего не зная. А мы остались в своей тюрьме.

Как ужасен человек. И как могли мудрые евреи, написавшие Библию, сказать: создал их Бог Саваоф по образу своему и подобию! Прогнал этих бедных «совершенных» людей из рая, и их сын Каин убил брата своего Авеля. Из зависти. Где же тут образ и подобие?

Целое лето я выхаживала Соню, чтобы она могла благополучно родить, — и вот.

Болит о нем сердце до физической боли. Бедное, бедное дитятко. Ни в чем не повинное.

Господи, Боже мой, как мне его жалко, как жалко. Теперь корю себя за то, что уходила часто ночевать к Н.Ф. Шишмаревой. Но, правда, ночью от меня пользы было мало, даже никакой.

Я не могу успокоиться, все плачу об этом бедном крошке, какую-то всеобщую вину чувствую перед ним.

Условия жизни ужасные. Нас было в одной комнате четверо: Соня, Катя, малютка и я. Соня целый день кормила, стирала, гладила, ходила с ним гулять; без отдыха и срока. Иногда, когда ей надо было сходить на работу, по делу, я целый день его качала с радостью. Это маленькое тельце так меня трогало. Ночью я уходила спать к Наталье Федоровне Шишмаревой, т.к. от полубессонных ночей очень сильно болел затылок. Я вспоминала «Варьку» Чехова[925].

Соня решила отдать ребенка в дом малютки и туда же поступить санитаркой. Съездила. 2 <ноября> (sic) назначено было привезти мальчика для осмотра, вернулась в 8 часов, покормила. В 12 ночи ему стало плохо, и его увезли в больницу, Соня была при нем. 3-го в 1 час дня он умер, пробыв все утро (я пришла в 10 утра) под кислородовым аппаратом. При вскрытии диагноз: молниеносная мелкоочаговая пневмония.

Все очень странно. Нет, может быть, и не странно. Он чихал, изредка кашлял, 1-го был очень вялый, почти ничего не ел. 2-го я пришла в шестом часу с улицы, говорю, что ребенка везти нельзя, идет дождь, сырость, туман. Елизавета Ивановна возражает: ничего не случится, назначено ехать к шести, надо ехать. Сама увернула его. А Соня ее слушалась, как Бога. Ночью стало плохо. Она же настояла в начале октября, чтобы Соня поехала с ним в

Ригу, к матери. Я хотела устроить ее в санаторию для матери и ребенка — нет, к маме, к маме. Пете было только 3 недели. Владик проводил до Риги.

Наташа как-то сама мне сказала: «Я приношу несчастье».

Не знаю, но больно, больно.

6 ноября. Сегодня мы его похоронили. Были родители, Марианна Евгеньевна и я. Больно, больно.

Я вижу его личико в гробу, и мне кажется, что он спустился с какой-то неведомой планеты, почувствовал все неблагообразие жизни, почуял, что отец его не любит, матери это больно, он лишний, и он, как светлый дух, вернулся туда, откуда пришел. Как в Petit prince de St. Exupéry.

Не могу, больно.

7 ноября. Его похоронили на Нововолковом кладбище[926]. Там отведено большое место для детских могил. Вчера был уже нерабочий день, на кладбище много народа. К невысоким крестам на некоторых детских могилках привязаны цветные воздушные шары, на могилках лежат куколки. Это наивно, но очень трогательно.

Не могу, сердце, кажется, не выдержит. Царство ему небесное.

29 декабря.

«Хотел бы уйти я
В небесный дым,
Измученный человек».

Какие великолепные стихи Ли Бо, и как превосходен перевод Гитовича[927].

1963

19 января. «J'ai vu tant d'hommes mourir, ma sœur avait-elle dit. La peur que je vois chez ceux qui meurent sans la foi est une de mes raisons principales, je crois. Il me semble que le cloître est le seul endroit sur terre où il reste encore un peu de foi à notre époque. C'est Resistance du bon Dieu en un sens...»[928].

«The Nun's story». Katherina Hulme, traduit de l'américain par Colette Huet[929].

Эта книга произвела на меня очень большое впечатление.

То же самое говорила мне об умирающих доктор Т.А. Колпакова. Всю войну она работала в травматологическом институте, где был госпиталь, и наблюдала.

10 марта. Видела во сне много очень хороших слив желтых и 6 темных. Должна заболеть. Или я, или Соня. От этого предсказания никуда не уйдем, как от греческого рока. Увидим. [Заболела 14 апреля сильным приступом спины.]

12 марта. Как соблазнительно самодержавие, неограниченная власть. Хочу — убью, хочу — отпущу, хочу — позволю молиться, хочу — запрещу вызывать на дом священника, чтобы отслужить панихиду. Хочу — отпущу немножко вожжи, хочу — натяну до отказа. Куда как весело жить при таком режиме.

Звоню сегодня в Музгиз, спрашиваю Максимовского, когда же выйдет Стравинский? («Chroniques de ma vie», мой перевод.) «Должен скоро выйти, осталась последняя сверка. Да вот боимся, не сказал бы он (Стравинский) чего-нибудь лишнего после последних речей правительства к писателям, композиторам и художникам. Западные газеты будут, конечно, шипеть — свобода творчества под запретом»[930].

Чего с нас требовать! Будем надеяться, что умный Стравинский промолчит.

Мне сдается, что Хрущев зарвался. Тут и Куба[931], тут и Африка... Ему бы почитать «Der Tyrann» Генриха Манна.

Он не расстреливает, не пытает, но не стесняется посылать наших Иванов и Петров к черту на рога, биться за чужую землю.

А эти купленные друзья с легкостью изменяют. Как Китай и так далее.

В.П. Веригиной сказала по этому поводу одна баба: «Хорошего поросеночка выкормили».

Прихлопнули великолепную 13-ю симфонию Шостаковича[932]; Евтушенко[933], Эренбурга[934], В. Некрасова[935].

За Эренбурга вступился V[936]

17 апреля. <...>[937]

1 мая. Я заболела 13 апреля; спазмы аорты то усиливались, то ослабевали. Конец апреля лежу. Сегодня видела мешок с луком, некрупным, круглым, ровным. Неужели опять будет хуже?

16 мая. Не анекдот. Вчера встретила Сильву Гитович в Союзе писателей. Сидят они без гроша. Должно издательство «Советская Россия» было подписать к печати вторую книжку стихов Гитовича[938], и Сильва приехала в надежде получить деньги. Ничего не получила, все отложено до Пленума ЦК![939] Сильва боится, что книжку не выпустят из-за Пикассо. — ? — «Да, из-за Пикассо (это уже шепотом — на ухо), Гитович в последней книжке шестьдесят второго года дал очень хорошие и восторженные стихи о Пикассо[940]. А Пикассо теперь, после головомойки, заданной Хрущевым нашей интеллигенции, отказался субсидировать “Humanité”!!»

И зачем черт дернул Пикассо давать деньги на «Humanité»? Кокетство? В итальянской «Paese sera»[941] было в прошлом году описание его восьмидесятилетнего юбилея. Королевское торжество, с боем быков и тореадорами, привезенными из Испании, концертами Рихтера и т.д.

Какие сложные извилины в мозгах властей предержащих!

Стихи Гитовича

Но и тогда, обрушив на меня
Своих могучих замыслов лавину,
Он разве знал, что я наполовину
Их не пойму до нынешнего дня.
Нет, я не варвар! Я не посягну
На то, что мне пока еще не ясно.
И если половина мне прекрасна,
Пусть буду я и у второй в плену.
1961[942]

Вот тут и выкуси.

Сейчас все откладывается до конца Пленума: печатание хроник Стравинского[943], издание уже решенного сборника о Мейерхольде, стихи Гитовича,

Мандельштама и мало ли еще что. Что надумает Совет старейшин, севший до известной степени в лужу?

А между тем, по слухам, Президиум Совета мира послал в наш Центральный Комитет партии послание, возмущенное травлей Эренбурга. Эренбург, деятельный член Совета мира, всеми уважаемый, получивший год или два тому назад *от нас* премию за содействие делу мира[944], подвергся грубым выпадам Хрущева, Ильичева и других шавок. На каком основании?

И будто бы в ЦК пришло много писем от зарубежных коммунистов; Тольятти выступил в Риме о возмутительном отношении к писателям, художникам, композиторам, к искусству вообще. Арагон тоже что-то написал.

Опять же по слухам: в 3-м номере «Нового мира» должно было печататься окончание воспоминаний Эренбурга. Ильичев распорядился разобрать набор и выкинуть Эренбурга. Разобрали. А после получения ЦК всех этих писем велено было восстановить набор, и воспоминания Эренбурга вышли.

Надо сказать, что я вообще мало люблю произведения Эренбурга, и его воспоминания во время войны малоинтересны.

Разве можно их сравнить с «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова[945]? Вот это писатель. Его тоже обругал Хрущев.

А вся эта демагогия хрущевская вызвана дикой завистью старых писателей и художников с перебитыми Сталиным хребтами к новой, молодой, талантливой и смелой поросли.

Остроумная писательница О. Берггольц вчера же в Союзе писателей порадовала меня: «Мы живем в эпоху непросвещенного абсолютизма».

Что верно, то верно.

Самодержавие развращает.

Мне все время стыдно, невероятно стыдно перед всем светом. Как можно вслух перед всем миром говорить такие непроходимые глупости.

«Искусство партийно». Художники, будьте эпигонами передвижников, композиторы, не смейте двигаться дальше кучкистов. И никто да не смотрит ни вправо, ни влево.

Ой, как скучно. И это все с высоты престола.

Бедная, бедная Россия, когда же Ты вырвешься на широкий и глубокий фарватер, которого ты достойна?

6 июля. Прочла на днях книгу Emmanuel d'Astier «Sur Staline»[946]. Заболела от этого чтения. Чудовищная жизнь. Не человек, а чудовище. Такого изверга, мне кажется, еще не видел мир.

Уничтожать вокруг себя всех сотрудников Ленина, всех своих друзей молодости. Убийства, убийства без передышки. Наемные убийцы во всех частях света, например, убийство Троцкого и еще каких-то нежелательных людей в Италии, Раскольникова и еще где-то. И автор еще ничего не пишет об уничтожении крестьянства, «физического» уничтожения лучших мужиков.

Когда он послал на смерть своего друга, брата своей первой жены Сванидзе, и тот погиб, Сталин сказал: «Смотрите, какой гордый, даже не повинился». Наваждение дьявола.

Ее, Е. Сванидзе, сестра и невестка сосланы в лагерь. Как мог он жить? Ричарду III являлись тени убитых братьев, а этому ничего. И за что бедной России такие страдания? И систематическое уничтожение интеллигенции. Прав был Férard. Грузин. И потому жестокий. Трусливый.

Несчастная Светлана, дочь чудовища. Дочь женщины, которая застрелилась по его вине, не смогла перенести всего, что творилось.

Первая жена Сталина, Екатерина Сванидзе, умерла от туберкулеза. Сын от первой жены Яков был на фронте и попал в плен. Немцы предложили Сталину обменять его на генерала Паулюса. Сталин даже не ответил. Яков Джугашвили был расстрелян немцами.

24 октября. So werde ich liegen und horchen still... Heine[947].

Мне надо наконец взять себя в руки и приняться писать свою летопись. Многое надо записать.

Летом или весной (я теряю ретроспективную память) приезжал о. Всеволод и рассказывал о гонениях на церковь, на духовенство, на душу и дух человеческий.

В Печорах жил пожилой монах, граф — граф в прошлом — Симон Сиверс. Он ушел в монастырь в молодости. В Александро-Невскую лавру.

2 ноября. Завтра год с его <правнука Пети> смерти. Родители даже креста на могиле не поставили. Я звала Соню съездить со мной на кладбище, она отказалась. Другая порода людей.

В конце января этого года получила от Саши письмо. Он пишет: «У антикваров и старьевщиков постоянно натыкаешься на странные вещи, подчас жутковатые. Не так давно я у Марины отобрал потертый медный образок, к которому была привязана бумажка. Перевод: “Снято с русского в Севастополе в 1855 году”».

Несколько раз я перечитала эти строки, взяла с полки и прочла «Севастопольские рассказы» Толстого. «Севастополь в августе 55 года» я не могу читать спокойно, слезы навертываются на глаза против воли.

И по странной ассоциации я вспомнила март месяц 1935 года: в 1855 году люди умирали за родину, а в 35-м году гибли десятки и сотни тысяч <за> здорово живешь, по мановению руки патологически жестокого человеконенавистника, гибло крестьянство, а в 35-м году гибла интеллигенция. 45 лет истребляют интеллигенцию, талантливых людей, и никак не могут убить всех, новая поросль подымается на месте срубленных деревьев.

В Женеве в <1>960 году мы с Сашей обедали у Н.Н. Алексеева. Он показал нам фотографию тех 22 профессоров и философов так называемого идеалистического направления, которым пришлось покинуть родину. Среди них Николай Бердяев.

Их всех Ленин решил сослать (или выслать) в Сибирь. Жена Каменева (сестра Троцкого) уговорила Ленина дать им возможность уехать за границу, и им был дан пароход. Алексеев не принадлежал к этой группе, он, кажется, был профессором политэкономии (не уверена). Но ему посоветовал уехать приятель, близкий к власть имущим. «Уезжайте, — сказал он, — кровью запахло». Это было в самом начале 20-х годов.

Гумилева расстреляли в 21-м году. Вел. кн. Николая Михайловича тоже. Кровью у нас пахло с 17-го по 53-й год. А сейчас тот же произвол, хоть и без крови, слава Богу. А потом сколько ученых, писателей, поэтов. Все силы направлены на то, чтобы кастрировать Россию. И все не удается.

Несчастная, несчастная Россия. Пора, давно пора составить синодик, список всех погибших, замученных, расстрелянных миллионов русских лучших людей.

И какая богатая, плодородная русская земля, где, несмотря ни на что, рождаются новые молодые силы: Евтушенко, В. Конецкий, В. Некрасов, Ю. Казаков, ученые... Бедный Шостакович со связанными крыльями.

23 ноября. Вчера убили, застрелили Кеннеди.

Jedoch der schrecklichste der Schrecken das ist der Mensch in seinem Wahn[948].

Подлецы убивают всегда гуманных, смелых людей. Тиранов не убивают. Тираны трусливы и прячутся.

Очень жаль Кеннеди.

1964

5 января. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...». Л. Толстой. Севастополь в декабре 1854 г.[949].

Почему же все-таки героическая эпопея Севастополя и этот образок, снятый англичанином с русского солдата, почему вызвали они в моей памяти воспоминание об одном из самых горьких, самых мучительных моментов нашей истории, момент страданий сотен тысяч безвинных людей?

Ленора Густавовна Шпет рассказала мне осенью, когда была здесь, о гибели своего отца, известного философа и филолога Густава Шпета. Он жил в Москве, как и вся семья. В 35-м году его арестовали и выслали в один из небольших сибирских городов (кажется, Енисейск). Он прожил там два года и стал хлопотать о переводе в Томск, где он мог бы читать лекции в университете. Это была ошибка. Его перевели в Томск, и там он вскоре погиб.

17 июня. Надо взять себя в руки.

Я себе напоминаю «Вампуку, невесту Африканскую» — пародию Андре в «Кривом зеркале» (кажется) (до революции, конечно)[950]. Герой и героиня сидят под тенью пальм, опасность близка, их преследуют, а они сидят и поют: «Бежим, бежим, спешим, спешим, бежим, бежим». Так и я. Спешим, спешим — и ни с места. Полная неорганизованность. Сваливаю все на старость, на замедленность темпов. Надо взять себя в руки.

3 августа. 11 июля умерла Елена Михайловна Тагер, в полном одиночестве. Точной даты мы не знаем. 10-го рано утром улетела в Свердловск к матери внучка Е.М., Наташа. 10-го знакомые видели Е.М. на улице. А 11-го приходила к ней медсестра, не дозвонилась, оставила записку в замке. Приходили знакомые. Предполагали, что Е.М. могла уехать в Комарово или Гатчину. Дворник в сопровождении милиционера или следователя вскрыли дня через два, 14 июля, дверь. Елена Михайловна сидела на диване с закрытыми глазами, руки лежали на коленях, рядом лежала газета. Лицо было спокойно. Все это записал милиционер.

По-видимому, она умерла во сне. Похороны состоялись 15 июля. Гражданской панихиды не было, т.к. слишком сильно было разложение. Провожали гроб главным образом «колымчане», друзья с Колымы, и некоторые

старые друзья, вроде меня. Из писателей был один Луговцов, видимо, посланный Сергеевым.

Похоронили на кладбище «Памяти жертв 9 января»[951], а по-русски — на русском Преображенском, очень далеко. Кладбище новое, неуютное.

Засыпали могилу. Нина Ивановна Гагенторн напомнила слова Е.М., что на похоронах Пастернака самое сильное впечатление на нее произвело чтение его стихов. И Нина Ивановна прочла два стихотворения Елены Михайловны. Я привезла с собой первое письмо Е.М. из Мамлютки от февраля 52-го года, над которым я тогда расплакалась. Прочла его. Оно кончалось двумя стихотворениями. <...>[952]

И сейчас, через 12 лет, читать эти строки спокойно нельзя. Надругательство над безвинным человеком, сознательное, беспощадное, бесцельное и безмозглое. Ох, Боже мой!

Соломон Давыдович проявил огромную энергию и сообщил о смерти Елены Михайловны всем знакомым и друзьям.

Корней Иванович Чуковский прислал в Союз писателей Прокофьеву следующую телеграмму: «Скорблю о преждевременной смерти Елены Михайловны Тагер. Живой укоризной встает перед нами обаятельный образ этой талантливой и благородной страдалицы.

К. Чуковский».

16 <августа>. У меня сохранились письма Елены Михайловны с 46-го года, одно из Магадана, одно 47-го, одно 48-го. Это еще из лагеря. В первых она просит меня разыскать Машу.

А затем письма из Бийска, их много, и еще больше из Мамлютки. Из Саратова, из Переделкина, из Москвы[953].

Эти письма надо бы издать, подлинная биография человека, в котором, несмотря, вернее вопреки, всем мучениям, горит пламенем живой дух.

Как мне ее недостает. Так хочется поделиться с ней впечатлениями. И нету больше такого человека.

3 ноября. Произошел государственный переворот[954]; молча, нелепо, и «народ безмолвствует»[955]. Вот это безмолвие народное угнетает меня до мучительной тоски. Что мы такое? Быдло?

Кто эти новые властители? О Брежневе говорили все, что он глуп, а о Косыгине никто ничего не знает. Кончил текстильный институт. Был мастером на текстильном заводе или комбинате «Маяк»[956] и здорово пил. Лоб умный.

Теперь все слушают ВВС по радиоприемнику и черпают оттуда новости. Приезжал из Лондона Шапиро Е.К., Сашин приятель, привез мне шоколада и теплое белье. По его словам, Хрущева считают самым крупным государственным деятелем современности. То же подтверждает и ВВС. Человек, с которым считались все. Он был очень умен, остроумен, смекалист. На мой взгляд, у него были сделаны две крупные ошибки: 1) отношение к Жукову, Герою войны, величайшему военачальнику Русской истории. Все они боятся крупных людей. А что как революцию оседлают?! А ее давным-давно оседлали, с 1924 года, да так, что остались от нее рожки да ножки. Второй грех Хрущева — гонение на религию, на церковь, на священников[957]. Ведь, кажется, общеизвестно, что гонение вызывает ответную сильнейшую реакцию. И как вообще возможно запрещать религию, свободу творчества, когда все эти свободы зафиксированы в советской Конституции.

Новые властители инкриминируют Хрущеву развал сельского хозяйства.

Эти дни я читала свои дневники начала 30-х годов, время коллективизации и паспортизации. Коллективизация на корню *уничтожила все* сельское хозяйство, деревни, крестьян. Как страна вынесла войну, мне мало понятно.

Ленинград потерял два с половиной миллиона умерших от голоду за 3 года. Половину населения.

Ю.В. Кочуров писал какую-то музыку для Дома Красной армии (как тогда назывался теперешний Дом офицера). У него начиналась цинга. Начальство Дома Красной армии его отправило на ближайший фронт, чтобы подкормить, подправить здоровье. Он вернулся окрепшим.

Милый Юрочка. Какой светлый, чистый, чудесный человек.

28 декабря. Была в соборе, заказала отдельную панихиду — сегодня 32 года со дня смерти Аленушки.

Плачу 2 р. 50 к. Мне пишут квитанцию: Ваша фамилия, адрес, подпишитесь.

Нас было семь человек с квитанциями об уплате за заказную панихиду. После общей панихиды у нас взяли квитанции, и священник отслужил *одну* панихиду для всех семерых! Управляют церковными делами люди, чуждые церкви, по слухам, партийные. Это называется «отделение церкви от государства».

Стыдно.

1965

16 мая. Я теряю себя и дошла до отчаяния. Мое общежитие доводит, вернее довело, меня до состояния полной никчемности. Я не высыпаюсь — работа у Сони в три смены. То меня будят в 6 часов утра, то в 12 ночи. После ночной работы она с 8 утра спит до 4 дня, я связана во всех движениях. Катя деликатна, уходит бесшумно, вечером ее никогда дома нет. Чувствую себя как на вокзале, вокруг меня ходят чужие люди, для которых и я сама, и моя работа — чужое и ненужное дело. И я не могу взять себя в руки.

А может быть, я так опустилась из-за того, что живу впроголодь? И сил нет никаких.

25 июля. Екатерина Николаевна Розанова реабилитирована! Арестована была в 1951 году. Осужденные и сосланные за религиозные убеждения до сих пор не были реабилитированы. Это вполне логично. НКВД (или Госбезопасность) прекрасно знала, что грехи всех сотен тысяч, а может быть, и миллионов политических каторжников были фикцией, изобретенной в стенах Министерства внутренних дел. Умер Сталин — фикцию спихнули со стола, как пыль. Недоразумение, извините.

А религию не смахнешь. Это преступление остается в силе, преступник от своей веры не отказывается. Как быть?

В конце концов стыдно стало. А может быть, на Западе стали шуметь... И до меня дошел слух прошлой весной, что в Москве будто бы волна новых реабилитаций. В апреле 64-го года Екатерина Николаевна написала в Москву заявление или просьбу о реабилитации. И вот наконец вчера, 24 июля, она получила эту самую реабилитацию и сможет жить в Ленинграде.

На этих днях я была у нее.

Saint-Exupéry: «Terre des hommes»

L’avion et la planète:

...Mes songes sont plus réels que ces dunes, que cette lune, que ces présences. Ah! Le merveilleux d’une maison n’est point qu’elle vous abrite ou vous réchauffe, ni qu’on possède les murs. Mais bien qu’elle ait lentement dépose en nous ces provisions de douceur. Qu’elle forme, dans le fond du Coeur, ce massif obscur dont naissent, comme des eaux de source, les songes...

Mon Sahara, mon Sahara, te voilà tout entier, enchanté par une fileuse de laine![958]

Он вспоминает жившую у них пожилую экономку, ведавшую бельем, Mademoiselle.

Мы лишены этого счастья. Еще мое поколение хорошо помнит дом — Ларино. Мы с Васей в Женеве вспоминали узоры на потолке детской нашей, узоры, образованные сучками, следами сучков. Над няниной кроватью на потолке было что-то вроде паровоза. А в моей комнате! Все стены были исписаны стихами. Мы с Васей много помним. Саша — это уже другое поколение. И обоих братьев сразу после окончания училищ ждала война 1905 года и 1914 года. А воспоминания уцелели.

У крестьян тоже был свой home[959], ритуалы уцелели у многих, старшего и среднего поколения.

Какое счастье — ларинское, деревенское детство. Дружба с лошадьми, собаками. С Полей верная дружба. Если бы не было Ларина, какая была бы душевная пустота. Помнить выбоины на дороге, деревья... А в детстве чердак, как там было всегда интересно. На стене висела большая географическая карта обоих полушарий. И мы — я, Поля и Вася — очень любили такую игру: один из нас задумывал на карте какое-то название. Другие должны были отыскать.

Очень мы любили остров Св. Елены. Мы еще ничего не знали о Наполеоне[960], но мама и сестра были Елены, и казалось странно, что вроде как бы в их честь был назван этот неведомый остров. Надо надеяться, что грядущие поколения обретут себе дом и право на гнездо. И детство. Вернее, гнездо для детей. И не повторятся мрачные ужасы первых 36 лет нашей революции. Тридцать шесть лет крови, глумления над человеком, заведомо невинным, невиновным.

Могло же прийти Ленину в голову отправить, сослать в Сибирь цвет русской интеллигенции с Бердяевым во главе.

В Женеве Николай Николаевич Алексеев показывал фотографию всех этих изгнанников, их было двадцать два человека, уехавших за границу. Посередине Бердяев. Уехал тогда и Карсавин. Алексеев говорил, что пишет воспоминания. В прошлом году он умер. Очень было бы интересно их почитать.

1966

13 февраля. 10-го я была в филармонии и слушала «Свадебку» Стравинского. Исполняли «Свадебку» и «Маленькую мессу» Моцарта Московская хоровая капелла[961]. «Свадебка» — блестящее произведение. Но музыка XX века вся от головы, сердце не играет роли, отсутствует. А молодежь воспринимает новую музыку, я говорила с Владиком Щербаковым. Новая музыка, Стравинский им ближе Баха, Бетховена. Она острей.

Тут много причин. XIX век — гуманитарный век. А XX холодный, окровавленный, математический. Страшный век. В России.

24 февраля. Странное у меня ощущение. Я проверяла перепечатанные на машинке письма Елены Михайловны Тагер по ее письмам. И по мере того, как подходила к последнему письму 56-го года, после реабилитации, у меня сжималось сердце, казалось, что я с ней расстаюсь, что она уходит, что она побыла со мной. Тяжелое, тяжелое чувство.

Исковерканная, загубленная жизнь живого талантливого человека. И миллионы загубленных судеб. Отец Всеволод. Брали людей, ломали, как ломают спички, щепки. Как ее мне не хватает. Не с кем поговорить, отвести душу.

А наши полу-, нет, на четверть интеллигентные управители делают gaffes[962] невероятные. Самодержавие развращает. И так стыдно. За них и за нас.

Сейчас состоялись два позорнейших процесса.

Арагон пишет: «Je ne puis imaginer qu'un communiste considère avec indifférence le verdicte rendu à Moskou dans l'affaire Siniavsky — Daniel. C'est là un fait grave par sa portée, notamment en France. Les peines de sept et cinq ans de relégation dans un camp de travail viennent d'être appliquées à des hommes qui n'étaient inculpés de rien d'autre que d'avoir écrit et publié des textes, qui du point de vue de l'accusation, contre quoi les accusés se sont élevés, constituent une propagande antisovietique.

... faire du délit d'opinion un crime d'opinion c'est créer un précédent plus nuisible à l'intérét du socialisme que ne pouvaent l'être les oeuvres de Siniavsky et Daniel.

Il est à craindre, en effet, qu'on puisse penser que ce genre de procédure est inhérent à la nature du communisme»[963].

И Арагон заканчивает свою статью: «Il ne nous appartient pas de dicter à un grand pays ami sa conduite; mais nous serions coupables de lui cacher notre pensée»[964].

(Пытаюсь писать простым пером, не вечным; отвыкла, и получаются каракули.)

И процесс аспирантов Технологического института. Они издавали журнал, где были собраны *напечатанные* в газетах и журналах статьи о бюрократизме, взяточничестве и т.п. Присудили тоже лагеря и принудительные работы![965]

21 марта. Из дневника, тюремных и лагерных записок Нины Ивановны Гаген-Торн: «Тогда я еще не знала, что страх в тюрьме — необходимость: он гармонизирует сознание во времени... Те, кто разроют свое сознание до пласта ритма и поплывут в нем, не сойдут с ума»[966].

Елена Михайловна Тагер тоже нашла исход в ритме, в стихах, в драматических кружках. Николай Александрович Морозов в Шлиссельбурге — в математике и астрономии, это тоже «перемещение внимания», по Льву Толстому.

27 марта. В похоронах Ахматовой меня поразил огромный наплыв людей, пришедших в Никольский собор проститься на отпевание. *Очень* много молодежи. И в Комарово поехали. Ахматова никогда не искала популярности, не выступала на концертах, не привлекала к себе внимания. А эта дань человеческого почтения и уважения была как «raz de marée»[967], поднявшаяся внезапно волна из глубинных слоев сердца, вспомнившего те оскорбления и то горе, что Ахматовой пришлось перенести. И перенесла их не сморгнув. И с каким достоинством.

Я свидетельница.

В Москве я была у Анны Андреевны 16 января, был солнечный, чудесный морозный день. Она сидела в коридоре в плетеном кресле. Ей было лучше, уже позволили немного вставать[968].

Накануне я позвонила по телефону, данному мне Ириной Николаевной, и мне сказали, когда лучше всего прийти. Я приехала в 11½ часов.

«За меня молятся», — сказала А.А. Приезжала недавно в Москву Аня Каминская, дочь Ирины. Ехала на такси. Шофер спросил: «К кому же вы едете в больницу?» — «К бабушке». — «Вот еще, к бабушкам нечего ездить

такую даль. Вот к отцу, матери, к мужу — понятно». — «У меня бабушка особенная, это А.А. Ахматова». — «А что с ней?» — «Больна». — «Скажите ей, что мы будем за нее молиться».

Пришла молодая женщина. Прочла, вернее принесла из польской газеты статью польского писателя о своей встрече с Ахматовой в Таормине. (Не знаю, как надо писать: может быть, в Таорминах?)[969]

Настало время обеда, надо было уходить. А.А. потребовала, чтобы Юля (специалистка по польскому языку) непременно довезла меня в такси до дому.

У А.А. изменился цвет глаз, глаза стали светлее, голубые, как у детей. Она немного похудела. Лицо слегка осунулось. Голос был прежний, низкий, *ахматовский*.

Когда мы шли к выходу, я заговорила о выступлении А. Фадеева в 46-м году в Праге о писателях, которых мы давно выбросили в мусорный ящик (Ахматова и Зощенко). Моя спутница сказала: «Предательство Фадеева теперь всем известно. На всех приказах об арестах писателей стояла подпись Фадеева».

20 октября. Может быть, я суеверна (или легковерна), но у меня создалась за долгие годы уверенность, что я умру 28 октября. Кроме того, я верю, вернее, я убедилась за всю жизнь: если я вижу во сне красные ягоды, в особенности клубнику, я заболеваю.

В конце августа я видела во сне, что кто-то мне дает чудную, спелую, крупную ягоду, клубнику, и я подношу ее уже ко рту. Тут же вижу много спелых вишен, затем я сижу в лесу на невысоком старом пне и вижу: справа у пенька лежит связанный букетик ярких голубых незабудок. К чему это незабудки, к смерти или к жизни? Ягоды выполнили свое пророчество. Я заболела в начале сентября и лежу до сих пор: обострение стенокардии. А вот переживу я 28 октября или нет?

И конечно, многое не готово к уходу. Дневники мои приобретает Публичная библиотека. Это уже спасение. Года два тому назад Русский музей приобрел мои офорты. Но письма не разобраны, дневники не все приведены в порядок. Ну, ничего не поделаешь. Времени было как будто достаточно.

Albert Camus. L’homme révolté. Le socialisme moderne tend à créer une forme de jésuitisme séculier à faire de tous les hommes des instruments. Par suite, on marche vers un esclavage spirituel, tel qu’on en a jamais vu.

Ce qu’on désire, c’est le bien-être.

La révolté se coupe de ses racines et se prive de toute morale concrète, c'est l'une des alternatives du XXe siècle.

Tout ce qui était à Dieu, sera desormais rendu à César. Божие Кесареви.

Le crime adroit s'érigerait en une sorte de religion et les fripons seront dans l'arche sacrée[970].

1967

16 января. *Анна Андреевна* мне рассказала: ее пригласили однажды явиться в НКВД (кажется, это было вскоре после реабилитации Е.М. Тагер). Ей дали список писателей (их было семьдесят девять) и сказали, что обращаются к ней как к уважаемой писательнице и лояльной советской гражданке с просьбой прочесть этот список оговоренных и оклеветанных писателей и высказать о них свое мнение.

Семьдесят девять имен. Среди них и Федин, и Тихонов, и многие другие (очевидно, восьмидесятая была я сама, догадалась Ахматова).

Никого там не было такого, кого она могла бы заподозрить в предательстве и вредительстве. Так она им и сказала[971].

Из этого списка, продиктованного чекистами людям, измученным пытками, побоями, брали по собственному вкусу: так был арестован и сослан поэт Спасский, он после освобождения недолго прожил, сердце устало.

Многие пострадали — не помню имен. А список, по-видимому, был составлен, вернее, написан под диктовку, Б. Лившицем и Юркуном, которых тоже нет на белом свете. Людей, домученных до предательства, уничтожают как нежелательных свидетелей.

19 марта. Анна Андреевна знала глубоко творчество Пушкина, его жизнь, мелкие подробности его жизни. Его переписку. Я читала ее статьи: «Александрина» и «Каменный гость»[972].

Henri Troyat. Biographie de Pouschkine.

Pouschkine aimait la vie avec fureur, avec imprudence. C’est d’aimer trop la vie, qu’il est mort se tôt[973].

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Зима 1918—1919 года. Наша родина, не залечив еще ран, нанесенных Первой мировой войной, зажата в кольце всевозможных интервентов, западных и восточных хищников, с исконной разгоревшейся алчностью. Идет кровопролитная гражданская война, Вандея, дошедшая, как и все в России, до бескрайних размеров. Обострились продовольственные затруднения, местами вспыхивает сыпняк, но народ мужественно отбивается на всех фронтах от врагов, гонит их, а в тылу с неослабевающим упорством борется со всеми трудностями, напряженно работает и строит новые формы жизни. Новые формы появляются и в театре.

Мало кто теперь помнит то далекое, суровое, героическое время. Героическим был этот период и в жизни театра марионеток; период наиболее трудный, но, пожалуй, и наиболее ценный по затраченной энергии, творческой инициативе и изобретательности. А главное — по тому энтузиазму, который помог нам выстроить на пустом месте кукольный театр, из ничего создать новое, стойкое, жизненное дело.

Литейный, 51. Небольшое театральное фойе, где стоит кукольная сцена[1]. Ее портал расписан яркими цветами.

Темно. Электричество не горит, ток дается очень скупо. Холодно — нет топлива. Водопроводные трубы замерзли и лопнули, где-то из стены сочится вода.

При свете керосиновой лампы по сцене двигаются в неопытных еще руках марионетки, бросая длинные фантастические тени.

Вначале нас пятеро: архитектор Елена Александровна Янсон, известная художница-офортистка Елизавета Сергеевна Кругликова, художница Елизавета Николаевна Давиденко, Н.А. Барышникова и я. Вскоре, в феврале 19-го года, к нам присоединяются будущая писательница Елена Яковлевна Данько и Вера Георгиевна Форштедт.

Мы работаем в шубах, меховых шапках, валенках, теплых перчатках. Когда руки, окоченев до боли, перестают слушаться, бежим в сторожку, кипятим воду и отогреваемся кипятком.

Работаем весь день до позднего вечера и расходимся пешком по еле освещенным, занесенным снегом улицам Петрограда в разные концы города.

Трамваи после шести не ходят, извозчиков и в помине нет.

В такой обстановке родился первый театр марионеток.

Передо мной адрес, поднесенный мне кукловодами в день моих именин 17 сентября [19]19 года. В папке из серого картона адрес в стихах — их написала Е.Я. Данько.

На обложке вверху оба клоуна нашего цирка — Петя и Рыжий — держат герб кукольного театра. Внизу театральная маска, опирающаяся на вагу — коромысло, которым водят марионетку. На внутренних сторонах обложки атрибуты наших постановок: тут цилиндр и бич директора цирка, пастушьи посохи из вертепа, шмель и белка царя Салтана, шляпа, топор и трубки дровосека из «Красной Шапочки» и т.д. Остроумное оформление адреса — работа Е.А. Янсон. И подписи: Е. Кругликова, Е. Давиденко, В. Форштедт-Туцевич, Е. Янсон, В. Янкова, Е. Грейнер, Е. Данько, С. Некрасов, Н. Барышникова.

Кукловоды принесли, вернее, притащили мне еще один драгоценный подарок — бельевую корзину, полную овощей. Там были брюква, свекла, морковь — все с ботвой; словом, живописный фламандский натюрморт. А у меня был испечен пирог с капустой из ржаной муки.

Нашему театру всего девять с половиной месяцев, но, как пишет Е.Я. Данько в своем приветствии:

Пока над куклами мы бились
И в нитках путались подчас,
Неслышно куклы ухитрились —
Связали крепкой нитью нас.

За это время мы выпустили три постановки: «Вертеп» М.А. Кузмина, «Царя Салтана» по Пушкину (в моей инсценировке), «Цирк» К.Э. Гибшмана; начали ставить «Красную Шапочку» Е. Данько и готовили пятую: «Сказку о Емеле-дураке, или По щучьему велению» — также Е. Данько.

Теперь, когда кукольные театры всех видов покрывают густой сетью Советский Союз и когда за 39 лет накоплен огромный опыт, может быть, нам скажут: почему так мало?

Тот, кто не пережил в Петрограде тех первых суровых лет революции, не сможет себе ясно представить, с какими трудностями нам пришлось столкнуться. И не только столкнуться, но и преодолевать их. Жители Петрограда получали осьмушку хлеба, дров в продаже не было. Мы холодали и голодали. Диву даешься, когда вспоминаешь, что в то время и в таких условиях

создавался Большой драматический театр, где репетировали «Дон Карлоса» с Монаховым — гениальным Филиппом II. В [19]20 году Марджанов организовал Комическую оперу: там шли блестящие постановки очаровательных опер Моцарта («Похищение из Сераля»), Доницетти («Дон Пасквале»), Обера («Бронзовый конь»), Чимароза («Тайный брак») и другие.

А мы, скромные кукольники, в 1919 году ощупью открывали сложную механику сцены, технику построения и вождения марионетки и выпускали спектакль за спектаклем. Именно открывали, так как навыки прошлого не дошли до нас. Когда мы взяли в руки марионетку, нам пришлось осваивать ее заново, как будто до нас и не было многовекового опыта. Нам пришлось начать работу тогда, когда последние кукольники-профессионалы сошли со сцены: умер Козлов, не стало и Егорова-Назарова, работавшего со Слонимской и Сазоновым в 1916 году[2].

Перед кукольным театром возник ряд задач тем более трудных, что они были беспрецедентны. В противоположность «человеческому» и даже петрушечному театру нарождающийся советский кукольный театр не имел преемственных традиций ни в технике этого дела, ни в репертуаре.

Марионетки влекли меня к себе давно. Еще в [19]12 году мы с группой художников мечтали организовать театр марионеток.

В 1914 году Н.В. Петров приобрел у вдовы старого профессионала-кукольника Козлова несколько марионеток и маленькую переносную сцену, на которой тот показывал дивертисментные номера в балаганах и по богатым домам.

Петров ставил на этой маленькой сцене в начале Первой мировой войны злободневные скетчи, где фигурировали Вильгельм II, Франц-Иосиф и т.п. Я писала ему что-то вроде декораций. Помню у него куклу Козлова, излюбленный аттракцион старых кукольников: скелет, у которого внезапно распадались все кости и так же легко, искусством кукловода, собирались воедино. На черном фоне этот трюк безошибочно производил сильнейшее впечатление.

Вдохновившись домашним театром Слонимской и Сазонова, Н.В. Петров построил в 1916 году уже настоящую сцену, много больше старой, 4×3 аршина, и обучал водить кукол В.Г. Форштедт и В.С. Ухову, учившихся тогда в Школе сценических искусств у Петровского[3]. По просьбе Петрова я перевела «Зеленую птицу» Гоцци*, писала декорации к ней, делала эскизы

* Указание об этом переводе — в журнале «Любовь к трем апельсинам» за 1914 г.[4]

костюмов, которые шила Н.С. Рашевская. Все это делалось, конечно, бесплатно — уж очень хотелось создать кукольный театр.

К сожалению, это дело, начатое с большим жаром, не удалось довести до конца. Н.В. Петров ушел из Александринского театра, собрал труппу и уехал в провинцию. Все наши труды пропали даром. Я много думала о создании театра марионеток, мысль эта меня не покидала, но средств, конечно, не было.

Наступил Октябрь. Семнадцатый и восемнадцатый годы. Это годы огромного подъема творческой энергии; все бывшие в потенции силы искали себе применения. Началась пора созидания. Мне казалось, что вот теперь настало время осуществить мою мечту. Хотелось создать новый тип марионетки, которая, унаследовав некоторые свойства старого Петрушки, вдохновилась бы народным эпосом и фольклором и порвала бы раз [и] навсегда с утонченно-эстетическими начинаниями недавнего прошлого. Я мечтала о народном театре. Мне казалось, что кукольный театр, каким он представлялся мне, имеет все данные, чтобы показать, вернуть народу забытое им достояние.

Я поделилась своими планами с К.К. Тверским (Кузьминым-Караваевым), работавшим в Петроградском отделе театров и зрелищ. К.К. страстно любил театр и еще в студенческие годы сотрудничал в маленьком театральном журнале доктора Дапертутто (Мейерхольда) «Любовь к трем апельсинам»[5].

Ему понравилась моя затея. Комиссаром Отдела театров и зрелищ была жена А.М. Горького — умная, красивая Мария Федоровна Андреева. Все новое, свежее находило у нее поддержку. Она с интересом отнеслась к моему предложению, и меня привлекли к работе.

В ноябре 1918-го Отдел театров и зрелищ организовал театральную студию детского и кукольного театра. Для руководства художественной работой студии была создана коллегия, в состав которой входили: поэт М.А. Кузмин (литературная часть), композитор Ю.А. Шапорин (музыкальная часть), художник Ю.М. Бонди (декоративная часть), артист и драматург С.И. Антимонов, режиссеры К.К. Тверской, К.Ю. Ляндау, С.Э. Радлов, архитектор С.С. Некрасов и я как организатор кукольного театра.

Первое заседание коллегии состоялось 15 ноября 1918 года.

Я высказала мнение, поддержанное товарищами, что в первую очередь надо заняться кукольным театром, так как этот участок подлинная terra incognita[6] — нетронутая целина. Не было ни кукол, ни кукловодов; о репер-

туаре и говорить не приходилось. Первые заседания (15, 19 и 22 ноября 1918 года) были посвящены вопросам репертуара. После продолжительных и горячих прений приняли постановление о том, что репертуар кукольного театра должен быть народным. Это относилось как к русским, так и к западным произведениям. М.А. Кузмин огласил перечень пьес для кукольного театра, пополненный остальными товарищами.

Пьесы, готовые к постановке

а) Русский репертуар
Языков. «Жар-птица»
Гумилев. «Дитя Аллаха»
Кузмин. «Вертеп»
Гоголь. «Женитьба»
Анонимные пьесы: «Царь Максимильян». Тексты Петрушки
б) Иностранный репертуар
Гоцци. «Женщина-змея»
«Зеленая птица»
Шекспир. «Макбет»
Феерии: Жюль Верн. «Тысяча верст под водой», «Путешествие на Луну»

Пьесы, которые надо написать по существующим текстам

«Повесть о Савве Грудцыне» (XVII век)
«Повесть о горе-злосчастье»
«Повесть о Шемякином суде»
Былины: о Даниле Денисьевиче и жене его Василисе Микулишне
Гоголь. «Вий» и «Страшная месть»
Пушкин. «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и его работнике Балде»
Ершов. «Конек-Горбунок»
Иностранные тексты кукольного Фауста
«История подвигов Геркулеса»

Для театра-студии после длительных обсуждений были приняты следующие произведения:
Гете. «Великий Кофта»
Шекспир. «Король Джон»

Шекспир. «Тимон Афинский»
Лесков. «Расточитель»
«Сакунталла»
Еврипид. «Киклоп» в переводе И.Ф. Анненского

Было решено принять в первую очередь к постановке эту, как не шедшую еще в России, имевшую безукоризненный перевод, а режиссуру предложить С.Э. Радлову.

Кузмин очень советовал инсценировать и поставить в кукольном театре повесть «О Савве Грудцыне». Это исключительно интересная повесть, своего рода русский «Фауст». Здесь совершенно естественно переплетаются подлинный быт и обычаи XVII века, исторические факты (осада Смоленска) с яркой чертовщиной и мистикой, которая завершает повесть. Очень я мечтала поставить эту вещь, да и не удалось.

Читая теперь сохранившиеся в Архиве Октябрьской революции протоколы заседаний коллегии, удивляешься утопичности наших проектов и постановлений. Никто не отдавал себе отчета во всей сложности такого нового, как театр марионеток. Был огромный размах мечтаний, необъятные планы и страстное желание все эти планы осуществить. Энтузиазм был так велик, что мы и на самом деле добились в тяжелых условиях очень многого, расставшись по пути с лишним балластом несбыточных иллюзий.

Вот пример легкомыслия членов нашей коллегии: 20 ноября 1918 года было постановлено выпустить первый спектакль детского театра «Дерево превращений» Гумилева 25 декабря; к тому же сроку должна быть готова и постановка пьесы кукольного театра. Предполагалось поставить «Зеленую птицу» Гоцци — пьесу в 5 актах. Привожу постановление коллегии: «Ивану Михайловичу Сухову (Сухов был молодой талантливый композитор, кончающий консерваторию). Постановлением Художественной коллегии от 22.XI с.г. (1918) Вам предложено написать музыку к пьесе “Зеленая птица”, которая в 20-х числах декабря пойдет на сцене Кукольного театра. Об условиях работы можно справиться у Ю.А. Шапорина». А между тем у нас еще не было ни кукол, ни кукловодов.

Детский спектакль вышел в срок и был очень удачен. Запомнились красочные декорации В.М. Ходасевич, музыка Шапорина и интересная постановка Тверского — Чернявского «Змей и судья».

На музыкальный номер из этой пьесы «Появление Вельзевула» Блок написал стихи «Хор татар», которые вошли в кантату Шапорина «Куликово поле».

О кукольной постановке, конечно, не могло быть и речи.

С 1 декабря мы с увлечением принялись за работу. Все было ново, на каждом шагу вставали перед нами новые препятствия, каждую мелочь надо было изобретать самим, и это захватило всех.

На приобретение сцены, кукол и общее оборудование П[етроградский] Т[еатральный] О[тдел] ассигновал 15 000 рублей.

В начале декабря Н.В. Петров продал нам свою сцену и четыре куклы за 2500 рублей. В Архиве хранится копия с его расписки и подпись: «Н.В. Петров, Председатель Петрозаводского прогрессивного союза сценических деятелей.

Союз Трудовых коммун Северной области».

Слухи об организации театра марионеток дошли до Народного дома[7], и вот на Литейном, 45, где помещался Отдел театров и зрелищ и где нам отвели комнаты для работы, появился милейший Ив.Ив. Смирнов. Он прежде работал с марионетками, но расстался с ними.

«Видите ли, — рассказывал он, — марионетки дело очень суматошное: нитки путаются, мы с женой ссоримся, одна трепка нервов получается. Решили бросить. Теперь я свистун и чревовещатель — это много спокойнее». Он выступал на открытых сценах с большими, якобы говорящими куклами в рост трехлетнего младенца и вел с ними развлекательные диалоги. Веселый, румяный — ему было лет 50, — довольно плотный, с ясными голубыми глазами; от него так и веяло добродушием. Иван Иванович продал нам несколько марионеток и поделился своим очень элементарным опытом. Марионетка в его руках летала по воздуху, а он вел за нее балаганные разговоры. Очевидно, вся соль выступления была в этой веселой болтовне. Как двигалась марионетка, мало интересовало Ивана Ивановича. Но все же его помощь оказалась очень ценной. Качество ниток, подвязывание марионетки, устройство ваги — все это мы узнали от него. Продал он нам кукол с вагами и нитками что-то очень дешево, помнится, за полторы тысячи рублей.

Как-то зимой в студию заехал А.В. Луначарский. Мы хвалились своими достижениями и дешевой покупкой. «И надуваете же вы бедных кукольников», — подтрунивал он над нами. Этих кукол все же было мало, надо было строить новых, вырезать головки. За это дело взялись художницы Е.С. Кругликова и Е.Н. Давиденко. Пробовала резать и скульптор Наталья Яковлевна Данько, но фактура дерева была ей чужда. Привычка к глине, к фарфоровой скульптуре приводила к измельчению формы, что театральной кукле противопоказано. Как профессионалов-кукольников, так не застали мы в

живых и профессионалов-резчиков. Последнего из них, известного мастера Ананьина, я разыскала при помощи Ив.Ив. Смирнова на Охте. Охта была излюбленным местом жительства петрушечников, марионетчиков и резчиков кукол.

Я застала Ананьина за столярным верстаком. Старенький, небольшого роста, с желтым, изможденным лицом, он напомнил мне плотника Иосифа со старого голландского полотна.

Ананьин мне рассказал много интересного о традициях резчиков. Каждый из них вырезал определенные типы; кто резал конские головки, кто — гротескные лица — маклеров, купцов и т.п., кто — петрушек. Старик очень обрадовался моему предложению поселиться при театре и вырезать для нас головки марионеток, так как нужда заставила его бросить любимое ремесло, ставшее никому не нужным. Он обещал прийти к нам на следующий же день, проводил меня до трамвая и долго смотрел мне вслед. Тщетно мы прождали его несколько дней — он не явился. Оказалось, что старый мастер заболел на следующий же день после моего посещения и умер. Трудное было тогда время. Трудное и голодное.

Но, несмотря ни на что, мы все-таки очень весело встретили Новый 1919 год в «Привале комедиантов», у Бориса Пронина.

Вечер предполагался костюмированный, но, конечно, все пришли, кто в чем хотел. Ю.А. Шапорин пошел в бушлате и высоких валенках, в чем приехал утром из Вязьмы, куда съездил, и довольно удачно, за продуктами. Чтобы иметь вид будто бы костюмированный, я накинула на голову бабушкины блонды[8].

Осталась в памяти веселая новогодняя ночь. Много знакомых. Румынский оркестр; Борис Романов, вскочив на столик, отбивает умопомрачительную чечетку и кричит румынам, играющим «И обычай наш кавказский»: «Жару, жару...» Уже поздно, надо идти домой. Ни Шапорина, ни Блока нигде не видно. Любовь Дмитриевна с зажженной свечкой в подсвечнике идет в дальние комнаты разыскивать мужа. На ней костюм времен Директории: полосатое, синее с белым длинное платье, крест-накрест надета белая косынка, завязанная позади, и белый чепчик. Она находит Блока и Шапорина мирно и крепко спящими на каких-то диванах у Бориса Пронина.

В ту зиму [19]18—[19]19 годов мы разыскивали по всему городу и скупали старых марионеток. Эти куклы профессионалов послужили нам ключом ко многим секретам марионеточного ремесла, но они были все же очень примитивны по своей конструкции и образцом для нас служить не могли.

Тем не менее встречались среди них и очень интересные. Запомнилась одна старая кукла, за которой у нас сохранилось имя Соломонида по ее роли в «Вертепе». У нее было на редкость выразительное лицо. Углы ее резко очерченного рта кончались глубокими характерными завитками, придававшими ее лицу при игре света и тени любое выражение. То казалось, что она плачет, то улыбается. Незаменимым изобретателем как в технике сцены, так и в построении куклы явилась Елена Александровна Янсон. Надо было самим додумываться до всех тех тонкостей и трюков, которые на Западе передаются от отца и сыну. Так, например, единственные марионетчики-профессионалы Парижа, семья Вальтонс, выступавшие в 20-х годах XX века, ведут свою генеалогию со времен Французской революции 1789 г.

В Детском театре-студии той самой зимой ставили пьесу «Саламинский бой» А.И. Пиотровского (музыка Шапорина). Костюмы были исторически и этнографически выдержаны в соответствии с климатом Эллады, а в театре стоял неистовый холод. Во время одной из генеральных репетиций встречаю в фойе красивого актера С[афарова] — с типичной внешностью героя-любовника. На голове шлем, а поверх легкого костюма греческого воина, с голыми коленками, накинута добротная шуба. Он в ярости. «Помилуйте, — говорит он негодующим баритоном, — на сцене четыре градуса тепла! Вы понимаете, с моими данными играть при четырех градусах!»

Но мы работали целые дни, не обращая внимания на градусы. Правда, мы были в шубах и валенках. Нам была необходима серьезная лабораторная работа, но вместе с тем мы должны были доказать свое право на существование. Поэтому, едва освоив трудную науку создания марионеток, мы принялись за постановку пьесы М.А. Кузмина «Рождественский вертеп» с музыкой автора. Пьеса оказалась коротка, и, чтобы заполнить целый спектакль, присоединили «Царя Салтана» (в моей обработке). Можно себе представить, сколько выдумки надо было проявить на первых порах, чтобы марионетка выучилась обыгрывать предметы, это ведь не Петрушка, которому все дается легко, у которого человеческие пальцы хозяина положения.

Интересные и красочные эскизы костюмов и декораций к «Вертепу» и «Салтану» сделала очень талантливая, рано умершая художница Надежда Владимировна Лермонтова (1885—1921). По ее эскизам выполняла костюмы художница Ю.А. Тиморева — она раскрашивала миткаль и создавала очень театрально-красивые вещи.

В Архиве Октябрьской революции в делах Отдела театров и зрелищ сохранились все протоколы заседаний коллегии; из них всю нашу театральную

жизнь видишь как на ладони. Работа кукольного театра, как совершенно новое дело, занимала всех, и вот в Архиве я нахожу такую повестку:

«Отдел театров и зрелищ. 24.XII.1918 г. Петроград. Л.В. Яковлевой.

Вследствие проявления комиссаром Отдела интереса к постановкам Кукольного театра Художественная часть театра-студии просит представить все эскизы и материалы, относящиеся к постановке, и прибыть лично в среду 25 декабря (18-го г.) в 11 часов дня в помещение театра-студии».

Работали мы целыми днями.

Елена Александровна Янсон, как архитектор, взяла на себя обязанность техника сцены и проявляла чудеса изобретательности. Мы с ней оставались в театре до позднего вечера, шли потом вместе до цирка[9], чтобы отсюда разойтись пешком в противоположные концы города. Я жила у Покрова, Елена Александровна — на Петроградской стороне, на Широкой.

Здесь, у цирка, мы простаивали чуть не часами, столько было еще нерешенных вопросов, выдумок, находок. Мы смеялись, что придется носить с собой складные стулья, — нашим разговорам не предвиделось конца.

С материалами было трудно. По установленным ценам ничего нельзя было достать. Приходилось многое покупать по взвинченным рыночным. Управляющим делами Отдела театров и зрелищ был Петр Петрович Крючков. В ту пору это был миловидный стройный молодой человек лет 20, с волнистыми каштановыми волосами, синими глазами, жемчужными зубами и нежным румянцем. Я приходила к нему с просьбой отпустить нам столько-то аршин миткаля (у отдела были склады).

— Зачем вам миткаль? Вас пять женщин, режьте свои юбки, — отвечает Крючков. Я ухожу, но не теряю надежды.

На следующий день тот же ответ. На третий день Крючков берет мое заявление.

— Харашо, харашо (с ударением почему-то на а), — и пишет распоряжение выдать мне требуемое количество миткаля. И так всегда. Надо было только запастись терпением и упорством.

В начале 30-х годов Алексей Николаевич Толстой гостил у А.М. Горького в Сорренто и привез оттуда много фотографий домашнего окружения Алексея Максимовича. На всех фото был и Крючков, в то время личный секретарь Горького. Узнать его было невозможно. От былой стройности и миловидности не осталось и следа. Опухшее, одутловатое лицо с крошечными заплывшими щелками глаз.

12 апреля 1919 года мы дали свой первый спектакль в бывшем театре Елисеева, как тогда называлось помещение, занимаемое теперь Театром комедии, и куда той весной перекочевала студия. Как мы волновались — легко себе представить. Спектакль был обставлен хорошо, прошел гладко. Музыкальные номера исполнял квинтет. Очень хорошо звучала музыка к «Вертепу». М.А. Кузмин однажды сказал: «У меня не музыка, а музычка, но в ней есть свой яд». У него были прелестные песенки, оперетты «Возвращение Одиссея», «Куранты любви», «Венецианские безумцы» и превосходная вокальная сюита «Города» (Углич, Москва, Петербург). Мало кто знал ее, и судьба ее мне, к сожалению, неизвестна[10].

Однажды на наш спектакль пришел Таиров вместе со своим актером С., который увлекался куклами. С. долго жал мне руку и благодарил за то, что я завоевала куклам право гражданства.

Мы играли на Невском до 20-х чисел июня (1919), когда встал вопрос о нашем переезде в Народный дом. Этот переезд очень пугал меня: было страшно затеряться среди веселых кресел, вертящихся колес и американских гор, превратиться в очередной аттракцион; ведь мы еще еле-еле становились на ноги, и казалось, не выплыть нам в таком окружении. Но Н.В. Петров утешал меня: «Если у театра есть жизнеспособность, вы и в Народном доме выплывете».

Не потонул театр ни в Народном доме, ни во многих еще более опасных водоворотах.

При переезде нам пришлось расстаться с квинтетом, у нас остался только рояль. Нам отвели в саду летнее помещение, нечто вроде длинного сарая с невысокой эстрадой для сцены, и снабдили всем необходимым:

«26.VI.19. Зав. хозяйственной частью т. Либину. Художественная часть отдела просит вас в срочном порядке о выдаче Кукольному театру 150 аршин старого холста, 30 аршин миткаля, гвоздей, досок, брусков, проволоки, английской веревки, ниток и булавок. Кроме того, откомандировать для Кукольного театра плотника и портниху, а если таковых не имеется, разрешить Кукольному театру нанять нужных людей для дела самостоятельно».

Наш театр имел очень большой успех как у детей, так и у взрослых. Весело было смотреть на длинные очереди у нашей кассы. Дело было невиданное — настоящий кукольный театр. Я объединила всех дивертисментных кукол, доставшихся нам от старых профессионалов, в самостоятельное цирковое представление, добавив к ним слона и лошадь. Текст написал К.Э. Гибшман, известный эстрадный актер и блестящий конферансье, —

текст веселый, доходчивый, в чуть раешном стиле. Гибшман приходил к нам в театр и тут же иллюстрировал свой текст танцами и пением, которые мы прилежно переводили на кукольный язык. До сих пор весело вспоминать нашу совместную работу с остроумнейшим, полным юмора, обаятельным Константином Эдуардовичем. Он приплясывал, напевал свои песенки, пианист записывал их на лету, и мы быстро поставили «Цирк». Спектакль имел громадный успех. Многие трюки были для зрителей непостижимы.

Во время спектакля я обычно сидела в публике, чтобы отмечать погрешности игры и слушать отзывы. Бывали курьезы. Как-то ко мне обратилась моя соседка, гражданка в шляпе: «Я понимаю, это большие куклы, — сказала она. — Но жонглер? Жонглер, конечно, человек. Кукла так работать не может». И была потрясена, когда я стала уверять, что жонглер тоже кукла. Благодаря пропорциям сцены марионетки казались очень большими. Некоторым цирковым трюкам мы учились по куклам старых профессионалов. К ним принадлежал и жонглер. Но многие номера мы изобретали сами. Например, сложный и хитроумный номер канатоходки (который, по словам Елены Александровны Янсон, являлся моим изобретением), ваги для зверей, для парных танцоров и т.д. Эта постановка легла в основу всех последующих цирковых представлений в театрах марионеток. Цирковую лошадь, серую «в яблоках», сделала Елизавета Сергеевна Кругликова и очень забавно расписала ее. Лошадь была в буквальном смысле в румяных яблочках с листиками у черешка. Эта невиданная масть веселила как детей, так и нас самих.

Но одеть цирковых актеров было не так-то просто. У меня сохранилось письмо художника Бонди. Юрий Михайлович посылает мне нераскрашенный рисунок костюма для «Цирка» и спрашивает, есть ли у нас анилиновые краски и какие цвета. «А если красок нет, не лучше ли шить костюмы из цветных тряпочек?» И мы усердно собирали шелковые, бархатные и парчовые обрезки, кусочки газа, тюля. Ведь не оденешь балерину в миткаль.

16 июля 1919 года в газете «Жизнь искусства» была коротенькая статья «В кукольном театре»: «13 июля Кукольный театр поставил новую пьесу-сценарий К.Э. Гибшмана “Цирк”. Перед зрителем проходят все обычные персонажи цирка, начиная от директора (он же конферансье), малолетней наездницы мисс Арабеллы, жонглеров-соперников, плясуньи на “туго натянутом канате”, карликов, клоунов, акробатов на трапеции и кончая, наконец, русским комическим дуэтом с танцами, частушками и прибаутками. Программа смотрится легко и с интересом, особенно молодой аудиторией...

Все три серии театр был переполнен». Как же было нам не радоваться всей душой на наше новорожденное дитя!

Театр заинтересовал общественность. В августе 1919 года в «Жизни искусства» появляется очерк Вл. Лачинова о марионетках на Западе, о том интересе, который проявили к кукольному театру такие писатели, как Лесаж, Гете, Гофман и др. Очерк начинается словами: «С успехом действующий ныне в Петербурге Кукольный театр еще раз подтверждает, насколько эти представления дороги сердцу и профанов, и знатоков»[11].

Интересовался театром и Константин Державин. Он писал весной [19]20 года о «Смысле Кукольного театра»[12].

Весной и летом в наш коллектив вошли Валентина Васильевна Янкова и Евгений Иванович Грейнер. Надо сказать, что все первые годы существования театра марионеток за кукол читали актеры и актрисы. Невропасты (кукловоды) были еще слишком неопытны, игра марионетки требовала такого напряженного внимания, что было не до текста и надо было еще поработать над постановкой голоса, читкой. Одними из первых чтиц были опытная актриса Некрасова-Колчинская, имевшая в прошлом свою труппу, и Маргарита Георгиевна Чарина-Угельская.

В то лето шел внутренний ремонт Оперного театра Народного дома под руководством Владимира Алексеевича Щуко. Как-то раз Мария Федоровна Андреева повела меня осматривать зрительный зал этого театра и рассказала, что какие-то приезжие не то из Москвы, не то из-за границы, я не помню, упрекнули ее за излишнюю «аристократичность» отделки зрительного зала. «Вы правы, — ответила она, — я готовлю театр для аристократии нашего времени — для рабочих, для трудящихся. Они это заслужили, они этого достойны».

В то время у петроградцев была еще особая нагрузка: дворники и швейцары были упразднены, их заменяли жильцы. Однажды в ночную смену я дежурила с моей приятельницей, жилицей того же дома. Дежурили всегда по двое, для устрашения грабителей, которых, кстати сказать, как будто и не было. Мы сидели на складных стульях у ворот. Раздавался отдаленный грохот пушек. Наступал Юденич. Город был объявлен на военном положении, кое-где готовились баррикады. Но и тогда, и во время блокады Ленинграда в [19]41 — [19]44 годах я была твердо уверена, что враг не войдет в Ленинград, — сомнений у меня не было.

Для хождения по Петрограду в ночное время у нас, как и у всех артистов, были пропуска.

Слово «артисты» напоминает мне, с каким трудом мы добились признания, что наша деятельность — артистическая.

Насколько наше дело было ново, можно судить по тем трудностям, которые возникли, когда кукловоды захотели сделаться членами Союза работников искусств.

Председатель комиссии, рассматривавшей заявление, старый актер б[ывшего] Александринского театра Б., был искренне возмущен желанием кукловодов именоваться артистами. Он признавал их только техниками. Другой член комиссии, бутафор Мариинского театра Осипов, подмигивал нам, призывая к терпению. Он утверждал, что Б. в глубине души признает артистами только актеров Александринского театра, вернее, «Александровского», как старые актеры, вроде Н.П. Шаповаленко, называли свой театр. Но в конце концов мы все же переупрямили этого упрямца.

Зимой [19]19—[19]20 года у нас была построена стационарная, очень большая и глубокая сцена по проекту архитектора С.С. Некрасова. Над сценой были сделаны выступы, нары на кронштейнах. Лежащий на них кукловод мог выводить марионетку с переднего плана. Такое устройство очень расширяло постановочные возможности. Марионетка играла теперь не только «у воды» и по горизонтали, она могла переходить на передний план, обыгрывать весь планшет. Впоследствии мы убедились, что эта сцена слишком громоздка и лишает театр его главного преимущества — портативности. Да кроме того, лежа на нарах, было очень неудобно и утомительно работать — затекала голова.

Много позже, в 1928 году, когда был приобретен большой опыт, Елена Александровна Янсон-Манизер сконструировала очень удобную сцену для кукольного кружка, которым руководила в Доме учителя. В этой сцене был расширенный разборный планшет со вставными боковыми тропами.

В театре приходилось сталкиваться с большими недоделками и трудностями, но театр был на государственном бюджете и существовал театральный коллектив, а это много значит.

Но домашний быт тех лет — это ни в сказке сказать, ни пером описать; особенно трудно было семейным, с маленькими детьми: ни дров, ни молока, ни мяса, ни масла, какие-то хлопкожиры и жировары. Выручала изредка маханина (как тогда называли конину) в татарских мясных, но они встречались редко. А когда разыскивать продукты? Ведь целый день был занят театром. У нас была большая квартира в четыре комнаты (метраж тогда не

исчислялся). Ютились мы в детской. Сыну в [19]19 году минуло 4 года. Осенью он заболел ползучим воспалением легких, простудившись в детском саду, и проболел два месяца.

Кухонные столы, полки, табуреты, ящики от комодов были уже сожжены. И тут добрые люди надоумили нас: в таком-то доме на Садовой есть лавчонка, где торгуют резиновыми подошвами и набойками. Надо знать пароль, и у вас будут дрова. Все произошло как по писаному, и в мой выходной день нам привезли воз дров. Счастье наше было безмерно. Мы жили на четвертом этаже, а кухня была в пятом, из парадной вела туда лестница. Дома никого не было. Я одна, сгоряча, перенесла весь этот воз на пятый этаж, мечтая, как я затоплю печь. Среди дров были и тонкие длинные жерди, были толстые столбы метра в полтора длины. Перетащила, нарубила и затопила печь.

Но, как видно, надорвала свои силы — некоторое время я не могла поднять даже ведра воды. Водопровод-то не действовал, за водой приходилось ходить в один из подвалов во дворе. Там находился водомер, и рядом из трубы текла вода. Кругом стояли большие лужи, к заветному крану надо было подходить по дощечке, обледенелой и скользкой. По воду ходить следовало или рано утром, или поздно вечером с лампой.

Когда начинаешь вспоминать то далекое время, за длинной вереницей лет встают в памяти образы людей, не нашедших дороги и выхваченных вихрем новой жизни, людей, которых насмерть испугал бурный поток творческой энергии народа. Про них Есенин очень верно сказал:

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубь в решете,
Средь непонятных им событий[13].

По дороге в Народный дом, по утрам, я некоторое время встречала в конце Невского, у Штаба, торопливо идущего опустив голову небольшого человека лет 45, в темной крылатке на покатых круглых плечах, в котелке. Круглое, слегка отекшее, бледно-восковое лицо. Он торопится, смотрит на встречных исподлобья, а в его круглых темно-карих глазах застыл беспредельный ужас. Забыть эти глаза невозможно.

Мне казалось, что он, вероятно, мелкий чиновник; может быть, у него были кое-какие сбережения.

Революция выбила его из седла, сбережения пошли прахом, а тут еще и голод, и холод, непонятная жизнь. Им овладел невыносимый, мучительный страх. Я замечала при каждой встрече, что глаза смотрят все испуганнее, лицо становится все более желто-восковым. Потом я перестала его встречать. Вероятно, он умер.

В моей памяти сохранилось много таких промелькнувших образов с изнуренными восковыми лицами и испуганными до ужаса глазами.

В нашем доме на Канонерской появилась в 1918 или [19]19 году графиня Бреверн де ла Гарди, бывшая фрейлина вдовствующей императрицы. Она поселилась на одной площадке с нами, в квартире молодой женщины, которая недавно овдовела и уехала с маленьким сыном в более хлебные места.

Графиня иногда выходила к нам. Высокая, худая, очень прямая, с тонким породистым лицом, типичная прибалтийская аристократка. Ей было лет 60.

При осмотре одной из старинных таллиннских церквей сторож всегда показывает надгробную плиту семьи Бреверн де ла Гарди, потомков, по его словам, Карла XII.

Как-то графиня мне сказала: «Какая плохая мебель у этой молодой О.П., просто хлам. Как можно жить среди таких вещей! Я их жгу, топлю ими печь. Большевики, конечно, скоро уйдут, я ей привезу из нашего имения прекрасную мебель».

Она превосходно знала языки и давала уроки.

В [19]20 году летом нам меняли старые паспорта на трудовые книжки. Аристократическая гордость графини восстала против такого унижения. Она предпочла остаться и без трудовой книжки, и без продуктовых и хлебных карточек. Мы уехали. Я узнала позже, что голодание довело ее до сильного истощения, она не смогла давать уроки и умерла весной [19]21 года в полной нищете.

За зиму [19]19—[19]20 годов мы сделали три постановки. Я уговорила Елену Яковлевну Данько написать для театра пьесу в стихах, она попробовала и написала «Красную Шапочку». Елена Яковлевна была очень молода и неопытна; «Красная Шапочка» — это первая проба, очень наивная и неровная, но с нее началась ее писательская работа. Поставил сказку Тверской, я писала декорации по своим эскизам, а Ю.А. Шапорин написал музыку; там была очень милая колыбельная Красной Шапочки.

Со старшей сестрой Елены Яковлевны — Натальей Яковлевной Данько, скульптором фарфорового завода им. Ломоносова, — я познакомилась в 1909 году, когда ей было 17 лет. Наша долголетняя дружба прервалась толь-

ко с их злополучным отъездом в начале 1942 года в эвакуацию, отъездом, стоившим жизни всей семье. Елена была моложе сестры лет на шесть, ей было тогда 18 или 19 лет. Эта очень молоденькая тоненькая высокая девушка с умным и интересным лицом педантично серьезно и добросовестно относилась к делу, к своей работе. Я забыла, по какому поводу, но очень хорошо помню, как шутя сказала ей: «Я почти вдвое вас старше, но чувствую себя иногда гораздо моложе вас». Педантизм ее шел от большой молодости, но углубленная серьезность являлась основной чертой ее характера. Жила она в то время одна, и жилось ей трудно — впроголодь. Водить кукол было нелегко, в особенности на первых порах, с непривычки. Надо было работать, стоя на высокой тропе*, опираясь грудью на перила, наклоняясь над планшетом сцены и низко опустив голову. Бедной девочке несколько раз делалось дурно на тропе, и товарищи снимали ее вниз — отдышаться. Она рассталась с нами в ноябре 1919 года, чтобы переехать к матери и сестре, жившим за фарфоровым заводом на проспекте села Смоленского; ездить оттуда ей было, конечно, не под силу.

Елена Яковлевна проработала у нас неполный год, но за это время успела полюбить марионетку и поняла диапазон ее возможностей. Это знание марионетки отразилось на всей ее драматургии для кукольного театра.

«Красная Шапочка» была ее первой пробой, еще совсем наивной и сырой. «Сказка о Емеле» ([19]20) была уже гораздо лучше и конструктивнее. Затем идет целый ряд пьес: «Пряничный домик» ([19]23), «Колобок», «Дон Кихот», «Страшный сон» и в [19]28 году «Гулливер у лилипутов», который до сих пор не сходит со сцены. Режиссерски его блестяще решил Тверской. Здесь впервые был введен живой актер, Гулливер, играющий с маленькими, смехотворными существами. Затем она великолепно инсценировала «Золотой ключик» А.Н. Толстого (1936), сохранив всю кукольную фантастику этой чудесной сказки, Толстой остался очень доволен этой инсценировкой. Последняя работа Елены Яковлевны для театра (1937), «Буратино у нас в гостях», — это приключения героев толстовской сказки в СССР. Пьесу эту очень любили ребята, шумно реагировали на все каверзы Карабаса и на победу любимого Буратино. В прелестной повести Ел. Данько «Деревянные актеры» мы видим, как глубоко она поняла марионетку, характер ее пластики и выразительности, технику построения и вождения, как любила она этот театр.

* Тропа — высокий помост с задней стороны сцены, с которого кукловоды водят марионетку.

О литературных и литературоведческих работах Елены Данько я говорить здесь не стану.

Несмотря на дальность расстояния, я очень любила бывать у сестер Данько и их милой матери Ольги Осиповны. У них дышалось чистым горным воздухом.

Почти в одно время с Е.Я. Данько к нам поступила Вера Георгиевна Форштедт, о которой я уже упоминала.

В 1916 году Н.В. Петров предложил ей театральную работу. Но когда, придя к нему, она узнала, что речь идет о театре марионеток, разочарование было полное. Она училась в это время в Школе сценических искусств у Петровского и мечтала об артистической карьере. И вдруг куклы! Это ее совсем не привлекало.

«Вот, посмотрите», — и Петров дал ей в руки куклу Аркашку. Это была чудесная марионетка Козлова, особой конструкции, очень подвижная и выразительная.

Аркашка был так обаятелен, что пленил сердце Веры Георгиевны, и она увлеклась марионетками на всю жизнь.

Петров уехал, махнув рукой на Кукольный театр, к которому больше не возвращался. В.Г. окончила школу у Петровского, и студия командировала ее летом [19]17 года в Славянск. Летом [19]18 года играла в Сестрорецке в театре миниатюр. В том же году в Петрозаводске вместе с актером Брифом она поставила с петрушками «Царевну-лягушку». Но тут В.Г. получила мое письмо и в феврале [19]19 года присоединилась к нам.

В.Г. была опытнее нас. Несколько месяцев работы у Петрова дали ей известные навыки вождения куклы, она поняла ее пластику, ритм ее жеста. Как театральный и очень талантливый человек, бесконечно добросовестный и любящий свое дело, В.Г. являлась для нас очень ценным товарищем. Она сразу же укрепила наш коллектив. Работая у нас, В.Г. в то же время занималась в Эрмитажном театре у Мейерхольда — играла Валера в «Мнимом больном». После года работы у нас ей пришлось уехать с мужем, способным режиссером А.В. Туцевичем, в Псков, а затем в Петрозаводск. Здесь она не забывала марионеток и разработала целый комплекс ритмических упражнений для кукол.

Весной 1923 года, когда мы обосновались в ТЮЗе, я опять вызвала Веру Георгиевну. Она приехала и с тех пор уже не расставалась с Кукольным театром, со своим коллективом.

В.Г. Форштедт и Е.Я. Данько жили в районе Литейного. Идти им было по пути. Из Народного дома до Литейного не рукой подать — дорога длин-

ная, через мосты, вдоль «Невы державного теченья»... Елена Яковлевна читала Блока, Пушкина, Ахматову... Они и не замечали, как приходили домой.

Вслед за «Красной Шапочкой» Данько написала «Сказку о Емеле-дураке» по инициативе Елены Сергеевны Кругликовой, которая очень увлекалась этой сказкой. Ставил ее также Тверской, декорации и костюмы — Кругликовой. Мы приурочили первый спектакль к годовщине открытия театра.

12 апреля 1920 года состоялась премьера «Сказки о Емеле-дураке» в 7 картинах.

Эта пьеса очень сценичная и на редкость кукольная. Реальный быт в ней весь пронизан сказочной фантастикой; все предметы деревенского обихода — печка, ведро, топор, сани, — двигаются сами собой, по щучьему велению. Зрители, как большие, так и маленькие, очень любили этот спектакль. Мы также возобновили, вернее, заново поставили «Царя Салтана», заказав на этот раз музыку композитору Вере Виноградовой.

Уже 17 апреля 1920 года в «Жизни искусства» была напечатана очень интересная статья Вл. Соловьева о нашем театре «Вместо рецензии». Я привожу некоторые выдержки из нее: «На этой неделе в здании Петроградского драматического театра любезно открыл свои двери Кукольный театр. Труппой марионеток под режиссерством К.К. Тверского и в декорациях Е. Кругликовой с надлежащим старанием и сценической убедительностью была разыграна “Сказка о Емеле-дураке”.

Успеху пьесы много содействовали героические усилия лиц, именуемых невропастами, за несколько месяцев работы, правда, еще не овладевших техникой, которой обладали профессионалы-кукольники, но преодолевших весьма мужественно и упорно ряд затруднений, встречающихся в сценической практике управления куклами.

Кукольный театр в России дело сравнительно новое. После театра марионеток Ю.Л. Слонимской (1916), кажется, инициатива Л. Яковлевой является единственной в изыскании и осуществлении путей кукольного театра. И вместе с тем возникает ряд вопросов, разрешение которых крайне необходимо для отыскания русла, по которому должна идти жизнь этого театра марионеток».

В.Н. Соловьева интересует вопрос о характере и стиле спектаклей, вопрос репертуара. Он пишет: «Марионетки смогут создать особый вид театральных представлений, тяготеющий как к сценической фантастике, так и к политической сатире». Затем о технике, театральном убранстве и выделке кукол: «Костюмы кукол по рисункам Калмакова в театре Ю. Слонимской страдали излишней изысканностью и стремлением к ретроспективной мечта-

тельности. Куклы работы Кругликовой в сравнении с ними — значительный шаг вперед...»

1 мая 1920 года наш театр принял участие в грандиозном праздновании этого дня.

Я привожу протокол отчета о проведении празднества, чтобы сохранить свежесть восприятия того времени.

«В Летнем саду

Передвижная сцена Кукольного театра п.р. Яковлевой была установлена на специально сооруженной площадке около Кофейного павильона Росси[14]. Белый портал и ширмы миниатюрного театра очень хорошо вырисовывались на фоне молодой зелени, привлекая своим видом внимание многочисленной публики. Спектакли начались с 8 ½ часов вечера и шли по несколько раз с 15-минутными перерывами. Программа была составлена из очередных постановок театра. Шли «Цирк» — текст Гибшмана, «Зверинец» — его же, и «Емеля на войне, или Разговор русского с немцами» С. Радлова. Спектакли прошли с громадным успехом при большом стечении публики. Вся площадка была запружена народом, дети сидели на деревьях и статуях. Последний спектакль дали по требованию публики после 12 часов, несмотря на огни фейерверка на Марсовом поле».

В молодости мне пришлось видеть такие великолепные иллюминации, как 14 июля в Париже, в день взятия Бастилии; на Женевском озере в праздник гостиниц и санаторий. По берегу озера и по всем склонам гор сверкали огни, как драгоценные ожерелья. Мы любовались с середины озера, черного, как китайская тушь; в нем отражались все огни и огненные пальмы и мельницы фейерверков.

И все-таки я должна сказать, что никогда не видала прекраснее фейерверка, чем в ту белую, прозрачную ночь 1 мая, с розовыми сияющими огнями на светлом бледно-бледно-зеленом весеннем небе Петрограда.

В этот день на портале б[ывшей] Фондовой биржи был поставлен массовый спектакль: «Гимн освобожденного труда», мистерия, посвященная 1 мая. Начало в 10 вечера. Поставил это «действо» С. Радлов. Серж, гимнаст и наездник, выезжал на белом коне в костюме Наполеона на портал биржи. По его словам, самое трудное было ввести коня по ступеням биржи.

В Летнем саду, на ступенях Инженерного замка, артисты Большого оперного театра (Мариинского) исполняли оперу «Паяцы». Было оборудовано 10 трамвайных площадок, курсировавших по городу, и 3 грузовика.

Площадка Радлова: «Разделение России», 6 спектаклей.

Площадка Орлова: «Бродячие музыканты», 4 спектакля.

Площадка Гречнева: «Русские песни в лицах», 9 спектаклей.

Площадка Пиотровского: «Последний царь», 8 спектаклей.

Площадка Соловьева: «Счастье планеты», 11 спектаклей.

Площадка Кисловской: «Сказка о Репке», 12 спектаклей.

Площадка Раппопорта: «Обряд сватовства», 16 спектаклей.

Площадка Воинова: «Блокада», 8 спектаклей.

Площадка Пролеткульта: 6 спектаклей.

Площадка на паровике Радлова: «Происки капиталиста», 7 спектаклей.

Грузовик Воинова: «Барыня Антанта», 6 спектаклей.

Грузовик украинской труппы: 3 спектакля.

Всего 104 спектакля.

Наш коллектив разрастался, театр пользовался успехом, завоевал хорошую славу; интересовались его дальнейшими путями.

В [19]19-м или начале [19]20 года ко мне пришел юный студент Макарьев, которому очень хотелось изучить кукольное ремесло, стать невропастом. Я сомневалась, принять или не принять, и посоветовалась с Крючковым. «Не советую вам принимать студента в свой коллектив, — сказал он, — вы его обучите, а через три месяца он все равно уйдет». И он был прав.

Когда мы перешли весной [19]23 года в ТЮЗ, Леонид Федорович Макарьев был уже одним из ведущих актеров театра.

К нам пришло много нового народа. Юрий Михайлович Юрьев рекомендовал мне в качестве чтецов двух своих учеников: Андрея Афанасьевича Макашова, Михаила Ивановича Царева (теперешнего художественного руководителя Московского академического Малого театра). Тогда же, в июне 1920 года, поступили в театр Надежда Бернардовна Эмлер и художница Вера Ивановна Жукова. Эмлер, насколько мне помнится, была с театральным образованием, ее интересовало новое дело, она изучала его, занимая должность помощника режиссера.

В.И. Жукова была очень одаренная художница и скульптор, живая, с большой инициативой. По-настоящему образованный и культурный человек, она внесла живую струю в наш растущий коллектив.

Жукова заняла у нас место заведующей монтировочной частью, вырезала, исправляла кукол.

Пришли несколько молоденьких девочек: Зина Устинова, Лида Семенова, Эрна Фельдт, Люся Тиморева, Нюра Силина и две немочки — Эрика и Анхен Ланграт, но эти последние довольно скоро уехали в Ригу. Всем им было по 14—15 лет. Некоторые из них работают в театре и по сию пору. Тогда же поступили Анна Николаевна Николаева и Мария Платоновна Богданова, они были чуть постарше этой детворы. Машенька Богданова была очень способная и с большим юмором. Мне всегда казалось, что она создана для сцены и из нее вышла бы выдающаяся характерная актриса. Но ее старший брат Федор Платонович, способный актер Народного дома, не пустил ее на сцену. Он впоследствии перешел в Драмтеатр имени Пушкина (б[ывший] Александринский).

То лето было какое-то веселое. Мы давали по несколько сеансов. У нас по-прежнему были полные сборы, шли четыре пьесы: «Цирк», «Царь Салтан», «Красная Шапочка» и «Емеля». Театр пользовался успехом, и мы чем дальше, тем больше увлекались марионеткой и ее возможностями.

Помнится, в том году в Петрограде было очень много яблок, и обыватели острили: мы живем как в раю, ходим голые и едим яблоки. И правда, с одеждой и обувью было не легче, чем с продуктами: перелицовывали старье на все лады. А что было на ногах! Мой муж купил мне тем летом на Невском с рук очень приличные парусиновые туфли с кожаными носками за 5000 рублей. Это было недорого по тем временам и как нельзя более кстати. На другой день я их обновила, идя в театр.

После спектакля пошли домой; моей спутницей была девочка-подросток Люся Тиморева, ученица-невропаст нашего театра, живущая в одном со мной доме. Надвигалась туча, и погромыхивало. Из Народного дома наш путь лежал через Биржевой мост, Дворцовый, мимо Исаакиевского собора, по Морской (теперь Герцена), мимо Мариинского театра, по Лермонтовскому... словом, дистанция огромного размера, считаные 7 верст. Когда мы дошли до Исаакия, туча уже облегла все небо, разразилась гроза, хлынул проливной дождь. Мы бодро шли дальше, как вдруг я заметила странное поведение моих новых туфель. Они бурно пенились по всем швам. Пенились, пенились и развалились на все составные части! Пришлось их бросить. Люся из солидарности быстро разулась, и мы так же бодро пошли дальше босиком.

Наш путь лежал мимо казарм Балтийского флота. На этом углу, по-видимому, была пекарня. Пахло горячим ржаным хлебом. Захватывало дух, и кружилась голова...

В трудные моменты жизни, в моменты болезни близких, спасал Александровский рынок. Там можно было и купить, и продать все что угодно. Сын болел. Я продавала с себя без сожаления все, что находило покупателя. Была я еще новичком в этом деле, но мне помогали добрые советы Любови Дмитриевны Блок, с которой мы не раз встречались на рынке. Умудренная опытом, она мне указывала места, где стоять, где скорее мог подвернуться покупатель. У Александра Александровича был сильный фурункулез, ему было необходимо сливочное масло, усиленное питание... Вот тут на помощь Любови Дмитриевне и приходил Александровский рынок. Но, невзирая на непомерные тяготы жизни, вопреки им мы продолжали с тем же увлечением свое дело.

Нашим ближайшим соседом в Народном доме, в Железном зале, был Театр художественного дивертисмента[15].

9 января 1920 года состоялся первый спектакль цирковой комедии С. Радлова «Невеста мертвеца, или Сватовство хирурга».

В спектакле участвовали актеры: Гибшман, Елагин, Александров, Ф. Глинская, В. Чернявский и др. и артисты цирка Дельвари — Серж, Алекс, Вильямс, Такошими, Лиди́. Оформление В.М. Ходасевич, постановка автора, музыкальная часть М.П. Карпова.

Через несколько дней в «Жизни искусства» появилась статья Вл. Соловьева об этом спектакле:

«Искусство малой сцены было взято у нас под подозрение. Всячески надо приветствовать попытку С. Радлова возродить у нас упавшее искусство народной комедии, поставившего с этой целью свою импровизованную комедию "Невеста мертвеца" с участием цирковых актеров.

Чередование традиционных театральных персонажей с героями сегодняшнего дня сообщило всему спектаклю характер преувеличенной пародии.

Представители цирка с честью вышли из испытания; они не только надлежащим образом исполнили свои цирковые номера, но проявили много веселья и остроумия в установлении окончательной редакции импровизованного текста... Особенно следует выделить Сержа, давшего гротесковый образ бабушки Елизаветы, с чрезмерной легкостью выпрыгивающей из верхнего окна дома банкира» (Вл. Соловьев. 14 января 1920 года).

Мне пришлось беседовать с Сержем (Александр Сергеевич Александров). Он хранит до сих пор яркое и веселое воспоминание о своем участии в труппе Народной комедии. Работа над текстом, над образом была от-

кровением для него и его товарищей. Все было ново, и все были молоды в этом театре.

Очень характерно в этом отношении письмо в редакцию «Жизни искусства» группы цирковых артистов от 3 февраля [19]20 года:

«Мы, артисты старого циркового искусства, приносим свою благодарность художественной Комиссии при Железном зале Нардома в лице М.П. Урванцевой и Н.Е. Буренина за их внимание и теплое участие в целях поднятия циркового искусства артистов малой сцены и арены в художественном и творческом смысле. По их инициативе была организована первая цирковая мастерская артистов сцены и арены, и по их предложению было написано несколько комедий, пантомим и буффонад. Первой из них была поставлена комедия-буффонада С. Радлова "Невеста мертвеца", где режиссер нашел самое широкое применение цирковому искусству во всех его видах! Со стороны артистов цирка нововведение встретило самое живое участие...» И подписи:

Уполномоченный 1-й мастерской артистов сцены и арены Б.Д. Козюков — музыкальный эксцентрик и клоун Боб;

Ж. Дельвари — прыгун-эксцентрик;

Пащенко — жонглер;

Серж — полетчик и гимнаст;

Александров Павел — шталмейстер и режиссер;

Вильямс и Алекс — факельщики-балансеры;

Лиди́ — музыкальная клоунесса;

Такошими — японский жонглер;

Таурек — акробат.

17 февраля 1920 года была премьера комедии Радлова «Обезьяна-доносчица». Серж играл обезьяну и спускался чуть ли не с потолка по железным фермам на сцену.

С этих пор театр стал называться Народной комедией, имея на то полное право и являясь одним из самых ярких театральных явлений первых лет советской власти.

Для таких пьес, как «Невеста мертвеца», «Султан и черт», «Обезьяна-доносчица» и многие другие, по словам артистки Ф.А. Глинской, не было твердого текста, подробный сценарий находился только у режиссера. Актерам предоставлялась полная свобода импровизации. На репетициях Радлов вносил поправки в текст.

Иногда и из публики подавались реплики и завязывался оживленный диалог. Точный, быстрый, насыщенный темп действия соответствовал динамическому ритму эпохи первых лет революции, героическим годам становления новой державы.

Весной [19]20 года на летней сцене была поставлена небольшая пьеса А.М. Горького «Работяга Словотеков» — сатира на руководство жилищного отдела[16]. Словотекова играл Дельвари, очень одаренный находчивый артист, импровизованные выходки которого заставляли зрительный зал смеяться до слез.

Словотеков—Дельвари лежал на кровати, не обращая внимания на жалобы и угрозы приходящих к нему просителей (Глинская играла прачку), у него только распухала голова, на которой вздувался огромный пузырь.

Горький приходил на все репетиции и спектакли, окруженный мальчишками-папиросниками, и хохотал вместе с ними до упаду.

Сатира, по-видимому, попала кому следует не в бровь, а в глаз, и пьеса после двух спектаклей была снята.

Мальчишки-папиросники были неотъемлемой принадлежностью Народного дома. Постоянные посетители Народной комедии, они сидели на полу перед сценой, аплодировали, кричали, хохотали, знали всех артистов по имени и прозвищу, составляли своего рода клаку театра.

В ноябре состоялась премьера «Виндзорских проказниц» Шекспира — комедии в 13 картинах с двумя цирковыми интермедиями.

Здесь уже никаких отступлений от текста не было.

Великолепным Фальстафом был Гибшман, Анна Педж — Глинская, миссис Форд — Басаргина, мистер Форд — Чернявский.

Артисты цирка играли слуг.

В конце декабря была поставлена комедия Вл.Н. Соловьева «Проделки Смеральдины» в постановке автора, в художественном оформлении Е.Н. Якуниной, справедливо разделившей, по словам А. Мовшенсона в «Жизни искусства», успех Соловьева.

«Якунина создала изумительное зрелище своими декорациями и костюмами. При удивительной экономии средств она достигла такой выразительности костюмов, такой значительности декоративных пристановок и мебели, нашла такие формы, размеры и цвета для бутафории, которые возможны только при тончайшем постижении существа театра, при громадной живописной одаренности и прекрасном знании театральных средств воздействия на зрителя. Это одно из лучших достижений Народной комедии» (А. Мовшенсон)[17].

Речь Смеральдины была написана для Глинской, очень талантливой и обаятельной артистки. Но она заболела, и ее заменяла Л.Д. Басаргина, жена А.А. Блока.

Блок, смотревший премьеру, был в восторге и сказал Якуниной, что он никогда не видел более жизнерадостного, яркого, оптимистического спектакля.

Прошел целый год работы Народной комедии.

Привлечь артистов цирка, включить их в спектакль с актерами, имеющими театральное образование, было рискованно и смело. Результат оказался блестящим.

Действие пьес естественно и закономерно захватывало в своем развитии всех этих лицедеев различных специальностей и профилей. Цирковые номера и движения вызывались действием и были очень убедительны.

«Радлов проявил исключительную изобретательность как в разработке сценических положений, так и в обогащении театра новыми шутками» (Вл. Соловьев).

Я почти совсем забыла содержание пьес, но очень хорошо помню то впечатление, которое у меня осталось от этих спектаклей, впечатление чего-то яркого, блестяще отточенного, завершенного.

Я до сих пор еще ни разу не обмолвилась о ценах, которые росли неудержимо и никак не соответствовали заработкам. Когда начиналась работа в Кукольном театре 1 декабря 1918 года, я получала, как заведующая театром и главный режиссер, 1700 рублей, невропасты — 1230 р.

В июне 1920 года моя ставка была уже 7200 рублей, невропастов 1-й ступени 6075 рублей, чтецы получали 6075 рублей по расценкам Рабиса[18]. Н. Лермантовой в начале 1919 года за эскизы декораций и костюмов к «Вертепу» и «Царю Салтану» было уплачено 2000 рублей «ввиду большого количества актов».

В 1920 году Е.С. Кругликова заключает договор на выполнение эскизов к «Вию» по 6000 рублей за акт и по 2000 рублей за написание одного акта на холсте.

Как я уже упоминала, Ив.Ив. Смирнов продал нам в конце [19]19 года семь или восемь кукол с вагами и нитками за 1500 рублей. В 20-м году в начале лета он продал нам катушки черных ниток № 00 для подвязывания кукол по 1500 рублей за катушку, а в конце лета уже по 2000 рублей за катушку; три дюжины — за 72 000 рублей. В протоколе сказано: «Цена признана приемлемой». Вага стоила 600 рублей. Такой же рост цен был и на продукты. Никаких денег не хватало.

Цены билетов
В июне [19]20 года

150 первых мест — по 100 рублей
150 вторых мест — по 75 рублей
150 входных мест — по 50 рублей

Осенью [19]20 года

125 первых мест — по 250 рублей
125 вторых мест — по 200 рублей
входные — 150 рублей

Подписка на газету «Жизнь искусства» с доставкой на один месяц — 20 000 рублей, подписка на газету «Жизнь искусства» без доставки на один месяц — 16 000 рублей.

В 1919 году или в начале [19]20-го артисты, музыканты образовали концертные бригады, обслуживали военные части. Мой муж был в бригаде Курзнера, певца Мариинского театра. Иногда после концерта артистов угощали ужином. Однажды после концерта в Инженерном замке Ю.А. привез сыну и мне два больших пирожка из темной муки с гречневой кашей. Пирожок показался божественно вкусным, и я ела его, зажмурив глаза от наслаждения; запомнила на всю жизнь. Артисты были прикреплены к военным частям и получали там военные пайки. Получали и мы в Народном доме красноармейский паек — это было существенной помощью. Но мало-помалу такие продукты, как постное масло, патока, селедка и пр., стали исчезать, и все заменялось пшеницей в зерне. Что было с ней делать? Мололи, мололи без конца на кофейной мельнице и варили кашу.

На Исаакиевской площади сквера тогда не было, но стояли скамейки. Тут, на полпути, можно было посидеть, отдохнуть. Здесь поздно вечером скрещивались дороги артистов, возвращающихся с концертов. Как сейчас вижу крупную, высокую фигуру Тартакова. Он пересекал площадь и вез на маленьких детских саночках объемистые свертки, очевидно паек.

Сколько мы тогда ходили и с какой легкостью! В.И. Жуковой, которая жила на проспекте Добролюбова у Народного дома, ничего не стоило, если работа кончалась засветло, пойти меня провожать на Канонерскую и, не

заходя ко мне, возвращаться домой. Длинные дороги нам скрашивал наш красавец город.

Наши планы, как я уже говорила, были очень широки, и летом [19]20 года мы обратились в Отдел театров и зрелищ с предложением открыть курсы невропастов. Мы писали:

«Театр работает 1 1/2 года. За это время подготовлено 10—12 невропастов, число совершенно недостаточное для правильного ведения одного только большого театра... Это препятствует распространению Кукольного театра...» Продолжительность курсов предполагалась в три триместра, то есть девять месяцев.

Предметы преподавания и преподаватели

Техника движения — Яковлева, Янсон
Ритмическая гимнастика — Барышникова
Импровизации, искусство невропаста — Н.В. Петров
Сценическое движение — К.К. Тверской
История театра всеобщего — В.Н. Соловьев
История театра кукольного — Тверской.

Наши широкие планы не имели поддержки в Отделе театров и зрелищ. Школа невропастов была организована лишь в январе 1921 года и просуществовала до мая того же года.

С осени 1920 года начали репетировать «Вия» по Гоголю. Эскизы декораций делала Е.С. Кругликова, костюмов — С.Н. Симхович, ставил Тверской, а куклы были заказаны Е.А. Янсон. Здесь, в кукольном театре, открылось подлинное призвание Елены Александровны и ее крупное дарование. Через несколько лет она окончила Академию художеств по скульптуре и является теперь общепризнанным мастером.

Весь Народный дом с нетерпением ждал этой постановки, так как «Вий» шел там до революции в драматическом театре с громадным успехом и был очень популярен у публики Народного дома. Но их инсценировка отличалась невероятной пошлостью — не знаю, кто был автором. Я ее беспощадно сократила и урезала.

28 ноября 1920 года состоялась премьера «Вия». Посмотревший «Вия» Александр Нератов пишет об этом спектакле:

«Необычное, странное, двойственное чувство: с одной стороны, впечатление какого-то сложного технического аппарата со строго размеренными,

определенными функциями. С другой — настоящее большое художественное наслаждение. Таково впечатление от спектакля “Вий”. Лица, фигуры, а главное, движения кукол необыкновенно выразительны. Концентрация всех элементов жути и чертовщины “Вия” на маленьком кусочке сцены производит на зрителя большое впечатление.

Великолепный Сотник (Грейнер), и очень хорош Хома Брут (Янсон)»[19].

В конце [19]20 года мне пришлось оставить театр, так как я ждала ребенка. Мы с мужем получили командировку в Петрозаводск. Шапорин ехал в Петрозаводск в качестве заведующего музыкальной частью драматического театра, а я была там и художником, и художником-исполнителем. Работа с хорошими, опытными режиссерами, какими я считаю Смолича, Н.В. Петрова и рано умершего, умного и талантливого Юрия Николаевича Юрьина, дала мне очень много, я прошла там хорошую школу режиссуры.

Во главе Кукольного театра осталась Е.А. Янсон. После постановки «Вия» Андрей Андреевич Голубев, принимавший участие в 1916 году в работе кукольного театра художницы Ю.Л. Слонимской, возобновил шедшую там французскую пастораль XVII века «Сила любви и волшебства» с теми же куклами, после отъезда Слонимской за границу оставшимися у ее брата.

В январе 1921 года была наконец организована школа невропастов, которая просуществовала до мая 1921 года. Технику кукольного движения преподавали Янсон, Барышникова, Семенова. Сценические движения — артистка Е.М. Мунт и Н.В. Петров. Постановку голоса — Е.М. Мунт. Историю кукольного театра — К.М. Миклашевский. Историю театра — К.К. Тверской. Управляющим школой был А.А. Голубев. Преподаватели получали 900 рублей в час и 10% добавочно.

Как снег на голову свалилось на Кукольный театр запрещение пожарной комиссии продолжать спектакли в милом Железном зале. За перенос театра в летнее помещение запросили ни много ни мало 500 000 рублей; хозяйственная часть ТЕО этой сметы не утвердила, и летний сезон не состоялся. Было несколько выездов в Детское Село и Павловск. Стационарный кукольный театр был закрыт, и помещение вместе с мебелью передано в распоряжение Театра народной комедии п.р. С.Э. Радлова.

С началом НЭПа были закрыты все малодоходные предприятия, в том числе и Кукольный театр.

С осени 1922 года я принялась за хлопоты о восстановлении театра марионеток.

Чего-нибудь добиться в отделе социального воспитания, возглавляемом в то время Златой Ионовной Лилиной, было чрезвычайно трудно. Надо было

ходить и ходить, и снова ходить на улицу Плеханова, где помещалось это учреждение.

Зимой наконец появились проблески надежды на благополучное завершение моих хлопот. Теперь надо было найти себе если не хозяина, то, во всяком случае, шефа.

Кукольный театр был слишком маленькой хозяйственной единицей, чтобы существовать самостоятельно.

У меня начались переговоры с Институтом живого слова, и сохранилось удостоверение, подписанное председателем Института слова В. Всеволодским-Гернгроссом о том, что Кукольный театр вошел в состав Петербургского экспериментального театра при Институте живого слова (Александринская площадь).

Всеволодский относился с большим интересом и симпатией ко всякому новому делу, но, почему это соединение не состоялось, я положительно не помню.

Я бывала иногда на спектаклях Всеволодского со студентами, слушала их хоровое исполнение «Двенадцати» Блока и никогда это не забуду.

Лучшей подачи гениальной поэмы я не слыхала.

В [19]20 году мы с мужем были на творческом вечере А.А. Блока. «Двенадцать» читала Любовь Дмитриевна, читала очень хорошо, но впечатление от студенческой передачи в постановке Всеволодского-Гернгросса затмевает все.

Начинал один голос, вступал другой, внезапно врывался хор, толпа с гиканьем, озорным посвистом: «Эх, эх, без креста...»

Описать это исполнение я не берусь.

Начались переговоры с А. Брянцевым, заведующим и главным режиссером Театра юных зрителей.

Теперь ТЮЗ занимает весь дом № 35 по Моховой улице. Тогда же в 22-м и 23-м годах в нижнем этаже помещался театр «Новая драма», переехавший сюда из б[ывшего] панинского Народного дома. В этом театре все были молоды: актеры, художники, режиссеры.

«Новая драма» просуществовала на Моховой улице только один сезон [19]22—[19]23 годов.

У них шли: «Восстание ангелов» по Франсу в оформлении Ел.П. Якуниной, «Падение Елены Лей» — Пиотровского, «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина, оформление М.З. Левина и «Гофманиана» — художник Владимир Владимирович Дмитриев. Из актеров вспоминаю Владимира Степановича

Чернявского, Волотову, Холодову... Режиссировали Тверской, Грипич, Державин.

Театру юных зрителей, конечно, было не по пути с этими новаторами; задачи обоих коллективов лежали в прямо противоположных планах. ТЮЗу важно было занять все помещение для нужд своего театра и для этого, хотя бы временно, передать нижний театр кукольникам, которые работали бы параллельно, обслуживая дошкольников. Эту политику дальнего прицела мы поняли много позже.

Весной [19]23 года я приняла предложение А.А. Брянцева. Политпросвет разрешил нам получить наше имущество из Народного дома, которое мы и перевезли на Моховую. И тут мы обнаружили исчезновение многих старых марионеток работы кукольников-профессионалов. Очевидно, кто-то составил себе неплохую коллекцию.

Мы переехали, надо было давать спектакли, а между тем портал переносной сцены, так же как и все декорации, был в ужасном состоянии. Я сама переписала портал, подправила декорации и даже для открытия написала пьесу. Все это, разумеется, делалось безвозмездно, лишь бы коллектив мог начать работать.

Вырезать новых кукол для новой пьесы — дело длительное, затяжное и дорогое, но марионетки, оставленные Слонимской, находились еще в нашем пользовании. У них были великолепные костюмы, но конструкция никуда не годилась, и они двигались из рук вон плохо. Нужна была пьеса, где действие развивалось бы динамично, а куклы ходили бы как можно меньше. Мое «Похищение Мелузины» удовлетворяло всем этим требованиям. Злой дух Фанор похищал принцессу Мелузину на лету, летал с ней над сценой, опускал на башню. Для ее развлечения танцевали перед башней пауки и жабы, в которых она запускала туфелькой.

Мелузина заламывала руки, пела жалобную мелодичную песенку Астраданцева. После последних слов:

Вам не вить венков, сестрицы,
Не бывать веселой свадьбе,
Не бывать пирам, веселью,
Мелузина далеко! —

Ах! — и она падала в обморок, перевесившись через парапет башни.

С помощью Феи Прекрасный принц находил Мелузину, появлялся Слон, на которого спускалась Мелузина с башни и уезжала вместе с женихом. Злой волшебник Дурандарт был наказан той же феей по заслугам.

Никому и невдомек было, что роскошные куклы по существу инвалиды. С.Я. Маршак одобрительно отзывался об этой пьеске, находя ее очень театральной.

В «Вечерней Красной газете» от 25 мая [19]23 года мы читаем заметку Вал. Трахтенберг: «Недавно случайно мне пришлось побывать в кукольном театре "Юных зрителей", где показали две постановки — "Цирк Арчибальда Фокса" (текст Маршака и Васильевой) и "Похищение Мелузины" (текст Л.В. Яковлевой). (Музыка Астраданцева.)

Я давно не испытывала такого большого театрального удовольствия, как на этой кукольной премьере. Но мне кажется, не нужно превращать кукольный театр в детскую забаву, когда он может дать даже детям приятное с полезным (постановкой более серьезных пьес просветительного характера). Какая аудитория у этого театра! Дети — лучшая публика, чуткая, отзывчивая, справедливая».

«Мелузина» шла у нас недолго. Как только мы восстановили «Сказку о Емеле» и «Красную Шапочку», мы сняли ее. Стиль этого спектакля уж очень не подходил к нашему репертуару.

Коллектив ТЮЗа отнесся к нам с большим интересом и дружелюбием. Кукол вызывались читать такие прекрасные артисты, как Е.А. Уварова, В.А. Зандберг, П.М. Денисова, Л.Ф. Макарьев, Е.Г. Гаккель, Л. Ткачев и др.

С.Я. Маршак дал нам новый текст для «Цирка», Н.М. Стрельников написал к нему музыку.

Против нашего ожидания нам пришлось пережить на новом месте некоторое разочарование.

ТЮЗ не зачислил в штат всех членов нашего коллектива; нам выделили лишь небольшое количество полных окладов, которое разделили между невропастами. Оклад кукловода равнялся, помнится, 15% полной ставки. Никакие мои хлопоты не помогли.

На одном из заседаний коллегии театра (здесь тоже была коллегия), когда я настаивала на увеличении ставок невропастов, главный администратор Гр.Н. Кудрявцев ответил мне: «У нас дело идейное, у ваших сотрудников точно так же, при чем тут деньги?» Можно было подумать, что у всех нас золотые россыпи. У меня сохранилось удостоверение за подписью Е.С. Деммени, который был в то время зам. управделами ТЮЗа, что моя зарплата равна 49 рублям 50 копейкам. В.Г. Форштедт получала 24 рубля. Сколько это было в нынешних, не помню.

Спектакли у нас шли три раза, а иногда и два раза в неделю. Мы очень много времени уделяли студийной работе.

В.Г. Форштедт вела занятия ритмической гимнастики кукол. Это приучало кукловодов к ритму, гибкому управлению марионеткой, давало большой опыт. Я же занималась сценической импровизацией. Эти занятия были очень полезны невропастам, развивая в них артистичность, знакомя со всеми разнообразными движениями марионетки и помогая находить в ней пластическое выражение своему актерскому творчеству.

На этих практических занятиях мы поняли сценические возможности марионетки и то, чего надо добиваться от ее игры. Особенное внимание обращалось на жест.

Жест марионетки схематичен, поэтому он должен быть продуман, четок и точен. Скупость жеста достигается не сразу, но ее надо добиваться с самого начала работы с куклой.

В движениях марионеток необходимо то же фиксирование кисти, что и в скульптуре; кукла в отчаянии всплеснула руками и удивленно повернула голову — какое-то мгновение она задерживается на этом жесте, она его фиксирует в пространстве и во внимании зрителя.

Студийные занятия очень подняли технику кукловодов, эта зрелость сразу же дала себя знать на следующих постановках.

Поневоле приходили на ум строчки из приветственных стихов Елены Яковлевны Данько 1919 года:

Как часто критикуя смело,
Твердят нам здравые умы,
Что недостаточно для дела
Его любить, как любим мы.
И слышен нам зловещий шепот,
Что наши вымыслы умрут —
Но вот — неслышно сходит опыт
На наших рук прилежный труд.

В наш коллектив входили: Н.А. Барышникова, М.П. Богданова, Е.И. Грейнер, А.Н. Николаева, Л.М. Семенова, Э.И. Фельдт, З.А. Устинова, В.Г. Форштедт. Зав. монтировочной частью был А.С. Мясников. В 1924 году к нам присоединились М.К. Неслуховская-Тихонова и В.С. Ухова.

С осени 1923 года мы начали ставить пьесу «Петушок, золотой гребешок» Н.С. Пятницкой.

Эскизы декораций и кукол делали ученики-подростки художественной школы в Павловске, которой руководил художник Михайлов. Эскизы положительно потрясли меня. Не верилось, что такие юные мальчики могли про-

явить столько интересной выдумки, такого живописного вкуса, тонкой стилизации.

Эти эскизы увидал у меня очень известный в то время театральный художник, талантливейший Георгий Якулов. Он пришел в восторг и, как пылкий южанин, воскликнул: «Это новая эра!»

Было бы очень любопытно знать, вышло ли что-нибудь крупное из этих талантливых мальчиков, — им тогда было по 12, 13 и 14 лет.

В ТЮЗе я познакомилась с композитором Николаем Михайловичем Стрельниковым. Он написал ряд музыкальных номеров для нового «Цирка», и мы совместно обсуждали план музыкального сопровождения к «Петушку».

Николай Михайлович, человек большой и глубокой культуры, разносторонней образованности, был воплощением порядочности и благородства. Он был очень умен. Его тонкое остроумие было неиссякаемо. Добрые отношения с ним сохранились у меня на всю жизнь.

Музыка к «Петушку» была чудесная. В ней было столько свежести, подлинной русской сказочности. Стрельников использовал народные песенки этой сказки, как, например, «Трень, трень, мои гусельки, Золотые мои струночки...», которые напевал Л.Ф. Макарьев, читавший роль деда; создал характеристики героев пьесы, Кота, Петуха и Лисы, и дал в увертюре полную поэзии красочную картину восхода солнца и пробуждения леса.

Головки деда и бабы резал совсем юный художник А. Серебряков, сын известной художницы Зинаиды Серебряковой. Эти головки, сделанные несколько упрощенно, крупными планами, были очень хороши и по своему стилю подходили к общему оформлению.

Зверей, Кота и Лису, резал Рыболовлев, а Петушка сделала Е.А. Янсон.

Следующей постановкой была инсценированная Е.Я. Данько сказка «Пряничный домик» в постановке П.П. Сазонова, музыку написал Митин, оформлял художник Доронин.

Каждая постановка была этапом в развитии кукловодов и повышении их техники.

В каждой пьесе были свои находки и выдумки. Так, в «Пряничном домике» было сделано особое приспособление для круговых полетов ведьм.

Надо отдать должное артистам ТЮЗа. Они прекрасно и, я бы сказала, с увлечением читали за кукол. У них был очень спаянный коллектив, и эту дружескую спаянность они приносили с собой и в наши спектакли.

В быту в это время происходила фантасмагория падения червонца. В острые минуты жизни, на крутых поворотах истории, я всегда начинала ве-

сти приходо-расходную тетрадь. Так, я записывала цены во время блокады, так и тогда в [19]23—[19]24 годах.

В марте 1924 года запись:

«Курс червонца — 500 000 000 000».

Запись: «Сделались трильонерами. Истрачено за месяц: 1 829 000 000 000, а, собственно говоря, я даже не знаю, как прочесть эти числа.

Трамвайный билет — 1600, почтовая марка 4500, 6 фунтов хлеба — 8280».

В марте 1924 года: «1 фунт фарша — 3600, 1 воз дров — 175 000».

В записях трудно разобраться, потому что в нулях получается путаница.

В сберкассах выплачивали, помнится, деньги по курсу того дня, когда был сделан вклад. Поэтому, когда в ТЮЗе получали зарплату, одна из актрис мчалась в сберкассу и сдавала все деньги. Нам же было только донести до дому и расплатиться с накопившимися долгами. Концы никак не удавалось сводить с концами. Да иначе и быть не могло. Если я сегодня могла купить за какую-то сумму фунт сахара, то завтра ее хватало только на один трамвайный билет.

Кажется, к маю червонец стабилизировался и жизнь стала входить в норму.

В 1924 году в ТЮЗе А.А. Брянцев ставил «Проделки Скапена» Мольера в оформлении М.З. Левина. В этой постановке очень остроумно и органично были введены в спектакль наши марионетки.

Над сценой был построен кукольный городок, и там шли те сцены и действовали те лица, о которых зритель узнает лишь по рассказам одного из героев. Все куклы, дублирующие актеров, были скорее карикатурными шаржами на них, чем дублерами.

Скапена блестяще играл Гаккель.

После «Пряничного домика» мы принялись за «Жар-птицу». Пьесу написали С.Я. Маршак и Е.И. Васильева, музыка заказана Ю.А. Шапорину. Я делала эскизы декораций, костюмов и кукол, которые резала Е.А. Янсон.

Е.И. Васильевой, урожденной Дмитриевой, когда-то удалось сильно заинтриговать и одурачить редакцию литературно-художественного журнала «Аполлон», во главе с его руководителем Сергеем Маковским, так же как и всех читателей журнала.

Редакция «Аполлона» стала получать стихи за подписью Черубины де Габриак. В них ясно ощущался аромат подлинной старинной французской аристократии. Их печатали, ими восхищались, все были заинтересованы, но долго никто не мог отгадать, кто же автор? Я уж не помню, как открылось

инкогнито автора. Оказалось, что Черубина де Габриак — это Елизавета Ивановна Дмитриева.

Постановка «Жар-птицы» была очень сложна, но кукловоды за эту зиму сильно двинулись вперед и справились со всеми трудностями, со всеми задачами.

Хорошо звучала музыка Шапорина, и Ирина Перцева прекрасно исполняла арии «Жар-птицы». Иван-царевич лихо рубил одну за другой головы трехголового Змея Горыныча, гарцуя на златогривом коне, отрубал голову Серому волку, который тут же превращался в доброго молодца.

К.К. Тверской пришел посмотреть нашу премьеру, одобрил и нашел, что это наконец настоящая постановка, о которой можно всерьез разговаривать! Спектакль прошел без сучка, но не без задоринки.

Иван-богатырь (царевичем его нельзя было величать) говорил Елене Прекрасной, сидевшей в заточении у Змея Горыныча: «Приехал я со Святой Руси...»

Это присловье было настолько обычно для русских сказок, что ни авторы, ни я не обратили на него внимания.

Перед самым спектаклем, за несколько минут до поднятия занавеса, пришел А.А. Брянцев и просил снять эти слова.

Легко себе представить, в каком я была состоянии перед премьерой, когда я и режиссер, и помощник режиссера, и художник, когда надо проверить и свет, и бутафорию, и все на свете — и я, конечно, забыла передать актеру, читавшему роль Ивана, просьбу Александра Александровича. Вспомнила, только услыхав эти недопустимые слова — «Святая Русь». Конечно, были гром и молния.

Но «Жар-птица» имела успех. Спектакль нравился. Его хвалили. А через три или четыре спектакля — сняли.

Произошел крутой поворот на 180 градусов. Были сняты все сказки. Канули в воду мои мечты о возрождении русского фольклора и эпоса! И в ту же весну дирекция ТЮЗа вынесла постановление о невозможности в дальнейшем субсидирования Театра марионеток.

Наше помещение отводилось под костюмерные мастерские.

После летних гастролей начались для коллектива долгие годы скитаний.

Дальнейшие судьбы основанного мной театра слагались уже без меня. Я отошла от работы до конца 1934 года, когда вновь организовала Театр марионеток при Союзе писателей (1934.XII — 1940.XII).

КОММЕНТАРИИ

Дневник. 1946—1967

[1] 28 декабря 1945 г. в Военном трибунале Ленинградского военного округа начался судебный процесс над 11 немецкими офицерами, обвинявшимися в «массовых убийствах, истязаниях и угоне мирных советских граждан в немецкое рабство, в грабежах, варварских разрушениях и уничтожении городов и сел и других злодеяниях, совершенных на территории Ленинградской области в период временной оккупации ее немцами». Заседания происходили в Выборгском доме культуры. 4 января был оглашен приговор, по которому 8 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение, двое к 20 годам каторги, один к 15 годам. Смертный приговор был приведен в исполнение в субботу 5 января в 11 часов утра на площади перед кинотеатром «Гигант». «Многочисленные трудящиеся, присутствовавшие на площади, встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением» (Ленинградская правда. 1946. 6 янв.).

[2] выбилась из сил (*фр*.).

[3] Нюрнбергский процесс закончился 1 октября 1946 г.

[4] обман (*фр*.).

[5] Из стихотворения Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921).

[6] Сад, разбитый перед парижским Люксембургским дворцом (1615—1620).

[7] Разновидность «магического письма» — так называемое письмо счастья, имеющее многовековую традицию.

[8] В честь дня Красной армии; 25 февраля она была переименована в Советскую армию.

[9] Колпакова жила по адресу: наб. р. Карповки, д. 19, кв. 39.

[10] Область в Восточной Франции.

[11] Главный город французской области Ангумуа.

[12] Члены Русской освободительной армии генерала А.А. Власова.

[13] Административный центр французского департамента Верхняя Вьенна.

[14] В 240 км от Ленинграда.

[15] «Это не должно вас удивлять, весь мир таков; это вы отважны, это вы необыкновенны» (*фр*.).

[16] По-видимому, в 1944 г., в связи со 100-летием со дня рождения Репина.

[17] Каталог выставки см.: А.П. Остроумова-Лебедева. Выставка произведений. Л., 1940.

[18] «Говорят... говорят, что американцы купили Ленинград. — Ну да, они купили Ленинград, вся торговля будет в их руках» (*фр*.).

[19] Одна из книг Ветхого Завета.

[20] Возможно: *Платонов С.* Русская история. [СПб., 1895].

[21] Имеется в виду присоединение к СССР Западной Украины.

[22] Так называли агентуру генерала Франко во время гражданской войны в Испании в 1936—1939 гг. Впоследствии это выражение стало нарицательным наименованием вражеской агентуры, действующей внутри той или иной страны.

[23] Цитата из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1866—1876).

[24] хождения туда-сюда (*фр.*).

[25] Так Шапорина называет 5-ю Красноармейскую улицу (в 1820-е — 1923 г. рота или линия).

[26] Иногда презирать — для меня мучительно (Стендаль) (*фр.*).

[27] Чествование проходило в Русском музее.

[28] ТЮЗ эвакуировался 17 декабря 1941 г., вернулся в августе 1944 г.

[29] Независимости заслуживает лишь тот, кто может ее взять. Бентам (*фр.*).

[30] Шапорина, вероятно, законспектировала разговор с кем-либо или собственные размышления, которые можно частично реконструировать: речь идет о репрессированных священнослужителях и их единомышленниках из среды юристов-адвокатов и, возможно, об отношении церкви к коммунистам (сотрудничавшие с ними обновленцы А.И. Боярский и А.И. Введенский, с одной стороны, и активный антикоммунист папа Пий XII по прозвищу Джонни Уокер, с другой).

[31] Нет большего несчастья для религии или строя, чем находиться под покровительством жандарма (*фр.*).

[32] Имеется в виду русская народная сказка «Нет козы с орехами», которую Шапорина, вероятно, знала в пересказе А.Н. Толстого.

[33] доблестных мальчиков (*фр.*).

[34] По закону о семье (1944) развод был невозможен без согласия каждой из сторон.

[35] Сталинскую премию 1-й степени (1945) за ораторию «Сказание о битве за русскую землю» (1942—1944) и такую же премию за симфонию-кантату «На поле Куликовом» (1941), вероятно, не врученную из-за войны.

[36] События развивались следующим образом: 18 апреля 1946 г. Жданов на заседании в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сообщил отрицательное мнение Сталина о журналах «Звезда» и «Новый мир» (Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005. С. 77). 7 августа Жданову поступила Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 9 августа по итогам рассмотрения вопроса о журналах Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, а 14 августа было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (на заседание, на котором принималось постановление, были вызваны главные редакторы журналов и тогдашний руководитель Ленинградской писательской организации А. Прокофьев). 15 августа Жданов разъяснял постановле-

ние на собрании партактива Ленинграда, а 16 августа на общем собрании писателей. 19 августа на заседании ленинградского Правления Союза писателей СССР Ахматова и Зощенко были исключены из Союза писателей, 4 сентября Президиум Правления Союза писателей СССР утвердил это постановление. 21 августа в газетах «Культура и жизнь» и «Правда» было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», послужившее началом последующей пропагандистской кампании. Обстоятельный анализ подготовки Постановления, его реализации и последующей интерпретации в исследовательской литературе см.: *Бабиченко Д.А.* Писатели и цензура: Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 118—147.

[37] Так звали Сталина друзья его юности.

[38] Рассказ для детей «Приключение обезьяны».

[39] 6—7 августа в Ленинграде отмечалось 25-летие со дня смерти Блока. Торжественное заседание происходило 7 августа в Большом драматическом театре. Шапорин выступал с воспоминаниями о встречах с Блоком и работе над музыкальным циклом «На поле Куликовом» (см.: Советская музыка. 1959. № 12. С. 35—37).

[40] По-видимому, имеется в виду интерпретация Сталиным соотношения потерь СССР во время войны с полученными в послевоенное время репарациями.

[41] Это вовсе не похоже на Наполеона (*фр.*).

[42] Контаминация из: 1: 2 и 1: 4.

[43] Вслед за Постановлением 14 августа о журналах «Звезда» и «Ленинград» последовали постановления ЦК ВКП(б): «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября). Постановления обсуждались в творческих коллективах и на страницах газет и журналов.

[44] В это время в нескольких театрах шла популярная в СССР (с 1939 г.) пьеса Д.Б. Пристли «Опасный поворот» (1932).

[45] Пьеса Л.А. Малюгина (1946) по мюзиклу Р. Рискина шла в Театре комедии.

[46] Спектакль по повести Достоевского (1861) в инсценировке Л.Н. Рахманова и З Л. Юдкевича был поставлен только в 1956 г.

[47] Драма в 4 действиях (1945).

[48] Эта работа не была осуществлена.

[49] Кочуров написал отдельные сцены; постановка не была осуществлена.

[50] То есть: дело плохо, требуется остановка; Шапорина имеет в виду волжских бурлаков, от которых распространилось это выражение.

[51] Шапорина имеет в виду Постановление от 14 августа, положения которого затем систематически воспроизводились в газетных статьях.

[52] В августе 1945 г. был создан под председательством Берии Специальный комитет для руководства работами по исследованию внутриатомной энергии урана — фактически создания атомной бомбы. В комитет был включен Капица. 3 октября и 25 ноября Капица дважды просил освободить его от работы в Специальном ко-

митете в связи с конфликтом с Берией. В августе 1946 г. по распоряжению Берии Капица был снят с должности директора Института физических проблем и жил под домашним арестом на даче.

[53] После исключения из Союза писателей Ахматова и Зощенко были лишены продуктовых карточек (возвращены в мае 1947 г.).

[54] 2 февраля 1943 г. завершился разгром 6-й немецкой армии под Сталинградом и в самом городе.

[55] Имеется в виду студия МХАТ, в которой В. Шапорин учился у Дмитриева.

[56] Опера Прокофьева (1940); другое наименование — «Обручение в монастыре».

[57] После первого исполнения 9-й симфонии (3 ноября 1945 г.) ее критиковали в декабре 1945 г. на дискуссии в Московском отделении Союза композиторов, затем на расширенном пленуме Оргкомитета Союза композиторов и в газетных статьях. Наиболее резкая критика последовала на обсуждении Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» в Центральном доме композиторов в феврале 1948 г. См. также погромную статью: *Коваль М*. Творческий путь Шостаковича // Советская музыка. 1948. № 1—3.

[58] 1-е издание романа вышло в 1945 г. с иллюстрациями С. Майофиса; 2-е, о котором здесь идет речь, с рисунками Н. Альтмана, в 1971 г.

[59] Петров-Водкин переписывался с женой по-французски; эта работа не была осуществлена.

[60] Шапорина повторяет слова из постановления от 14 августа: «Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности». В постановление это слово попало из выступления Сталина на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1946 г. по вопросу о журналах «Звезда» и «Ленинград» (см.: Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов 1917—1956. М., 2005. С. 573). Оно отмечено как новообразование в середине 1920-х (например: Комсомольская правда. 1925. № 162) в исследовании: *Селищев А.И.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928. С. 37.

[61] Персонаж повести Гоголя «Шинель».

[62] Имеется в виду И. Берлин (см.: *Берлин И.* Встречи с русскими писателями: (1945 и 1956) // Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 467—482). См. далее записи от 28 февраля и 12 апреля 1948 г. См. подробное исследование (с привлечением новых материалов) обстоятельств встреч Берлина с Ахматовой в ноябре 1945 г. и январе 1946 г.: *Копылов Л., Позднякова Т., Попова Н.* «И это было так»: Анна Ахматова и Исайя Берлин. [СПб.], 2009.

[63] Поживем — увидим, и хорошо смеется тот, кто смеется последним. После нас хоть потоп (*фр.*). Последнее высказывание приписывается фаворитке французского короля Людовика XV маркизе Помпадур, так утешавшей короля после поражения его армии.

[64] Письмо от 25 августа 1946 г. (ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 1—2 об.). Здесь и далее цитаты из писем Тагер выправлены по оригиналам.

[65] Не успели оглянуться, как (*фр.*).

[66] Этот замысел не был осуществлен.

[67] Имеются в виду Первая (с 1913 г.) и Вторая (с 1916 г.) студии Московского Художественного театра.

[68] По-видимому, рыцарская честь (от *фр.* courtoisie).

[69] Правильно: Малая Вишера в 180 км от Ленинграда.

[70] Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь был организован в 1931 г. на базе Соловецкого (закрыт в 1941 г.). Располагался на ст. Медвежья гора Карело-Финской АССР. Заключенные строили Беломоро-Балтийский канал, соединивший Белое море и Онежское озеро.

[71] В повестку дня происходившей в октябре—ноябре 1946 г. сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций было включено рассмотрение жалобы индийского правительства на уничтожение индийцев в Южной Африке. Шапорина реагирует в данном случае на следующую фразу в «Международном обзоре» (Ленинградская правда. 1946. 3 нояб.): «Тревогу и возмущение сторонников демократии и международного сотрудничества вызвала попытка делегации Южно-Африканского Союза снять с повестки дня сессии обоснованную жалобу индийского правительства на несправедливый режим, установленный для индийцев в Южно-Африканском Союзе».

[72] Из плотной тонкой хлопчатой, шелковой или шерстяной ткани.

[73] Списки и сводные каталоги Главлита (Главное управление по делам литературы и издательств; в дальнейшем: Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати), по которым из библиотек и книготорговой сети изымались книги, и сведения о самих этих книгах см.: *Блюм А.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. В библиотеках для хранения книг, изъятых из общего пользования, Приказом № 10 от 25 октября 1938 г. Уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита были образованы Особые фонды (спецхраны) (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 492—493). Систематическое изъятие книг происходило по широкому спектру мотивов. В данном случае сообщаемые сведения являются легендарными.

[74] Фадеев выступал в Праге на собрании чехословацкого Общества культурной связи с СССР. В публикации этого выступления Фадеева об Ахматовой сказано, что она поэт «старой России, последнее наследство декадентства, оставшееся у нас» (*Фадеев А.* О традициях славянской литературы // Новый мир. 1946. № 12. С. 213). В пражской газете «Свободне Новины» был опубликован рассказ Зощенко; публикация стихотворений Ахматовой в библиографических списках переводов ее произведений не зафиксирована.

[75] краха (*фр.*).

[76] См.: *Ахматова А.* Из шести книг: Стихотворения. Л., 1940. Экземпляр с дарственной надписью Ахматовой Шапориной не обнаружен.

[77] бедный старый клоун (*англ.*).

[78] На киностудии «Ленфильм» в это время с участием Раневской снимался фильм «Золушка» (вышел на экраны весной 1948 г.).

[79] Предместье польского города Люблин, где осенью 1941 г. немцами был создан концлагерь для военнопленных. Уничтожен Красной армией в 1944 г.

[80] В спектакле Московского театра драмы по пьесе Л. Хеллман «Лисички» Раневская играла роль Берди.

[81] То есть право на отоваривание карточек на сумму в 3000 рублей.

[82] По пьесе А.Н. Островского (1876).

[83] Платное обучение в школах было отменено Декретом ВЦИК от 30 сентября 1918 г. 3 октября 1940 г. Постановлением Совнаркома «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» вводилась плата за обучение в 8—10 классах школ, в технических, педагогических и прочих училищах. За школьников надо было платить 200 руб. в год. (Постановление отменено 1 сентября 1956 г.)

[84] Деревня в Тосненском районе, в 45 км от Ленинграда.

[85] Сочинен в 1946 г.

[86] По-видимому, сочиненные в 1946 г. романсы на стихи Пушкина и Лермонтова и баллада для баритона с фортепиано на слова Лермонтова «Сон».

[87] Фортепианный вечер Оборина состоялся в Большом зале филармонии 23 декабря.

[88] Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спаса на Сенной) вблизи Садовой ул, д. 40. Закрыта в 1938 г. В январе 1961 г. снесена. От угла улиц Дзержинского (Гороховой) и Садовой находилась примерно в 150 метрах.

[89] Из «Элегии» (1830) Пушкина.

[90] Город на юге Франции; местный университет основан в 1289 г.

[91] Наука звенит у него в ушах (*фр.*).

[92] Между маем 1940 г. (временем выхода из печати сборника Ахматовой «Из шести книг») и 19 октября на заседании секции литературы Комитета по Сталинским премиям Фадеев поддержал предложение А.Н. Толстого и Асеева о присуждении Ахматовой Сталинской премии (см.: *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под контролем ЦК. М., 1994. С. 47). Отметим также, что за год до того, 11 ноября 1939 г., Президиум Союза писателей по представлению Фадеева положительно решил вопрос о ходатайствах перед Президиумом Ленгорсовета о предоставлении Ахматовой отдельной квартиры и перед Ленинградским правлением Литературного фонда о приобретении обстановки для нее; ходатайстве перед Совнаркомом об установлении Ахматовой персональной пенсии и т.п. Фа-

деев в дальнейшем предпринимал разнообразные шаги, чтобы это решение осуществилось (Там же. С. 47—48).

[93] Публикация романа-антиутопии Замятина «Мы», вследствие невозможности публикации на русском языке, в переводах на английский (1924), чешский (1927) и французский (1929) вызвала резкую критику в советской печати. С 1929 г. Замятина перестают публиковать. После письменного обращения к Сталину и при посредничестве Горького в октябре 1931 г. Замятин эмигрировал.

[94] 5 января 1940 г.

[95] См. об этом в воспоминаниях дочери Эйхенбаумов О.Б. Эйхенбаум: «Мама умоляла папу не ходить на то страшное собрание: “Скажи, что ты болен. Ты достаточно пожилой человек, чтобы не пойти туда”. Но папа сказал: “Я не имею права не пойти на эту казнь. Все идут, а я буду сидеть дома?” <...> И он выступил, назвал Анну Андреевну Ахматову полным именем, а не какими-то подлыми словами. Так же сказал и о Зощенко. Показав на свои седины, сказал, что не может говорить иначе и что он понимает: это — политическое дело. <...> У мамы было плохое сердце, и она не выдержала, умерла» (цит. по: *Эйхенбаум Б.М.* «Мой временник»: Художественная проза и избранные статьи 20—30-х годов. СПб., 2001. С. 636—637). Через некоторое время, 25 сентября 1946 г., на ученом совете Института русской литературы, членом которого Эйхенбаум продолжал оставаться по 12 мая 1949 г., он назвал свое выступление в Союзе писателей (о котором говорит Ахматова) «политической ошибкой».

[96] Постановлением Главлита от 27 августа 1946 г. было указано приостановить продажу книг Ахматовой (и прием их букинистами) и работу над двумя готовившимися к изданию книгами: «Стихотворения 1909—1945» и «Избранные стихи, 1910—1946».

[97] Тем же постановлением Главлита были изъяты из книготорговой сети, а в библиотеках переданы в спецхраны только что вышедшие книги Зощенко: Избранные произведения: 1923—1945. Л., 1946; Рассказы. М., 1946; Фельетоны, рассказы, повести. Л., 1946.

[98] Вероятно, речь идет о книге «Никогда не забудете», частично опубликованной под заглавием «Никогда не забудем» (Новый мир. 1947. № 9).

[99] Ария «В долине слез, как тень блуждая» (1724).

[100] «Из нотной тетради А.М. Бах» (1725). Русский текст Я. Родионова.

[101] Соч. в 1724 г.

[102] «Человек, помни о своей душе» (*нем.*).

[103] ты этого хотел, Жорж Данден (*фр.*). Из пьесы Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (1668), где герой из крестьян, вступивший в неравный брак и постоянно испытывающий уколы самолюбия, говорит себе: «Ты этого хотел, Жорж Данден, ты это и получил!»

[104] До 1936 г. Каменское, украинский город и порт на Днепре.

[105] Ср.: «Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали. Да, товарищи, это факт, что в 1947 году в ряде областей страны, например, в Курской, люди умирали с голоду. А хлеб тогда продавали!» (*Хрущев Н.С.* Доклад на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 г. // Правда. 1963. 10 дек.).

[106] Эти дневники в архивных фондах Шапориной не обнаружены.

[107] См.: Памяти Александра Блока. Пб., 1922.

[108] Из стихотворения Блока «Всё это было, было...» (1909).

[109] Это была публикация речи Иванова-Разумника «Памяти Александра Блока», произнесенной на 83-м заседании Вольной философской ассоциации 28 августа 1921 г.

[110] Иванов-Разумник умер в 1946 г.

[111] если преступление и было совершено (*фр.*).

[112] Речь идет про ораторию «Сказание о битве за русскую землю».

[113] 2—8 октября 1946 г. состоялся расширенный пленум Оргкомитета Союза советских композиторов, посвященный последним постановлениям ЦК ВКП(б). Кабалевский посвятил значительную часть своего выступления творчеству Шостаковича и Шапорина. С оговорками о «непреодоленных западных влияниях» Кабалевский сделал акцент на том, что «Шостакович — явление чрезвычайно сложное и сводить его к чему-то простому нельзя. Это всегда будет искажением действительности». Шапорина Кабалевский критиковал за чрезмерную «приверженность к поэзии прошлого, в частности, к Блоку <...>» (Советская музыка. 1946. № 10. С. 54, 56).

[114] 1-й том «Записок» Юрьева вышел в 1939 г., 2-й — в 1945 г.; 3-й том не издавался.

[115] В 1946 и 1947 гг. двумя изданиями была выпущена книга Юрьева «Беседы актера»; названная книга не издавалась.

[116] Великодушие (*фр.*).

[117] блеск (*фр.*).

[118] В 1945 г. Пристли посетил Ленинград. Из пьес Зощенко в театрах Ленинграда тогда шли «Парусиновый портфель» (1944) и «Очень приятно» (1944).

[119] Это наводит на размышления (*фр.*).

[120] правителям (*фр.*).

[121] Дипломная работа в школе-студии МХАТа, поставленная по пьесе Маршака в Центральном детском театре в Москве.

[122] Этот проект не осуществился.

[123] Кампания по всеобщему коммунистическому просвещению населения началась в марте 1947 г. «Марксистско-ленинское образование поможет всем партийным работникам стать подлинными политическими руководителями» (Партийный работник — политический руководитель // Правда. 1947. 23 марта); «Перед партийными организациями во весь рост встала задача решительного усиления идеологи-

ческой работы, коммунистического воспитания трудящихся» (Марксистско-ленинское воспитание народа // Правда. 1947. 26 марта).

[124] Возникло в 1831 г. на 2-й дороге (с 1859 г. Большая Митрофаньевская дорога, с 1964 г. Митрофаньевское шоссе) как холерное. В 1927 г. закрыто, некрополь разгромлен.

[125] Я вам привезла тысячу рублей (*фр.*).

[126] без приправы (*фр.*).

[127] Мариинский дворец был построен в 1839—1844 гг. для вел. княжны Марии Николаевны. В 1906—1907 гг. там проходили заседания Государственного совета; после 1945 г. помещался Ленгорсовет (Исаакиевская пл., д. 6).

[128] В западной части Ленинграда; после 1926 г. остров Декабристов.

[129] Один из крупнейших ленинградских продуктовых магазинов на Невском пр., д. 56/8.

[130] Речь идет о шестилетней девочке, выброшенной из окна четвертого этажа. О процессе над сделавшей это ее мачехой Достоевский писал в Дневнике писателя: в мае 1876 г. (Глава первая. Г-н защитник и Великанова) и в апреле 1877 г. (Глава вторая. Освобождение подсудимой Корниловой).

[131] 9 мая 1947 г. в беседе с Г. Стассеном Сталин указал на проблемы с финансами, сырьем и продовольствием, перед которыми стоят крупнейшие страны.

[132] «Три мушкетера» (1844) Дюма (отца), «Нана» (1880) Золя.

[133] блюдечко (*фр.*).

[134] Основан в Москве в 1943 г. на ул. Воровского, д. 33.

[135] Трагедия Ан-ского, пост. в 1922 г. Вахтанговым в театре-студии «Габима».

[136] Выписка из французского оригинала романа братьев Гонкур «Любовницы Людовика XV. Дю Барри» (1860).

[137] 25 октября 1917 г. Второй съезд Советов отменил в России смертную казнь. Декретом Совнаркома 21 февраля 1918 г. восстановлена. 26 мая 1947 г. указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь была отменена и заменена 25 годами исправительно-трудовых лагерей (одновременно, по секретной директиве Берии, дела о контрреволюционных преступлениях передавались на рассмотрение спецсудов Министерства государственной безопасности). В дальнейшем смертная казнь вводилась как «исключительная мера наказания» за преступления по отдельным статьям (в 1950, 1954, 1958 гг. и др.).

[138] С 1946 г. это был уже сотрудник Министерства государственной безопасности (МГБ).

[139] Речь идет о книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Скорее всего, Шапорина продала первое издание (Т. 1—4. СПб., 1870—1873), но не исключено, что это было сокращенное переиздание (Т. 1—3. М.; Л., 1931).

[140] младший (*англ.*).

[141] Излагаются результаты спиритического сеанса.

[142] Правильно: «Souvenirs d'enfance et de jeunesse» («Воспоминания детства и юности»; 1883).

[143] Официально аборты в СССР были запрещены постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 июня 1936 г. Уличенные в проведении абортов наказывались по статье 140 Уголовного кодекса РСФСР: врач на срок от 1 до 2 лет, человек без медицинского образования — не менее 3 лет; беременной, сделавшей аборт, полагалось в первый раз общественное порицание, во второй — штраф 300 руб. Запрет был отменен 23 ноября 1955 г.

[144] приемы пищи (*фр.*).

[145] Правильно: бандеровцы (по имени основателя Организации украинских националистов С.А. Бандеры); украинские повстанцы, выступавшие в 1943—1947 гг. за отделение Западной Украины от СССР.

[146] Поселок в Гатчинском районе в 62 км от Ленинграда.

[147] Сочинена в 1937 г.

[148] Опера Глинки (1836). В советское время переименована в «Иван Сусанин».

[149] Опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и о деве Февронии» (1904).

[150] Опера Мусоргского (1869, 1872).

[151] без веры и закона (*фр.*).

[152] настоящий высший свет (*фр.*). Слова Нехлюдова, размышляющего о жизни народа в «Войне и мире» (ч. 2, гл. XLVII) Толстого.

[153] Злаковое растение.

[154] бессильная ненависть (*фр.*).

[155] Речь идет об одном из эпизодов начала официальной «борьбы с космополитизмом». 18 апреля 1946 г. на заседании в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (Агитпропе) Жданов неодобрительно высказался, в частности, о раболепстве «перед современной буржуазной заграничной драматургией» (Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1954. М., 2005. С. 49). В постановление от 14 августа 1946 г. вошли слова о духе «низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». 18 апреля 1947 г. Агитпропом был сформулирован План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма, в котором говорилось о необходимости борьбы с таким отрицательным явлением, как «чувство низкопоклонства перед капиталистическим Западом, перед современной буржуазной культурой» (Сталин и космополитизм. С. 110). 14 мая 1947 г. руководство Союза писателей (Фадеев и др.) встретилось со Сталиным, Ждановым и Молотовым и было ознакомлено с этим планом, который Сталин им прокомментировал. В июне 1947 г. (об этом событии и пишет Шапорина) состоялся XI пленум Правления Союза писателей СССР, где Фадеев сделал доклад «Советская литература после Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. "О журналах «Звезда» и «Ленинград»"». Здесь он впервые сказал о «школе Веселовского» в литературоведении (впоследствии она станет одним из главных жупелов

кампании), противопоставив ее революционно-демократическим традициям Белинского, Чернышевского и Добролюбова; Фадеев призвал разобраться с профессурой в Московском и Ленинградском университетах (см.: Литературная газета. 1947. 29 июня).

[156] Участники свадебного поезда.

[157] Пучками скрученные и надломленные колосья.

[158] Одна из разновидностей колдовской порчи.

[159] Сооружение для прикрытия Петропавловской крепости с суши (1705—1708).

[160] Судя по описываемому виду, Шапорина лечилась в Научно-исследовательском институте травматологии и ортопедии им. Р.Р. Вредена.

[161] Речь идет об издании: *Las Cases E.* Mémorial de St. Hélène. Bruxelles, 1824. V. I—VIII (книга посвящена пребыванию имп. Наполеона на о. Святой Елены).

[162] Шапорина неточно цитирует передовую статью «За дальнейший расцвет театрального искусства» (Ленинградская правда. 1947. 30 июля).

[163] и так далее (*нем.*).

[164] С 1944 г. Планерское, поселок в Крыму у подножия горы Карадаг. В принадлежавшей Волошину усадьбе, где в 1910—1920-е он принимал писателей, художников и др., поэт основал Дом творчества.

[165] *Псише* — большое наклонное зеркало на ножках.

[166] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[167] «Центральный военно-морской музей обращается ко всем морякам — участникам революционных событий 1917 года — с просьбой написать свои воспоминания и сдать их в музей, а также передать в дар музею материалы и документы (фотографии, приказы, листовки, протоколы собраний и совещаний, записки, дневники, газеты и журналы, удостоверения и т.д.) периода 1917—1921 гг.» (К старым морякам — участникам Великой Октябрьской социалистической революции // Ленинградская правда. 1947. 22 окт.).

[168] прислуга, выполняющая всю домашнюю работу (*фр.*).

[169] 25 октября 1947 г., выступая на заседании политического комитета Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций, в полемике с министром юстиции Южно-Африканского Союза, на основании неназванной книги уличавшего СССР в репрессиях, Вышинский сказал: «Это книга, которая, в сущности говоря, представляет собою собрание всяких гнуснейших пасквилей относительно принудительного труда, якобы существующего в Советском Союзе, где рассказываются всякие совершенно неправдоподобные вещи и дикие выдумки. Например, говорится о том, что в Советском Союзе в тюрьмах и в концентрационных лагерях находится около 20 миллионов людей. Достаточно, конечно, только назвать эту цифру, чтоб стало ясно, что сочинители этой клеветнической книги либо полные идиоты, либо патентованные гангстеры. Откуда они почерпнули эти сведения?» (Правда. 1947. 29 окт.).

[170] Норильский исправительно-трудовой лагерь существовал в 1935—1956 гг. в Норильске Красноярского края. Заключенные работали на строительстве города, рудников, шахт, кобальтового, никелевого, медного и др. заводов, геологических работах и многих других. В течение 1947 г. количество заключенных выросло с 37,5 тысяч человек до 47,5 тысяч.

[171] Можно стать пессимистом и по меньшему поводу (*фр.*).

[172] Выписки из сочинений Гюго.

[173] «Наши люди живут без страха нищеты, без страха за завтрашний день. Они живут без ненависти друг к другу, без социального неравенства» (Ленинградская правда. 1947. 7 нояб.).

[174] Имеется в виду комплекс сооружений на Берсеневской набережной Москва-реки (так называемый Дом на набережной).

[175] См.: Старая Москва: Гравюры на дереве И.Н. Павлова. М., 1947.

[176] Лучшие французы. Июнь 1947. По окончании войны, особенно жестокой, на пороге эпохи, в которой все предвещает смятения и бури, естественной реакцией является почти болезненное стремление человека к безопасности, его желание если не любви, то хотя бы безмятежности (покоя). Дени Шевалье. «Как украсить ваши стены» (*фр.*).

[177] безопасность и безмятежность (*фр.*).

[178] 26 ноября 1947 г. состоялось общее собрание ленинградских писателей. С докладом «Советская литература на подъеме» выступил Фадеев. Это было продолжением начатой ранее кампании; правда, Фадеев отметил, что борьба с низкопоклонством перед Западом «не означает нашего отказа от признания ценностей культуры, созданных другими народами». Далее он подверг критике те вузовские кафедры литературы, где некритически, апологетически преподносится «романо-германская школа» Веселовского, из худших сторон которой «вырос в русской литературе формализм» (Ленинградская правда. 1947. 27 нояб.).

[179] Над симфонией «Макбет» Кочуров работал в 1946—1948 гг.

[180] Торговый обувной дом на Невском пр., д. 11 после войны стал антикварным комиссионным магазином.

[181] Новые советские деньги вводились Постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. Обмен старых денег на новые должен был быть осуществлен 16—22 декабря (в отдаленных районах по специальному списку: 16—29 декабря). Условия обмена: 10 старых рублей на 1 рубль новых. Вклады пересчитывались: до 3 тысяч — 1:1, свыше этой суммы — по особой схеме (чем больше был вклад, тем больше потери вкладчика). Операции по приему и выдаче вкладов прерывались на 15—17 декабря, с 18 декабря возобновлялись. Одновременно упразднялась карточная система распределения продуктов и товаров.

[182] отец и сын (*фр.*).

[183] Туберкулезный санаторий Халила (Халлила) в Финляндии, основанный Николаем II.

[184] Выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

[185] быть облапошенной (*фр.*).

[186] Имеется в виду сказка бр. Гримм «Солдат на службе у черта», где черт награждает солдата за службу полным ранцем угольев, сначала превратившихся в золото, а потом улетучившихся. «Вот, не успел черту спасибо сказать, — все его жалованье опять к нему пошло» (Сказки бр. Гримм. М., 1912. Вып. 15. С. 233).

[187] Праздник в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость».

[188] Вариации на тему русского танца из балета «Лесная девушка» П. Враницкого.

[189] Одна из частей «Реквиема» (1791).

[190] Из музыкального альбома «Картинки с выставки» (1874).

[191] Имение Н. Морозова в Ярославской губернии, переданное ему в пожизненное пользование Лениным в 1921 г.

[192] То есть в санатории Академии наук.

[193] То есть на работы под землей: строительство метрополитена в Ленинграде началось после войны (первые станции открылись в 1955 г.).

[194] Юдина, как и Пастернак, подверглась критике с самого начала борьбы с космополитизмом; вслед за Постановлением «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» в 1946—1948 гг. последовал поток статей и выступлений (Фадеев, Сурков и др.), уличавших Пастернака в оторванности от советской действительности, безыдейности и аполитичности его творчества; в августе—сентябре Пастернак был выведен из Правления Союза писателей; это было для обоих особенно болезненным по контрасту с предшествовавшими годами, когда они выступали (Юдина давала концерты; Пастернак выступал в Колонном зале Дома союзов и др.), а переводы, которыми Пастернак занимался в эти годы, регулярно публиковались. Между тем, несмотря на критику, в 1948 г. вышел сборник стихотворений Пастернака «Избранное».

[195] Это преувеличение; вместе с тем, по предположению А. Кузнецова, Юдина, возможно, намеревалась встретиться для этого со Сталиным: получив гонорар за пластинку Концерта Моцарта ля мажор (№ 23), записанную по желанию Сталина, который был восхищен исполнением Юдиной, пианистка написала Сталину благодарственное письмо и прибавила, что «молится за его великие грехи перед народом». «Было ли письмо Сталину жестом отчаяния или актом самопожертвования? А может, она даже надеялась на встречу — если не с самим вождем, то с его окружением — затем, чтоб заступиться за друзей, томившихся в неволе?» (*Кузнецов А.* Неопалимая купина: Биография М.В. Юдиной в духовном и музыкальном контексте // Юдина М.В. Вы спасетесь через музыку: Литературное наследие. М., 2005. С. 286).

[196] Такая оценка была вызвана, по-видимому, публикациями статьи Тихонова «Ленинград — колыбель Октябрьской революции» во множестве газет в октябре 1947 г., статьи «Заря человечества» и ряда других статей, прославлявших социализм и СССР.

[197] Инсценировка одноименного романа К. Симонова (1943—1944).

[198] мачехи (*фр.*)

[199] В середине января в ЦК ВКП(б) состоялось совещание деятелей советской музыки, где Жданов выступил со вступительной речью. Центром обсуждения были итоги общественного просмотра оперы Мурадели «Большая дружба». Жданов сравнил ее с «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича и напомнил о статье «Сумбур вместо музыки».

[200] Шапорин говорил о «благородстве стиля» Мурадели и о других достоинствах композитора (Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 16).

[201] В Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» осуждалась «сумбурная и дисгармоничная» музыка и, главное, сюжет оперы, в котором установлению советской власти на Северном Кавказе препятствуют грузины и осетины, тогда как помехой были, согласно постановлению, ингуши и чеченцы (опера была поставлена в Большом театре к 30-летию Октябрьской революции).

[202] белой горячки (*лат.*).

[203] 16 февраля — день именин Анны-пророчицы.

[204] По-видимому, речь идет о статье «”Каменный гость” Пушкина» (опубликована впервые в 1958 г.).

[205] На совещании московских композиторов и музыковедов 17 февраля (продолжалось до 26-го) было принято письмо Сталину: «Мы, композиторы и музыковеды гор. Москвы, признаем полную справедливость партийной критики советской музыки, отныне освобождающейся от мертвящего воздействия буржуазно-формалистской рутины, от влияний декадентщины» (Советская музыка. 1948. № 1. С. 27).

[206] С 1391 г. тюрьма в Париже на берегу Сены.

[207] В Постановлении «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» отмечены «антинародные, формалистические извращения в творчестве Д. Шостаковича» и он назван в числе композиторов, которые «придерживаются формалистического, антинародного направления». Вследствие этого (по справке Комитета по делам искусств при Совете министров СССР от 15 марта 1949 г.) сняты с репертуара и запрещены к исполнению следующие произведения Шостаковича: Симфонии 6, 8, 9; Концерт для фортепиано с оркестром; Октет; Соната № 2 для фортепиано; Романсы на стихи английских поэтов; цикл пьес для фортепиано «Афоризмы» (Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953. М., 2005. С. 314—315).

[208] Оперу на сюжет комедии Гоголя «Игроки» Шостакович писал с весны 1942 г., но вскоре прекратил эту работу; сохранились неоконченные партитура и клавир.

[209] Объяснительное письмо Зощенко Сталину от 27 августа 1946 г., начинающееся словами: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Я никогда не был антисоветским человеком...», см.: Неизвестная Россия. XX век. I. М., 1992. С. 140—142. Здесь же опубликован протокол беседы Зощенко с сотрудником Ленинградского Управления

Народного комиссариата госбезопасности от 20 июля 1944 г.; Справка Министерства госбезопасности на Зощенко от 10 августа 1946 г. (накануне постановления от 14 августа); письмо Зощенко Жданову от 10 октября 1946 (с. 130—140, 143—144).

[210] Комплекс кладбищ: старейшее (первые упоминания 1738 г.) православное на Камской ул., д. 24; лютеранское (с 1747 г.), основанное для погребения иностранцев на наб. р. Смоленки, д. 9; армянское (с 1791 г.) на наб. р. Смоленки, д. 29.

[211] При введении во всесоюзном масштабе карточной системы было одновременно узаконено дифференцированное (районированное) снабжение продуктами питания и товарами в зависимости от населенности, количества промышленных предприятий и т.п. В этой многоуровневой градации первое место занимали Москва, Ленинград и еще несколько крупных промышленных центров.

[212] 30 декабря 1947 г. в Румынии была провозглашена республика.

[213] Какая наглость! (*фр.*).

[214] См.: *Крандиевская-Толстая Н.* Воспоминания. Л., 1977.

[215] романизированная биография (*фр.*).

[216] Впечатления об этом чтении Т.Б. Лозинской см. в ее письме Н.П. Анциферову: ОР РНБ. Ф. 28. № 284. Л. 5.

[217] Молитва «Да исправится молитва моя» поется на Литургии Преждеосвященных Даров, которая служится в период Великого поста по средам и пятницам.

[218] Пьеса Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872).

[219] См. примеч. 168.

[220] довоенных (*фр.*).

[221] Вот так номер!! (*фр.*).

[222] По-видимому, имеется в виду комедия «Здесь вам будет весело», которую должен был ставить Театр комедии, но эта постановка не осуществилась.

[223] 1 апреля 1948 г. на расширенном заседании ученого совета филологического факультета Ленинградского университета А. Дементьев сделал доклад «За большевистскую партийность в литературоведении», в котором призвал покончить с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом в литературоведении. Между 1 и 7 апреля Дементьев прочел вариант этого доклада («Против буржуазного либерализма в литературоведении, за большевистскую партийность в науке о литературе») на партийном собрании филологического факультета (об этом и дальнейших перипетиях кампании см.: *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме: 1948—1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157—176).

[224] Видимо, имеются в виду следующие слова из романа Скотта (1823): «У меня есть свобода <...>. Я ни перед кем не гну спину и никого не признаю. Иду куда хочу, живу как могу и умру, когда настанет мой час»; «В то время как ваш разум, даже когда ваше тело свободно, скован вашими законами и предрассудками, вашими собственными измышлениями об общественных и семейных обязанностях, такие, как я, свободны духом, хотя бы их тело было в оковах» (Гл. XVI. Братья).

[225] См. выше запись от 18 апреля: вероятно, происходил очередной сеанс гадания, на котором, как можно предположить, была предсказана смерть Сталина.

[226] на самом деле (*фр.*).

[227] То есть на следующий день после праздника.

[228] Это песнопение поется во вторник Страстной недели.

[229] Броненосец «Чесма» был потоплен во время Русско-японской войны, после этого поднят японцами со дна и выкуплен российским правительством в 1916 г.; входил в Мурманский отряд кораблей (в 1918 г. захвачен войсками Антанты).

[230] Опера Чайковского (1890) была поставлена с декорациями В.В. Дмитриева в Большом театре (1931).

[231] Опера Шостаковича (1928) была поставлена Н.В. Смоличем с декорациями Дмитриева в Малом оперном театре (1930).

[232] Первые 8 картин оперы Прокофьева (1943 — первая редакция) были поставлены с декорациями Дмитриева в Малом оперном театре (1946).

[233] Пьеса Л.Ф. Макарьева и С.А. Дилина.

[234] Правильно: «Сказание о граде Лебединце», пьеса И. Карнауховой и Л. Браусевича.

[235] Инсценировка А.Я. Бруштейн сказки Андерсена.

[236] в конце концов (*фр.*).

[237] общественному установлению (*фр.*).

[238] Аллюзия на заглавие статьи Чернышевского (Современник. 1861. № 7), характеризовавшей содержание газеты галицийских малороссов «Слово», выходившей во Львове.

[239] Записано 31 октября 1910 г. на станции Астапово А Л. Толстой со слов Толстого в его записную книжку (воспроизведено Шапориной с небольшими неточностями).

[240] К постановлениям ЦК ВКП(б) 1946 г. и февраля 1948 г. добавились еще в 1948 г.: «О руководстве Союза советских композиторов» (12 мая) и «О мерах по улучшению деятельности Большого театра» (17 мая).

[241]Петербургское объединение композиторов (конец 1850-х — середина 1870-х), ориентировавшихся в своем творчестве на русские национальные традиции (Балакирев, Мусоргский, Римский-Корсаков и др.).

[242] Имеется в виду выступление на съезде Союза советских композиторов (19—21 апреля) М. Левиева, который сказал: «Надо создать “Могучую кучку” здесь, в Москве. Но давайте создадим “Могучие кучки” по всей нашей многонациональной родине, чтобы у нас была не одна “Могучая кучка” в Москве, а было 16 в наших национальных республиках» (Советская музыка. 1948. № 2. С. 72).

[243] храмик (*ит.*).

[244] «Воспитание чувств» Флобера (*фр.*).

[245] Не опубликованное при жизни и распространявшееся в списках стихотворение (1931); настоящий вариант отличается от канонического.

[246] Эпиграф к роману Л. Толстого «Анна Каренина» звучит так: «Мне отмщение, и Аз воздам»; это несколько измененная фраза из библейского Послания ап. Павла к Римлянам (12: 19), см. также: Второзаконие 32: 35.

[247] См.: Виды и бытовые картины России XVII в.: Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину с приложением карты пути цесарского посольства 1661—62 г. [СПб.], 1903.

[248] Между Международным пр. (с 1950 г. им. Сталина, с 1956 г. Московский) и Нарымским пр. (с 1961 г. им. Юрия Гагарина).

[249] На Международном пр., д. 60.

[250] Аллюзия на заглавие поэмы Н.А. Некрасова.

[251] «*Русская старина*» — ежемесячный исторический журнал (1870—1918).

[252] Вошли в т. 15 собрания сочинений Стендаля (1949), Шапорина перевела письма 90—108.

[253] Опера Сметаны (1872, премьера 1881).

[254] Луначарский покровительствовал Дункан в качестве наркома просвещения и поклонника ее творчества.

[255] В Москве на Пречистенке, д. 20 в 1921 г. Дункан был подарен особняк для ее студии (более 50 учениц).

[256] Вероятно, в 1913 г. (до этого Дункан выступала в Мариинском театре в 1905 и 1906 гг.).

[257] новость (*фр*.).

[258] прочно (*фр*.).

[259] Ахматова переводила произведения азербайджанских поэтов О. Сарывели и Р. Рза.

[260] Имеется в виду Ольшевская.

[261] Имеется в виду Л. Толстая.

[262] По-видимому, «Поэму без героя», над которой Ахматова работала с 1940 г. до конца жизни (фрагменты читала знакомым в процессе работы).

[263] Шапорина (или Ахматова?) ошиблась. Речь идет о письме Кублицкой-Пиоттух к М.П. Ивановой от 29 марта 1914 г., хранящемся в РГАЛИ: «Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть, и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его полюбить. — Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит. Одно из ее стихотворений я Вам хотела бы написать, да помню только 2 строки первые:

“Слава тебе, безысходная боль, —
Умер вчера сероглазый король”.

Вот, можете судить, какой склон души у этой юной и несчастной девушки. У нее уже есть, впрочем, ребенок.

А Саша опять полюбил Кармен». Более полный фрагмент письма см.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 431 (Литературное на-

следство. Т. 92). В этом фрагменте стихотворение Ахматовой «Сероглазый король» (1910) цитируется неточно. Кармен — оперная певица Л.А. Андреева-Дельмас.

[264] Сборник Ахматовой «Четки» вышел в 1914 г.

[265] Здесь Шапорина перепутала сюжет о ребенке Ахматовой из письма Кублицкой-Пиоттух с дальнейшим рассказом Ахматовой о Кузьминой-Караваевой.

[266] 31 марта 1948 г. на заседании Комитета по Сталинским премиям рассматривалась книга Тихонова «Стихи о Югославии» (М., 1947). Сталин сказал собравшимся, что хорошую книгу Тихонова невозможно выдвинуть на премию, потому что «Тито плохо себя ведет» (*Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 150). Сталин имел в виду самостоятельную внешнюю политику Югославии, по поводу которой возникли разногласия Сталина и Тито (осложненные личной неприязнью Сталина к Тито); вследствие этого была организована травля Коммунистической партии Югославии со стороны других компартий и разрыв с нею отношений (июнь 1948 г.).

[267] Неофициальное наименование островов в районе рек Средняя и Малая Невка: Крестовский, Каменный и Елагин (в 1934—1992 гг. объединялись наименованием Кировские острова), места отдыха ленинградцев.

[268] сладостному ничегонеделанию (*ит.*).

[269] Немецкие войска вторглись во Францию 5 июня 1940 г., а 14 июня уже оккупировали Париж.

[270] «Зачем, боши не злы» (*фр.*).

[271] «Французы, производите детей» (*фр.*).

[272] Быстрые посылки в Россию (*англ.*).

[273] Московский театр драмы (с 1954 г. им. Вл. Маяковского).

[274] Пьеса Н.Е. Вирты «Великие дни» (1947) была поставлена к 30-летию Октябрьской революции.

[275] Парижский Музей восковых фигур (основан в 1882 г.).

[276] Представьте себе несчастного, который читает только «Gazette de France», «Quotidienne» и «Moniteur» (*фр.*) (названы популярные французские газеты).

[277] у которого на все про все одна-единственная газета (*фр.*).

[278] «Общество Парижа, я боюсь, губительно для молодого писателя; он видит, что, может быть, более опасно быть выше посредственности, чем ниже ее. Отвращение охватывает его» (*фр.*).

[279] Из пьесы Горького «На дне» (1902).

[280] маленький серый человек (*англ.*).

[281] Душа — это огонь, который гаснет, если он не усиливается. Стендаль, письмо 982 (*фр.*).

[282] Это письмо не вошло в издание, для которого переводила Шапорина.

[283] Возможно, Шапорина перефразирует девиз («За любовь и отечество»), который был вышит на орденской ленте с бантом, вручавшейся со знаком ордена Свя-

той Екатерины отличившимся воспитанницам Екатерининского института, — такой орден получила при выпуске из института Шапорина.

[284] У меня нет никого, с кем бы я мог поупражняться в той игре в волан, которая называется остроумной беседой. <...> Стендаль, письмо к ди Фиоре (*фр.*). См.: *Стендаль.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 15. С. 289.

[285] собеседник (*фр.*).

[286] Имеются в виду А.Н. Максименков и Сабуренков.

[287] В архивном фонде Шапориной в РО ИРЛИ (Ф. 698. Оп. 2. № 97. Л. 1—1об.) сохранилась копия письма Шостаковича от 16 октября 1948 г. председателю исполкома райсовета Дзержинского района с ходатайством о выселении слесарной механической мастерской.

[288] Речь идет об августовской сессии Академии сельскохозяйственных наук СССР, сентябрьских Президиуме Академии педагогических наук РСФСР и Академии медицинских наук СССР, посвященных внедрению «материалистической школы» в биологию и борьбе с «идеалистической биологией» (генетикой). В октябре эта борьба была перенесена в соответствующие академические учреждения Ленинграда.

[289] В октябре—декабре 1948 г. происходили заседания третьей сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций, на которых регулярно выступал Вышинский, и его речи с 29 октября систематически печатались в газетах.

[290] Возможно, биографический очерк «Сергей Васильевич Лебедев» (1943—1944).

[291] и не останавливаются перед такой мелочью (*фр.*).

[292] Речь идет о просмотре 3 декабря в Театре оперы и балета им. Кирова, в преддверии Пленума Союза советских композиторов, оперы «Повесть о настоящем человеке» (1948) по одноименной повести Б. Полевого (1946).

[293] Исполнялась во 2-м отделении (в 1-м — Серенада для струнного оркестра C-dur, соч. 48).

[294] Ср.: «Формалистическое направление еще окончательно не разгромлено. Показ в Ленинграде в концертном исполнении силами Театра оперы и балета им. Кирова новой оперы Прокофьева “Повесть о настоящем человеке” свидетельствует о том, что формализм еще продолжает жить в сознании некоторых музыкантов. Прокофьев в своей новой опере повторил все то отрицательное и отвратительное, что было в операх периода безоглядного увлечения модернистскими вывертами. Сумбур, грубый натурализм, полное отсутствие мелоса, нелепое введение песен несоответствующего стиля, гармоническая грязь, безвкусица и отсутствие какой-либо высокой идеи в музыке — вот что характеризует это, в корне порочное произведение» (За советскую музыкальную классику // Советская музыка. 1948. № 10. Декабрь. С. 5). Учитывая, что главным редактором журнала являлся Коваль, можно полагать, что он и был автором этой статьи.

[295] Это была генеральная репетиция в Малом оперном театре второй части оперы Прокофьева.

[296] В XII в. во время нашествия татаро-монгольских войск трубач, стоявший на самой высокой точке города, подал предупредительный сигнал и был убит. В его память из окон башни Мариацкого костела каждый час раздается звук трубы, который внезапно обрывается.

[297] Из Финляндии в СССР были возвращены 5572 советских военнопленных. Около 350 были расстреляны; 4354 заключены в лагеря на срок от 5 до 8 лет (*Маннинен О.* Мощное советское наступление // Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 326).

[298] Кукольная комедия в 4 действиях с прологом (1939).

[299] Я испытываю омерзение (*фр.*).

[300] Amant (*фр.*) — любовник.

[301] См. примеч. 285.

[302] комбинация (*фр.*).

[303] Оригинальное название «Кого любят боги» (1942), реж. К. Хартль (в советском прокате с 1949 г.).

[304] Термин «безродный космополит» использовал Сталин в 1941 г. (см.: *Чернявский Г.И.* Дневники Г.М. Димитрова // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 54). В декабре 1948 г. на XII пленуме Правления Союза советских композиторов А.В. Софронов в выступлении о современной драматургии и Фадеев бичевали «формалистов и безродных космополитов» (Литературная газета. 1948. 22 дек.). 28 января 1949 г. в «Правде» была опубликована статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», с которой начался очередной этап борьбы с космополитизмом. Последовали статьи в «Литературной газете» (29 января), «Культуре и жизни» (30 января), «Известиях» (10 февраля).

[305] В статье говорилось, что Пунин — «обнаглевший буржуазный эстет»; «матерый идеалист и проповедник формализма» (*Герасимов А.М.* За советский патриотизм в искусстве // Правда. 1949. 10 февр.).

[306] По ходу кампании борьбы с космополитизмом она приобрела антисемитскую направленность. Из статьи «Правды» от 28 января 1949 г. следовало (это отметила и Шапорина), что к «антипатриотической группе» принадлежат преимущественно евреи. 8 февраля принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации объединений еврейских писателей и альманахов на еврейском языке. 9 и 10 февраля в Москве состоялось закрытое собрание Союза советских писателей, посвященное борьбе с космополитами, на котором критике подверглись драматурги и театральные критики — евреи (см. также: Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938—1953 / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005).

[307] Голда Меир занимала тогда пост посланника Израиля в СССР. Она приехала в Москву 2 сентября 1948 г.; 11 сентября посетила Большую хоральную синагогу; на праздник иудейского Нового года 13 декабря, когда Меир очередной раз посетила синагогу, собралось более 10 тысяч человек, восторженно приветствовавших ее. Это вызвало возмущение Сталина.

[308] Имеется в виду, вероятно, роспуск в ноябре 1948 г. Еврейского антифашистского комитета (создан в августе 1941 г.) и арест большой группы его деятелей.

[309] Молотова освободили от должности министра иностранных дел после ареста в начале 1949 г. его жены П.С. Жемчужиной (урожд. Карповской; 1897—1970).

[310] Симонов приехал в Ленинград после того, как сделал основной доклад на трехдневном собрании московских драматургов и критиков (см.: Правда. 1949. 26—28 февр.).

[311] Великомученица, обезглавленная за верность христианству.

[312] Сталин позвонил Шостаковичу 16 марта и сообщил ему о предложении поехать в составе советской делегации на международную конференцию в защиту мира в Нью-Йорк (25—27 марта). Шостакович сообщил, что его музыку больше года не играют в СССР и поэтому он не может ехать в Америку. Сталин обещал разобраться. Приказ Главреперткома был отменен.

[313] Эта поездка не зафиксирована в составленной Ю. Томашевским «Хронологической канве жизни и творчества М.М. Зощенко» (см.: *Зощенко М.М.* Родные люди. СПб., 2009. С. 429—458).

[314] Церковь была разрушена в 1929 г.

[315] Общественные бани в Риме (206—217), украшенные мозаиками и скульптурами.

[316] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[317] Ср. также о Ботвиннике: «...чувствуется влияние декадентской поэзии» (*Луконин М.* Советская поэзия в 1948 году // Литературная газета. 1949. № 23. 19 марта). В марте—апреле на писательских собраниях и в печати продолжалась критика Пастернака.

[318] От тюркского: басмак — совершить налет; после октября 1917 г. движение в Средней Азии против советской власти.

[319] Мертвые возвращаются (*фр.*). Возможно, Шапорина цитирует фразу из рассказа Ги де Мопассана «Волосы».

[320] фортепьянный вечер (*нем.*).

[321] См. примеч. 189.

[322] «Мышья беготня» — цитата из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина.

[323] Храм Воскресения Христова на наб. кан. Грибоедова, д. 2а, построен в 1883—1903 гг. на месте, где был смертельно ранен имп. Александр II. В 1930 г. закрыт.

[324]
Я Атлас злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на плечи подъемлю,
Подъемлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться

Ты сердцем гордым сам того желал!
Желал блаженства безмерных сердцу

Иль непомерных гордому скорбей,
Так вот: теперь ты скорбен.
Гейне (*нем.*). (*Пер. А. Блока.*)

[325] Обстоятельное описание торжественных порядков... коронования императрицы Елисавёт Петровны... СПб., 1744.

[326] Шапорина, по-видимому, имеет в виду Карла XII, Наполеона и Гитлера.

[327] Московский музыкально-драматический театр им. Станиславского основан в 1941 г. на ул. Б. Дмитровка, д. 17.

[328] Балет на музыку Чайковского (1889).

[329] «происшествиях» (*фр.*).

[330] Из романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин».

[331] Письмо от 5 мая 1949 г. (ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 21).

[332] Тагер проживала в Магадане Хабаровского края после освобождения из Северо-Восточного лагеря (организован в 1932 г., закрыт между 1949 и 1952 гг.), заключенные которого обслуживали работы треста «Дальстрой», вели поисковые и разведочные работы, золотодобычу и мн. др.

[333] См.: *Дефо Д.* Жизнь и странные небывалые приключения Робинзона Крузо / Пер. с англ. под ред. К. Чуковского. М.; Л., 1928.

[334] См.: *Де-Фоэ Д.* Робинзон Крузе: Новая переработка для рабоче-крестьянской молодежи / Под ред. и с послесловием З.И. Лилиной. Л., 1925.

[335] «Жизнь слишком коротка для того, чтобы позволить себе быть мелочным» (пер. Моруа) (*фр.*).

[336] По так называемому «Красноярскому делу» геологов в 1949 г. было арестовано 27 человек.

[337] Сокращенный вариант доклада см.: *Дементьев А.* Пушкин и Родина // Ленинградская правда. 1949. 5 июня.

[338] 28 мая Министерство иностранных дел Югославии передало советскому послу в Белграде ноту с утверждением о «враждебных и дискриминационных действиях» Советского правительства по отношению к Югославии. В ответ 31 мая посольство СССР в Белграде передало ноту, в которой отвергало «как грубую клевету» это утверждение Министерства иностранных дел Югославии.

[339] Дементьев неоднократно выступал в роли «гонителя» Достоевского, используя одни и те же формулировки. Ср., например: «...совсем недавно профессора В. Кирпотин и А. Долинин выступили с книгами, в которых прикрашивают и идеализируют во многом реакционное и вредное творчество Достоевского» (Ленинградская правда. 1947. 30 дек.); «...прикрашивают и идеализируют реакционные стороны творчества Достоевского» (*Дементьев А.* За большевистскую партийность в литературоведении // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 4. С. 85).

[340] «Если увидите А.А.А., передайте мой глубокий поклон. Мало кого я вспоминаю с таким уважением и восхищением», — писала Е.М. Тагер 21 мая 1949 г. (ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 23об.).

[341] Речь идет о работе «Гибель Пушкина» (опубл. посмертно: Вопросы литературы. 1973. № 3. С. 191—236).

[342] Имеется в виду письмо Нессельроде Е.Ф. Мейендорфу от 28 декабря 1840 г. (см.: *Гроссман Л.* Документы о Геккернах // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 2. С. 343.

[343] За Шереметевским дворцом — Фонтанным домом на наб. р. Фонтанки, д. 34, где в это время жила Ахматова.

[344] Балет «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1949) на музыку В.М. Дешевова был поставлен в Малом оперном театре.

[345] Имеется в виду «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н.А. Римского-Корсакова.

[346] Отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина.

[347] Как отметил в предисловии переводчик романа О. Генри «Короли и капуста» (1904) К. Чуковский, в книге нет ни королей, ни капусты.

[348] Режиссер М.С. Каростин (1949).

[349] Приводя Стравинского в качестве примера того, что «на выжженной почве формалистического искусства даже большие таланты не смогли создать истинные художественные ценности», Шостакович далее писал: «Начало его пути было многообещающим». Затем: «...партийная критика формализма в советской музыке является живительным источником музыкального творчества, помогает всем нам парализовать чуждые влияния и полнее отдать свое искусство народу и родине» (*Шостакович Д.* Великая битва за мир // Новый мир. 1949. № 5. С. 268).

[350] Возможно, имеется в виду книга стихов Цветаевой «Лебединый стан» (1917—1920), изданная только в 1957 г. в Мюнхене, но распространявшаяся в списках.

[351] Город в 24 км от Ленинграда.

[352] Ошибка Шапориной: не в июле, а в августе; «Кто-то умудрился привезти на гастроли в столицу заурядный театр, способный продемонстрировать лишь изрядное количество пороков и недостатков»; автор возмущался «формалистическим стилем» Акимова (*Граков Г.* Рецедивы формализма: О гастролях Ленинградского театра комедии в Москве // Вечерний Ленинград. 1949. № 182. 5 авг.; перепечатка из «Правды» от 5 августа).

[353] В конце декабря 1948 г., после ленинградской VIII городской и X областной объединенной конференции ВКП(б) Попков был вызван в Москву в ЦК ВКП(б) и обвинен в сепаратизме и т.п. 15 февраля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об антипартийных действиях А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и П.С. Попкова». Таким образом сформировалось понятие «ленинградская антипартийная группа». В марте—апреле началась чистка ленинградского партийного аппарата, за которой летом 1949 г. последовали многочисленные аресты не только в городском партийном руководстве, но и в высших учебных заведениях, руководстве Ленинградского военного округа, Министерстве госбезопасности и др.

[354] Пьеса М. Горького (1910).

[355] По пьесе Вс. Иванова (1949) в постановке Б.Н. Ливанова (1950).

[356] В апреле—мае 1949 г. по письму некоего Л. Макарова о засилье евреев в медицинских учреждениях Ленинграда началась кампания по чистке городской системы здравоохранения, которая продолжалась в течение всего года (см.: Государственный антисемитизм в СССР. С. 432—434).

[357] Пунин работал над докторской диссертацией о художнике Иванове, которую не завершил.

[358] всяких прочих (*ит.*).

[359] Ленинградский педиатрический медицинский институт был основан в 1925 г. на Литовской ул., д. 2 первоначально как Институт охраны материнства и младенчества (с 1935 г. современное наименование).

[360] для очистки совести (*фр.*).

[361] Радиостанция США, осуществляющая вещание на зарубежные страны. Основана в 1942 г. В феврале 1947 г. начала передачи на русском языке (см. контрпропагандистскую статью: *Эренбург И.* Фальшивый голос: Об американском радиовещании на русском языке // Правда. 1947. 10 апр.).

[362] British Broadcasting Corporation, британская радиовещательная корпорация, основанная в 1927 г. На русском языке начала вещание в марте 1946 г. (см. контрпропагандистскую статью: *Тарле Е.В.* Об английских передачах на русском языке // Культура и жизнь. 1947. 20 февр).

[363] Начало этой записи утрачено, как, по-видимому, и другие записи конца сентября — начала декабря.

[364] свекрови (*фр.*).

[365] Жилой дом академиков по адресу: наб. Лейтенанта Шмидта, д. 1.

[366] Правильно: в Саперном переулке.

[367] См.: *Радищев А.Н.* Избранные сочинения. М.; Л., 1949. В следующем изд. (М., 1952) имя переводчицы указано (С. 610).

[368] См.: *Ахматова А.* Из цикла «Слава миру» // Огонек. 1950. № 14. С. 20; № 36. С. 23; № 42. С. 20.

[369] похоронный колокол (*фр.*).

[370] банальность (*фр.*).

[371] Из передовой статьи («От редакции» и без указания автора) № 1 (сентябрь 1901 г.) социал-демократической грузинской газеты «Брдзола» («Борьба») (*Сталин И.В.* Соч.: В 13 т. М., 1949. Т. 1. С. 5).

[372] Кирилло-Белозерский мужской монастырь; основан в 1397 г. на берегу Сиверского озера.

[373] Неточная цитата из заключительного монолога Фамусова в комедии Грибоедова «Горе от ума».

[374] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. восстанавливалась смертная казнь для «шпионов, изменников и диверсантов».

[375] О Е.Я. Данько и материалах ее архива, переданного Шапориной в РО ИРЛИ (Ф. 679) см.: *Данько Е.Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М.М. Павловой // Лица: Биогр. альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 1. С. 190—261.

[376] Обе серии фильма «Падение Берлина» (реж. М. Чиаурели) вышли в 1949 г.

[377] Дочь скрипичного мастера (*фр.*).

[378] Другой вариант перевода: беззастенчивость, развязность.

[379] Роман вышел в 1946 г. сразу в двух издательствах.

[380] Из «Моцарта и Сальери» (1826—1830) Пушкина; имеется в виду комедия Бомарше «Женитьба Фигаро» (1784).

[381] Ледокол «Адмирал Сибиряков» (построен в 1909 г.) совершил в 1932 г. первое плавание по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово за одну навигацию.

[382] Речь идет о предвыборном собрании 6 февраля избирателей Дзержинского избирательного округа, от которого в Верховный Совет СССР выдвигались Сталин, Молотов, Маленков и Тихонов (выборы проходили 12 марта).

[383] В 1948 г. по теме «Подробная политическая история первого тюркского каганата».

[384] Статья Р. Роллана «Жизнь Толстого» (1911) вошла в его книгу «Героические жизни» под заглавием «Толстой». Роллан писал о «Воскресении» как своего рода художественном завещании Толстого.

[385] Ахматова передала Пастернаку стихи, написанные по совету Фадеева.

[386] Л. Пастернак делал иллюстрации к «Воскресению» Толстого в 1898—1899 гг.

[387] Из стихотворения Лермонтова «Спор» (1841).

[388] «Беднейший» (*ит.*).

[389] Имеется в виду оратория Шостаковича «Песнь о лесах» (1949) на стихи Е. Долматовского со словами здравицы в честь Сталина (впервые исполнена в Ленинградской филармонии 15 ноября 1949 г.).

[390] настоящий высший свет (*фр.*).

[391] О «лукавой» политике снижения цен см.: Как снижали цены в конце 40-х — начале 50-х годов и что об этом говорил народ // Неизвестная Россия. XX век. [М.], 1992. [Вып.] II. С. 282—294; Советская жизнь. 1945—1953. М., 2003. С. 135—136, 139—141 и др.

[392] Имеется в виду Московский драматический театр им. К.С. Станиславского.

[393] Страдание измеряется внутренним потрясением, а не ударом внешних обстоятельств.

Люди, слишком возбужденные постоянными эмоциями, молчат, чтобы не выдать себя, и замыкаются в себе, не найдя выхода для своих чувств. И. Тэн. Путешествие по Италии.

[394] По-видимому, имеется в виду книга Роллана «Жизнь Микеланджело» (1907).

[395] Цикл биографических романов Роллана.

[396] См.: *Данте А.* Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. Предисл. К.Н. Державина. М.; Л., 1950.

[397] Работа В.П. Ефанова в соавторстве с еще четырьмя художниками «Передовые люди Москвы в Кремле» (1949). Размер: 400 × 625 см.

[398] По-видимому: «Вновь я посетил...» (1949).

[399] Вероятно, «Мичурин в саду» (1948).

[400] Он и не думал, как правильно он сказал (*фр.*).

[401] Речь идет о статье Сталина «К некоторым вопросам языкознания: Ответ товарищу Е. Крашенинниковой» (Правда. 1950. 4 июня), в которой несколько раз по разным поводам критикуется Марр, как идеалист и вульгаризатор марксизма (впрочем, в одном фрагменте говорится, что у Марра есть и «ценное и поучительное», которое у него должно быть «взято» и «использовано»); и далее: «Причиной застоя в советском языкознании является не “формализм”, изобретенный Н.Я. Марром и его “учениками”, а аракчеевский режим и теоретические прорехи в языкознании. Аракчеевский режим создали “ученики” Н.Я. Марра».

[402] Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь в 50 км от Пскова; основан в 1473 г.

[403] В местности, где был основан монастырь, издавна проживали эстонцы, которые в XI в. приняли православие.

[404] Высоко-Петровский мужской монастырь, основанный в начале XIV в., был закрыт в 1918 г.; на его территории с 1923 г. выступал цыганский хор; в 1930 г. основана студия Индо-Ромэнского театра (будущий театр «Ромэн»)

[405] Начало стихотворения Тютчева «От жизни той, что бушевала здесь...» (1871).

[406] 25 июня началась война в Корее; 27 июня на ее территорию были введены американские войска.

[407] Перезахоронение произвела в 1924 г. С.М. Медем (в замужестве Бюнтинг).

[408] Культ Ивана Ратного, как покровителя воинов, возник, по-видимому, в XVI в.

[409] Построен в 1685—1687 гг., разрушен в 1930-е гг.

[410] Освящена в 1687 г., снесена в 1928 г.

[411] процветания (*англ.*).

[412] Имеется в виду гомосексуализм Сомова.

[413] франта (*фр.*).

[414] Театр Литературно-художественного общества (Театр А.С. Суворина) (1897—1917); впоследствии в этом здании — Большой драматический театр.

[415] В 1913—1917 гг. Студенческая драматическая студия, с 1917 г. Московская драматическая студия под рук. Вахтангова, с 1926 г. Театр имени Евгения Вахтангова. В Москве на ул. Арбат, д. 26.

[416] Речь идет о пьесе Горького «Старик» (1915).

[417] Из молитвы, поющейся в Великую повечерницу на Великий и другие посты.

[418] См.: *Платонов С.* Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI—XVII веков. Пб., 1923.

[419] славянская непродуктивность (*фр.*).

[420] См.: *Корнилов П.* Анна Петровна Остроумова-Лебедева. М., 1950.

[421] Фрагмент воспроизведен с небольшими неточностями.

[422] Из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838).

[423] Приведенные сведения носят легендарный характер.

[424] Город в Московской области.

[425] Над циклом «Двадцать четыре прелюдии и фуги», соч. 87, Шостакович работал в 1950—1951 гг.; премьера — 23 декабря 1952 г.

[426] Празднование 250-летия основания Петербурга должно было происходить в 1953 г.

[427] Имеется в виду Богдановское в Псковской губернии, родовое имение Философовых.

[428] Это издание было осуществлено только в 1959 г.: Ленинград / Гравюры на дереве А.П. Остроумовой-Лебедевой. Л., 1959.

[429] печеньями (*фр.*).

[430] Церковь св. Евпраксии в Риме (V в.).

[431] Дворец в Риме (ок. 1516), местопребывание Сената.

[432] Выписка о нигилизме из кн.: *Camus A.* Le malentendu. A Caligula. [Paris], 1943.

[433] Маленькие колкости (*фр.*).

[434] Премьера 8-й симфонии Шостаковича состоялась 3 ноября 1943 г.

[435] Концерт состоялся 21 января 1916 г. в Малом зале консерватории. Обухов исполнял собственные авангардистские произведения, которые вызвали скандал: часть публики демонстративно покинула концерт. Об откликах прессы и о самом композиторе см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907—1932: Ист. обзор: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 631—635.

[436] в спорах рождается истина (*фр.*).

[437] «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы и критики» (*Сталин И.В.* Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня).

[438] Шостакович был выдвинут Малым оперным театром кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Дзержинскому избирательному округу.

[439] Встреча состоялась 6 февраля.

[440] «Исповеди сына века» (*фр.*). Имеется в виду роман Мюссе (1836).

[441] Имеется в виду сказка Андерсена «Тень» (1847).

[442] Это картина всей гитлеровской Германии. С одной стороны, огромные достижения: автострады, чистые и привлекательные заводы, современные дома, цветы и классическая музыка. Это фасад. С другой стороны: лагеря и тюрьмы. Это изнанка декорации.

С одной стороны, жизнь в своем расцвете, но в то же время обнажается рабство, гнет или смерть.

«Те. кто живы». Жан Лаффит (*фр.*).

[443] И это все (*фр.*).

[444] послевоенные (*фр.*).

[445] «След человека» (*фр.*).

[446] Они <...> хотели сделать из нас отрепье: отрепье — это уже ничто. Но что может представлять собой жизнь того, кто предал своих товарищей, хотел бы я знать. Это уже лишь жалкий человек. Смерть в сто раз лучше.

«Оружие мрака». Веркор (*фр.*).

[447] тот, кто предает друзей (*фр.*).

[448] жалкий человек <...> смерть в сто раз лучше (*фр.*).

[449] Признательные показания Лившица и их интерпретацию см.: *Шнейдерман Э.* Бенедикт Лившиц: Арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82—126.

[450] переписать начисто (*фр.*).

[451] Слова, приписываемые римскому императору Юлиану Отступнику (331—363), безуспешно боровшемуся с христианством.

[452] В первом радиообращении к нации в качестве губернатора Нью-Йорка 7 апреля 1932 г. Рузвельт говорил о «забытом простом человеке, стоящем в основании экономической пирамиды» (цит. по: *Уткин А.И.* Рузвельт. М., 2000. С. 95).

[453] Из стихотворения Н.П. Огарева «Юноше» (1859).

[454] Имеется в виду М.К. Белоусова-Боровская.

[455] Браки советских граждан с иностранцами были запрещены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. (отменен 24 октября 1953 г.).

[456] Слишком многие вещи привлекали его в жизни! (Поль Вайян-Кутюрье. Детство) (*фр.*).

[457] Другое наименование: Соловьевский сад. Разбит в 1865—1867 гг. между 1-й и 2-й линиями Васильевского острова, по соседству со зданием Академии художеств.

[458] Горный институт был основан в 1773 г. как Горное училище на 21-й линии Васильевского острова, д. 2. С 1866 г. институт; в советское время им. Г.В. Плеханова.

[459] Буквально: Бог из машины (*лат.*), т.е. неожиданно.

[460] Шапорина читала парижское (1950) издание дневников Бунина (1917—1918) «Окаянные дни». В СССР изданы только в 1988 г.

[461] Повесть Бунина (1910).

[462] Повесть Ф.М. Решетникова (1864).

[463] Конституционные совещания происходили в Новом Петергофе 19—26 июля 1905 г.; их результатом стало подписание 6 августа императором Николаем II Манифеста «Положение о выборах в Государственную думу».

[464] «Где заслуги дворянства? Оно выжимало из крестьянства все соки, не приобщая его хоть как-то к культуре. Все хорошо оплачиваемые государством должности заняты дворянством для того, чтобы везде вносить беспорядок своим небрежением. Это дворянство является причиной нынешнего состояния империи. Оно появляется там и тогда, где речь идет о получении дохода. При таких обстоятельствах поистине нельзя говорить о заслугах дворянства» (*фр.*).

[465] В результате аграрной реформы 1906 г., проведенной Столыпиным, крестьяне получили право выделить из общинной земли участок в единоличную собственность. Шапорина имеет в виду «Земельный кодекс РСФСР» 1922 г.

[466] В типовой анкете, которую должен был заполнять каждый гражданин при приеме на работу, следом за первыми четырьмя пунктами: фамилия, имя, отчество, год рождения — пятым был: национальность. Этот «пятый пункт» (или «параграф») стал фразеологизмом, которым в повседневном обиходе объяснялись причины отказа тому или иному лицу в работе (или учебе).

[467] См.: Анна Петровна Остроумова-Лебедева: Каталог выставки. К 80-летию со дня рождения. М., 1951.

[468] Дачный поселок в 15 км от Ленинграда.

[469] См.: ОР РНБ. Ф. 1015. № 855—885. Черновики ответных писем Остроумовой-Лебедевой Синицыну: Там же. № 309—317.

[470] Из стихотворения Лермонтова «Бородино» (1837).

[471] Балет написан в 1942 г.

[472] Город в Карелии.

[473] То есть около Люксембургского дворца и сада.

[474] жерве — сорт сыра (*фр.*).

[475] Разговорное название бульвара Сен-Мишель в Париже.

[476] Местность вблизи Парижа.

[477] Верхотурье — поселок в Екатеринбургской губернии на реке Туре, родина Белкина.

[478] Возможно, Городском комитете художников.

[479] «Турецкое рондо» («Турецкий марш») (*фр.*).

[480] увязла в грязи (*фр.*).

[481] В мае 1453 г. в результате захвата Османской империей Константинополя (Царьграда) с главным Византийским храмом — Софийским пала Византийская империя, а Константинополь был переименован в Стамбул.

[482] «Домик русских актеров» (*фр.*).

[483] другом (*фр.*)

[484] Пьеса Ю.А. Буряковского «Юлиус Фучик».

[485] Из стихотворения Пастернака «Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...» (из книги «Сестра моя — жизнь», датированной автором: «Лето 1917 г.»).

[486] Из драмы А.К. Толстого «Царь Борис» (1870).

[487] ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 40—42 об. (письмо от 26 января 1952 г.).

[488] Концерт был посвящен 125-летию со дня смерти Бетховена. Юдина исполняла следующие сонаты: 4, 16, 17, 23 и 29.

[489] 1—2 сентября 1870 г. германские войска в ходе Франко-прусской войны окружили и разбили здесь французскую армию, вследствие чего пала Вторая империя, а образовавшуюся Германскую империю возглавил прусский король.

[490] См.: ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 43—43 об. (Шапорина пересказывает письмо Тагер от 3 февраля).

[491] В многочисленных вариантах воспоминаний об этом событии (не менее десяти) Бонч-Бруевич описывал его по-разному.

[492] Ленин называл Бухарина «любимцем партии».

[493] Имеется в виду Государственный литературный музей.

[494] При жизни Бонч-Бруевича эти воспоминания не публиковались. См.: «Помните наставников ваших»: (о взаимоотношениях В. Бонч-Бруевича и А. Толстого) // Литературное обозрение. 1982. № 12. С. 99—101; *Бонч-Бруевич В.* Тыловые записки // Волга. 1988. № 4. С. 160—164.

[495] Спектакль по пьесе А.Н. Островского был поставлен Г.А. Товстоноговым в 1951 г.

[496] ... и вплетают небесные розы в земную жизнь (*нем.*). Неточная стихотворная цитата из стихотворения Шиллера «Доблесть женщины» (1795).

Имеется в виду глава 1 не оконченного Л. Толстым романа «Декабристы» (1863): «...всякое ее движение было величавость, грация, милость для всех тех, которые могли пользоваться ее видом...» (*Толстой Л.* Полн. собр. соч.: В 91 т. М., 1936. Т. 17. С. 15).

[497] ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 50 об. (с датой: 1947; письмо от 9 марта).

[498] Имеется в виду Военно-медицинская академия на ул. Академика Лебедева, д. 6.

[499] См.: Иван Яковлевич Билибин, 1876—1942: [Каталог выставки]. М., 1952.

[500] бонвиваном, кутилой (*фр.*).

[501] Кустодиев Б. Портрет художника И.Я. Билибина (1901; Русский музей).

[502] Книга не была издана.

[503] То есть перечитывание и внесение дополнений, поправок.

[504] «Это Буриданов осел, это я Буриданов осел» (*фр.*).

[505] Говорят (*фр.*).

[506] Еврейская автономная область Биробиджан в Хабаровском крае была создана в 1931 г. Незадолго до войны Сталиным было инициировано распространение слухов о планах создания властями в Крыму еврейской автономной республики, — они должны были впоследствии использоваться как аргумент для обвинения евреев в сепаратизме. Однако в 1952 г. действительно разрабатывался план депортации евреев в восточные районы СССР, чтобы якобы предотвратить еврейские погромы вследствие открытия заговора еврейских «врачей-убийц». Слухи о строительстве бараков в Биробиджане, куда собираются массово выселять евреев, см. также: *Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 294.

[507] Возможно, Шапорина имеет в виду какую-то реальную городскую легенду предшествовавших лет; но легенды о черном вороне вообще широко распространены в мифологии, они связаны с ним как предвестником какого-либо несчастья, смерти.

[508] Шапорин получил в этом году Сталинскую премию второй степени за романсы «Под небом голубым», «Заклинание», «Осенний праздник», «Под вечер примолк-

ла война» и обработки народных песен: «Ничто в полюшке не колышется», «Бурлацкая песня» и «Не одна во поле дороженька».

[509] Имеется в виду «Руслан и Людмила» Пушкина.

[510] Дворцово-парковый ансамбль Петродворца во время войны оказался оккупирован немцами и значительно пострадал: бронзовая скульптура-фонтан «Самсон, разрывающий пасть льва» (1802) в 1942 г. была похищена немцами, дворец «Монплезир» (1714—1725), в Нижнем парке были разрушены фонтаны. После войны происходило поэтапное восстановление Петродворца. 17 июня был открыт Нижний парк, 25 августа 1946 г. пущены фонтаны, 14 сентября 1947 г. — восстановленный «Самсон».

[511] кто спит, тот обедает (*фр.*).

[512] на убыль (*ит.*).

[513] То есть на счет славившегося своей широкой благотворительностью гр. Д.Н. Шереметева (1803—1871).

[514] См.: Немецкие демократы XVIII века. Шубарт. Форстер. Зейме / Ред., вступ. статьи и примеч. В.М. Жирмунского. М., 1956.

[515] См.: Fables russes, tirées du recueil de Mr. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs présédées d'une introduction français de Mr. Lemontey et d'une preface itolienne de Mr. Salfi. 2 vol. Paris: Firmin Dedot, 1825.

[516] См. стихотворение Лермонтова «Бородино».

[517] По-видимому, концерт состоялся в Капелле: в этот вечер в филармонии был другой концерт.

[518] Notre-Dame de Paris, собор Парижской Богоматери (1163—1257).

[519] Из цикла из девяти фортепианных пьес «Лесные сцены» (1849).

[520] См. примеч. 461.

[521] Это была вторая генеральная репетиция оперы.

[522] культуры, букв.: «изящных искусств» (*фр.*).

[523] Ср. в воспоминаниях И. Черноуцана (Время новостей. 2005. 1 марта).

[524] чистокровный (*фр.*).

[525] На этом запись обрывается.

[526] Имеется в виду церковь во имя Успения Богоматери в Псково-Печерском Успенском мужском монастыре (основан в 1473 г.).

[527] См. выше, запись от 13 февраля (Юдина играла сонаты Бетховена).

[528] 5—14 октября проходил XIX съезд ВКП(б). На нем ВКП(б) была переименована в КПСС, а Политбюро — в Президиум ЦК КПСС.

[529] Все идет, как по маслу (*фр.*).

[530] Лозинский в 1935 г. перевел три стихотворения Ерзынкаци («Борьба плоти и духа», «Слово на час печали, написанное о братьях, обидевших меня» и «Видение») для антологии армянской поэзии, готовившейся, но не выпущенной в свет издательством «Academia»; вошли в изд.: Антология армянской поэзии. М., 1940. С. 247—250.

[531] Пьеса Гюго (1831) вошла в переводе Ахматовой в изд.: *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 3.

[532] Англия будет распята и мир одухотворен (*фр.*).

[533] Автомобиль был спроектирован во время войны; первый опытный образец представлен Сталину к окончанию войны; в июне 1946 г. выпущена первая партия. Являлся самым комфортабельным советским автомобилем, и обладание им считалось признаком состоятельности владельца.

[534] Неточная цитата из стихотворения К.А. Петерсона «Сиротка» (1843).

[535] Имеется в виду Министерство государственной безопасности (МГБ).

[536] общественная безопасность (*фр.*).

[537] Город в Эстонии (с 1917 г. Хаапсалу).

[538] VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР (25 ноября — 5 декабря 1936 г.) завершил свою работу принятием новой Конституции СССР, получившей сразу наименование «сталинской»; с этого года 5 декабря (в 1936 г. было воскресенье) стало официальным праздничным днем.

[539] «Тысяча и один призрак» (*фр.*).

[540] Итоговая годичная выставка работ ленинградских художников открылась в Русском музее 5 декабря.

[541] Начальницы (от principalis — главный; *лат.*).

[542] Имеются в виду слова Сталина из его отчетного доклада на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г.: «Правильно подбирать кадры это значит: во-первых, ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение...» и т.д. (*Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. [М.], 1952. С. 635. И ранее: «...проблема кадров является теперь, в обстановке технической революции промышленности, решающей проблемой социалистического строительства» (*Сталин И.* Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Правда. 1929. 7 нояб.).

[543] Жалкий человек! (*фр.*).

[544] Цитируется басня И.А. Крылова «Щука и кот».

[545] 13 января 1953 г. в «Правде» было опубликовано официальное сообщение: «Арест группы врачей-вредителей» (далее Шапорина пересказывает это сообщение). Ему предшествовало Постановление ЦК КПСС от 4 декабря 1952 г. «О вредительстве в лечебном деле», где говорилось об умышленном умерщвлении врачами Жданова и Щербакова.

[546] Роман написан в 1891 г.

[547] Опера Хренникова «В бурю» (1939; 2-я ред. 1952).

[548] «Думается, что опера Ю. Шапорина “Декабристы”, если говорить о ее последней музыкальной редакции, неудача. <...> Всё кажется взятым напрокат, всё чужое, холодное, бесцветное». В противоположность этому опера «В бурю» оценивалась как удача «советской музыкальной культуры» (*Огнев В.* Красота и правда: Заметки // Литературная газета. 1953. № 8. 17 янв.).

[549] Поскольку работа над оперой композитором и театром еще не закончена, «редакция считает своей ошибкой опубликование мимоходом высказанных и не опирающихся на серьезный анализ произведения, а поэтому бездоказательных, суждений критика об опере “Декабристы”» (От редакции // Литературная газета. 1953. № 9. 20 янв.).

[550] «Властелин мира» (1904).

[551] Это назначение не состоялось.

[552] «Тираны всегда правы» (*фр*.).

[553] «Тираны всегда умирают спокойно в своих постелях» (*фр*.).

[554] Единственные цари, о которых бедняк сохранил память (*фр*.). Почти точное воспроизведение выражения, принадлежащего французскому драматургу П-Ф. Г. де Ла Бренеллери (1738—1820).

[555] В Ярославской губернии.

[556] «Да здравствует Франция» (*фр*.).

[557] «Да здравствует моя республиканская родина» (*фр*.).

[558] Виктор Гюго. Литературно-философские заметки: «Англия держится на ногах, Франция приподнимается, Россия встает» (*фр*.).

[559] Церемония похорон Сталина транслировалась по всему городу (в том числе и на Дворцовой площади) через уличные репродукторы.

[560] Официально о том, о чем пишет Шапорина, было объявлено только 15 марта: на сессии Верховного Совета СССР Маленков представил состав Совета Министров СССР. В результате Министерство государственной безопасности и Министерство внутренних дел (МВД) были объединены в одно МВД; Военное и Военно-морское объединены в Министерство обороны СССР; подобным образом были укрупнены еще 42 министерства и государственных комитета — вместо них появилось 13 министерств. Молотов был назначен одним из четырех первых заместителей Маленкова и министром иностранных дел.

[561] Король умер, да здравствует король (*фр*.).

[562] О каком произведении Шагинян идет речь, установить не удалось. Сталин был крайне недоволен книгой Шагинян «Билет по истории. Часть 1. Семья Ульяновых» (1936), по поводу которой 5 августа 1936 г. было принято специальное постановление Политбюро ВКП(б); вследствие этого постановления книга была запрещена (отменено 11 октября 1956 г.).

[563] Книга А.С. Аллилуевой «Воспоминания» (1946) вызвала возмущение Сталина, после чего в 1948 г. Аллилуева была арестована и репрессирована.

[564] Шапорина подразумевает Варфоломеевскую ночь: массовую резню католиков гугенотами в ночь на 24 августа (день св. Варфоломея, другое имя — Вахрамей) 1572 г. в Париже. Какие конкретно события «в первые месяцы» после Октябрьской революции 1917 г. имеет в виду Шапорина, не ясно; слухи о массовой резне «буржуев» были не редкими в конце 1917 — начале 1918 г. в разных местностях России. Например, Т. Аксакова-Сиверс вспоминает, что в начале февраля 1918 г. в Козель-

ске говорилось о грядущей ночи, когда будут якобы уничтожены «все дворяне и буржуи»: *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника: В 2 кн. Paris, 1998. Т. 1. С. 287.

[565] Амнистия по постановлению Президиума Верховного Совета СССР и ЦК КПСС (подписана Ворошиловым, поэтому получила в среде заключенных наименование «Ворошиловской») касалась заключенных, имевших сроки до 5 лет, мужчин старше 55 и женщин старше 50 лет; беременных и женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет. В итоге на свободе оказалось значительное число не отсидевших свои сроки уголовных преступников (политических заключенных амнистия почти не коснулась). 2 июля, в связи с осложнившейся криминогенной обстановкой в стране, был принят Указ «О неприменении амнистии к лицам, осужденным за разбой, к ворам-рецидивистам и злостным хулиганам».

[566] 13 марта 1953 г. Берия отдал приказ о создании следственной группы по пересмотру дел о «врачах-вредителях». 3 апреля было принято постановление Президиума ЦК КПСС о реабилитации всех, прежде обвиненных по этому делу. 4 апреля в «Правде» об этом было опубликовано сообщение Министерства внутренних дел. 10 апреля обвиняемые, состоявшие до арестов в Академии медицинских наук, были в ней восстановлены.

[567] Имеется в виду тот же номер «Правды» от 4 апреля, где опубликовано сообщение МВД.

[568] Песня Телемаха из оперетты Кузмина «Женская верность, или Возвращенная Одиссея» (пост. 8 сентября 1911 г. в Театре Литературно-художественного общества) (см.: *Кузмин М.* Театр: В 4 т. (2 кн.) / Сост. А.Г. Тимофеев. Oakland, 1994. Т. 4. С. 146—147).

[569] Первой женой Сталина (в 1904—1907 гг.) была Е.С. Сванидзе (1885—1907), второй (в 1918—1932) Н.С. Аллилуева (1901—1932, покончила с собой). В 1932 г. стала распространяться легенда о том, что третья жена Сталина — Роза Моисеевна (Михайловна) Каганович (сестра или племянница Л. Кагановича), а затем появилась легенда и о сыне Юрии от этого брака.

[570] Имеется в виду, что, подобно тому как 18 мая 1896 г. в Москве на Ходынском поле во время коронации имп. Николая II произошла давка, в которой по официальным данным погибли и получили увечья около 3 тысяч человек, так во время прощания со Сталиным в давке, спровоцированной неумелой организацией церемонии, погибло более 500 человек.

[571] Я себя спрашиваю (*фр.*).

[572] Имеется в виду контрреволюционный переворот 27 июля 1794 г. (9 термидора по французскому республиканскому календарю), в результате которого был казнен Робеспьер и положен конец Французской революции 1789—1794 гг.

[573] Поживем — увидим (*фр.*).

[574] 25 апреля в «Правде» была опубликована редакционная статья «К выступлению президента Эйзенхауэра» и сам текст его выступления 16 апреля в Американском обществе газетных редакторов, где он сказал о возможности мирного разре-

шения спорных международных вопросов и предложил ряд мер по сокращению вооружений. В редакционной статье «Правды» его заявления и предложения были названы «ничем не подкрепленными».

575 Опера Дж. Верди (1870).

576 6 мая (23 апреля) — день великомученика Георгия Победоносца.

577 Иерусалим расположен на отрогах четырех гор: Акра, Сион, Морея и Везефа. Символизирует Царство Небесное.

578 Новодевичье кладбище создано при Новодевичьем монастыре в 1845 г. С начала 1920-х кладбище подвергалось разграблению. В 1932 г. были арестованы все монахини, монастырь и собор разграблены. В 1933 г. кладбище официально закрылось для погребений, хотя они продолжались совершаться. В 1935—1936 гг. некоторые захоронения переносились в Александро-Невскую лавру и на «Литераторские мостки» Волкова кладбища. В дальнейшем систематически возникали проекты уничтожения кладбища.

579 Комиссия, созданная на так называемой «Павловской» совместной сессии Академии медицинских наук и Академии наук СССР (1950), где было канонизировано учение И.П. Павлова о наследственности (в противоположность «ложному учению» генетиков) и в результате работы которой осуществлялись дальнейшие репрессии по отношению к ученым-«отступникам».

580 «Властелин мира» (*фр.*).

581 «Путешествие на луну» (*фр.*).

582 Станция на территории поселка Токсово Всеволожского района Ленинградской области, в 20 км от Петербурга.

583 Ин. 1: 47.

584 Дачный поселок в Подмосковье.

585 Дачный поселок на берегу Москвы-реки.

586 Аллюзия на действия Наполеона перед его приходом к власти во Франции.

587 Кантемировская танковая дивизия (сформирована в 1942 г.) расквартирована в ближнем Подмосковье.

588 5—8 августа происходила 5-я сессия Верховного Совета СССР 3-го созыва; 8 августа она приняла «Закон о сельскохозяйственном налоге», по которому устанавливалась твердая ставка налога на хозяйства колхозников независимо от размера общей суммы доходов от их личного хозяйства; предполагалось, что этот закон уменьшит налоговое бремя колхозников.

589 Далее после двух чистых страниц следует запись без начала.

590 Усадьба в деревне Крюково Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

591 Усадьба Барышниковых в деревне Николо-Погорелое Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

592 Правильно — «Роза инфанты».

593 Читались переводы стихотворений Гюго, опубликованные впоследствии в изд.: *Гюго В.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 1956. Т. 12 и 13, — Рождественского:

«Роза инфанты» из книги «Легенда веков» (1859—1877—1883); Фельдман (Линецкой): «Зловещий старик» и «Бессонница» из книги «Созерцания» (1856) и «Зима» из книги «Песни улиц и лесов» (1865); Донского: «Искусство быть дедом» (1877); Полонской: «За десертом» из книги «Мрачные годы» (1868) и «Бедные люди» из книги «Легенда веков»; Корсун перевел в книге «Созерцания» 8 стихотворений.

[594] «Опасно любить принцесс или быть ими любимым» (*фр.*).

[595] по доброй воле (*фр.*).

[596] Завершена 25 октября 1953 г.; премьера 17 декабря 1953 г.

[597] Они хранятся в ОР РНБ (Ф. 1015. № 305—318).

[598] Это было имение Е.Н. Лансере, матери З. Серебряковой.

[599] Вероятно, ресторан И.Я. Тестова на Воскресенской пл.

[600] Так петербуржцы называют определенное место на Октябрьском бульваре.

[601] Часть дворцового ансамбля в Пушкине из двенадцати одноэтажных домиков в китайском стиле (построены в 1782—1798 гг.).

[602] В августе 1953 г. по предложению Маленкова на сессии Верховного Совета колхозникам снизили налог на личное подсобное хозяйство и повысили закупочные цены на обязательные поставки сельскохозяйственной продукции.

[603] «Земля и воля» — революционная народническая организация, основанная в 1876 г.

[604] 20 апреля 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей»; была объявлена задача освоения еще не обрабатывавшихся земель. Эти планы тогда не были осуществлены. 9 марта 1946 г. вышло новое Постановление тех же органов власти «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1946 год», которым увеличивался план посева зерновых культур на целинных и залежных землях. Наконец, Пленум ЦК КПСС 23 февраля — 2 марта 1954 г. принял (по докладу Хрущева) Постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»; вслед за этим, 27 марта, Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли постановление, продублировавшее предыдущее. Было решено послать для освоения новых земель значительное количество техники и 100 тысяч «молодых механизаторов». В течение всего этого года было принято еще несколько постановлений для обеспечения выполнения поставленной задачи (последнее — 25 декабря).

[605] Первые машинно-тракторные станции создавались с 1928 г. для обслуживания колхозов и совхозов; с 1929 г. под руководством Тракторoцентра внедрялись повсеместно.

[606] Основан в 1275 г. Ливонским орденом как крепость Динабург; с 1772 г. Борисоглебск (в составе России), в 1893—1917 гг. Двинск, затем Даугавпилс (в 1920—1940 гг. в составе Латвии, до 1990 г. в СССР, затем — в Латвии).

[607] С 25 января по 20 февраля 1954 г. в Берлине происходило совещание министров иностранных дел СССР, Англии, Франции и США.

[608] Происходили выборы в Верховный Совет СССР (Тихонов был постоянным кандидатом от Дзержинского избирательного округа, в котором проживала Шапорина).

[609] Речь идет о расторжении договора на перевод Ж. Верна.

[610] «Венецианские близнецы» (*ит.*) — «комедия в трех актах, в прозе, с тремя масками» (1747 или 1748 г.).

[611] Д. Минченок пишет, что 7 ноября 1951 г. (Е. Дунаевский тогда учился на 1-м курсе Института кинематографии) его друзья тайком от него поехали кататься на его машине. В результате погибла одна из сокурсниц. Вину за происшедшее возложили на Е. Дунаевского. Он был исключен из института в начале 1952 г. (см.: *Минченок Д.* Дунаевский: Красный Моцарт. М., 2006).

[612] См. примеч. 322.

[613] Для чего, почему (*церковнослав.*). Возглас распятого Иисуса Христа: «Боже Мой, Боже Мой, вскую мя еси оставил?» (Мф. 27: 46).

[614] Написанная совместно Е.И. Васильевой (Дмитриевой) и С.Я. Маршаком пьеса-сказка «Жар-птица» была поставлена в Театре марионеток 4 мая 1924 г.

[615] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[616] Ответное письмо Тихонова: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 82.

[617] государственный деятель (*фр.*).

[618] На выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 29—30 сентября 1950 г. в ленинградском Доме офицеров были осуждены 9 высших партработников Ленинграда (6 расстреляны немедленно). После этого были осуждены еще 214 человек (23 расстреляны), свыше 2 тысяч исключены из партии или переведены на работу из Ленинграда в другие районы; уволены 18 ректоров вузов и 29 зав. кафедрами социально-экономического профиля и т.д. (См.: Ленинградское дело: [Сборник]. Л., 1990). 30 апреля 1954 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор 1950 г., дело прекратила и обвиняемых реабилитировала.

[619] 7 мая произошла капитуляция французских войск во Вьетнаме — закончилась война вьетнамцев (нач. в 1946 г.) против французского колониального правления.

[620] 12 марта 1954 г.

[621] «Перевал» (1923—1932) — литературная группа, в которую входили поэты М. Светлов, М. Голодный, Э. Багрицкий, прозаики Н. Зарудин, А. Весёлый, И. Катаев, М. Пришвин, А. Малышкин, критики Д. Горбов, А. Лежнев и мн. др. литераторы. «Перевальцы» выступали за «искренность творчества», «новый гуманизм» и подвергались резкой критике за «уход от задач современности», «неисторический, внеклассовый подход», вплоть до примиренчества по отношению к «классовому врагу».

[622] Это письмо Тагер в архивных фондах Шапориной не сохранилось: по-видимому, переписав его, Шапорина отправила оригинал Тихонову.

[623] Это стихотворение Ахматовой впервые опубликовано: Звезда. 1940. № 3/4. С. 75.

[624] Шведы прорвались в Псково-Печерский монастырь и разгромили его в 1592 г., а в 1611 г., несмотря на длительную осаду, не смогли его взять.

[625] Путеводительница (*греч.*). Праздник поясной иконы Богоматери с младенцем (по преданию, написанной св. Лукой).

[626] В 25 км от Ярославля (основано в XV в.).

[627] Фраза не окончена.

[628] 7 июля ЦК КПСС принял постановление об усилении атеистической пропаганды.

[629] Эта пословица входит в издание: *Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1862.

[630] Праздник 26 августа в честь Владимирской иконы Божией Матери установлен в ознаменование перенесения ее в этот день в 1395 г. из Владимира в Москву.

[631] Фраза не окончена.

[632] Встреча с Зощенко и Ахматовой состоялась 5 мая в Доме писателя им. Маяковского. Английские студенты приехали из Москвы, где им по их просьбе была организована встреча с Эренбургом и Маршаком. В Ленинграде помимо Ахматовой и Зощенко во встрече участвовали А.Л. Дымшиц, Саянов, Панова и другие писатели. Встреча продолжалась три с половиной часа. Подробное описание: Записка Ленинградского обкома КПСС от 27 мая 1954 г. в ЦК КПСС // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953—1957: Документы. М., 2001. С. 215—217. В разных источниках ключевые слова Зощенко и Ахматовой передаются по-разному (см., например: *Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 314; *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М., 1990. Т. 3. С. 303).

[633] Ворошилов был женат единственный раз на Екатерине Давидовне Горбман; у них не было своих детей, но были приемные: Петр и дети, оставшиеся после смерти Фрунзе (Тимур и Татьяна).

[634] Маршал артиллерии Н.Н. Воронов не подвергался репрессиям.

[635] Здесь заметно отражение двух событий. Во-первых, состоявшегося в октябре 1952 г. Пленума ЦК КПСС, на котором Сталин попросил освободить его от должности Генерального секретаря партии и ведущего заседания Секретариата ЦК, оставив только Председателем Совета министров. Все присутствовавшие возражали, но в конце концов согласились. Был упразднен пост Генерального секретаря, и Сталин стал секретарем ЦК КПСС. Вместо Политбюро ЦК был избран Президиум ЦК и создано Бюро Президиума. Во-вторых, выступления Ф. Жолио-Кюри в начале 1953 г., потребовавшего международного расследования «дела врачей» и пригрозившего в случае отказа в таком расследовании выходом из компартии Франции (до этого Жолио-Кюри демонстрировал уважение к СССР и лично к Сталину).

[636] Оба слуха не имеют под собой фактической основы. Версии о происхождении Сталина стали распространяться с 1920-х и были очень разнообразны; их свод

см. в: *Торчинов В.В., Леонтюк А.М.* Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 14—15 и др.

[637] Выражение, вошедшее в обиход для обозначения сенсационного разоблачения какой-либо тайны, после появления романа Г. Борна «Тайны мадридского двора» (1870).

[638] См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 104.

[639] Письмо от 28 сентября 1954 г.: ОР РНБ. Ф. 1086. № 33. Л. 41.

[640] Вильнюсский (до 1939 г. Вильно) русский драматический театр был основан в 1945 г.

[641] Пьеса А.Н. Степанова и И.Ф. Попова (1946; по мотивам романа Степанова «Порт-Артур») первоначально называлась «На Тихом океане», в 1954 г. переименована в «Порт-Артур».

[642] показать себя с хорошей стороны (*фр.*).

[643] Частная Академия живописи в Париже.

[644] «Цветы и духи» (*фр.*).

[645] Оперный и балетный театр в Париже, основанный в 1669 г.

[646] Очень жаль французские церкви.

Морис Баррес.

«...Я прошу вас беречь все церкви, и те церкви, которые некрасивы, которыми пренебрегают... Речь идет не о защите нескольких камней, обработанных скульптором и успешно воздвигнутых на горизонте. Следует говорить в защиту тех церквей, которые не представляют собой иного интереса, как быть местом духовной жизни. Ибо если церковь хорошо вписывается в пейзаж, это значит, что у нее есть душа. Мы все чувствовали бы себя изгнанниками во Франции, если бы колокольни больше не возносились к небу» (Из № «Иллюстрации» за 1913 г.).

22 марта 1913 г. мы поместили виды башни Сен-Мартена в Вандоме, которую местные власти только что превратили в публичное отхожее место и которую они предполагали торжественно открыть в страстную пятницу после философского банкета! (так!). Эти документы были нам предоставлены г. Морисом Барресом».

Мы чувствуем себя изгнанниками в России, где церкви не покрашены и колокольни не вздымаются вверх.

[647] 10 ноября 1954 г. было принято Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»: «Вместо развертывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественно-научных знаний и идейной борьбы с религией, в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды. <...> Некоторые служители религиозных культов и верующие без всякого на то основания изображаются людьми, не заслуживающими политического доверия» (Ленинградская правда. 1954. 12 нояб.).

[648] *Половников А., Селиверстов Н.* Хамелеоны // Литературная газета. 1954. № 123. 14 окт.

[649] Ленинградская правда. 1954. 15 дек. (статья посвящена поэме Симонова «Иван да Марья», 1954).

[650] На Второй Всесоюзный съезд Союза писателей СССР (15—26 декабря).

[651] Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой. М., 1956.

[652] См. в изд.: Китайская классическая поэзия. М., 1956.

[653] С 1936 г. Ереван.

[654] В 40 км от Ленинграда; в 1918—1940 гг. в составе Финляндии; до 1948 г. Келомякки, затем Комарово.

[655] Роман был опубликован в 1952 г.

[656] Вот это да! (*фр.*).

[657] Рассказ (1915) о преданной, на всю жизнь, любви помещика Хвощинского к горничной Лушке, умершей в ранней молодости.

[658] Торговый дом мужской и дамской одежды на Невском пр., д. 54.

[659] Аллюзия на строки из «Евгения Онегина» Пушкина.

[660] масса (*фр.*).

[661] Исполнялись Квинтет (1940), Концертино для двух фортепиано (1954) и «Из еврейской народной поэзии» (1948).

[662] Опера Чайковского (1879).

[663] Имеется в виду романтическая трагедия Шиллера «Орлеанская дева» (1801).

[664] Мир любит помрачать неверием холодным
Все то, что высоко, что блещет и горит (*нем.*) (Пер. Н. Гербеля).

[665] Возможно, итальянский перевод отрывка из латинской надписи (граффито) в термах Каракаллы, которая часто цитируется (в оригинале) как признание в любви, нацарапанное на мраморе 2000 лет тому назад (и напоминает латинские стихи): Hieme et aestate, prope et prokul, *usque dum vivam et ultra* (Зимой и летом, вблизи и вдали, *пока живу и после смерти*). Итальянский источник, цитируемый Шапориной, установить не удалось (справка Л.Г. Степановой, которую искренне благодарю).

[666] 8 февраля Маленков был отставлен от должности Председателя Совета министров СССР и на этот пост назначен Н.А. Булганин.

[667] Это было предсказано, вероятно, на сеансе гадания 18 апреля 1948 г.

[668] 9—10 ноября 1799 г. (по французскому революционному календарю: 18—19 брюмера) в результате государственного переворота к власти во Франции пришел Наполеон Бонапарт.

[669] Речь идет о произведении Юн Сон До «Времена года рыбака» (см.: Корейская классическая поэзия. М., 1956).

[670] Кинофильм «Рим в 11 часов» (1952) режиссера Дж. Де Сантиса.

[671] Шапорина ошиблась: конечно, осенью прошлого года.

[672] См. примеч. 419.

[673] продуктивность (*фр.*).

[674] То есть из фильма индийского режиссера Р. Капура «Бродяга» (1951).

[675] 6-й Вселенский собор (собрание представителей всех поместных церквей для решения вопросов общецерковного значения), происходивший в Константинопо-

ле в 680—691 г., признал два «единосущных» естества Христа: духовное и телесное в одной ипостаси, и это было признанием возможности его изображения в облике человека.

676 «Война» (*ит.*). Эта комедия Гольдони (1760) издана в переводе Шапориной, см.: *Гольдони К.* Комедии: В 2 т. Л.; М., 1959. Т. 1. С. 733—792.

677 Там будет видно (*фр.*).

678 Имеется в виду первая английская опера «Дидона и Эней» (1689).

679 Журнал «Иностранная литература» (изд. с 1955 г.) явился преемником журнала «Интернациональная литература» (1933—1943).

680 «Персидские письма» (*фр.*).

681 «У вас человек, пользующийся всеобщим уважением, никогда не бывает уверен, что завтра его не постигнет бесчестье. Сегодня он во главе армии, но может случиться, что государь назначит его своим поваром и лишит его надежды на всякую другую похвалу, кроме как за хорошо приготовленный плов. Из Парижа, месяца Джеммади, 2, 15 дня, 1715 года» (*фр.*; пер. Е.А. Гунста).

682 «Современник» (*ит.*).

683 «Мы, конечно, не знаем, для кого из союзников лояльность является не роскошью, а долгом. Предательство продолжается» (*ит.*).

684 Возможно, так трансформировалось предложение Японии в 1943 г. быть посредницей в переговорах СССР и Германии о заключении между ними сепаратного мира.

685 Вероятно, трансформация сведений о том, что в октябре 1942 г. Гесс прилетал в Англию для секретных переговоров о заключении мира.

686 О духе законов: Кн. XIX, гл. XXVII. Свободный народ может иметь освободителя, порабощенный народ может только сменить одного поработителя на другого (*фр.*).

687 Новая постановка балета Чайковского (1876) в Мариинском театре, осуществленная в 1950 г.

688 Драма Ф. Шиллера.

689 По сатирическому циклу М.Е. Салтыкова-Щедрина (1863—1874).

690 Витте, Витте, он продвигается так быстро, что сломает себе шею и станет Кривошеиным (*фр.*).

691 ломает себе шею (*фр.*).

692 Этот перевод (1930—1935) не опубликован и сохранился в РГАЛИ; об истории этой работы Кузмина см.: *Гаспаров М.Л.* Неизвестный русский перевод байроновского «Дон-Жуана» // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 4. С. 359—367.

693 Слова правителя Золотой Орды Мамая (? — 1380), сказанные им в 1380 г. на Куликовом поле.

694 Выписки из разных статей еженедельной парижской газеты «Lettres françaises» (изд. с 1942 г.).

695 По-видимому, речь идет о работе Дрейдена над вступительной статьей «Театр кукол СССР» к каталогу одноименной выставки (Театр кукол СССР:

Куклы, макеты, эскизы. М., 1957. С. 3—26), где говорится и о театре Шапориной (С. 6).

[696] Комедия Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно» (1600) была переведена М. Лозинским (М., 1953; ставилась в Театре комедии в 1938 г.).

[697] Молитва поется на литургии Преждеосвященных Даров по средам и пятницам Великого поста и в дни праздников.

[698] *Чернов И.* Происхождение и сущность религиозных праздников // Ленинградская правда. 1955. 13 апр.

[699] «Конь рыжий, или Благие намерения» (1954) — фантастический роман Э. Триоле.

[700] «Каменщик разбивал окалину, напевая:

Вставай, проклятьем заклейменный...

— Ты хорошо поешь, каменщик, — говорю я ему, — мы прокляты. Но к чему бы это могло послужить, если бы мы все поднялись. Об этом надо было думать раньше...

— Может быть, но речь идет о жизни... Я строю дом для своего ребенка» (*фр.*).

[701] «Долой, проклятьем заклейменный» (*фр.*).

[702] Гастроли хора Капеллы по Европе происходили с 1 января по 22 февраля 1928 г. Фрагменты путевого дневника Климова см.: Хоровое искусство. Л., 1971. Вып. 2. Документация этого турне: ОР РНБ. Ф. 1127. № 4—7; собрание отзывов прессы: Там же. № 29—30; дневник Климова и его отчет о поездке: Там же (необработанная часть архива).

[703] Оссовский служил до революции в Министерстве юстиции, а министром в Украине не был.

[704] Ничего не делать (*фр.*).

[705] Русский костюм, т.е. персидский (*фр.*).

[706] Для очень пожилой дамы я действительно делаю слишком много (*нем.*).

[707] Прыжок в небытие (*фр.*).

[708] Фильм (1955) реж. С.И. Самсонова по рассказу Чехова.

[709] Дворец культуры им. Кирова на Большом проспекте Васильевского острова, д. 83 открыт в 1933 г.

[710] Вступление в поэму Пушкина «Руслан и Людмила».

[711] Выписка из французского издания Дневников бр. Гонкуров.

[712] острот (*фр.*).

[713] То есть на автомобилях Горьковского автомобильного завода им. Молотова (основан в 1932 г.) и Московского автомобильного завода им. Сталина (основан в 1916 г.) — в те годы наличие автомобилей этих марок означало принадлежность владельца к партийной, государственной или культурной элите.

[714] Обувной завод (основан в 1882 г.) на Заставской ул., д. 33.

[715] Кондитерская фабрика (впоследствии присоединена к фабрике им. Крупской) на пр. Карла Маркса, д. 95/1.

716 То есть очковтирательство; выражение происходит от якобы выстроенных кн. Потемкиным на пути следования имп. Екатерины II в Крым фиктивных селений, насаженных парков и т.п.

717 Конспективная памятная запись событий, о которых Шапорина намеревалась подробнее написать в дальнейшем (см. далее записи 5 июля).

718 Мне полагается это знать по должности (*фр.*).

719 Список откликов на эту нашумевшую в свое время историю см.: *Хитрова Д.* Кузмин и «смерть танцовщицы» // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 241—270; см. также: *Голубев В.* Кто виноват в гибели артистки Лидии Ивановой? // Суд идет. 1924. № 4; *Богданов-Березовский В.* Дороги искусства: Книга первая (1903—1945). Л., 1971. С. 118; *Краснов-Левитин А.Э.* Лихие годы 1926—1941. Париж, 1977. С. 173—174.

720 Балет Л. Минкуса (1877).

721 веселым выражением лица (*фр.*).

722 Праздник в честь чудотворной иконы Казанской Божией Матери установлен 8 июля в ознаменование чудесного обретения ее в Казани в 1579 г.

723 Из «Войны и мира» Л. Толстого (т. 1, ч. 2, гл. 20).

724 Медовый Спас.

725 Деревня в Печорском районе Псковской области.

726 Рагозина Гора, деревня в Печорском районе Псковской области.

727 Это была публикация материалов из архива писателя.

728 Роман, написанный в 1954 г., в 1955 г. был выпущен в переводе на русский язык.

729 Письма от 11 и 20 июля и 18 августа см.: ОР РНБ. Ф. 1086. № 34. Л. 22—35 об., 37—41 об.

730 Подмосковный поселок, построенный по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 октября 1934 г. для писателей.

731 Новелла Ги де Мопассана «Королева Гортензия» (1893).

732 Из стихотворения А. Фета «Фантазия» (1847).

733 Персонажи повести Н. Гоголя «Старосветские помещики» (1835).

734 В 65-летнем возрасте полюбил свою крестницу 16-летнюю Матрену Кочубей.

735 Написаны в 1861—1862 гг.

736 пару (*фр.*).

737 Из «Пира во время чумы» А. Пушкина.

738 После ареста Гумилева в 1949 г. Ахматова просила о его освобождении в письме Сталину 24 апреля 1950 г. (см.: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999. С. 662). 8 февраля 1954 г. Ахматова обратилась с письмом к Ворошилову. 6 июля 1954 г. генеральный прокурор Р.А. Руденко в докладной записке Ворошилову сообщил, что Гумилев признал обвинения и осужден правильно (Реабилитация: Как это было: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 91—92).

[739] 17 сентября 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР объявлена амнистия всем гражданским лицам, осужденным за сотрудничество во время войны с оккупантами (22 сентября 1956 г. этот указ был распространен на советских военнопленных). По Указу от 28 сентября 1955 г. были досрочно освобождены и переданы Германии немецкие военнопленные.

[740] Богиня возмездия за нарушение моральных и этических норм (*греч.*).

[741] См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 10, 11.

[742] См.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 3. № 82, 104.

[743] Неточная цитата из: Мф. 24: 2.

[744] Осенью 1955 г. одна из построенных к этому времени дач Литературного фонда в Комарове была передана в пользование Ахматовой.

[745] Зощенко «прорабатывали» 28 мая 1954 г. на партсобрании ленинградских писателей; его критиковал В. Друзин в статье «За ленинский принцип партийности литературы» (Ленинградская правда. 1954. 15 июня); на общем собрании ленинградских писателей 15 июня Зощенко пришлось давать объяснения по поводу своих слов на встрече с английскими студентами.

[746] В марте 1955 г. отмечалось 50-летие со дня рождения Пановой.

[747] Хронология событий в пересказе Шапориной нарушена: Зощенко обратился к Маленкову весной 1950 г. с письмом, в котором сообщал, что его произведения 1946—1949 гг. не печатают, пьесы не ставят; письмо заканчивалось так: «Я прошу указания ЦК — как мне теперь поступить».

[748] Мейерхольд был арестован деникинцами в Новороссийске в августе 1919 г. за сотрудничество с большевиками.

[749] Город в Вологодской области.

[750] Выписки из газеты «Lettres françaises».

[751] Свято-Троицкий кафедральный собор основан кн. Ольгой (X в.).

[752] См.: *Эбин Ю.* Наталья Яковлевна Данько. 1892—1942. М., 1955.

[753] Детская игровая приговорка в словесной игре «Барыня».

[754] На этом запись обрывается.

[755] Стихотворение Пушкина (1831).

[756] ОР РНБ. Ф. 1015. № 270. Л. 17—17 об.

[757] Из арии Индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко» (1895—1896); либретто композитора.

[758] 14—25 февраля проходил XX съезд КПСС. На последнем (закрытом) заседании 25 февраля Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». Доклад опубликован не был. Публиковалось только постановление съезда. 5 марта Президиум ЦК КПСС принял постановление о рассылке доклада Хрущева во все партийные организации для ознакомления с ним «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийного актива рабочих, служащих и колхозников» (*Хрущев Н.С.* Доклад на XX съезде «О культе личности и его последствиях» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166).

[759] Директория — правительство Французской республики в 1795—1799 гг., состоявшее из 5 выборных членов (директоров); таким же было Временное правительство России с 1(14) сентября по 25 сентября (8 октября) 1917 г.

[760] Отряды сзади линии фронта, под угрозой расстрела препятствовавшие отступлению красноармейцев.

[761] Николай II был расстрелян вместе с женой, детьми и прислугой в подвале дома в Екатеринбурге.

[762] 10 августа 1922 г. Президиум ВЦИК утвердил Постановление «Об административной высылке» (опубликованное в «Известиях» 18 августа). За ним последовали массовые аресты в Москве, Петрограде и других городах. В августе, сентябре и ноябре из Петрограда отправились поочередно три парохода с высылаемыми из страны представителями петроградской интеллигенции: философами, филологами и др. Впоследствии часть была лишена советского гражданства, а имущество их конфисковано (см.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ. 1921—1923. М., 2005).

[763] Песня В.П. Соловьева-Седого на слова Н.В. Глейзарова из кинофильма «Счастливого плавания» (1949).

[764] Имеется в виду унтер-офицерская вдова, о которой идет речь в пьесе Гоголя «Ревизор».

[765] Письмо Тагер от 7 марта см.: ОР РНБ. Ф. 1086. № 34. Л. 66—67 об.

[766] Официально реабилитированы 31 января 1957 г.

[767] Эти письма в архивных фондах Шапориной не обнаружены.

[768] Порт в Испании в Манильской бухте.

[769] ОР РНБ. Ф. 1015. № 282. Л. 32—32 об.

[770] У нас люди очень и даже слишком обидчивы (*фр.*).

[771] Персонажи романа «Братья Карамазовы».

[772] Персонажи романа «Обломов» (1859).

[773] Т. 4, ч. 4. Гл. XVII.

[774] очень богатую (*фр.*).

[775] «Достопочтенный человек» (*англ.*).

[776] Кто говорит о победе? Пережить это всё. Райнер Мария Рильке (*нем.*). Заключительная строка стихотворения «По Вольфу графу фон Калькрейту реквием» (1908).

[777] Обширная выписка из оригинального издания «Истории английской литературы» И. Тэна (1863).

[778] Имеется в виду «драматическая повесть» А.Н. Толстого «Иван Грозный» (1941—1943).

[779] Из поэмы М. Волошина «Россия» (1924).

[780] Система готова (*фр.*).

[781] Заменитель (*нем.*).

[782] Деревня во Всеволожском районе Ленинградской области, популярное место любителей горнолыжного спорта.

[783] «надо держать их в ежовых рукавицах» (*фр.*).

[784] Названное постановление Совета Министров СССР принято 27 августа 1956 г. Этим постановлением запрещалось как в городе, так и в деревне скармливать скоту и птице хлеб, муку, крупу, картофель и другие продукты. Определен денежный налог и обязательные поставки молока и мяса гражданами — владельцами скота (кроме колхозников) и др.

[785] 5—8 августа 1953 г. 5-я сессия Верховного Совета СССР 3-го созыва приняла «Закон о сельскохозяйственном налоге», которым с 1 июля устанавливалось обложение сельскохозяйственным налогом хозяйств колхозников по твердым ставкам с одной сотой гектара приусадебной земли, находящегося в личном пользовании колхозного двора независимо от размера общей суммы доходов колхозников, получаемых ими от личного хозяйства. Таким образом, вместо прогрессивного налога, действовавшего с 1939 г., вводилась твердая ставка, что значительно уменьшало сельскохозяйственный налог.

[786] Шапорина ошибается — отмены закона не было.

[787] вас держат в ежовых рукавицах (*фр.*).

[788] Из стихотворения Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...».

[789] Одни из них на кладбище, другие в чистилище (*фр.*).

[790] Золя возвращается из забвения (*фр.*).

[791] ему предпочитают (*фр.*).

[792] Книги, имевшие наибольший спрос с 1920 г. — «Цветы зла» (*фр.*).

[793] Большой тираж имеют книги Даниеля Ропса, католического автора, «Жизнь Иисуса» (*фр.*).

[794] церковниками (*фр.*).

[795] О, кроткий Иисус! (*фр.*).

[796] Совет раввина состоял в постепенном увеличении числа жизненных трудностей, а потом освобождении от них, после чего жаловавшийся сразу почувствовал существенное облегчение.

[797] Аллюзия на персонаж романа Достоевского «Преступление и наказание» (1866) Соню Мармеладову.

[798] Пьеса В. Гюго (1833).

[799] Théâtre National populaire (Национальный народный театр) был основан в Париже в 1920 г.

[800] Творческий вечер Шостаковича состоялся в Большом зале филармонии в честь 50-летия со дня рождения композитора. В 1-м отделении исполнялись: Прелюдии и фуги, соч. 87 (исполнял Шостакович) и Квартет № 6 (1-е исполнение), играл Квартет им. Бетховена. Во 2-м отделении исполнялся вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии» для сопрано, контральто и тенора в сопровождении фортепиано. Исполняли Н. Дорлиак, Т. Антипова, А. Масленников и автор.

801 Вторая песня называется «Песня девушки».

802 Слова «Инженеры человеческих душ» были произнесены Сталиным на встрече с писателями у Горького 26 октября 1932 г. и стали пропагандистским клише. Сталин воспроизвел высказывание писателя Ю.К. Олеши.

803 «Начиная с 1927 года могущество и престиж белой расы, до тех пор господствовавшей над миром, начали слабеть», и т.д. и т.д. (*фр.*).

804 Национализация Суэцкого канала Египтом состоялась 26 июля 1956 г. (до этого судоходство по нему регулировалось англичанами).

805 *Орехов Ф.* Крушение колониалистских планов // Правда. 1956. 22 окт. (цитата со ссылкой на журнал «американских независимых социалистов “Мансли ревью”»).

806 «бессмысленная ненависть» (*фр.*).

807 См.: Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой. М., 1956.

808 Вечер проходил в Большом зале Ленинградской консерватории.

809 Имеются в виду «Куплеты» из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» (1878).

810 Кантата для солистов, хора и оркестра (1884).

811 очень быстро (*ит.*).

812 Концертный и театральный зал в Тенишевском училище на Моховой ул., д. 33 (основано в 1898 г.).

813 27 августа 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О денежном налоге с граждан, имеющих скот в городах» установлено, что владельцы скота (кроме колхозников), проживающие в городах — столицах союзных республик, областных, краевых центрах и центрах автономных республик, — облагаются налогом на имеющийся у них скот.

814 «Не рисуйте меня, я не хочу в Сибирь!»

815 Речь идет о пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты» (1940, вторая ред. 1956).

816 Стихотворение Чон-Чхоля из кн.: Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой. М., 1956.

817 6 октября 1956 г. во время перезахоронения жертв сталинизма в Будапеште состоялась манифестация с участием 200 тысяч человек. Это было началом народного восстания. 22 и 23 октября прошли демонстрации с требованиями политических и гражданских свобод и вывода советских войск, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями демонстрантов с властями. 28 октября советские войска были выведены из Будапешта. После объявления правительства Венгрии 31 октября о намерении выйти из Варшавского договора (военно-политического договора с СССР и другими коммунистическими странами) советские войска 4 ноября вошли в Будапешт и в течение трех дней подавили восстание (в провинции военные действия происходили до 14 ноября). Часть участников была казнена, значительное число приговорено к тюремному заключению.

[818] 28 июня 1956 г. рабочие Познани выступили с требованием вывести советские войска из Польши. Выступление было подавлено с помощью танков.

[819] После публикации романа Дудинцева (Новый мир. 1956. № 8, 10) широко обсуждалась его ключевая тема: возможность противостоять бюрократии. 22 октября при большом стечении публики обсуждение романа происходило в московском Доме литераторов (Литературная газета. 1956. 27 окт.; Московский литератор. 1956. 3 нояб.); стенограмма этого обсуждения распространялась в машинописных копиях (см., например: ОР РНБ. Ф. 1109. № 1778).

[820] Вопреки ожиданиям университетского начальства, обсуждение книги В.Д. Дудинцева студентами в присутствии ректора Александрова превратилось в поддержку писателя и книги и обвинение советской бюрократии; однако арестов, о которых пишет Шапорина, не последовало; за этим слухом, скорее всего, стоит арест М.М. Красильникова (1933—1996), студента ЛГУ, который 7 ноября 1956 г. во время праздничной демонстрации выкрикивал антисоветские и антикоммунистические лозунги, за что был арестован и приговорен к 4 годам лагерей.

[821] В конце ноября на XVI партконференции Дзержинского района секретарь парторганизации Эрмитажа Васильев заявил: «В последнее время коммунисты выдвинули ряд вопросов по перестройке деятельности Эрмитажа. Однако партийная организация не нашла поддержки у директора Эрмитажа тов. Артамонова» (Улучшить руководство идеологическими учреждениями // Ленинградская правда. 1956. 28 нояб.).

[822] Имеется в виду роман «Professor Unrat oder Das Ende eines Tyrannen» (1905; на русский язык переводился под названиями «Учитель Гнус», «Учитель Унрат», «Конец тирана»).

[823] Автографы поэм см.: РО ИРЛИ. Ф. 810.

[824] Грамота Президиума Верховного Совета Армянской ССР от 7 июля 1956 г. Армянских поэтов Ахматова переводила в 1955 г.

[825] Опущены переписанные стихотворения Сельвинского: «О моем современнике» (*Сельвинский И.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 441, с датой: 1956); «О моей жизни» (*Сельвинский И.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 429, под заглавием «Моя жизнь в искусстве», с датой: 1952); «Как хорошо быть писателем» (Там же. С. 435, без заглавия и с другими двумя начальными стихами); «Черепаха» (Избранные произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 126, с датой: 1932).

[826] баня (*нем.*).

[827] смятении (*фр.*).

[828] чувствую себя хорошо (*фр.*).

[829] Год благодати или год позора? (*фр.*).

[830] «Дай мне денег на наряды, дай мне денег на путешествия» (*фр.*).

[831] «в ломбард заложить свое сердце» (*фр.*).

[832] с человеком без сердца (*фр.*).

[833] «На рассвете» и «Масличная дорога» (*фр.*).

[834] РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 2. № 104.

[835] своего дома (*фр*.).

[836] дома (*англ*.).

[837] *Ахматова А.* Стихотворения. М., 1958. С. 90.

[838] «Каждый по-своему» (1924).

[839] В итоге Шапорина перевела три новеллы: «Глиняный кувшин», «Рассматривая гравюру» и «Распущенный союз» (см.: *Пиранделло Л.* Новеллы. М., 1958).

[840] Комедия для кукольного театра в 3 действиях В. Полякова.

[841] Н.И. Смирнова в 1961 г. защитила кандидатскую диссертацию по искусствоведению «Советский театр кукол. Пути становления и развития. 1918—1932», а затем выпустила монографию «Советский театр кукол. 1918—1932» (М., 1963), в которой речь шла и о деятельности Шапориной в кукольном театре.

[842] Музей музыкального и театрального искусства на пл. Островского, д. 6. Создан в 1918 г.

[843] Военно-морское высшее училище им. М.В. Фрунзе в Петербурге на наб. Лейтенанта Шмидта, д. 17.

[844] убирайся оттуда, а я займу твое место (*фр*.).

[845] 8 апреля, выступая в Горьком на городском митинге, посвященном завершению совещания работников сельского хозяйства нескольких областей и автономий, Хрущев объявил о предложении ЦК КПСС с 1958 г. прекратить выпуск займов, на которые несколько десятилетий в СССР осуществлялась принудительная подписка трудящихся (в 1957 г. сократить почти втрое); при этом на 20 лет откладывались (замораживались) выплаты по ранее выпущенным займам, а с 1977 г. должны были выплачивать постепенно в течение 20 лет (Правда. 10 апр.). 19 апреля такое постановление ЦК КПСС и Совета министров было принято.

[846] Парижская газета (была создана в 1922 г.).

[847] Из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» (1818).

[848] Первоначально механическая мастерская (1889), с 1913 г. машиностроительный завод «Светлана» на Выборгском шоссе (с 1918 г. пр. Энгельса).

[849] Аллюзия на библейскую Книгу пророка Даниила.

[850] На территории Кемерова и области с 1929 по 1960 г. находилось не менее 10 исправительно-трудовых лагерей.

[851] «Она мила?» — «О, да, она может быть то мила, то нет» (*фр*.).

[852] Историческая область во Франции на стыке Нормандии и Иль-де-Франс.

[853] доброго пути и много счастья (*фр*.).

[854] После отмены приговора осужденным по так называемому «Ленинградскому делу», в мае 1954 г. на партактиве Ленинграда, посвященном его истории, Хрущев предложил отметить 250-летний юбилей основания Ленинграда, пропущенный в 1953 г. Юбилей торжественно отмечался 19—24 июня 1957 г.

[855] Ленинградская правда. 1957. 23 июня (в прижизненные сборники не включалось).

[856] Помимо парафразы стихов В. Инбер, возможно, аллюзия на «прошедшего житья подлейшие черты» из «Горя от ума» Грибоедова.

[857] См.: *Лавренев Б.* Высокая судьба // Ленинградская правда. 1957. 21 июня.

[858] Один из двенадцати основных церковных праздников, отмечаемый в 50-й день от Пасхи в память Пресвятой Троицы и в 51-й день в память сошествия св. духа на апостолов.

[859] Церковь Пресвятой Троицы на пр. Обуховской обороны, д. 235 построена в 1785—1790 гг. Закрыта в 1938 г., в 1946 г. возобновлено богослужение.

[860] Одно из кладбищ Александро-Невской лавры; так называлось в 1871—1935 гг., затем Некрополь мастеров искусств.

[861] 22—29 июня Пленум ЦК КПСС осудил «антипартийную группу» Молотова, Маленкова, Кагановича и др. за то, что они «антипартийными фракционными методами добивались смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС».

[862] все пожирают друг друга (*фр.*).

[863] После опубликования 3 июля постановления Пленума ЦК КПСС с 4 июля на предприятиях стали проводиться митинги в поддержку его решений. Хрущев приехал в Ленинград 6 июля и в тот же день на митинге на заводе «Электросила» вручал награды его работникам в связи с 250-летием Ленинграда. Значительную часть речи Хрущев посвятил итогам Пленума. Аналогичные митинги прошли еще на нескольких крупнейших предприятиях города, где выступали прибывшие с Хрущевым члены Президиума ЦК КПСС.

[864] 7 июля на Дворцовой площади, как сообщали газеты, состоялась 700-тысячная «благодарственная» демонстрация за организованное властями празднование юбилея города.

[865] Имеются в виду, вероятно, Мжаванадзе и Мухитдинов, избранные в новый состав Президиума ЦК КПСС.

[866] государственный переворот (*фр.*).

[867] последним ударом (*фр.*).

[868] Имеется в виду доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС.

[869] 13 мая 1957 г. в ЦК КПСС были приглашены писатели, перед которыми выступал Хрущев с резкой критикой В. Дудинцева, М. Алигер и других. 14—17 мая состоялся Пленум правления Союза писателей с участием руководителей партии. 19 мая на подмосковной правительственной даче был дан обед для деятелей культуры — писателей, художников, скульпторов, композиторов, где Хрущев еще раз выступил с грубыми нападками на писателей и других деятелей культуры. В августе было напечатано «сокращенное изложение» выступления Хрущева «За тесную связь искусства и литературы с жизнью».

[870] Имеется в виду рассказ Д. Гранина «Собственное мнение» (Новый мир. 1956. № 8).

[871] *Алигер М.* Двое («Опять они поссорились в трамвае...») // Новый мир. 1957. № 4. С. 79.

[872] Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[873] удостоверение в предоставлении жилья у себя (*фр.*).

[874] Спектакль по пьесе И. Скороспелова и Н. Клыковой был поставлен для первоклассников к 40-летию Октябрьской революции.

[875] Пьеса написана в 1940 г. для Театра кукол, где в том же году была поставлена. Новая постановка в 1947 г.

[876] Церковь святителя Спиридония Тримифунтского на 2-м этаже полкового госпиталя.

[877] Имеется в виду театр «Красный факел» (организован в 1920 г. в Одессе, с 1932 г. в Новосибирске).

[878] Курортный город в Эстонии.

[879] См.: *Ермолаев В.* История болезни № 10355 // Ленинградская правда. 1957. 4 авг. В статье рассказывалось о лечении рака лекарствами, приготовленными по собственной методике доктором Качугиным.

[880] Имеется в виду 40-летие Октябрьской революции 1917 г.

[881] «выше сил» (*нем.*).

[882] Имеется в виду запуск в СССР 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли.

[883] Это письмо В. Шапорина в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

[884] Пленум ЦК КПСС, состоявшийся «в конце октября», отметил, что Жуков «в последнее время <...> нарушал ленинские партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных Советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским Флотом со стороны Партии, ее ЦК и Правительства» (Ленинградская правда. 1957. 3 нояб.).

[885] Речь идет о еще не опубликованной тогда «Поэме без героя» Ахматовой, которую поэтесса давала в машинописи читать своим друзьям.

[886] Пьеса В. Вишневского (1933).

[887] Ежедневная газета Коммунистической партии Франции (изд. с 1920 г.).

[888] деньги Москвы (*фр.*).

[889] В архивных фондах Шапориной не обнаружены.

[890] Отдел виз и регистрации иностранных граждан.

[891] в милости (*фр.*).

[892] «О! так много хлопот» (*нем.*)

[893] много хлопот. Слишком много (*нем.*)

[894] От amant (*фр.*), любовник.

[895] Во время Первой мировой войны в 1914 г. Федин находился в Германии и был интернирован.

[896] Творческая работа Ахматовой продолжалась и в 1920—1930-е гг., но между 1924 и 1939 гг. не издавались ее книги и отсутствовали публикации в периодической печати.

[897] Опера Р. Вагнера «Летучий голландец» (1843).

[898] Вдобавок как мучительно сохранить цельной свою духовную сущность, когда та заключена в изношенную материальную оболочку (Шатобриан. Замогильные записки [1848—1850]).

Каким чудом человек, которого ожидает смерть, соглашается делать то, что он делает на этой земле? <...>

Они утверждали, что не нуждаются в Боге, поэтому они нуждались в тиране (*фр.*).

[899] Психиатрическая больница в Москве на Загородном шоссе, д. 2 основана в 1893 г. (до 1922 г. им. Н.А. Алексеева, в 1922—1994 гг. им. П.П. Кащенко).

[900] См.: [*Finden E.*] Finden's illustrations of the life, and works of lord Byron. V. 1—3. L., 1833—1834.

[901] Из стихотворения А.Н. Плещеева «Вперед, без страха и сомненья...» (1846); в свою очередь, этот стих является парафразом: Мф. 25: 26.

[902] шурина (*фр.*).

[903] В РНБ документов о такой передаче не обнаружено.

[904] Подлинные документы своих предков Толстой при жизни передал В.Д. Бонч-Бруевичу для Государственного Литературного музея.

[905] Цитаты из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» Пушкина.

[906] Почти точная цитата из стихотворения Ф. Тютчева «29-е января 1837» (1837).

[907] Шапорина с искажениями воспроизводит фрагмент мужского варианта (был и женский) песни «La petite Tonkinoise» («Маленькая тонкинка») на слова Ж. Виллара и музыку В. Скотто (1906) о французском солдате, наслаждающемся «раем маленьких женщин», который представляет собой Тонкин (северная часть Вьетнама, с 1884 г. находившаяся под протекторатом Франции); эта песня упоминается в стихотворении Гумилева «Разговор» (1913).

[908] Съезд состоялся 18—23 мая.

[909] Снотворное.

[910] Один из римских холмов.

[911] Психиатрическая больница № 3 на Фермском шоссе, д. 36.

[912] В фонде Шапориной (ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 26) имеется неоконченная отрывочная запись от 21 июня 1960 г., свидетельствующая о том, что ей удалось побывать у брата Александра в Женеве (вернулась 30 апреля 1960 г.).

[913] чувствителен (*фр.*).

[914] Опера М.П. Мусоргского (1869, 2-я ред. 1872), поставленная с Ф.И. Шаляпиным в заглавной роли в 1898 г.

[915] Опера А.П. Бородина с Шаляпиным была поставлена в 1914 г.

[916] Возможно, Шапорина ошиблась: Шаляпин пел партию Кончака.

[917] Парижское русское издательство, выпускавшее книги в 1926—1939 и 1948—1974 гг.

[918] После XX съезда КПСС появились предложения удалить тело Сталина из Мавзолея (см. в аналитической записке для ЦК КПСС: Реабилитация: Как это было: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 173—176). Это было осуществлено по окончании XXII съезда КПСС (17—31 октября 1961 г.) в ночь на 1 ноября; Сталин был захоронен у Кремлевской стены.

[919] Из одноименной повести Гоголя (1835).

[920] Опера А.С. Даргомыжского «Русалка» (1855) с Шаляпиным в партии Мельника была поставлена в 1894 г.

[921] Пьеса была поставлена И.С. Ольшвангером в Театре им. Комиссаржевской в марте 1961 г.

[922] Парижский журнал (изд. с 1829 г.).

[923] «Он пришел, великий Скиф!» (*фр*.).

[924] «Маленький принц» Сент-Экзюпери: «Прощай, сказал лис, вот мой секрет. Он очень прост. Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь. Люди забыли эту истину. Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» (*фр*.; перевод Н. Галь).

[925] Имеется в виду рассказ Чехова «Спать хочется» (1888).

[926] Нововолковское кладбище на ул. Салова, д. 80; возникло рядом с братскими захоронениями периода Великой Отечественной войны; закрыто в 1964 г.

[927] См.: Три танских поэта. Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу: Триста стихотворений / Пер. А.И. Гитовича. М., 1960.

[928] «Я видела смерть множества людей, говорит моя сестра. Страх, который я вижу у тех, кто умирает без веры, один из моих главных побудительных мотивов, я думаю. Мне кажется, что монастырь есть единственное место на земле, где в наше время остается еще немного веры. Можно сказать, что это сопротивление Господа Бога» (*фр*.).

[929] «История монахини» Катерины Халм, перевод с американского Колетт Юэ (*англ., фр*.).

[930] В декабре 1962 г. Хрущеву было направлено письмо группы деятелей литературы и искусства с выражением обеспокоенности по поводу возвращения страны к сталинизму. 17 декабря Хрущев в сопровождении членов правительства приехал в выставочный зал Манеж на выставку, организованную к XXX-летию Московского союза художников, и обрушился с грубой критикой на ряд художников и скульпторов. Наконец, 8 марта 1963 г. Хрущев выступил с очередными нападками на писателей, композиторов и художников на встрече с ними руководителей КПСС и правительства.

[931] В октябре 1962 г. в связи с размещением с августа на Кубе советских ракет и военнослужащих возник так называемый Карибский кризис: обострение отношений между СССР и США (в итоге США сняли прежде предпринятую блокаду Кубы, а СССР демонтировал и вывез ракеты).

[932] Речь идет о 13-й симфонии Шостаковича с хором на слова поэмы Евтушен-

ко «Бабий Яр». Премьера состоялась 18 декабря 1962 г. в Большом зале Московской консерватории. После многочисленных критических откликов не исполнялась в 1964—1965 гг.

[933] Хрущев ругал «Бабий Яр» (Литературная газета. 1960. 19 сент.).

[934] Критике подверглись мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (Новый мир. 1960. № 8—10; 1961. № 1—2, 9—11; 1962. № 4—6; 1963. № 1—3).

[935] Хрущев резко отозвался о путевых записках В. Некрасова «По обе стороны океана» (1962).

[936] На знаке V запись обрывается. 8 марта в Кремле происходила встреча Хрущева с творческой интеллигенцией, на которой в адрес Эренбурга прозвучали крайне резкие выпады (Эренбург при этом демонстративно покинул зал); после этого Эренбург получил немало писем в свою поддержку, но каких-либо публичных выступлений, заявлений или обращений к властям в его защиту не последовало.

[937] Выписка из книги А. Труайя «Свет праведных. София, или Конец борьбы» (1959—1963).

[938] Возможно, речь идет о книге «Зимние послания друзьям» (М.; Л., 1965), но ее можно назвать второй лишь по отношению к незадолго до этого вышедшей книге Гитовича «Звезда над рекой» (М.; Л., 1962), вообще же к этому времени у Гитовича было опубликовано не менее пятнадцати оригинальных стихотворных книг.

[939] На 3 мая 1963 г. был назначен пленум ЦК КПСС по вопросу «Очередные задачи идеологической работы партии», но он дважды переносился (состоялся 18—21 июня).

[940] Имеется в виду цикл «Пикассо» в книге Гитовича «Звезда над рекой».

[941] Ежедневная вечерняя римская газета (изд. с 1949 г.).

[942] Стихотворение «Пикассо» из одноименного цикла стихов Гитовича.

[943] Книга Стравинского «Хроника моей жизни» все-таки вышла в том же году в Ленинграде тиражом 25 тыс. экз.

[944] И. Эренбург получил международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» в 1952 г.

[945] Роман вышел в 1947 г. и в дальнейшем многократно переиздавался.

[946] Эммануэль Д'Астье. О Сталине (*фр.*) (1963).

[947] И смирно и чутко я буду лежать [как на страже, в гробу] (*нем.*; пер. М. Михайлова). Неточная цитата из стихотворения Г. Гейне «Гренадеры» (1817—1821).

[948] Самый страшный ужас — это человек в своем заблуждении (*нем.*).

[949] Из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого: «Севастополь в декабре месяце» (1854).

[950] Одноактная опера-пародия «Вампука, невеста Африканская» на музыку и либретто В.Г. Эренберга была поставлена в петербургском театре «Кривое зеркало» 19 января 1909 г.

[951] Кладбище «Памяти жертв 9-го января» на Проспекте 9 января, д. 4; основано в 1872 г.; до 1925 г. Преображенское.

[952] Воспроизводятся стихотворения Тагер: см. запись от 4 февраля 1952 г.

[953] Всего 53 письма: 48 за 1946—1956 гг. в ОР РНБ (Ф. 1086. № 31—34); 5 за 1957—1963 гг. в РО ИРЛИ (Ф. 698. Оп. 2. № 81).

[954] 14 октября Хрущев был снят с поста Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров (эти посты заняли, соответственно, Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин).

[955] Из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

[956] Косыгин работал мастером в 1935—1937 гг. на Ленинградской ткацко-красильной фабрике им. А.И. Желябова.

[957] Гонения на церковь активизировались с 1958 г.: 10 октября были приняты постановления Совета министров «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Это был способ экономического удушения монастырской жизни; в ноябре—декабре того же года стали закрывать храмы и предприняли цензорскую чистку церковных библиотек. В 1960—1963 гг. ЦК КПСС и Совет министров приняли еще несколько постановлений, ограничивавших свободу вероисповедания и отправления религиозных обрядов, а XXIII съезд КПСС в октябре 1961 г. указал на необходимость усиления антирелигиозной пропаганды. В 1964 г. в высших учебных заведениях был введен курс «Основы научного атеизма». Продолжалось закрытие монастырей.

[958] Сент-Экзюпери: «Планета людей»

Самолет и планета:

Мои грезы куда реальнее, чем эти дюны, чем луна, чем все эти достоверности. Да, не в том чудо, что дом укрывает нас и греет, что эти стены — наши. Чудо в том, что незаметно он передает нам запасы нежности — и она образует в сердце, в самой его глубине, неведомые пласты, где, точно воды родника, рождаются грезы...

Сахара моя, Сахара, вот и тебя всю заворожила старая пряха! (*фр.*; пер. Н. Галь). Роман известен также в другом переводе под заглавием «Земля людей» (1939).

[959] дом (*англ.*).

[960] На острове Св. Елены в плену у англичан провел последние годы жизни Наполеон.

[961] 10 февраля был концерт Республиканской хоровой капеллы под рук. А.А. Юрлова. В 1-м отд. исполнялись Тройная фуга ми-бемоль мажор Баха и Маленькая месса для хора и органа Моцарта (первое исполнение в Ленинграде); во 2-м отд. — «Свадебка» И.Ф. Стравинского, хореографические сцены для хора, солистов, 4 фортепиано и ударных.

[962] промахи (*фр.*).

[963] «Я не могу представить, что коммунист с безразличием выслушивает приговор, вынесенный в Москве по делу Синявского — Даниэля. Это событие серьезное по своей значимости, особенно для Франции. Приговор на семь и пять лет в каторжные работы был вынесен этим людям только за то, что они написали и опуб-

ликовали тексты, которые с точки зрения обвинения являются антисоветской пропагандой. Обвиняемые протестовали против этого приговора.

...уверить, что неправильное мнение — это мнение преступное, означает создать прецедент более опасный для интересов социализма, чем могли бы сделать работы Синявского и Даниэля. Есть основания опасаться, что могут предположить, будто такой род судебной процедуры присущ природе коммунизма» (*фр*.).

[964] «Не нам диктовать такой большой дружественной стране, как ей себя вести; но мы поступили бы непростительно, если бы не высказали свое мнение» (*фр*.). Шапорина приводит фрагменты статьи Л. Арагона «По поводу одного процесса» в газете Французской коммунистической партии «L'Humanité» за 16 февраля 1966 г. Статья посвящена судебному процессу над А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем за публикацию ими за границей литературных произведений «антисоветского содержания»; 12 февраля 1966 г. они были приговорены, соответственно, к 7 и 5 годам заключения в лагерях строгого режима.

[965] Имеется в виду осуждение в ноябре 1965 г. за «антисоветскую агитацию и пропаганду» группы бывших студентов Технологического института (В.Е. Ронкина, С.Д. Хахаева и др. — всего 9 человек), выпускавших самиздатский журнал «Колокол» и распространявших листовки.

[966] Воспоминания Гаген-Торн были опубликованы гораздо позже: *Гаген-Торн Н.И.* Memoria / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М., 1994.

[967] «шквал» (*фр*.).

[968] Ахматова находилась в московской Боткинской больнице с ноября 1965 г. по 19 февраля 1966 г. Умерла в Москве 5 марта. Похоронена в Комарове 10 марта. В Записной книжке Ахматовой упомянуты не отмеченные Шапориной в дневниках их встречи 29 августа 1964 г. в Комарове, 4 января и 26 февраля 1965 г. в Ленинграде (см.: *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 308—309).

[969] В 1964 г. Ахматовой была присуждена международная литературная премия «Этна-Таормина», за получением которой она летала в Италию, в сицилийский город Таормина.

[970] Альбер Камю. Бунтующий человек. Современный социализм стремится создать своего рода мирской иезуитизм, превратить всякого человека в средство. Это ведет к такому духовному рабству, какого еще не видел мир. Благосостояние — вот чего желает современный социализм.

Бунт обрубает свои собственные корни и отказывается от всякой конкретной морали — это одна из альтернатив XX века.

Все то что было

Богово, отныне будет отдано Кесарю.

Ловко сработанное преступление превратится в

своего рода избранничество, и мошенники окажутся в Ноевом Ковчеге (*фр*.). Шапорина цитирует эссе Камю «Бунтующий человек» (1951).

[971] Этот фрагмент (с ошибкой в указании месяца дневниковой записи Шапориной: февраль вместо января) приведен в статье: *Разумов А.Я.* Дела и допросы //

«Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., 2006. С. 255. Ахматова рассказала о ее допросе в качестве свидетеля в Военной прокуратуре Ленинградского военного округа 7 марта 1957 г. в связи с проверкой и пересмотром дел репрессированных.

[972] См., соответственно: Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 185—195; Звезда. 1973. № 2. С. 207—215.

[973] Анри Труайя. Биография Пушкина.

«Пушкин любил жизнь с неистовством, с неосмотрительностью. Именно из-за того, что он слишком любил жизнь, он так рано умер» (*фр.*). Из книги Труайя «Пушкин» (1946).

За пятнадцать лет

Л.В. Шапорина дважды, в 1940 и 1944 гг., начинала писать работу по истории кукольных театров в России, часть которой должны были составить ее воспоминания об организации и деятельности собственного Театра марионеток, но оба раза не довела эту работу до конца (автографы нескольких вариантов и фрагменты машинописи см.: РО ИРЛИ. Ф. 689. Оп. 1. № 7, 8). Публикуемые воспоминания написаны Шапориной в 1957 — начале 1958 г., как можно предположить, по просьбе кого-то из историков театра в преддверии научной сессии по вопросам театроведения, состоявшейся в Москве 21—25 апреля 1958 г. (после этой сессии началась работа по созданию на основе обширной документальной базы истории советского театра). В одном из томов были напечатаны фрагменты публикуемых воспоминаний Шапориной со ссылкой на автограф в ее личном архиве (Советский театр. Документы и материалы: Русский советский театр. 1917—1921. [Л.], 1968. С. 287—289). В настоящее время в архивных фондах Шапориной этот автограф не обнаружен. Данная публикация осуществлена по машинописи с авторской правкой: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 9. Конъектуры публикатора даны в прямых скобках.

[1] Речь идет про Петроградский театр марионеток.

[2] Имеется в виду Театр марионеток, организованный в 1916 г. в Петрограде супругами Ю Л. Слонимской и П.П. Сазоновым и давший в этом году с 15 февраля несколько представлений, — сначала в собственном доме семьи Гаушей на Английской наб., д. 74/2, а затем по адресу: ул. Баскова, д. 2.

[3] Правильно: Школа сценического искусства, основанная А.П. Петровским в Петербурге в 1908 г.

[4] В разделе «Хроника» было сказано, что Л. Яковлева перевела эту пьесу; см.: 1914. № 1. С. 64.

[5] К.К. Тверской был членом редколлегии, но не публиковался в журнале «Любовь к трем апельсинам».

[6] земля неизведанная (*лат.*).

[7] Имеется в виду Государственный Народный дом им. К. Либкнехта и Р. Люксембург (бывш. Народный дом имп. Николая II) по адресу: Александровский парк, д. 4 (в 1923—1991 гг. парк Ленина).

[8] Блонды (от *фр.* blonde — золотистая, рыжеватая) — кружево из шелка-сырца золотистого, а также белого или черного цвета.

[9] Первый Петербургский каменный цирк на наб. реки Фонтанки, д. 3.

[10] См. этот цикл в кн.: *Кузмин М.* Стихотворения. Из переписки / Сост. Н.А. Богомолов. М., 2006.

[11] *Лачинов Вл.* Кукольный театр // Жизнь искусства. 1919. № 210. 8 авг.

[12] *Державин К.* О смысле Кукольного театра // Жизнь искусства. 1920. № 419/421. 11/13 апр.

[13] Цитируется стихотворение С. Есенина «Русь уходящая» (1924).

[14] Имеется в виду павильон «Кофейный домик» в Летнем саду на наб. реки Фонтанки, построенный в 1826 г. по проекту К. Росси.

[15] Театр художественного дивертисмента был создан по решению Петроградского театрального отдела Наркомпроса в 1919 г.; в 1920 г. преобразован в Театр Народной комедии под руководством С.Э. Радлова.

[16] Первое представление одноактной пьесы М. Горького «Работяга Словотеков» состоялось 16 июня 1920 г.

[17] См.: *Мовшенсон А.* «Проделки Смеральдины» // Жизнь искусства. 1920. № 643/645. 28—30 дек.

[18] Здесь хронологическая неточность: Шапорина имеет в виду Всероссийский профессиональный союз работников искусств (ВСЕРАБИС или РАБИС), выделенный в мае 1922 г. из учрежденного в июле 1919 г. Всероссийского Союза работников просвещения и социалистической культуры.

[19] *Нератов А.* «Вий» в Кукольном Театре // Жизнь искусства. 1920. № 622/624. 3/5 дек.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В указатель не внесены лица, упомянутые только в тексте предисловия и комментариев, а также мифологические и литературные персонажи.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК. 1946—1967

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шапорина Любовь Васильевна

ДНЕВНИК 1946—1967

Дизайнер
С. Тихонов
Редактор
А.И. Рейтблат
Корректор
Л.Н. Морозова
Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

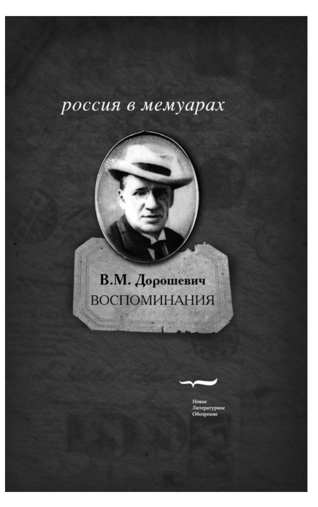
ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»
Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 40. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2008 г.

Серия «**Россия в мемуарах**»

В. Дорошевич
ВОСПОМИНАНИЯ

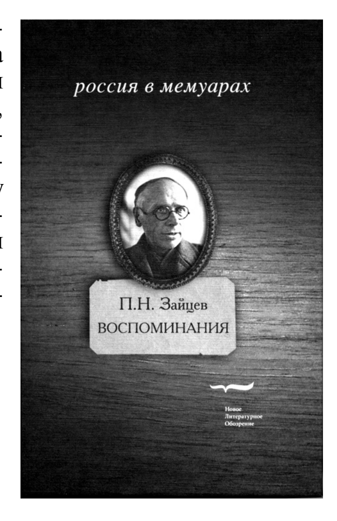
Впервые в одном томе собраны ранее печатавшиеся преимущественно в газетах воспоминания «короля русской журналистики» Власа Дорошевича (1865—1922). Перед читателями проходят сочно и с юмором описанные сцены жизни Москвы последней трети XIX века, портреты предпринимателей, политических деятелей, ученых, актеров, преступников, писателей и журналистов. С иронией пишет Дорошевич и о себе — об учебе в гимназии, попытках сделаться актером, первых журналистских опытах.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2008 г.

Серия «**Россия в мемуарах**»

П.Н. Зайцев
ВОСПОМИНАНИЯ

Издательский работник и литератор Петр Никанорович Зайцев (1889—1970) в течение ряда лет был близким другом и помощником Андрея Белого, о чем и оставил подробные мемуары, впервые публикуемые полностью в данной книге. Существенно дополняет их и представленная в качестве приложения переписка между Зайцевым и Белым. В том включены также воспоминания автора о литераторах, с которыми ему доводилось встречаться (В. Брюсов, В. Маяковский, С. Есенин, М. Булгаков, М. Цветаева, А. Ахматова и др.).

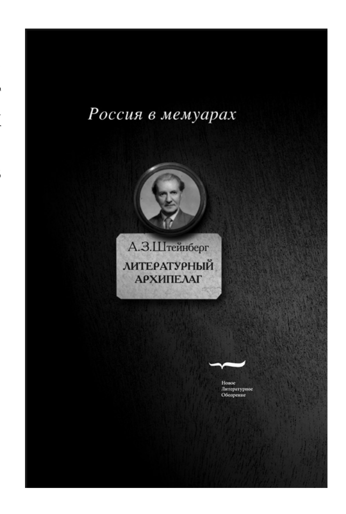

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

Серия «**Россия в мемуарах**»

А.З. Штейнберг
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИПЕЛАГ

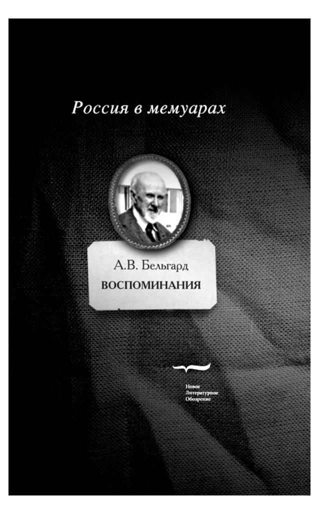
Воспоминания философа и общественного деятеля Аарона Захаровича Штейнберга (1891—1975) «Литературный архипелаг» воссоздают духовные искания в советской России первых послереволюционных лет, описывают деятельность Вольной философской ассоциации в Петрограде и общение автора с русскими поэтами, писателями и философами: А. Блоком, Андреем Белым, Л. Шестовым, Е. Замятиным, М. Горьким и др.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

Серия «**Россия в мемуарах**»

А.А. Бельгард
ВОСПОМИНАНИЯ

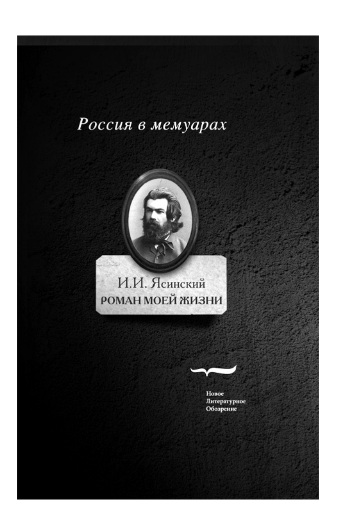

Алексей Валерианович Бельгард (1861–1942) входил в административную элиту императорской России начала XX века. Впервые публикуемая на русском языке книга его мемуаров (первая ее часть выходила по – эстонски) охватывает два периода его деятельности: губернатором в Эстляндской губернии (1902–1905) и начальником Главного управления по делам печати (1905–1912). Хорошая осведомленность о закулисной стороне национальной и цензурной политики царского правительства, внимание к деталям делают воспоминания Бельгарда ценным источником по истории России начала XX века. Среди героев книги император Николай II и императрица Александра Федоровна, крупные чиновники В. К. Плеве, Д. Ф. Трепов, А. А. Лопухин, В. И. Гурко и др.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2010 г.

Серия «**Россия в мемуарах**»

И.И. Ясинский
РОМАН МОЕЙ ЖИЗНИ:
Книга воспоминаний Т. 1—2 .

Репутация известного писателя и журналиста последней трети XIX — начала XX вв. Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850—1931) была весьма противоречивой: слишком часто он менял ориентации: от народничества к монархическому популизму, а затем к ницшеанству и марксизму, и от социальной беллетристики к «искусству для искусства», а затем к пролетарской литературе. Пытаясь представить свою жизнь в положительном свете, он написал впервые публикуемые в полном объеме воспоминания «Роман моей жизни» (в 1926 г. печаталась сильно сокращенная их версия), где дал широкую панораму русской жизни (быт студентов и крестьян, освободительное движение, журналистика, Первая мировая война, спорт и т.д.). Особое внимание уделено литературе (книга содержит портреты И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, К.М. Фофанова, С.Я. Надсона, В.М. Гаршина и многих дру-

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94
«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66
ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74
Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре
Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45
«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу
«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж т. (495)973-32-82
«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01
«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09
«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46
«Фаланстер» — М. Гнездниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:
Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04
«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08
«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59
«Книжная лавка» в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87
«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84
«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11
Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, т. (812) 232-33-07

«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53
«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА), т. (812)310-50-36
«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;
ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:
«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:
«Галерея»

в Красноярске:
«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:
«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:
ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.
ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:
ООО «АВР» — т. (044)273-64-07
Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com)
ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423), т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02
Книжный рынок «Петровка», Павел Швед, т.: + 38(068) 358-00-84

в Стокгольме:
Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm,
т. 08-651-11-47

а также в Интернете:
www.bolero.ru
http://lavkababuin.com
www.mkniga.com
www.ozon.ru